

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

ДК
56
В42

ВИЗАНТИЙСКИЙ
ВРЕМЕННИК

Том XII

519/6

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА—1957

СТАТЬИ И ИССЛЕДОВАНИЯ

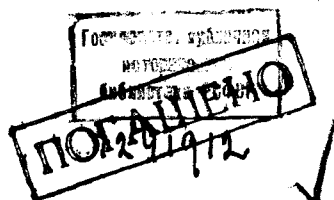
Е. Ч. СКРЖИНСКАЯ

О СКЛАВЕНАХ И АНТАХ, О МУРСИАНСКОМ ОЗЕРЕ
И ГОРОДЕ НОВИЕТУНЕ

(Из комментария к Иордану)

РЕДАККОЛЕГИЯ:

академик *Е. А. Косминский* (отв. редактор), *Б. Т. Горянов*,
член-корреспондент АН СССР *П. В. Ернштедт*,
член-корреспондент АН СССР *В. Н. Лазарев*,
Е. Э. Липшиц, *Г. Г. Литаврин* (отв. секретарь),
член-корреспондент АН СССР *Н. В. Пигулевская*,
Е. Ч. Скржинская, *М. Я. Сюзюмов*,
З. В. Удальцова (зам. отв. редактора)

Дурно написанное, не всегда последовательно построенное, неприятное туманностью языка и трудностью шаткого синтаксиса знаменитейшее сочинение Иордана, называемое для удобства «*Getica*»¹, исключительно богато ценными историческими сообщениями, нередко темными или до неясности краткими, но при этом иногда и единственными.

Сведения о славянах относятся именно к подобным редким и досадно немногословным сообщениям. Их очень немного. Это не страницы, это только строки. Задача историка — поглубже вникнуть в их смысл, сочетать его с данными других источников и как можно подробнее, но с крайней осторожностью, раскрыть скупое содержание.

Едва ли можно согласиться с утверждением некоторых ученых, которые пишут о «явной недоброкачественности письменных источников вроде Иордана», или даже об отсутствии какой-либо ценности текста того же автора, как исторического источника². Наоборот, собственно все — великолепные по своему числу, объему и разнообразию — источники V—VI вв., а среди них и труд Иордана, в большей части своего содержания, и каждый по-своему, достоверны, но порой трудны для глубокого исторического анализа.

Как-то при кропотливой работе над важным раннесредневековым памятником, чрезвычайно лаконичным, но неизменно замутненным разного рода абстрагированием, перед одним историком, поразительно пронизательным в понимании средневековых текстов, встал тревожный вопрос: «оживут ли эти мертвые кости?» Перед берущим для исследования текст Иордана этот же вопрос встает неоднократно и тем острее, чем нужнее серьезное объяснение ряда мест из «*Гетик*»³.

¹ *Jordanis Romana et Getica*. Rec. Th. Mommsen. MGH, Auct. ant., t. V, 1, 1882.

² Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 48; L. Hauptmann. Les rapports des Byzantins avec les Slaves et les Avars pendant la seconde moitié du VI s. Byz., IV, 1927—1928, p. 141.

³ Как известно, — что явствует из предисловия автора, — Иордан не был самостоятелен в своем труде, представляющем лишь сокращение обширной хроники Кассиодора (ум. после 583 г.), посвященной истории готов и не сохранившейся до нашего времени. Трудно или даже невозможно выделить ту долю самостоятельно добавленного материала, которую Иордан, вероятно, все же внес в свою, в основном сознательно-компилятивную работу. Главное в ней, несомненно, принадлежит Кассиодору, и потому во всех случаях, когда мы говорим об авторе «*Гетик*» и о его сообщениях, следует, помимо Иордана, подразумевать и его непосредственный источник, а именно — хронику Кассиодора.

*
*
*

О славянах — венетах, склавенах и антах — Иордан записал в «Гетиках» следующее:

§ 34: «... у левого их («Альп», т. е. Карпат. — Е. С.) склона, спускающегося к северу, начиная от места рождения реки Вистулы, на безмерных пространствах расположилось племя Венетов. Хотя их наименования теперь меняются соответственно различным родам и местностям, все же преимущественно они называются Склавенами и Антами»⁴.

§ 35: «Склавены живут от города Новьетуна и озера, именуемого Мурсианским⁵, до Данастра, а на север — до Висклы; вместо городов у них болота и леса. Анты же — сильнейшее из обоих племен — распространяются от Данастра до Данапра, там, где Понтийское море образует излучину; эти реки удалены одна от другой на расстояние многих переходов»⁶.

§ 119: «После поражения Герулов Германарих двинул войско против Венетов, которые, хотя и были достойны презрения по поводу своего несовершенного оружия, однако могущественные многочисленностью, пробовали сначала сопротивляться. Но ничего не стоит великое число неподготовленных к войне, особенно в том случае, когда и бог попускает, и множество вооруженных подступает».

«Эти Венеты, как мы уже рассказывали в начале нашего изложения, а именно в перечне племен, происходя от одного корня, ныне известны под тремя именами — Венетов, Антов, Склавенов. Хотя теперь, по грехам нашим, они свирепствуют повсеместно⁷, но тогда все они подчинились власти Германариха»⁸.

§§ 247—249: [Винитарий, король Остроготов] «с горечью переносил подчинение гуннам. Понемногу освобождаясь из-под их власти и пробуя проявить свою силу, он двинул войско в пределы антов, и, когда вступил туда, в первом сражении был побежден, но в дальнейшем стал действовать

⁴ «... iuxta quorum sinistrum latus, qui in aquilone vergit, ab ortu Vistulae fluminis, per immensa spatia Venetharum natio populosa consedit. Quorum nomina, licet nunc per varias familias et loca mutantur, principaliter tamen Sclaveni et Antes nominantur».

⁵ Еще один раз Иордан называет Мурсианское (или Морсианское) озеро в § 30: «Скифия погранична с землей Германии вплоть до того места, где рождается река Истр и простирается Морсианское озеро» (Scythia si quidem Germaniae terrae confines [sic] eo tenus, ubi Ister oritur amnis vel stagnus dilatatur Morsianus).

⁶ «Sclaveni a civitate Novietunense et laco qui appellatur Mursiano usque ad Danastrum et in boream Viscla tenus commorantur; hi paludes silvasque pro civitatibus habent».

Antes vero qui sunt eorum fortissimi, qua Ponticum mare curvatur a Danastro extenduntur usque ad Danaprum, quae flumina multis mansionibus ab invicem absunt».

⁷ Это горестное сетование на тяжесть последствий от набегов антов и склавенов на империю в его время повторяется Иорданом в конце другого его сочинения, условно именуемого «Романа» (§ 388, р. 52): «Таковы бедственные события в Римском государстве, не говоря уж об ежедневном упорном нажиме со стороны булгар, антов и склавенов» (Hi sunt casus Romanae rei publicae preter instantia cottidiana Bulgarorum, Antium et Sclavinorum).

⁸ «Post Herulorum cede item Hermanaricus in Venethos arma commovit, qui quamvis armis despecti, sed numerositate pollentes, primum resistere conabantur. Sed nihil valet multitudo imbellium, praesertim ubi et deus permittit et multitudo armata advenerit».

Nam hi [Venethi], ut in initio expositionis vel catalogo gentium dicere coepimus, ab una stirpe exorti, tria nunc nomina ediderunt, id est Venethi, Antes, Sclaveni; qui quamvis nunc, ita facientibus peccatis nostris, ubique geseviunt, tamen tunc omnes Hermanarici imperiis servierunt».

решительнее и казнил распятием короля их, по имени Божа, с сыновьями его и с семьюдесятью старейшинами, как пример для устрашения, чтобы трупы повешенных удвоили страх покоренных...

Но с такой свободой повелевал он [Винитарий] едва в течение одного года; этого положения не потерпел Баламбер, король Гуннов; ... он повел войско на Винитария. Долго они бились; в первом и во втором сражениях победил Винитарий. Едва ли кто в силах припомнить побоище, подобное тому, которое устроил Винитарий в войске Гуннов. Но в третьем сражении, когда оба противника приблизились один к другому, Баламбер, подкравшись к реке Эрак, пустил стрелу и, ранив Винитария в голову, убил его; затем он взял себе в жены племянницу его Вадамерку и с тех пор властвовал в мире над всем покоренным племенем Готов»⁹.

Весьма краткое сообщение Иордана о склавенах, — а они были несколько более, чем анты, известны людям из Константинополя, с Балканского полуострова или из Италии, — сводится исключительно к определению границ занятой ими территории. Однако и это, казалось бы, четкое свидетельство о местах расселения крупного племени или объединения ряда родственных славянских племен, об их пределах с запада и с востока, до сих пор не может считаться бесспорно выясненным; оно продолжает оставаться неуточненным и даже как будто противоречивым. Если рассматривать это известие, сохраненное писателем, хорошо осведомленным о так называемом варварском мире своего времени, изолированно от других источников, — а так делали многие историки, — то ответ на вопрос о границах распространения склавенов оказывается случайным и непрочным, основанным на подборе подходящих объектов (здесь — озеро и город) или их названий. Однако и эта работа ряда ученых, которую нельзя назвать предварительной, помогла в дальнейшем развитии вопроса, которое теперь должно идти по пути сопоставления скупого текста Иордана с другими текстами одновременных ему источников V—VI вв.

О Мурсианском озере Иордан упомянул дважды. В первом случае оно связывается с указанием западных границ Скифии и названо stagnus (§ 30), во втором — с определением границ распространения склавенов и названо lacus. С первым термином соединяется представление о как бы стоячей воде, т. е. не о потоке, а об обширном водоеме, о водной глади, в виде пруда или озера. Болото, как правило, обозначается термином palus. Так про склавенов Иордан сообщает, что живут они среди болот и лесов (paludes silvasque), но границей их является именно озеро (lacus)¹⁰, в ином

⁹ Jordanis Romana et Getica, p. 121—122: «... tamen aegre ferens Hunnorum imperio subiacere, paululum se subtrahens ab illis suaque dum nititur ostendere virtute, in Antorum fines movit procinctum, eosque dum adgreditur prima congressione superatus, deinde fortiter egit regemque eorum Boz nomine cum filiis suis et LXX primatibus in exemplum terroris adfixit, ut dediticiis metum cadavera pendentium geminant. Sed dum tali libertate vix anni spatium imperasset [Vinitharius], non est passus Balamber rex Hunnorum... qui super Vinitharium duxit exercitum; diuque certati primo et secundo certamine Vinitharius vincit. Nec valet aliquis commemorare, quanta strage de Hunnorum Venetharius fecit exercitu. Tertio vero proelio subreptionis auxilio ad fluvium nomine Erac, dum utrique ad se venissent, Balamber sagitta missa caput Venetharii saucians interemit, neptemque eius Vadamercam sibi in coniugio copulans, iam omnem in pace Gothorum populum subactum possedit».

¹⁰ Неясно, в отчетливом ли смысле употребляет Иордан слово lacus. Например, о Пелсо он два раза говорит lacus (§ 268 и 274); то же самое о крупном озере в Италии — Тразименском — около Перуджи (Rom., § 187). Конечно, Мэотиду Иордан называет «болотом» — Maeotis или Maeotida palus (§ 38, 44, 117, 123, 124), но в этом он следует античной традиции. Название Мэотиды, как болота, родилось, надо думать, в результате первоначального знакомства с ее берегами, особенно восточными, где на десятки километров тянется весьма широкая полоса плавней: они-то и произ-

случае названное *stagnus*. Кроме Иордана вышеупомянутое название озера не встречается ни у одного из известных нам авторов. Примечательно то, что Иордан называет Мурсианское озеро вместе с неким городом Новиетун. В локализации как озера, так и города до сих пор нет согласия между исследователями, хотя вопрос о том, где они находились и, следовательно, о том, где пролегал предел распространения склавенов в середине VI в., интересовал историков более двух столетий и продолжает интересовать до сих пор.

Остановимся на некоторых появившихся в научной литературе предположениях¹¹.

Карамзин (1766—1826) ссылаясь на немецких исследователей XVIII в. и дав перевод отрывка текста Иордана (соответствующего § 35 по изданию Моммзена), пояснил, что «сей Новый город (по изданию, которым пользовался Карамзин, латинский текст был таков: *a civitate nova*. . .) существовал в Мизии, не далеко от болот Эссекских или Мурсийских»¹². В городе, который Карамзин принимал за город «Новый», *civitas Nova*, он видел известный город Новы (*Novae*) в Нижней Мезии, на правом берегу Дуная, ниже впадения в него р. Олта. Таким образом, толкование Карамзина сводилось к признанию западной границей расселения склавенов области около города Мурсы (нын. Осиек, *Osiék* или Эсек, *Eszek* по-венгерски) и впадения реки Дравы в Дунай, где простирались обширные болота, известные в III—IV вв. н. э. под именем *Hiulca palus* (т. е. поглощающая, засасывающая трясина или топь). Эта заболоченная низменность соприкасалась с городами: Цибалы (*Cibalae*, нын. Винковци) и Мурса на нижней Драве; она упомянута тремя авторами разных эпох: Дионом Кассием (II в.), Аврелием Виктором (IV в.) и Эннодием (VI в.), но ни один из них не относит к этим пространственным болотам имени Мурсианского озера¹³.

Вскоре после Карамзина по вопросу о Мурсианском озере высказался известный чешский славист Павел Иосиф Шафарик (1795—1861). Указав на то, что возможно предполагать в Мурсианском озере «болото у города *Mursa*», он тотчас же опроверг такое предположение и принял, как более вероятное, отождествление загадочного озера с «озером Рамзин (Разелм) на южном рукаве Дуная»¹⁴. В связи с ниже-дунайской локализацией Мурсианского озера Шафарик останавливается и на ниже-дунайском Новиодуне, отождествляя этот город с нын. городом Исакча на правом берегу Дуная, несколько выше разделения его на рукава дельты. Таким образом, толкование Шафарика вводило новое объяснение географических

вводят впечатление огромного болота. Однако у Помпония Мелы, наряду с общепринятым названием (например: *inter Pontem Paludemque ad Bosphorum*. . . I, 112) Мэотида называется и озером, *lacus* (I, 14, 113). Константин Порфирородный (*De adm. imp.*, сар. 42, в общем заглавии) предлагает называть Мэотиду морем, *η θάλασσα*.

¹¹ В указанной статье Л. Хауптманна приведены многочисленные примеры высказываний относительно места, где могло находиться Мурсианское озеро. Первым в этом перечне назван ректор утрехтского университета, филолог и историк П. Весселинг (*P. Wesseling*, 1692—1764), который затронул вопрос о Мурсианском озере в сочинении «*Vetera Romanorum itinera*», вышедшем в Амстердаме в 1735 г.

¹² Н. М. Карамзин. История Государства Российского, т. 1, изд. 2-е, 1818, стр. 19, прим. 43.

¹³ *Dio Cass.*, LV, 32, § 3 (ed. Melber, t. III, p. 208—209); *Aurel. Vict. Epit.* 41, § 5 (ed. Pichlmayr, p. 166); *Ennod. Panegy. regi Theodorico*, § 28 (ed. Vogel, p. 205). В этих трех сочинениях даны названия: *Cass.* — «*Ὀβόλκαια ἔλη*», *Vict.* — «*Hiulca palus*», *Ennod.* — «*Ulca fluvius*».

¹⁴ См. русский перевод сочинения Шафарика «*Slovanské Starožitnosti*» — «Славянские древности», т. I, кн. I. М., 1837, стр. 116 и т. II, кн. III. М., 1848, прилож., стр. 35.

имен, которыми Иордан ограничил область расселения склавенов; по Шафарика Иордан имел в виду только низовья Дуная.

Полностью принял предположение Шафарика о том, что город Новиетун и Мурсианское озеро совпадает с гор. Исакча и озером Разелм («Рамзин, Рассельм и пр.») южнее дельты Дуная, Ф. Брун в статьях 1854 и 1874 гг.¹⁵ Он подчеркнул: «не при Мурзии на Драве, но при озере Рамзин».

Однако мысль о Мурсианском озере, как о связанном своим именем с городом Мурсой (нын. Осек) на Драве, не была оставлена. В статье «О времени славянских поселений на нижнем Дунае» Р. Рёслер¹⁶ относит называемое Иорданом озеро только к болотам при впадении Дравы в Дунай, получившим, по всей вероятности, наименование от близлежащего города Мурсы. Ввиду того, что Рёслер не придерживался правильного чтения *civitate Novietunense*, то он так же, как и Карамзин, исходил не из названия «Новиетун», «Новиодун», а из имени города *Novae*, т. е. «Новы» в Нижней Мезии.

Сблизил эти точки зрения Моммзен, издатель текста Иордана в 1882 г. Он считал, что город Новиетун (такое чтение было основано на лучших списках труда Иордана) не может быть ничем иным, как Новиодуном Нижней Мезии, близ дельты Дуная (т. е. нын. г. Исакча). Но Мурсианское озеро Моммзен искал не поблизости от Новиодуна — Исакчи, а около города Мурсы на Драве. Здесь, вдоль нижнего течения Дравы, и лежали, по предположению Моммзена, те обширные болотистые пространства, которые Иордан охватывал общим понятием *lacus* или *stagnus* и которые соответствовали обозначениям *Hiulca palus* Аврелия Виктора и *Ὀβόλκαια ἔλη* у Диона Кассия¹⁷.

Разбирая далее в хронологическом порядке развитие взглядов на местоположение продолжающего оставаться загадочным Мурсианского озера, нельзя не отметить нового его отождествления. В Чехии, по-видимому, была высказана мысль о том, что искомое озеро надо видеть в нынешнем Нейзидлерском озере, расположенном к югу от Дуная, а именно в той его части (между Веной и Братиславой), где в него впадает река Морава (по Нидерле, *Slovanské Starožitnosti*, т. II, стр. 292—93, прим. 1, где указан автор этой мысли: *Sasinek. Sborn. mus. spol. slov.*, 1896, стр. 15).

Толкование Мурсианского озера как Нейзидлерского было через несколько лет развито Фр. Вестбергом в статье «О передвижении лангобардов»¹⁸. В главе, посвященной антам, он защищал новую точку зрения относительно Мурсианского—Нейзидлерского озера. Нынешнее Нейзидлерское озеро простирается на 330 кв. км; на востоке к нему примыкает огромное болото «Ханшаг». Само озеро называется либо *Neziderske*, либо по-славянски *Mošonske jezero* — Мошонское озеро, от слова «мох», что можно сблизить с другими подобными славянскими названиями, вроде «Замошье», «В моши», озеро «Мошное»¹⁹ и т. д. Если допустить чтение не *Mursianus*, а *Musianus*, *Mosianus*, *Mossianus*, что как раз встречается

¹⁵ Эти статьи — 1) Нечто о Добрудже (из «Одесского вестника», № 45 за 1854 г.) и 2) Черноморские готы и следы долгого их пребывания в южной России (из 24-го тома «Записок Академии Наук» за 1874 г.) — вошли в сборник статей Ф. Бруна «Черноморье»; см. т. I, 1879, стр. 40—42; т. II, 1880, стр. 204—205.

¹⁶ R. Roesler. Über den Zeitpunkt der slavischen Ansiedlung an der unteren Donau. Sitzungsberichte der Akademie der Wissenschaften. Philosoph.-hist. Kl., Bd. 73, Heft 1, Jahrg. 1873. Wien, 1873, S. 85—88.

¹⁷ См. прим. 13.

¹⁸ Фр. Вестберг. О передвижении лангобардов. Записки Акад. наук, VIII серия, т. VI, № 5, 1904, стр. 11—14.

¹⁹ Добавим, что к востоку от Нейзидлерского озера встречаются такие названия как: Мошонмадьярвар, Мошонсольнок, Мошонсентянош.

в некоторых списках текста Иордана (см. Моммзен, стр. 63, разночтения по Ватиканскому Оттобонианскому кодексу X в. и по Бреславльскому — XI в.), то допустимо видеть в *lacus Mursianus* (= *Musianus*) Мошонское или Нейзидлерское озеро. Выбор именно озера, а не болота, как отвечающего неясному географическому указанию Иордана, Вестберг оправдывает смыслом латинских слов *lacus* и *stagnus* в противоположность «болоту», *palus*. К тому же это озеро находится неподалеку от того места Дуная, которое могло быть пограничным в смысле двух названий реки: Данубий и Истр; это подходит для объяснения слов Иордана — «где рождается (или начинается) Истр», *ubi Ister oritur amnis*, которыми он отметил местонахождение Мурсианского озера.

Сразу после Вестберга тема о Мурсианском озере была вновь подввергнута исследованию в специальной статье Ю. А. Кулаковского, озаглавленной вопросом «Где начинается территория славян по Иордану?»²⁰. Автор полагал, что Иордан имел в виду то озеро, которое Птолемеем было названо «Фиагола» (λίμνη Φιαγόλα, кн. III, гл. 10) и которое, по Птолемию же, было образовано северным устьем Истра. Хотя в настоящее время и нельзя найти среди названий в районе дельты Дуная ни одного такого, которое напоминало бы название Мурсианского озера, но последнее, по мнению Кулаковского, все же может соответствовать системе озер и болот на левом берегу Дуная, а именно — трем ныне существующим озерам: Ялпук, Кагул и Кагурлар. Подобная локализация Мурсианского озера подкреплялась близостью к дельте Дуная города Новиодуна — нын. Исакчи, что, впрочем, уже было указано для истолкования текста Иордана в «Славянских древностях» Шафарика.

Параллельно Кулаковскому назвал те же пункты для объяснения слов Иордана историк хорватов Фердо Шишич²¹.

Выдающийся в ряду современных историков славянства чешский ученый Любор Нидерле (1865—1944) не разошелся в своем взгляде на толкование Новиетун и Мурсианского озера с Моммзеном. Он признал Новиетун городом Исакчей на нижнем Дунае, а Мурсианское озеро — болотистой низменностью вокруг устья Дравы и у берегов Дуная, близ ее впадения в него. Однако Нидерле не нашел оснований, чтобы отвергнуть точку зрения Сасинека и Вестберга относительно Нейзидлерского озера и принял ее, как вполне оправданную доводами этих исследователей. По-видимому, его сильно склонило в сторону их мнения замечание так называемого анонимного нотариуса короля Белы IV; в произведении этого анонима, написавшего свою «Венгерскую историю» (*Historia Hungarica*) в XIII в., говорится (гл. 57) о «*lutum Musun in confinio Pannoniae*» (о «топи по названию Мусун в пределах Паннонии»). Если сблизить *Musun* с *Mošonske*, то придется отнести *Musun* к Нейзидлерскому озеру, как и полагает Нидерле. Однако по данному соображению, заметим следующее: если Нейзидлерское озеро и лежит, действительно, в Паннонии (Верхней), то болота *Hülsa*, расположенные вокруг города Мурсы, с одной стороны, лежат также в Паннонии (Нижней), а с другой — больше отвечают выражению *lutum*, что значит топь, вязкая грязь, тина. Итак, выводы Л. Нидерле таковы: «Согласно свидетельству Иордана славяне в начале VI столетия сидели в бесчисленном множестве в средней Европе так, что поселения их (*sidla jejich*) шли на юг к Дунаю, простираясь от устья Савы (т. е. мурсийских болот) или от озера Нейзидлерского до устья Дуная (где было поселение Новиетун, *osada Novietunum*), а на запад — к линии,

²⁰ ЖМНП, март 1905 г., стр. 123—136.

²¹ F. Šišić. *Geschichte der Kroaten*, 1917, I, 42, 1. «*Mursianus lacus*».

которая соединяла истоки Вислы в Силезии с Мурсой или Шопороном (т. е. венгерским городом *Sopóru* или *Oedenburg* к юго-западу от Нейзидлерского озера); таким образом — опять к среднему Дунаю по крайней мере до Прессбурга или впадения Моравы» (мой перевод с чешского; «*Slovanské Starožitnosti*», т. II. Прага 1910, стр. 291—292). В 1923 г. Нидерле подвел итог всем разногласиям, разобранным им подробно в «Славянских древностях» (т. II, прим. 1, на стр. 292—293), и сделал следующий, по-видимому, окончательный вывод: «Текст со словами «*lacus Mursianus*» (*Morsianus*, *Musianus*) и «*civitas Novietunensis*», испорченными в манускриптах, породил многочисленные объяснения (см. *Slov. Star.*, II, р. 292 и 531). Но вне всякого сомнения (*il est hors de doute*), что первое название означает либо (*soit*) болота, расположенные в окрестностях Мурсы, при устье Савы, либо (*soit*) Нейзидлерское озеро (*lutum Musun* у Анонима короля Белы, 57); второе — *Noviodunum* около устья Дуная, по соседству с нынешним городом Исакча. Славяне располагались компактными массами ранее середины VI в. от Нейзидлерского озера, т. е. (*c'est à dire*) от устья Савы, вплоть до устья Дуная» (мой перевод с французского: *Manuel de l'antiquité slave*, t. I. Paris, 1923, p. 47, not. 1). В этом отрывке непонятно, почему Нидерле соединяет с рекой Савой город Мурсу (нын. Осиек), располагавшуюся на обоих берегах не Савы, а Дравы.

Крупнейший русский славист акад. А. А. Шахматов мимоходом коснулся определения Мурсианского озера и города Новиетун в примечаниях к своей работе «Древнейшие судьбы русского племени» (Петроград, 1919, стр. 10, прим. 2 и 3). Автор категорически высказался за Новиодун — Исакча: «*Noviodunum* (готы произносили, по-видимому, *Novietunum*) — это город близ современного Исакчи на правом берегу Дуная в Добрудже (на запад от Тульчи)». Мурсианское озеро Шахматов склонен признать в одном из озер неподалеку от устья Дуная: «Что такое *lacus Mursianus* (или *Musianus*), до сих пор не выяснено. . . , но ясно, что его надо искать на юге Молдавии или Бессарабии; ср. Муржени — поселение в Молдавии».

Ссылаясь на Шахматова и Нидерле, писал о невыясненных до конца городе и озере академик Ю. В. Готье²², присоединяясь к тому мнению, что Новиодун был на месте Исакчи, а Мурсианскому озеру соответствует озеро Нейзидлерское в бывшей Паннонии. Последнее отождествление автор мотивирует тем, что «легче себе представить широкую волну славян, двгавшихся на юг через Паннонию, нежели длинную вереницу переселенцев, огибавших всю дугу Карпат, чтобы дойти до Адриатического моря»²³.

Следует отметить, что В. О. Ключевский обошел упоминание как о Мурсианском озере, так и о Новиодуне: [Склавены] «обитают на север до Вислы, а на восток — до Днестра (*usque ad Danastrum*); леса и болота заменяют им города. [Анты], самые сильные из венетов, простираются по изогнутому побережью Черного моря от Днестра до Днепра. Значит, славяне, собственно, занимали тогда Карпатский край. Карпаты были общеславянским гнездом, из которого впоследствии славяне разошлись в разные стороны»²⁴.

Из современных специалистов по древнейшей истории славян проф. П. Н. Третьяков затронул вопрос о «загадочном озере» и об упомянутом наряду с ним городе, но так же как и предыдущие исследователи не пришел к определенному решению. «Где находится названный Иорданом город Новиетун и какое озеро именовали в древности Мурсианским — осталось неизвестным. Но полагают, что западные пределы склавинских

²² Ю. В. Готье. Железный век в восточной Европе, 1930, гл. II, стр. 42.

²³ Там же, стр. 43.

²⁴ В. О. Ключевский. Курс русской истории, ч. I, 1937, стр. 101.

земель лежали где-то в верховьях реки Дравы²⁵. Двухкратное указание П. Н. Третьякова на «верховья реки Дравы», как на место, куда доходили границы распространения склавен, является, несомненно, опоской; автор имел в виду нижнее течение Дравы, где был расположен город Мурса.

Интересна новейшая точка зрения словенских ученых, а именно Л. Хауптманна и Б. Графенауэра. Оба считают, что Новиедун соответствует нынешнему городу Исакча, а Мурсианское озеро надо предполагать в болотах вокруг устья Серета, особенно же близ впадения в нижний Серет его правого притока Бузеу (Buzeu), именованного в древности «Museus»²⁶.

Итак, в настоящее время еще нет окончательно установленного отождествления ни Мурсианского озера, ни города Новиедуна. Одни полагают, что Мурсианское озеро соответствует болотам Hiulca около гор. Мурсы (Карамзин, Реслер, Моммзен, Нидерле, Третьяков); другие видели его в озерах близ дельты Дуная: либо к югу от нее (Шафарик, Брун), либо к северу от нее (Кулаковский, Шахматов, Шишич, Хауптманн, Графенауэр); наконец, третьи определяли его, как Нейзидлерское озеро в Паннонии (Sasinek, Вестберг, Нидерле, Готье). Как видно по указанным в скобках фамилиям, Нидерле принял сразу две точки зрения на местоположение Мурсианского озера, признав и болота у Мурсы, и Нейзидлерское озеро, чем подчеркнул продолжающую наблюдаться гадательность в решении вопроса²⁷. Поэтому естественно привести некоторые соображения в разъяснение текста Иордана помимо тех, которые уже высказывались.

Первое упоминание Иорданом Мурсианского озера (в § 30) связывается им с определением западной границы Скифии²⁸; второе (в § 35) — с определением западного предела расселения склавен. На основании повторного указания Иорданом на один и тот же географический пункт, а именно — Мурсианское озеро, можно заключить, что в какой-то мере в этом пункте западная граница Скифии и западная граница распространения склавен совпадали. В обоих случаях — и как граница Скифии и как граница склавен — Мурсианское озеро является крайней на западе на той территории, которая на востоке кончается рекой Данастром. В отношении территории, занятой склавнами, Днестр служит восточной границей; в отношении Скифии эта река отделяет лишь одну из частей страны, которая в целом простирается гораздо дальше на восток. Если Иордан при описании всей Скифии и пользуется данными разных древнейших географических сочинений и карт, то при опи-

²⁵ П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена. М., 1948, стр. 53 и 76; изд. 2-е, М., 1953, стр. 156.

²⁶ L. Hauptmann. Les rapports des Byzantins avec les Slaves et les Avars... 138—141, со ссылкой на V. Pärvan. Considerațiunile asupra unor nume de râuri dacoscitice. Memoriile sectiunii istorice, III, I, 1923, pp. 12, 19. B. Grafenauer. Nekaj vprašanj iz dobe naseljevanja južnih Slovanov. Zgodovinski časopis, 4, Ljubljana, 1950, str. 28: «neko jezero v bližini Seretovega izliva v Donavo (ali lacus Moesianus — Mezijsko jezero, ali lacus Museanus — Musejsko jezero, imenovano tako po Seretovem pritoku Museus, danes Buzeu)». — Ср. в сводном труде «История народа Югославия» кн. I, Белград, 1953.

²⁷ В одном из последних обзоров — в статье «Slavi», помещенной в 31 томе «Enciclopedia italiana» (1936), — совершенно не затронут вопрос о Мурсианском озере и городе Новиедуна. Автор статьи — профессор Римского университета Джованни Мавер.

²⁸ К определению западной границы Скифии, данному Иорданом в § 30, следует добавить отмеченное им несколько ниже, в § 33: «В Скифии первым с запада живет племя гепидов, окруженное великими и славными реками; на севере и северо-западе протекает Тизия, с юга же [эту область] отсекает сам великий Дунай» (in qua Scythia prima ab occidente gens residet Gepidarum, que magnis opinatisque ambitur fluminibus. Nam Tisia per aquilonem eius chorumque discurrit, ab africo vero magnus ipse Danubius... secat).

сании западной части он, надо думать, опирается на конкретные, известные ему географические признаки, существовавшие в его время.

Итак, в представлении людей VI в. западная граница расселения склавлен связывается 1) с местом, «где рождается («возникает», «начинается») Истр»: «ubi Ister oritur amnis» (§ 30), 2) с местом, где «простирается Мурсианское озеро»: «stagnus dilatatur Mursianus» (§ 30), 3) с местом, где — как первое племя с запада: prima ab occidente gens — сидят гепиды (§ 33), причем с севера и с северо-запада по их области протекает река Тисса²⁹, 4) с городом Новиедуном. Хотя все перечисленные признаки и принимались во внимание вышеназванными исследователями (особенно подробно Ю. А. Кулаковским), но бранлись они почему-то не в их совокупности, которая сразу же создает впечатление о юго-западном угле Скифии и западной границе склавленской земли где-то в области впадения в Дунай рек Савы, Дравы и Тиссы. Признак 3) с ясностью говорит именно о реке Тиссе, с которой и при Иордане связывалась область «Гепидия», хотя в соприкосновение с империей гепиды в VI в. вступали в местах несколько более южных, а именно на Саве близ Сирмия и на Дунае близ Сингидуна. В данном случае указание Иордана на Тиссу и гепидов вполне определено. С этим краем Скифии, где «первым народом» живут гепиды, соединяются Иорданом указания на «рождение Истра» и на Мурсианское озеро.

Иордан и Прокопий в VI в., а задолго до них Помпоний Мела, Страбон и Птолемей — все сообщали о том, что Дунай имел два названия: для верхней части Данубий, для нижней — Истр. Кроме того, нередко вся река целиком именовалась Данубием. Вообще, по-видимому, для античных авторов не было полностью ясно, в каком именно месте одно название реки сменялось другим. Свидетельства Страбона, Птолемея и Плиния расходятся.

Страбон (VII, гл. 3, § 13) сообщал, что Данубием называются верхние части (τὰ μὲν ἄνω καὶ πρὸς ταῖς πηγαῖς μέρη) реки от истоков до «катарактов» (μέχρι τῶν καταρακτῶν), причем это название употребляется главным образом даками. Нижние же части вплоть до Понта (τὰ δὲ κάτω μέχρι τοῦ πόντου) называются у гетов Истром. Тут же Страбон замечает, что язык даков и гетов один и тот же (ὁμόγλωττοι δ' εἰσὶν οἱ Δάκοι τοῖς Γέταις). Как видно, Страбон указывает на двойкий признак, по которому Дунай делится на «Данубий» и «Истр»: с одной стороны «катаракты», с другой — место соприкосновения даков с гетами. «Катарактами» на Дунае считали, скорее всего, те водовороты, которые образуются течением реки в теснинах так называемых «Железных ворот» (около нын. гор. Турну—Северина)³⁰.

Птолемей, описывая границы Нижней Мезии (III, 10, 1), сообщал, что с севера эта провинция была ограничена «частью Данубия от реки Киобра³¹ до Аксиуполя, а отсюда (т. е. от Аксиуполя) — Данубием, который зовется Истром вплоть до устьев, впадающих в Понт» (καὶ τῷ ἐντεῦθεν Δανουβίῳ καλούμενῳ δὲ Ἴστρῳ μέχρι τῶν εἰς τὸν Πόντον ἐκβολῶν). Как видно, Птолемей

²⁹ Важно помнить, что в VI в. гепиды были известны в империи как обитатели некоторой части правого побережья Дуная, так как они захватили области важнейших для византийцев городов — Сирмия и Сингидуна (Ἡπταίδες μὲν τὰ περὶ Συγγιδόνων τε καὶ Σίρμιον χωρὶα ἔσχον, ἐντός τε καὶ ἔκτος ποταμοῦ Ἴστρου, ἔνθα δὲ καὶ ἐς ἐμὲ ἴδρυνται. Bell. Vand., I, 2, § 6; также Anecd., 18, 18). Здесь гепиды обеспечивали за плату переправу склавлен на правый берег Дуная (Bell. Goth., IV, 25, § 5).

³⁰ Есть на Дунае меньшие пороги, близ Братиславы, ниже впадения в Дунай р. Моравы (левого притока).

³¹ По-видимому, река Cibrus (нын. Цибрица), правый приток Дуная, впадающий в него ниже г. Видина (древн. Βονονία в Мезии).

указывает пункт, ниже которого Данабий называется Истром; это — город Аксиуполь, на правом берегу нижнего Дуная, где река поворачивает резко на север, отделяя Дсбруджу с западной стороны.

Плиний, который сам бывал в придунайских провинциях, до известной степени определил место «рождения» или «начала» Истра. Коснувшись «устий Истра» (*ostia Histri*), он кратко говорит о всей реке: «рождается он (*ortus hic*, то есть Дунай) в Германии, на хребте горы Абнобы (Шварцвальд)... и, пройдя течением своим под именем Данаубия бесчисленные народы — причем с огромным увеличением вод, — он получает название Истра едва только начинает омывать берега Иллирика» (*Nat. hist.* IV, 79). По определению самого Плиния Иллирик тянется «от реки Арсии до реки Дирина» (там же, III, 150), то есть от реки Арсы, текущей с севера на юг в восточной части полуострова Истрии и впадающей в Адриатическое море, до реки Дрины, крупного правого притока Савы, впадающего в нее выше г. Митровицы (Сирмия). Сопоставив эти сведения Плиния, нельзя не отметить их явной неточности: Иллирик действительно, имел восточной границей р. Дрину, но так как она вливается в Саву выше ее — Савы — впадения в Дунай, то последний никак не мог омывать берега Иллирика, если Иллирик не заходил восточнее Дрины. Однако эта неточность Плиния до известной степени объясняется общей расплывчатостью понятия Иллирик. С самого начала (с I в. н. э., когда закрепилось римское завоевание Иллирика) он включал в себя совершенно обособленные друг от друга области — Паннонию и Далмацию; они вместе обычно и назывались Иллириком. Но бывали случаи, в том же I в., когда к Иллирику причисляли еще и Верхнюю Мезию. Так, например, Тацит объединил в своем изложении легионы Далмации, Паннонии и Мезии как относящиеся к Иллирику (*Tac. Hist.*, I, 76 1—2). Значит, иногда граница Иллирика отодвигалась к востоку, захватывая районы Сирмия, Сингидуна и даже «катарактов».

Из слов Плиния можно извлечь лишь приблизительный вывод, что где-то в местах, недалеких от слияния Савы с Дунаем, в области Сирмия и Сингидуна (но, очевидно, не ниже), Данабий получал имя Истра. В виду того, что у Иордана «начало» Истра сопряжено с рядом признаков (см. ниже, стр. 14), определение Плиния — хотя и нечеткое — может отчасти разъяснить слова Иордана: «где рождается (начинается) река Истр». В общем смысле тут же начиналась «Скифия», тут же жили гепиды, связываемые с Тиссой и Дунаем. Отсюда Данабий становился Истром, не теряя, однако, первого названия, до наших дней относящегося ко всей реке в целом.

По тексту Иордана здесь же — конечно, приблизительно — должно было находиться Мурсианское озеро. Если взглянуть на географическую карту, а именно — на Паннонию, Иллирик, Верхнюю Мезию, то глаз не отыщет в этих областях никаких значительных озер, кроме двух: Нейзидлерского и Балатона. Благодаря утвердившемуся мнению, что озеро Балатон именовалось у древних писателей *Pelso* или *Peiso*, никто обыкновенно и не останавливался на мысли об этом озере при попытках отождествления иордановского Мурсианского озера. Однако озеро Балатон едва ли соответствует тому водоему, который обозначался названием *Pelso*. Существенно отметить, что на всем протяжении своего труда Иордан дважды называет Мурсианское озеро (§ 30 и § 35) и дважды — озеро *Pelso* (§ 268 и § 274), причем в обоих случаях в точном смысле — как определяющие географические показатели. По-видимому, оба названия были хорошо известны автору, и он сознательно относил их к разным озерам. Едва ли ошибся бы Иордан в отношении озера *Pelso*, которое связы-

валось с владениями остроготов, тем более — с владениями Тиудимера, отца знаменитого Теодориха. Не удастся точно определить область, принадлежавшую старшему брату Тиудимера, Баламеру, и находившуюся, по-видимому, поблизости: *inter Scarniungam et Aqua nigra [tak!] fluvios*. Эти реки не отождествлены окончательно³². Есть у Иордана и косвенное указание на то, что *Pelso* не находилось (как Балатон) в центре Паннонии, так как остроготы, жившие у озера *Pelso* (*iuxta lacum Pelso*), воевали с садами, владевшими внутренней Паннонией (*contra Sadagis, qui interiorem Pannoniam possidebant*, § 272). Когда Тиудимер задумал отомстить свавам за грабежи, то он, не выходя из своих владений, «подстерег их (свавов) при переходе» (*vigilavit in eorum transitu*) из Далмации через Паннонию и разбил у озера *Pelso* (*ad lacum Pelsodis*).

Сомнение относительно тождества между *Pelso* и Балатоном переходит в уверенность после внимательного прочтения одной фразы, брошенной писателем середины IV в. Аврелием Виктором в его рассказе об обстановке смерти императора Галерия Максимилиана. Галерий заболел и умер (в 311 г.) во время работ по освобождению от лесов и болот восточной части Паннонии; эта часть была выделена в особую провинцию, которую он назвал Валерией по имени своей жены, дочери императора Диоклетиана. Аврелий Виктор записал, что «вырубались огромные леса» (*caesis immanibus silvis*) и «было спущено в Данабий озеро *Pelso*» (*emisso in Danubium lacu Pelsone*. *De caesaribus*, 40, § 9—10, ed. Pichlmaier, p. 122). Западная граница провинции Валерии неясна, но как будто она даже не захватывала озера Балатона. Южной ее границей была нижняя Драва, северной и восточной — Дунай. Если военачальник, располагавший большими отрядами войск, и имел возможность проводить крупные работы по осушению почвы руками своих солдат, *opere militari*³³, то все же невозможно представить, чтобы в условиях дремучих лесов и бездорожья, с помощью примитивной техники начала IV в., римские солдаты могли... спустить в Дунай озеро Балатон. Да и вообще подобное мероприятие не могло быть направлено на озеро площадью около 600 кв. км и местами глубиной до 15 м. Спустить в Дунай в условиях IV в. можно было, вероятно, лишь часть какого-либо болота, расположенного невдалеке от берега реки, не больше. Следовательно, на основании данных *De caesaribus* — вполне достоверного источника IV в.³⁴ — необходимо перестать относить название *Pelso* к Балатону. Если же пытаться приурочить имя *Pelso* к какому-либо другому озеру или болоту, то не остановиться ли для этого на северной полосе болот *Hiulca*, которые частично находились в пределах провинции Валерии? Не было ли слово *Pelso* — видоизмененное слово «плес», «плесо» — славянским названием обширных болот по Дунаю и вокруг нижней Дравы?³⁵ Конечно, спущенным в Дунай могло быть лишь

³² Ср. L. Schmidt. *Geschichte der deutschen Stämme*. München, 1934, S. 270, где указаны два варианта отождествления.

³³ Такой случай отмечает тем же писателем в отношении города Сирмия, который страдал от болотистой почвы: солдаты принуждали производить земельные работы — «*ad siccandam lacunis ac fossa urbem ipsi... adigerentur, quae [urbs] palustri solo hiemalibus aquis corrumpitur*» (*De caesar.*, 37, § 4, p. 115).

³⁴ Как известно, серия кратких описаний жизни и деятельности римских императоров (до Юлиана включительно), называемая *De caesaribus*, считается подлинным произведением Аврелия Виктора, который в середине IV в. был правителем Паннонии. Существует сомнение относительно сокращенной версии *De caesaribus*, обычно называемой *Epitome*, которая не считается безусловным произведением этого же писателя. Название *Hiulca palus* около города Цибал упомянуто в *Epitome* (a. 314. 41, § 5, ed. Pichlmaier, p. 166).

³⁵ Почему не допустить, что славянское население могло уже в IV в. зафиксировать свои, славянские, названия по берегам Дуная. Ведь новая датировка «Диалогов»

какое-нибудь озеро или отдельный участок из общей громадной заболоченной площади, известной под именем *Hiulca*.

Итак, крупнейшее озеро в центре освоенной римскими легионами Паннонии, озеро, охваченное с востока, запада и северо-запада римскими дорогами³⁶, которые в какой-то мере оставались линиями передвижений и в V—VI вв., оказывается лишенным названия, так как название *Пелсо* от него отпадает.

Возможно, что это озеро определялось старым местным словом «блато», «болото» (откуда, быть может, *Балатон*)³⁷, употреблявшимся в славянской среде и получившим латинский перевод словами *lacus* или *stagnus*. Прилагательное же «Мурсианский», будучи, вероятно, искусственным (для уточнения слишком общего понятия *lacus, stagnus*), добавлялось лишь потому, что пути к этому «болоту» начинались (для римцев) преимущественно от города *Мурсы* на *Драве*. Так, по нашему предположению, могло появиться название «Мурсианского озера» — *lacus (stagnus) Murisianus*³⁸.

Здесь следует добавить, что и вообще-то искать это озеро около дельты Дуная представляется в корне неправильным: ведь отмечаемую Мурсианским озером западную границу распространения склавеных современники не могли, конечно, помещать где-то около Черного моря в то время, когда каждому обитателю дунайского правобережья, более того — в Константинополе, в Фессалонике, в Диррахии и отчасти даже в Италии было известно, что страшные набеги склавеных из-за Дуная совершаются в ряде

Псевдо-Кесария — начало V в. (см., например, издание Византийского Института. Сербской Академии наук «Византиски извори за историју народа Југославије», т. I. Београд, 1955), и поэтому сведения, сообщаемые в этом источнике о славянах на Дунае, могли бы относиться к еще более раннему времени.

Эта ранняя дата написания «Диалогов» устанавливается в статье югославского исследователя Фр. Баршича (Када и где су написани Псеудо-Цезаријеви Дијалози. Спрска Акад. наука. Зборник радова XXI. Византолошки инст., I, 1952, стр. 29—51). Такая дата кажется нам — в отношении данных о славянах — более убедительной, чем дата 530—558 гг., предложенная болгарским исследователем И. Дуйчевым (Ivan Dujčev. Le témoignage du Pseudo-Césaire sur les Slaves. *Slavia antiqua*, t. IV, 1953, p. 193—209). В «Диалогах» некоторые сведения о славянах, как правильно показал И. Дуйчев, исходят не из наблюдений, а из мифов (например, из мифа об амазонках); естественно отнести подобные рассказы как раз к тем временам, когда в империи еще не знали славян в той степени, в которой их стали знать в VI в. Автор «Диалогов» еще не слышал об опустошительных славянских набегах из-за Дуная, о чем непрестанно писали авторы VI в. А его описание перехода варваров через Дунай по льду ничто не мешает скорее отнести к готам или гуннам, чем к славянам. Варварские племена — противники империи — постоянно переходили Дунай по льду. Ср., например, Амт. Marcell., XIX, 11, 4.

³⁶ От *Мурсы* на *Драве* через *Могентиану* (*Mogentiana* у юго-западного конца *Балатона*) на *Саварию* и дальше на *Виндобону*; от *Мурсы* же через *Озоны* (*Osones* у северо-восточного конца *Балатона*) на *Аррабону*, *Бригетон* и *Аквинк*; между *Могентиной* и *Озонами* вдоль северо-западной стороны озера.

³⁷ Как известно, вдоль юго-восточного берега озеро *Балатон* очень мелко и болотисто.

³⁸ Мы оставляем без определения — да третьего древнего определения после *Пелсо* и *Мурсианского озера* в источниках пока и нет — значительное *Нейзидлерское озеро*. Признать его *Мурсианским* мешает то, что оно находится гораздо дальше, чем *Балатон*, и от *Мурсы*, и от *гепидов* около *Сирмии* и *Сингидуна*, и от всего узла путей, которые связывали центр *Паннонии* с *дунайским побережьем* — границей владений *Византии* ниже впадения в *Дунай* *Дравы* и *Савы*. Быть может, подтверждением присутствия многих славянских племен именно в *Паннонии*, в центре которой находится озеро *Балатон*, является сообщение *Проклопия* о том, что *герулы*, побежденные *лангобардами* и ушедшие на север (вернее — на северо-запад от областей вокруг *Сингидуна*), «миновали все славянские племена, одно за другим», *ἤμεσαν μὲν τὰ Σκλαβηρῶν ἔθνη, ἐφεστῆς ἅπαντα*. *Bell. Goth.*, II, 15 § 2). Это, по-видимому, значит, что *герулы* прошли через славянские племена *Паннонии*, а затем — *Полабья*.

мест гораздо западнее и выше его устьев, вплоть до опаснейшего пункта в отношении переправы варварских отрядов около *Сингидуна* и *Сирмии*³⁹. В глазах римцев пределы расселения (и появления) склавеных были именно широко растянуты в западно-восточном направлении, почему и второй пункт западной границы склавеных — город *Новиетун* — также следует искать отнюдь не на нижнем Дунае, хотя к подобной локализации *Новиетуна* склонялось большинство исследователей⁴⁰.

Мурсианское озеро отмечено у *Иордана* еще одним существенным признаком: оно упомянуто вместе с городом *Новиетуном*, причем относящийся к обоим названиям общий предлог «а» (от) показывает, что автор представлял себе эти пункты вместе и что для указания границы территории с одной стороны он привлек два, дополняющие друг друга географические пункта. Мало возможной кажется точка зрения тех (*Моммзен*, *Нидерле*), кто разделяет эти пункты, полагая — надо думать, — что *Иордан* начертил линию от *Дравы* до *Черного моря*, а затем как-то странно прибавил еще кусок территории до *Днестра*. Текст говорит иное: называются два пункта (начало *Истра* и озеро в § 30, озеро и город в § 35), а затем указано, что определяемая ими с одной стороны (с запада) область простирается вплоть до *Днестра* (*tendens usque ad flumina Turam Danastrum*). Автор имел в виду некоторую протяженность не между озером и городом, а между озером — вместе с началом *Истра* или вместе с городом — и *Днестром*. Последовательнее рассуждают те (*Шафарик*, *Брун*, *Кулаковский*, *Шишич*, *Шахматов*), кто ищет и *Мурсианское озеро* и *Новиетун* вместе, близ дельты Дуная. Но если они с удовлетворением опираются на *Новиодун* (современная *Исакача* на нижнем Дунае, перед разветвлением его на несколько рукавов), крупный пункт обороны и укрепленное место переправы на левый берег Дуная, то, в свою очередь, не слишком удален от озера *Балатона* и от *Мурсы* другой *Новиодун* (*Neviodunum*) в *Верхней Паннонии*, близ впадения реки *Согогас* (*Гурк*, или по-словенски *Krca*) в *Саву*, на месте нын. селения *Дерново*⁴¹. Раскопками здесь обнаружены монументальные позднеимперские (III—IV вв.) стены и прекрасный водопровод; город стоял на узле путей, на крупной военной дороге между *Сирмием* (через *Сисцию* и *Эмону*, нын. *Любляну*) и *Аквилеей*, то есть воротами в Италию; отсюда же отходила дорога на юг к *далматинскому побережью*.

Трудно видеть *Новиетун* *Иордана* в *Новиодуне* у дельты Дуная и потому, что полоса земли от *дунайских гирл* до *Днестра* чрезмерно узка для склавеных. Ни описанные в источниках крупные походы склавеных и антов, ни общее потрясающее впечатление, которое они производили в империи, причиняя бедствия, названные *Иорданом* *tragediae* (*Romana*, § 388), не могли исходить только с узкой территории между Дунаем и *Днестром*. *Нижний Дунай*, как было сказано, не вяжется с тем началом *Скифии*, где, во-первых, «рождается» *Истр*, во-вторых, сидят *гепиды* вокруг *Тиссы*.

³⁹ Здесь следует напомнить о том кратком уточнении, которое *Иордан* сделал в § 30: он связал *Мурсианское озеро* с районом соприкосновения или пограничного взаимопроникновения *Скифии* и *Германии*. Если озеро *Балатон* (предполагаемое нами *Мурсианское озеро*) не находится на самой расплывчатой границе между *Скифией* и *Германией* (а подобные линии границ едва ли могли быть четки в представлении человека, смотревшего издали в условиях географических познаний VI века), то уж озеро или болото близ дельты Дуная никак не могло быть рассматриваемо как расположенное в местах, прилегающих к *Германии*.

⁴⁰ См. выше, стр. 6—10.

⁴¹ Этот *Новиодун* близ *Савы*, соответственно римским надписям, назывался *Neviodunum*. Ср. *CIL*, III, 1, *Pannonia superior*, 3919, 3921. Не случайно, что во всех рукописях сочинения *Иордана* сохранен звук «е» — *Novietunum*.

Трудно предполагать, как это делает Моммзен, что Иордан употребил слово *origo* — «рождается, начинается» — применительно к устьям Дуная. Иордан, наоборот, вполне правильно ставит это слово, когда говорит об истоках Вислы (*ab ortu Vistulae*, § 34), Днепра (*ortus grande palude*, § 46), Дуная (*in Alamannicis arvis exoriens*, § 75); если он один раз (в § 32) и пишет о Дунае «*ab ostea sua usque ad fontem*», то лишь для того, чтобы с ударением указать именно на нижнюю часть реки и ее общее с верхней название; в другом случае (в § 75) он опять пишет правильно: «*a fonte suo usque ad ostia in Ponto vergentia*». Следовательно, не в области нижнего Дуная должен был находиться Новиетун, сочетаемый Иорданом с Мурсианским озером. Кроме того, существенно, что, по-видимому, уже в V в. славяне находились на территории, занятой гуннами, гораздо западнее как Днестра, так и нижнего Дуная, а именно, на запад от Тиссы⁴² и даже в Паннонии. Тем более широким и неустойчивым потоком разлились славянские племена в VI в., и не случайно Иордан, указав на венетов на верхней Висле, заметил, что в его дни (*нунс*) это многолюдное племя (*patio populosa*) изменило и места своего расселения (*loca* — § 34) и имена. Автор этими словами хотел выразить мысль о том, что при нем, т. е. в VI в., славянские племена, делившиеся на три крупных объединения — венетов, склавенен и антов, — изменили и увеличили площадь распространения, которую в отношении двух южных, более грозных для империи, групп он и определил в их основных (преимущественно южных) границах.

Итак, текст Иордана в § 30 и §§ 34—35, будучи во времена автора вполне ясным, но затемненный в наши дни [тем, что 1) название Мурсианского озера ни в одном из источников, кроме «Гетик», не приводится, 2) городов с именем Новиетуна — Новиодуна несколько, 3) «начало» Истра указывается в разных источниках разное], может быть истолкован на основании вышеизложенных доводов так: Мурсианское озеро — озеро Балатон; *civitas Novietunensis, Novietunum* — город Невиодун на р. Саве при впадении в нее правого притока Гурка (*Согорас, Кгса*); «начало» Истра — около устья Савы.

В подкрепление мысли о показанном выше весьма широком — от средней Савы и восточной Паннонии — разливе склавенен на северных подступах к границам империи (в VI в.) можно привести одно из многочисленных описаний славянских походов в области к югу от Дуная. Любые из этих описаний решительно не позволяют отрицать присутствия большого количества славян непосредственно к востоку от области Венетий, на Драве и Саве. Ярко об этом свидетельствует один из рассказов Прокопия⁴³. Он передает, что лангобарды, занимая земли в провинциях Норике и Паннонии, были соседями гепидов, которые завладели тогда городом

⁴² Приск переправился через Дунай около впадения в него Моравы и двигался на запад, пересек три реки, из которых одна — *Τυφάσ* была Тисса. После этого он пришел в «деревни» (*χώμαι*), где пил «мед» (*μέδος*), то есть попал, по-видимому, в места поселения славян. Prisc. fr. 8, ed. Dindorf, I, p. 300. Ср. слово «страда», отмеченное Иорданом (*Get.*, § 258). Как известно, еще в 40-х годах прошлого столетия указывалось, что слово «страда» происходит от готского *straujan* (Габеленц и Лёбе, Якоб Гримм, Мюлленгоф; см. в указателях Моммзена к изданию *Getica*, MGH, Auct. ant., V, 1, p. 198). Но допустимо предположение, что соприкасаясь в первой половине V в. со славянами, гунны восприняли именно от них это слово, определяющее редкое, исключительное событие — пир по знатному усопшему. Обычно группируют три славянских слова, связанные с ранним славянством на северном побережье Дуная: мед, страва, плот. Однако треть из них — «плот» — имело другую судьбу, не коснувшуюся гуннов; оно проникло в византийскую военную среду в VI в. и упомянуто как особый термин в XI книге «Стратегикона» Псевдо-Маврикия (*Upsala*, 1664, стр. 277).

⁴³ Bell. Goth., III, 35, § 17—22.

Сирмием, привлекавшим также и лангобардов. Один знатный лангобард по имени Ильдигис (*Ἰλδιγίης*), в результате неудачной борьбы за власть, бежал к склавенам (*ἐς Σκλαβηνοὺς φεύγει*). В это время разгорелась война между лангобардами и гепидами. Ильдигис вмешался в эту войну, став на сторону гепидов. Он явился к ним, ведя с собой группу лангобардов (из недовольных и перебежавших к нему) и многих склавенен (*καὶ πολλοὺς Σκλαβηνοὺς ἐπαγαγόμενος*). После победы лангобардов Ильдигис бежал с некоторыми гепидами обратно к склавенам (*ἐς Σκλαβηνοὺς αὖθις ἀφίστατο*). Так как лангобардов поддерживал Юстиниан, то Ильдигис, не имея надежды на его помощь для получения власти над своим племенем, направился к противнику империи, вождю боровшихся с ней остроготов, Тотиле (541—552) и повел к нему войско не менее, чем из шести тысяч воинов. С этим войском Ильдигис вошел в провинцию Венетий, разбил ромейский отряд, но «не смешался с готами, а перейдя Истр, отступил обратно к склавенам» (*οὐ μὲντοι Γότθοις ἐυνέμιξεν, ἀλλ' Ἰστρον ποταμὸν διαβάς αὖθις ἐς Σκλαβηνοὺς ἀπεχώρησεν*). Поход лангобарда Ильдигиса в северную Италию произошел в 548 г. Его можно назвать славянским, потому что Ильдигис, хотя и пришел к склавенам с некоторым количеством гепидов, но вышел от них с шеститысячным войском, несомненно составившим преимущественно из склавенен. Показательно и то, что после сражения он привел это войско обратно (*αὖθις*) в страну склавенен.

Этот поход склавенен в Италию не являлся, конечно, единичным. Им был вообще знаком путь вверх по Саве, через Невиодун и Эмону к Аквилее. Так двигались, например, те «склавы» (*gens sclavorum*), о которых говорит в одной из булл папа Григорий I (590—604): «через подступы к Истрии они начали проникать и в Италию»⁴⁴.

Славянские племена появлялись из-за Дуная значительными отрядами, нередко и целым «войском» в несколько тысяч человек — *στράτευμα, στρατός*. Описывая эти походы, авторы постоянно употребляют термины, означающие массы, толпы людей: *πολὸς ὄμιλος, πλῆθος τῶν βαρβάρων, αἱ τῶν Σκλαβητῶν ἀγέλαι*, иногда даже «πανδημίαι» — «всем племенем», и дают ясно понять, насколько тяжелы для страны были эти опустошительные набеги, всегда сопровождавшиеся грабежами и уводом в плен сотен и тысяч людей. Так славяне двигались по всем путям, издавна пересекавшим Балканский полуостров. От главных переправ на Дунае и на Саве они шли: а) поднимаясь вверх по Мораве, через Наисс и Сердику на Филиппополь; б) Адрианополь к стенам Константинополя; в) также вверх по Мораве к югу до Скопле и вниз по Вардару до Фессалоники; г) тем же путем в Македонию, затем в Грецию, проникая к Коринфу и южнее; д) взяв более западное направление, в Далмацию, на Диррахий; е) самым западным путем в область Венетий уже в пределах Италии⁴⁵.

Вот этих-то склавенен, которые были в VI в. подлинной, неотвратимой грозой для империи и обрушивались на ее владения не на каком-либо узком участке, а широким фронтом, растянувшимся с запада на восток

⁴⁴ PL, t. 77, col. 1902. У Иордана (*Get.*, § 292) отмечен этот же путь в связи с походом Теодориха «на Гесперию», то есть на Италию: «прямым путем через Сирмий поднялся он в соседний с Паннонией области, откуда вошел в пределы Венетий и установился лагерем у так называемого Моста Сонция» (на р. Изонцо около Авилена).

⁴⁵ Все эти направления славянских походов на империю выясняются из сообщений, главным образом, Прокопия. Например, Bell. Goth. I, 27, § 1—2; III, 13, § 24, 14, § 11, 29, § 1—3, 38, § 9, 40, § 1—5, 7, 38—39 и др.; Anecd., 18, 20—21, Mehandri fr. 47, 48 и др. Theophylacti Symocattae Historia I, 7, § 1—2, 5; VI, 4, § 1—5; VII, 2, § 14, 16 и др.

по Саве и Дунаю, Иордан и определил как живущих между Мурсианским озером и городом Новиетуном (на западе) и Днестром (на востоке).

* *
*

По краткому определению Иордана границы территории, занятой антами (*Antorum fines*, как говорится в § 247), достигали на востоке Днепра и будто бы не заходили западнее Днестра (§ 35). С юга область антов примыкала к морскому заливу, к излучине Понта (§ 35), то есть помещалась между лиманами или в низовьях обеих упомянутых рек.

После того, как места расселения склавенен оказались столь широко и, по-видимому, глубоко раскинутыми к северу от Дуная и Савы с Дравой, странным представляется, что «сильнейшим» из обоих славянских племен (*eorum fortissimi*) занята сравнительно небольшая площадь. Но Иордан, прекрасно зная места частых набегов антов из-за Истра, не мог ясно рисовать себе их распространение на север и северо-восток; эта граница терялась где-то вдалеке, а близко ощущались лишь результаты тяжело переносимого «ежедневного упорного нажима» (*instantia cottidiana*) со стороны булгар, антов и склавенен (*Rom.*, § 388).

Писатели — современники Иордана, преимущественно Прокопий, постоянно объединяли антов со склавенями и не только благодаря ими же констатируемому сходству между этими племенами — одинаковые образ жизни, язык, внешний вид и т. д. (ср. *R. G. S. Bell. Goth.*, III, 14, § 22—30), но и в связи с совместно предпринимавшимися военными и политическими действиями. Из этих сообщений следует, что анты были не менее многочисленны и не менее грозны для империи, чем склавенны, крупные размеры отрядов которых неоднократно точно указывались. Антам не менее, чем склавеням, были знакомы побережья Дуная и отходящие от него пути⁴⁶, по которым удавалось проникнуть к Наиссу, Адрианополю и Константинополю, к Фессалонике и в Грецию, к Диррахию и даже в область Венетий и в Италию⁴⁷. Прокопий ставит антов вместе со склавенями в ряд с серьезнейшими врагами Византии — персами, сарацинами и «остальными варварами» (*Anecd.*, 11, § 11). К антам не меньше, чем к склавеням относится обобщающее утверждение того же автора о том, на каком колоссальном пространстве — от Адриатического моря до Константинополя — набеги обоих племен оставляли за собой страшную «скифскую пустыню» (*ἡ Σκιθικὴ ἐρημία*), и это ходячее, известное с античности, выражение получило в VI в. новое конкретное содержание (*Anecd.*, 18, § 20—21). Переходя Дунай, анты вместе со склавенями, нередко и с гуннами, опустошали владения империи на широких территориях Иллирии и Фракии и показывались около «Длинных стен» — передового укрепления на подступах к столице. Анты двигались большими отрядами, целым войском, настолько сильным и опасным, что против него императору приходилось направлять особо назначенных стратигов. Так было в первый год правления Юстиниана, когда его племянник, известный полководец Герман, будучи стратигом постоянно угрожаемой Фракии, отразил натиск антов: «Анты... перешли реку Истр и громадным войском (*στρατὴν μεγάλην*) обрушились на землю ромеев... Герман вступил с ними в бой, одолел в битве вражеское войско и перебил почти всех (антов). За такой подвиг он снискал великую славу

⁴⁶ Ср. выше (стр. 17) о путях, по которым славяне проникали в разные области империи.

⁴⁷ *Ibidem*. В Италию анты приходили в составе византийских войск (*Bell. Goth.* I, 27, § 1—2; III, 22, § 2, 5, 22).

среди всех людей, но особенно среди тех самых варваров» (*Bell. Goth.*, III, 40, §§ 5—6). И в последующие годы царствования императора Юстиниана главной функцией стратига Фракии (не провинции, а диоцеза Фракии) была охрана береговой границы по Истру от нашествий антов и склавенен. Успеха в этом трудном деле достиг стратиг Фракии Хилбудий, отражавший варваров в течение трех лет — 531—534 гг. — у переправ через Дунай; однако когда Хилбудий погиб и организованное им сопротивление со стороны империи нарушилось, «та река навсегда стала открытой для перехода варваров по любому их желанию, владения же ромеев оказались легко доступными (для врага)» — *καὶ τὸ λοιπὸν ὁ τε ποταμὸς ἐκβατὸς ἀεὶ τοῖς βαρβάροις κατ' ἐξουσίαν καὶ τὰ Ῥωμαίων πράγματα εὐεφόδα γέγονε*. (*Bell. Goth.* III, 14, § 6).

Византия не могла не считаться с антами и пыталась обезопасить их, прибегая к искусству своей дипломатии. В 545 г. Юстиниан направил к ним посольство, предлагая город, землю, деньги за мир и защиту империи от гуннов (собственно же и от них самих, антов). Но последние настолько чувствовали свою силу, что не нашли нужным согласиться на предложенные им условия, поняв невыгодные для себя цели византийских дипломатов. Как крупнейшее племя сами анты также посылали послов, хотя и не всегда успешно заканчивавших свою миссию, если судить, например, по судьбе антского посла Межамира к аварам (*Menandri* fr. 6).

Только очень сильные отряды, какие посылались антами (и склавенями) за Истр, могли увозить такое количество пленников, как это описывается Прокопием (например, более 200 тысяч уведенных в рабство ромеев; *Anecd.*, 18, § 21) или Менандром (fr. 6). Только крупные набеги могли сопровождаться такими опустошениями и грабежами, о каких пишет, например, Прокопий, многократно употребляя выражение *ἀήκεστα ἔργα* — «невыносимые бедствия». Типична его запись об одном из антских нападений на Фракию в 40-х годах VI в.: «В то время анты обрушились на земли Фракии и многих из тамошних ромеев ограбили и обратили в рабство. Они их угнали и вернулись к себе на родину» (*Bell. Goth.*, III, 14, §§ 11—12). Характерен здесь глагол *ἐπισκῆπτω* — тяжело, стихийно обрушиваться, безудержно набрасываться.

Темпы передвижения антов, как и склавенен, не могли быть приравнены к быстрым переходов, которые делали кочевники на конях. Следовательно, славянские племена жили гораздо ближе к объектам своих непрерывных нападений, чем легко перемещавшиеся степняки — наездники, и потому поселения антов и склавенен, находились, надо думать, в небольшом количестве в соответственных районах дунайского левобережья. Это ничуть не исключает и более широкого ареала распространения антов — в частности на восток, в сторону Приднепровья. Византийские писатели говорят не только о «κῶμαι» и «ἄγροι», но о целой «земле антов» (*ἡ γῆ τῶν Ἀντῶν*, *Menandri* fr. 6), об их «родине», «родных областях» (*τὰ πατρία*, *Bell. Goth.*, III, 14, § II); об антах и склавенях вместе Прокопий отзывается как о «народе» (в смысле большого племенного объединения, а не мелкого племени) *ὁ λαός* (= *λαός*, там же, III, 14, § 30).

Таким образом, едва ли можно утверждать, что анты распространялись лишь к востоку от Днестра, как сообщил Иордан, проявивший в данном месте своего труда стремление к чрезмерно точному проведению географических границ, что антов не было на северном берегу Дуная. Вернее предположение, что они не только смыкались по четкой линии Днестра со склавенями, но и проникали в области расселения последних, перемежаясь с ними по крайней мере в восточной части северного Подунавья.

Объединяя свои сообщения об антах и склавенах, Прокопий пишет, что и те и другие «владеют (νέμονται) большей частью противоположного побережья Истра» (там же, III, 14, § 30), что и те и другие «основались за рекой Истром, недалеко от его берегов» (там же, I, 27 § 2). При этом тот же автор даже подчеркивает, что анты жили в ближайшем соседстве со склавенами — «Ἄνται, οἱ Σκλαβηῶν ἀγχιῶτα φηῖνται (там же, III, 40, § 5), и делает ударение на их тесном соприкосновении (может быть — взаимопроникании?), употребляя превосходную степень в наречии ἀγχιῶτα.

Нельзя забывать, что где бы ни жил Иордан, когда писал свое сочинение,⁴⁸ и откуда бы ни рассматривал Кассиодор изображаемые им события, во всяком случае оба автора находились гораздо южнее и западнее тех мест, которые описывали, касаясь славянских племен. Иными словами, едва ли могли быть известны им северные и восточные пределы распространения антов. Если Иордан слишком определенно ограничил расселение антов Днестром и Днепром, то, казалось бы, можно ждать разъяснения от Прокопия, который один раз обмолвился о восточных районах, населенных антами. Вовсе не имея последних объектом специального внимания, Прокопий лишь упомянул о них, описывая «окружность» (περίοδος) Понта Евксинского от Халкедона в Вифинии до Константинополя. Среди рассматриваемых Прокопием областей наиболее темной для автора остается часть побережья между Таврикой и дельтой Истра, хотя, в связи с политической Юстиниана, писатель неплохо осведомлен о расселении гуннских племен кутригуров и утигуров; первые занимали места к западу от Танаиса и Мэотиды, вторые — к востоку. После определения территории утигуров Прокопий и «роняет» ставшее общеизвестным и, к сожалению, предельно краткое замечание о территории, занятой антами: «выше их (то есть утигуров) к северу обосновались безмерные племена антов» (καὶ αὐτῶν καθ' ὑπερθεὶν ἐς βορρᾶν ἀνεμὸν ἔδνην τὰ Ἄντων ἀμετρα ἴδονται) (Bell. Goth., IV, 4, § 9). Если буквально следовать тексту, то получается, что анты распространялись к северу от территории, ограниченной с запада Мэотидой и Доном, так как эта именно территория была занята утигурами. Но продолжается ли здесь у Прокопия та же строгая последовательность в описании «окружности» Понта Евксинского, какая соблюдалась им до сих пор? По-видимому, нет: как раз на Мэотиде и Таврике она нарушается. Помимо вставок об устье Танаиса и Мэотиды, помимо повествования о событиях в жизни гуннов (кутригуров и утигуров) и троекратного возвращения к вопросу о готах-тетракситах, что отвлекло автора от основной линии его рассказа (впрочем, кое в чем могла быть и позднейшая интерполяция), в эту часть сочинения Прокопия вкрались мало свойственные ему ошибки: с Херсоном, столь хорошо известным Византии, оказались объединенными отдаленные от него города Таманского полуострова (там же, IV, 5, § 28). Кроме того, начиная отсюда, вдруг свертывается, сокращается подробное описание «окружности» Понта; создается впечатление о худшей осведомленности автора относительно этого северного и северо-западного отрезка побережья. Последние этапы намечены совершенно кратко: «от города Херсона до устьев реки Истра, которую называют также Данубием, пути десять дней, и всей тамошней землею владеют варвары» — «βάρβαροι δὲ τὰ ἐκείνην ἔβησαντα ἔχουσιν» (там же, § 29). И дальше: «отсюда же [от устьев Истра] вплоть до Византия все земли принадлежат императору ромеев. Такова округность Евксинского Понта от Халкедона до Византия» (там же, § 31).

⁴⁸ Ср. прим. 3.

Следовательно, хуже других частей Прокопий показал северо-западную часть «окружности», обойдя молчанием как раз устья Днепра и Днестра и ту излучину морского берега между ними, которую назвал Иордан, определяя южную границу распространения антов (qua Ponticum mare curvatur. Get. § 35). На побережье к югу от дельты Дуная Прокопий не нашел нужным остановиться, потому что лежащие здесь византийские владения всем известны. Тут же он и сам констатировал приблизительность своего описания, говоря, что вообще по берегам Понта «обитает огромное множество варваров, причем у ромеев с ними нет никакого общения (ἐπιμείξια) кроме случаев посольства» (там же, § 32). В другом месте он прямо указывает на невозможность точного исследования (ἀκριβολογεῖσθαι) районов за Истром (т. е. севернее его), так как варвары сделали недоступной (βατήν ἤμιστα) ту часть побережья для ромеев (Bell. Vand. I, 1, § 10).

Таким образом выясняется, что Прокопий сам сознавал свое бессилие с точностью описать северо-западное Причерноморье. Не обладая детальными сведениями об этих местах, он, очевидно, пользовался картой, что подтверждается его выражением καθ' ὑπερθεὶν ἐς βορρᾶν ἀνεμὸν, которое свидетельствует о карте, ориентированной на север. На картах, бывших в употреблении в V—VI вв., не могло быть хоть сколько-нибудь точного распределения территорий, занятых разными племенами северного Причерноморья. Явно не точно и указание направления антской территории (к северу от утигуров, живших восточнее Дона).

Следовательно, слова Прокопия о «безмерных племенах антов» к северу от степей, где располагались гуннские примэотийские племена, имеют самое общее, приблизительное значение. В таком смысле они не лишены известной правильности, так как южные славянские племена восточной ветви, т. е. анты, действительно жили в северо-западном направлении от Мэотиды и как раз на трудно доступной для византийца территории — вглубь от северо-западных берегов Черного моря. Вполне верным в разбираемой цитате является утверждение Прокопием поразительной многочисленности антских племен. Итак, даже краткая и нечеткая запись одного из лучших историков VI в., сделанная одновременно с Иорданом, в общем не противоречит данным последнего, а до некоторой степени дополняет их, так как подчеркивает самое широкое распространение антов около Днепра. Если трудно представить себе «непереходимость» Днестра для антов, то Днепр — и это крайне вероятно — был (в V—VI вв.), действительно их границей и оборонительной линией с востока от агрессии обитателей степи⁴⁹.

Делались, однако, попытки счесть краткое сведение об антах, записанное Прокопием, полностью, так сказать, ответственным. Г. В. Вернадский полагает, что те анты, о которых Прокопий сообщил, что они живут к северу от примэотийских утигуров, были потомками спалов, встреченных готами при их движении на юг, в припонтские области. Спалы обитали где-то на берегах Танаиса; остаток их этнического имени сохранился

⁴⁹ Б. А. Рыбаков, пожалуй, слишком буквально толкует сообщение Прокопия Bell. Goth., IV, 4, § 9 (Б. А. Рыбаков. Анты и Киевская Русь. ВДИ, 1, 1939, стр. 320: «Итак, направление на север от Мэотиды к VI в. является восточным пределом земли антов», стр. 321: «Итак, письменные источники определяют землю антов широкой полосой от Дуная до Дона»); на основе такого толкования территория антов показана на карте (стр. 320), как заходящая на левобережье Днестра. В книге П. Н. Третьякова «Восточнославянские племена» (М., 1948) анты в VI в. отмечены на карте только на правом берегу Днестра (1948, стр. 74), с чем нельзя не согласиться, но на более схематичной карте во 2-м издании (1952) этой же книги (стр. 157) они распространяются и на левый берег Днестра.

в названии реки Оскол, на которой, по мнению Г. В. Вернадского, готы напали на спалов. Таким образом анты, упомянутые Прокопием, жили в VI в. в районах спалов II в. В связи с тем, что анты в VI в. несомненно в Западной Причерноморье, Вернадский признает наличие двух групп антов: западная группа, которую знал Иордан, жила (с II—III в.) по берегам Буга, восточная же, не соприкасавшаяся с западной и неизвестная Иордану, обитала (уже во II в.) на берегах Донца⁵⁰. Конечно, в течение ряда веков (III—VI) происходило много передвижений племен как в северном Причерноморье, так и в Подунавье, в связи с чем племена могли разделяться, разрываться на части, оседая в разных, отдаленных друг от друга, местах. Тем не менее едва ли следует излишне часто обходить несомненные трудности вопросов о местах расселения племен путем предположения о том, что они бывали разделены. В книге Г. В. Вернадского подобная картина констатируется в отношении и антов, и готов, и бургундов, и герулов. Не слишком ли одинаково объяснение судеб этих племен? Что касается антов, то, как было сказано выше, представляется более вероятным и естественным пытаться отнести сообщения и Иордана, и Прокопия к одному, вероятно весьма крупному, объединению племен, именуемых в источниках антами и, соответственно Иордана, и Прокопия в VI в. на нижнем Днепре, Буге, Днестре и частично Дунае.

Относительно связи антов с берегами Днепра сообщается в рассказе Иордана об антском князе со славянским именем Бож (в большинстве рукописей — *Boz* или *Booz*, один раз — *Box*) и о войне между готским королем Винитарием и гуннским предводителем Баламбером⁵¹.

В этих текстах, хотя и посвященных событиям, оставившим яркий след в памяти и предании потомков, повествование слишком сжато, чтобы быть раскрытым с полной отчетливостью. Но все же эпизоды, сохраненные Иорданом — и им одним — несколько обогащают дошедшие до нашего времени обрывки истории антов и потому являются драгоценным свидетельством для историка.

События произошли во время правления остrogотского «короля» (рикса) Винитария. В связи с этим и следует добиться возможного хронологического уточнения рассказов Иордана. В § 246, возвращаясь к теме об остроготах, Иордан перечисляет факты, с которыми он должен связать свое повествование, а именно: смерть Германариха, отделение визиготов от остrogотов и уход первых на запад, подчинение остrogотов гуннам (*Hunnogum subditos ditioni*), пребывание остrogотов на прежних местах в «Скифии» (*Scythicae sedes; in eadem patria*). После этого Иордан сразу переходит к Амалу Винитарю и, сравнивая его с предшествующими правителями, упоминает деда его Вультульфа, а за ним — Германариха (§ 247). Исходя из этого места в сочинении Иордана, как будто и допустимо считать Винитария непосредственным преемником Германариха, то есть начавшим свое правление примерно с 376 г.

Однако по генеалогии готских королей, которую сам Иордан тщательно переписал на страницы своего труда (§ 79), Винитарий оказывается в третьем поколении после Германариха, приходясь ему внучатым племянником, так как брат Германариха, Вультульф, «родил Валараванса, а Валараванс родил Винитария». Значит, последний не отмечен в генеалогическом списке как непосредственный преемник Германариха: между ними

⁵⁰ G. Vernadsky. *Ancient Russia*. New Haven Yale University Press, 2-е изд. 1944, p. 104—107.

⁵¹ *Get.*, § 247—249. Иордан называет «королями» («риксами», *reges*) всех этих вождей — и готского Винитария, и славянского Божа, и гуннского Баламбера. Так же и в соч. Аммиана Марцеллина (XXXI, 3, 3; 4, 12; 5, 4; 5, 7; 6, 5), Прокопия и других.

назван Валараванс. Этому нельзя не придать значения. Генеалогия древних правителей племени была бережно собрана и сохранена в готской среде. Об этом писал Кассиодор в письмах канцелярии остrogотского двора (*Variae*, IX, 25 и XI, 1; ed. Mommsen. MGH, Auct. ant., XII). Несомненно, что Иордан с полной точностью зафиксировал в своем произведении всю генеалогическую таблицу, причем надо думать, что имена, перечисляемые в ней, принадлежали только вождям, а не перемежались именами некоролей из рода Амалов. Итак, признавая официальный характер генеалогии готских королей, приходится развести начало правления Винитария и год смерти Германариха. Он умер, как принято считать⁵², в 376 г., после чего и развернулись описанные Иорданом события борьбы между готами, антами и гуннами. Следовательно, поход остrogотов с Винитарием на антов — уже после покорения остrogотов гуннами — едва ли мог произойти в 375 г., как полагают авторы ряда исследований⁵³, а произошел позднее и, что явствует из анализа текста, — не в самом начале правления Винитария. Последний лишь понемногу (*paululum*) стал освобождаться, выходя из-под власти и контроля гуннов, и не сразу, а постепенно подготовившись, в самостоятельном походе, без ведома гуннов, напал на антов. В столкновениях между войсками Винитария и антского князя Божа, несмотря на краткость сообщения, указаны три этапа: сначала анты победили остrogотов, затем остrogоты одолели антов, затем последовала устроенная как публичное зрелище казнь Божа, его сыновей и 70 приматов (*primates*). Все это тоже потребовало времени. По всем вышеуказанным соображениям дату борьбы Винитария с Божем и, тем более, расправы с целым племенем, которое лишилось своей верхушки, необходимо отодвинуть по крайней мере на самый конец IV, а то и на начало V столетия.

Судя по длительности подготовки остrogотов к походу, по доставшейся не сразу победе и по особенной казни побежденных врагов, можно заключить, что анты представляли собой значительную и организованную силу в виде крупного объединения племен, при наличии социального расслоения с достаточно мощной верхушкой. Излишне констатировать как первичное явление дифференциацию в антском обществе по данным VI в., если уже к началу V в. анты, по сообщению Иордана, имели и князя, и многочисленную знать. Показательна казнь Божа, его сыновей и 70 приматов: она отличается чертами политической демонстрации, которая, по-видимому, настолько потрясла современников, что оставила яркий след в традиции. Это памятное событие крепко держалось в предании и через полтора века отразилось в красноречивой, хотя и скупой, передаче историка, отнюдь не склонного к красочным описаниям. Несомненно, что остrogоты торжествовали свою победу над антами, рассматривая их как важного и крупного противника, объединенного с гуннами, и, более того, по-видимому, вышедшего из-под их, остrogотов, власти. В словах Иордана сквозит повышенная враждебность остrogотов к антам, выражена мстительная жестокость победителей к побежденным. Ясно, что в ту эпоху насильственное истребление людей, всевозможные казни как государственного, так и частного порядка, не представляли собой какого-то небывалого, редкостного

⁵² Л. Шмидт (L. Schmidt. *Geschichte der deutschen Stämme*, S. 252—253) полагает, что Германарих убил себя в 370 г. Ф. Ло (F. Lot. *Les invasions germaniques*. Paris, 1935, p. 58) относит покорение остrogотов гуннами к 375 г.

⁵³ Б. А. Рыбаков. *Анты и Киевская Русь*, стр. 334; П. Н. Третьяков. *Восточнославянские племена*, 1-е изд., стр. 67; 2-е изд. М., 1953, стр. 147; Б. Д. Греков. *Киевская Русь*. М., 1949, стр. 436; F. Dvornik. *The Slavs, their early history and civilization*. Boston, 1956, p. 25.

явления. И тем не менее, в данном случае казнь Божа и антской знати отмечена особо: сообщается и об особом виде казни — распятии, и об особой цели внушить ужас фактом позорного уничтожения могущественных людей — представителей племени, и о желании утвердить на будущее этот страх среди «сдавшихся на милость» (*dediticis*) зрелищем висящих трупов казненных⁵⁴.

Из слов Иордана выясняется до некоторой степени связь между антами и гуннами именно в период описываемых событий. Король остроготов «с горечью переносил» подчинение гуннам и... пошел войной на антов. После победы над антами остроготы избавились от подчинения гуннам и пользовались свободой около года. Этого «не потерпел гуннский рикс Баламбер» и явился отомстить за расправу над антским князем и восстановить гуннскую (антскую?) власть над остроготами. Произошли сражения между остроготами и гуннами на реке Эрак, хотя до сих пор остроготы воевали только с антами. На основе этих смутно обрисованных взаимоотношений между остроготами, антами и гуннами возникает вывод, что гунны, покорившие остроготов, имели антов своими союзниками, причем, быть может, предоставили им, как живущим близко к областям остроготов, право собирать дань с последних. Во всяком случае, в рассказе Иордана анты изображены как бы аванпостом гуннов в сторону остроготов. Вместе с тем, разгром антов Винитарием кажется ответом на отход последних от готов, так как до того времени они подчинялись главной задаче остроготов, а возвращение себе независимости от гуннов. Как известно, в начале V столетия гунны в основной массе уже были на Дунае⁵⁵. Для того, чтобы вмешаться в дела антов, разгромленных остроготами, и вновь подчинить себе последних, гуннам, несомненно, пришлось двинуться куда-то на восток. Они сделали это не сразу, а спустя год; отсюда можно заключить, что поход на восток против остроготов был не мелким предприятием где-то поблизости, а крупным делом, сопряженным с далеким путем.

Куда же гунны направили свой поход? Иначе — где располагались остроготы в конце IV в.? Где именно произошла битва между гуннами с Баламбером и остроготами с Винитарием? Иначе — какой реке соответствует река с именем Эрак, на которой сошлись противники?

Иордан многократно указывает, что готы, продвинувшись с севера, обосновались у берегов Понта Евксинского. Позднее, когда они уже разделились на остроготов и визиготов, первые прочно жили у морского побережья. Судя по контексту — а здесь Иордан делает много запутывающих его изложение длинных отступлений — их область находилась где-то

⁵⁴ Способ, которым остроготы умиротворили Божа, его сыновей и антских приматов, передается глаголом *adfigere* — прикреплять, привешивать. Распятие, прикрепление к кресту, практиковалось среди гуннов и применялось, по-видимому, в особо важных случаях, как казнь наиболее «эффективная». Приск рассказывает о казни распятием, причем казнены были перебежавшие к ромеям сыновья знатных гуннов «царского происхождения» (*Prisci fragm.* I, ed. Dindorf, I, p. 277). Приск употребляет глагол *σταυρῶν* (σ σταυρός — крест).

⁵⁵ Став близкими соседями Византии, которая привлекала теперь все их внимание, и не достигнув еще полного объединения и могущества, гунны старались угодить империи. Примером тому может служить присылка императору Аркадию гуннским (задунайским) предводителем Ульдином головы готского комитета Гайны в 400 г. См. хронику Марцеллина комита под 400 г. (*MGH, Auct. ant.*, XI), сочинения Сократа, VI, 6 (ed. W. Bright. Oxford, 1878) и Зосима, V, 22 (ed. Mendelssohn. Leipzig, 1887). Ср. также сообщение о гуннах и аланах во Фракии и в Дакии уже в конце IV в. (*Aurel. Vict. Epit.*, 47, § 3, ed. Pichlmayr, p. 173).

близ устья Днепра и на прилегающих берегах залива⁵⁶. Следовательно, остроготы были тогда соседями антов, и быть может заходили на левобережье (древняя Гилея?) Днепра.

Вполне точно о месте военных действий между остроготами и гуннами (а также, вероятно, и о месте, где происходили столкновения между остроготами и антами) свидетельствует упоминание Иорданом реки Эрак (§ 248—249). Моммзен без колебаний согласился на толкование, данное в трактате Константина Порфирородного «*De administrando imperio*», гл. 45: ὁ Ἐραξ ἦτοί ὁ Φάσις. В древности последним именем обозначались две реки — либо Рион, либо верхнее течение Аракса. У Константина подразумевается не Фасис—Рион в Колхиде, а Фасис—Аракс (Ἐραξ) в Армении⁵⁷. Ясно, что война между остроготами и гуннами, вызванная нападением Винитария на антов, не могла произойти в Закавказье, а произошла там, где жили в конце IV—начале V вв. остроготы. Поход гуннов был для них весьма опасен, и они, надо думать, отходя на восток, подошли к крайнему своему пределу — Днепру, где Баламбер убил Винитария и одержал победу. Значит, река Эрак, соответственно топографии и ходу событий, по всей вероятности — нижний Днепр. В недавно вышедшем русском этимологическом словаре⁵⁸, под словом Днепр, разобраны различные названия этой реки («*ein schwieriger Name*») и между прочим указано, что название *Вароух*, приводимое Константином Порфирородным⁵⁹, возможно, переключается с осетинским *vārūx* (в значении «широкий»). Отождествление Эрак—Днепр подтверждается некоторыми более поздними средневековыми аналогиями. На итальянских мореходных картах — портоланах XIV—XV вв. встречается обозначение Днепра названиями *Egexe*, *Egesse*, *Elexe*, *Elise*. В записях венецианского купца Иосафата Барбаро, который много лет (с 1436 по 1452 г.) прожил в городе Тана близ устья Дона, названа река Эличе (*Elise*). Соответственно контексту под ней следует подразумевать Днепр⁶⁰. В этих источниках отражена не древняя топонимика, которая, конечно, уже отмерла в XIV—XV вв. и могла встретиться лишь в литературных произведениях, но живая, обиходная топонимика, воспринятая из словаря местного населения. Портоланы и записи купца создавались практиками в помощь деловому ознакомлению со странами, где было выгодно торговать. Поэтому можно быть уверенным, что название *Egexe* (и другие, близкие ему фонетически, формы) было в XIV—XV вв. общеизвестным названием Днепра. Отсюда допустимо заключение, что и имя Эрак относилось к Днепру. Возможно, что Эраком, *Egexe*, *Elise*, называли Днепр только в его нижнем течении, то есть ниже порогов, примерно начиная от Крарийской переправы, к которой в течение столетий сходились многие степные пути.

Итак, внимательное рассмотрение свидетельства Иордана и других письменных источников об антах позволяет извлечь следующие сведения: что Иордан и Прокопий, ведя речь об антах — один со стороны запада, другой со стороны востока (от Кавказа), — имели в виду восточную границу антов на берегах Днепра (разумеется, где-то в части нижнего течения);

⁵⁶ Ср. *Get.*, § 38, 42, 46, 82, 89, 246. Нельзя забывать, что обитание остроготов в этих местах относится к IV—началу V вв., а сообщение Иордана об антах, живущих в излучине моря между Днестром и Днепром, относится уже к VI в.

⁵⁷ У Иордана три раза упомянут Аракс в Армении: *Araxes*, *Abrahes* (§ 30, 43, 61).

⁵⁸ *Russisches etymologisches Wörterbuch von Max Vasmer*. I—II, Heidelberg, 1953—1955.

⁵⁹ *De adm. imp.*, cap. 38, ed. Gy. Moravcsik, p. 174; ed. Bonn., p. 171.

⁶⁰ «*Viaggio alla Tana*», I, in: G. B. Ramusio. *Navigazioni e viaggi*, I, Venezia, 1559 и др. издания.

что в эпизоде об антском князе Боже содержится приблизительная дата, когда уже существовал антский племенной союз, а именно конец IV — начало V в., и намечается территория этих антов — близ берегов р. Эрака, т. е. Днепра (нижнего); что на рубеже V столетия днепровские анты входили в число союзников гуннов; что тогда же остроготы, будучи покорены гуннами, в какой-то мере подчинялись антам.

Свидетельства Иордана о попытках остроготов, уже покоренных гуннами, вернуть себе независимость, об их походе на антов и об их окончательном поражении на р. Эрак гуннским предводителем Баламбером являются единственными и никак, при современном количестве и содержании сохранившихся источников, не могут быть ни сопоставлены с другими материалами, ни проверены.

Более того, факты, приводимые Иорданом и анализированные здесь выше, не упомянуты современником событий Аммианом Марцеллином, и даже как будто расходятся с его данными. У Аммиана преемником Германариха назван Витимир, погибший в битве с аланами, а преемником Витимира — малолетний Витерих, о Винитарии же, герое Иордана, нет ни слова⁶¹. Это, по-видимому, привело такого знатока истории германских племен, каким был Людвиг Шмидт, к мысли о том, что «привязанные к Германариху короли Винитарий, Хунимунд, Торисмуд измышлены»⁶², что рассказы Иордана в большей части не отражают оригинальной готской традиции, но являются «выдумкой Кассиодора»⁶³. Едва ли с таким мнением можно безоговорочно согласиться. Конечно, Аммиан Марцеллин принадлежит к серьезнейшим историкам своего времени, будучи и современником, и иногда свидетелем событий, которые он описал. Но он — как, например, и Прокопий — хуже другого знал о судьбах племен в Причерноморье и к северу от Дуная. Представляется вероятным, что его сведения не могли быть полными: нашествие гуннов раскидало готов, разделило их на оторванные друг от друга части, и проследить историю каждой отдельной группы было невозможно даже для современника. В изложении Аммиана различаются и переплетаются многие, порой не совсем отчетливые группы готов. Он называет готов «оптиматов» Сверида и Колии, группу Алавива и Фритигерна, группу Фарнобия, группу Алафея и Сафрака, наконец — вообще «Gothorum reliquae gentes». Ничто не мешает предположить, что Иордан, со своей стороны, в соответствии с близкой ему традицией, описал историю еще одной подобной группы.

Апокрифичность сообщений Иордана, о которой столь решительно заявил Л. Шмидт, невозможно доказать, тем более что некоторые из сведений, записанных Иорданом, перекликаются со сведениями, находимыми у Аммиана (у обоих упомянуты Фритигерн, Алафей и Сафрак, оба одинаково отразили состояние Германариха перед смертью). Кроме того, те именно события, о которых нет речи в сочинении Аммиана, затруднительно считать вымыслом, так как они вовсе не носят характера восхваления, не содержат в себе ничего прославляющего готов, и, следовательно, они не тенденциозны (победа над антами не принесла готам свободы, сражение с гуннами — да еще в определенном географическом районе, вовсе, так сказать, не «готском»! — принесло готам поражение). На фоне таких соображений особенно выделяется, как выдающееся по интересу для любого

⁶¹ Г. Вернадский (G. Vernadsky. Ancient Russia, p. 121) допускает, что преемник Германариха имел два имени: Винитарий — готское имя, отмеченное Иорданом, Витимир — славянское имя, отмеченное Аммианом. Таким образом, свидетельства обоих писателей могут относиться к одному лицу.

⁶² L. Schmidt. Geschichte... S. 253.

⁶³ Ibidem.

историка, раннее сообщение о славянском племени антов, мимо чего недопустимо пройти без внимания и без анализа. В известной мере, с учетом рассказа Аммиана, не отвергает серьезности слов Иордана об антах Г. В. Вернадский, который однако, путем сложного и не очень убедительного доказательства, принимает антов за ассов — аланов, союзников гуннов⁶⁴.

* *

*

Имя антов в письменных источниках (кроме антов Божа у Иордана) относится к весьма недолгому периоду: только к VI в. и, быть может, к самому началу VII в. Найти причину исчезновения в текстах средневековых авторов этого этнического названия еще не удастся; утеряно оно и в традиции, питавшей начальную русскую летопись, несмотря на то, что исследователи угадали в ней много следов устной народной литературы. Однако, быть может, анты не совсем исчезли из преданий, которые отразились в летописи, но их имя все же сохранилось в ней, однако, не в форме, принятой известными нам писателями VI—VII вв. («Анты» Прокопия, Менандра, автора «Стратегикона», Феофилакта Симокатты, «Antes» и «Anti» у Иордана). Некоторые ученые — более или менее осторожно — ставили вопрос: не было ли имя «дулебы», четко упоминаемое в «Повести временных лет», синонимом имени «анты»?

Д. С. Лихачев в комментарии к последнему изданию «Повести временных лет» не сблизил эти два названия, хотя упомянул⁶⁵ соответствующие страницы труда Б. Д. Грекова «Киевская Русь». А Б. Д. Греков почти поставил знак равенства между антами и дулебами, исходя, как он сам указывает, из некоторых соображений В. О. Ключевского⁶⁶.

Наблюдения Ключевского и общий, но не до конца сформулированный вывод Грекова послужили импульсом для попыток дальнейшего уточнения важного исторического факта. Украинский археолог М. Ю. Брайчевский⁶⁷ настоятельно выразил мысль о тождестве антов и дулебов именно в VI в., когда византийские письменные источники достаточно часто упоминают первых, а вторые совершенно точно констатированы русской летописью⁶⁸. Доводы М. Ю. Брайчевского сводятся к следующему: антское объединение и дулебский союз располагались в одно и то же время на одной и той же территории — по Днестру, по Бугу, по правобережью Днепра; в связи с этим трудно предположить существование двух разных крупных политических объединений на одной и той же территории, в одно и то же время, у одних и тех же восточных славян; и анты и дулебы вели борьбу с аварами и, не выйдя из нее победителями, сошли с исторической

⁶⁴ G. Vernadsky. Op. cit., p. 90, 120—130.

⁶⁵ «Повесть временных лет», т. II. М.—Л., 1950, стр. 222, 224—225.

⁶⁶ Б. Д. Греков. Киевская Русь. М., 1949, стр. 437—438. Рассмотрев известия о дулебах в «Повести временных лет» и о вольнягах в «Золотых лугах» Масуди, автор приводит цитату из «Курса русской истории» В. О. Ключевского (т. I, 1937, стр. 103—104) о том, что «дулебы господствовали над всеми восточными славянами и покрывали их своим именем», о том, что образовался «большой военный союз под предводительством князя дулебов». Соглашаясь с этим представлением В. О. Ключевского о союзе славянских племен, возглавлявшемся дулебами, Б. Д. Греков непосредственно ниже говорит: «Итак, анты (подчеркнуто мной. — Е. С.)... уже в VI—VII веках создали свою политическую организацию».

⁶⁷ М. Ю. Брайчевский. Антский период в истории восточных славян. «Археология», т. VII, Киев, 1952, стр. 21—42.

⁶⁸ ПСРЛ, т. I, вып. I (1926), стр. 11—12; «Повесть временных лет», т. I. М.—Л., 1950, стр. 13—14 и 209—210.

арены, причем даты их уничтожения («их знищения») или сильного поражения аварами совпадают.

Указанный исследователь убежден, что ряд подобных совпадений не может быть случайным: «дулебский союз племен и антское политическое объединение — одно и то же историческое явление, которое оставило под разными названиями свои следы в разных литературных трудах»⁶⁹. Для обоснования своих соображений М. Ю. Брайчевский стремился опираться на письменные византийские источники, но, к сожалению, пользовался для этой цели только малоудовлетворительным для научного исследования изданием русских переводов кратких отрывков из них⁷⁰. Не имея перед глазами критического издания источника в оригинале, он, например, игнорирует более раннего писателя, каким был Феофилакт Симокатта (VII в.), в пользу более позднего — Феофана (IX в.), кое-где буквально повторявшего данные Феофилакты⁷¹. Едва ли правильно упрекает М. Ю. Брайчевский В. О. Ключевского в том, что последний не усмотрел («не разглядал») в антах дулебский союз племен, не обратил внимания на рассказ Менандра о посольстве Межамира к аварам и не сопоставил («досить порівняти») этого рассказ с рассказом о дулебах в летописи, не сопоставил гибели антов и дулебов от одного и того же врага, в одно и то же время. Ведь и сам автор статьи об антском периоде в истории восточных славян не проявил достаточного внимания к свидетельствам источников. Дело в том, что сообщение Менандра (об антском после Межамире, сыне Идаризия, брате Келагаста)⁷⁴, которое М. Ю. Брайчевский считает наиболее красноречивым и доказательным для своего тезиса, не свидетельствует об окончательном поражении антов аварами и не относится к тому времени, когда, примерно, исчез антский союз. После того, как авары убили Межамира, нарушив неприкосновенность особы посла, они двинулись опустошать область антов. Менандр сообщает об этом краткой, но вполне ясной фразой: «... с тех пор больше, чем раньше, стали они разорять землю антов и не переставали захватывать рабов, увозя людей и увозя имущество» — «ἐξ ἐκείνου πλέον ἢ πρότερον ἐτέρων τῆν γῆν τῶν Ἀντῶν καὶ οὐκ ἀνίσταν ἀνδραποδιζόμενοι καὶ ἄγοντές τε καὶ φέροντές». Из этих слов видно, что нападения аваров на землю антов, увоз людей в рабство и грабежи продолжались и даже усиливались. Менандр констатирует продолжение совершавшихся и раньше враждебных действий аваров по отношению к антам, что понятно и из грамматического строя фразы (формы глаголов). Он констатирует также стремление антов выкупить своих плен-

⁶⁹ М. Ю. Брайчевский. Ук. соч., стр. 39.

⁷⁰ А. В. Мишулин. Материалы к истории древних славян. Древние славяне в отрывках греко-римских и византийских писателей по VII в. н. э., ВДИ № 1 (14), 1941, стр. 230—280.

⁷¹ Например, стр. 31, прим. 8. О Мусокии, предводителе склавенов (не антов), первым написал Феофилакт Симокатта, VI, 9, 1—6 (ed. de Boor, p. 236—237). Все заимствования Феофана у более ранних писателей тщательно отмечены в превосходном издании К. де Боора.

⁷² М. Ю. Брайчевский. Ук. соч., стр. 38. — Необходимо подчеркнуть, что соображения, высказанные Ключевским более полувека тому назад, воспринимались некоторыми учеными даже как окончательное установление тождества между антами и дулебами. В 1946 г. в книге «Славяне в древности» академик Н. С. Державин писал: «В. О. Ключевский в своем «Курсе русской истории» (т. I)... высказался в том смысле, что именно дулебы господствовали в VI в. над всеми восточными славянами и покрывали их своим именов. — Таким образом Ключевский, говоря о существовании у восточных славян на Карпатах в VI в. «большого военного союза под предводительством князя дулебов», тем самым разрешал проблему об антах в том смысле, что это были дулебы» (стр. 14—15).

⁷³ Там же, стр. 39.

⁷⁴ Menandri Fragm. 6 (ed. Dindorf, II, p. 5—6).

ников и наладить мир с аварами путем переговоров через посла, не оказавшегося, впрочем (как видно из слов Менандра о спеси и хвастливости Межамира), хорошим дипломатом и погибшего, не достигнув успеха, при исполнении своей миссии. Одним словом, событие с посольством Межамира не может рассматриваться, как непосредственно предшествовавшее разгрому антов аварами. Особенно важно обратить внимание на то, когда оно произошло. Из повествования Менандра следует, что эпизод с антским посольством случился сразу после первого аварского посольства в 558 г. ко двору Юстиниана, когда византийская дипломатия толкнула аваров на враждебные Византии гуннские племена утигуров, залов и савиров, а затем и на антов. Авары в пору этого первого их посольства в Константинополь в 558 г. были соседями аланов (на северном Кавказе) и утигуров (около Мэотиды); тогда же они начали движение на запад и, перейдя Днепр, стали — вероятно, в угоду Византии — нападать на антов. Поэтому посольство Межамира к аварам едва ли можно датировать временем позже 559—560 года⁷⁵. Таким образом, вышеупомянутый текст Менандра не годится для подкрепления тождества «анты—дулебы».

Конечно, для историка крайне заманчиво всесторонне разрешить задачу об антах, в числе прочего — найти возможность объяснить «конец» их исторического существования (как антов), уточнить их как бы заявляющую о себе связь с летописными дулебами... Но при имеющемся составе источников эта задача пока остается неразрешимой. Тождество антов и дулебов, несмотря на авторитет Ключевского и Грекова, может быть лишь слабой гипотезой, остро нуждающейся в подкреплении и в устранении возражений (в числе последних особенно важно возражение, связанное с дулебами, локализуемыми на реке Мораве, в Чехии). Что же касается «конца» антов, то приходится ограничить себя лишь рассмотрением того свидетельства о них, которое является для нас последним. Оно, к сожалению, не дает полного ответа на вопрос о том, почему и каким образом племя (или союз племен), определявшееся современниками как могущественное и многочисленное, исчезло из сочинений историков. Мало вероятным кажется предположение о быстрой ассимиляции в среде иных племен (тем более — так же, как и анты, славянских!); еще менее вероятно мысль о наступившей слабости антов, в силу чего у византийцев, будто бы, пропала вдруг надобность даже упоминать о недавних опасных врагах.

Итак, последним писателем, назвавшим имя антов на страницах своего труда, был Феофилакт Симокатта. В VIII-ой книге своей «Истории» он сообщил, что аварский хаган, воевавший против ромеев, послал своего военачальника Апсиха с поручением «совершенно истребить племя антов», так как анты были тогда союзниками ромеев, хотя прежде нередко бывали союзниками аваров, как это показано, например, у Менандра. Вот эта фраза Феофилакты Симокатты: «ἄταρ τὰς Ῥωμαίων ἐφόδους ὁ χαγάνος μεραβητικῶς τὸν Ἀψίχ μετὰ στρατοπέδων ἐξέπεμπεν, ὅπως τὸ τῶν Ἀντῶν διολέσειεν ἔθνος, ὃ σύμμαχον Ῥωμαίοις ἐτόχχανεν ὄν». — «между тем хаган, узнав о нападении ромеев, послал Апсиха с войсками с тем, чтобы истребить племя антов, которое было в союзе с ромеями»⁷⁶. Выразителен глагол διόλλυμι, — совершенно, до конца уничтожить. Автор, записавший это известие, не развил своего сообщения и не сказал, удалось ли Апсиху покорить антов, тем более — истребить их⁷⁷.

⁷⁵ См. Gy. Moravcsik. Byzantinoturcica, Bd. I, 1942, S. 254—257.

⁷⁶ Theophyl. Sim., VIII, 5, 13, ed. C. de Boor. Lipsiae, 1887, p. 293.

⁷⁷ Это же сообщение, переписанное дословно, одиноко мелькнуло в «Хронографии» Феофана (Theophanes. Chronographia, ed. C. de Boor, t. I, p. 284). В вышеупомянутой книге Н. С. Державина (см. прим. 72) сообщение Феофана, писателя IX в.,

Необходимо только добавить некоторые соображения о дате аварского похода на антов⁷⁸. Как известно, сочинение Феофилакта Симокатты, жившего при императоре Ираклии (610—641), посвящено правлению императора Маврикия (582—602) и не выходит за пределы 602 г.⁷⁹ Таким образом, сообщение Феофилакта о намерении аварского хагана уничтожить племя антов (ὅπως τὸ τῶν Ἀντῶν διαλύσειεν ἕθνος) едва ли может относиться ко времени после 602 г. и вероятнее всего относится либо к самому концу VI в., либо к рубежу VI—VII вв.⁸⁰

принято за самостоятельное, наиболее позднее упоминание об антах, что конечно, неправильно; ошибочно Феофан назван Феодосием (Славяне в древности, 1946, стр. 17).

⁷⁸ В статье М. Ю. Брайчевского временем уничтожения антского союза аварами считается середина VII в. (ук. соч., стр. 39, 40), что неправильно.

⁷⁹ В конспективном обзоре труда Феофилакта, сделанном Фотием (ум. в 891 г.), сказано о содержании «Истории» этого автора: «он начинает с владычества Маврикия и доходит до превозглашения Фоки» (Theophyl. Sim., ed. C. de Boor, p. 3). Последнее произошло в ноябре 602 г.

⁸⁰ Вопросы, возникающие при анализе дошедших до нас сведений о склавенах и антах, не всегда поддаются — из-за ограниченности материала письменных источников — решению без всяких оговорок. В каждом особом случае такое решение может быть лишь более или менее убедительным. В данной статье автор и пытается найти наиболее убедительные — соответственно своему пониманию истории V—VI вв. — решения, которые могли бы стимулировать дальнейшее исследование. Автор надеется, что его работа будет использована археологами, которым, быть может, предстоит найти решения не только убедительные, но и окончательные.

А. Р. КОРСУНСКИЙ

К ВОПРОСУ О ВИЗАНТИЙСКИХ ЗАВОЕВАНИЯХ В ИСПАНИИ VI—VII вв.

Политика восточно-римских императоров в Испании в VI—VII вв. относится к числу наименее изученных проблем истории Византии. Специально этой теме посвящены лишь две работы.

В статье Ф. Герреса¹ рассматриваются главным образом военные и дипломатические взаимоотношения Восточной Римской империи и вестготского государства, а также территориальное расположение византийских владений. Работа П. Губера² охватывает более широкий круг проблем. Автор касается не только внешнеполитических вопросов, но и византийской администрации на Пиренейском полуострове, влияния Восточной Римской империи на культурную жизнь Испании. В работе собран большой фактический материал, особенно относительно византийских должностных лиц в Испании.

Обоим исследованиям присущи, однако, крупные недостатки. Византийское вторжение в Испанию, с точки зрения обоих авторов, было обусловлено борьбой императоров — ревнителей православия против арианства готских королей. Политика Византии на Пиренейском полуострове и взаимоотношения империи и вестготского королевства освещаются вне связи с социально-экономическим и политическим строем обоих государств³.

Изучение указанной темы затрудняется крайней скудостью источников. В произведениях восточно-римских авторов, в том числе Прокопия Кесарийского и Агафия, вообще отсутствует какой-либо материал об испанской политике византийских императоров. Западные же источники содержат лишь отрывочные данные о взаимоотношениях Восточной Римской империи и государства вестготов⁴.

¹ F. Görres. Die byzantinischen Besitzungen an den Küsten des spanisch-westgotischen Reiches (554—624). BZ, Bd. 16, 1907.

² P. Goubert. Byzance et l'Espagne Wisigothique (554—711). Études Byzantines, t. II, 1944; L'administration de l'Espagne Byzantine. Revue des études Byzantines, t. III, 1945; Influence Byzantines sur l'Espagne Wisigothique. Revue des études Byzantines, t. IV, 1946.

³ См. Б. Т. Горянов. Критический обзор журнала «Études byzantines», ВВ, т. IV, 1951, стр. 163—164; см. также Ch. Nigounet. Paul Goubert. L'Espagne Byzantine. Bulletin Hispanique, t. LI, 1949, p. 54—55.

⁴ Наибольшее значение имеют произведения Иоанна из Биклары (Johannis Biclarensis Chronica. MGH. Auct. ant., t. XI, vol. 2, 1894) и Исидора Севильского (Isidori Junioris ep. Hispalensis Historia Gothorum, Wandalorum, Sueborum. MGH. Auct. ant., t. XI, vol. 2); переписка вестготского короля Сизебута с византийским наместником в Испании Цезарием (Epistolae Wisigothicae. MGH. Epistolarum t. III); надпись из Картагены о византийском военачальнике в Испании Коменциоле (CIL, t. II, Bonnae, 1869, № 3420). Некоторые данные о византийцах в Испании

Тем не менее, рассматривая все эти материалы источников в свете имеющихся в нашем распоряжении данных о социально-политическом строе ранней Византии, с одной стороны, Толедского королевства, с другой, мы можем все же получить представление о характере византийской политики в Испании в VI—VII вв.

* *
*

Вторжение византийских войск в середине VI в. на Пиренейский полуостров — это одно из звеньев внешней политики Юстиниана, направленной на завоевание бывших территорий империи на Западе.

Завоевательную политику византийских императоров на Пиренейском полуострове нельзя, разумеется, объяснить идеальным влечением к реставрации Римской империи в прежних границах или стремлением императора разгромить еретиков-вестготов⁵, или попросту какими-то случайными факторами⁶. Захват Испании представлял собой заманчивую цель для восточно-римского правительства прежде всего по той причине, что в VI в. Испания была одной из наиболее богатых по своим экономическим ресурсам стран Запада. Во времена Теодориха Остготского Италия получала хлеб с Пиренейского полуострова⁷. Из южно-галльских и испанских портов вестготского государства экспортировались также металлы, соль, вино, уксус, мед⁸. Предметом внешней торговли являлись и рабы⁹.

Правящие круги Восточной Римской империи были заинтересованы в установлении торговых связей с Испанией и в развитии этих связей, так как участие в торговле приносило большие прибыли и знати и императорскому дому¹⁰. Ряд источников свидетельствует о том, что в VI—VII вв. существовала еще оживленная торговля между Испанией и странами Востока. В Александрии, например, были судовладельцы, которые вели торговлю только с Испанией¹¹. Импорт в Испанию состоял главным образом из предметов роскоши и тонких ремесленных изделий, одежды, пурпура¹².

содержатся также у Григория Турского (*Gregorii Turonensis Historiae ecclesiasticae Francorum*. MGH. *Scriptores rerum Merovingicarum*, t. I), псевдо-Фредегара (*Chronicarum quae dicuntur Fredegarii scholastici libri IV*. MGH. *Scriptores rerum Merovingicarum*, t. II), в письмах папы Григория I (*Gregorii I Papae Registri Epistolarum*. MGH. *Epistolarum* t. II, 1890).

⁵ P. Goubert. *Influence Byzantine sur l'Espagne Wisigothique*, p. 131—132. Ср. Ch. Diehl. *L'Afrique byzantine*. Paris, 1896, p. 409.

⁶ Ф. Ло утверждает, что главной причиной вмешательства византийцев в испанские дела явилось обращение к Юстиниану претендента на вестготский престол Атанагильда с просьбой о помощи (См. F. Lot, Ch. Pfister, F. L. Ganshof. *Histoire du moyen âge*, t. I. Paris, 1928, p. 171).

⁷ Cassiodori *Senatoris Variarum* (MGH. *Auct. ant.*, vol. XII), V, 35.

⁸ F. Dahn. *Über Handel und Handelsrecht der Westgothen*, Bausteine, Bd. 2, 1880, S. 305—307; A. Ballesteros y Beretta. *Historia de España y su influencia sur la civilisation universale*, t. I, Barcelona, 1943, p. 919.

⁹ *Lex Visigothorum* (MGH. *Legum sectio I*, t. I. 1902), IX, 1, 9; VII, 3, 3; VI, 2, 1; V, 4, 21.

¹⁰ Н. Пигулевская. *Византия на путях в Индию*. М., 1951, стр. 157—158.

¹¹ Для кораблей, используемых для торговли с Испанией, имелось специальное название *επιχωρίοι* (L. Bréhier. *La civilisation byzantine*. Paris, 1950, p. 196). Исидор Севильский, характеризуя в своих «Этимологиях» различные типы кораблей, пишет о судах, именуемых *Rhodia* и *Alexandrina* (Etymol., XIX, I, II). О посещении греческими купцами городов Пиренейского полуострова упоминает хроника VII в. — *Pauli Diaconi De vita patrum Emeritensium*, cap. 4: «... accidit die quadam... negotiatores Graecos in navibus de Orientibus advenisse, atque Hispaniae litora contigisse...» (PL, t. 80, col. 130—131).

¹² F. Dahn. *Op. cit.*, S. 307; A. Ballesteros y Beretta. *Op. cit.*, p. 919.

В некоторых городах вестготского государства имелись греческие и сирийские колонии¹³, а правовому положению иностранных купцов, в первую очередь очевидно восточно-римских и африканских, посвящена специальная глава Вестготской правды¹⁴.

Завоевание Испании имело для Византии также большое стратегическое значение. Захват восточного побережья Пиренейского полуострова после покорения Италии и Северной Африки означал бы превращение Средиземного моря снова в *mare nostrum* для империи. Византии необходимо было также избавиться от потенциального противника, находившегося в непосредственном соседстве с имперскими владениями в Африке. Всего лишь за 13 лет до византийского вторжения на полуостров готский король Тевд (531—548) предпринял экспедицию в Северную Африку и захватил Сеуту, правда, ненадолго¹⁵.

Поскольку официальной религией в вестготском королевстве, так же как в вандальском и остготском, было в то время арианство, завоевательное предприятие Юстиниана в Испании внешне приобретало характер войны за «истинную» веру.

Таким образом, стремление Восточной Римской империи установить свое господство на Пиренейском полуострове объяснялось, в первую очередь, экономической и политической заинтересованностью государства, а также в известной мере было подкреплено религиозными мотивами.

Византийское правительство, как видно из конституции Юстиниана от 534 г., тщательно собирало сведения о положении в Испании задолго до начала вторжения¹⁶.

Борьба за власть, происходившая в середине VI в. между представителями знати в вестготском королевстве, доставила Юстиниану удобный повод для вмешательства. Под предлогом оказания помощи Атанагильду византийские войска под командованием патриция Либерия высадились в 554 г. в Испании и заняли ряд городов в юго-восточной части полуострова (Кордову, Картагену, Малаку, Асидонию и др.)¹⁷. Назначение главнокомандующим экспедиционным корпусом видного сановника.

¹³ В Нарбоне найдены эпитафии на греческом языке, относящиеся к рассматриваемому периоду (См. J. Ebersolt. *Orient et Occident. Recherches sur les influences byzantines et orientales en France avant et pendant les croisades*, Paris, 1954, p. 20). Постановления церковного собора в Нарбоне от 589 г. исходят из того факта, что в городе помимо испано-римлян и готов живут также греки, сирийцы и евреи. *Concilium Narbonense* (PL, vol. 84), cap. 4: «Ut omnis homo tam ingenuus quam servus, Gothus, Romanus, Syrus, Graecus vel Iudaeus die dominico nullam operam faciant...», также *Concilium Narbonense*, cap. 14. Выходцы из восточных провинций, особенно греки, подвизались в Испании в качестве купцов, врачей, занимали высшие посты в церковной иерархии. Так, например, уроженец Паннонии Мартин стал в конце VI в. епископом Браги в Галисии (*Gregorii Turonensis Historiae ecclesiasticae Francorum*, V, 37); греки Павел и Фиделис стали епископами Мериды. (*Pauli Diaconi De vita patrum Emeritensium*, cap. 4).

¹⁴ *Lex Visig.*, XI, 3: *De transmarinis negotiatoribus*.

¹⁵ *Isidori Historia Gothorum*, 42. В избрании Ильдиха остготским королем решающую роль сыграло, по рассказу Прокопия Кесарийского, то обстоятельство, что он приходился племянником вестготскому королю Тевду и остготы рассчитывали сделать последнего своим союзником в войне против Византии. (Прокопий из Кесарии. *Война с готами*, перевод с греч. С. П. Кондратьева, 1950, VI (II), 30). Когда над государством вандалов нависла угроза византийского вторжения, Гелимер обратился к вестготскому королю Тевду с предложением заключить оборонительный союз (*Procopius. De bello Vandalico*, I, 24. Ср. II, 4).

¹⁶ *Cod. Just.*, I, 27, 2, § 2.

¹⁷ *Jordanus. De origine actibusque Getarum* (MGH. *Auct. ant.*, t. V, p. 1), LVIII, 303: «... Agila continet regnum contra quem Atanagildus insurgens Romani regni concitat vires, ubi et Liberius patricius cum exercitu destinatur»; также *Isidori Historia Gothorum*, 47.

патриция Либерия¹⁸ показывает, что отправка войск в Испанию рассматривалась Юстинианом не как второстепенное военное предприятие, а как начало завоевания страны.

Но после захвата значительной части Бэтики все попытки византийцев распространить свою экспансию на север потерпели неудачу. В 70-х же годах VI в. начинается вестготская «реконкиста», которая к началу VII в. положила конец византийскому завоеванию.

Помимо общих причин, определивших крах попыток Юстиниана воссоздать мировую Римскую империю (разложение рабовладельческого строя и развитие феодализационного процесса в империи), поражение византийцев, которым не удалось достичь в Испании даже таких временных успехов, каких они добились в Италии и Северной Африке, было предопределено еще рядом специфических факторов.

Обстановка, в которой оказались восточно-римские войска на Пиренейском полуострове, значительно отличалась от той, в которой действовали Велизарий и Нарзес в Северной Африке и Италии. В этих странах и в условиях византийской оккупации не прекращалась борьба местных крупных землевладельцев против германцев, против колоннов и рабов. Вслед за разгромом военных сил вандалов и остготов производилось восстановление прав собственности римской землевладельческой аристократии, нарушенных еще в предыдущем столетии германскими завоевателями¹⁹.

В Испании ничего подобного после византийского вторжения не происходило. Здесь при поселении германцев интересам местных крупных землевладельцев не было нанесено такого ущерба, как в Италии или в Северной Африке. Раздел земель в Испании происходил вообще не повсеместно²⁰. К середине VI в. уже значительного развития достиг процесс слияния местного, испано-римского, и весьма малочисленного по сравнению с первым и быстро романизовавшегося германского населения. В вестготском государстве бурно развиваются процессы феодализации. Свободное крестьянство, как испано-римского, так и германского происхождения, разоряется и оказывается в положении зависимых землевладельцев, прекаристов, колоннов крупных землевладельцев, светских и духовных.

Вестготское государство ревностно охраняло интересы феодализировавшихся крупных землевладельцев и обеспечивало власть светских и церковных магнатов, церкви над непосредственными производителями — рабами и колоннами. Еще в середине V в. готские войска разгромили багаудов Тарракона²¹. В 70-х годах VI в. вестготский король Леовигильд подавлял крестьянские восстания в Южной Испании (см. стр. 36).

Законодательные положения вестготских королей, начиная от завоевателя Испании Эйриха (466—484) и вплоть до «вестготского Юстиниана»

¹⁸ Либерий играл важную роль в Италии при Одоакре и Теодорихе. Он был назначен Теодорихом префектом претория Галлии после войны с бургундами. Поступив на службу к Юстиниану, Либерий получил должность префекта-августала Египта, позднее командовал флотом, направленным на завоевание Сицилии. См. P. Goubert. L'administration de l'Espagne Byzantine, p. 127—128.

¹⁹ См. Э. В. Удальцова. Вступительная статья к книге «Прокопий из Кесарии. Война с готами», 1950; Е. же. Народные движения в Северной Африке при Юстиниане. ВВ, т. V, 1952.

²⁰ Н. Н. Грацианский. Разделы земель у бургундов и вестготов. СВ, 1946, т. II, стр. 17; A. Ballesteros y Beretta. Historia de España..., p. 914—915; W. Reinhart. La tradición visigoda en el nacimiento de Castilla. Estudios dedicados a R. Menéndez Pidal, t. I, Madrid, 1950, l. 538. По-видимому, наименее пострадали землевладельцы Центральной и Южной Испании, где обширные территории были заняты доменами фиска («Agricultura en España». Diccionario de historia de España, t. I, 1952, p. 57). Эти домены в первую очередь переходили в руки германцев.

²¹ Hydatii Chronicon (MGH. Auct. ant., t. XI, vol. 2), a. 454.

Реккесвинта (649—672), и постановления церковных соборов подтверждали неизбежность прав господ на рабов²² и прикрепление колоннов к земле²³. Специальные законодательные положения охраняли земли римских собственников от посягательств со стороны готов²⁴.

Что же касается юго-восточной части Пиренейского полуострова, т. е. территории занятой войсками Либерия, то она к середине VI в. вообще еще не была фактически включена в состав вестготского государства.

С начала V в. на территорию Бэтики вторгались вандалы, затем свевы, а в 60-х годах V в. началось завоевание этой части полуострова вестготским королем Эйрихом. Однако последнему удалось захватить лишь некоторые города Бэтики. Большая часть этой провинции до середины VI в. еще являлась по существу независимой и управлялась испано-римскими магнатами²⁵.

Если местная знать стремилась сохранить свою независимость от вестготских королей, то она имела мало оснований соглашаться и с установлением власти восточно-римского императора в Испании. О характере византийского управления завоеванными провинциями испано-римская знать имела достаточно полную осведомленность, особенно с тех пор как соседняя провинция — Африка оказалась в руках византийских властей²⁶. Режим произвола, вымогательств и насилий со стороны восточно-римских гражданских и военных должностных лиц над населением был мало заманчивой перспективой для испано-римских магнатов, стремившихся к усилению своей частной власти над зависимым от них земледельческим населением.

В 70-х годах VI в. среди светских и церковных магнатов вестготского государства имелась, по-видимому, небольшая провизантийская партия, готовая использовать помощь имперских войск для захвата власти²⁷. Но явное преобладание было на стороне той части знати, как готской, так и испано-римской, которая стремилась к изгнанию чужеземцев с полуострова. Характерно, что и высшее католическое духовенство Испании, судя по произведениям Иоанна из Биклары и Исидора Севильского, относилось к византийским завоевателям в общем враждебно. Испанские церковные писатели весьма критически высказываются о религиозной политике Юстиниана²⁸; восстание союзники византийцев католика Герменгильда против своего отца, арианского короля Леовигильда, они квалифицируют

²² См. А. Р. Корсунский. О положении рабов и вольноотпущенников в вестготском государстве VI—VII вв. СВ, 1953, т. IV, стр. 11—30.

²³ Concilium Hispalense (PL, t. 84), II, cap. 3: «... scribitur enim in lege mundiali de colonis agrorum, ut ibi esse iam quisque coepit, ibi perduret».

²⁴ Lex Visig., X, 1, 16; cp. X, 3, 1; X, 3, 5.

²⁵ A. Lambert. Baetica. Dictionnaire d'histoire et de géographie ecclesiastiques, fasc. XXXI—XXXII. Paris, 1931, p. 171—172; P. Альтамира-и-Кревеа. История Испании, I, М., 1950, стр. 62; M. Torres. Las invasiones y los reinos germánicos de España, Historia de España dir. por R. Menéndez Pidal, t. III. Madrid, 1940, p. 95.

²⁶ О захвате Велизарием Карфагена вестготскому королю Тевду, например, сразу же стало известно от карфагенских купцов, прибывших на кораблях в Испанию. Procopii De bello Vandalico, I, 24. См. F. Dahn, Über Handel and Handelsrecht der Westgothen..., S. 305.

²⁷ Герменгильд, сын короля Леовигильда, поднявший мятеж против своего отца, искал поддержки у византийцев: Gregorii Turonensis Historia Francorum, V, 38: «... Ille (Герменгильд. — А. К.) vero... ad partem se imperatoris iungit, legans cum praefectum eius amicitias, qui tunc Hispaniam impugnabat». Севильский епископ Леандр пытался найти поддержку для Герменгильда непосредственно в Константинополе. F. Görres. Die Byzantinischen Besitzungen..., S. 522—523; P. Goubert. L'administration de l'Espagne Byzantine, p. 26—28.

²⁸ Isidori Junioris Chronica (MGH. Auct. ant., t. XI, vol. 2) p. 475: «Iste (Юстиниан. — А. К.) Aefalorum haeresim suscepit...»

просто как мятеж и вовсе не упоминают о религиозных разногласиях между борющимися сторонами²⁹.

Таким образом, среди местных крупных землевладельцев византийцы не могли найти такой поддержки, какую они находили в Северной Африке и в Италии.

Наиболее серьезным антагонистом по отношению к феодализированному вестготскому государству выступало свободное и зависимое испаноримское крестьянство. Гражданская война в Испании, которую византийцы использовали для своего вторжения на полуостров, восстание народных масс против государства крупных землевладельцев сопровождалось борьбой различных партий знати за королевский престол³⁰.

Еще до появления восточно-римских войск в Испании упорное сопротивление широких слоев городского и сельского земледельческого населения попыткам готского короля Агилы (549—554) закрепить свое господство над Бэтикой привело в конечном счете к тяжелому поражению Агилы под Кордовой³¹. Также и Леовигильд, отвоевывав у византийцев Бэтику, затратил много усилий на подавление крестьянских восстаний³².

Но для византийских властей в Испании, представлявших наиболее реакционное государство того времени, невозможен был союз с местным крестьянством, с той социальной силой, которая боролась против господства крупных землевладельцев.

Можно предположить, что византийцам легче было найти себе союзников среди известной части городского населения Испании, по крайней мере в первый период вторжения.

В Южной Испании в VI в. имелось еще значительное городское население. В период Римской империи только в Бэтике насчитывалось 175 городов³³. Многие города продолжали существовать и после падения Западной империи.

В вестготском государстве сохранились еще отдельные черты римского городского строя, в частности курии. Как видно из Брeвиария Алариха³⁴, куриалы и в готской Испании платили налоги и несли различные государственные повинности³⁵; они лишены были права покидать свои города, не могли отчуждать свое имущество³⁶.

По-прежнему на основную массу рядовых куриалов городская верхушка (так называемые *honorati*) перекладывала всю тяжесть податного бремени³⁷.

²⁹ *Johannis Biclarenensis Chronica* (MGH. Auct. ant., t. XI, vol. 2, p. 250) (о Герменгильде): «... tyrannidem assumens in Hispali civitate rebellione facta recluditur». Также *Isidori Historia Gothorum...*, 49. См. F. Görres. Op. cit., S. 522.

³⁰ *Gregorii Turonensis Historiae Francorum*, IV, 8: «Regnante vero Agilane apud Hispaniam, cum populo gravissimo dominationis suae iugo adterret, exercitus imperatoris in Hispanias est ingressus».

³¹ *Isidori Historia Gothorum...*, 45: «... nam belli praesentibus ultione percussus et filium ibi cum copia exercitus interfectum amisit et thesaurum omnem cum insignibus opibus perdidit».

³² *Johannis Biclarenensis Chronica* (a. 572): «Leovegildus Rex Cordubam civitatem diu Gothis rebellem nocte occupat et caesis hostibus propriam facit multasque urbes et castella interfecta rusticorum multitudine in Gothorum dominium revocat». Ср. *ibid.* (a. 577).

³³ J. Jung. *Die romanischen Landschaften des Römischen Reiches*. Innsbruck, 1881, S. 17.

³⁴ Иначе *Lex Romana Visigothorum* (в дальнейшем сокращено: LRVis). Ed. G. Hänel, Leipzig, 1849.

³⁵ LRVis. Cod. Theod., II, 30, 1; LRVis, Nov. Mai. I.

³⁶ LRVis, Nov. Mai, I, 1; LRVis., Nov. Val., X, 1.

³⁷ LRVis. Cod. Theod., XII, 2, 1.

В Брeвиарий Алариха вошли также некоторые римские законы о коллегиях³⁸.

О том, что положения Брeвиария о куриалах не являлись в вестготском государстве мертвой буквой, свидетельствует тот факт, что римское положение, запрещающее куриалам отчуждать свое имущество, вошло в VII в. и в Кодекс Реккесвинта, т. е. в единый законодательный кодекс для всего населения вестготского государства³⁹.

Положение куриалов в готской Испании оставалось тяжелым. Города приходили в упадок, их население сокращалось, а бремя налогов и повинностей, ложившихся на основную массу куриалов и крестьян из городской округи оставалось высоким⁴⁰. Перспектива включения в состав вестготского государства рассматривалась поэтому городами Южной Испании как серьезная опасность. Этим обстоятельством следует, по-видимому, объяснить упорное сопротивление Кордовы и некоторых других городов Южной Испании готским королям.

Возможно, население этих городов рассчитывало найти в византийцах поддержку против готов. Но подобный союз вряд ли мог быть прочным и длительным.

* *

*

О характере византийского управления, об административном устройстве владений восточно-римских императоров на Пиренейском полуострове источники содержат лишь весьма скудные данные.

Георгий Кипрский в своем *Descriptio orbis Romani*, составленном в начале VII в., включает византийские владения в Испании в провинцию *Mauretania Secunda*. Но он упоминает лишь Балеарские острова и некий пункт *Мезопотамити* на континенте⁴¹.

Из византийской администрации в Испании упоминаются лишь военные должностные лица — *magistri militum* и *duces*⁴². По-видимому, эти военные начальники соединяли в своих руках военное командование и гражданское управление на занятой территории. Деятельность этой администрации в Испании, по-видимому, мало отличалась от деятельности византийских должностных лиц в Африке, известной нам из законов Юстиниана и нарративных источников, и состояла в поддержании

³⁸ LRVis. Cod. Theod., XIV, 1, 1.

³⁹ LRVis, V, 4, 19; *Fragmenta Gaudenziana*, N 15 (MGH. Legum sectio I, t. I); Ср. также *Isidori Etymel.*, IX, 4, 30.

⁴⁰ LRVis. *Breviarium. Cod. Theod.*, XII, 2, 1; 2; *Lex Visig.*, XII, 1, 2; *Lex Theudi* (MGH. Legum sectio I, t. I); *Casiodori Variarum*, V, 39.

⁴¹ *Georgii Cyprii Descriptio orbis Romani*, ed. H. Gelzer. Lipsiae, 1890, p. 134: 'Επαρχία Μαυριτανίας ὅσα εἰς τὸ μέρος [Θένηςος.] Σπανίας. Μεσοποταμίτι εἰς τὸ μέρος Σπανίας. Μαίουριχα νῆσος. Μήνιχα νῆσος.

Ряд исследователей, и в том числе Ш. Диль, на основании этого текста сделал вывод, что восточно-римские владения в Испании относились в административном отношении к Африке (Ch. Diehl. *L'Afrique byzantine*, p. 467—469). П. Губер оспаривает это мнение, утверждая, что византийская Испания была самостоятельной провинцией, но в доказательство этой точки зрения он приводит лишь тот факт, что византийский наместник в Испании патриций Цезарий, ведя в начале VII в. переговоры с готским королем Сизебутом о мире, действовал самостоятельно, не обращаясь к византийскому экзарху в Африке. (P. Goubert. *L'Administration de l'Espagne Byzantine*, p. 77).

⁴² *CIL*, II, 3420: *Gregorii Turonensis Historiae Francorum*, VI, 18. Однажды говорится о византийском префекте (*ibid.*, V, 38), но этот термин употреблен, по-видимому, не как обозначение должности. (См. *Georgii Cyprii Descriptio orbis Romani*, ed. H. Gelzer, praef. XLI).

внутреннего порядка, охране границ занятой территории и завоевании новых земель⁴³.

О военных функциях восточно-римских властей в Испании говорится в византийской надписи из Картагены. Последняя отмечает, что *magister militum Spaniae* Коменциол послан императором Мавриkiem в Испанию для борьбы против варваров, т. е., по-видимому, против вестготов⁴⁴. Надпись характеризует также деятельность Коменциола по сооружению укреплений, которая осуществлялась им в соответствии с принципами византийской стратегии VI в.⁴⁵

В области внутреннего управления главным мероприятием, очевидно, было, так же как и в византийских владениях в Африке, введение тяжелых налогов и повинностей⁴⁶, в том числе многочисленных и трудоемких строительных работ.

На территории Испании, управляемой византийскими властями, сохранялось действие поздне-римского права, консервировавшего общественные порядки времени Римской империи. Трудно поэтому предположить, что власть Византии могла завоевать прочных приверженцев среди широких масс городского и сельского производительного населения Испании.

Византийской администрации не удалось установить тесного сотрудничества и с высшим католическим духовенством. Своей обычной политикой максимального извлечения денежных и материальных средств из завоеванных провинций восточно-римские власти восстали против себя значительную часть как светских, так и церковных землевладельцев. Имперские должностные лица в Испании смещали представителей духовенства⁴⁷, осуществляли насилия над ними⁴⁸, захватывали имущество епископов и церкви⁴⁹.

⁴³ Cod. Just. I, 27, 2. См. З. В. Удалцова. Политика Византии в Северной Африке. ВВ, т. VI, 1953, стр. 96—98.

⁴⁴ CIL, II, 3420: «Commenciolus sic haec iussit patricius missus a Mauricio Aug(usto) contra hostes barbaros, magnus virtute magister militum Spaniae...» О Коменциоле, видном военачальнике, участнике войны против персов, упоминают Евagriй («Церковная история», СПб., 1853, стр. 15) и Феодилакт Симокатта (*Theophylacti Simocattae Historiarum libri octo*, Воннае, 1834, I, 4, 6; II, 10). Но ни тот, ни другой не обмолвились ни словом об испанской миссии Коменциола. Это дало повод некоторым авторам сомневаться в том, что Коменциол восточно-римских авторов и надписи из Картагены — одно и то же лицо. Но П. Губер полагает, что Коменциол после похода против персов мог быть послан в Испанию. (P. Goubert. L'Administration de l'Espagne Byzantine, p. 136—137. См. также A. Ballesteros y Beretta. Historia de España..., p. 870).

⁴⁵ CIL, II, 3420: «Quisquis ardua turrium miraris culmina vestibulumq(ue) urbis duplici porta firmatum dextra levaq(ue) binos porticos arcus quibus superum ponitur camera curva convexaq(ue): Commenciolus sic haec iussit». Византийские укрепления на побережье были в течение длительного времени непреодолимы для вестготов. Одерживая верх над византийскими войсками, готы впоследствии разрушали эти крепости до основания. *Chronicarum quae dicuntur Fredegarii Schol. libri IV*, IV, 33: «et plures civitates ab imperio Romano Sisebodus litore maris abstulit et usque fundamentum destruxit».

⁴⁶ О бедствиях населения Африки под византийским господством см. З. В. Удалцова. Политика Византии в Северной Африке, стр. 97; Ch. Diehl. L'Afrique Byzantine, p. 503.

⁴⁷ В письмах папы Григория I имеются упоминания о том, что под давлением со стороны византийского чиновника, именуемого *gloriosus Comitoli*, собрание епископов сместило епископа Малаки Януария. *Gregorii I Registrum Epistolarum XIII*, 47: «Si igitur episcopi in praeiudicium condemnationis vel depositionis memorati episcopi se metu iudicis consensisse ac talia fecisse sua sponte confessi fuerint...» Такая же участь постигла и епископа Стефания (*Ibid.*).

⁴⁸ *Gregorii I Registrum Epistolarum XIII*, 49: «a memoratis episcopis una cum hominibus gloriosi Comitoli de ecclesia fuerit violenter abstractus».

⁴⁹ *Gregorii I Registrum Epistolarum XIII*, 47: *Gloriosus vero Comitoli*

Нарушение имущественных интересов церкви и епископов и стремление осуществлять верховную власть над церковью со стороны государства — явления, характерные для Восточной Римской империи⁵⁰. Но высшее духовенство Испании — наиболее могущественная в экономическом и политическом отношении часть класса феодализирующихся крупных землевладельцев — не склонно было подчиняться политическому режиму, господствовавшему в Византии, и это нашло отражение в произведениях церковных писателей VII в. Так, Иоанн из Биклары пишет о византийцах как о насильниках и узурпаторах⁵¹, а Исидор Севильский высоко оценивает деятельность вестготского короля Рекареда (586—601), который отражал набеги восточно-римских военных отрядов⁵².

Таким образом, отсутствие достаточно прочной базы среди местного населения предопределило относительно быстрое крушение завоевательной политики Византии в Испании.

Тем не менее освобождение страны от византийской оккупации было трудным предприятием для вестготского государства, так как ему одновременно приходилось вести борьбу и против франков, периодически вторгавшихся в Испанию, и (до 585 г.) против свевского королевства на северо-западе Пиренейского полуострова, а также подавлять сепаратистские тенденции феодализовавшихся магнатов. Но государственная независимость Толедского королевства не могла считаться упрежденной до тех пор, пока на юге полуострова находились войска восточно-римского императора. Поэтому изгнание византийцев являлось с 50-х годов VI в. до начала VII в. важнейшей внешнеполитической задачей вестготского государства.

Редкий готский король этого периода не вел военных действий против восточно-римских войск.

Первые попытки к вытеснению византийцев были предприняты тем самым вестготским королем, который обязан был им своей короной. Захватив престол, Атанагильд выступил против своих бывших союзников. У него не хватило, однако, сил для вытеснения византийцев⁵³, которым удалось закрепиться на полуострове.

Готский король, по-видимому, не допустил захвата войсками Либерия города *Hispalis* (Севилья), но его попытка овладеть Кордовой осталась безуспешной⁵⁴. На основании одного сохранившегося письма папы Григория I вестготскому королю Рекареду можно предположить, что между Юстинианом и Атанагильдом был заключен договор, определивший границы византийских владений в Испании⁵⁵.

При короле Леовигильде (568—586) вестготское государство, представившее интересы готских и испано-римских крупных землевладельцев, значительно укрепило. Леовигильд успешно отразил нападения

si suprascriptus episcopus innocens esse claruerit, quicquid de rebus eius vel ecclesiae ipsius tulit, ei sine aliqua dilatione restituat».

⁵⁰ См. М. В. Левченко. Церковные имущества в V—VI вв. в Восточно-римской империи. ВВ, т. II, 1949, стр. 45, 53, 58.

⁵¹ *Johannis Biclarenensis Chronica*, a. 578. *Leovegildus rex extinctus undique tyrannis et pervasoribus Hispaniae superatis sortitus requiem propria cum plebe resedit...*

⁵² *Isidori Historia Gothorum*, 54.

⁵³ *Isidori Historia Gothorum*, 47: «hic (Атанагильд. — А. К.) cum iam dudum sumpta tyrannide Agilanem regno privare conaretur militum sibi auxilia ab imperatore Justiniano poposcerat, quos postea submovere a finibus regni molitus non potuit».

⁵⁴ *Chronicorum Caesaraugustanorum reliquiae*, a. 568. «Hic Athanagildus Hispalim civitatem Hispaniae provinciae Baeticae sitam bello impetitam suam fecit, Cordubam vero frequenti incursione admodum laesit».

⁵⁵ *Gregorii I Registrum Epistolarum IX*, 229.

со стороны франков, разгромил свевов и подавил восстания ряда местных магнатов. Эти успехи позволили готскому королю начать борьбу и против византийцев. Но Леовигильд не сразу завязал эту войну. В первый период своего правления он, по-видимому, старался не обострять отношений с таким серьезным противником, как империя. Характерно, что на медали, выбитой вестготским королем в честь победы над свевами, было дано изображение императора Юстина II с надписью «domini nostri»⁵⁶. В законах об иностранных купцах, изданных Леовигильдом (или во всяком случае включенных им в готский кодекс законов), заморским купцам в Испании предоставлено было право судиться по своим законам⁵⁷. Но после того, как империи был нанесен удар лангобардами в Северной Италии, а основные военные силы Византии заняты были борьбой против персов, готский король не упустил удобного момента для начала военных действий.

Нанеся ряд поражений византийцам, Леовигильд захватил Малаку, Бастанию, Асидону (Медину-Сидонию), Кордову⁵⁸. Развить эти успехи готскому королю помешали крестьянские восстания на юге полуострова и восстание группы магнатов, возглавленной сыном короля Герменгильдом, возникшее, очевидно, при участии византийцев⁵⁹. Восстания крестьян продолжались с 572 до 577 г. Крестьяне действовали разрозненно, Леовигильду удалось поэтому разбить восставших крестьян сначала в районе Кордовы, а впоследствии и в Ороспедо⁶⁰.

Восстание Герменгильда в 579 г. создало критическое положение для вестготского короля. Герменгильд первоначально нанес поражение войскам Леовигильда и установил свой контроль над рядом городов Южной и Центральной Испании, в том числе и над Кордовой. Но успехи его не были прочны. Леовигильду осталась верна основная часть его войска, и он сумел в конечном счете одержать военную и дипломатическую победу над узурпатором. Эмиссарам последнего в Константинополе не удалось добиться какой-либо серьезной поддержки от восточно-римского правительства⁶¹, которое не могло снять в то время ни одного солдата с фронта борьбы против персов на Востоке и славян на Балканском полуострове. Коррупция же, царившая среди византийских военачальников, помогла Леовигильду лишиться Герменгильда и той поддержки, которой он мог бы располагать со стороны византийских войск в Испании. Кордова вторично была занята готским королем после того, как ему удалось подкупить византийского префекта⁶².

Несмотря на значительные территориальные приобретения вестготского короля на юго-востоке полуострова позиции византийцев оставались еще довольно прочными.

Сын и преемник Леовигильда Рекаред не вел активной завоевательной политики. Известный главным образом своими щедрыми дарениями в пользу церкви и основанием монастырей первый католический вестгот-

ский король ограничивался лишь обороной, отражением набегов отрядов византийских войск⁶³. Он пробовал мирным путем договориться с восточно-римскими властями о территориальных уступках с их стороны, но безуспешно⁶⁴.

Никаких существенных результатов в борьбе с восточно-римскими войсками не удалось достигнуть и ближайшим преемникам Рекареда Витериху (603—610) и Гундемару (610—612). Первый сумел захватить лишь один город Сагонцию⁶⁵, второй, по-видимому, вовсе не осуществил никаких территориальных приобретений⁶⁶.

Новых крупных успехов в войне против византийцев удалось достичь лишь вестготскому королю Сизебуту (612—620). К этому времени произошло дальнейшее укрепление Толедского королевства. Процесс слияния готской и испано-римской знати привел к тому, что дуализм политической системы вестготского государства первого периода его существования уже в основном сгладился. Готские короли к началу VII в. издают законы, общие для коренного и готского населения, что подготавливает составление в середине VII в. единого кодекса права для всего населения Испании; еще при Леовигильде разрешаются смешанные браки, а при Рекареде, после объявления католичества государственной религией, исчезает почва и для религиозного антагонизма между готами и испано-римлянами. Подавление крестьянских восстаний Леовигильдом еще раз показало, что готское государство стоит на страже интересов крупных землевладельцев Испании, независимо от их происхождения. Характерно, что не только представители готской знати, но и потомки испано-римской аристократии видят теперь в вестготском королевстве свое государство и свою родину. Об этом достаточно красноречиво заявил Исидор Севильский в известном своем вступлении к «Истории готом»⁶⁷.

Идея мировой Римской империи в сознании представителей высших кругов испанского общества вытесняется идеей испано-готского государства. Эта эволюция в идеологии является отражением социального перелома, характерного для изучаемой эпохи — краха мировой рабовладельческой империи, формирования ранне-феодальных государств и успешной борьбы одного из этих государств — вестготского, против попыток реставрации мировой империи и превращения Испании в одну из провинций последней.

Успех борьбы вестготского государства против византийцев в начале VII в. был возможен благодаря тому, что процесс феодализации

⁶³ Isidori Historia Gothorum..., 54.

⁶⁴ Рекаред пытался получить от папы Григория I копию договора, который в свое время был заключен Атанагильдом с Юстинианом о границах византийских владений в Испании. По-видимому, готский король рассчитывал использовать эти данные при переговорах с византийцами. Григорий I сообщает Рекареду, что он не может выполнить его просьбу так как архив сгорел еще во времена Юстиниана. Но папе известно, что содержание этого договора говорит не в пользу притязаний Рекареда, и он советует поэтому готскому королю идти на мир с императором (Gregorii I Registrum Epistolarum IX, 229).

⁶⁵ Isidori Historia Gothorum, 58: «namque adversus militem Romanum proelium saepe molitus nihil satis gloriae gessit praeter quod milites quosdam Sagontia per duces obtinuit».

⁶⁶ Ibid., 59: «hic Wascones una expeditione vastavit, alia militum Romanum obsedit...».

⁶⁷ Isidori Historia Gothorum. De laude Spaniae: «Omnium terrarum, quaeque sunt ab occiduo usque ad Indos, pulcherrima es, o sacra semperque felix principum gentiumque mater Spania: jure te nunc omnium regina provinciarum, a qua non occasus tantum, sed etiam oriens lumina mutuat: tu decus atque ornamentum orbis, inlustrior portio terrae, in qua gaudet multum ac largiter floret Geticae gentis gloriosa fecunditas...».

⁵⁶ F. Lot. La fin du monde antique et le debut du moyen âge, Paris, 1951, p. 310; J. Calmette. Le monde féodal. Paris, 1951, p. 66. Некоторые историки на основании этих фактов делают вывод, что Леовигильд еще признавал византийского императора своим сюзереном (см. A. Ballesteros y Beretta. Historia de España..., p. 858).

⁵⁷ Lex Visig., XI, 3, 2.

⁵⁸ Johannis Biclarenensis Chronica, a. 572; Isidori Historia Gothorum..., 49.

⁵⁹ Gregorii Turonensis Historia Francorum, V, 38; VI, 18.

⁶⁰ Johannis Biclarenensis Chronica, a. 572; a. 577. Район Ороспеды находился в Юго-Восточной Испании.

⁶¹ См. Georgii Cyprii Descriptio orbis Romani, praef., XLI.

⁶² Gregorii Turonensis Historia Francorum, V, 38.

не привел еще к разорению готского крестьянства в таких размерах, чтобы это могло подорвать военную мощь Толедского королевства, как произошло это позднее, ко времени вторжения на полуостров арабов.

Тяжелое положение империи, раздираемой внутренними противоречиями и испытывавшей удары со стороны персов и аваров, благоприятствовало вестготам в их борьбе против восточно-римских войск.

Сизебут дважды нанес поражение наместнику императора Ираклия в Испании Цезарию, перебил множество его воинов, захватил и разрушил ряд византийских укрепленных пунктов на побережье⁶⁸. Византийский наместник вынужден был просить мира⁶⁹.

Победа вестготских войск была, однако, настолько решительной, что готский король мог потребовать больших территориальных уступок от имперского наместника. Византийские власти, как видно из переписки Сизебута с Цезарием, не сразу смогли согласиться с утратой большей части восточно-римских владений в Испании и затягивали переговоры. Сизебут был вынужден пригрозить возобновлением наступления и истреблением еще уцелевших византийцев⁷⁰.

В то же время Сизебут сделал примирительный жест, освободив без выкупа пленных византийских воинов⁷¹.

Империя, судьба которой решалась в то время на Востоке, не имела средств для продолжения войны в Испании и вынуждена была удовлетворить требования готского короля. Большая часть византийских владений на полуострове вошла теперь в состав вестготского государства⁷².

Готскому королю Свинтиле (621—631) оставалось нанести последний удар по византийцам для того, чтобы весь полуостров оказался под властью вестготов. Свинтила выполнил эту задачу. По рассказу Исидора Севильского, он побудил (может быть путем подкупа) одного византийского патриция, командовавшего войсками в Испании, отказаться от военных действий, а другого разбил в сражении⁷³. Современники называют Свинтилу первым готским королем, установившим свою власть над всей Испанией⁷⁴.

⁶⁸ Isidori Historia Gothorum 61: «...de Romanis quoque bis feliciter triumphavit et quasdam eorum urbes pugnando sibi subiecit». Также: Chronicarum quae dicuntur Fredegarii scholastici lib. IV, IV, 33.

⁶⁹ Epist. Wisig. IX, 3 (Цезарий Сизебуту): «Nostra frequens postulatio apud eminentiam tuam fuit, que effectum penitus habere non potuit; ineluctabilis vero clamor gentium vel nunc vincat vestrum regale fastigium, et preparat inspiratio dei cor vestrum ad pacis reparandum statum...» (MGH, Epistolarum t. III).

⁷⁰ Ibid., IX, 4: (Сизебут Цезарию): «Quid enim dubitas, amice carissime? Si fides christianis adibetur, suscipe federa... Quodsi bella surgant, si mucro fervidus in qualibet parte deseuiat, si vita hominum tempus bellicosum nunc exigat, quem opinaris pro tantis sceleribus, pro ingestis cladibus, pro funestissimis inlatis vulneribus deo reddere rationem?» (MGH Epistolarum t. III).

⁷¹ Isidori Historia Gothorum, 61. Cp. Chronicarum quae dicuntur Fredegarii scholastici lib. IV, IV, 33.

⁷² Isidori Iunioris Chronica, 415: «Sisebutus Gothorum gloriosissimus princeps in Spania plurimas Romanae militiae urbes sibi bellando subiecit». Chronicarum quae dicuntur Fredegarii scholastici lib. IV, IV, 33: «Confirmatum est regnum Gothorum in Spaniam per mare litora usque Paereneos montes». См. также F. Dahn. Die Könige der Germanen, Bd. V, 1870, S. 178; P. Альтамира-и-Кревеа. История Испании, ч. I, стр. 66; M. Torres. Las invasiones... p. 114.

⁷³ Isidori Historia Gothorum, 62: «...auxit eo proelio virtutis eius titulum duorum patriciorum obtentus, quorum alterum prudentia, suum fecit, alterum virtute sibi subiecit».

⁷⁴ Isidori Historia Gothorum, 62: «...totius Spaniae intra oceani fretum monarchiam regni primus idem potitus, quod nulli retro principum est conlatum». Isidori Iunioris Chronica, 416: «Post quem religiosissimus Suintila princeps bellum cum reliquis Romanis urbibus iniit celerique victoria totius Spaniae monarchiam regni primus obtinuit».

Империи нелегко было примириться с утратой испанских владений. Во время развернувшейся в конце VII в. ожесточенной борьбы с арабами из-за Северной Африки византийский флот совершил нападение на испанское побережье, но был отражен вестготскими войсками⁷⁵.

Таким образом, вестготы сумели выполнить ту задачу, которая оказалась непосильной на Западе ни для вандалов, ни для остготов — отразить натиск Восточно-римской империи и отстоять свою государственную самостоятельность.

* * *

Некоторые исследователи усиленно подчеркивают влияние Византии на весь ход развития Толедского королевства. П. Губер, например, утверждает, что уже при Леовигильде происходит «византинизация» вестготского государства⁷⁶.

Влияние Византии на общественно-политическую и культурную жизнь готской Испании было действительно велико. Известно, например, что с конца VI в. имеет место подражание вестготских королей Восточно-римской империи в построении придворного чиновничьего аппарата, в некоторых внешних атрибутах власти монарха⁷⁷. Историки права отмечают обширные заимствования готскими законодателями юридических норм из права Юстиниана⁷⁸.

На территории, захваченной имперскими войсками, очевидно, было введено византийское право⁷⁹.

Несомненно византийское влияние на церковную жизнь Толедского королевства. Это влияние сказывалось на самых различных сторонах церковной жизни, начиная от манеры писания икон и формы литургии вплоть до характера монастырских уставов⁸⁰.

Археологические данные говорят о том, что с середины VI в. предметы украшения, изготовленные в готском стиле, выходят из употребления и одновременно все более широкое распространение получает ремесленная продукция, носящая отпечаток византийского стиля⁸¹. Архитектурные

⁷⁵ В Хронике, именуемой Т. Моммзеном Continuatio Hispana (иначе — Isidori Pacensis Chronica), говорится о победе графа Теудимера над греками. Continuatio Hispana A. DCCLIV, 74: «...sub Egicam et Wittizam Gothorum regibus in Grecis, qui equorei nabalique descenderant sua in patria, de palmam victoriae triumphaverat» (MGH. Auct. ant., t. XI, vol. II).

⁷⁶ «... Le royaume se byzantinise...» — P. Goubert. Byzance et l'Espagne Wisigothique, p. 17.

⁷⁷ F. Dahn. Die Könige der Germanen, Bd. VI, S. 292, 299; A. Ballesteros y Beretta. Historia de España, p. 902.

⁷⁸ K. Zeumer. Geschichte der westgothischen Gesetzgebung. Neues Archiv der Gesellschaft für ältere deutsche Geschichtskunde. Hannover und Leipzig, XXIV, 1906, S. 84; MGH. Leges Wisigothorum, passim; A. Llorraona y A. Tabera. El derecho iustiniano en España. Atti del congresso internazionale di diritto Romano, vol. II, Pavia, 1935, p. 85—190.

⁷⁹ См. M. Torres y R. Prieto Bances. Instituciones económicas, sociales y politicoadministrativas de la península Hispánica durante los siglos V, VI y VII. Historia de España, dir. por R. Menéndez Pidal, p. III, Madrid, 1940, p. 260.

⁸⁰ J. Ebersolt. Orient et Occident. Recherches sur les influences byzantines et orientales en France avant et pendant les croisades. Paris, 1954, p. 20; P. Goubert. Influence Byzantine sur l'Espagne Wisigothique, p. 123; A. Ballesteros y Beretta. Historia de España, p. 928.

⁸¹ H. Zeiss. Die Grabfunde aus dem spanischen Westgothenreich. Berlin und Leipzig, 1934, S. 138, 142; N. Aberg. Die Franken und Westgothen in der Völkerwanderung. Upsala, 1922, S. 229, 231—232.

памятники также обнаруживают преобладающее или во всяком случае весьма значительное восточно-римское влияние⁸².

Но несмотря на все эти примеры проникновения византийской культуры в Испанию, нет оснований делать вывод о «византинизации» вестготского королевства. Данные, которыми мы располагаем об общественном и политическом строе этого государства, свидетельствуют о его самобытном развитии, существенно отличавшемся от исторического пути Византии.

П. Губер допускает серьезную ошибку, когда отождествляет различные следы римских традиций в общественной и политической жизни вестготского государства с восточно-римским влиянием. Стараясь обосновать свое положение о византизации вестготского права, он отмечает, например, общность ряда правовых норм Кодекса Эйриха и Кодекса Леовигильда, с одной стороны, и Кодекса Феодосия, с другой. Но Губер не учитывает того обстоятельства, что римские правовые нормы, действовавшие на полуострове еще во времена Римской империи и остававшиеся в силе для испано-римского населения вплоть до середины VII в., так же, как и германское право, были органическими составными частями официального права Толедского королевства. Включение же в Вестготскую правду отдельных правовых положений, заимствованных непосредственно из конституций Юстиниана, не должно заслонять тот факт, что по отношению к важнейшим вопросам общественной жизни вестготское право VII в. существенно отличается от византийского.

Наглядным примером может служить сравнение норм права, регулирующих положение рабов в Вестготской правде и в законах Юстиниана. Если последние в общем и целом основываются еще на нормах римской классической юриспруденции о статусе рабов, то сервы вестготских законов, изданных в VII столетии, уже более похожи на крепостных крестьян, чем на рабов⁸³. Другим примером может явиться решение проблемы частной власти магнатов обеими системами права. В восточно-римском праве патронии, несмотря на отдельные компромиссы государственной власти с представителями знати и церкви, принимавшими земледельцев под свое покровительство, оставались нелегальным институтом⁸⁴. Вестготская правда, напротив, узаконивает отношения патроната⁸⁵.

О том, что византийские законы отнюдь не стали господствующей системой права на Пиренейском полуострове свидетельствует и тот факт, что издание кодекса Реккесвинта сопровождалось упразднением всех ранее применявшихся в Испании систем права, в том числе и византийского⁸⁶.

Церковь готской Испании, испытывая, казалось бы, столь интенсивное византийское влияние, также весьма существенно отличалась по своему положению в государстве от восточно-римской церкви. Несомненно, например, что в готской Испании, где Толедским соборам принадлежало право решения не только церковных дел, но и законодательная власть по светским вопросам, церковь играла большую роль в государственном управлении, чем в Восточной Римской империи.

⁸² E. Camps Cazorla. El arte hispano-visigodo. Historia de España dir. por R. Menéndez Pidal, t. III, p. 454; J. Puig i Cadafalch. L'architecture religieuse dans le domaine Byzantin en Espagne. Byz., t. I, 1924, p. 521, 530.

⁸³ А. Р. Корсунский. О положении рабов и вольноотпущенников..., стр. 21—23.

⁸⁴ М. В. Левченко. Материалы для внутренней истории Восточной Римской империи V—VI вв. BC, 1945, стр. 47—51.

⁸⁵ Lex Visig., V, 3, 1; VI, 4, 2; IX, 2, 9.

⁸⁶ Lex Visig., II, I, 10. De remotis alienarum gentium legibus...

Крупные различия в общественной и политической жизни Восточной Римской империи и Толедского королевства, связанные со значительно более быстрым темпом феодализации и рядом других особенностей исторического развития вестготского государства, исключали «византизацию» последнего.

Византийское влияние вместе с тем сыграло свою роль в некотором укреплении римских традиций на Пиренейском полуострове и тем самым оказало известное влияние на форму процесса феодализации, проходившего в Испании в виде синтеза римских и германских общественных отношений.

В общем же связи между Восточной империей и Пиренейским полуостровом как экономические, так и политические, в VII в. ослабляются. Если в этот период времени происходит процесс постепенного обособления восточных провинций от империи, то еще менее прочными становятся, разумеется, связи Византии с такой страной Запада, как Испания.

Печальный финал испанской политики византийских императоров явился одним из следствий распада мировой Византийской империи в VII в.

Я. ФЕРЛУГА

АРХОНТАТ ДАЛМАЦИИ

Изучение истории византийских фем всегда привлекало внимание византиноведов. Однако до сих пор гораздо больше исследовалось происхождение фем, чем их развитие, хотя организация византийских фем, как и всех других учреждений, прошла через различные фазы своего развития, пока не распространилась в X в. по всей империи. Причем, в различных областях империи развитие новой системы провинциальной администрации имело свои особенности.

В период между VII и X вв. параллельно создающимся и уже существующим фемам в провинции появлялись и другие административные единицы, которые знаменовали переход от старой административной системы к новой, так как в их организации до некоторой степени проявился принцип, на котором была основана система фем, т. е. гражданская и военная власть были объединены в руках одного правителя. К этой категории административных единиц, названных нами в другом месте военно-административными единицами низшего разряда, относятся друнгариаты, клисуры, дукаты, архонтаты и некоторые другие, не имеющие специального названия, но относящиеся по своему характеру к этой же категории¹.

В этом сообщении мы будем рассматривать только одну из военно-административных единиц низшего разряда — архонтат в Далмации, чтобы показать структуру и организацию власти в нем, продолжительность существования этого института и т. п.

Некоторые ученые уже констатировали, что Далмация была архонтатом в IX в.², но до сих пор никто не изучал подробно это своеобразное явление в развитии византийской администрации в Далмации. Наиболее важным источником об архонтах и архонтатах провинциальной византийской администрации является «Тактикон» (Табель о рангах) Ф. И. Успенского³, составленный между 845 и 856 гг.⁴, в котором упомянуты архонт Крита, архонт Далмации, архонт Кипра и архонты Халдии, Крита, Диррахия и Херсонеса, также как и бывшие архонты Далмации и других архонтатов⁵. В этом же источнике упомянут официальный термин, кото-

рый употреблялся для обозначения этих административных единиц — *архонтия*⁶. Кроме упоминания об архонте Далмации, в Тактиконе содержится другое, еще более интересное сообщение, а именно: Далмация является единственным из перечисленных в этом документе районов, который определенно назван архонтатом. В Тактиконе не говорится о каком-либо чиновнике, стоящем над архонтом Далмации, от которого последний мог бы зависеть, а поэтому не может быть сомнений в том, что кроме этого архонта, не было никакого другого правителя византийской Далмации. Отличный от этого случай мы имеем с Херсонесом, так как Тактикон, прежде чем упомянуть об архонте, называет стратига того же района⁷, от которого архонт стал зависеть, начиная со времени, когда Херсонес был возведен императором Феофилом (829—841) в ранг фемы⁸.

Как все другие чиновники империи, архонт Далмации принадлежал к определенному рангу, занимая тем самым по отношению к другим чиновникам соответствующее ему положение. В отличие от стратига, стратига *ἐκ πρώτου*, клисураха, катепана, которые принадлежали каждый к своему определенному рангу, архонты (как впрочем и друнгари), занимали в имперской иерархии в середине IX в. различное положение, которое отражало их реальную власть, также как и значимость провинции, которой они управляли. Архонт Далмации принадлежал, так же как и архонт Кипра, к третьему рангу, имея еще ранг спафария, в то время как архонт Крита, например, принадлежал к первому рангу, хотя он был подчинен стратигу. Архонты Кипра, Диррахия и Херсонеса, которые ранее сами формировали архонтский совет соответствующего района, а в середине IX в. входили в совет стратига фемы, принадлежали к третьему рангу. Последние места в этом третьем ранге занимали *ἀρχοντες*, т. е. экс-архонты Далмации и других архонтатов.

По своему происхождению архонтаты связаны с муниципальной организацией и с ее развитием в византийский период. Муниципальные учреждения поздней Римской империи находились в упадке, и даже создание института *defensor civitatis* не могло возратить муниципальным куриям того значения, которое они когда-то имели. Юстиниан I пытался реорганизовать институт дефензоров, сильно дискредитированный к VI в.⁹ В новеллах дефензор назван *ἀρχων*¹⁰. Он избирался на два года курией, которая несколько раз названа в источниках *κοινὸν τῶν ἀρχόντων*¹¹, и его назначение зависело только от утверждения префекта претория. Дефензор председательствовал на собраниях куриалов, управлял финансами и обладал судебной властью в городе. С введением системы фем права и компетенция гражданских властей все более ограничивались в пользу властей военных. И поскольку фемная организация вводилась постепенно, также постепенно исчезали прежние гражданские власти, а с ними и муниципальное чиновничество. Однако в городах тех районов, в которых фемная организация еще не была введена, случалось, что высший муниципальный орган становился во главе городской милиции¹². В периферийных районах империи

⁶ Ф. И. Успенский. Тактикон, стр. 126.

⁷ Там же, стр. 126.

⁸ Там же, стр. 115.

⁹ L. Bréhier. Les institutions de l'Empire byzantin. Le monde byzantin, II (L'évolution de l'humanité, 32, bis). Paris, 1948, p. 205.

¹⁰ Just. Nov. XV, praef.

¹¹ P. Jouguet. La vie municipale l'Égypte romaine, 1911, p. 191—193.

¹² Ср. Bernardo Benussi. Nel Medio Evo. Parenzo, 1897, p. 37; L. M. Hartmann. Untersuchungen zur Geschichte der byzantinischen Verwaltung in Italien (540—750). Leipzig, 1899, S. 57, 61; Ch. Diehl. Études sur l'administration byzantine dans l'exarchat de Ravenne (568—751). Paris, 1888, p. 114 sq.

¹ Ср. Јадран Ферлуга. Ниже војно-административне јединице тематског уређења, Зборник радова Византолошког института САН, 2, 1953, стр. 61 сл.

² F. Dvornik. Les legendes de Constantin et de Méthode, vues de Byzance. Prague, 1933, p. 11. J. Posedel. Pitanje dalmatinskog temata u prvoj polovini IX stoljeca. Historiski Zbornik, 1—4, Zagreb, 1950, 3, str. 218.

³ Ф. И. Успенский. Византийская табель о рангах (Тактикон). ИРАИК, т. III, 1898, стр. 98—137.

⁴ Г. Острогорски. Тактикон Успенского и Тактикон Бенешевича. Зборник радова Византолошког института САН, 2, 1953, стр. 40 сл.

⁵ Ф. И. Успенский. Тактикон, стр. 119, 124, 124, 123, 124, 124, 126.

города очень часто были предоставлены самим себе, а следовательно и военные права местных чиновников становились все более и более значительными, а их влияние весьма сильным. Причина этого заключалась главным образом в том, что центральное правительство, занятое в VII и VIII вв. защитой важнейших центров империи, не вмешивалось во внутреннюю жизнь этих городов. В этих условиях могли с успехом существовать и действительно существовали в некоторых районах города, в которых феодальный порядок еще не был введен и где поэтому процветала некоторая муниципальная автономия.

Группа таких городов образовывала провинциальную административную единицу, независимость которой от центра была отражением как слабости империи, так и внутренней свободы городов. Так обстояло дело и в Далмации.

В результате вторжения аваро-славян Далмация как административная единица значительно уменьшилась. В ней осталось несколько городов вдоль Адриатического побережья — Котор, Трогир, Сплит, Дубровник и Задар, а также островов — Крк, Раб, Црес, Лошинь и несколько других более мелких¹³.

Поскольку в источниках нет достаточных сведений о Далмации, приходится прибегать к аналогиям.

Развитие системы управления в Херсонесе на Черном море является примером, который лучше всего показывает переход от муниципальной администрации к архонтату, а затем — к феме. В VII, VIII и первой половине IX в. Херсонесом управлял протевон или протополитис, с советом старейшин города, называвшихся протевонτες¹⁴.

Когда около 834 г. византийский Крым был возведен в ранг фемы, император Феофил не уничтожил должности протевон, а подчинил его стратигу¹⁵. У Константина Багрянородного протевонτες названы *ἄρχοντες*¹⁶, следовательно у нас есть прямое доказательство того, что правители города назывались «архонтами». Архонты упомянутых в Тактиконе областей стояли во главе метрополий значительных районов. Следовательно, архонта Далмации, упомянутого в Тактиконе, нужно искать в метрополии этого района. *Salona* — метрополия Далмации — была полностью уничтожена во время вторжения аваро-славян в начале VII в. В конце 805 г. как метрополия Далмации впервые упомянут Задар¹⁷. Из этого города отправлялись ко двору Карла Великого в качестве представителей Далмации дука Павел и епископ Донат. Хотя дука Павел не был византийским правителем Далмации и Далмация никогда не была византийским дукатом¹⁸, с этого момента Задар всегда упоминается как столица Далмации. Один источник совершенно определенно указывает, что уже в 821 г. здесь имел свою резиденцию префект провинции Иоанн¹⁹. К сожалению, в этом источнике не дано какого-либо более определенного наименования византийского правителя, и поэтому мы не в состоянии точнее определить его титул. Но сделать вывод о том, что центром архонтата был Задар и что,

следовательно, именно там надо искать архонта, упомянутого в Тактиконе, мы имеем полное право.

В начале X в. мы впервые находим в Задаре представителя самой высокой местной власти, который назывался «приор»²⁰. То, что в Далмации приоры существовали уже раньше, доказано надписью на саркофаге Петра в Сплите, относящейся к первой половине IX в.²¹; мы знаем, с другой стороны, что в X—XI вв. приоры имелись почти во всех городах Далмации²². Этот термин («приор») не является переводом греческого «протевон», также как этот институт не является копией институтов греческих городов; сходные внутренние и внешние условия обусловили развитие сходных институтов. Так же как в Херсонесе протополитис или протевон, или как в Сардинии *iudex* Кальярийский²³ стал высшей местной властью, появившейся в результате развития муниципальной организации в условиях трудного внутреннего и внешнего положения, подобным же образом и в городах Далмации приор стал главой местной администрации. Несомненно, греческий протевон соответствует далматскому приору; интересно констатировать при этом поразительное совпадение этих двух терминов.

Итак, мы можем с уверенностью сделать вывод, что приор Задара был, безусловно, архонтом Далмации, упомянутым в Тактиконе, и как таковой управлял византийской Далмацией. Как и другие архонты, он имел при себе совет, сформированный из наиболее видных лиц, вероятно, самого города Задара. То, что здесь идет речь о лицах, проживавших в метрополии района, а не о местных властях городов района, мы можем предполагать на основании данных Тактикона. В этом источнике упомянут *πατριχιος καὶ στρατηγός τῶν κλημάτων*, тогда как не это название обычно употреблялось для обозначения архонтов, которые упоминаются как *ἄρχοντες* *χερσονος*²⁴. Видимо, тем самым хотели указать, что архонты, являясь частью совета стратигов, происходили только из самой метрополии фемы. Судя по этим данным, отношения между метрополией и другими городами архонтата должны были быть довольно слабыми. Это предположение подкрепляется, кроме того, сообщением о посольстве, направленном жителями Дубровника непосредственно в Константинополь в 866 г. с просьбой о военной помощи для защиты от арабов²⁵.

Отсутствие источников не позволяет определить, каковы были функции и компетенции архонта Далмации как имперского чиновника. Но выбор титула — «архонт», если учесть, что употребление этого термина в Византии было очень распространенным и поэтому очень неопределенным, указывает, кажется, на то, что они не были достаточно фиксированы. Во всяком случае, в конкретных условиях Далмации употребление титула архонта действительно указывало на некоторый компромисс между местными властями и положением имперского чиновника, зависящего от центральной власти.

¹³ Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio, ed. Gy. Moravcsik. Budapest, 1949, cap. 29, 50—52.

¹⁴ Theophanes. Chronographia, rec. C. de Boor, vol. I. Lipsiae, 1883, p. 378, 5—6.

¹⁵ Constantine Porphyrogenitus. Op. cit., cap. 42, 43—44.

¹⁶ Ibidem.

¹⁷ F. Rački. Documenta Historiae Chroaticae periodum antiquam. illustrantia. Zagrabiae, 1877, p. 310.

¹⁸ Јадран Ферлуга. Време постанка теме Далмације. Зборник филозофског факултета, т. III, Београд, 1955, стр. 56—58.

¹⁹ Einhardus. Annales. MGH. SS., t. I, Hannoverae, 1826, p. 207—208.

²⁰ F. Rački. Documenta, p. 17.

²¹ Lj. Karaman. O počecima srednjevekovnog Splita do 800 god., Serta Hoffleriana. Zagreb, 1940, str. 433—434.

²² Cp. F. Rački. Documenta, sub voce «prior».

²³ A. Solmi. Studi storici sulle istituzioni della Sardegna nel Medio Evo. Cagliari, 1917, p. 14, 15, 17, 25.

²⁴ Ф. И. Успенский. Тактикон, стр. 115 и 124; cp. Г. Острогорски. Тактикон Успенского и Тактикон Бенешевича, стр. 42—43.

²⁵ Theophanes Continuatus. Bonnae, 1838, p. 289 sq.; Constantinus Porphyrogenitus. De thematibus, ed. Pertusi, cap. 11, 18 sq.; Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio, cap. 29, 87 sq.

4 Византийский временник, т. XII

Помимо приоров, были в далматинских городах и другие муниципальные чиновники. В завещании приора Андрея в 918 г. впервые упомянуты трибуны в Задаре²⁶, а позднее их находят почти во всех далматинских городах. Известно о наличии трибунов в Истрии в конце VIII—начале IX вв.²⁷ Несомненно, они были в Далмации уже в IX в., а возможно и много ранее.

Трудно установить с определенностью, каковы были отношения между городами Далмации и Константинополем. Но тот факт, что в Тактиконе упоминаются экс-архонты Далмации, бросает некоторый свет на эти отношения. Архонты, а также и приоры принадлежали к высшим слоям населения городов и благодаря своему экономическому, социальному и политическому положению имели сильное влияние на местные дела. Независимо от того, являлись они верховной властью или нет. Вышеупомянутое завещание приора Андрея указывает на его экономическое могущество, а следовательно и на политическое влияние. Имущество, которое приор Андрей завещает своей жене, состояло из 5 домов с огородами в городе, из виноградников и многочисленных полей в окрестностях Задара, из более чем 800 голов скота, нескольких судов (лодок), а также значительного количества ценных вещей²⁸.

Если принять во внимание специфическое положение Далмации, ее отдаленность от центра и значительную административную независимость, то становится понятным и то, почему в Константинополе стремились сохранить возможно большее влияние на этих важных лиц даже тогда, когда они не находились более у власти, и поэтому предоставляли им место в чиновничьей иерархии империи. Очевидно, архонты и экс-архонты должны были часто приезжать в Константинополь, если сочли нужным включить их в Тактикон.

Об архонтате Далмации упоминается в единственном источнике — в Тактиконе; возникает законный вопрос: с какого же времени Далмация стала архонтатом?

Перед аваро-славянским вторжением последним правителем Далмации был проконсул²⁹, о правителях же VII—VIII вв. в источниках нет никакого упоминания. В надписи Трогира, относящейся к первому или второму десятилетию IX в., упоминается проконсул, а в 821 г., как мы уже видели, в Далмации был византийский правитель, но его наименование «префект» не говорит нам ничего определенного. Во второй половине X в. и в первой половине XI в. все византийские правители Далмации, бывшие приорами в Задаре, тоже носили титул проконсула³⁰.

Помня о консерватизме в употреблении титулов в Византии, мы думаем, что византийский правитель Далмации в IX в., согласно местным источникам, носил титул проконсула³¹. Некоторые историки считают, что Далмация стала фемой с середины VIII, а другие — с середины IX в.³²

²⁶ F. Rački. Documenta, p. 19.

²⁷ Documenti relativi alla storia di Venezia anteriori al mille, vol. I., ed. R. Cessi. Padova, 1942, p. 63.

²⁸ F. Rački. Documenta, p. 17 sq.

²⁹ Gregorii I papae Registrum epistolarum. MGH. Epistolae, t. II. Berolini 1893, ep., IX, 5; CIL, III, 9527.

³⁰ Lj. Karaman. Spomenici u Dalmaciji u doba Hrvatske narodne dinastije; i vlast Bizanta na istočnom Jadranu u to doba. Šišićev Zbornik. Zagreb, 1929, str. 189.

³¹ F. Rački. Documenta, p. 21, 41.

³² F. Šišić. Povijest Hrvata u vrijeme narodnih vladara. Zagreb, 1925, str. 295 sq.; G. Novak. Prošlost Dalmacije, t. I. Zagreb, 1944, p. 95; G. Praga. Storia della Dalmazia. Padova, 1954, p. 39; cp. F. Šišić. Op. cit., str. 327; Историја народа Југославије, књ. I. Београд, 1953, стр. 175; J. Posedel. Pitanje dalmatinskog temata u prvoj polovini IX st. Historijski Zbornik, 1—4. Zagreb, 1950, str. 218.

Но в таком случае правителем Далмации был бы, конечно, не проконсул или архонт, как об этом упоминалось выше, а стратиг. В настоящее время к тому же можно считать доказанным, как мы увидим ниже, что Далмация была возведена в ранг фемы только некоторое время спустя после 870 г.

Далматинские города пользовались высшей степенью административной независимости в период, который предшествовал организации фемы в Далмации. Константин Багрянородный подтверждает это, говоря, что «особенно во времена Михаила (Косноязычного) жители городов Далмации стали независимыми, не будучи подчинены ни императору ромеев, ни кому-либо другому»³³. Употребляя выражение «особенно» (*καὶ μάλιστα*) Константин сообщает о приобретении независимости городами Далмации не как о результате восстания, а как о постепенном процессе, развивавшемся на протяжении некоторого отрезка времени. Для писателя-царя Михаил Косноязычный (821—829 гг.) был самым неспособным из императоров, и может быть поэтому Константин подчеркивает, что именно в период царствования Михаила независимость далматинских городов достигла максимума. Но если даже допустить, что отношения между Константинополем и Далмацией были более тесными до царствования Михаила Косноязычного, чем после него, из сообщений Константина Багрянородного можно тем не менее сделать вывод, что Далмация мало зависела от центрального правительства и что местная автономия все время оставалась весьма значительной. Цитированный выше текст показывает, что вскоре после 821 г. (точную дату установить невозможно) Далмация достигла высшей степени независимости от центра. Но, разумеется, нельзя понимать буквально каждое слово Константина, потому что несмотря на все это архонт Далмации, согласно Тактикону, считался, безусловно, имперским чиновником. Итак, Далмация в первой половине IX в. пользовалась весьма значительной административной независимостью при правителе, которого называли проконсулом — согласно местным источникам, и архонтом — согласно греческим памятникам. Речь идет не о том, чтобы искать дату создания архонтата, а только о том, чтобы найти, с какого времени термин «архонт» стали употреблять в официальной терминологии применительно к тем местным властям, которым императоры доверяли управление провинциальными административными единицами. Во всяком случае можно считать, что Далмация была архонтатом в первой половине IX в., так как источники не сообщают ни о каких административных изменениях в этот период (Константин говорит только, что города становились все более и более независимыми). Фактом является, наконец, и то, что Тактикон упоминает только архонта как правителя Далмации.

Вопрос о продолжительности существования архонтата Далмации тесно связан с вопросом о дате создания этой фемы. Уже Острогорский разрешил эту проблему³⁴, и произведенный нами детальный анализ привел нас к такому же результату³⁵. Далмация стала фемой вскоре после 870 г., и в эту же самую эпоху она, следовательно, перестала быть архонтатом.

Таким образом, мы можем сделать окончательный вывод о том, что по всей вероятности в византийской официальной терминологии Далмация рассматривалась как архонтат, начиная с первых десятилетий IX в., и как

³³ Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio, cap. 29, 58—63.

³⁴ G. Ostrogorsky. Geschichte des byzantinischen Staates. München, 1952, S. 190.

³⁵ Јадран Ферлуга. Време постанка теме Далмације, стр. 55 сл.

таковой она существовала еще немного спустя после 870 г. С административной точки зрения это была провинциальная единица империи, правитель которой назывался архонтом, имея в то же самое время высшую административную власть в метрополии Далмации и пользуясь помощью старейшин Задара, которые, в свою очередь, носили звание архонтов. В руках того, кто обладал высшей местной властью, были сосредоточены две функции — приора и византийского правителя. Зависимость архонтата от центрального правительства была относительно слабой, как это наблюдалось, впрочем, и в отношениях между городами архонтата, в то время как местная автономия была весьма значительной. Но тем не менее центральное правительство считало Далмацию областью империи и через архонта, иначе говоря — через приора Задара, осуществляло известный контроль над Далмацией.

Перевод В. П. Савиновой

Д. Ж. БОШКОВИЧ

ВИЗАНТИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ В ЮГОСЛАВИИ ПЕРЕД НОВЫМИ ПРОБЛЕМАМИ*

Если бросить ретроспективный взгляд на развитие византийской археологии в Югославии, то становится очевидным, что результаты, которые были достигнуты в течение последних лет, отнюдь нельзя назвать незначительными. Различные научные учреждения страны, такие как Институт археологии Сербской академии наук, университеты, музеи, учреждения по охране исторических памятников — проделали большую работу по археологическим раскопкам, научным исследованиям, по изучению и сохранению различных памятников, относящихся к периоду от поздней античности до эпохи турецкого господства на Балканах. И хотя материалы, которые были при этом получены, опубликованы лишь частично, а в своем большинстве все еще находятся в процессе изучения или только подготавливаются к печати, их обилие ставит перед археологической наукой в Югославии ряд новых проблем, или — лучше сказать — проблем уже известных, но рассматриваемых под другим углом зрения. Большинство этих проблем относится скорее к области синтеза, чем к области анализа. Поэтому нужно теперь установить несколько иное соотношение между методами синтеза и анализа по сравнению с тем, которое существовало у нас длительный период времени, когда в наших работах явно преобладал аналитический метод. С другой стороны очевидно, что использование метода синтеза приведет нас к установлению более тесной связи с науками, более или менее близкими археологии, как-то: с политической, экономической и культурной историей, историей искусства, этнографией, этнологией, филологией и т. д.

В области византиноведения это сотрудничество археологии, с ее методами изучения материальной и культурной жизни человека в прошлом, с другими науками может дать более или менее точные ответы на целую серию существенных вопросов, которые возникают при рассмотрении уже накопленных археологических материалов.

Остановимся на некоторых из этих вопросов, по нашему мнению, наиболее важных.

В эпоху образования византийского государства территория Балкан была уже достаточно наводнена римлянами. Но эффективная романизация этих районов была далеко не закончена. Напротив, все еще сохранялось резкое различие между порядками крупных римских административных, политических и военных центров и все еще живыми и сильными корнями местной традиции — иллирийской, дакийской, фракийской, дарданской и т. п. Между этими двумя укладами жизни, этими двумя типами

* Написано в Археологическом институте Сербской академии наук в Белграде в августе 1955 г.

организаций общества все еще шла внутренняя борьба, осложненная еще более распространением христианства. Но этот вопрос впрочем относится скорее к области античной археологии и истории. Византийскую же археологию интересует проблема перехода этих римских административных территорий — с их столь различной внутренней структурой — в административную, экономическую, политическую и культурную систему византийской феодальной империи.

Переход этот имел своей причиной и результатом не только изменение внешних форм, но также еще большее усложнение внутренней жизни страны. При различии местных условий он совершался в каждом районе иначе, чем в другом. Вопрос состоит в том, чтобы выяснить — как именно? Как это можно судить по системе городских поселений, по планировке жилых домов, по столь разнообразной структуре церквей (с их атриумами особенно разнообразной формы), которые сменяют собою как античные храмы, так и театры и амфитеатры, находящиеся, например, в Стоби, Царичине Граде (Jusiniana Prima?), в Нише (Naissus), в Гамзиграде и в Дуклее (Dioclea), характерные черты разных областей, нередко при этом также весьма индивидуальные, позволяют сделать вывод о том, что процесс, который развертывался в IV и в VI вв. в этих областях, был независимым. Это обстоятельство, а также большое количество и богатство римско-византийских городских центров на территории Македонии и Сербии, так же как и в Болгарии, заставляет нас поставить вопрос: в какой степени жизнь, протекавшая на Балканах в эту эпоху столь бурно, жизнь, которая нашла столь яркое отражение в материальной культуре, в архитектуре и искусстве, в какой степени эта жизнь испытала влияние больших центров Византии и Востока, и — с другой стороны — в какой степени сама она повлияла на формирование материальной и духовной культуры и искусства Византии? Наряду с античной, эллинистической и римской традицией и живым влиянием Востока, и Балканы, видимо, были одним из мощных источников, из которых Византия черпала свои силы.

Дальнейшие раскопки, которые будут продолжаться в упомянутых уже выше местностях, как и во многих других, должны дать более точный ответ на этот вопрос.

Не менее интересна проблема образования первых славянских государств на Балканах и связанный с ней вопрос о формировании славянской культуры в тех же районах.

Славяне наводнили эти территории и впитали в себя остатки туземного населения с его нравами, традициями и культурой. Многочисленные римско-византийские центры, наполовину покинутые своими жителями, были уничтожены и скрыты, но в то же время вновь прибывшие поселенцы обосновываются в развалинах этих городов и строят там свои новые жилища. Это доказывают раскопки, ведущиеся в Стоби, Царичине Граде и Гамзиграде. На руинах античной жизни и античной культуры пускает корни и развивается новая славянская культура, которая в то же самое время впитывает в себя отдельные элементы римско-византийской культуры, переплавляя их вновь в соответствии с местной, главным образом славянской традицией.

Этот процесс достигает своей зрелости в основном в эпоху распространения христианства среди славянских племен на Балканах. Для Византии и Рима христианизация славян являлась несомненно политическим делом большой важности. Поселение и укрепление славян на Балканах было совершившимся фактом, конкретной действительностью, изменить которую уже нельзя было никакой военной силой. Перед Константинополем и Римом вставал вопрос: или иметь славян постоянными врагами у своих

ворот, или поработить их во что бы то ни стало, или же, если бы последнее оказалось невозможным, сделать из них по крайней мере послушных союзников. Создание христианской церкви как организации идеологической и политической давало наиболее благоприятные средства для достижения этой цели. Поэтому и Византия и Рим приложили немало усилий для распространения христианства среди славян — причем влияние Византии распространялось через Болгарию и Македонию, а влияние Рима — через побережье Адриатического моря. Но результаты деятельности этих политических сил имели различное значение. С одной стороны, феодальная знать славян, которая нуждалась в более прочной опоре, благосклонно восприняла эти мероприятия Византии и Рима, надеясь закрепить свое еще неустойчивое положение, а с другой стороны, политика этих соперничающих стран возбуждала часто резкую оппозицию широких масс славянского населения. Становление у славян христианской церкви, являвшейся одним из орудий классового господства, не произошло без борьбы. Но эта политика была чревата опасностями для стран, стремившихся к господству над славянами. Вместе с временным подчинением Риму и Византии славянские племена получали возможность приобщиться к обширному наследию античной культуры, стабилизировать быстрее свою политическую индивидуальность, а позднее и использовать сложившуюся церковную организацию для того, чтобы оторваться и от Византии, и от Рима и сформировать независимые государства.

Эта эпоха, лежащая между VI и IX вв., является наиболее бедной в отношении письменных исторических документов. Вот почему использование археологических материалов здесь особенно необходимо. Результаты, уже достигнутые благодаря современным, а в некоторой степени и довоенным раскопкам славянских некрополей (в Словении — в Птуе, Блеме, Бохинье; Хорватии — в Белом Брде и Марушинце, и в Сербии — в Добраче, Белой Церкви, Брестовике, так же как раскопки, которые производятся в Дуклее, Баре и Ульцине) — уже дали и дадут (по крайней мере мы имеем право на это надеяться) новые материалы, которые позволят расширить и углубить исследования этого периода.

Проблема такого сложного скрещивания византийского, восточного и западного влияний, которое обнаруживается в культуре и особенно в искусстве на Балканах в эпоху классического средневековья, была уже предметом внимания многих исследователей. Но все же есть вопросы, которые еще не получили достаточного освещения, и некоторые из них касаются самого существа проблемы.

Так, например, ко времени основания архитектурной школы Рашки относят два памятника-прототипа — церковь св. Николая в Куршумлье и Студеницу. Действительно ли оба эти памятника существуют только со времени Немани, т. е. с последней четверти XII в., или же мы имеем здесь два более древних византийских памятника, первым из которых лишь стали снова пользоваться, а второй был только снабжен романскими скульптурными украшениями во времена основателя династии Неманичей? Окончательно разрешить этот вопрос означало бы в то же время понять самую сущность борьбы архитектурных течений в средневековой Сербии.

Далее, мы не совсем уверены в том, что правильно указываем на истоки другой большой архитектурной школы в Моравии. Традиции двух предшествующих школ в этом районе — школы Рашки и македонской школы — весьма заметны. Однако вопрос о крестообразных планах и вопрос об истоках характерных для этой школы рельефных украшений «плетенкой» еще не решены окончательно. Не выяснена также еще роль, которую сыграли при этом Афон, адриатическое побережье (Зета), Малая Азия

и далекая Армения. (Напомним, что существование «армянских деревень» в Македонии засвидетельствовано письменными документами середины XIV в. и некоторыми другими материалами и в том числе уже достаточно известной надписью на славянском и армянском языках от 1218 г. в Витовнице).

Желание получить определенный ответ на этот вопрос не является результатом простого любопытства. Это необходимо для лучшего освещения крупных движений этнического, экономического, политического и культурного характера, движений, которые одновременно происходили в центральных районах Балкан. Решение этого вопроса позволило бы нам, в частности, лучше понять и объяснить систему основных путей сообщения, сеть которых мы можем себе представить благодаря существованию многочисленных монастырей и крепостей, которые находились на местах скрещения этих путей. Тот факт, что эти крупные военные, религиозные и гражданские постройки часто находятся друг от друга на расстоянии, равном не более одного дня пути пешком или верхом, позволяет сделать предположение, что строительство этих сооружений, даже таких, как крупные монастыри, было рассчитано — помимо всего прочего — на удовлетворение нужд путешественников — людей церкви, военных и купцов, — для которых эти сооружения служили надежным убежищем.

Эти пути сообщения, связывавшие различные области друг с другом и с внешним миром, служили одновременно каналами, по которым распространялись влияния и местные традиции, о которых мы говорили.

Это взаимодействие местной традиции с внешними влияниями приводило иногда к созданию больших художественных и культурных ценностей, таких, например, как фрески (особенно в XIII в.) в Студенице, Милешево, Пече, Сопочанах, Градаце, где мы можем отметить проникновение в искусство гуманистических мотивов, обязанных, как это утверждал еще известный французский ученый Габриэль Милле, своим появлением славянскому элементу, и которые уже достаточно отчетливо выражены в стенной живописи церкви в Нерези. Но и вопрос об этом взаимодействии античного, византийского, восточного и западного влияний с местными мотивами, нашедшими выражение в оригинальных произведениях живописи, еще не выяснен окончательно.

Проблема надгробных камней («стећак»), в форме сплошных саркофагов, а вернее в форме жилых домов, надгробных плит и крестов, которые находят особенно в Боснии и Герцоговине, а также в Западной Сербии, в Черногории и на адриатическом побережье, еще более сложна. Мотивы битв, охоты и танцев, представленные на поверхности этих камней в виде рельефов, по технике исполнения иногда поразительно напоминающих работу по дереву, ведут нас еще к языческому, дохристианскому началу, античным, восточным и славянским, хотя не исключено, что некоторые черты связаны с романским искусством и образами апокалипсиса. Нередко повторяемое в литературе объяснение, что эти памятники обязаны своим существованием исключительно богоницам, не выдерживает более критики, если принять во внимание, что мы находим их также на кладбищах и при православных и католических церквях. С другой стороны, употребление очень распространенного изображения полумесяца и существование надписи, в которой упомянуто имя некоего Махмуда Бранковича, «похороненного в своих владениях» в Бранковиче в Герцоговине, указывают на возможность мусульманского влияния уже в XV в. не только на область искусства, но также и на другие стороны жизни вообще.

Это ведет нас еще к одному вопросу, о котором мы должны сказать: а именно — к проблеме перехода феодально-христианского обще-

ства в общество, организованное также на феодальной основе, но проникнутое новой религиозной и политической идеологией — исламом. Очевидно, что суть этой проблемы отнюдь не сводится к вопросу о механической замене состава правящего класса, феодальной знати. Происшедшие изменения были гораздо более важными. Самым существенным здесь являлось скрещение устойчивой туземной славянской традиции — сербской и македонской — с сильным влиянием мусульманства, причем и то и другое уже носило на себе отпечаток византийской традиции. Но и эта эпоха является для историков еще очень темной. Письменных турецких документов в самой Югославии весьма недостаточно, а к научному использованию богатых фондов средневековых документов в архивах Константинополя приступили только теперь. Результаты, которые будут получены методами археологии и истории искусства, путем изучения городских поселений, жилых домов, мечетей и других построек религиозного, гражданского и военного характера, — например, в Баре, Ульцине, Призрене, Охриде, Сараеве, Мостаре, Скопле и других местах, могут серьезно восполнить существующие пробелы.

Все эти проблемы, а я изложил лишь наиболее важные из них, связаны одна с другой, образуют цепь проблем, отражающую генеральную линию процесса развития культуры и искусств в центре Балкан. Важность и сложность этих проблем столь велики, что заслуживают изучения широко задуманным планом и требуют серьезного сотрудничества различных научных учреждений. Мы находимся только в начале этого пути. Археологический институт Сербской Академии наук уже координирует работы по археологическим изысканиям различных музеев и других археологических учреждений в Сербской Народной Республике, однако этого еще далеко недостаточно. Новый этап должен начаться с призыва к более тесному сотрудничеству с другими научными учреждениями, — Институтом византиноведения, Институтом истории, Университетом и другими учреждениями как в Сербской Народной Республике, так и в других республиках Федеративной Республики Югославии. И я надеюсь, что мы сможем рассчитывать на успешное разрешение поставленных вопросов, если в ближайшем будущем установим еще более тесные связи с соответствующими учреждениями за границей — в Греции, Турции, Болгарии и в СССР. Результаты, которые мы сможем получить на основе взаимного сотрудничества, освобожденного от национальных и религиозных предрассудков, вне всякого сомнения бросят новый свет на средневековое прошлое государств и народов Балкан.

Перевод В. П. Савиновой

М. Я. СЮЗУМОВ

ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА АНДРОНИКА КОМНИНА И РАЗГРОМ ПРИГОРОДОВ КОНСТАНТИНОПОЛЯ В 1187 ГОДУ

Вплоть до конца XI в. большинство византийских императоров проводило политику в интересах городской константинопольской знати, богатых домовладельцев и собственников пригородных проастиев и кораблей. Политика эта способствовала развитию товарного хозяйства в Константинополе и пригородах, давала возможность некоторым удачливым лицам из торгово-ремесленной прослойки покупать звания и проникать в среду правящей аристократии. Некоторые торгово-ремесленные корпорации столицы имели исключительные выгоды от предоставленных им привилегий¹. Но эти привилегии не распространялись на пригороды, и, нужно думать, что за стенами города большинство трудового населения (за исключением рыбаков и отчасти строителей и виноградарей, которые тоже организовывались в артели²) не имело своих объединений³. Да и в самой столице огромная масса ремесленников была вне цеховой организации, — поэтому условия жизни и политические симпатии константинопольской трудовой бедноты и пригородных ремесленников и земледельцев естественно должны были быть весьма сходными⁴.

¹ Книга Эпарха II, 4; V, 3—4; VI, 8, 15—16; VIII, 13; X, 2; XI, 1; XII 2. (УЗ Свердловского пединститута, вып. VI, 1949)

² Novellae Leonis, VI, CII, CIII. Corpus juris civilis, vol. III. Lipsiae, ed. 16, p. 830—831.

³ Во всяком случае, несмотря на то, что ведомству эпарха подлежали дела не только городских, но и прочих ремесленников и торговцев, «Книга Эпарха» не касалась корпораций вне стен столицы.

⁴ Ни в коем случае не следует упускать из виду, что в Константинополе наряду с трудовой беднотой существовала многочисленная люмпен-пролетарская прослойка. См., например, 80-ю новеллу Юстиниана, включенную в Василики (VI, 6, 9), в которой говорится о коренных жителях столицы (αὐτόχθονες), являющихся физическими крепкими, но не желающими работать (μη βουληθεὶς προσεδρεύειν ταῖς ἐργασίαις...). См. военный трактат Анонима (VI в.), в котором особенно ярко нетрудовой элемент столицы противопоставляется трудящимся. В трактате говорится о наличии ἀργῶν μέρος — бесполезной части населения и о τὸ μέρος ἀργόν — бездельниках, которые ничего не делают, и в тоже время проявляют склонность к грабегам и всяческим преступлениям и являются опасным элементом (Köchly und Rüstow. Griechische Kriegsschriftsteller, T. II, T. 2. Leipzig, 1855, Anonymus, p. 44, 42). Аноним резко осуждает этих праздных бедняков, противопоставляя им τὸ δλιχόν, τὸ ὑπερτιχόν μέρος — ремесленников и прислугу. На это осуждение праздных элементов из низов столицы указала Н. В. Пигулевская («Византия и Иран на рубеже VI и VII веков», М.—Л., 1946, стр. 133). 60-я книга Василик насыщена статьями и схолиями к ним относительно борьбы против воровства и грабителей (тит. 12, 13, 17, 18). О многочисленности преступных элементов в Константинополе резко отзывался Одо де Диогило: . . . tot fures, quot pauperes, ibi sceleratus quisque nec metum habet, nec verecundiam. . . ibi caedes exercentur et latrocinia. . . (Odonis de Diogilo de Ludovici, VII, c. IV,

В конце XI в. в экономике и в политическом строе Византии произошли крупные перемены. Власть перешла в руки провинциальной военно-земледельческой знати. Династия Комнинов уже не склонна была защищать интересы торгово-ремесленных кругов. Совершенно изменилось правовое положение и экономическое влияние иностранного купечества. Если в X в., судя по статьям «Книги эпарха», иностранные купцы были весьма ограничены в правах⁵, то с конца XI в. им были предоставлены особые привилегии⁶, которые фактически свели на нет бывшие преимущества местных корпораций.

Естественно, что привилегированное положение иностранного купечества не могло не отразиться и на экономике пригородов, где имелся ряд важных производств. Ненависть к «латинянам» стала общей, как у городских, так и у пригородных жителей.

Черты социально-экономического развития Византии, присущие ей в течение нескольких веков, уже с середины XI в. перестают быть для нее характерными. Вместо скупки крестьянских участков, сгона крестьян и организации барского хозяйства⁷ стал развиваться институт пронии, как преобладающая форма общественных отношений в византийском феодальном государстве. Невозможно понять сущность политических и социальных конфликтов XII в., игнорируя сложность и — если можно так выразиться — многообразие процесса утверждения этого института⁸.

Институт пронии в том виде, как он укрепился в XIII—XIV вв., произошел из самых разных форм предоставления государством отдельным лицам прав на получение доходов. Как совершенно правильно отметил Г. Острогорский⁹, основой прониарного владения всегда и непременно

PL, t. 85, col. 1222). Эта часть населения Константинополя ничего общего не имела с трудовой беднотой столицы и пригородов. Византийские историки с полным правом относятся с презрением к этой «черни» (βυλοῖ), но они не правы, когда понятие «черни» распространяют на все обездоленное трудовое население столицы. Люмпен-пролетарские массы, оторванные от постоянной трудовой деятельности, привыкшие к нетрудовым источникам существования, могли стать орудием в руках правящих групп и выступать против трудящихся, как это и имело место во время событий 1185—1187 гг.

⁵ Книга Эпарха, IV, 8; V, 5; XX, 2.

⁶ Договора X в. с русскими, основанные на взаимных выгодах торгующих сторон, не предоставляли иностранцам привилегий для организации предприятий внутри столицы. Договора с мусульманами давали привилегии только религиозного порядка. Иного характера был договор мая 1082 г., по которому венецианцы получали существенные привилегии для предпринимательства в самом Константинополе и других городах империи.

⁷ Theophanes Continuatus, Bonnae, 1838, p. 317—321; Jus, vol. III, p. 248, 255; F. Dölger. Beiträge zur Geschichte der byzantinischen Finanzverwaltung. Leipzig—Berlin, 1927, S. 115.

⁸ Нам непонятно положение А. П. Каждана (Аграрные отношения в Византии XIII—XIV вв., 1952, стр. 208) о том, что подлинно научное понимание пронии может быть достигнуто, если этот институт будет рассматриваться не в юридическом плане, а в связи с изменениями форм взимания феодальной ренты. Мы должны напомнить, что при одном и том же виде феодальной собственности могут применяться самые различные формы взимания ренты. Понятие пронии, как и всякой формы собственности и владения, не может быть изучено вне юридического плана, так как собственность есть только юридическое выражение производственных отношений (см. К. Маркс. К критике политической экономии, Госполитиздат, 1953, стр. 7). Игнорирование юридических норм собственности фактически приводит к отказу от выяснения различных форм собственности, приводит к ограничению анализа экономического строя страны отношениями эксплуататоров к эксплуатируемым, оставляя в стороне экономически-правовую основу отношений между собою различных прослоек внутри господствующего класса феодалов, что чрезвычайно важно при анализе политической борьбы в обществе, разделенном многочисленными сословными перегородками.

⁹ G. Ostrogorski. Pour l'histoire de la féodalité byzantine. Bruxelles, 1954, p. 83.

является юридический акт пожалования¹⁰ διὰ θεοῦ καὶ βασιλικῆς προσηκούσης ὀρισμοῦ. Пожалования могли быть различных видов: 1) земли (γῆδια); 2) права ведения хозяйства на данной территории (οἰκονομία); 3) права управлять данной территорией (ἀρχή); 4) права на сбор налогов, пошлин в свою пользу (ποσότης); 5) права на зависимых работников (τῶν παροίκων). Все эти права, взаимно дополняясь и нивелируясь, превратились в XIII—XIV вв. в единую, специфичную для Византии форму условной феодальной собственности — пронию.

Особо следует остановиться на процессах, происходивших в среде стратигот. Г. Острогорский отрицает возможность происхождения пронии из κτήματα στρατιωτικά на том основании, что стратигот IX—X вв. и прониар последующего времени — лица различных социальных групп¹¹. Стратигот X в. в сущности был крепким крестьянином, тогда как прониар — феодал. Не следует, однако, забывать, во-первых, о том, что в среде стратигот в конце X в. произошла дифференциация — в результате реформы Никифора Фоки из среды стратигот выделился разряд рыцарей «катафрактов», которых уже нельзя считать крестьянами¹². Уже в середине X в. в «De velitatione bellica» Никифора Фоки говорится о стратиготах, имеющих дома своих зависимых людей¹³. Правда, κτήματα στρατιωτικά даже крупного размера, даже если стратигот уже фактически не имел ничего общего с крестьянином, не были прониями: в κτήματα στρατιωτικά X в. не входили территории, населенные свободными собственниками — плательщиками налогов. Но — и это второе, о чем следует напомнить, — при Мануиле Комнине «стратиготы» стали получать право распоряжаться свободным до того времени населением пожалованной территории¹⁴.

Таким образом, сущность тех изменений, которые произошли во время правления Мануила Комнина, заключается в передаче определенной территории страны под хозяйственное руководство (εἰς οἰκονομίαν) или в управление (εἰς πρόνοιαν) какому-либо лицу с правом получать содержание от населения данной территории, безразлично, будет ли данное лицо выполнять гражданскую службу (ἀρχὸν) или же военную (στρατιώτης). Получив

¹⁰ Предварительно необходимо отметить, что попытки отождествить вотчину, полную частную собственность на землю, с пронией, условным владением, неудачны. Г. Острогорский, привлекая ряд документов, доказывал, что прония, безразлично на одно лицо или наследственная, никогда не становилась полной частной собственностью, но оставалась условным владением казенной земли (G. Ostrogorski. Op. cit., p. 67, 148 sq., 186). Прония никогда не была свободно отчуждаемой собственностью (за исключением случаев, когда прония в силу юридически оформленного акта превращалась в вотчину). Однако неотчуждаемость по византийскому праву вовсе не предполагает абсолютного запрета передавать свои права другому лицу. Так, например, ктиторские монастыри были собственностью церкви и существовал абсолютный запрет их продажи и отчуждения вообще. Но права ктитора и его обязанности «могли и продаваться и покупаться...» Ср. Новелла Юстиниана VII, cap. 11, Номоканон Фотия (титл II, 1, 3), толкование Феодора Вальсамона («Номоканон Фотия», изд. К. Нарбекова, Казань, 1899, стр. 131). В полном противоречии со своим утверждением о значении акта пожалования в происхождении института пронии Г. Острогорский (op. cit., p. 16) полагает, что именно из среды динатов X в. вышли прониары последующего времени. Это невозможно, так как динаты X в. захватывали и покупали и землю в полную собственность, тогда как для пронии существенным является пожалование в условную собственность.

¹¹ G. Ostrogorski. Pour l'histoire de la féodalité byzantine, p. 15.

¹² A. Gfrörer. Byzantinische Geschichten, Bd. III. Graz, 1877, S. 36; Г. Дельбрюк. История военного искусства, т. III. М., 1938, стр. 140; А. П. Каждан. Византийская армия в IX—X веках. УЗ Великолукского государственного педагогического института. Великие Луки, 1954, стр. 29.

¹³ Liber de velitatione bellica Nicephori Augusti (in: Leonis Diaconi Historia, Bonnae, 1828), cap. XIX.

¹⁴ Nicetas Choniata. Historia, Bonnae, 1835, p. 273.

в качестве пожалования определенный участок, ἀρχὸν или στρατιώτης стремились максимально эксплуатировать его население. И чем больше злоупотреблений своею властью и своими правами проявляли «архонт» или «стратигот», тем полнее население превращалось из свободного в зависимое, а чиновник — архонт или стратигот — становился условным феодальным владельцем данной территории.

Динатам X в. не удалось поглотить мелкое свободное землевладение. Но в XII в. византийское правительство стало передавать в распоряжение «архонтов» и «стратиготов» в качестве пронии тех самых свободных мелких собственников, земли которых оно само ограждало в прешествующий период от вождения динатов. Создается такое впечатление, что новеллы X в. препятствовали переходу крестьянских земель в руки динатов только потому, что императоры стремились иметь впоследствии фонд для раздачи в качестве пронии.

Никита Хониат передает, что громадное количество «свободных римлян» было превращено в зависимых, обязанных ὑπηρετεῖν ἐν σχήματι δούλων¹⁵. На нескольких ярких, полных гнева страницах своей «Истории» он отмечает исключительную болезненность этого процесса¹⁶. Его возмущало, что цари пользовались общественным, как своим собственным (χρησθαι τοῖς κοινοῖς ὡς ἰδίοις), и раздавали, кому желали¹⁷.

Разнообразие форм пронии давало возможность проникнуть этому институту и в города, и в пригороды, и на море, где пожалование доходов от сбора пошлин и налогов могло давать особый эффект. Мы не располагаем данными о широком распространении института пронии в пригородном районе Константинополя, но зато в отношении окрестностей Фессалоник таких данных много сохранилось в монастырских архивах. Трудно допустить, что окрестности Константинополя были в этом отношении исключением; наоборот, когда в источниках говорится о θαλάσσιος πρόνοιας¹⁸, то в основном имеются в виду морские промыслы рыбаков Пропонтиды.

Пронии при Мануиле не были наследственными, — следовательно, были объектами самого хищнического хозяйствования, что, конечно, не могло не сказаться очень отрицательно на общем экономическом развитии страны.

* *
*

24 сентября 1180 г. умер император Мануил. К концу его правления как внешнее, так и внутреннее положение Византии чрезвычайно осложнились. Особенно был тяжел 1177 год: военная катастрофа при Мириокефалоне поставила под вопрос самое существование византийской власти в Малой Азии; дипломатическое поражение на Венецианском конгрессе свело к нулю все усилия Византии в Италии. Не был разрешен вопрос об отношениях с Венецией, что создавало особые трудности как дипломатического, так и торгового характера. Финансовое дело доведено было до крайней разрухи. Налоги выкачивались бесконтрольно, причем только малая часть собранного поступала в казну¹⁹. В то же время продолжало расти — особенно в столице — богатство и влияние «латинских» резидентов. Многие из них получили в форме проний различного вида права на

¹⁵ Nicetas Choniata. Historia, p. 273. 13.

¹⁶ Ibid., p. 273—274.

¹⁷ Ibid., p. 274. 10.

¹⁸ Annae Comnenae Alexiadis libri XV, Bonnae, vol. II, 1878, p. 348.

¹⁹ Nicetas Choniata. Historia, p. 267.

эксплуатацию крестьян, ремесленников и рыбаков²⁰. Не столько экономическое преобладание в торговле (несколько ослабленное мероприятиями Мануила против венецианцев), сколько политическое влияние латинян вызывало возмущение в Константинополе; и трудовые массы и знать настроены были против латинофильской политики Мануила, против системы проний и произвола чиновников, которые при системе пожалования доходов и в обстановке произвола превращались в феодальных господ.

Между тем после смерти Мануила правительство протосеаста Алексея продолжало политическую линию Мануила. Против правительства выступает оппозиция со стороны крупнейших представителей родовитой вотчинной знати²¹. Именно эти круги и стали побуждать Андроника «как коня шпорами» к выступлению²². Латинофильской политикой было недовольно и высшее православное духовенство²³. Торгово-ремесленные слои константинопольского населения тоже были настроены оппозиционно. Можно отметить волнения также в среде провинциальных стратиотов, значение которых в военных силах государства подрывалось прониарной системой²⁴. Но особенно враждебное правительству настроение развивалось среди народных масс столицы и ее предместий. Политическая атмосфера Византии накалялась, поползли панические слухи, появились «предзнаменования» бедствий и т. п.²⁵

Опираясь на недовольство знати и высшего духовенства, интриганка принцесса Мария подняла мятеж. Выступили народные массы столицы. Дом епарха был сожжен, юридические документы уничтожены. Движение распространилось на провинцию; Андронику удалось стать во главе недовольных, привлекая их неудержимой демагогией. В первую очередь к Андронику пристали пафлагонские стратиоты: в этой провинции, по-видимому, еще не исчезли стратиоты типа IX—X вв. Они составили ядро сторонников Андроника²⁶. Но основной массой восставших были крестьяне; Никита Хониат не сохранил имени их руководителя, презрительно сообщив, что это был какой-то *ἐκτορία* — евнух. Против восставших выступили правительственные войска. В битве под Хараксом восставшие, несмотря на свою боевую неопытность, одержали блестящую победу. Это сражение (в котором сам Андроник не принимал участия), решило судьбу правительства протосеаста. На сторону Андроника стали переходить видные лица, очевидно, принадлежавшие к той части знати, которая подстрекала Андроника к выступлению²⁷.

Андроник сделал своей базой малоазийские пригороды Константинополя, куда стали стекаться к нему перебежчики из столицы; на сторону Андроника перешел флот. После этого в Константинополе произошел переворот — протосеаст был свергнут и выдан Андронику.

²⁰ Nicetas Choniata. Historia, p. 321.10; 325.12.

²¹ Ibid., p. 300.12; 301.1; 301.8.

²² Ibid., p. 301.2.

²³ Ibid., p. 298.7; 314.17 sq.

²⁴ Ibid., p. 319.11.

²⁵ Nicetas Choniata. Historia, p. 294.1; ср. Theophanes. Chronographia, ed. C. de Boor, v. I, Leipzig, 1883, p. 272.31.

²⁶ Nicetas Choniata. Historia, p. 299.7; 319.11; 334.9.

²⁷ Утверждение М. Фрейденберга, что сплочение знати вокруг Андроника объясняется будто бы страхом господствующего класса перед возможным повторением апрельского выступления народных масс в 1182 г., нам кажется схематичным и по существу является отказом от анализа действительных причин поддержки знатью Андроника. К тому же знать призывала Андроника еще до событий апреля 1182 г. (см. М. Фрейденберг. К истории классовой борьбы в Византии в XII веке. УЗ Великолукского государственного педагогического института, 1954, стр. 37).

Но отряды «латинян» все еще представляли силу, которая препятствовала победе Андроника. На помощь Андронику выступили народные массы столицы, учинившие разгром латинян. Разгромлены были предприятия западных купцов, уничтожены были и наемные отряды западных рыцарей. И политическое и экономическое влияние итальянского купечества было сокрушено. В борьбе против латинян принимало участие почти все население Константинополя, кроме определенной прослойки знати, связанной с чужеземцами²⁸. Однако в то время, как часть населения сражалась против хорошо вооруженных латинских рыцарей и моряков, толпы грабителей бросились расхищать имущество в оставленных латинянами домах, совершать всевозможные насилия над семьями латинян. Участие в выступлении грабительских люмпен-пролетарских масс привело к тому, что богатства иноземцев не были конфискованы, но попросту разграблены и сожжены.

Ликвидация засилья итальянских купцов была, разумеется, в интересах развития византийской торговли, но разрыв торговых связей с Западом не мог отвечать интересам такого крупного торгового города, как Константинополь. Такой метод освобождения от иностранного засилья, как грабеж, только повредил интересам византийской торговли и сильно осложнил международное положение Византии. Это сознавали и сами византийцы²⁹. Но это событие дало возможность Андронику захватить власть: с 16 мая 1182 г. Андроник стал фактически править Византией. Он переехал в европейские предместья Константинополя, куда вызвал и молодого императора.

В предместье Филопатии Андроник пробыл до апреля 1183 г., очевидно, чувствуя себя в большей безопасности среди населения пригородов, чем в столице с ее буйным люмпен-пролетариатом и интригами придворной знати³⁰.

* *
*

Правление Андроника было недолговременным. Но этот период был ознаменован попытками проведения ряда реформ, обусловленных острыми социальными столкновениями, и поэтому давно привлекал внимание историков. К сожалению, недостаток материалов — особенно по внутренней политике Андроника — крайне затрудняет анализ событий этого времени.

Ни Никита Хониат, ни Евстафий, ни Михаил Аккоминат не дают нам точного представления о сущности административной реформы, проведенной Андроником. Больше всего они говорят о мероприятиях против коррупции чиновничества. И это вполне понятно: в условиях быстрого развития прониарной системы произвол чиновников имел гораздо большее значение, чем обычное взяточничество. К тому же в составе этого чиновничества, как утверждают Никита Хониат и Михаил Аккоминат, были лица латинского происхождения³¹.

²⁸ Никита Хониат передает, что некоторые латиняне спасались в домах византийской знати: *ἄλλοι προστρέχοντες οἰκοῖς ὑπερφάνοις*. (Nicetas Choniata. Historia, p. 326.8).

²⁹ Eustathii Thessalonicensis de Thessalonica capta, PG, t. 136, col. 35. Евстафий пишет, что молитва убитых латинян дошла до бога и вызвала возмездие.

³⁰ Можно отметить, что и во время полного своего господства Андроник предпочитал жить не в городе, а в предместье столицы Филопатии.

³¹ Μιχαὴλ Ἀκομινάτου τὰ σωζόμενα: ἐκδ. ὑπὸ Σπ. Λαμπροῦ, τ. Α', Ἐν Ἀθήναις. 1880, σελ. 158.

Никита Хониат передает о восстановлении Андроником должности претора³². Можно считать, что это — те должности преторов провинций, которые известны по новеллам Юстиниана, включенным в *Василики*³³. На эту должность Андроник назначал лиц из знатнейших фамилий³⁴, с непосредственным подчинением императору. Преторам Андроник назначал большое жалование. Существенным было именно то, что вместо администратора и правителя, получившего в качестве пожалования доходы с населения и превращавшегося в феодального владельца, Андроник посылал контролируемого чиновника на жалование. Систему Дук и Комнинов отдавать вместо жалования доходы с данной территории (что именно и лежит в основе пронии) Андроник, видимо, пытался отменить³⁵.

Одним из важных документов, характеризующих политику Андроника, является хрисовул от декабря 1182 г. Хрисовул издан от имени Алексея II, но, как известно, в это время вся власть находилась в руках Андроника. Хрисовул отменял новеллу императора Мануила 1143/1158 г., которая запрещала передавать земли, пожалованные императором, лицам, не принадлежащим к сенатскому или военному сословию³⁶. Совершенно понятно, что Мануил, стремившийся создать войско из прониаров, принимал меры, чтобы пожалованные земли переходили лицам, связанным с военными обязательствами, или же близким ему лицам из синклита. По мнению Г. Острогорского эта новелла направлена против роста церковного землевладения³⁷. Частично это так, — иначе Вальсамон не приводил бы эту новеллу в своих комментариях к канонам церковного собора. Но она направлена также против горожан. Вообще смысл новеллы — придать пожалованиям условный характер, связать пожалования со службой или в синклите или в армии. Отмена этой новеллы (которой Мануил придавал особую важность, повторив ее в 1155/1170 г.) свидетельствует о том, что новое правительство Андроника не склонно было считать пожалования условным владением, ограниченным в праве отчуждения. Снятие запрета переводило пожалование в полную собственность. Правда, этим хрисовулом могла воспользоваться церковь (в связи с этим Вальсамон и поместил его в свой комментарий), но его значение шире — он свидетельствует об от-

³² Nicetas Choniata. Historia, p. 429.1: ἀναποῦν δὲ καὶ τὰς πραιτορίας ἀρχὰς ταῖς πόλεσι...

³³ Nov. Iust., XXIV — Basil., VI, 8; Nov. Iust., XXV — Basil., VI, 9; Nov. Iust., XXVI — Basil., VI, 10; Nov. Iust., XXIX — Basil., VI, 13. Даже отдельные выражения Никиты Хониата о неподкупности преторов текстуально близки фразеологии Юстиниана в его новеллах. В *Василиках* упоминается также должность πραιτορος δήμου. По Юстиниановой новелле (XIII) эта должность носила полицейский характер. Но если по Юстиниановой новелле таких преторов было много, то по *Василикам* мог существовать только один такой претор в столице (*Василики*, VI, 5, 7. 1). Вполне возможно, что в городах Андроник ввел также должность πραιτορος δήμου.

³⁴ Nicetas Choniata. Historia, p. 429.2.

³⁵ Судя по тому, что Исаак II восстановил во владении множество лиц, можно предположить, что это относится к отнятым Андроником прониям.

³⁶ Как новелла Мануила 1143/1158 гг., так и хрисовул 1182 г. известны только по комментариям канониста Феодора Вальсамона к 1-му канону Константинопольского двукратного поместного церковного собора (Г. Ράλλης — М. Πότλης. *Σύνταγμα τῶν ἱερῶν Κανόνων*, II, σελ. 653). Ф. Дэльгер (F. Dölger. *Regesten der Kaiserurkunden des Oströmischen Reiches*. Т. 2. München, 1925, S. 89) видит в хрисовуле продолжение латинофильской политики Алексея II в противовес антилатинской политике императора Мануила. Однако, как отмечает Г. Острогорский (Pour l'histoire de la féodalité byzantine, p. 42) ничего антилатинского в новелле Мануила нет, так как западные пришельцы получали военные звания и часто включались в состав синклита. Поэтому и в отмене новеллы ничего пролатинского нет. К тому же в декабре 1182 г. правил уже Андроник, чего не заметил Дэльгер.

³⁷ G. Ostrogorski. Op. cit., p. 42.

ходе правительства Андроника от системы проний, условных пожалований.

Такой же характер, по нашему мнению, носит и *орисμός* к дуке Крита от октября 1184 г.³⁸ Этим документом император утверждает семейству Скордилис в качестве «наследственной области» (εἰς γονικήν ἐπαρχίαν³⁹) и его собственную землю (γῆν αὐτοῦ) и прониарное пожалование (διὰ προνοιαστικῆς δωρεᾶς⁴⁰). Прония по этому документу включается в вотчину семейства Скордилис. *Орисμός* является одним из примеров практического применения хрисовула декабря 1182 г.

Провинциальная землевладельческая знать, опирающаяся на свои вотчины, могла не возражать против попытки Андроника отказаться от системы проний. Ликвидация политического влияния латинян была, безусловно, выгодной для византийской знати. Но стремление Андроника обеспечить послушание чиновничества путем выплаты им определенного жалования и ввести строгую централизацию шло в разрез с центробежными тенденциями крупных феодалов-вотчинников. Дальнейшие репрессии Андроника сделали византийскую знать оппозиционной.

Мы не можем согласиться с общепринятым положением об антиаристократической направленности правления Андроника, о том, что он будто бы пытался создать демократическую монархию⁴¹.

В качестве доказательства его демократичности приводят обычно ужасающие репрессии Андроника против самых выдающихся представителей знати. Но факты такого типа, взятые сами по себе, не являются еще достаточным основанием для классовой характеристики того или иного правительства. Большая часть казней высших представителей византийской знати вызывалась не соображениями общегосударственной политики, но подозрительностью и мнительностью Андроника. Никита Хониат хвалит Андроника за беспощадную суровость при обуздании чиновников, но за казни знати, по его мнению беспричинные, называет Андроника тираном. Именно эти личные свойства Андроника, его зверство против лиц того же класса, в интересах которого проводилась политика его правительства, — именно это вызвало оппозиционность высшей знати, а не его мероприятия и реформы. Андроник не боялся предоставлять знатнейшим лицам высшие должности⁴² и не предпринимал никаких мер против крупного землевладения.

Политика Андроника в отношении к латинянам до последнего времени не вызывала сомнений. Андроник (вполне согласно со сведениями историков — Никиты Хониата, Евстафия Фессалоникийского, Михаила Акро-

³⁸ ММ, vol. III, p. 235—237. Документ спорный, как в отношении подлинности, так и в датировке его и понимании. Дэльгер, Острогорский и Каждан признают его подлинным, относящимся ко времени Андроника. (G. Ostrogorski. Pour l'histoire de la féodalité byzantine, p. 43—45; F. Dölger. *Regesten*, T. 2, S. 90; A. П. Каждан. Аграрные отношения в Византии XIII—XIV вв., стр. 204—205).

³⁹ А. П. Каждан оспаривает принятое понимание документа, считая, что *ἐπαρχία* есть должность; однако слово *ἐπαρχία* в византийских источниках обозначает область, находящуюся в ведении или чиновника или епископа, т. е. не должность, а территорию.

⁴⁰ Предлагаемый А. П. Кажданом перевод *προνοιαστικῆς δωρεᾶς* «заботливо дарованная» не объясняет, почему же в документе имеется противопоставление собственной земли и *προνοιαστικῆς δωρεᾶς*. Перевод принятой Герландом редакции тоже вызывает сомнение: *δοθεῖσθαι* не относится к *ἐδάφος*, следовательно, нельзя переводить «пожалованная» (А. П. Каждан. Ук. соч., стр. 205, прим. 5 и перевод в тексте).

⁴¹ См. М. В. Левченко. История Византии. М.—Л., 1940, стр. 215 и сл.: «...программой нового правительства сделалась борьба против эксплуататоров крестьянства — землевладельческой аристократии...», ср. также Ф. Шоссер. Всемирная история, т. III, СПб., 1870, стр. 66.

⁴² Nicetas Choniata. Historia, p. 429.1.

мината), рассматривался как выразитель византийских интересов в борьбе против влияния западноевропейских элементов. Но в 1950 г. Н. П. Соколов в статье «Восточная политика венецианской плутократии в XII в.»⁴³ обратил внимание на тот факт, что только при Андронике Венеции удалось договориться с Византией о возобновлении дружественных сношений и только при Андронике венецианские купцы смогли приехать в Константинополь. Но из этого не следует, что Андроник «опирался на определенную группу иноземного купеческого капитала — на венецианских торговцев», что Андроник «пренебрег интересами византийского купечества»⁴⁴. Подобные выводы совершенно необоснованы. Неопровержимо, что Андроник решил ликвидировать конфликт с Венецией, что он признал обязательство покрыть материальный ущерб, причиненный венецианцам во время событий 1171 г., и что он даже выплатил 2 1/2% суммы ущерба. Наладить отношения с Венецией было необходимо. Невозможно было сколько-нибудь нормализовать внешнюю торговлю, не возобновив связей с крупнейшей торговой державой того времени — Венецией. Неправильно было бы думать, что византийское купечество не было заинтересовано в торговле с Венецией. Пагубны были не торговля с Венецией, а особые привилегии венецианцам. Но нет никаких оснований утверждать, что Андроник восстановил все их прежние привилегии.

Выгодный венецианцам договор был заключен не Андроником, а Исааком II. И торговля, и дипломатические и военные интересы Византии требовали налаженности сношений с Венецией. Правительство Андроника до конца оставалось антилатинским. В той армии, которая разбила норманнов, не было западноевропейских рыцарей⁴⁵.

Отношение городской торговой знати к Андроннику было двойственным. С одной стороны, мероприятия Андроника, сводившиеся к установлению централизации и обузданию произвола в стране, способствовали развитию товарного обращения⁴⁶. Особое значение для развития городской экономики могла иметь предпринятая Андроником попытка создать чиновничество, посаженное на жалование, и отказаться от системы продажи должностей. По сообщению Никиты Хониата⁴⁷, при Мануиле многие горожане, купцы и ремесленники, стремились перейти в разряд архонтов и стратиготов, т. е. бросить свое предпринимательство, перевести свои средства в феодальное землевладение, получать доход не от предпринимательства, а от эксплуатации переданного в управление населения. Реформа Андроника могла препятствовать аграризации константинопольской городской зажиточной прослойки. И Никита Хониат и Михаил Акоминат говорят о благодетельности реформ Андроника для городов.

Но с другой стороны были и причины для враждебного отношения к Андроннику: центробежные устремления, закономерные при развитии феодализма на определенном его этапе, проявлялись и в городах, которые, попадая в зависимость от местной знати, жаждали политической самостоятельности, номинальной зависимости от империи. Этим объясняются восстания в ряде городов при Андронике (Никея, Брусс). Кроме того, определенная прослойка городской знати перестала поддерживать Андроника в связи с все растущим террором: поскольку постоянные казни, неуверенность в среде высшей знати подрывали возможность нормального сбыта предметов роскоши, в прекращении террора была заинтересована вся торговая верхушка городского населения.

Что же касается трудовых масс города, то, конечно, антилатинская политика Андроника сделала его популярным. Но никакого облегчения положения городской бедноты режим Андроника не принес. Ремесленная беднота, не имевшая иногда пристанища, страдала не столько от притеснений чиновников, сколько от эксплуатации со стороны домовладельцев, подрядчиков, собственников эргастерий. Ужасающе низкий жизненный уровень городских масс зависел от социального устройства большого торгового города того времени. Масса бедноты была недовольна своим положением и готова была выступать против любого правительства, смутно надеясь на возможность улучшения своего положения⁴⁸. Не удивительно, что когда со стороны знати началось выступление против террористического режима Андроника, городская беднота не только не поддержала Андроника, но даже приняла активное участие в его свержении⁴⁹.

В политике Андроника в отношении крестьянских масс несомненно наличие социальной демагогии. Мы не будем касаться личных мотивов Андроника в проведении такой политики, нас больше интересует объективная сторона вопроса. Мелкое земледельческое хозяйство больше всего страдало от насилия сборщиков налогов, которых считали обыкновенными грабителями. «От бесчеловечия сборщиков податей» разбежались даже священнослужители⁵⁰. Понятно, что попытка некоторой нормализации податного дела, которая была предпринята Андроником, была выгодна крестьянам, особенно если крестьянское хозяйство имело связи с рынком. В результате реформ Андроника подешевели продовольственные товары, что говорит об увеличении завоза продуктов сельского хозяйства в столицу⁵¹. Реформы Андроника, естественно, не могли затронуть феодальных отношений, господствовавших в византийской деревне.

Таким образом мы видим, что политика Андроника в основном соответствовала интересам торговых кругов столицы. Константинополь, который по своему положению и роли в мировой торговле, должен был бы

⁴³ См. «УЗ Горьковского Государственного университета», вып. 18, 1950, и статью «К вопросу о взаимоотношениях Византии и Венеции». ВВ, т. V, 1952.

⁴⁴ М. Фрейденберг. К истории классовой борьбы в Византии в XII веке, стр. 46.

⁴⁵ Никита Хониат (Nicetas Choniata. Historia, p. 713, 22) утверждает, что дож Дандоло хотел отомстить за тот ущерб, который причинил венецианцам между прочим и Андроник. Венецианцев, очевидно, не удовлетворяли обещания Андроника, а льгот он им не предоставлял.

⁴⁶ В интересах морской торговли Андроник повел борьбу против так называемого берегового права, которое, нужно сказать, в Византии никогда «правом» не было. Судя по Морскому Кодексу, включенному в 53-ю книгу Василика, в VIII—X вв. при кораблекрушении нашедший прибитые к берегу вещи получал из них только 1/5 или 1/10 (См. Basil., vol. VII, ed. E. Ferrini. Lipsiae, 1897, p. 120). Вряд ли борьбу против этого разбоя, хотя бы он и назывался «береговым правом», можно считать уступкой венецианцам, как это думает М. Фрейденберг (К истории классовой борьбы в Византии в XII веке, стр. 46). Это было нормализацией морской торговли, в первую очередь выгодной для тех многочисленных жителей Пропонтиды, которые на легких кораблях везли продукты и изделия в столицу и подвергались всем опасностям непогоды и берегового грабежа.

⁴⁷ Nicetas Choniata. Historia, p. 273.

⁴⁸ Никита Хониат (Nicetas Choniata. Historia, p. 376.1) рассказывает, что даже в начале правления Андроника считались с возможным враждебным выступлением бедноты. Так, например, когда на ипподроме у императорской ложи обрушилась часть амфитеатра, Андроник не посмел уйти, так как его предупредили, что если он тронется, то, пользуясь смятением, «народ» растерзает и его и его свиту.

⁴⁹ Согласно Никите Хониату в толпе, которая не дала арестовать Исаака, «случайно не было знатных лиц» (Historia, p. 447. 17). Во время убийства Андроника толпа состояла из бедноты, вооруженной ремесленными инструментами и кольями.

⁵⁰ Зонара. Толкование к 18 канону Трулльского «пятошестого» вселенского собора.

⁵¹ Nicetas Choniata. Historia, p. 429.13; p. 354—355.

находиться в управлении патрициата, тесно связанного с торговыми предприятиями и мореходством, попал в руки аристократической клики сановников, которые черпали свои доходы не в сфере предпринимательства, а путем ограбления городского и пригородного купечества, ремесленников и крестьянства. Реформы Андроника имели целью ликвидировать такое ненормальное состояние. Никита Хониат говорит о большом просторе для деятельности горожан при Андронике⁵². Вместе с тем реформы Андроника не подрывали господствующего в государстве положения землевладельческой знати.

Препятствуя развитию проиарной системы, Андроник объективно стремился задержать процесс феодального раздробления государства, поскольку феодальная сущность пронии состояла не только в условной собственности на землю, не только в праве на сбор ренты-налога, но и в управлении населением вне подчинения централизованному государственному аппарату⁵³.

Резюмируя, мы можем считать, что реформы Андроника имели тенденцию (минуя этап феодальной раздробленности) перевести Византию на путь создания централизованной греческой монархии с сильным, но послушным императорской власти классом вотчинников, с развитым греческим купечеством. Политика Андроника должна была опираться на поддержку каких-либо сословных институтов горожан и знати. Между тем Андроник не терпел никаких проявлений общественной активности, правил при помощи ужасающего террора, от которого страдали не только его враги, но и окружающие его лица, в том числе даже его преданные сторонники⁵⁴.

Эта система террора была неподходящим методом для проведения реформ. Было бы понятным, если бы террористические мероприятия касались только мятежников Никеи и Бруссы, взяточников и таких лиц, как Исаак Комнин, который стремился стать независимым правителем Кипра. Террор принял широкий размах, между тем при Андронике Византия вовсе не достигла такой степени раздробленности, чтобы такая система террора могла быть оправдана. Византийская знать восстала против Андроника не потому, что была против его реформ, но только против проводимой им системы террора. Господствующий класс всегда заинтересован в наличии определенных гарантий неприкосновенности личности и собственности. Между тем в правление Андроника никто не был гарантирован от казни и конфискации. Негодные методы могут дискредитировать политику, а при наличии неблагоприятных условий могут вовсе сорвать проведение этой политики. Так и случилось при Андронике.

Трудности внешней политики (нападения со стороны венгров и турок), неудачное начало войны против норманнов, захват норманнами Фессалоники и реальная опасность захвата врагами подступов к столице — подорвали авторитет Андроника. Лишившись поддержки со стороны тех слоев, в интересах которых велась его политика, Андроник был свергнут, причем та самая масса, которая активно выступала вначале против врагов Андроника, помогла знати покончить с правлением «тирана»...⁵⁵

⁵² Nicetas Choniata. Historia, p. 422.19.

⁵³ Оба термина, употреблявшиеся для наименования пронии — *πρόνοια* и *οἰκονομία*, обозначали «управление». Характерно, что латинские завоеватели это «управление» также выдвигали на первый план: проиары назывались «архонтами». В дальнейшем любой землевладелец-феодал в Византии назывался «архонтом», тогда как перед латинским завоеванием под архонтом разумеется чиновник.

⁵⁴ Nicetas Choniata. Historia, p. 440.20.

⁵⁵ Ibid., p. 449.

* * *

12 сентября 1185 г. на престол вступил Исаак Ангел, представитель тех кругов вотчинной знати, которые первоначально поддерживали Андроника. Нападение норманнских войск, зверства в Фессалонике западных рыцарей вызвали небывалый патриотический подъем во всех кругах византийского общества⁵⁶. Против норманнского флота выступили даже простые рыбаки на своих рыбацких лодках⁵⁷. 7 ноября 1185 г. византийцы одержали решительную победу — войска Враны разгромили норманнов. Положение Исаака упрочилось, хотя ни сам Исаак, ни его окружение в этой победе не играли никакой роли. Исаак был принят восторженно. Евстафий обратился с пышными приветствиями, называя Исаака освободителем как от тирании Андроника, так и от неистовства норманнов⁵⁸. Но в то же время Евстафий с возмущением говорил о людях, вносящих смуты: *οὐλήσεις τὸν βασιλῆα ταραχῶν*⁵⁹, — видимо, среди масс было много недовольных результатами переворота. Чтобы привлечь на свою сторону население Константинополя, Исаак раздал жителям столицы пять кентинариев золота, накопленные Андроником⁶⁰. Было объявлено о прекращении террора, об отмене смертной казни вообще⁶¹. Осужденные Андроником лица были освобождены, им было возвращено конфискованное имущество и их положение.

Вместе с тем была восстановлена прежняя система продажи⁶² и пожалования доходов с населения, были введены новые налоги и вновь усилен произвол архонтов. Все это естественно вызвало взрыв возмущения среди широких масс и повлекло за собой два почти параллельно проходивших восстания: в Болгарии под руководством Петра и Асеня и в Византии — греческого населения под руководством Враны.

Недовольством народных масс стремились воспользоваться те слои знати, которые не извлекли особых выгод от переворота. Во главе недовольных стал бывший сторонник Андроника, один из богатейших вотчинников Фракии — Алексей Врана⁶³. Врану поддерживала часть

⁵⁶ Nicetas Choniata. Historia, p. 466.1.

⁵⁷ Ibid., p. 474.17.

⁵⁸ Eustathius Thessalonicensis. Opuscula, ed. Tafel, Francofurti ad Moenum, 1832, p. 75.

⁵⁹ Ibid., p. 74.90.

⁶⁰ Ibid., p. 585.18.

⁶¹ Ibid., p. 479.20.

⁶² Ibid., p. 584.12. По словам Никиты Хониаты Исаак продавал должности «как рыночные торговцы — овощи».

⁶³ О времени восстания Враны в источниках нет точных указаний. При датировке этого события мы можем только приблизительно руководствоваться сообщениями Никиты Хониаты об общем ходе событий. Восстание в Болгарии, как пишет Никита Хониат, началось зимой 1185—1186 г. Петру и Асеню потребовалось много времени для организационных мероприятий (по Никите Хониату восстание началось не сразу после конфликта Петра и Асеня с византийским правительством — и мы не имеем законных оснований сомневаться в достоверности этого сообщения). После начала восстания последовала неудачная осада восставшими Преславы. Затем происходили нападения на различные византийские города; поход Исаака против восставших болгар не мог начаться раньше лета 1186 г. Затем последовало бегство Петра и Асеня за Дунай, новый поход византийцев под начальством севастократора Иоанна, который был согласно Хониату, успешным. Но севастократор Иоанн был отозван, так как был заподозрен в подготовке мятежа. Затем имел место неудачный поход Кантакузина и только после того начальником карательного похода против болгар назначен был Алексей Врана. Это могло быть не раньше зимы 1186—1187 г.; 1187 г. датирует восстание Ф. Дэльгер (Regesten, № 1574, 1575); в «Истории Болгарии» (М., 1954, стр. 121) Б. Горянов, на наш взгляд, неправильно относит восстание Враны к началу 1186 г.

провинциальной вотчинной знати, которой было, видимо, невыгодно движение новых сановников, купивших должности и власть. К недовольным присоединились и те из военных, которые были обижены при распределении проний; к числу последних можно отнести и Петра и Асеня, которые возмущались тем, что их в Константинополе «презирают»⁶⁴, т. е. не дают им проний, хотя они просили малоодоходное селение⁶⁵. Естественно, что такие обиженные были не только среди болгар, но и среди греков. Армия Враны имела в своих рядах много знатных и военных, выразивших свое недовольство правлением Исаака: οἱ δὲ τὸ γένος λαμπροὶ καὶ ἐπίσημοι δι' ἡγεμονίαν ἢ ἀρχηγίαν...⁶⁶. В составе армии были и пленные норманны («сицилийцы»). Но основной массой восставших были простые люди, присоединившиеся к Вране против константинопольского правительства (ὅσοι μὲν οὖν ἦσαν φλαυροὶ καὶ περίπεσοι...) ⁶⁷, в частности наиболее энергичными сторонниками Враны были земледельцы из пригородов Константинополя: τῶν τε ἀγχοῦ τῆς πόλεως ἀγροτῶν⁶⁸; особенно нужно отметить в качестве его сторонников рыбаков окрестностей столицы — Пропонтиды⁶⁹. Восстановление в прежних правах архонтов, особенно если им давалось право на доходы с моря⁷⁰, могло тяжело отразиться на многочисленном населении Пропонтиды. Естественно, что после отмены реформ Андроника рыбаки примкнули к восстанию против Исаака⁷¹. Недостаточно опытные в военном деле, но зато великолепные моряки, они присоединили свои рыбацьи лодки к военным целям и превратили их в легкие боевые суда⁷².

Все это говорит о серьезности восстания, о том, что в свержении Исаака были заинтересованы и провинциальная знать и широкие круги населения.

Восстание началось в окрестностях Адрианополя, где расположена была армия Враны, направленная против болгар. Врана повернул свою армию против Исаака и пошел на Константинополь. Он беспрепятственно занял пригороды столицы и дошел до Филопатия. Вся провинция признала Врану. Началась осада столицы.

На стороне Исаака в основном была городская прослойка чиновничества и лиц, получивших от него в пожалование земли и доходы, т. е. придворное окружение императора⁷³. Но главной боевой силой Исаака были местные латиняне. Виднейший из них Конрад Монферратский незадолго до того был специально приглашен Исааком и обвенчан с дочерью императора. Латиняне составили отряд в 250 рыцарей и 500 пеших воинов. Кроме того, в армию Исаака вошли и восточные купцы, прибывшие по торговым делам в Константинополь. За деньги Исаак смог вооружить и некоторое количество из деклассированных элементов столицы: ἀγελαῖον καὶ πτωχεῖον πλῆθος⁷⁴ — конечно, эти лица ничего, кроме грабежа не имели в виду. Но в отношении этих людей Исаак проявлял больше всего внимания в своей показной благотворительности.

Подступив к стенам Константинополя, Врана пытался завязать сношение с населением столицы. Разумеется, он не имел надежды привлечь на свою

⁶⁴ Nicetas Choniata. Historia, p. 482.16.

⁶⁵ G. Ostrogorski. Pour l'histoire de la féodalité byzantine, p. 53.

⁶⁶ Nicetas Choniata. Historia, p. 508.14.

⁶⁷ Ibid., p. 508.10.

⁶⁸ Ibid., p. 508.8.

⁶⁹ Ibidem.

⁷⁰ Anna Comnena. Alexiadis libri XV, II, p. 348.

⁷¹ Leonis VI novellae, CII, CIII.

⁷² Nicetas Choniata. Historia, p. 494.22.

⁷³ Ibid., p. 499.2.

⁷⁴ Ibid. p. 511.1.

сторону константинопольских чиновников, латинян и их сторонников. Но тем не менее он надеялся вызвать в городе движение в свою пользу⁷⁵. Возможно, что Врана имел сторонников среди торговых кругов столицы. Во всяком случае после подавления мятежа вместе с головой Враны по улицам носили голову какого-то казненного в то же время торговца⁷⁶.

Была сделана попытка взять столицу со стороны моря. Простые рыбаки на своих лодках напали, дыша особым «гневом» (μῆνεα πνέοντες), как пишет Никита Хониат⁷⁷, на правительственный флот. Это было, по словам Хониата своего рода безумием... Несмотря на неравенство сил, нападение было так стремительно, что военные корабли не смогли развернуться и каждый из них был окружен рыбацкими лодками. Лишь с большим трудом триеры военного флота сумели отразить нападение рыбаков⁷⁸.

Однако, несмотря на героизм народных масс, принимавших участие в движении Враны, его попытка захватить власть не удалась. Врана был убит в бою. Большинство простых людей, сражавшихся в рядах Враны, после его гибели разошлись по домам. Многие бежали к восставшим болгарам⁷⁹.

Исключительную роль в подавлении мятежа сыграли, несомненно, константинопольские латиняне с Конрадом Монферратским во главе⁸⁰. Но очень большое значение имело и то обстоятельство, что знатные лица, принимавшие участие в мятеже, после гибели Враны прекратили сопротивление: у них не было глубоких причин вступать в отчаянную борьбу против правительства Исаака. В переговорах с правительством они, правда, угрожали продолжением мятежа, но только для того чтобы добиться полной для себя амнистии. Исаак не решился прибегнуть к репрессиям — и все сторонники Враны из аристократии были безоговорочно «прощены». Это «прощение» восставшая знать встретила с насмешками. Как бы то ни было, но знать отошла от принимавших участие в восстании масс.

Совершенно иначе поступило правительство Исаака с принимавшими участие в восстании пригородными жителями, особенно моряками. Оно, конечно, учитывало, что если мятеж знати можно было считать полностью ликвидированным, то вовсе не исчезла опасность со стороны народных масс — и в первую очередь, со стороны населения константинопольских пригородов. Жители пригородов разошлись по домам, вероятно, с оружием, и ничто не мешало им впоследствии выступить снова. Опасность для господствующей клики была тем реальнее, что в самой столице трудовое ремесленное население, как показали дальнейшие события, было солидарно с трудовым населением пригородов. Поэтому Исаак призвал латинян и столичных жителей «наказать» подгородных крестьян и рыбаков Пропонтиды за то, что они принимали участие в мятеже Враны⁸¹.

По отношению к тем самым рыбакам, которые так активно сражались против императорского флота, правительство не остановилось даже перед применением греческого огня. Это было столь неожиданно, что население не смогло оказать никакого сопротивления. Все строения запылали среди

⁷⁵ Nicetas Choniata. Historia, p. 494.7.

⁷⁶ Ibid., p. 506.15.

⁷⁷ Ibid., p. 495.17.

⁷⁸ Характерно, что греческий огонь при этом не был использован. Никита Хониат объясняет это тем, что с суши подоспел отряд Враны, — но нам непонятно, как отряд, находившийся на берегу, мог помешать использовать греческий огонь. Вероятно, моряки правительственного флота воспротивились применению греческого огня против своих земляков.

⁷⁹ Ibid., p. 508.12.

⁸⁰ Ibid., p. 512.1.

⁸¹ Ibid., p. 510.8.

ночи, всюду началась паника. А наутро против жителей пригородов направился Конрад со своими рыцарями и с огромной толпой, состоявшей в своей массе из деклассированных элементов Константинополя, жаждущих пограбить, безразлично где⁸². Пригороды подверглись систематическому разгрому. Никита Хониат сообщает, что не были пощажены даже монастыри и храмы. И когда Исаак приказал остановить грабежи и убийства, все уже было уничтожено. Нужно думать, что латинские торговцы умышленно разрушали хозяйства своих конкурентов — пригородных ремесленников и моряков Пропонтиды.

На следующий день в Константинополе последовал взрыв возмущения. Поднялся трудовой народ столицы, не имевший ничего общего с константинопольской чернью, грабившей вместе с латинянами пригороды. Возмущенные теми зверствами, которые латиняне обрушили на жителей пригородов, константинопольские массы двинулись на кварталы, населенные латинянами. Никита Хониат, вообще не склонный оправдывать народные волнения, тем не менее описывает, как героически шли против великолепно вооруженных латинян константинопольцы, ничем не защищенные, почти без оружия, как они потерпели большие потери от готовых к бою латинян. На другой день знатным лицам удалось уговорить народ не нападать больше на латинян, уверяя, что те потерпели большие потери⁸³ и что цель нападения — отомстить за убийства в пригородах — достигнута.

Несмотря на подавление движения Враны и жестокий разгром константинопольских пригородов народные выступления в империи не прекращались.

Вскоре вспыхнуло восстание, возглавленное самозванцем Псевдо-Алексеем. Восстание, видимо, носило аграрный характер — Псевдо-Алексея звали *Καυσαλώνης*, т. е. сжигающий гумна⁸⁴. Многие города передавались самозванцу, многие — были разрушены. Псевдо-Алексей был предательски убит. Массы были до того настроены против правительства, что любой авантюрист мог легко поднять их на восстание. В Пафлагонии, где Андроник начал свое выступление, некоторое время возглавлял восставшие массы другой Псевдо-Алексей. Вслед за тем восстал малоазийский подгородный район столицы у Никомедии⁸⁵. Пытались поднять народ и имели сторонников среди простого народа Исаак Комнин и Константин Татикий. Интересно отметить, что когда император Исаак Ангел во время болгарского похода потерпел поражение и в его войске погибло много деревенских жителей и горожан, то он даже был доволен их гибелью, говоря, что они погибли за участие в мятеже Враны. Это свидетельствует о том, что мятежные настроения были живы и в войске Исаака.

Напряженным оставалось положение и в самой столице. Характерен такой случай. Однажды начальник тюрьмы подверг одного ремесленника наказанию — приказал избить его и остричь ему голову⁸⁶. За избитого вступились другие ремесленники, которые напали на тюрьму. Помещение городского эпарха было захвачено народом, сам эпарх со своим отрядом был разбит, все заключенные были выпущены из тюрьмы. Требовали свержения Исаака. Но явилось войско под предводительством одного из виднейших представителей знати — Алексея Палеолога. Несмотря на героическую борьбу народные массы были разбиты, восставшие разошлись по

⁸² Nicetas Choniata. Historia, p. 511.1.

⁸³ Никита Хониат передает анекдот о том, как латиняне, желая показать, какие у них потери, обрили убитых греков и одели их в западную одежду.

⁸⁴ Ibid., p. 551.12.

⁸⁵ Ibid., p. 553.15.

⁸⁶ Ibid., p. 695.10.

домам. Но правительство не имело никакой возможности производить расследование и наказывать участников восстания.

Не поддерживая народных масс, константинопольская городская знать стремилась, однако, использовать ослабление императорской власти в своих сословных интересах. Особое значение в столице приобретают двенадцать *κριταὶ τοῦ βήλου*⁸⁷. Эти «судьи вила» являлись самыми именитыми горожанами, имели свои дома и богатства. Они судили от имени императора, присутствовали на императорском суде и фактически представляли собою высший судебный орган в столице. Когда Фридрих Барбаросса хотел получить гарантии выполнения соглашения, он потребовал в качестве заложников судей вила. Исаак согласился их выдать, но те не повиновались. Попытка Исаака конфисковать имущество непокорных судей не удалась. Это показывает, что власть императора над городским патрициатом столицы уже была призрачна. При заключении соглашения с Фридрихом понадобилось собрать в храме св. Софии для присяги 500 человек из торгово-ремесленной верхушки столицы и придворной знати. Этот факт усиления патрициата можно считать знаменательным для Византии, вступающей в период феодальной раздробленности⁸⁸.

Провинциальные города также стремились к автономии. Они иногда использовали народные движения в целях приобретения большей независимости от центральной власти. Во время похода Фридриха Барбароссы один города на свой страх и риск вели с ним борьбу, другие, наоборот, относились к крестоносцам дружелюбно.

Можно, следовательно, отметить важное противоречие в политическом устройстве Византии конца XII в.: Константинополь — а в меньшей степени и некоторые другие города — все более стали превращаться в города-государства, все большее значение приобретает патрициат, а распоряжение финансами и вооруженными силами империи и дипломатия находились в руках самодержавного императора, который полагал, что ему все позволено: *πάντα γὰρ ἐξεῖναι τοῖς βασιλεύουσι ποιεῖν*⁸⁹. Это противоречие сказалось на отношениях с западными торговыми республиками. В феврале 1187 г. во время выступления Враны Исаак заключил с венецианцами соглашение, по которому предоставил им всевозможные торговые льготы в обмен за обещанную помощь против всякого врага, коронованного и некоронованного⁹⁰. Исаак, а потом Алексей III поступились интересами византийского патрициата. Но соблюдать соглашение оказалось не под силу — соглашения постоянно нарушались⁹¹. В результате, предоставляя западному купечеству всевозможные привилегии за счет интересов местной торговли, правительство Исаака и Алексея III не смогли обеспечить нормальных условий для торговли, и венецианцы жаловались на «злодеяния», которые им причинили не только Мануил и Андроник, но и те самые Ангелы, которые так много предоставили им льгот⁹².

В правление Ангелов система проний получает дальнейшее распространение. Алексей III стал усиленно распределять *γῆδια καρποφόρα* — доходные земли и *δηροσίους ἀναεσφοράς* — поступления налогов⁹³, т. е. предо-

⁸⁷ Nicetas Choniata. Historia, p. 538; K. E. Zachariä v. Lingenthal. Geschichte des Griechisch-Römischen Rechts, Berlin, 1892, S. 360.

⁸⁸ О значении городского патрициата см. также Nicetas Choniata. Historia, p. 631, 693. Характерно, что после захвата Константинополя крестоносцами, когда греки были разгромлены, институт *κριταὶ τοῦ βήλου* исчез.

⁸⁹ Nicetas Choniata. Historia, p. 583.16.

⁹⁰ Jus, III, p. 529—535.

⁹¹ Nicetas Choniata. Historia, p. 712.20

⁹² Ibid., p. 713.21.

⁹³ Ibid., p. 599.8.

ставлял в качестве пожалования *τοῖς αὐτομένοις* управление и доходы с определенных *γῆδια* и сбор в свою пользу налогов — *ποσότης*. Прония еще не приобрела единообразную форму, но все более растет значение военной пронии. Были установлены уже определенные нормы налогов с территории, необходимые для содержания одного воина⁹⁴. Крестоносцы, захватив византийские области, не видели различия между институтом пронии и западноевропейским феодалом. Византия — приморское государство, но ее военная организация, основывающаяся на системе пронии, стала строиться так, как если бы Византия была страной, находящейся в глубине континента. Морская мощь Византии была делом далекого прошлого.

В этом отношении разгром Исааком пригородов в 1187 г. сыграл свою роль. Пригороды не оправились. В Пропонтиде, где были рыбацкие селения, Исаак построил дворцы, окруженные парками, и увеселительные искусственные островки. Еще больший ущерб принесло распоряжение Алексея III превратить леса европейской части окрестностей Константинополя в запретный парк для охоты императора⁹⁵, так что морякам Пропонтиды невозможно было строить корабли и рыбацкие суда. Это не только затронуло интересы рыбаков Пропонтиды, но и нанесло серьезный ущерб кораблестроению и морской торговле Константинополя вообще.

Не удивительно, что при очень неблагоприятном для Византии международном положении конца XII—начала XIII вв. народные массы Византии не имели времени преодолеть создавшиеся трудности, и Константинополь и большая часть византийской территории были захвачены крестоносцами и венецианцами.

⁹⁴ Nicetas Choniata. Historia, p. 637.11. Чтобы привлечь на службу генуэзского пирата Кафуру, Алексей III предоставил ему «в управление» столько земли, сколько нужно для содержания семикратного количества воинов, бывших у Кафура — это типичная военная прония.

⁹⁵ Ibid., p. 716.6.

Н. П. СОКОЛОВ

ВЕНЕЦИЯ И ВИЗАНТИЯ ПРИ ПЕРВЫХ ПАЛЕОЛОГАХ (1263—1328)

Темой настоящей статьи является один из вопросов международных отношений в районе Средиземноморья в конце XIII и начале XIV в., а именно — вопрос об отношениях между Венецией и Византией в это время.

Венецианский нобилитет в рассматриваемое нами время сосредоточил в своих руках все нити государственного управления¹. Все его представители были получателями феодальной ренты в разных ее видах, но преимущественно за пределами дуката; однако, по мнению одного из специальных исследователей этого вопроса, в бюджете венецианских нобилей решающее значение имела не эта последняя, а доходы от торговли и связанных с ней ростовщических операций². Венеция давно определила свое место в европейской торговле средневековья: она посредничала между Востоком и Западом, между Азией и Европой, вследствие чего торговые связи Венеции с портовыми городами Византии и прежде всего с самой столицей имели для нее огромное значение. Отсюда ее стремление как можно глубже проникнуть в поры Византии, добиваясь различных торговых и политических льгот и преимуществ. Так было в X, XI и XII вв., положение не было иным и в XIII в.

Отношение господствовавшего в Византии класса к торговле было противоречивым: как покупатели товаров и продавцы продуктов и сырья византийские феодалы были заинтересованы в широком привлечении в столицу и другие города империи купцов всех стран, предоставляя им максимально льготные условия; как участники в дележе собираемых государством налогов они должны были стремиться к максимальному обложению торговли. Среди многих противоречий, существовавших в Византии между придворно-бюрократической группировкой феодалов и военно-феодальной знатью, и это противоречие имело известное значение и отражалось на политике византийских базилевсов. Идя по пути компромисса, византийское правительство находило выход из этого противоречия в максимальном обложении собственных купцов³ и в предоставлении льгот по обложению иноземным купцам, — итальянцам, провансальцам,

¹ Подробности в статье автора «Метрополия Венецианской колониальной державы в XIII в.» УЗ Горьк. гос. ун-та. Горький, 1954, стр. 67.

² G. Luzzato. Studi di storia economica veneziana. Padova, 1954, p. 82, 168, 191, 193.

³ В известной грамоте Алексея I Комнина, предоставлявшей венецианским купцам право беспроцентной торговли, было перечислено шесть разнообразных налогов на торговлю с добавкой «и другие» (Fontes rerum austriacarum. Diplomata et acta (в дальнейшем FRA DA), vol. XII, p. 53.

барселонцам, выходцам с мусульманского Востока⁴. Это было причиной того, что политика правящего класса Византии по отношению к западным торговым республикам, и Венеции в частности, была изменчивой, колеблющейся.

* *
*

События 1261 г. лишили Венецию Константинополя и затруднили ей доступ в Черное море. «Эта потеря была в высшей степени досадна дожу», — писал по этому поводу Канале⁵. Это и понятно: Константинополь все еще оставался крупнейшим торговым центром на стыке Азии и Европы, а в Черном море у Венеции появились важные хозяйственные интересы.

Широко распространенное мнение о том, что Константинополь в результате событий первой половины XIII в. потерял свое прежнее значение и к концу XIV в. пришел в состояние полного упадка, опирается на свидетельство Никифора Григоры, который писал: «Влахернский дворец давно уже был покрыт копотью и пылью. Сам царственный город представлял собою обширное поле разрушения, покрытое щебнем и грудями камней: одни здания лежали в развалинах, а другие представляли собою ничтожные остатки пожара»⁶. В другом месте, в связи со смертью Андроника III (1341), он же отметил: «Некоторые императорские дворцы и знаменитейшие сооружения, почти совершенно разрушенные, превращены были в клоаки»⁷. Нельзя, однако, слишком широко толковать смысл этих строк византийского историка: он скользит по поверхности явлений, — здания его интересуют более, чем жизнь людей с их злободневными интересами. Несомненно, разрушения 1204 г. и последующее хозяйничанье крестоносцев лишило восточную столицу ее былого величия, а Палеологам нечего было и думать о восстановлении ее в прежнем блеске, — в этом Никифор Григора был прав; однако отсюда вовсе нельзя делать вывод о потере Константинополем экономического, в особенности торгового значения.

В этом отношении мы имеем свидетельство другого, гораздо более компетентного в делах этого рода очевидца, каким несомненно был Бальдуччи Пеголотти. Этот коммерсант написал свое сочинение, названное им «Практика торговли», между 1310 и 1346 гг.⁸ и, следовательно, является современником Никифора Григоры. В изображении Бальдуччи Пеголотти Константинополь все еще является одним из крупнейших центров в тогдашней «мировой» торговле. Город переполнен торговыми людьми из различных городов и областей Европы и Азии. Здесь мы видим, помимо генуэзцев и венецианцев, также флорентийцев, пизанцев, провансальцев, каталонцев, сицилийцев, сирийцев и т. д.⁹. С Константинополем и Перой так или иначе связаны Генуя, Венеция, Марсель, Понпелье, Авиньон,

⁴ Не говоря уже о беспопытной торговле венецианцев с конца XI в. и генуэзцев после Нимфейского трактата, различными льготами пользовались пизанцы, амальфитанцы и т. д.

⁵ M. de Canale. Chronique des Veniciens, vol. VIII, ed. Rossi. Archivio Storico Italiano, ser. I, 1845, p. 480.

⁶ Nicephorus Gregoras. Byzantina Historia. PG, t. 148, col. 219—220.

⁷ Ibid., col. 775—776.

⁸ См. F. Balducci Pegolotti. La pratica della mercatura. Cambridge, Massachusetts, 1936, p. XV.

⁹ Ibid., p. 40, 41.

Ницца, города Апулии, Неаполь, Лукка, Пиза, Анкона, Флоренция, города Испании, Лондон, порты Черноморья — Тана и Кафа, порты северной Африки — Тунис, Александрия и т. д.¹⁰

Поражает обилие и разнообразие товаров, которые поступали в Константинополь из различных городов и стран Евразии. Бальдуччи Пеголотти называет: разные продовольственные товары — пшеницу, ячмень, рис, бобовые, орехи, фисташки, миндаль, фиги, каштаны, оливковое масло, разные вина, соль, рыбу, соленое мясо, сушеные фрукты, мед, сахар, конфеты; текстильное сырье — лен, хлопок разных сортов, шерсть, шелк-сырец и ткани из них; меха, кожи и кожаные изделия; разнообразные металлы — железо, олово, свинец, медь, ртуть, золото и серебро, изделия из них; различные товары восточного происхождения — пряности и прежде всего перец, лаки, ладан, алоэ, камедь, мастику, амбру, кораллы, жемчуг; квасцы, воск, мыло, свинцовый глет, смолу, серу и т. д.¹¹ Все эти товары продавались в Константинополе как оптом, так и в розницу¹². В Константинополе обращались монеты самых разнообразных стран и городов, но основной денежной единицей был по-прежнему византийский перпер¹³.

Из всего этого следует, что в XIII и XIV вв. Константинополь отнюдь не был захолустьем, он все еще играл крупную роль в международном обмене.

С другой стороны, резко выросло значение портов Черного моря. Бальдуччи Пеголотти сообщает, что в связи с созданием огромной Монгольской державы в Азии, наиболее безопасным путем в Китай стал северный путь, через области, на которые простиралась власть великого хана¹⁴. В то же самое время проникательные умы на лагунах уже в 60-х годах XIII в. учитывали возможность потери крестоносцами всех их владений на восточных берегах Средиземного моря. В одном документе, относящемся к 1260 г., содержится соглашение, действие которого прекращается при том условии, если «случится — от чего да избавит бог — что народ христианский города Акры вместе с венецианцами, клиром и епископом будет изгнан неверными»¹⁵. В связи со всем этим некоторые портовые города Черного моря превращались в естественные исходные пункты для торговли с отдаленным Востоком. Наиболее важными такими портами были прежде всего Тана в устье далекого Дона и Трапезунт на южном побережье «Великого моря». Оба пути подробно описаны Бальдуччи Пеголотти.

Легко понять, какое огромное значение приобретала и для Венеции и для всего района Средиземного моря тонкая водная артерия, которая связывала Черное море с морем Средиземным, т. е. проливы Босфорский и Дарданельский.

Потеряв Константинополь и проливы, Венеция, разумеется, отнюдь не потеряла значения крупной экономической и политической силы в водах Восточного Средиземноморья. Она и после этой потери сохранила в своих руках большую часть «византийского наследия» и далеко не безуспешно вела борьбу со своим противником на Востоке, Генуей; тем менее имела

¹⁰ F. Balducci Pegolotti. La pratica della mercatura, p. 48—52.

¹¹ Ibid., p. 33 sq.

¹² Большая часть перечисленных здесь товаров фигурирует также и в Judicium in causis piraticis, документе XIII в., составленном в Венеции, в котором изложены жалобы венецианских купцов на ограбление их кораблей и расхищение товаров. Документ находится в изд. FRA DA, vol. XIV, p. 112 sq.

¹³ F. Balducci Pegolotti. La pratica della mercatura, p. 40.

¹⁴ Ibid., p. 22.

¹⁵ FRA DA, vol. XIV, p. 34.

она оснований отказаться от мысли вернуть потерянные позиции на Босфоре.

Разрешения этой задачи можно было искать в двух направлениях: с одной стороны можно было бы попытаться силой вернуть все утраченное на проливах, — и это первое, что должно было прийти на ум венецианским политикам; с другой стороны, можно было примириться с частью потерь и путем мирных переговоров вернуть основное, — к этой мысли венецианцы могли привыкнуть лишь после ряда неудач на первом из этих двух путей. Ход политических событий в ближайшие за 1261 годы показывают, что венецианцы действительно пытались сначала встать на первый из этих путей, потом перешли на второй, не отказываясь, однако, от использования любых других возможностей возвращения потерянных позиций на Босфоре.

I

Венеция не могла и не хотела решать задачу по восстановлению владычества латинян на Востоке одна, без союзников. Международная обстановка, однако, не была благоприятной для венецианских планов. Помимо Венеции, в возвращении Константинополя были заинтересованы несомненно папа и экс-император Балдуин; но папа, как показали события, не очень-то хотел раскошелиться и предпочитал духовным оружием, которое за столько лет тяжелых неудач успело серьезно притупиться, а Балдуин мог рассчитывать лишь на помощь государей Европы. Между тем французский король Людовик IX, потерпев неудачу в Египте и Палестине, готовился к новой крестовоносной авантюре, конечная цель которой лежала далеко от пределов Константинополя. На Пиренейском полуострове все еще продолжалась борьба с маврами. В Германии господствовала феодальная анархия. Народы Центральной и Восточной Европы еще не оправившись от ужасов татарского нашествия. Манфред, фактический король Южной Италии, изъявлял готовность принять участие в отвоевании Константинополя, но папа и слышать не хотел о каких-либо совместных с ним действиях, — борьба пап с Гогенштауфенами еще не была полностью закончена. Наконец, сама Венеция все еще воевала с Генуей, которая спешила реализовать на Востоке выгодные для нее условия Нимфейского трактата. При таких условиях трудно было рассчитывать на успех восточного предприятия.

Бежавший из своей столицы экс-император, заручившись обещанием поддержки со стороны своих вассалов, направился прежде всего к Манфреду¹⁶. Король сицилийский выразил полную готовность содействовать планам Балдуина, и этот последний с предложениями Манфреда направился к папе в Витербо, куда в 1262 г. прибыли и венецианские послы, вызванные Балдуином. Это были Микеле Дауро и Марко Джустиниани¹⁷. Однако все усилия Балдуина и венецианских послов, предлагавших от имени дожа перевозочные средства для нападения на Константинополь, уговорить Урбана IV принять предложения Манфреда не привели ни к чему¹⁸.

Вместо этого папа пытался организовать крестовый поход на Константинополь и объявил, что тот, кто пойдет на помощь Латинской импе-

¹⁶ M. Canale. *Chronique des Veniciens*, p. 498 sq.

¹⁷ Ibid., p. 502; A. Danduli. *Chronicon Venetum*, ed. Muratori. *Scriptores rerum italicarum* (далее SS), vol. XII, col. 369.

¹⁸ M. Canale. *Chronique des Veniciens*, p. 500.

рии, которая все еще мыслилась существующей, получит те же небесные и земные выгоды, как и тот, кто отправится «во святую землю». Проповедь велась во Франции, Кастилии, Арагоне, Польше и других странах, но папский призыв не нашел отклика¹⁹.

Балдуин, со своей стороны, вместе с одним из венецианских послов, Марко Джустиниани, из Витербо отправился во Францию, но помощь Людовика IX не пошла дальше выкупа сына Балдуина Филиппа, «заложненного» отцом в Венеции у банкирского дома Ферро²⁰. Столь же безуспешными были переговоры и при дворе кастильского короля Альфонса X. Охладел к делу борьбы против «схизматиков» и сам папа Урбан IV, так как он был теперь целиком поглощен передачей сицилийской короны брату французского короля.

Таким образом, ни Балдуин, ни венецианские послы не «могли добиться от папы ничего кроме слов»²¹. Райнерио Цено, дож венецианский, не без основания в 1264 г. писал папе: «В настоящее время, когда названная империя (Латинская империя. — Н. С.) находится в столь стесненном положении, дож и Венецианская коммуна одни только... заботятся об ее укреплении и защите...»²².

Все это должно было подготовить венецианских политиков к мысли о соглашении с Михаилом Палеологом, к попытке решить интересовавшую их задачу мирным путем.

Византийский император со своей стороны имел достаточно оснований к тому, чтобы искать сближения с Венецией. Правда, военные успехи Михаила Палеолога с занятием Константинополя не кончились: Никифор Григора и Пахимер сообщают, что царский флот и войска овладели многими островами Эгейды, на Эвбее захватили Ореос и Каристос, на Пелопоннесе расширили владения в районе Монемасии и овладели Спартой²³. Михаил Палеолог не мог, однако, не понимать того, что Венеция после константинопольской неудачи не перестала быть крупной политической силой и мощною морскою державой с важными экономическими и политическими интересами в районе Восточного Средиземноморья. Генуя — это в 60-х годах стало очевидным — не могла сломить морского могущества своего торгового соперника, и война между ними постепенно затухала. С другой стороны, Михаил Палеолог не мог быть уверенным в том, что папская проповедь крестового похода на Константинополь не увенчается в конце концов успехом и он не увидит под стенами столицы новых крестовых банд, доставленных на Босфор венецианским флотом. К тому же генуэзцы оказались плохими союзниками: в 1264 г. выяснилось, что генуэзский подеста в Константинополе, Гилельмо Гверчио, вступил в сношения с Манфредом и стоявшим позади него Балдуином, обещая содействовать им в захвате Константинополя²⁴. Михаил Палеолог, как сообщает в своей «Хронике» А. Дандоло, «убедившись в том, что из вражды к венецианцам и благосклонности к генуэзцам он не извлек ничего хорошего», направил одного из венецианцев, оказавшегося в Константинополе, — его звали Энрико Тревизано — позондировать на лагунах почву

¹⁹ FRA DA, vol. XIV, p. 57.

²⁰ Marino Sanudo Torsello. *Istoria del Regno di Romania*, ed. K. Hopf. *Chroniques greco-romanes inédites ou peu connues*. Berlin, 1873, p. 115.

²¹ A. Danduli. *Chronicon*, col. 369.

²² FRA DA, vol. XVI, p. 56.

²³ Georgius Pachymeres. *De Michaele et Andronico Paleologis*. PG, t. 143, col. 616—617. Nicephorus Gregoras. *Byzantina Historia*, col. 232.

²⁴ См. E. Dade. *Versuche zur Wiedeherrichtung der lateinischen Herrschaft in Konstantinopel*. Würzburg, 1937, S. 16.

для соглашения. «Тогда дож, — продолжает Дандоло, — видя, что Балдуин не сможет добиться у западных государей ничего хорошего, дал согласие на перемирие»²⁵. В Константинополь были направлены представители дожа Якопо Дельфино и Якопо Контарино для того чтобы выработать условия мира. Это было в 1265 г.

В марте проект был составлен²⁶. Одним из первых условий мира император выдвинул требование, чтобы дож не заключал договоров, направленных против Византии, кто бы ни был ее противником — папа, короли Франции, Сицилии, Кастилии, Англии, Арагона или коммуны Генуи, Пизы, Анконы. От всех пилигримов, отправляющихся на Восток на венецианских кораблях, венецианские власти должны были требовать клятвенное обещание, что они не будут действовать против империи²⁷. Со своей стороны император предложил восстановить на всем пространстве империи прежние привилегии венецианских купцов и сохранить за Венецией все те греческие территории, которые в это время находились в ее руках. В проекте подробно перечисляются все крупнейшие торговые города и порты Византии, в которых венецианцы могут держать свои торговые дворы и вести беспопышную торговлю. В своих причерноморских владениях империя обязывалась предоставить венецианцам земли для постройки укреплений там, «где им это будет угодно»²⁸. Вместе с тем, поскольку в это время Михаил находился в ссоре с генуэзцами, а Венеция воевала с ним, он взял на себя обязательство изгнать генуэзцев и «никогда их более не допускать». Наконец было условлено, что ущерб, который будет причинен торговым кораблям одной страны пиратами другой страны, должен возмещаться соответствующим правительством²⁹.

Но в это время в международной жизни произошли события, из которых Венеция думала извлечь большие выгоды, чем те, которые сулил ей проект мирного договора 1265 г. Преемник Урбана IV, Климент IV, продолжал политику своего предшественника и добился открытого выступления Карла Анжуйского против Манфреда. 26 февраля 1266 г. Карл разгромил Манфреда в битве при Беневенте и стал королем Сицилии и Неаполя. Вместе с Сицилийским королевством Карл Анжу унаследовал от Манфреда и честолюбивую мысль о возвращении Константинополя под власть латинян³⁰. Он начал, однако, с реализации менее обширных планов. В качестве наследника Манфреда, у которого были владения в Эпире, Карл в начале 1267 г. овладел Корфу и вступил на территорию Эпира³¹. Балдуин тем временем пытался заинтересовать в своих планах герцога Бургундского, которому он сулил не принадлежавшее ему королевство Солунское. Убедившись в бесплодности этих попыток, он вновь возложил свои надежды на папу, рассчитывая вместе с тем и на его ставленника на сицилийском троне. Балдуину казалось, что он найдет в Карле Анжу деятельного сторонника своих планов, и он вступил с ним и папой в переговоры. Намечалась перспектива большого союза короля сицилийского, папы, князя Ахейского Виллардуэна, а возможно и французского короля против Михаила Палеолога.

²⁵ A. Danduli. Chronicon, col. 370, 373.

²⁶ Текст этого проекта Ф. И. Успенский принял за договор («История Византийской империи», т. III, стр. 631). Эту ошибку допускает также и новейший историк Латинской империи Ж. Лонгон (J. Lognon. L'empire latin de Constantinople et la principauté de Morée. Paris, 1949, p. 235).

²⁷ FRA DA, vol. XIV, p. 79.

²⁸ Ibid., p. 82.

²⁹ Ibid., p. 86.

³⁰ Georgius Pachymeres. De Michaele et Andronico Paleologis, col. 810.

³¹ Nicephorus Gregoras. Byzantina Historia, col. 288, 289.

В Венеции решили не торопиться с подписанием проекта соглашения 1265 г.

Должен был пересмотреть свои позиции и Михаил Палеолог. Колебания венецианцев заставили его помириться с генуэзцами, которым тогда отдана была Галата, превращенная потом Лигурийской республикой в своеобразное государство в государстве³². В том же 1267 г. византийский император отправил письмо к папе с предложением продолжить начатые еще при его предшественнике переговоры о соединении церквей, что при данных обстоятельствах означало подчинение восточной церкви папскому авторитету, но папа за это должен был воспрепятствовать честолюбивым планам Карла Анжуйского. Михаил Палеолог выражал даже готовность «помочь святой земле», если он будет избавлен от угрозы с запада³³. Папа встретил сделанные ему предложения благосклонно. Не надеясь на одну только дипломатию, император принял меры к усилению оборонительной системы Константинополя, пополнял его запасы на случай осады и усиливал флот³⁴.

Тем временем переговоры Балдуина закончились подписанием в 1267 г. договора в Витербо. Договор предусматривал обязательство Карла Анжу содержать за собственный счет 2 тыс. рыцарей в течение 6—7 лет для завоевания потерянных Балдуином владений на Востоке. За это Балдуин отказывался от своих сюзеренных прав над княжеством Ахейским³⁵. Карл мог сохранить за собой в Эпире все владения Манфреда, уступленные тому в свое время деспотом Михаилом II в качестве приданого за его дочь Еленой, т. е. остров Корфу, Драч, Авлону и Канину³⁶. Одна треть завоеванных при помощи Карла земель должна была стать его владениями. Карл мог сделаться солунским королем и даже императором Латинской империи, если Балдуин и его сын Филипп не оставят наследников. Договор скреплялся брачным союзом: Филипп должен был жениться на Беатрисе, дочери Карла Анжуйского³⁷.

Содержание трактата не могло не разочаровать венецианское правительство. Союзники хотели обойтись без венецианской помощи, решив атаковать владения Михаила Палеолога с суши; реализация договора чрезвычайно усилила бы Карла Анжуйского, который мог стать опасным для самой Венеции; оба берега Отрантского пролива оказались бы в руках сильного государя, ворота на Восток могли быть наглухо закрыты. Правда, договор в Витербо специально оговаривал неприкосновенность прав Венеции на Востоке, но дипломаты с лагун знали цену пергаментам, подписанным коронованными особами.

С другой стороны, прозорливые венецианские политики могли предвидеть крушение этих планов. Конрадин Гогенштауфен и гибеллины Италии еще не были побеждены, — папа и Карл должны были подумать прежде всего об устранении этой опасности. Людовик IX готовился к крестовому походу и хотел увлечь за собою своего сицилийского брата. Балдуин и князь Ахейский были бессильны.

Наконец, в Венеции все более тяжело ощущалась потеря византийского рынка и прекращение доступа в Черное море.

³² F. Dölger. Corpus der griechischen Urkunden des Mittelalters und der neueren Zeit. Reihe „A“ Regesten, vol. III (1204—1282). München und Berlin, 1932, S. 50.

³³ Ibid., S. 51.

³⁴ Georgius Pachymeres. De Michaele et Andronico Paleologis, col. 603. Nicephorus Gregoras. Byzantina Historia, col. 292.

³⁵ J. Lognon. L'empire latin..., p. 237.

³⁶ Acta et diplomata res Albaniae mediae aetatis illustrantia, ed. Thalosz; K. Ireček. Sufflay, vol. I, Vindobonae, 1913, p. 71, № 245, 246.

³⁷ E. Dade. Versuche..., S. 28 f.

6 Византийский временник, т. XII

Все это заставило венецианское правительство отказаться пока от своей программы-максимум и вернуться на путь переговоров с Михаилом Палеологом. В ноябре 1267 г. в Константинополь были отправлены Марино Бембо и Пьетро Цено для того, чтобы возобновить переговоры с императором. Эти переговоры привели, наконец, к заключению мирного договора 1268 г.³⁸

Договор в своей основе воспроизводит условия проекта 1265 г. с некоторыми, однако, изменениями, вызванными изменившейся международной обстановкой. К их числу относится вопрос о генуэзцах. К этому времени генуэзцы уже прочно сидели в Галате и трудно было удалить их отсюда, да в этом не было и особой надобности, так как Михаил Палеолог решил возвратиться к старой политике противопоставления одной итальянской республики другой. В договоре от 1268 г. император пытался занять нейтральную позицию по отношению к враждовавшим между собою республикам: император обещал венецианцам безопасность от генуэзских нападений на всем пространстве его владений к северу от Абидоса и на Черном море, но венецианцы со своей стороны должны были воздерживаться здесь от нападений на генуэзцев³⁹. В договоре нет также подробного перечисления отдельных географических пунктов, в которых венецианцам отводились бы особо пожалованные районы, но их право на это было гарантировано в общей форме: император гарантировал венецианцам свободу приобретать дома, хлебопекарни, печи, бани без всякого противодействия с чьей бы то ни было стороны как в Константинополе, так и в других местах империи⁴⁰. За все эти уступки дож должен был отказаться в своих сношениях с Византией от пышной части своего титула «властителя трех восьмых империи Романии» и довольствоваться наименованием «господина земель и островов, находящихся под его властью», равно как и венецианский представитель в Константинополе отныне должен был именоваться не подеста, а байло⁴¹.

Во второй половине 1268 г. договор был ратифицирован как Михаилом Палеологом в Константинополе, так и новым дожем Лоренцо Тьеполо — в Венеции⁴².

II

Договор от 1268 г. стабилизировал взаимоотношения Венеции и Византии. Византия признала за Венецией все, что она сумела сохранить из захваченного ею в начале столетия, и восстановила прежние привилегии венецианских купцов; Венеция сделала вид, что она примирилась с потерей Константинополя и привилегированным положением в нем генуэзцев. Мир, заключенный с Генуей в 1271 г.⁴³, положил конец начавшейся еще в 1256 г. войне между обеими торговыми республиками и должен был способствовать установлению мира на Востоке.

Михаил Палеолог, однако, хорошо понимал, что опасность с запада отнюдь не исчезла: ни папа, ни Карл Анжуйский не отказались от своих честолюбивых планов, а Балдуин нашел нового паладина в лице графа Шампанского Тибо, с которым он в марте 1269 г. заключил договор о по-

³⁸ A. Danduli. Chronicon, col. 373.

³⁹ FRA DA, vol. XIV, p. 96.

⁴⁰ Ibid., p. 96.

⁴¹ Ibid., p. 77, 83.

⁴² Ibid., p. 101, 102.

⁴³ A. Danduli. Chronicon, col. 380.

мощи в овладении империей за одну четверть будущих завоеваний⁴⁴. Стало известно также, что Карл Анжу пытался теперь отвлечь Венецию от избранного ею пути и заинтересовать ее договором в Витербо. Так как теперь в Венеции довольно холодно отнеслись к этим предложениям, то Карл адресовался за поддержкой своих планов в Венгрию, к давнишнему противнику Венеции, и заключил с венгерским королем договор о совместных действиях на Востоке⁴⁵. Этими опасениями было вызвано посольство Михаила Палеолога в 1269 и потом в 1270 г. к французскому королю Людовику IX с просьбой отклонить Карла от его завоевательных планов⁴⁶. Не без влияния этих же соображений император в 1272 г. еще раз подтвердил генуэзцам их привилегии, предоставленные им в свое время Нимфейским трактатом⁴⁷. Этим объясняются также усиленные переговоры Михаила Палеолога с папством об унии, которые он вел несмотря на наличие сильной внутренней оппозиции и которые привели к появлению византийских послов на Лионском соборе 1274 г., где представители Венецианской республики могли собственными ушами слышать, как греки «торжественно и громким голосом провозгласили происхождение св. духа от отца и сына»⁴⁸.

Договор 1268 г. был заключен на 5 лет, по истечении которых стороны могли продолжить его действие. И в самом деле, договор был продолжен, несмотря на то, что папа Григорий X, еще не уверенный в том, что переговоры об унии закончатся благоприятно, всячески старался воспрепятствовать его перезаключению. Папа в письме на имя дожа требовал, чтобы Венеция воздержалась от соглашения с Михаилом Палеологом. Синьерия ничего не ответила на это послание. «Церковные Анналы» Райнальда под 1272 г. приводят выдержку из нового письма папы дожу: «Твоему молчанию, сын мой, не можем не удивляться... Ты до сих пор не позаботился ответить на наше письмо и пренебрежительно отнесся к нашим указаниям»⁴⁹. Папа еще раз настаивал на своем, но в Венеции хотели сами делать свою политику и действовать не в папских, а в собственных интересах.

Бесплодными оказались и новые попытки Карла Анжуйского вовлечь Венецию в сферу своих интересов и отклонить ее от возобновления договора, предпринятые им вместе с Балдуином в 1272 г. Планы Карла, полностью реализовавшего в Эпире свои «права» на наследство Манфреда⁵⁰ и принявшего титул короля Албании, при дружбе его с Сербией, Болгарией и Венгрией, угрожали, как думали на лагунах, жизненным интересам Венеции. Отправив посольство в Константинополь для возобновления договора, дож обещал ответить на предложение Карла и Балдуина позднее⁵¹. В 1273 г. Венеция и Византия, обменявшись посольствами, заключили соглашение о продлении договора на новый срок⁵².

⁴⁴ FRA DA, vol. XIV, p. 91, 92.

⁴⁵ E. Dade. L'empire latin..., p. 39.

⁴⁶ F. Dölger. Corpus..., p. 55—56.

⁴⁷ Ibid., p. 59 f.

⁴⁸ A. Danduli. Chronicon, col. 383.

⁴⁹ FRA DA, vol. XIV, p. 125.

⁵⁰ Acta et diplomata Albaniae, p. 73, № 254, 255, 256.

⁵¹ A. Danduli. Chronicon, col. 382.

⁵² Так как текст перезаключенного договора не сохранился, то в исторической литературе существует мнение, что в Венеции вняли призывам папы и Карла и договор в 1273 г. возобновлен не был. (F. Walter. Die Politik der Kurie unter Gregor X. Berlin, 1894, S. 45; W. Norden. Papsttum und Byzanz. Berlin, 1903, S. 503; E. Dade. L'empire latin..., p. 46). Однако в договоре от 1277 г. есть прямое указание на продолжение действия трактата от 1268 г.: «Мирный договор, заключенный ранее, благодарение богу сохранялся и, будучи пополнен в срок, в нем

Нельзя сказать, что взаимоотношения между Венецией и Византией за истекшее пятилетие не были омрачены взаимными недоразумениями. И не только пиратские ограбления, но и феодальная анархия были источниками таких недоразумений. Например, в самый год заключения мира с Византией феодалы Негропонта, несмотря на категорическое запрещение байло Негропонта Андрея Дандоло, вооружив 17 галер, совершили набег на берега Малой Азии, находившиеся под властью Византии⁵³. Набег был отражен, и несколько сотен эвбейцев взяты были в плен греками. В ответ на это выступление флот Михаила Палеолога совершил нападение на Ореос, расположенный в северной части Негропонта.

Но обе стороны, по-видимому, не желали углубления конфликтов. Византия не только более или менее аккуратно компенсировала венецианских купцов за убытки от нападений греческих пиратов, но охотно согласилась при продлении договора на новый срок отпустить из плена тех эвбейских авантюристов, которые пять лет назад были захвачены греками. Хроника Дандоло сообщает, что таким образом было освобождено до 500 человек⁵⁴. Со своей стороны и Венеция, видя, что папство в лице Григория X было более склонно добиваться признания своего верховенства над восточной церковью путем переговоров, чем путем прямого захвата Константинополя, также проявляла известную осторожность и, как мы видели, очень сдержанно относилась к новым проектам вооруженного захвата восточной столицы, которые вынашивались Балдуином и Карлом Анжу.

Политика Палеолога, таким образом, достигала своей цели. Она, впрочем, была поддержана и успехами его оружия. В 1274 и 1275 гг. византийские войска отвоевывают часть населенных пунктов, захваченных Карлом в Эпире: император овладел Бутринто и его войска появились под Драчем. Это дало возможность Михаилу Палеологу заключить в 1275 г. перемирие с главным виновником беспокойства, Карлом Анжу. Перемирие, правда, было заключено всего на один год⁵⁵, но это было очевидным признанием со стороны противника невозможности для него в данное время приступить к реализации уже давно и широко прокламированных им планов.

III

Михаил Палеолог должен был понимать, что мир он покупает дорогою ценой: теперь не только венецианские, но также и генуэзские купцы были свободны в пределах империи от всякого обложения, что серьезно подрывало торговлю подданных императора. Помимо купцов этих республик в Константинополе, как мы знаем, оперировали и представители других итальянских городов. Правда, все они должны были платить в пользу императорской казны определенные пошлины, но эти пошлины были незначительны и не превышали, по-видимому, 2—2,5%. Во всяком случае, именно столько платили купцы Пизы, Флоренции и некоторые другие во время Бальдуччи Пеголотти⁵⁶. Черноморская торговля едва ли не оказа-

предусмотренный, действовал вплоть до сегодняшнего дня» (FRA DA, vol. XIV, p. 134). Из этого положения Даде пытается выйти догадкой, что венецианцы нарочито вставили этот пункт в 1277 г., чтобы обосновать задним числом свое право на возмещение убытков от пиратских ограблений за все время с 1268 г. Догадка эта слишком искусственна, чтобы быть убедительной.

⁵³ A. Danduli. Chronicon, col. 379.

⁵⁴ Ibid., col. 382.

⁵⁵ F. Dölger. Corpus..., p. 65.

⁵⁶ Мнение о том, что флорентийские купцы также не платили никаких пошлин, как это утверждается в одной из новейших работ (А. Д. Эпштейн. К вопросу

лась почти целиком в руках итальянцев, в то время как именно черноморские порты приобретали все большее значение. Таким образом, политика противопоставления одних итальянцев другим обходилась дорого. А венецианцы пользовались каждым случаем для того, чтобы еще больше расширить свои привилегии. Так, после того как Михаил Палеолог в 1275 г. вновь подтвердил Генуе все ее привилегии, Венеция поставила в 1276 г. перед византийским императором вопрос о новом договоре, хотя срок действия предшествующего еще не кончился. Результатом переговоров был хрисовул Михаила Палеолога от 1277 г.⁵⁷ Хрисовул обеспечивал венецианцам все прежние их привилегии, закреплял их владения в пределах Романии, значительно расширял их квартал в Константинополе, благоприятно разрешал вопрос о венецианском консульстве в Солуни, расширял юрисдикцию венецианского байло в Константинополе. Император по-прежнему брал на себя обязательство возмещать венецианским купцам убытки, причиненные пиратами-греками, а также генуэзцами на всем пространстве империи к северу от Абидоса, и разрешал свободную закупку хлеба и корабельных снастей. Решение спорных вопросов о происхождении товаров, — свободой от обложения пользовались лишь товары венецианских купцов, — предоставлялось венецианскому байло. Хрисовулу была придана форма договора, действие которого было рассчитано на два года с автоматическим продлением его на новое двухлетие, если не последовало отказа от одной из сторон⁵⁸. Всякие недоразумения, которые могли произойти в связи с нарушением той или иной статьи хрисовула, не давали права противной стороне начинать враждебные действия, — недоразумения надо было решать мирным путем.

Византия шла на все эти уступки, чтобы обезопасить себя от покушений с запада и развязать себе руки для укрепления своего положения в водах Архипелага и для устранения угрозы из Албании. На какое-то время эта цель была достигнута.

В 1278 г. адмирал Михаила Палеолога Ликарио завоевал значительную часть Негропонта и взял в плен герцога Финского. В следующем году еще раз было приостановлено наступление, предпринятое отрядами Карла Анжуйского из Албании. Однако именно в этих успехах Михаила крылись корни дальнейших осложнений.

Усиление Византии и в частности успехи Палеолога в Архипелаге очень не нравились Венеции. Привилегия адмирала Ликарио на обладание Негропонтом, выданная Михаилом Палеологом в 1280 г.⁵⁹, не могла не вызвать сильного раздражения на лагунах. С другой стороны, в Византии начали сквозь пальцы смотреть на выступления греческих корсаров против судов венецианского торгового флота. Правда, император должен был возмещать причиненные его подданными убытки, но реализация этого обязательства, по мере усиления Михаила Палеолога, становилась все более и более трудной. Венеция предпочитала теперь вооруженной рукой защищать неприкосновенность своего торгового флага. Свои торговые суда Венеция стала отправлять на Восток под охраной военных кораблей. При доже Якопо Контарини (1275—1280) республика дважды послала большие военно-торговые экспедиции на Восток: первый раз военный эскорт состоял из 25 галер под начальством Якопо Тьеполо, причем прямо имелась в виду опасность со стороны греков, «которые с флотом прибыли к берегам

о раннем капитализме во Флоренции XIV в. СВ, 1953, т. IV, стр. 348), ни на чем не основано.

⁵⁷ F. Dölger. Corpus..., p. 68—69.

⁵⁸ A. Danduli. Chronicon, col. 393—394.

⁵⁹ F. Dölger. Corpus..., p. 72.

Крита»⁶⁰, а второй раз — это было в 1279 г. — Венеция отправила свой торговый караван под эскортом 20 галер и опять-таки «для того, чтобы не было причинено ущерба со стороны греческого флота»⁶¹. То обстоятельство, что в обоих случаях предусматривалась опасность со стороны греческого флота, а не отдельных пиратов, говорит за то, что в Венеции готовились к прямому военному нападению Византии на венецианские торговые корабли.

Не могло не раздражать венецианцев, наконец, неизменно дружественное отношение Михаила Палеолога к генуэзцам, торговые успехи которых в Восточном Средиземноморье и особенно в Черном море возбуждали зависть у венецианских купцов.

Всего этого было достаточно, для того чтобы сделать Венецию внимательной к тем планам сокрушения Византии, которые все еще вынашивались на Западе.

Балдуин умер в 1273 г., и его «права» перешли к его сыну Филиппу, зятю Карла Анжуйского. Со своей стороны этот последний, дважды потерпев неудачу в попытках пробиться к Константинополю из Албании, понял, что без венецианской помощи в деле реализации его восточных планов ему не обойтись. Карлу несомненно хорошо была известна напряженность отношений между Венецией и Византией, равно как и то, что в 1279 г. истек срок заключенного между ними договора. Можно было надеяться, что венецианцы на этот раз будут более сговорчивыми.

Кроме того, произошла еще одна важная перемена. В 1280 г. умер папа Николай III, сторонник унии, и его место занял Мартин IV, француз, горячий сторонник восточных планов короля сицилийского. Новый папа резко изменил политику своих предшественников. Византийское посольство было очень сухо принято при папском дворе, а затем последовало отлучение от церкви «схизматика» Михаила. Похоже было на то, что давно затевавшийся крестовый поход состоится.

Так возникла почва для сговора в Орвието. Уже весной 1280 г. начались и долго шли переговоры между Карлом Анжуйским и послами дожа — Дандоло, Якопо Тьеполо и Маттео Квирина. Желая на деле показать серьезность своих намерений, Карл собирает в Албании войско из 2 тыс. рыцарей. Переход княжества Ахейского после смерти Виллардуэна в 1278 г. непосредственно в руки его сюзерена облегчал проведение этих подготовительных мероприятий. В этом же 1280 г. сделана была попытка общими морскими силами атаковать владения византийцев на Негропонте⁶². Она была безуспешной, но она свидетельствовала о готовности той и другой стороны к совместным действиям.

Результатом переговоров был договор, заключенный королем сицилийским с Венецией в июле 1281 г., утвержденный затем в августе высшими органами республики⁶³.

По смыслу договора в Орвието Венеция была обязана выставить для похода под Константинополь 40 галер, а Карл Анжуйский — 8 тыс. солдат и столько же лошадей. Выступление намечалось на весну 1283 г. Однако военные действия в малом масштабе решено было организовать уже в 1282 г. К маю этого года Венеция и Карл Анжу должны были приготовить по 15 галер, а последний, кроме того, еще 10 грузовых судов и триста рыцарей⁶⁴. Сборным пунктом этих морских сил был назначен остров Корфу.

⁶⁰ A. Danduli. Chronicon, col. 392.

⁶¹ Ibid., col. 398.

⁶² Sanudo Torsello. Istoria, p. 129—130.

⁶³ FRA DA, vol. XIV, p. 291—292.

⁶⁴ Ibid., p. 290, 296.

Обе стороны — Филипп не представлял собою отдельного партнера в договоре — обязаны были не заключать мира с Палеологом до полной реализации цели похода⁶⁵.

Мартин IV не принимал прямого участия в договоре, но он скрепил его тем, что в октябре 1281 г. повторил отлучение Михаила Палеолога и запретил приходить к нему на помощь кому бы то ни было⁶⁶.

Начались обширные приготовления обеих сторон. Если верить Марино Санудо, то Карл Анжуйский подготовлял до 100 галер и тяжелых грузовых кораблей, и до 8 тыс. рыцарей готовы были отправиться на Восток⁶⁷.

План был задуман широко, но и он, как и много других, кончился ничем. Михаил Палеолог, справедливо усматривавший главную опасность со стороны Карла Анжуйского, предпринял дипломатические шаги, которые должны были парализовать анжуйца. Получив известие, вероятно от генуэзцев, которых Карл безуспешно пытался привлечь к участию в походе, о замыслах своих противников, Михаил Палеолог начал переговоры с Петром Арагонским, приглашая его отнять владения у Карла Анжуйского, «им незаконно захваченные», и для начала операций послал ему 30 тыс. перперов, обещая в дальнейшем выплачивать ежегодно по 60 тыс.⁶⁸ Известную роль в этих дипломатических переговорах сыграли опять те же генуэзцы, которым вовсе не улыбалась перспектива водворения Венеции на Босфоре. Как известно, намечавшийся на весну 1282 г. «предварительный» поход на Восток был сорван событиями в Сицилии и последовавшим затем выступлением арагонцев. Карлу Анжуйскому теперь было не до Константинополя. Это охладило и второго партнера намечавшегося предприятия. Венеция, как и раньше, не хотела одна разрешать восточного вопроса. Правда, руки ее теперь не были связаны войной с Генуей, — мир, заключенный в 1271 г., в 1275 г. был продолжен еще на два года⁶⁹, а потом еще на одно двухлетие и затем на новое трехлетие⁷⁰; но на лагунах не были уверены в том, что Генуя не воспользуется первым удобным случаем к тому, чтобы возобновить старую вражду. Кроме того, венецианское правительство, начиная с 1278 г., принимало участие в борьбе за истрийские владения⁷¹ и воевало с Анконом⁷². Всего этого было достаточно, чтобы орвиетская затея провалилась.

Договор в Орвието не привел к практическим результатам, но участие в нем Венеции должно было еще больше обострить ее противоречия с Византией. Михаил Палеолог и его преемник еще раз могли убедиться в том, что на нейтралитет и тем более на дружбу с Адриатической республикой рассчитывать нельзя. Вместе с тем поскольку в договоре от 1277 г. предусматривалось, как мы видели, автоматическое его продление в том случае, если с той или другой стороны не последует отказа, обе стороны, по-видимому, продолжали «делать хоршшую мину при плохой игре» и формально находились между собой в мирных отношениях.

Однако после сговора в Орвието — это легко понять — у Византии было еще менее оснований, чем раньше, тщательно следить за соблюдением заключенных с Венецией трактатов. Нападения греческих пиратов на

⁶⁵ FRA DA, vol. XIV, p. 301.

⁶⁶ E. Dade. L'empire latin... p. 57—58.

⁶⁷ Sanudo Torsello. Istoria, p. 133.

⁶⁸ F. Dölger. Corpus... p. 74—75.

⁶⁹ A. Danduli. Chronicon, col. 389.

⁷⁰ Ibid., col. 391, 394.

⁷¹ Ibid., col. 396 sq.

⁷² Ibid., col. 398.

венецианские торговые корабли учащались, возмещение убытков задерживалось, или претензии венецианских купцов оставались вовсе без удовлетворения. Раздражение в Венеции нарастало. Надо было ожидать серьезного политического кризиса во взаимоотношениях между обоими государствами

IV

Начавшаяся в 90-х годах вторая большая война между Венецией и Генуей тесно переплетена с военными операциями Венеции против Византии. В исторической литературе дело часто изображается таким образом, что вызван тем, что Андроник II, вступивший на трон в конце 1282 г., не соблюдал нейтралитета в генуэзско-венецианской войне. Это мнение опирается на свидетельство таких источников, как Пахимер и Никифор Григора⁷³. Однако это, по-видимому, не совсем так. В «Дополнениях» к хронике Дандоло автор свидетельствует, что фактически война между Византией и Венецией началась независимо и ранее начала враждебных действий между Венецией и Генуей. Анонимный автор «Дополнений» сообщает, что при доже Пьетро Градениго (1289—1311) между Венецией и императором Константинополя «возникло великое несогласие». Венецианский флот под командованием Панкратия Марипетро опустошил ряд территорий империи и намеревался овладеть одним из островов, принадлежавших Византии, но вынужден был отступить. Посланный вместо Панкратия Марипетро Якопо Тьеполо действовал более удачно и взял большое количество пленных. Анонимный автор «Дополнений» относит эти события на 1292 год, когда между Венецией и Генуей, по крайней мере формально, еще сохранялись мирные отношения⁷⁴.

Война между Генуей и Венецией началась, как известно, в 1294 г. Причиной ее было старое торговое соперничество в Восточном Средиземноморье, обострившееся в 90-х годах еще более благодаря тому, что торговые позиции Венеции и Генуи в Сирии, в связи с ликвидацией там всех крестоносных владений в 1291 г., ухудшились. К тому же начавшаяся фактически война между Венецией и Византией сулила Генуе надежду на полное вытеснение Венеции из областей, лежавших к северу от Абидоса. Византия, правда, не могла оказать сколько-нибудь серьезной помощи Генуе, так как ее сухопутные силы были незначительны, а флот пришел в упадок⁷⁵. Тем не менее для реализации генуэзских планов было очень важно, чтобы Андроник как можно глубже увяз в этой войне. Венецианцы и сами помогли им в этом.

Выступление Андроника против венецианцев в Константинополе и византийские и венецианские источники ставят в связь с разгромом венецианским флотом генуэзской Галаты, укрепления которой тогда еще не были закончены⁷⁶. Большой венецианский флот — Пахимер сообщает, что он состоял из 75 кораблей — в июле 1296 г. внезапно появился перед Константинополем⁷⁷. Ворота города немедленно были закрыты, и гарнизон

⁷³ G. Ostrogorsky. *Geschichte des byzantinischen Staates*. München, 1940, S. 351; Nicephorus Gregoras. *Byzantina Historia*, col. 368 sq; Georgius Pachymeres. *De Michaele et Andronico Paleologis*, col. 161 sq.

⁷⁴ *Supplementa*, ed. Muratori. SS, vol. XII, col. 403.

⁷⁵ Nicephorus Gregoras. *Byzantina Historia*, col. 366, 367.

⁷⁶ *Ibid.*, col. 368; Georgius Pachymeres. *De Michaele et Andronico Paleologis*, col. 161 sq. *Supplementa*, ed. Muratori, col. 406.

⁷⁷ Georgius Pachymeres. col. 161.

занял свои места. Венецианская колония была взята под подозрение и арестована. Генуэзцы оставили Галату и, с разрешения Андроника, укрылись в городе. Венецианский флот зажег Галату и пробовал овладеть городом, но был отражен греческими войсками⁷⁸. В ответ на все это императором было конфисковано имущество арестованных венецианцев и обращено на покрытие убытков генуэзцев в Галате⁷⁹. Несколько позднее генуэзцы умертвили венецианского байло и несколько других лиц из венецианской колонии в Константинополе⁸⁰.

Андроник через специальных послов в Венецию пробовал очистить себя от подозрения в соучастии в этих убийствах и просил мира. Сенат, однако, потребовал возвращения конфискованного имущества и освобождения арестованных венецианцев⁸¹. Послы императора не были уполномочены на принятие таких решений, почему Венеция сама направила посольство к Андронику с теми же требованиями. Андроник, по настоянию своих советников, отказался пойти на эти условия, и война продолжалась⁸².

В 1297 г. венецианский флот снова появился под стенами Константинополя и потребовал от императора возмещения причиненных в 1296 г. убытков. В этом им снова было отказано. Тогда венецианский адмирал сжег еще несколько домов в Галате, уничтожил большое количество хлеба и других ценностей, а затем принял за систематическое опустошение берегов и островов Мраморного моря⁸³.

Положение Андроника было безвыходным, и он вынужден был еще раз отправить в Венецию посольство, которое, по-видимому, не имело успеха.

Война Генуи и Венеции в это время принимала все более и более напряженный характер, но шла с переменным успехом. Венецианский флот несколько раз прорывался в Черное море, причем он сжигал и топил не только генуэзские, но и греческие суда⁸⁴. В 1298 г. был разгромлен генуэзцами около острова Корчулы в Адриатическом море большой венецианский флот, понесший огромные потери, но Венеция собралась с новыми силами и нанесла своему противнику ряд ответных ударов.

Становилось все более и более очевидным, что ни та, ни другая сторона не в силах одолеть своего противника. Надо было кончать войну. В 1299 г. при посредничестве викария западного императора, папы, Карла II, короля сицилийского, и Маттео Висконти, владельца Милана, начаты были генуэзско-венецианские переговоры, которые и закончились миром на условиях *status quo*.

⁷⁸ Georgius Pachymeres, col. 163.

⁷⁹ *Ibid.*, col. 165.

⁸⁰ Никифор Григора и Пахимер с одной стороны и венецианский аноним — с другой истолковывают ход этих событий по-разному: византийские писатели рассматривают эти действия как акт мести за разгром Галаты, тогда как венецианский источник разгром Галаты объясняет желанием Венеции покарать генуэзцев за убийство венецианцев.

⁸¹ Georgius Pachymeres, col. 166.

⁸² *Ibid.*, col. 198.

⁸³ Вероятно, именно эти события имеет в виду венецианский аноним, рассказывая без указания года о походе под Константинополь флота под командованием Беллето Джустиниани, когда он multos graecos, quos ceperat, in conspectu omnium, laqueo suspendi mandavit, et multa casalia, et mansiones, quae extra muros Constantinopolis erant concremavit. . . (*Supplementa*, ed. Muratori, col. 409). Пахимер сообщает, что, захватив много греческих пленников, венецианский адмирал на глазах у прибрежных жителей всячески их мучил, вымогая у них и зрителей этой сцены все те же спорные деньги. Жители умоляли императора начать с насильниками переговоры и выслать им немедленно 4 тыс. перперов на выкуп захваченных пленных (Georgius Pachymeres, col. 225).

⁸⁴ *Supplementa*, ed. cit., col. 406, 407.

Военные действия против Византии Венеция, однако, не прекратила. В мирном договоре с Венецией Генуя хотя и оговорила свое право взяться за оружие в том случае, если Венеция овладеет какой-нибудь новой территорией Византии, а Генуя не найдет возможным с таким захватом согласиться⁸⁵, но тем не менее было ясно для всех, что Лигурийская республика бросила своего союзника. Приведенная оговорка в договоре не была, конечно, проявлением заботы о целостности империи, а вызвана была боязнью дальнейшего усиления противника. Венеция, поэтому, в сущности без всякой помехи могла заниматься систематическим опустошением берегов империи Андроника. Было очевидно, что дальнейшая борьба не могла оправдать себя, — Андроник должен был признать себя побежденным.

В 1302 г. был, наконец заключен мир.

Новый трактат подтверждал все прежние привилегии венецианцев в пределах империи, обеспечивал за ними и все их прежние владения и даже несколько увеличивал их, так как Андронику пришлось отказаться еще от нескольких островов, захваченных во время войны венецианцами — Аморгоса, св. Ирины и др.⁸⁶ Важнейшим разделом трактата был, однако, вопрос о возмещении убытков, причиненных венецианцам во время войны. Формально убытки должны были возмещать обе стороны, но венецианцы ухитрились насчитать в свою пользу весьма внушительную разницу в 709 тыс. перперов, которую и надлежало теперь выплатить Византии⁸⁷. Договор заключался на 10 лет и по истечении этого срока подлежал дальнейшему продлению, если ни одна из сторон за 6 месяцев до истечения срока не заявит отказа от его продления⁸⁸. В марте 1303 г. трактат был ратифицирован Андроником.

Таким образом, возник новый договор, который должен был регулировать взаимоотношения Византии и Венеции на ближайшие десятилетия.

V

Положение Византии становилось все более и более трудным. Старый враг на Востоке, напор которого временно был ослаблен татарами, — турки, становится все более и более агрессивным. «Эти варвары, — писал Пахимер⁸⁹, — все заполнили собсю на широком пространстве, и уже весь Восток от моря до моря они держали в своих руках, охватив его со всех сторон». Попытка противопоставить туркам каталонцев привела к новым еще более тяжелым осложнениям и потерям. Обострились отношения на Западе: антиуниатская политика Андроника поссорила его с папством, — и Климент V, как некогда Мартин IV, отлучил императора от церкви⁹⁰; претензии Карла Анжуйского заявлял теперь Карл Валуа, брат французского короля Филиппа IV, женившийся на Катарине, дочери Филиппа и Беатрисы Анжуйской, наследнице короны Латинской империи; напомнили о себе различные крупные феодалы Франции, вроде герцога Бургундского и графа Шампанского, которым в свое время надавал различных по-

⁸⁵ Laurentius de Monacis. Chronicon de rebus venetorum, ed. Flaminius Corn. Venetiis, 1758, p. 205.

⁸⁶ Diplomatarium Veneto-Levanticum sive acta et diplomata res venetas, graecas atque Levantis illustrantia. a. 1300—1350. ed. Thomas. Venetiis, 1880, p. 15.

⁸⁷ Ibid., p. 16.

⁸⁸ Ibid., p. 15.

⁸⁹ Georgius Pachymeres, col. 225.

⁹⁰ Diplomatarium, p. 61.

сулов экс-император Балдуин. Папа и Карл Валуа снова поднимают вопрос о «восстановлении империи».

Не трудно понять, что Византии, потерявшей еще несколько богатых малоазийских провинций, обедневшей вследствие неистовств на ее территории каталонских наемников, не легко было выплачивать те весьма значительные денежные суммы, которые возложены были на нее Венецией договором 1302 г. На лагунах, однако, в первое время не теряли надежды на получение этих денег и не желали создавать себе новых затруднений на Востоке, где потеря сирийских позиций заставляла особенно дорожить черноморскими портами, значение которых в торговле с восточными странами быстро возрастало. В Венеции, поэтому, сначала довольно холодно относились к папским и французским планам. Требование первого авиньонского папы, Климента V, прекратить всякие сношения со «схизматиком Андроником, который называет себя императором», не нашло отклика на лагунах, — наоборот из Венеции было дано указание епископам Крита, Милопотамы и Каламоны, где было много греческого населения, чтобы они воздержались от претворения в жизнь папской энциклики⁹¹.

Однако надежды Венеции в короткий срок «выколотить» из Византии указанные в договоре деньги, по-видимому, не оправдались: платежи поступали нерегулярно, или совсем не поступали. В то же время продолжались нападения византийских пиратов на венецианских купцов, дававшие повод к предъявлению новых и также бесплодных претензий к Византии. В Венеции начали терять терпение.

Между тем папа и Карл Валуа удвоили свои усилия по вовлечению Венеции в проектируемые ими планы, в особенности после того, как их попытки привлечь на свою сторону Геную оказались бесплодными⁹². Во второй половине 1306 г. в Венеции появились послы Карла Валуа с широкими планами и еще более широкими обещаниями. Они утверждали, что папа и король Франции на стороне Карла, что ему готов оказать помощь Фридрих сицилийский, что и тот и другой могут рассчитывать на поддержку их планов каталонцами, бесчинствовавшими в это время на Балканах. Венецианцам — по их словам — остается дать только необходимые перевозочные средства⁹³.

Соблазн был велик. Венецианцы решили еще раз попытать счастья. В декабре 1306 г. договор был подписан. Так возникло новое Орвието.

Договаривающиеся стороны ставили своей задачей овладеть империей «во славу церкви». Обязательства союзников были все те же, которые были приняты договаривавшимися сторонами в Орвието, — на этот договор была сделана прямая ссылка. Поход на Константинополь намечался на март 1307 г. Венеция должна была доставить корабли, союзники — войска. На лагунах, впрочем, не хотели оказывать союзникам этой услуги даром, — Карл Валуа должен был оплатить Венеции содержание войск во время перевозки. Французский претендент обязывался, кроме того, заручиться поддержкой своего брата, короля французского, который должен был остановить всякого, кто подумал бы помешать предприятию⁹⁴. Этот последний пункт имел в виду очевидно генуэзцев, в планы которых вовсе не входило восстановление Латинской империи и торжество Венеции на Босфоре.

⁹¹ Diplomatarium, p. 62—63.

⁹² E. Dade. L'empire latin... 115.

⁹³ Ibid., p. 116.

⁹⁴ Diplomatarium, p. 49 sq.

Папа пришел в восторг от такого успеха своей политики: в письме к венецианским епископам он говорил о своей радости и приравнивал затеваемый им поход к деяниям крестоносцев⁹⁵, причем оправдывал намечавшуюся агрессию не только «схизмой» Андроника, но еще и необходимостью предотвращения опасности, которая угрожала де Константинополю со стороны неверных турок и сарацин⁹⁶.

Двоедушная политика Венеции не могла улучшить ее положение на Босфоре и в то же время не привела к реализации той цели, которую ставили себе союзники. Сбор войск явно затягивался. Чтобы как-то оправдать промедление, Карл Валуа в мае 1307 г. обратился к Венеции с письмом, в котором предполагал внести в заключенный договор некоторые уточнения. В Венеции попробовали отнестись к этому предложению серьезно. В этом же году во Францию к королю Филиппу и его брату Карлу было отправлено посольство из трех лиц — Андрея Цено, Якопо Квирины, Марко Бадзоэро, которые должны были выяснить политическую ситуацию на месте. Венецианские послы быстро убедились в том, что французский король весьма мало думает о восточных планах своего брата и, занятый своими собственными делами, не может оказать Карлу никакой материальной поддержки⁹⁷.

Действительно, в 1307 и 1308 гг. была предпринята лишь небольшая военная операция в район Негропонта и Кассандрии, не давшая никаких результатов, а в 1309 г. Карл просил Венецию о новой отсрочке, намечая в качестве окончательной даты восточной экспедиции февраль 1310 г.⁹⁸ В связи с этим в сентябре 1309 г. дож направляет Клименту V обширное послание, в котором указывает на большие расходы республики, связанные с подготовкой к походу, и просит папу побудить Карла выполнить, наконец, свои обязательства. Папа направил это письмо к французскому королю и со своей стороны просил Филиппа, «чтобы то, что было говорено, было надлежащим образом реализовано»⁹⁹. Это было все, что папа при данных обстоятельствах мог сделать. В Венеции убедились окончательно в том, что договор останется «на бумаге» и, хотя возня вокруг этого дела продолжалась и далее¹⁰⁰, венецианцы решили возобновить и уточнить мирный трактат 1302 г.

Переговоры об этом начались осенью 1310 г. и закончились подписанием во Влахернском дворце нового соглашения сроком на 12 лет. Договор в своей основе воспроизводил статьи прежних трактатов, но в нем, в соответствии с изменившейся политической обстановкой, мы находим новые пункты. В частности, венецианцы отказывались от всякой помощи каталонцам и туркам (что в свое время было предусмотрено в договоре с Карлом Валуа), а греки не должны были появляться во всех тех владениях республики, где против нее вело борьбу местное население (венецианцы все еще думали, что почти не прекращающиеся восстания и война на Крите в какой-то степени — дело рук Палеологов)¹⁰¹. Обе стороны хотели невмешательства в свои дела. В Венеции, вероятно, убедились также и в том, что обедневшей, разоренной внутренними потрясениями и внешней борьбой империи Андроника не выплатить огромных сумм, предусмотренных договором 1302 г. — теперь вся задолженность Византии была опре-

⁹⁵ *Diplomatarium*, p. 53.

⁹⁶ *Ibid.*, p. 54.

⁹⁷ *Ibid.*, p. 59—60.

⁹⁸ *Ibid.*, p. 75—76.

⁹⁹ *Ibid.*, p. 78.

¹⁰⁰ *Ibid.*, p. 95.

¹⁰¹ *Ibid.*, p. 84.

делена только в 40 тыс. перперов, выплачиваемых в 4 года, по 10 тыс. перперов ежегодно, причем выплата этой суммы должна была гарантировать Византию от всяких дальнейших притязаний как со стороны правительства Венеции, так и со стороны отдельных граждан республики¹⁰².

По-видимому, обе стороны и этот договор выполняли плохо: жаловались на его нарушения и венецианцы и византийцы. От 1317 г. мы располагаем письмом константинопольского байло, в котором он жалуется на различные притеснения, чинимые венецианским купцам в Константинополе, и в частности на то, что от купцов, желавших получить льготы, предусмотренные договором с Венецией, требовали доказательств венецианского происхождения не только отца, но и деда и даже прадеда. Байло писал, что это особенно неприятно потому, что генуэзские купцы свободны от этих притеснений¹⁰³. От 1319 г. сохранилось обширное послание византийского правительства, в котором изложены жалобы на различные обиды, причиненные греческим купцам. Из этого документа видно, что венецианские колониальные владения — Крит, Негропонт, Корон и Модон — были базами, опираясь на которые венецианские пираты грабили византийских купцов¹⁰⁴. Византийское правительство собрало факты этого рода за время с 1311 по 1317 гг. и теперь требовало возмещения убытков. Венецианцы со своей стороны отвечали встречным иском, выразив одновременно готовность удовлетворить те претензии византийских купцов, которые подпадут под действие существующего между сторонами договора¹⁰⁵. Вместе с тем Венеция выдвинула ряд жалоб на нарушение некоторых других пунктов договора. Было указано, например, что императорские чиновники пытаются облагать пошлинами оптовый оборот венецианских купцов, что они заявляют налоговые претензии в отношении тех венецианцев, которые прибывают с товарами на иноземных кораблях, что императорская казна не возмещает причиненных убытков или неправильно взысканных сборов даже в тех случаях, когда император дает приказ о такой выплате, так как государственная казна обычно пуста, и нужно ходить по два, три раза и более, чтобы получить нужные деньги. Венецианцы утверждали, что императору надо выплачивать такие суммы из своей личной казны¹⁰⁶.

Так началась бесконечная переписка между обоими государствами, полная взаимных упреков за причиненные обиды и денежных претензий за убытки¹⁰⁷.

Венецианский консул в Солуни жалуется на то, что дом, предоставленный здесь Венеции, очень мал и неудобен, что греки, заключая сделки с венецианскими купцами, не хотят знать венецианского консула, что местные власти чинят препятствия при закупке хлеба, а уже закупленный хлеб отнимают и передают генуэзцам¹⁰⁸. Венецианское правительство, перечислив ряд ограблений венецианских торговых кораблей, указывало на факты прямого насилия над подданными Венеции: на побережье против острова Корфу толпа убила нескольких венецианских купцов, а мегадук, т. е. главный адмирал византийского флота, напал на одно из венецианских владений и увел в плен более 150 человек мужчин и женщин. Все это остается безнаказанным, и убытки не возмещаются¹⁰⁹.

¹⁰² *Diplomatarium*, p. 84.

¹⁰³ *Ibid.*, p. 104.

¹⁰⁴ *Ibid.*, p. 125—127.

¹⁰⁵ *Ibid.*, p. 132.

¹⁰⁶ *Ibid.*, p. 133.

¹⁰⁷ *Ibid.*, p. 135.

¹⁰⁸ *Ibid.*, p. 134.

¹⁰⁹ *Ibid.*, p. 137—138.

Со своей стороны император жалуется на то, что греки, попавшие на остров Крит даже случайно, например занесенные туда бурей, задерживаются там и даже обращаются в рабство. Император вместе с тем отказывается нести ответственность за те неблагоприятные действия, которые совершаются его непокорными вассалами, каким был, например, деспот Арты, и тем более — за действия мегадуки царского флота, которым числился одно время Рожер де Флор, действительно не считавшийся с Андроником. Император признает, что деньги венецианцам действительно не выплачиваются, но это потому, что и венецианцы причиняют убытки грекам; с другой стороны, претензия на выплату убытков и неправильно взысканных сумм из личной казны императора не основана на договоре, так как в нем такого обязательства со стороны Византии нет¹¹⁰.

В Венецию тем временем продолжали поступать все новые и новые жалобы на обиды, чинимые венецианцам. Константинопольский байло в своем письме на имя дожа от 3 марта 1320 г. сообщал: «Подводя итоги, должно заметить, что венецианцы и подданные дожа и коммуны Венецианской на всем пространстве империи никогда не подвергались худшему обращению, чем в настоящее время, — долго будет перечислять по отдельности все то, что делают по отношению к ним люди императора, в многочисленных письмах наших консулов из Солуни и других мест сообщается о таких ежедневных обидах, которые никоим образом нельзя переносить далее; мы много раз указывали на это императору, но не могли добиться ничего, кроме слов и проволок»¹¹¹. Новый венецианский байло в следующем году мог только подтвердить то, о чем писал его предшественник и предъявить новый список убытков венецианских нобилей и купцов¹¹².

На Западе между тем начались новые переговоры по вопросу о «возвращении империи». На этот раз претендентом был Филипп, герцог Тарентский, сын Карла Анжу и Катарини старшей, женившийся на Катарине, дочери Карла Валуа, и получивший в качестве приданого претензии на константинопольский трон. В своем письме дожу он сообщал о том, что он не отказался от своих «прав» на константинопольскую корону и пригласил Венецию вступить с ним в переговоры по этому делу¹¹³. В Венеции, однако, уже изверились во всех этих проектах и отнеслись к сделанному предложению, как оно ни было соблазнительно при данных обстоятельствах, весьма сдержанно. На специальном заседании «мудрых» от 1322 г. было решено продолжать пока прежнюю политику. Константинопольскому байло было рекомендовано терпеливо и настойчиво добиваться выполнения заключенного ранее договора. В этом году оканчивался срок его действия, но так как ни та, ни другая сторона не заявили о его разрыве, то он, по крайней мере формально, оставался в силе. В Венеции, однако, решено было добиваться некоторых к нему дополнений. На том же совете решено было потребовать через константинопольского байло «нового со всех сторон огражденного места» в столице, в котором венецианцы могли бы чувствовать себя в безопасности, — байло и его советники должны были указать такое место. Вместе с тем венецианцы хотели добиться от византийского правительства ремонта предоставленных им помещений и церкви в Константинополе¹¹⁴. Вновь поднят был и вопрос о вывозе хлеба за пределы империи. Вокруг этого уже давно шли споры между Венецией и Византией. Венецианцы настаивали на неограниченном праве покупки и продажи

¹¹⁰ Diplomatarium, p. 146.

¹¹¹ Ibid., p. 167.

¹¹² Ibid., p. 181 sq.

¹¹³ Ibid., p. 170—171.

¹¹⁴ Ibid., p. 187—188.

хлеба в пределах империи и притом без всякого обложения со стороны императорского фиска; император допускал вывоз хлеба только при определенных условиях — и это было обусловлено договором — и считал себя в праве облагать специальным налогом операции венецианских купцов по продаже хлеба, завозимого преимущественно с берегов Черного моря. Теперь в Венеции считали возможным согласиться с императором в отношении пшеницы, но требовали беспошлинной и беспрепятственной торговли всеми остальными фуражными и продовольственными культурами¹¹⁵.

Начались переговоры, приведшие летом 1324 г. к заключению прелиминарного соглашения. Новый трактат — последний в правление Андроника Старшего — предусматривал продление прежнего соглашения еще на пять лет, причем обе стороны торжественно обещали строго соблюдать его условия. Император согласился уплатить и действительно уплатил 14 тыс. перперов, которые все еще должен был Венеции, а в погашение новых претензий, которые не преминули предъявить венецианские дипломаты, обещал выплатить еще 12 тыс. перперов равными долями в течение четырех лет. Со своей стороны Венеция пошла на уступки в вопросе о торговле хлебом¹¹⁶.

Таким образом, обе стороны пошли на компромисс, так как обе они нуждались в мирном решении всех спорных вопросов. Последние годы Андроник был поглощен борьбой со своим внуком, Андроником Младшим, а в Венеции окончательно убедились в том, что проекты «возвращения империи» чужими руками беспочвенны, и что всякие попытки насильственных действий будут способствовать только дальнейшему усилению на Босфоре прочно обосновавшихся в Галате генуэзцев.

Этим же объясняется и лояльное поведение Венеции по отношению к Андронику Старшему в период его борьбы со своим внуком. Когда Андроник Младший пытался привлечь венецианцев на свою сторону и просил помочь ему овладеть Константинополем, то в Венеции это предложение было отвергнуто. Никифор Григора, сообщающий об этом факте, думает, впрочем, что венецианцы так поступили, страшась сильных укреплений столицы¹¹⁷; но это только домысел византийского историка, не имеющий под собою серьезных оснований, — ведь не остановились же венецианцы сто лет до того перед штурмом константинопольских стен, тогда не менее крепких, чем во времена обоих Андроников. О их решении держаться строгого нейтралитета говорят и обстоятельства, которыми сопровождалось их выступление против Галаты в заключительный период борьбы деда и внука. После того как Андроник Младший захватил Македонию с Солунью, сербы, союзники Андроника Старшего, бездействовали, а болгары, сторонники Андроника Младшего, угрожали Константинополю, и претендент еще раз подступил к столице, в Босфоре показался венецианский флот в составе 40 кораблей. Большая часть этого флота, 32 корабля, вошли в Золотой Рог к Галате, а остальные восемь, усиленные еще четырьмя вооруженными торговыми судами, остались сторожить пролив. Венецианцы, основываясь на договоре, заключенном после окончания в 1299 г. войны с Генуей, потребовали от генуэзцев возмещения за убытки, причиненные генуэзскими пиратами венецианским купцам. Генуэзцы, однако, хоть и не отказывались от уплаты, но и не торопились платить. Венецианский флот поэтому в течение некоторого времени блокировал Галату и Босфор. Но никаких насилий по отношению к визан-

¹¹⁵ Ibid., p. 190.

¹¹⁶ Ibid., p. 194 sq.

¹¹⁷ Nicephorus Gregoras. Byzantina Historia, col. 605.

тийцам венецианцы не совершали. «Нельзя было надивиться, — пишет византийский историк Никифор Григора, — прекрасной военной дисциплине и справедливости венецианцев. Никто из них не брал ничего чужого иначе, как за деньги. . . Лодки ромеев в большом количестве плавали вокруг венецианских кораблей, доставляя им все в изобилии, а венецианцы платили им более, чем стоили вещи». Они также ничего не взяли и со всех тех кораблей, которые они остановили в Босфоре, а они были нагружены хлебом, пшеницей и ячменем, соленой рыбой с Азовского моря и другими товарами. Когда венецианцы, заканчивают свой рассказ Никифор Григора, получили с генуэзцев все, что те были им должны, они вернулись восвояси¹¹⁸.

На лагунах, очевидно, стали понимать, что дальнейшее ослабление Византии и смуты в империи не в их интересах. Уже во время войны двух Андроников эмиры приморских областей Малой Азии завели значительные флоты и под предлогом помощи той или другой из воюющих сторон или без всякого предлога грабили берега Македонии и Фракии¹¹⁹. Количество пиратов в Эгейде увеличилось, от чего не могла не страдать и венецианская торговля. Тогда еще никто не мог предвидеть размеров опасности, которая угрожала и Византии, и Венеции, и Генуе из северо-западного угла Малой Азии, где зарождалось могущество османов; но простой купеческий расчет подсказывал венецианскому правительству необходимость не осложнять и без того запутанную обстановку на Востоке и не способствовать здесь дальнейшему росту анархии и морских разбоев.

* *
*

Таковы основные линии венецианской политики в отношении империи Палеологов в конце XIII и начале XIV вв.

В исторической литературе можно иногда встретить утверждение, что в этот период венецианская политика утратила и постоянство, и ясное понимание реальных выгод¹²⁰. Изложенные факты не подтверждают этого мнения. Мы видим, что Венеция очень последовательно и настойчиво стремилась к осуществлению тех задач в Восточном Средиземноморье и в Причерноморье, которые были обусловлены интересами класса, господствовавшего в республике св. Марка. Но ее политика отличалась не только целеустремленностью, но и исключительной гибкостью. Ее программой-максимум было восстановление того, чего она лишилась в 1261 г. Но неудачи в деле «возвращения империи» побудили венецианское правительство пойти на закрепление договорных отношений с Византией и добиваться от нее более строгого соблюдения заключенных трактатов. Венеция с большой охотой положила бы ключи от Черного моря — Босфора и Дарданелл — в свой карман, но если это оказалось невозможным, она считала нужным, чтобы они находились в руках бессильных Палеологов.

¹¹⁸ Nicephorus Gregoras. Byzantina Historia, col. 605.

¹¹⁹ Ibid., col. 533.

¹²⁰ Ф. И. Успенский. История Византийской империи, т. III, стр. 667.

Б. Т. ГОРЯНОВ

ПОЗДНЕВИЗАНТИЙСКИЙ ИММУНИТЕТ

(Окончание)¹

Рассмотрим теперь хрисовулы XII в. Они представляют собой переходный этап к поздневизантийскому времени, которое нас специально интересует.

В литературе имеется мнение К. Н. Успенского о том, что в XII в. мы встречаем или только «подтвердительные» грамоты, или же «расплывчатые» хрисовулы, содержащие лишь общую характеристику экскуссии. Экскуссия в этот период, утверждает К. Н. Успенский, «суживается и мутится»². Необходимо, следовательно, установить, действительно ли сужается экскуссия в XII в. или, наоборот, она получает дальнейшее развитие.

От XII в. можно было бы ожидать большего количества законодательных актов об экскуссии. Однако, до нас дошло сравнительно немного хрисовулов.

Прежде всего обращает на себя внимание простагма Мануила I Комнина от 1145 г. монастырю на острове Лерос³. Этот акт состоит из двух частей. Первая часть является просьбой монаха и кафигумена монастыря Феоктиста к императору Мануилу Комнину. Вторая часть является решением (ἀπόφασις) Мануила. В своей просьбе Феоктист напоминает, что император Алексей I Комнин пожаловал экскуссию двенадцати парикам, принадлежавшим монастырю, и просит подтвердить привилегии, пожалованные Алексеем I. В ἀπόφασις этой простагмы Мануил Комнин подтверждает привилегии, предоставленные Алексеем I парикам монастыря и жалует монастырю шесть новых париков, освобождая их также от всяких налоговых повинностей (παρατάξις καὶ παντοίας δημοσιαῆς εἰς οὐρανὸν καὶ ἀπατήσεως). В простагме содержится указание, что подтверждаемые льготы распространяются не только на существующие повинности, но и на те, которые могут быть замыслены в будущем (ὡς ἐν τῇ ὁσίῃ, καὶ ἐς ὕστερον ἐπινηθήσομενης). Здесь содержится уже упоминавшаяся нами формула κατὰ τὸ καθόλου τῆς τοιαύτης ἐκκλυσίας κεφαλαίου, в которой мы можем усмотреть указание на практику экскуссионных грамот предшествующего периода, т. е. XI—начала XII в. Эта простагма является одним из первых актов, в которых пожалованная экскуссия распространяется на париков, зависимых от владельца экскуссионной грамоты. Впрочем, подобное явление мы изредка встречаем и в самом конце XI в. Так, в 1099 г. Алексей I Комнин пожаловал монастырю св. Иоанна Богослова четырех

¹ См. ВВ, т. XI, стр. 177—199.

² К. Успенский. Экскуссия-иммунитет в Византийской империи. ВВ, т. XXIII, 1917—1922, стр. 80.

³ ММ, VI, р. 104—105.

7 Византийский временник, т. XII

париков и объявил их свободными от всех налогов, как ныне существующих, так и могущих быть объявленными впредь⁴.

В 1189 г. дукка и ἀναγραφῆς фемы Μυλάσσης καὶ Μελανοδίου Василий Ватац издал специальное постановление о налогах (διάγνωσις ἀναγραφική), относящееся к Латрскому монастырю св. Павла возле Милета⁵. В этом постановлении подчеркивается общее изъятие от налогов не только монастыря, но и зависимых от него париков. Налоговая экзимированность предстает в этом постановлении в общем виде, из специальных налогов отмечаются только два их вида с добавлением, что монастырь и его парики освобождаются и от всех других видов налогов⁶. Определялась также весьма незначительная сумма, 2 номизмы с монастыря и 9 иперперов за его три стаси в местности Ларима, которую ежегодно должен был вносить монастырь.

Среди хрисовулов XII в. мы встречаем несколько актов, содержащих общее подтверждение экскусии. Из этого разряда можно отметить хрисовул Алексея I Комнина от 1106 г. монастырю Преображения на горе Сагмате в Бестии. В хрисовуле говорится, что император «украсил монастырь «царской» честью, пожаловал Ункрийскую бухту и постановил сделать отцов свободными от налогов» (ἀφορολογήτους)⁷. Такой же характер носит хрисовул Мануила Комнина от 1158 г.⁸ Патмосскому монастырю Иоанна Богослова. Этот акт также состоит из двух частей, просьбы кафигумена монастыря Леонтия и решения императора. В первой части содержатся упоминания о правах, пожалованных монастырю прежними актами, и просьба защитить монастырь от нарушений этих прав со стороны пратора острова Самос или какого-нибудь другого чиновника⁹. В решении говорится о том, что «моя царственность решила подтвердить свободу и экскуссию, пожалованную благочестивому монастырю в упомянутом хрисовуле и остальных императорских простагах»¹⁰.

К этому времени относится также несколько хрисовулов, в которых идет речь о привилегиях специального характера. Так, в хрисовуле Исаака II Ангела (1185—1195) от 1186 г.¹¹ монастырю Иоанна Богослова предоставляются привилегии торговым судам монастыря, которые по этому хрисовулу освобождались от уплаты налогового сбора (δέκατειας). В этом акте содержится указание на прежнюю экскуссию, пожалованную монастырю Алексеем I Комниным (ἐξκουσσία καὶ ὀλοκληρον), по которой монастырь освобождался от уплаты налогов, за исключением десятинного сбора с кораблей. Хрисовул 1186 г. свидетельствует, таким образом, о дальнейшем расширении прав монастыря. Документ аналогичного характера мы встречаем в 1197 г. Это — распоряжение великого логариаста Иоанна Веллсариота дукке острова Крит Никифору Контостефану об освобождении флота патмосского монастыря Иоанна Богослова от налогового обложения¹². Разработанное значительно подробнее, чем акт 1186 г., оно было основано на указе Алексея III Ангела от того же 1197 г.¹³, в котором подробно говорилось о порядке свободного плавания кораблей монастыря как

⁴ MM, VI, p. 95.

⁵ Ibid., IV, p. 319—320.

⁶ Ibid., p. 319.

⁷ Ibid., V, p. 253.

⁸ Ibid., VI, p. 110—113.

⁹ Ibid., p. 112.

¹⁰ Ibidem.

¹¹ Ibid., p. 119—121.

¹² Ibid., p. 139.

¹³ Ibid., p. 137—139.

в восточные, так и в западные области и о праве причаливать ко всем островам в водах столицы.

Эти хрисовулы и распоряжения специального характера никак не свидетельствуют об измельчании экскусии, как это думал К. Н. Успенский¹⁴. Наоборот, они целиком стоят на почве той полноты экскусии, которой уже добились их владельцы в предшествующие столетия. Об этом в актах содержатся совершенно точные указания, не оставляющие никакого сомнения в их характере. Новые права, жалуемые в этих актах, представляют, таким образом, дальнейшее расширение экскусии, а отнюдь не ее сужение.

В XII в. мы можем отметить некоторые постановления общего характера в отношении церковно-монастырских имуществ. Сюда относится новелла Иоанна II Комнина (1118—1143) от 1139 (1124) г., появление которой было вызвано злоупотреблениями областных чиновников, которые, пользуясь смертью того или иного епископа, расхищали церковное имущество. Иоанн Комнин запретил в этих случаях доступ во владения церкви чиновникам — судьям, сборщикам налогов, практорам, дукам, стратигам, проноитам и всем другим¹⁵. Из общих постановлений следует отметить и хрисовул монастырям Константинополя и его окрестностей, в котором предписывается, чтобы имущество этих монастырей «считалось каждым из практоров не находящимся под его властью и обладанием»; следующее за этим указание еще более выразительно: «и подобно тому как практоры в неподчиненных им фемах не могут осуществлять свои права или вообще делать что-либо, так и в монастырских владениях практоры тех фем, которым подчинены в податном отношении эти владения, не должны считаться практорами»¹⁶.

Мы уже говорили о том, что в XI в. о светской экскусии свидетельствуют лишь единичные документы. В XII в. мы также можем отметить лишь очень ограниченное количество материалов, относящихся к светской экскусии. Рассмотрим основные черты этих документов XI—XII вв.

К 1074 г. относится хрисовул Михаила VII Дуки Паралинака (1071—1078), пожалованный им Михаилу Атталиату по просьбе последней части (ргооетium) хрисовула: «так как он (Михаил Атталиат) заметил, что его дом в Редесте и принадлежащие ему владения в феме Фракии и Македонии постоянно открыты всем податным чиновникам для расхищения и разрушения и подвергаются великому вреду, он принес нашей царственности горячую просьбу и просил, чтобы сделать их свободными посредством нашего хрисовула»¹⁸. По этой просьбе Михаил VII Дука освободил Михаила Атталиата от «всякой налагающей подати руки» (ἐπιπραστικῆς χειρὸς). В хрисовуле подробно перечисляются льготы, которые получил Михаил Атталиат, а также приводится список чиновников, которым запрещался доступ в его владения. Формулировка пожалований этих привилегий почти совпадает с теми формулировками, которые мы уже встречали в монастырских экскуссионных грамотах того времени. Экскуссия освобождала Михаила Атталиата главным образом от поставки содержания чиновникам, подробно перечисленным в хрисовуле. Однако он не освобождался от основной денежной подати и некоторых других денежных

¹⁴ К. Успенский. Экскусия-иммунитет в Византийской империи. ВВ, т. XXIII, стр. 79.

¹⁵ Jus, III, p. 429.

¹⁶ Ibid., p. 453.

¹⁷ MM, V, p. 135—138.

¹⁸ Ibid., p. 136.

взносов, причем эти исключения из налоговых льгот специально оговаривались в хрисовуле¹⁹. Привилегии Михаилу Атталиату были в 1079 г. подтверждены Никифором Вотаниатом²⁰, причем они были распространены не только на владения самого Михаила Атталиата, но и на владения, которые он пожертвовал монастырю в Константинополе и убежищу для бедных (πτωχοτροφείον), выстроенному им в городе Редесте. В этом «подтвержденном» хрисовуле Никифора Вотаниата говорится, что Михаил VII Дука пожаловал Михаилу Атталиату полную экскуссию (ἐπορίσατο ἐξκουσσειαν αὐτοῖς παντελῆ)²¹. Однако мы видели, что эта «полная экскуссия» была связана с целым рядом ограничений.

К 1073 г. относится другой хрисовул Михаила VII Дуки протопродру Андронику Дуке о пожаловании ему земельных владений и экскуссионных привилегий. Изложены эти привилегии по обычной распространенной форме XI в. в отношении налоговых изъятий и освобождения от натуральных повинностей. В конце хрисовула мы встречаем формулу διὰ παραγγυόμεθα καὶ πάντας ἐξασφαλισόμεθα, однако за этой формулой нет полного перечисления чиновников: сказано только ἀπὸ τε τῶν κατὰ καιροῦ σακελλάρων с добавлением широкой формулы καὶ λοιπῶν. Этого перечисления нет и в той части хрисовула, в которой говорится о натуральных повинностях, связанных с пребыванием чиновников на территории владельца грамоты; здесь мы видим также сокращенную формулировку: ... διατροφῆς ἐπὶ πόλεμον ἀπιόντων ἢ ὑποστρεφόντων, μανδατόρων τοῦ δρόμου πρέσβεις ἀγόντων ἢ ἐξορίστους, ἢ κατὰ τινα ἄλλην χρεῖαν διερχομένων, ἀρχόντων τε ἅμα καὶ προσλευσιμαίων βασιλικῶν ἀνθρώπων ἐπὶ τινας ἀποστελλομένων δουλείας²².

К 1184 г. относится распоряжение об утверждении владений членов фамилии Скордилов на острове Крите, сделанное кефалией острова Константином Дукой²³. Документ интересен тем, что привилегии определенно связываются в нем с прежде сделанными пожалованиями в порядке прони. Во вступительной части этого акта говорится, что необходимо восстановить каждого в его наследственном владении землей, пожалованной императорами в порядке прони с прежних времен до нынешних (ἀποκαταστᾶν καὶ ἀναπαύειν ἐνὶ ἑκάστῳ εἰς τὴν γονικὴν ἐπαρχίαν καὶ γῆν αὐτοῦ καὶ διὰ προνοιατικῆς δωρεᾶς... βασιλέων ἐκ πρώην ὡς μέχρι τὴν σήμερον δεδομένην)²⁴. Далее идет перечисление членов фамилии Скордилов, к которым относится это распоряжение, а в конце хрисовула дается перечень их владений. Привилегии выражены здесь в очень туманной форме, но сопровождаются обычной формулой: τῶν ἐξῆς καὶ ἐς τοὺς ἐξῆς ἅπαντας καὶ διηρηθεῖς γρόνους.

Эти акты, хотя их и сохранилось, естественно, значительно меньше, чем монастырских, позволяют, как мы уже отмечали, решительно отвергнуть ту теорию, согласно которой экскуссия — явление, свойственное исключительно или почти исключительно монастырскому землевладению.

Таковы основные источники о византийской экскуссии XI—XII вв. Мы видим, что, несмотря на многоречивость ранних хрисовулов, подробное перечисление налоговых изъятий и списков должностных лиц, от вмешательства которых освобождались монастыри и светские лица, получающие грамоты об экскуссии, основные элементы экскуссии в этом периоде еще

¹⁹ MM, IV, p. 136.

²⁰ Ibid., p. 138—145.

²¹ Ibid., p. 139.

²² Ibid., VI, p. 1—3.

²³ Ibid., III, p. 233—237

²⁴ Ibid., p. 233.

окончательно не сложились, хотя за эти два века они претерпели большие изменения на пути своего развития. Хрисовулы XII в. за отдельными исключениями отходят от многословной формы XI в. Явное предпочтение отдается здесь общим формулам, общим терминам, которые все более кристаллизуются и получают новое содержание. Это особенно относится к обозначению платежей. Хрисовулы перестают подробно перечислять платежи, от которых освобождаются владельцы грамот, все чаще встречаются обобщающие термины для целого ряда платежей. Эта новая форма получит свое дальнейшее развитие в позднее время, она свидетельствует, бесспорно, о постепенном расширении экскуссии. Такое же явление мы наблюдаем и в отношении встречающихся в хрисовулах XI—XII вв. перечней должностных лиц, хотя здесь тенденция обобщения выражена менее ярко. В хрисовулах этого времени мы не встречаем еще сведений о праве суда владельцев экскуссии. Как мы увидим впоследствии, оформление основных черт судебной экскуссии относится уже к поздневизантийскому периоду.

От поздневизантийского времени до нас дошло наибольшее количество сведений о церковно-монастырском и светском феодальном землевладении. Нам нужно выделить среди них основные группы и сделать обзор наиболее характерных памятников, который поможет установить основные линии развития экскуссии в этот период. Необходимо в первую очередь посмотреть образцы грамот, появившихся в промежуточную эпоху Латинской империи в греческих центрах, возникших после крушения Византийской империи²⁵. Эти грамоты, продолжая линию развития предшествующего времени, оказали влияние на развитие экскуссии после восстановления Византийской империи.

Из эпохи Никейской империи мы остановимся на актах Иоанна III Дуки Ватаца (1222—1254). Источники отмечают для его времени развитие владений, раздаваемых на основе прони. Получателями прони были, главным образом, представители командного состава армии и светские землевладельцы-мегистаны²⁶. Развивалось и монастырское землевладение. Иоанну Ватацу принадлежит ряд хрисовулов, пожалованных известному монастырю Лемвиотиссы возле Смирны. Этот монастырь был одним из крупнейших центров монастырского землевладения. Он широко использовал предоставлявшиеся ему привилегии, добивался их расширения, увеличивал свои владения за счет соседних земель. Экономическое положение монастыря Лемвиотиссы изучалось В. Г. Васильевским²⁷, Б. А. Панченко²⁸ и А. Вишняковой²⁹. В хрисовуле 1228 г.³⁰ восстанавливаются права монастыря на все его владения, которые перечисляются в акте, вместе с находящимися на них париками. Мы отмечаем здесь своеобразную

²⁵ Следует отметить, что и в Морейской хронике — ценном источнике для изучения общественных отношений в Латинской империи — мы встречаем среди других византийских терминов и экскуссию, которая передается испорченным словом среднего рода ἐχουσιασιν. Раскрывая содержание экскуссии, хроника рассказывает о просьбе владельцев проний об освобождении их от всевозможных повинностей, которые обозначаются новым интересным термином δεσποτικῶν. См. J. Schmitt. The Chronicle of Morea. London, 1904, p. 202.

²⁶ М. А. Андреева. Очерки по культуре византийского двора в XIII веке. Прага, 1927, стр. 97.

²⁷ В. Г. Васильевский. Материалы для внутренней истории Византийского государства. ЖМНП, ч. 210, 1880.

²⁸ Б. А. Панченко. Крестьянская собственность в Византии. ИРАИК, т. IX, 1904, стр. 92—145.

²⁹ А. Вишнякова. Хозяйственная организация монастыря Лемвиотиссы. ВВ, т. XXV, 1927, стр. 33—52.

³⁰ MM, IV, p. 1—3.

формулу экскуссии: *ἐξκουσσεύειν ἡ βασιλεία μου εὐδοκεῖ διὰ τοῦ παρόντος χρυσοβούλλου... ἀπὸ πάσης καὶ παντοίας ἐπιτηρείας*. После этой формулы идет перечисление отдельных налогов, от которых освобождался монастырь. Как мы увидим ниже, встречаются грамоты, в которых обозначены только налоги, не входящие в экскуссию. В рассматриваемом хрисовуле мы видим смешанную форму, т. е. после перечисления ряда налогов читаем *ἀνευ μόνων τῶν τῷ δημοσίῳ ἀνεκόντων δύο κεφαλαίων τῆς ἀγάπης καὶ τῆς σιταρκίας, от которых монастырь не освобождался*. Наконец, в конце хрисовула мы видим формулу «полной» экскуссии: *κατὰ γὰρ τὸ καθόλου τῆς ἐξκουσσείας κεφαλαίων ἡ βασιλεία μου εὐδοκεῖ ἐξκουσσεύεσθαι πάντα τὰ τῇ τοιαύτῃ μονῇ διαφέροντα*.

Подобную же формулу полной экскуссии мы находим в описании владений монастыря Лемвиотиссы (*καθολικός περίορος*), сделанном по повелению императора Иоанна Ватаца стратопедархом Фракисийской фемы Михаилом Фокой в 1235 г.³¹ В нем указывается, что все владения монастыря следует рассматривать как его собственность, они должны иметь защиту и быть свободными на основе полной экскуссии (*ὡς οἰκείους καὶ δεφενδεύωσιν αὐτοὺς καὶ ἐξκουσσεύωσιν κατὰ τὸ καθόλου τῆς ἐξκουσσείας κεφαλαίων*). В этом описании содержится подробный перечень всех владений монастыря с точным обозначением их границ. В описании отмечается, что жалюемые привилегии распространяются и на париков, зависимых от монастыря, после чего следует обычный перечень налогов, от которых освобождается монастырь. Перечень завершается широкой формулой: *καὶ πάσης ἄλλης οἰασδήτινος ἐπιτηρείας*. Уже в этом документе нет указаний на налоги, от которых не освобождался монастырь, в чем нельзя не усмотреть дальнейшего расширения экскуссии. Эти привилегии монастыря подтверждены и в хрисовулах Иоанна Ватаца от 1235³² и 1251 гг.³³, в которых снова встречаются те же формулы полной экскуссии, что и в акте 1228 г., но без ограничений налоговой экзимированности.

Отметим еще один *ὄρισμός* без года и месяца, который его издатели относили к Феодору II Ласкарию и датировали 1258 г.³⁴ В этом акте уже ясно обозначается переход к более широким формулам экскуссии, характерным для поздневизантийского времени. Экскуссия в этом акте распространяется на все метохии монастыря, движимое и недвижимое имущество и на париков. Причем в документах дается наиболее пространная формула экскуссии.

Из документов этого промежуточного периода отметим еще только хрисовул эпирского деспота Феодора Ангела от 1228 г., адресованный митрополиту Керкиры Георгию Вардану и подтверждающий права церкви этой митрополии³⁵. Эпирские деспоты во всей деятельности подчеркивали свою преемственность по отношению к прежней византийской династии, прекратившей свое существование после латинского завоевания. В этом документе Феодор Ангел ссылается на хрисовул своего прадеда Алексея I Комнина, который жаловал церкви Керкиры полную свободу и не допускал привлекать церковь к каким-либо повинностям или взносам, а также на хрисовул Мануила Комнина, по которому церкви жаловалось 80 париков. Имеется упоминание и о пожаловании Мануилом Комнином других владений, наделенных правами экскуссии (*ἐξκουσσεύεσθαι*). Наконец, в акте имеются ссылки на хрисовулы Исаака II и Алексея III Ангелов, подтвер-

³¹ MM, IV, p. 4—18.

³² Ibid., p. 18—22.

³³ Ibid., p. 22—26.

³⁴ Ibid., VI, p. 196—197.

³⁵ Ibid., V, p. 14—15.

ждавшие хрисовулы их предшественников. Феодор Ангел подтверждает все прежние права церкви Керкиры и передает их ей в «вечную безопасность»³⁶. Интересно отметить, что термины экскуссии в это время употребляются также и в актах о торговых привилегиях купцам, как, например, в *ὄρισμός*, изданном в 1266 г. эпирским деспотом Михаилом Дукой о торговых привилегиях купцов Дубровника³⁷. Взятые нами для образца акты показывают, что и в это время формы экскуссии продолжали развиваться в том же направлении, которое наметилось к концу предшествующего периода.

Восстановление Византийской империи и приход к власти династии Палеологов означал окончательную победу крупной феодальной знати. Если в Никейской империи и Эпирском деспотате в силу внешних условий непрерывной борьбы с соседними государствами развитие процесса феодализации было несколько задержано, то теперь оно протекает беспрепятственно, достигая своего апогея к моменту турецкого завоевания. Возобновление процесса феодального раздробления относится уже к первым годам правления основателя новой династии Михаила VIII Палеолога (1261—1282), при котором мы можем отметить также и дальнейшие шаги к укреплению экскуSSIONных прав светского и духовного землевладения.

Законодательная деятельность императоров династии Палеологов соответствовала традициям, отраженным как в хрисовулах императоров, правивших до латинского завоевания, так и в грамотах первой половины XIII в. В 1259 г., еще до коронации в Константинополе, Михаил VIII Палеолог пожаловал монастырю св. Марии на острове Хиосе хрисовул, содержащий подтверждение всех его владений³⁸. Ссылка на прежние привилегии и прежние акты прямо указана в этом хрисовуле (*πάντα τὰ προσόντα παλαιγενῆ καὶ πρόσφατα δικαιώματα*). В хрисовуле приводится формула о том, что все владения монастыря должны быть освобождены от всякого притеснения. В том же 1259 г. Михаил VIII Палеолог пожаловал хрисовул патмосскому монастырю Иоанна Богослова³⁹. Мы видим в нем снова распространенную в это время формулу подтверждения прежних привилегий. В хрисовуле подчеркивается, что привилегии монастыря распространяются на его париков. Усиление зависимости этих париков усматривается из того, что их наименование сопровождается термином *δουλεύονται*. Оформляются теперь и те термины экскуссии, которые все чаще будут встречаться в поздних хрисовулах: *καθέξει... ἀνενοχλήτως πάντη καὶ ἀδιασείστως καὶ ἀνεπηρέαστως καὶ ἐκτὸς πάσης συζητήσεως καὶ ἀπαιτήσεως*⁴⁰.

В 1262 г. Михаил VIII Палеолог подтвердил привилегии монастыря Лемвиотиссы⁴¹, которого вообще не оставляли без внимания императоры династии Палеологов. В XIII в. монастырь получил пять хрисовулов. Мы снова видим ссылки на прежние, уже рассмотренные нами акты Иоанна Ватаца и Феодора II Ласкаря, распространение привилегий на все владения, на париков и на крестьян, не вписанных в податные кадастры (*μετόχια... χωρία, παροίκους τε καὶ ἕτερος καὶ ἀνεπιγνώστους*). Наконец, мы встречаем здесь указание, что хрисовул дан монастырю «для отражения и удаления всякого лица, пытающегося несправедливо и корыстолюбиво заводить споры о принадлежащих ему (монастырю.— Б. Г.) правах и вопреки

³⁶ Другой хрисовул Феодора Ангела (в пользу Навпактской церкви) опубликован В. Г. Васильевским в его «Epirotica saeculi XIII». ВВ. III, 1896, стр. 296—299.

³⁷ MM, III, p. 58—59.

³⁸ Ibid., V, p. 10—13.

³⁹ Ibid., p. 199—201.

⁴⁰ Ibid., p. 201.

⁴¹ Ibid., IV, p. 26—28.

содержанию имеющихся у монастыря документов приблизить хищную руку и властную ногу к принадлежащим ему вещам»⁴².

Сопоставление двух хрисовулов Михаила VIII Палеолога монастырю Макринитиссы недалеко от залива Вола в Фессалии позволяет проследить расширение налоговой экскуссии. В хрисовуле 1272 г.⁴³ монастырь этот освобождался от всех налогов, за исключением двух — на строительство укреплений и судов⁴⁴. В хрисовуле же 1274 г.⁴⁵ монастырь не освобождался «только от одного налога на строительство укреплений»⁴⁶.

К концу XIII и в начале XIV в. общие формулировки налоговой экзимированности постепенно стабилизируются и становятся обычным явлением в императорских хрисовулах. Мы отмечаем большое количество хрисовулов, полученных в XIII в. монастырем Лемвиотиссы. К 1284 г. относится хрисовул Андроника II Палеолога (1282—1328) этому монастырю⁴⁷. В нем снова встречаем описание владений монастыря, по которому можно проследить их дальнейший рост. Все владения монастыря без всяких исключений освобождались от налоговых повинностей⁴⁸. К 1309 г. относится хрисовул Андроника II Меникейскому монастырю возле Сереса в Македонии⁴⁹. В этом акте мы встречаем перечисление состава лиц, на которых распространяется его действие (προσκαθημένους ἀντιποσάτου πτωχούς και ἀκτήμονας), а также запрещение доступа налоговых и других чиновников (δημοσίου διεσπέρουτων, οὐτε παρ' ἑτέρου τινος τῶν ἀπάντων⁵⁰). Права этого монастыря были снова подтверждены Андроником II Палеологом в 1321 г.⁵¹ и вторично в том же году,⁵² а в 1329 г. — Андроником III Палеологом (1328—1341)⁵³. Привилегии монастырю выражены здесь также в общей, весьма широкой форме. В первом из хрисовулов Андроник II возводил Меникейский монастырь в разряд патриарших⁵⁴. Во втором хрисовуле 1321 г. мы встречаем ту же общую формулу налоговой экзимированности. Вслед за этой формулой приводятся названия нескольких отдельных налогов, от которых освобождался монастырь. В числе этих названий здесь указаны такие, которые раньше составляли исключение из налоговых изъятий (οὐτε γὰρ τὸ τῆς σιταρχίας κεφάλαιον... οὐτε τὸ τῆς ὀρικῆς και τῆς καστροκτισίας και τοῦ ἐννομίου)⁵⁵. Введение в хрисовул названий этих налогов не является, таким образом, отступлением от общей широкой формулы, все более входившей в употребление, а лишь ее подкреплением, с большей силой подчеркивая ее полноту.

Продолжительное пребывание в Мистре французского ученого Г. Милле позволило ему опубликовать много нового эпиграфического и документального материала⁵⁶. Среди этого материала были опубликованы и 4 хрисовула XIV в.⁵⁷, в которых Милле уточнил чтение текстов по сравнению

⁴² MM, IV, p. 28.

⁴³ Ibid., p. 330—332.

⁴⁴ Ibid., p. 332.

⁴⁵ Ibid., p. 333—336.

⁴⁶ Ibid., p. 335.

⁴⁷ Ibid., p. 28—32.

⁴⁸ Ibid., p. 32.

⁴⁹ Ibid., V, p. 90—92.

⁵⁰ Ibid., p. 92.

⁵¹ Ibid., p. 92—93.

⁵² Ibid., p. 94—97.

⁵³ Ibid., p. 99—101.

⁵⁴ Ibid., p. 94.

⁵⁵ Ibid., p. 96.

⁵⁶ G. Millet. Inscriptions byzantines de Mistra. Bulletin de Correspondance hellénique, XXIII (1899), I—VI (janvier—juin), p. 97—155.

⁵⁷ Ibid., p. 110—118.

с их предыдущим изданием⁵⁸. Первым из этих документов является хрисовул Андроника II Палеолога 1314—1315 г. монастырю в Мистре, данный по просьбе архимандрита и протосинкелла Пахомия. Хрисовул содержит пространную вступительную часть, в которой обычным для поздних хрисовулов торжественным языком провозглашаются цели церковной политики императора и причины появления этого документа. В следующей части находится перечисление владений монастыря, с указанием париков, находящихся в отдельных владениях. В специальном разделе непосредственно после перечисления владений мы встречаем перечень иммунитетных привилегий, которые жаловались монастырю⁵⁹. Как и во всех поздних хрисовулах, мы не встречаем здесь подробного перечисления должностных лиц, от вмешательства которых давалось освобождение данным хрисовулом. В нем содержится указание на широкое освобождение от вмешательства всех должностных лиц, стоящих во главе управления Пелопоннесом в настоящее время, а также чиновников, управляющих отдельными частями территории Пелопоннеса, и лиц, осуществляющих в этих местах сборы правительственных налогов (οὐτε παρὰ τοῦ... τῶν ἐκεῖσε δημοστακῶν δουλείων ἔχοντος). Налоговыми сборщиками и на будущее время запрещается составлять какие-либо описи монастырского имущества (ἀπογραφικὴν δουλείαν ἐν τῇ τοιαύτῃ χώρᾳ ποιήσασθαι).

Следующим документом является хрисовул Михаила IX, соправителя Андроника II⁶⁰, также выданный по просьбе протосинкелла Пахомия и построенный по такому же плану, как предыдущий хрисовул. Относящаяся к налоговым изъятиям часть документа изложена здесь в еще более широкой формулировке, причем указание на отдельные виды налогов, от которых освобождался монастырь (ὁσῶς ἐννομίου και καταθέσεως βρωσίμων και ποσίμων εἰδῶν), отнюдь не снижает ее значения. Здесь просто дается указание, что, кроме общих льгот, монастырь освобождается от доставки съестных припасов и напитков, тем более, что после этих слов снова повторяется, что монастырь освобождается от всяких других взысканий, практикующихся в области (ἐτέρας εἰσπράξεως, κατὰ χώρας ἐπερχομένης).

В 1320 г. Андроник II снова пожаловал хрисовул монастырю в Мистре⁶¹. В этом документе интересно, что после общего перечня должностных лиц, от власти которых освобождается монастырь, такая же формулировка повторяется специально и по отношению к налоговым сборщикам⁶².

Последним из этой публикации является хрисовул Андроника II от 1322 г.⁶³ тому же монастырю. В этом документе мы встречаем несколько более широкий перечень отдельных повинностей и налогов, от которых освобождается монастырь (ὁσῶς ἐννομίου, ἀγγραείας, καστροκτισίας, σιταρχίας, καταθέσεως βρωσίμων και ποσίμων και ἄλλοίων εἰδῶν).

Но это перечисление также не носит ограничительного характера, ибо тут же, непосредственно после него, говорится, что монастырь освобождается от всякого другого взыскания, практикующегося в данной местности и никто (из должностных лиц) не имеет права требовать чего-либо с принадлежащих монастырю метохов или из других владений, которые подробно перечислены в хрисовуле. Никто из имеющих намерения произвести налоговую перепись не имеет права вступать во владения монастыря.

⁵⁸ Ζησίου Σύμμικτα, 1892, σελ. 18—71.

⁵⁹ G. Millet. Inscriptions byzantines de Mistra, p. 104.

⁶⁰ Ibid., p. 106—112.

⁶¹ Ibid., p. 112—115.

⁶² Ibid., p. 114.

⁶³ Ibid., p. 115—118.

Поскольку мы говорили о хрисовулах Андроника II, мы не можем здесь обойти его актов, в которых встречаются указания на привилегии экскуссии жителям отдельных городских общин. Среди этих актов в первую очередь должен быть назван хрисовул Андроника II церкви и жителям города Янины⁶⁴. Этот очень интересный хрисовул начинается обстоятельным объяснением причин, по которым император решил предоставить широкие привилегии церкви города Янины. Затем хрисовул переходит к привилегиям жителям города, жалующимся императором по просьбе городской общины (ἐπεὶ οἱ ἔποικοι τῆς θεοσώστου πόλεως τῶν Ἰωαννίνων ἐζήτησαν καὶ παρεκλήθησαν). Городу Янине предоставлялась свобода и экскуссия и всем жителям его давалось право беспопытной торговли не только внутри города, но и во всех других областях и городах империи (ἐν αὐτῇ τε τῇ πόλει αὐτῶν καὶ ἐν ταῖς ἄλλαις χώραις καὶ τοῖς κάστροις τῆς βασιλείας μου...) ⁶⁵. В своем хрисовуле Андроник II давал янинцам обещание не принуждать их нести военную службу за пределами своего города (οὐδὲ καθέλκονται, ἵνα ἐκδουλεύσωσι στρατιωτικῶς ἐκτὸς τῆς τοιαύτης πόλεως) ⁶⁶. В хрисовуле несколько раз повторяется, что жители Янины должны иметь полную свободу от притеснения и экскуссии. Широкие привилегии экскуссии были пожалованы в 1284 г. Андроником II Палеологом также жителям города Монеμвасии в подтверждение аналогичного акта Михаила VIII Палеолога ⁶⁷. По этому хрисовулу монеμвасийцам предоставлялась «всякая экскуссия и свобода от всякой подати и тяготы». В 1317 г. Андроник II особым хрисовулом снова подтвердил привилегии жителей Монеμвасии, особенно в области торговли ⁶⁸. Хрисовулы городам Янине и Монеμвасии занимают особое место среди документов поздневизантийского времени. Аналогичных документов, относящихся к собственно византийским городам, до настоящего времени не обнаружено. Это обстоятельство, а также совершенно недостаточная изученность византийского города не позволяют сделать какие-либо обобщающие выводы.

В XIV в. экскуссия окончательно принимает те формы, в которых она наблюдается до конца византийской истории. Для этого века, да и для последующего десятилетия XV в., можно отметить большое количество актов монастырской экскуссии. Они предоставляют монастырям полноту налоговой экзимирированности, освобождают от вмешательства чиновников и утверждают права судебного иммунитета, на котором нам необходимо сейчас остановиться несколько подробнее.

Развитие судебного иммунитета относится к поздневизантийскому времени. Если мы посмотрим на более ранние акты монастыря Лемвиотиссы, имевшего широкие права экскуссии, то мы увидим, что в судебных спорах с посторонними лицами монастырь являлся ответственным перед судом Смирнского митрополита, дуки Фракийской фемы, военного судьи (κρίτης τοῦ φοσσάτου). Так, в 1228 г. смирнский митрополит Георгий разбирает спор, возникший между монастырем Лемвиотиссы и крестьянами села Приновари ⁶⁹. Подобное явление мы встречаем в целом ряде других актов, относящихся к этому монастырю ⁷⁰.

Напротив, в XIV в. судебный иммунитет выступает уже как вполне сложившийся институт. Характерным в этой связи документом является

⁶⁴ ММ, V, р. 77—84.

⁶⁵ Ibid., р. 81.

⁶⁶ Ibidem.

⁶⁷ Ibid., р. 154—155.

⁶⁸ Ibid., р. 165—168.

⁶⁹ Ibid., IV, р. 187—189.

⁷⁰ Ibid., р. 93—94, 165—166, 167—168, 178—181, 211—212 и др.

хрисовул, пожалованный в 1364 г. трапезунтским императором Алексеем III Комнином (1350—1390) монастырю богородицы на горе Сумела ⁷¹. Хрисовул решительно запрещал доступ чиновников во все монастырские владения для производства суда и сборов налогов и предоставлял право суда над зависимыми от монастыря париками самому монастырю (δικαίῳ τῆς βασιλείας μου παρὰ τοῦ μέρους τῆς μονῆς ὀφείλουσι κρίνεσθαι καὶ απαιτεῖσθαι καὶ διεξάγεσθαι). В этом хрисовуле содержится поименный список париков, зависимых от монастыря ⁷², после которого имеется указание, что они освобождаются от всех практикующихся в области налогов и других повинностей, как ныне существующих, так и могущих быть предусмотренными впредь, больших и малых. Монастырские парики освобождались по полному положению иммунитета: κατὰ τὸ καθόλου τῆς ἐξκουσσίας κεφάλαιον — формула, которую мы встречали уже в прежних хрисовулах. В литературе уже отмечались особенности терминологии этого хрисовула. Термин *καπαλικῶς* объясняется фразой хрисовула о том, что если сверх названных париков придут из других мест люди, не внесенные в царский катастик, и поселятся на землях монастыря, то и они подобным же образом будут освобождены от податей и будут записаны внутри определенного *καπαλιον* округа ⁷³.

В хрисовуле Андроника III Палеолога от 1331 г. монастырю Иоанна Богослова предоставлялось право взыскания за определенные преступления, в частности за убийство и девораствление ⁷⁴. П. А. Яковенко приходил к правильному выводу о том, что предоставление права производить взыскания означало также и пожалование права производить суд по этим преступлениям и получать судебные штрафы ⁷⁵.

Значительно шире, чем у монастырского землевладения, было право суда над зависимым населением у светских землевладельцев-прониаров, что уже отмечалось В. Г. Васильевским ⁷⁶ и Ф. И. Успенским ⁷⁷. Мы можем найти подтверждение этому в актах монастыря Лемвиотиссы. В этих актах мы встречаем сообщения, что светские прониары выступали на суде как представители своих париков, а парики постоянно обращались к суду своих прониаров. Так, некий Сиргари, именуемый в одном из актов *λίξιος* и *καβαλλάριος*, являлся на областной суд для рассмотрения своих дел и дел своих париков (δικαίῳ τε οἰκίῳ καὶ δικαίῳ τῶν παροίκων αὐτοῦ) ⁷⁸. В другом случае, говоря о споре, возникшем между париками Сиргари, упоминается, что он отослал это дело на рассмотрение особых должностных лиц своей проники (ἐπέπεμψε τὴν τοιαύτην κρίσιν πρὸς τοὺς οἰκοδεσπότης τῆς προνοίας αὐτοῦ) ⁷⁹.

Судебные права светских землевладельцев-прониаров станут для нас яснее, если мы рассмотрим общее развитие светской экскуссии в поздневизантийское время. Среди документов, опубликованных Миклошичем и

⁷¹ ММ, V, р. 276, 281.

⁷² Поименный список париков встречается и во многих других хрисовулах, например в хрисовуле Андроника III Палеолога от 1331 г. монастырю Иоанна Богослова. ММ, VI, р. 252—253.

⁷³ Б. А. Панченко. Крестьянская собственность в Византии, стр. 172.

⁷⁴ ММ, VI, р. 253.

⁷⁵ П. А. Яковенко. К истории иммунитета в Византии. Юрьев, 1908, стр. 30.

⁷⁶ В. Г. Васильевский. Материалы для внутренней истории византийского государства. Труды, IV, стр. 415.

⁷⁷ Ф. И. Успенский. Значение византийской и южно-славянской проники. Сб. статей по славяноведению, сост. и изд. учениками В. И. Ламанского по случаю 25-летия его ученой и профессорской деятельности. СПб., 1883, стр. 23.

⁷⁸ ММ, IV, р. 41.

⁷⁹ Ibid., р. 81.

Мюллером, мы встречаем недатированный акт, относящийся, очевидно, к концу XIII в., на имя вестиярита Иоанна Равдоканакиса. По этому акту подтверждались его владения в местности по реке Димосиат, о которых у него был спор с монастырем Лемвиотиссы. Акт был составлен по повелению императора дукой Фракисийской фемы Иоанном Дукой Куртиком⁸⁰. Иоанну Равдоканакису по его просьбе жаловались указанные владения, причем отмечалась формула беспрепятственного распоряжения спорными хорафиями в терминах, уже знакомых нам из рассмотренных прежде актов экскуссии⁸¹.

Другой образец светской экскуссии мы находим в самом конце XIII в. в хрисовуле Андроника II Палеолога Георгию Трулину⁸², по которому подтверждались его права на значительные земельные владения (600 тыс. модиев) возле города Серры и делалось указание, что он может владеть ими как наследственной землей (*κατέχη τὴν τοιαύτην γῆν ὡς γονικήν*). По этому акту владениям Георгия Трулина, а также жившим на них зависимым и свободным крестьянам жаловалась экскуссия, выраженная в обычной форме этого времени⁸³. Форма налоговой экскуссии сделана здесь в уже знакомом нам виде, когда из полной экскуссии исключены путем перечисления налогов, от которых владелец грамоты не освобождался: *ἀνευ μέντοι τοῦ κεφαλαίου τῆς σιταρχίας, τῆς καστροκτισίας, τῆς ὀρικῆς, τοῦ φόρου καὶ τῆς εὐρήσεως τοῦ θησαυροῦ*⁸⁴. Интересно отметить, что здесь встречается термин *χρυσοβουλλάτοι*, которым, в отличие от всего остального населения, назывались люди, подпавшие под действие экскуссии (В других актах для обозначения таких лиц мы встречаем термины *ἐξκουσάτοι, πανεξκουσάτοι*). Ограничение налоговой экскуссии здесь старательно подчеркнуто. В конце хрисовула, где говорится, что власти не должны искать с Георгия Трулина сборов, снова подчеркивается, что это не относится к «выше названным видам налогов»⁸⁵.

В правление Андроника III Палеолога мы отмечаем его хрисовул от 1338 г. на имя пансеваста, военного судьи Алексея Дипловатаца о его владении (*οἰκονομία*) в Пелорегии в местности Завалтии возле Серр⁸⁶. По этому акту владения Алексея Дипловатаца признавались его полной собственностью, которой он может распоряжаться беспрепятственно и передавать по наследству как своим детям, так и другим наследникам (*κατέχειν... τὴν εἰρημένην γῆν... ὡς γονικήν... καὶ παρατέμπειν... πρὸς τοὺς ἐξ ὀσφίος παῖδας καὶ κληρονόμους αὐτοῦ*). Алексей Дипловатац и его наследники получали право экскуссии, освобождение от действующих сборщика налогов или кого-либо из других чиновников, действовавших в местности вокруг его владений. Андронику III принадлежат и другой хрисовул, выданный им пансевасту гетериарху Иоанну Панарету в местности возле города Зихны⁸⁷.

По этому хрисовулу Панарету был пожалован *ποσότης* с его владений в размере 30 иперперов, что является одним из основных элементов пожалований на основе проники. Владение передавалось Панарету в порядке наследственного права (*κατὰ λόγον γονικότητος*) и освобождалось от вмешательства как вообще областных властей, действовавших

⁸⁰ MM, IV, p. 219.

⁸¹ Ibid., p. 219.

⁸² Ibid., V, p. 89—90.

⁸³ Ibid., p. 89.

⁸⁴ Ibid., p. 90.

⁸⁵ Ibid., V, p. 260 (1295 a.). Cp. *ibid.*, V, p. 90 (1299 a.); IV, p. 91 (sine anno).

⁸⁶ Ibid., V, p. 107.

⁸⁷ Ibid., p. 109—110.

в районе городов Серры и Зихны, так особенно налоговых чиновников. В хрисовуле оговаривалось, что присвоенные Панарету привилегии он имеет право передавать детям и другим наследникам, которые могут пользоваться ими на таких же основаниях, что и Панарет.

Для изучения социально-экономических институтов в XIV—XV вв. наряду с документами собственно-византийскими большое значение имеют хрисовулы сербских правителей XIV в., особенно Стефана Душана (1331—1355), в правление которого средневековая Сербия достигла максимального расширения своей территории на Балканском полуострове, завоевав значительную часть Македонии, Албании, Фессалии и Эпира. Стефан Душан перенес на сербскую почву византийский придворный церемониал, ввел должности и чины по византийскому образцу. В занятых им областях Византии Стефан Душан поддерживал византийское монастырское землевладение и широко раздавал новые владения монастырям. Монастыри и византийская знать получали здесь иммунитетные грамоты и освобождение владений от налогов и повинностей. Хрисовулы Стефана Душана были копией византийских образцов. Никифор Григора, например, сообщает, что Стефан Душан управлял завоеванными землями Византии по обычному ромейскому (т. е. византийскому) образцу (*ἐαυτῷ δ' αὐτῶν ἐκείθεν Ῥωμαϊκῶν χωρῶν καὶ πόλεων κατὰ τὴν εἰθισμένην διαίταν*)⁸⁸. Поэтому акты Стефана Душана и последующих сербских правителей могут расширить наши представления об иммунитетных правах монастырского и светского землевладения в XIV в.

Одним из интересных образцов светской экскуссии, дающей права не только налогового, но и судебного иммунитета является сербский хрисовул 1361 г. Деспот города Арты в Эпире Иоанн Цафа Урсин обратился к Симеону Урошу с просьбой дать ему хрисовул взамен прежних актов, выданных ему Стефаном Душаном и погибших при пожаре. В результате этой просьбы и появился этот хрисовул от 1361 г.⁸⁹ одновременно на греческом и сербском языках, как и многие другие акты сербских правителей этого времени. В хрисовуле перечисляются владения, пожалованные Иоанну Цафе Урсину на основе проники (*διὰ προνοίας*). Помимо налоговой экскуссии владения эти освобождались от всякого вмешательства областных чиновников: «пусть никто не осмелится вступать в них (владения. — Б. Г.), творя зло и насилие, но пусть бегут от них прочь, как от печи огненной» (*οὐδεὶς τολμήσει τοῦ ἐμβαλεῖν ἐπ' αὐτὰ πόδα κακοτικὸν ἢ ἐπιζήμιον, ἀλλὰ πόρρω φεύξονται ἀπ' αὐτῶν ὡς ἀπὸ καμίνου πυρός*)⁹⁰. Особо оговорено в хрисовуле освобождение от вмешательства судебных властей: «пусть никто не осуществляет в них (владениях. — Б. Г.) суда, но пусть будут свободны и пусть, кроме того, он владеет правом суда во всяких спорах» (*καὶ ἵνα μὴ ἔχη κρίσιν μετὰ τινος ἐπ' αὐτῶν, κἂν ἔχη τις δίκατον ἐπ' αὐτοῖς, ἀλλ' ἵνα κατέχη αὐτὰ χωρὶς κρίσεως καὶ ἀμφιβολίας τῆς οἰασθήτινος*)⁹¹. Аналогичные привилегии мы можем отметить в хрисовуле Стефана Душана Георгию Фокопулу от 1352 г.⁹² Здесь мы также встречаем категорическое запрещение архонтам и архонтопулам вступать во владения имуниста и что-либо предпринимать по отношению к этим владениям⁹³.

⁸⁸ Nic. Gregora, XV, 1, ed. Bonnæ, p. 747.

⁸⁹ А. Соловьев и В. Мошин. Гречке повеле српских владара. Београд, 1936, XXXII, стр. 230—239; MM, III, p. 126—129.

⁹⁰ MM, III, p. 128.

⁹¹ Ibid., p. 128—129.

⁹² Ibid., V, p. 132—133.

⁹³ Ibid., p. 133.

Ознакомимся с некоторыми образцами светской экскуссии XV в. В 1427 г. деспот Морей (Пелопоннеса) Феодор II Палеолог (1407—1443), сын императора Мануила II Палеолога, выдал Георгию Гемисту аргировул на его владения в Фанаре⁹⁴. Этот документ интересен тем, что в нем содержится прямое указание на право сбора налогов, которое предоставлялось Георгию Гемисту, а после его смерти его сыновьям Димитрию и Андронику. Исключение делалось для налога *φλωριτικόν*, который должен был передаваться в распоряжение государства (*ὀφείλει εἶναι τοῦ δημοσίου*). В 1428 г. этот аргировул Феодора II Палеолога был подтвержден императором Иоанном VIII Палеологом (1425—1448)⁹⁵. Наконец, в 1450 г. деспот Морей Димитрий Палеолог (1449—1460), другой сын императора Мануила II Палеолога, пожаловал аргировул сыновьям Георгия Гемиста Димитрию и Андронику на те же владения во Врисе и Фанаре⁹⁶. В этом аргировуле снова подтверждалось право сбора государственных налогов (*ὀδοσεῖς αὐθεντικὰς*). Отметим еще грамоту деспота Пелопоннеса Константина Палеолога, впоследствии последнего византийского императора, от 1444 г. Этим актом Димитрию Мамоне Григоре жаловались владения в местности Приник, причем владельцу грамоты предоставлялись обычные привилегии экскуссии. В этом акте мы видим интересные примеры западных влияний в терминологии, характерных для Пелопоннеса, долго находившегося под властью латинян, а именно, огреченные латинские термины. Так, мы встречаем здесь «принципат» (*πρινσιπάτου*) в смысле «владения». Кроме того, в акте встречается указание на грамоту, выданную «личным генералом моей царственности господином Иоанном Франгопуло» (*ἀπὸ ἰδίου γενεράλη τῆς βασιλείας μου, κύριον Ἰωάννην Φραγγόπουλον*)⁹⁷.

Судебные права светских иммунистов, развившиеся в поздней Византии, являлись прямым следствием личной зависимости крестьян от светских феодалов, подобно тому, как это происходило и на Западе. Не случайно, что в позднее время отношения землевладельцев к зависимым от них крепостным-парикам определялись обычно терминами *δεσπότης*, *δεσποσειν*.

В поздней Византии расширяются и судебные права духовенства. Уже в XIII в. духовные суды рассматривали и некоторые уголовные дела⁹⁸. Независимые церковные учреждения, особенно так называемые императорские и ставропигиальные монастыри, которые в церковной сфере пользовались полной самостоятельностью по отношению к местной церковной власти, имели также известные права судебной власти, во всяком случае в отношении разбора судебных дел между монахами⁹⁹.

Хрисовул Стефана Душана Меникейскому монастырю Иоанна Продрома возле города Серры от 1345 г.¹⁰⁰ несколько отличается от формы, распространенной в XIV в. в Византии. Мы встречаем в нем перечисление ряда налогов, а не общую формулу налоговой экзимированности, обычную для

⁹⁴ MM, III, p. 173—174.

⁹⁵ Ibid., p. 174—176.

⁹⁶ Ibid., p. 225—227.

⁹⁷ Ibid., p. 258—259.

⁹⁸ См., например, Барсов. Константинопольский патриарх и его власть над русской церковью. СПб., 1878, стр. 214—215.

⁹⁹ И. Соколов. Состояние монашества в византийской церкви с половины IX до начала XIII в. Казань, 1894, стр. 353; Н. Скабаланович. Византийское государство и церковь в XI веке. СПб., 1884, стр. 434—435. В актах мы находим указания, что епископальные власти не могли иметь никакого права суда во владениях монастыря: *μηδὲν εἶναι δίκαιον εἰς τὸν τόπον*.

¹⁰⁰ А. Соловьев и В. Мошин. Грчке повеље српских владара, стр. 8—17.

позднего времени. Очень отчетливо выражено здесь запрещение чиновникам вступать во владения монастыря: «никто из правителей ни внутри города Серры, ни вне его, ни из собирающих налоги или выполняющих другие обязанности не могут ничего требовать от этой местности, вступать во владения и метохи монастыря и что-либо требовать от него»¹⁰¹. Интересен общий хрисовул Стефана Душана от 1345 г., относящийся ко всем монастырям на Афоне¹⁰². Монастыри освобождались от налогов, как установленных византийскими императорами, так и введенных Стефаном Душаном (*βασιλικῶν καὶ τῶν τῆς κρατοῦς ἡμῶν*)¹⁰³. В конце хрисовула указывается, что он относится ко всем монастырям на Афоне (*πάσαις ταῖς κατὰ τὸ ἅγιον καὶ σεβάσμιον ὄρος μοναῖς*).

В хрисовуле Стефана Душана Иверскому монастырю на Афоне от 1346 г. имеется прямое указание на то, что монастырю предоставлялось право размещать париков и проскафименов в своих владениях и взимать с них налоги (*καὶ λαμβάνη ἐξ αὐτῶν ὀφειλόμενα δίκαια*)¹⁰⁴. Во втором хрисовуле Стефана Душана Иверскому монастырю от того же года содержалось очень важное расширяющее права экскуссии указание о том, что если другие парики, не записанные в кадастры, будут размещены во владениях монастыря, то и они получат защиту, экскуссию и свободу от всякого притеснения, как и другие парики и проскафимены¹⁰⁵.

Мы не будем перечислять другие хрисовулы Стефана Душана, построенные по такой же примерно форме, как рассмотренные нами. Упомянем еще лишь один интересный акт, относящийся к грамотам, выдававшимся отдельным городом и перекликающийся с хрисовулами Андроника II городам Янине и Монебвасии. Это — хрисовул Стефана Душана городу Кроя в Албании от 1343 г. Оригинал этого акта до нас не дошел, он известен лишь по латинскому переводу, сохранившемуся в акте короля Арагона и Неаполя Альфонса V от 1457 г., которым подтверждались привилегии города. В этом акте имеется также перевод грамоты Андроника II г. Крое. Подтверждая эти акты, король Альфонс V отмечает, что они были переведены с греческого языка (*quorum quidem tenores privilegiorum e greco in latinum conversi tales habentur*)¹⁰⁶. В этом акте содержится упоминание, что жители города имеют привилегии с давних времен, еще от счастливой памяти императора Мануила Великого Комнина (*omnia jura possident ab antiquo... privilegii mandatisque felicitis memorie imperatoris Manuели Magni Comini*). Всем должностным лицам — префектам, капитанам, кастелянам — запрещалось требовать от жителей города налогов или выполнения каких-либо повинностей, жители города объявлялись свободными и имеющими иммунитет (*et non prefecto, non capitano, non castellano penitus liceat exigere ab iis aliquid vel poene vel angarie vel colecturi vel vectigalis, hoc est gabelle, vel alicuius solutionis, sed omnino liberi et immunes apud omnes servantur et habeantur*). Граждане города не могли подвергаться должностными лицами аресту и подлежали наказанию лишь после следствия и суда (*nec ab officialibus de facto debeant retineri, sed quescunt culpa eorum et causa sit, facto iudicio et examine puniantur*)¹⁰⁷. Греческие термины *ἐξκομισοί*, *ἐξκομισεῖα* в этом акте всюду передаются соответствующими латинскими терминами *immunes, immunitas*.

¹⁰¹ А. Соловьев и В. Мошин. Грчке повеље српских владара, стр. 10.

¹⁰² Там же, стр. 30—35.

¹⁰³ Там же, стр. 32.

¹⁰⁴ Там же, стр. 40.

¹⁰⁵ Там же, стр. 50.

¹⁰⁶ Там же, стр. 312.

¹⁰⁷ Там же, стр. 314.

Мы видели, что права экскуссии монастырей и светских землевладельцев в позднее время систематически расширялись. В XIII—XV вв. нам известна лишь одна попытка ограничения иммунитетных прав, вызванная финансовыми затруднениями при Андронике II Палеологе, заставившими его предпринять реформу податного обложения, и имевшая целью улучшить поступление налогов. Кроме повышения налогов, были введены некоторые новые натуральные повинности, в том числе *σιτόκριθον*, состоявший в том, что каждый землевладелец должен был сдавать государству часть урожая, а именно 6 модиев пшеницы и 4 модия ячменя с зевгаря.

В поисках новых источников доходов Андроник II сделал попытку ограничения налогового иммунитет и сократить список налогов, от которых освобождались владельцы иммунитетных грамот. Так в 1325 г., подтверждая все прежние налоговые привилегии Зографского монастыря на Афоне, Андроник II потребовал, чтобы монастырь вносил *σιταρία* со ссылкой на то, что все землевладельцы и даже императорские имения должны вносить этот вид налога (*πρὸ τῶν ἄλλων κτημάτων τῶν ἐν τῇ χώρᾳ τῆς βασιλείας μου εὐρισκομένων, ἀλλὰ καὶ ἀπ' αὐτῶν τῶν ζευγηλατείων τῆς βασιλείας μου...*)¹⁰⁸. Подобные ограничения сделаны были в уже упоминавшемся нами хрисовуле Андроника II Георгию Трулину. Здесь налоговое изъятие не распространяется на ряд налогов (*τοῦ κεφαλαίου τῆς σιταρίας, τῆς καστροκτισίας, τῆς ὀρκίης, τοῦ φόβου καὶ τῆς εὐρήσεως τοῦ θησαυροῦ*)¹⁰⁹. В этом акте содержится общее указание Андроника II, что перечисленные виды налогов должны взиматься со всех владений, в том числе и от владельцев иммунитетных грамот¹¹⁰. В хрисовуле от 1311 г. Русскому монастырю на Афоне из налогового изъятия исключались *σιταρία, φοικόν, παρθένος θορία, εὐρησις θησαυροῦ* причем здесь также делалось общее указание, что эти налоги должны взиматься со всех владений¹¹¹.

В этой политике ограничения иммунитетных прав были исключения и при Андронике II. Так, в 1321 г. эти ограничения для Меникейского монастыря были отменены по просьбе сербского короля Стефана Уроша III. В этом хрисовуле сделана была специальная оговорка, что монастырь не должен вносить налогов, которые по общим указам следовали со всех владений¹¹². Подобные же исключения, по образцу грамот сербских королей, можно проследить и в хрисовулах Андроника II Хиландарскому монастырю от 1319 и 1321 годов¹¹³.

Нам известны только эти отступления от ограничительной политики Андроника II. Следует отметить, что эти исключения делались под давлением сербских правителей, в остальных случаях эта политика, очевидно, проводилась последовательно. Особенно важным является то, что эти ограничения экскуссии распространялись не только на отдельные монастыри, а имели характер общих законодательных актов, имевших силу по отношению ко всем держателям иммунитетных грамот. Но политика ограничения экскуссии не имела перспектив. Уже при ближайших преемниках Андроника II все ограничения налоговой экскуссии были полностью отменены. Так, например, Иоанн V Палеолог в хрисовуле Зо-

¹⁰⁸ Actes de l'Athos. Actes de Zographou publiés par W. Regel, E. Kurtz et B. Korablev. Прилож. к XIII тому ВВ, 1907, стр. 51.

¹⁰⁹ MM, V, p. 90.

¹¹⁰ Ibidem.

¹¹¹ Акты Русского на св. Афоне монастыря св. великомученика и целителя Пантелеймона, № 20. Киев, 1873.

¹¹² MM, V, p. 96.

¹¹³ Actes de l'Athos. Actes de Chilandar publiés par L. Petit et B. Korablev, Прилож. к XVII тому ВВ, 1911, акт № 41 (1319 г.), стр. 106—109; акт № 60 (1321 г.), стр. 141—143.

графскому монастырю от 1342 г.¹¹⁴, упомянув об ограничении налоговой экскуссии в отношении *σιταρία, ὀρκίη* и *καστροκτισία*, отменил эти ограничения. Ограничения экскуссии были отменены Иоанном V в 1353 г. также и по отношению к Русскому монастырю на Афоне¹¹⁵. Таким образом, попытка Андроника II ограничить права экскуссии не имела успеха, и до конца истории Византии мы не знаем никаких других попыток в этом направлении. Монастыри и светские землевладельцы беспрепятственно продолжали пользоваться достигнутой к этому времени полнотой прав экскуссии, не сдерживаемые более никакими ограничительными мероприятиями византийского правительства.

Мы можем подвести некоторые итоги. Говоря о происхождении экскуссии, нужно еще раз подчеркнуть, что оно не может быть объяснено ни тем, что экскуссия коренится в иммунитете поздне-римской империи, ни влиянием западноевропейских иммунитетных грамот. Экскуссия развивалась в Византии своими путями и корни ее нужно искать во внутренних условиях развития византийского общественно-экономического строя. Она явилась следствием борьбы крупного феодального землевладения, как светского, так и церковно-монастырского, против византийского централизованного государства, с одной стороны, и мелкого крестьянского землевладения, — с другой. Большинство дошедших до нас актов об экскуссии относится к монастырскому землевладению. Однако изученные нами материалы позволили нам установить, что наряду с монастырской развивалась и светская экскуссия. Развитие экскуссии монастырей, усилившей их экономическую мощь, ведет свое начало от того момента, когда в результате поражения иконоборческого движения были убраны все преграды на пути развития монастырского землевладения. Светская экскуссия создается и развивается параллельно с возникновением и развитием пронии и является в руках крупного землевладения мощным орудием по превращению пронии в экономически, а затем и политически почти независимые от центральной государственной власти владения. Возникновение экскуссии — как церковно-монастырской, так и светской — мы относим к X и особенно к первой половине XI в., когда процесс феодализации Византийской империи был в основном завершен. Институт экскуссии получает дальнейшее развитие в XI—XII вв., когда крупное феодальное землевладение окончательно одерживает победу над централизованным византийским государством, и достигает кульминационной точки в XIII—XV вв.

Первой по времени возникновения формой византийской экскуссии является налоговая экзимирированность монастырей и крупных светских землевладельцев. Акты XI в. содержат широкий перечень налогов, от уплаты которых освобождаются владельцы иммунитетных грамот. В содержание самых ранних из известных нам хрисовулов не включается прямое запрещение доступа должностных лиц во владения держателей иммунитетных грамот. Мы видим в них лишь длинный перечень должностных лиц, которым запрещается нарушать жалуемые хрисовулами льготы. Только анализируя функции должностных лиц, перечисленных в ранних хрисовулах, мы можем установить, что их список состоял в основном из лиц, ведавших сборами налогов или наблюдением за выполнением натуральных повинностей. В более поздних хрисовулах мы уже встречаем установившуюся формулу налоговой экскуссии *ἐξκουσσευθήσονται δὲ καὶ ἀπὸ μιστῶν*, непосредственно за которой следует длинный перечень налогов, от уплаты

¹¹⁴ Actes de l'Athos. Actes de Zographou. Прилож. к XIII тому ВВ, стр. 73.

¹¹⁵ Акты Русского на св. Афоне монастыря св. великомученика и целителя Пантелеймона, № 21.

которых освобождался землевладелец, которому жаловалась экскуссия. К концу XI в. наряду с этой формулой экскуссии мы всюду встречаем в качестве ее второй части *διὸ παρεγγράφητα καὶ πάντα ἐξασφαλιζόμεθα ἀπὸ τῶν κατὰ καιρὸς σακελλαρίων*. За ней следует длинный перечень должностных лиц, которым запрещается доступ во владения обладателей экскусионных грамот. Обе части формулы экскуссии логически тесно связаны между собой. Если в самых ранних хрисовулах характер льгот экскуссии можно было определить лишь на основе анализа списка упоминаемых в хрисовулах должностных лиц, то к концу этого первого этапа в развитии экскуссии мы уже встречаем точную характеристику налоговых льгот. Обе части формулы начинают взаимно дополнять и определять друг друга. Таким образом, можно считать установленным, что налоговая экзимирированность является первым этапом развития византийской экскуссии, причем чем позднее хрисовулы этого периода, тем полнее список налогов, от которых освобождается владелец экскусионной грамоты. В хрисовулах этого периода мы можем проследить совершенно явственную тенденцию как можно полнее представить список налогов и список должностных лиц, которым запрещено нарушать даруемые хрисовулом привилегии.

В развитии института экскуссии XII век можно считать переходным к поздневизантийскому времени, к XIII—XV вв. Одной из отличительных особенностей хрисовулов XII в. является то, что льготы, даруемые экскуссией, постепенно распространяются на париков, зависимых от владельца экскусионной грамоты. В хрисовулах XII в. мы встречаем новые привилегии специального характера, например льготы, предоставляемые торговому флоту монастырей. Эти льготы давались в дополнение к уже полученным ранее льготам. В хрисовулах указывается, что эти льготы предоставляются на основе полной экскуссии (*κατὰ καθόλου τῆς ἐξουσιᾶς κεφάλαιον*), т. е. владельцы хрисовулов могут пользоваться полным объемом привилегий, ставшим обычным к этому времени. Поэтому предоставление дополнительных льгот означало дальнейшее расширение экскуссии в XII в. Хрисовулы XII в. отходят от распространенных форм предшествующего периода, явное предпочтение в них начинает отдаваться общим формулам и терминам. Это относится как к перечням налоговых изъятий, так и к спискам должностных лиц.

В хрисовулах XII в. мы можем наблюдать большие изменения в отношении запрещения доступа должностных лиц на территорию имуниста. Требования запретить доступ чиновникам начинают все чаще звучать в просьбах (*δεήσεις*) монастырей и светских владельцев, излагаемых обычно во вступительной части хрисовулов. И если в отношении предшествующего времени только косвенным путем можно было сделать вывод о наличии в грамотах запрещения доступа чиновникам, то теперь мы все чаще встречаем прямое запрещение доступа чиновникам во владения имунистов.

Наконец, большое место в актах XII в. занимают так называемые подтвердительные хрисовулы, в которых содержится общее подтверждение экскуссии. В этих документах повторяются подтверждения привилегий, которых добились монастыри и светские владельцы в предшествующее время, встречаются уже стабилизировавшиеся к этому времени формулы экскуссии, изучение которых помогает нам составить себе более ясное представление об этапах развития этого института.

Высшей точки своего развития византийская экскуссия достигает в поздневизантийское время, в XIII—XV вв., когда после падения Латинской империи и восстановления Византийской империи процесс усиления крупного землевладения развивался без всяких преград. Светские и духов-

ные землевладельцы расширяют свои владения, добиваются все дальше идущих привилегий. Укрепление позиций землевладельцев-прониаров сказывалось не только в возрастании их экономической мощи, но и в росте их политических прав. Этот процесс, как и на Западе, шел по линии расширения имунитетных прав. Развитие экскуссии направляло по новому пути развитие как прони, так и церковно-монастырского землевладения. Если раньше земли передавались прониару лишь в пожизненное владение, то расширение экскуссии вело к превращению крупных феодальных владений в наследственные владения прониаров, к полному отрыву их от государственного земельного фонда.

В поздневизантийское время завершается развитие налоговой экзимирированности, которая достигает теперь наибольшей полноты. В поздних актах становится постоянным явлением распространение налоговой экскуссии на зависимое от духовных и светских владельцев крестьянство. Наряду с этим в позднее время владельцы экскусионных грамот получают право сбора государственных налогов с зависимого от них крестьянства. Таким образом, освобождение от налогов ни в какой мере не облегчало положение крестьянства, а лишь усиливало его закрепощение, его зависимость от светских и духовных землевладельцев.

Полнота налоговой экскуссии в позднее время выражена в актах XIII—XV вв. в общих формулировках, получающих теперь всеобъемлющее содержание. Формулы освобождения от налогов и повинностей становятся все короче и вместе с тем звучат все категоричнее. Так, в хрисовулах XIII в. мы уже не встречаем более подробного перечисления повинностей и припасов, которые могли требовать должностные лица, имеющие права на *ἀπλήκτον* и *μιτάτον*, здесь мы видим общую формулу: «освобождаются от постоя, размещения и содержания, доставки необходимого для дук и катепанов», а в XIV в. эта формула звучит еще короче: «от доставки съестных припасов и напитков». Освобождение от налогов также выражено в поздних актах в общих формулах. Наиболее распространенной формулой налоговой экскуссии становится выражение *ἀπὸ πάντων τῶν δημοσιακῶν ζητημάτων καὶ ἀπὸ πασῶν τῶν ἐπιτηριῶν*. Налоговая экскуссия касается теперь не только существующих налогов, но распространяется также и на те налоги, которые могут быть установлены в будущее время.

Полного развития достигает в позднее время также и воспрещение доступа должностных лиц во владения держателей имунитетных грамот. Выражения, запрещающие доступ чиновников, достигают в этом периоде максимальной отчетливости. Мы видим в поздних актах постоянно встречающиеся указания на то, что никто из имеющих намерение произвести налоговую перепись не может вступать во владения держателей экскусионных грамот (*οὐδὲ εἰσέρχεται εἰς τὰ μετόχια καὶ κτήματα*). Держатели грамот освобождались теперь от вмешательства не только налоговых чиновников, но и всех должностных лиц областного и местного управления, что тщательно оговаривается в хрисовулах.

Развитие судебного имунитета, как мы отмечали, также относится к поздневизантийскому времени. Монастыри и светские владельцы не только ограждались от вмешательства судебных чиновников, но и получали право суда над зависимым от них населением. И если судебная экскуссия не получила такого отчетливого и всестороннего развития, как судебный имунитет на Западе, тем не менее и она прошла известный путь своего развития и получила если не совсем законченные, то все же вполне отчетливые формы. Она, как и другие формы экскуссии, развивалась параллельно с ростом зависимости сельского населения, пока не была признана императорской властью, вынужденной и здесь пойти на уступки

феодалному землевладению, и не вошла в качестве неотъемлемого элемента византийских грамот, предоставлявших экскуссию.

Развитие светской экскуссии шло по пути развития пронии. Подобно тому, как прония превращалась в постоянное владение, передаваемое по наследству, точно так же и привилегии светской экскуссии могли, как это указывалось в актах, передаваться детям и другим наследникам, которые получали право пользоваться этими привилегиями в том же объеме, что и первоначальные владельцы иммунитетных грамот. Право передачи привилегий экскуссии по наследству являлось дальнейшим развитием уже ранее установившегося порядка в отношении монастырского землевладения, по которому монастырям экскуссия жаловалась на вечные времена. (Напомним формулы: ἀπὸ νῦν καὶ εἰς τὸ ἐξῆς ἅπαντας καὶ διηρηθεῖς χρόνους, μέχρι τῆς συνταλείας τοῦ αἰῶνος, εἰς αἰῶνα τὰ ἅπαντα т. д.)

В поздневизантийское время завершился круг развития экскуссии. Обладая полнотой налоговой экскуссии, будучи ограждены от вмешательства должностных лиц центрального, областного и местного аппарата, получая право управления и суда по отношению к зависимому населению, монастыри и светские феодалы превращали свои владения в замкнутые административно-хозяйственные округа, почти не зависящие от центральной власти. Для выполнения налоговых, административных и судебных функций, принадлежавших раньше государству и перешедших постепенно в руки держателей иммунитетных грамот, в этих владениях формировался свой особый аппарат, создаваемый по образцу правительственных органов и действовавший вместо них на экзимирированных территориях.

Таким образом мы видим, что процесс развития экскуссии имел глубокое влияние на процесс феодализации Византийской империи. Он усиливал феодальную земельную аристократию, и тем самым способствовал росту феодальной раздробленности Византии.

Ю. В. БРОМЛЕЙ

ИЗ ИСТОРИИ АГРАРНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ХОРВАТИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XV—XVI в.

(Окончание) *

Монопольная собственность господствующего класса на главное средство производства — землю сочеталась при феодализме с фактическим владением крестьянами этим средством производства и наличием у них своего хозяйства, основанного на личном труде. В. И. Ленин указывал, что при феодальном способе производства, земля была как бы натуральной заработной платой: она давала крестьянину необходимые продукты, чтобы он мог производить прибавочный продукт на помещика; она являлась фондом для несения крестьянами повинностей в пользу помещика¹. Следовательно, рассматривая аграрный строй хорватской деревни второй половины XV—XVI вв., необходимо выяснить вопрос о характере владельческих прав хорватских крестьян на землю в это время и, вместе с тем, ознакомиться, хотя бы в самых общих чертах, с их хозяйством. Иначе не до конца будет выяснена экономическая основа присвоения хорватскими феодалами прибавочного продукта непосредственных производителей.

В том, что хорватские феодально зависимые крестьяне — кметы в XV—XVI вв. были не собственниками, а лишь владельцами земли, убеждает ряд самых разнообразных показаний источников. Об этом свидетельствует уже то обстоятельство, что при перемене феодала кметы, как правило, лишались не только земли, но и всего недвижимого имущества. В пользу этого же говорят и данные о конфискации феодалами земельных наделов крестьян в порядке репрессий или для расширения собственной запашки. На «право» феодала конфисковать землю у кмета весьма прозрачно намекает Полицкий статут, отмечая, что «...следует учитывать, господин ли гонит кмета, или кмет от господина бежит без основания»². Еще более определенно сказано об этом в Статуте далматинского города Новиграда (от 1551 г.): «если господин застанет кмета за воровством, то господин может его прогнать»³.

«Право» хорватских феодалов конфисковать крестьянские наделы — весьма яркий показатель того, что зависимые крестьяне в средневековой Хорватии фактически были лишь владельцами земли. Но вместе с тем следует иметь в виду, что в XV—XVI вв. хорватские феодальные соб-

* См. ВВ, т. XI, стр. 225—246.

¹ См. В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 157—158.

² Б. Д. Греков. Полица. Опыт изучения общественных отношений в Полице XV—XVII вв., М. 1951, стр. 276—277, прилож.

³ Wissenschaftliche Mitteilungen aus Bosnien und der Herzegowina, Bd. XII, Wien, 1912, S. 301.

«твенники прибегали к сгону крестьян с их наделов лишь в исключительных случаях. «В средние века не освобождение (expropriation) народа от земли, а, напротив, прикрепление (arrpropiation) его к земле было источником феодальной эксплуатации»⁴.

В XV—XVI вв. хорватские крестьяне, в своем подавляющем большинстве, являлись наследственными владельцами земельных наделов. Так в Модрушском урбарии не раз специально оговаривается, что данный надел кмета — его «дицина»⁵, т. е. земля, полученная по наследству. Часть хорватских кметов в изучаемый период сохранила за собой право передачи наделной земли в руки других крестьян. Такого рода перемена владельцев земли предусматривается Раковацким урбарием 1495 г. и Тржатским урбарием 1610 г. Но, как свидетельствуют оба урбария, отчуждать (продавать, закладывать) землю кметы могли лишь с разрешения феодала, и, конечно, при условии, что новый владелец — крестьянин обязывался нести в пользу феодального собственника земли все те повинности, которые исполнял прежний владелец. Более того, в них подчеркивалось, что круг лиц, которым кмет мог продать свой надел, был ограничен крестьянами, находившимися в феодальной зависимости от собственника земли. При этом отчуждать разрешалось лишь весь надел целиком⁶.

Судя по изменению терминологии, применяемой в источниках для обозначения владельческих прав кметов на земельный надел, эти права в изучаемый период все более сокращаются. Так, в Модрушском урбарии 1486 г. в подавляющем большинстве случаев говорится, что кмет «имеет» (ima) землю и лишь относительно недавно полученных крестьянских участков делается оговорка, что эти участки находятся в «держании» (držiti)⁷, в Дубовацком же урбарии 1579 г. по поводу уже всех кметов сказано, что они «пребывают» (prebuwayw) на наделе⁸, а в урбариях первой половины XVII в. в этой связи употребляется исключительно термин — «держат»⁹.

Наименование крестьянского надела в XV—XVI вв. остается неизменным. Как правило, в грамотах и урбариях на хорватском языке надел обозначается термином «село» («кметское село»), в источниках, написанных на латыни, — sessio (иногда термин «село» заменяется словом «земля», иногда он просто опускается). Противопоставление в Модрушском урбарии «селу» «сенокосов» (ima ka vsakomu selu sinokoš)¹⁰ заставляет думать, что под термином «село» подразумевалась лишь пахотная земля.

Из всех доступных нам урбариев реальная величина крестьянских наделов в каждом отдельном случае фиксируется только Модрушским урбарием, где встречаются наделы от 2 до 60 югеров (dni). Обычно же источники различают лишь полные наделы (zelo selo) и доли наделов (polsela) и т. д. Для «целого села», по мнению Р. Лопашича, «в большей части Хорватии был установлен размер в 12 dni (ralo, tagbau)»¹¹. Однако, абсолютизируя эту цифру, Р. Лопашич тем самым несколько преувеличивает действительные размеры большинства «полных» наделов кметов. В опубликованном им же Дубовацком урбарии 1581 г. прямо указывается,

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Об Англии. Госполитиздат, 1952, стр. 10.

⁵ Monumenta historico-juridica slavorum meridionalium (далее МНЖСМ), vol. V, str. 41, 68.

⁶ Ibid., str. 159, 168.

⁷ Ibid., str. 28—81.

⁸ Ibid., str. 106, 108, 115.

⁹ Ibid., str. 215, 228, 230, 233, 241, 247, 309—323, 331—350 и др.

¹⁰ Ibid., str. 34.

¹¹ Ibid., str. 29.

что «полный надел» (sessio) кмета составляет 8 югеров¹². Конечно, имелись также «целые села» размером в 12 югеров, как и «полные» наделы менее 8 югеров. Но и те и другие, очевидно, были исключением, а не правилом.

Важную роль в хозяйстве хорватских крестьян, членов территориальных общин, играли общинные угодья.

Вопрос об общинах в средневековой Хорватии привлекал внимание многих исследователей. Для его решения как хорватские, так и русские буржуазные историки чаще всего обращались к Полицкому статуту¹³. И это не случайно. В силу специфических условий, в которых находилась средневековая Полица, в ее статуте нашло отражение немало архаизмов, сохранившихся в ее быту и представляющих значительный научный интерес для характеристики социально-экономических отношений не только самой Полицы, но и других средневековых славянских стран.

Особенно ценны показания Полицкого статута о верви, поскольку этот термин, хорошо известный русской Правде, встречается еще только в Полицком статуте и в некоторых хорватских грамотах.

Наиболее обстоятельное исследование Полицкого статута принадлежит Б. Д. Грекову, посвятившему этому Статуту специальную монографию «Полица»¹⁴. Убедительно показав в этой работе порочность попыток буржуазных историков доказать на основании данных Полицкого статута, что общинный быт является славянской спецификой, и, в частности, вскрыв научную несостоятельность «задружной» теории Ф. Леонтовича¹⁵, Б. Д. Греков, вместе с тем, в результате своих наблюдений над материалами Статута пришел к ряду весьма существенных выводов о характере общин в Полице. Важнейшие из этих выводов следующие: а) термин Полицкого статута «опчина» обозначает всю Полицу¹⁶; б) основными общественными ячейками, из суммы которых состоит вся Полицкая «опчина», являлись села — территориальные общины¹⁷; в) вервь Полицкого статута — «когда-то, по-видимому, коллектив родственников. В XV—XVI вв. это уже организация, построенная на экономической базе. Это часть села-общины, сохранившая, однако, в себе много архаических черт»¹⁸; г) «В селе может жить и большая семья. Но Статут эту организацию вервью не называет»¹⁹.

Эти наблюдения Б. Д. Грекова не только помогают пониманию характера вервной организации в древней Руси, но и имеют исключительно важное значение для выяснения общинных порядков в самой Хорватии XV—XVI вв. В частности, они позволяют сделать заключение, что упоминание в хорватских грамотах этого периода термина «вервь»²⁰ свидетельствует о сохранении здесь сельских общин такого же, как и в Полице, типа. Однако само собой разумеется, что анализ сведений об общинах, почерпнутый из Полицкого статута, действие которого было ограничено небольшой хорватской жупой в Далмации, не может заменить конкретного изучения источников XV—XVI вв., относящихся к основной территории расселения хорватов. Такое изучение тем более необходимо, что некоторая

¹² Ibid., стр. 120.

¹³ Историографию вопроса см. в монографии Б. Д. Грекова. Полица.

¹⁴ Б. Д. Греков. Полица. См. также его статью «Большая семья и вервь Русской Правды и Полицкого статута». ВИ, 1951, № 8, стр. 27—37.

¹⁵ См. Б. Д. Греков. Полица, стр. 82, 83, 108 и др.

¹⁶ Там же, стр. 91.

¹⁷ Там же, стр. 91, 93.

¹⁸ Там же, стр. 89.

¹⁹ Там же, стр. 91.

²⁰ МНЖСМ, vol. VI, str. 194.

замедленность темпов общественного развития Полицы, несомненно, наложила свой отпечаток на ее общинные порядки.

К сожалению, наши основные источники — урбарии содержат весьма скудные сведения относительно общин и их внутренней организации. Исключение представляет лишь опись имущества кн. Ст. Франкопана от 1558 г., в которой дается подробное описание общинных угодий с указанием на то, к какому из населенных пунктов данные угодия относятся. Поэтому, опись 1558 г. позволяет выяснить чрезвычайно важный для понимания характера аграрного строя в хорватской деревне вопрос о структуре общинного землевладения в крупных феодальных вотчинах.

По данным этой описи владения кн. Ст. Франкопана в 1558 г. состояли из восьми крупных вотчин: Рыбник, Новиград, Липпа, Звечай, Зкрад, Модруш, Огулин и Луковдол. Центром каждой вотчины был замок (*castrum*) с посадом (*oppidum*), от названия которых получала наименование данная вотчина. К замку и подградью были приписаны как возделываемые земли, так и весьма обширные общинные угодья (*tege communes*), состоящие из пастбищ, леса и кустарников и расположенные преимущественно в горах²¹. Остальная территория пяти из этих вотчин кн. Ст. Франкопана делилась на судебные округа (*judicatus*). В каждой из этих вотчин насчитывалось от двух до пяти судебных округов²². Последние в свою очередь состояли из сел (*villa*); наиболее крупное село являлось центром судебного округа, от него он и получал свое наименование. Число сел в округе обычно колебалось от трех до семи; в четырех случаях село и судебные округа совпадали²³. В двух вотчинах (Огулин и Луковдол) деление на округа отсутствует и указаны лишь села (по три в каждой вотчине)²⁴. Об одной вотчине (Модруш) в описи сказано только, что она находится во владении короля, и, очевидно, поэтому для нее не дается обычный перечень «имущества»²⁵. Во всех вотчинах, подразделявшихся на судебные округа, помимо неразделенных земель, приписанных к замку, фиксируются общинные угодья в каждом из округов; при отдельных же селах, входящих в состав этих округов, общинных владений не указано²⁶. В одной из вотчин (Луковдол), не имеющей округов, общинные угодья значатся при двух из четырех сел²⁷; в другой (Огулин) — угодья вообще не указаны, что скорее всего связано с небрежностью составителей описи, так как эта вотчина приведена здесь одной из последних²⁸.

Таким образом, опись 1558 г. позволяет выявить ряд существенных особенностей распределения общинных угодий внутри этих крупных вотчин. Во-первых, обычно в каждой вотчине имелись неразделенные угодья, приписанные к замку; угодья эти использовались, видимо, как жителями посада, так и для нужд господского хозяйства. Во-вторых, помимо того в вотчинах, подразделявшихся на судебные округа, каждый округ имел свои общинные земли, находящиеся несомненно в пользовании жителей всех сел, входящих в данный округ. В-третьих, в некоторых вотчинах общинные угодья были приписаны лишь к части сел, другие же села данной вотчины, надо полагать, пользовались угодьями одного из сосед-

²¹ E. Laszowski. Popis i procena dobara kneza Stjepana Frankopana Ozaljskoga god. 1558. Starine, kn. XX, 1902, str. 181—211.

²² Ibid., str. 182—207.

²³ Ibidem.

²⁴ Ibid., str. 208—211.

²⁵ Ibid., str. 207.

²⁶ Ibid., str. 182—207.

²⁷ Ibid., str. 209—211.

²⁸ Ibid., str. 208—209.

них сел этой вотчины. Наконец, изредка встречались соседские общины, состоявшие из одного села. Следовательно, за исключением территории, прилежащей к замку, вся остальная часть крупных вотчин была занята территориальными общинами, состоявшими, как правило, из нескольких сел; в большинстве случаев эти территориальные общины совпадали с судебными округами (*judicatus*).

Иными словами, перед нами та же структура территориальных общин, что и в средневековой Германии, где, как отмечал Ф. Энгельс, «насколько источники позволяют проникнуть в прошлое, мы находим повсюду... большее или меньшее число сел, соединенных в одну общину-марку»²⁹. Объясняя возникновение таких общин, Ф. Энгельс писал: «На так называемой марке, весьма обширном пространстве земли, которое предоставлено было вначале каждому отдельному селу, быстро увеличивающееся население основывало ряд дочерних сел, которые вместе с материнским селом на равных или несколько урезанных правах образовывали теперь единую общину-марку»³⁰. Вряд ли можно сомневаться, что возникновение территориальных общин, состоящих из нескольких сел, в средневековой Хорватии, как и в Германии — результат выделения дочерних сел. В пользу этого свидетельствует, в частности, то обстоятельство, что в описи 1558 г. все общинные угодья приписаны к наиболее крупным (в рамках вотчины или судебного округа) населенным пунктам³¹.

Неразделенные угодья, приписанные к замку, по данным описи 1558 г., как правило, значительно превосходили общинные земли отдельных сельских общин. По-видимому, такое положение создалось в результате узурпации предками феодалов, собственников замков, прав на общинные владения, некогда принадлежавшие объединениям нескольких родственных сел и не распределенные между этими селами³².

Рассмотрев на основании данных описи 1558 г. общинные порядки в вотчинах кн. Ст. Франкопана, следует выяснить, в какой мере наши выводы о структуре общинного землепользования в этих вотчинах можно распространить на остальную территорию Хорватии конца XV—XVI вв. С этой целью нам опять придется обратиться к урбариям, хотя их сведения об общинах, как уже отмечалось, очень скудны. Но теперь, после анализа описи 1558 г., мы можем понять некоторые свидетельства урбариев, лишь косвенно говорящие об общинных порядках в Хорватии изучаемого периода. Так, в Модрушском урбарии 1486 г. в одном случае мы находим указание, что кметы трех соседних сел (Куничане, Медвия и Семичи) должны были совместно преподносить ежегодно феодалу-землеладельцу одну телку (*ialovicu*)³³. В свете данных описи 1558 г. указание это позволяет предположить существование и в Модрушских владениях кн. Франкопанов в конце XV в. сел, соединенных в одну территориальную общину. На то же, возможно, намекает этот урбарий и тогда, когда в подзаголовках, под которыми обычно дается перечень крестьян, их наделов и повинностей, в двух случаях помещает одновременно название двух сел (деревень)³⁴. Следует при этом учесть, что в большинстве сел Модрушской вотчины было по 15—20 крестьянских хозяйств, а в отдельных

²⁹ Ф. Энгельс. Марка, в кн. Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии. М., 1952, стр. 115.

³⁰ Там же, стр. 115.

³¹ См. E. Laszowski. Popis i procena... str. 181—211.

³² О подобных землях у германских племен, принадлежащих так называемым „сотням“, см. Ф. Энгельс. Марка, стр. 114.

³³ MHJSM, vol. V, str. 42.

³⁴ Ibid., str. 30, 58.

случаях их число доходило даже до сорока³⁵. При таких условиях территориальные общины, состоящие из нескольких сел, могли быть скорее исключением, чем правилом. Следует ли искать объяснение этому в локальных особенностях Модрушского владения или преобладание крупных сел вообще характерно для этого периода, при современном состоянии источников, сказать трудно. Однако в пользу последнего предположения как будто говорит тот факт, что в Благайском урбарии 1453 г. мы тоже находим лишь такие общины, которые состояли из одного села³⁶.

В свете наших наблюдений над структурой общин по данным описи 1558 г. особое внимание привлекает деление в Озальском урбарии 1642 г. всей территории этого владения кн. Франкопанов на судебные округа, которые обозначаются здесь или уже известным нам латинским термином *judicatus* или, значительно чаще, адекватным хорватским словом *sudcia*. Открывается этот урбарий перечнем жителей посада Трг (*purgarii*) и кметов, приписанных к этому посаду, а также их повинностей³⁷. Все это в целом именуется в урбарии как «судция Тржская» или «судция пургарская»³⁸, т. е. бюргерская. Далее следует перечень 18 «сельских» судебных округов (*judicatus* или *sudcia*). Структура этих округов весьма пестра. Группируя их по числу входящих сел (деревень), из которых они состояли, мы получаем следующую картину. В четырех из всех «судций» (Подбрежье, Покупско, Зоркович, Хрнетичи) отсутствуют какие-либо указания на наличие в их составе отдельных сел (деревень), кроме основного, по имени которого назван данный округ³⁹. Следовательно, наиболее вероятно, что эти «судции» состояли из одного села, хотя и не исключено, что отдельные села-деревни просто не зафиксированы. В пользу последнего предположения как-будто говорит тот факт, что две «судции» в Озальском урбарии имеют двойное название (Лович и Корушко, Оралье и Кобиличи), т. е., по-видимому, состоят по крайней мере из двух сел, что однако при перечислении кметов этих округов не указано⁴⁰. В трех «судциях» (Купин, Прибичи, Синковичи) имелось по одной большой деревне (от 20 до 80 крестьянских хозяйств) и одному дочернему селу (в 5—15 хозяйств)⁴¹; в пяти судебных округах (Шипак, Томашичи, Врховец, Прекражье и Острый Врх) насчитывалось одно крупное село (в среднем около 20 крестьянских хозяйств) и два-три небольших села (в среднем по 5 хозяйств, в том числе один хутор из одного хозяйства)⁴². В одном случае урбарий отмечает судебный округ (Крашчичка), состоящий из шести сел размером от трех до 24 крестьянских дворов⁴³, в другом — «судцию», включающую 20 хуторов в одно-два хозяйства⁴⁴. Наконец, в описи одной «судции» (Брложка) перечисляется 13 сел самой разнообразной величины (от одного до 50 хозяйств)⁴⁵. Таким образом подавляющее большинство судебных округов в Озальских владениях кн. Франкопанов в первой половине XVII в. состояло из нескольких сел.

Помимо данных о «судциях», в Озальском урбарии имеется ряд случайных свидетельств о том, что население «судций» представляло собой

³⁵ MHJSM, vol. V, str. 28—81.

³⁶ Ibid., str. 18—19.

³⁷ Ibid., str. 211—219.

³⁸ Ibid., str. 215, 219.

³⁹ Ibid., str. 244—250, 257—260.

⁴⁰ Ibid., str. 235—237, 260—267.

⁴¹ Ibid., str. 219—222, 226—232, 275—280.

⁴² Ibid., str. 232—235, 241—243, 250—257, 267—271, 292—295.

⁴³ Ibid., str. 222—226.

⁴⁴ Ibid., str. 237—239.

⁴⁵ Ibid., str. 280—291.

коллектив, связанный общими хозяйственными и правовыми интересами. Так, например, в «судции Брложка» кметы двух сел (Яшково и Хрстовляне) обязаны совместно чинить мост⁴⁶. Об обязанности кметов в данной «судции» коллективно исполнять повинности по исправлению мостов, гатей и дорог говорится, кроме того, еще в описи семи «судций»⁴⁷. В перечне повинностей кметов трех «судций» указывается, что они ежегодно всей «судцией» должны преподносить господину одного вола⁴⁸. В описи четырех судебных округов, в том числе и «града», упоминаются судьи (*sudci*) этих округов⁴⁹ — обстоятельство, свидетельствующее, что наименование этих округов — «судциями» стоит в прямой связи с их судебными функциями. Имеются в Озальском урбарии и свидетельства относительно наличия в рамках «судций» общинных угодий. Так, в двух случаях урбарий употребляет для наименования поселений термин «на опчине»⁵⁰, вероятно, подразумевая, что эти поселения возникли на общинных землях. Наконец, в Озальском урбарии мы находим одно весьма ценное замечание, прямо указывающее на право всех кметов, жителей данной «судции», пользоваться ее общинными угодьями: в конце описи судебного округа, имеющего двойное название «Оралье и Кобиличи», сказано, что «согласно старого обычая, в общинах... все, кто в этой судции живет, могут свободно сечь (лес. — Ю. Б.) и пасты»⁵¹. Таким образом, мы, очевидно, вправе утверждать, что в Озальском урбарии, как и в описи 1558 г., судебная округа (*judicatus, sudcia*) совпадала с территориальной общиной и обычно состояла из нескольких сел. Известны Озальскому урбарии и неразделенные угодья, приписанные к замку. Но, в отличие от описи 1558 г., урбарий совершенно определенно указывает, что этими угодьями, наряду с жителями замка и посада, пользовались также крестьяне близлежащих сел.

О широком распространении в средневековой Хорватии неразделенных угодий, приписанных к замкам, постепенно обраставшим посадами и превратившимся в города в полном смысле этого слова, свидетельствует также ряд хорватских «городских» статутот конца XV—XVI вв. Так, например, статут «града» Каставы (1490 г.) в одной из своих статей (ст. 44) упоминает об отводе кметам сенокосов в принадлежащих «граду» общинных угодьях (*kommunitadi*)⁵². О наличии такого рода угодий сообщают также статуты Вепринца (1507 г.) и винодольского «града» Тржата (1640 г.), причем оба статута явно предполагают, что эти угодья находились в совместном владении жителей «града» и кметов тянувших к нему сел⁵³.

Итак, в Хорватии изучаемого периода наряду с общинными угодьями, находившимися в общем пользовании жителей территориальных общин,

⁴⁶ MHJSM, vol. V, str. 291.

⁴⁷ Ibid., str. 225, 232, 235—236, 240, 250, 260, 268.

⁴⁸ Ibid., str. 221, 274, 290.

⁴⁹ Ibid., str. 218, 222/225, 240.

⁵⁰ Ibid., str. 225, 272 (в первом случае «на опчине» значит одно крестьянское хозяйство, во втором — два).

⁵¹ Ibid., vol. V, str. 267.

⁵² Ibid., vol. IV, str. 189.

⁵³ Ibid., vol. IV, str. 214—215, 225—226. В данной связи обращает на себя также внимание расшифровка Б. Д. Грековым часто употребляемого Винодольским статутот (1288 г.) термина «община града». «Винодольский «город», — пишет Б. Д. Греков, подводя итог анализу соответствующих показаний статута, — не отрезан от деревни. Он имеет свою собственную структуру и, живя своей собственной жизнью, в то же время является и центром, объединяющим весь сельский округ, тянувший к своему городу. В этом последнем смысле город и его сельский округ представляют такое органическое единство, которое Винодольский закон именует «общиной града». Б. Д. Греков. Винодол. М.—Л., 1948, стр. 51.

состоявших из одного или нескольких сел (деревень), имелись неразделенные земли, приписанные к замкам — «градам». Не исключено, повторяем, что возникновение этой последней категории земель — результат узурпации феодалами прав на общинные угодья так называемых сотен. Во всяком случае несомненно, что, хотя крестьяне близлежащих сел сохранили некоторую возможность пользования неразделенными угодьями, приписанными к замкам, основные права на эти угодья имели феодалы — владельцы замков.

Под господской опекой находились в изучаемый период и сельские общины. Об этом, в частности, весьма наглядно свидетельствует использование феодалами общинной организации в фискальных целях. Показания урбариев относительно коллективной ответственности членов территориальных общин за исполнение ряда повинностей уже приводились; к этим показаниям следует еще добавить, что согласно Озальскому урбарии «общинные» судьи были обязаны собирать с членов сельских общин платежи — «доходки»⁵⁴. Это обстоятельство вместе с тем показывает, что в рассматриваемый период хорватским феодалам уже в значительной мере удалось подчинить себе судебные органы территориальных общин. Известны и случаи прямого захвата хорватскими феодалами общинных угодий. Так, например, из протоколов хорватско-славонского сабора, состоявшегося в августе 1572 г., следует, что в этом году госпожа Барбара Алапич, вдова бана Петра Эрдеди, захватила у кметов села Егудовиц, принадлежащего соседним феодалам, сенокосы и лес, а заодно и часть пахотных земель⁵⁵.

Однако, несмотря на натиск господ, сельские общины в изучаемый период были еще достаточно прочными организациями, обеспечивавшими своим членам право пользования неразделенными угодьями. Являясь формой земледельческого производства⁵⁶, сельские общины вместе с тем были могущественным средством объединения крестьян для борьбы против наступления феодалов. В несколько измененном виде они сохранились в Хорватии вплоть до начала XX в.⁵⁷

Известно также, что в конце XIX — начале XX в. довольно значительная часть крестьянского населения (примерно 1/5) жила задругами, т. е. большими семьями⁵⁸. С другой стороны, доказано существование у хорватов больших семей еще до XII в.⁵⁹ На основе этих фактов уже можно, очевидно, предположить, что в Хорватии изучаемого нами периода также имелись семейные общины. Данное предположение находит себе подтверждение и в показаниях ряда доступных нам источников. Прежде всего, здесь следует сослаться на Полицкий статут, который в одной из своих статей (ст. 33) совершенно определенно говорит о большой семье, называя в числе ее членов: отца, сыновей, братьев ближних (родных) и дальних (двоюродных, троюродных и т. д.)⁶⁰. Состав большой семьи, по мнению Б. Д. Грекова, можно видеть и в одном хорватском документе от 1488 г., упоминающем «sinov, bratje, bratučedov, stricev i sinovae bližnih

⁵⁴ MHJSM, vol. V, str. 222, 225, 240.

⁵⁵ Monumenta spectantia historiam slavorum meridionalium (далее MSHSM), vol. XXXIX, Zagrabiae, p. 353.

⁵⁶ См. Ф. Энгельс. Марка, стр. 122.

⁵⁷ См. В. И. Фрейдзон. Развитие капитализма в хорватской деревне и положение крестьян в Хорватии в конце XIX — начале XX в. Ученые записки Института славяноведения, т. X, 1954, стр. 109—114.

⁵⁸ См. там же, стр. 107.

⁵⁹ См. И. Смирнов. Землевладение в Хорватии и Далмации. ЖМНП, № 235, 1884, октябрь, стр. 311; О. Mandić. Bratstvo u ranosrednjevekovnoj Hrvatskoj. Historijski zbornik. God. V, 1952, br. 3—4, str. 260 и сл.

⁶⁰ Б. Д. Греков. Полица, стр. 67—68, 224.

i dalnjih»⁶¹. О братьях ближних и дальних довольно часто говорится в других хорватских актовых материалах XV—XVI вв.⁶² Существование в Хорватии изучаемого периода семейных общин подтверждается, на наш взгляд, также урбариями, отмечающими иногда, что на одном и том же земельном наделе «сидело» несколько кметов-мужчин (иногда в их числе упоминаются вдовцы). Как правило, большинство этих кметов — однофамильцы, и, следовательно, наиболее вероятно, что они представляли собой коллектив родственников, имеющих общую пахотную землю и живущих под одной крышей, т. е. семейную общину. Особенно часто свидетельства о кметах, совместно владеющих земельным наделом, встречаются в Озальском урбарии 1642 г.; имеются такого рода показания и в Дубовацком урбарии 1581 г.⁶³

Судя по этим урбариям, в общем владении нескольких кметов-мужчин обычно находился полный надел (sessio), иногда половина надела, изредка 2—3 надела. Число взрослых мужчин, связанных коллективным владением пахотной земли, колебалось от 3—4 до 8—10.

Все сказанное, очевидно, позволяет заключить, что в изучаемый период в Хорватии сохранилось еще немало число семейных общин. Но, в то же время, обращает на себя внимание, что в актовых материалах очень часто упоминаются случаи раздела семейной собственности⁶⁴, что свидетельствует о довольно интенсивном процессе разложения семейных общин. Как показывают урбарии, господствующей формой семьи хорватского крестьянства в XV—XVI вв. уже несомненно была индивидуальная семья.

Рассмотренные материалы о хозяйственном положении непосредственных производителей в хорватской деревне конца XV—XVI вв. преимущественно относятся к кметам-колонам. Из этих материалов следует, что в изучаемый период хорватские кметы представляли собой феодально зависимых крестьян, наделенных землей и имеющих свое личное хозяйство; как правило, они были членами территориальных общин, в рамках которых подчас сохранялись большие семьи.

Кметы-колону составляли основную массу сельского населения Хорватии; но помимо кметов в хорватской деревне второй половины XV—XVI вв. имелись и другие категории феодально зависимых непосредственных производителей. Однако их изучение сопряжено со значительными трудностями, так как наши источники очень скупо освещают специфику их социально-экономического положения; в частности, почти совершенно ничего не говорят об особенностях их правового положения.

Весьма показательным в этом отношении, что те из хорватских историков, которые пытались решить вопрос о составе феодально зависимого сельского населения в Хорватии XV—XVI вв., искали ответ на него не в хорватских, а в венгерских источниках. Так, И. Хартингер, ссылаясь на венгерские источники, утверждал, что в это время между подданными хорватских феодалов правовых различий не было. Он делил всех этих подданных на следующие три группы (различавшиеся, по его мнению, лишь имущественным положением): «а) jobbagiones sessionati vel coloni, имевших помимо дома, двора и сада также пахотную землю (по своему имущественному положению они, очевидно, тождественны кметам-колонам хорватских источников. — Ю. Б.); б) inquilini domos habentes, которые

⁶¹ Б. Д. Греков. Полица, стр. 68, прим. 1.

⁶² См., например, I. Kukuljević. Acta Croatia. Zagrabiae, 1883, № 175, p. 178—179, № 235, p. 239, № 236, p. 239, № 265, p. 249.

⁶³ MHJSM, vol. V, str. 123, 219—224.

⁶⁴ О разделе большой семьи также говорится в уже известной нам ст. 33 Полицкого статута.

имели только дом, двор и сад; с) *subinquilini, inquilini domos non habentes*, которые живут в доме другого колона или инквилина»⁶⁵. В несколько модифицированном виде эта классификация И. Хартингера состава феодально зависимого населения в Хорватии XV—XVI вв. встречается и в современной югославской исторической литературе⁶⁶. Однако, указывая лишь на три категории подданных хорватских феодалов, И. Хартингер тем самым явно упростил вопрос. Как будет показано ниже, состав непосредственных производителей хорватской деревни этого периода был значительно сложнее. Опираясь исключительно на венгерские материалы, И. Хартингер оставил по существу недоказанным и факт существования в Хорватии XV—XVI вв. инквилинов. Между тем, термин *inquilinus* не раз упоминается в хорватских источниках, написанных на латинском языке. Среди доступных нам источников данный термин встречается в описи имуществ кн. Франкопана от 1558 г., в Дубовацком урбарии 1581 г. и в Раковацком урбарии 1630 г. (публикация, в которой помещены два последних источника, кстати сказать, была известна И. Хартингеру)⁶⁷.

К сожалению, опись 1558 г. почти не расшифровывает значения термина «*inquilinus*»; она лишь противопоставляет инквилинов колонам (*inquilini seu coloni*) и позволяет предположить, что инквилины жили в посаде (*orpidum*) или во всяком случае поблизости от него⁶⁸. Несколько подробнее об инквилинах сообщает Дубовацкий урбарий 1581 г. Из его показаний прежде всего следует, что инквилины проживали вблизи посада, население которого урбарий обозначает термином *cives*⁶⁹. В Дубовацком урбарии 1579 г., написанном на хорватском языке, относительно лиц, которых урбарий 1581 г. именует инквилинами, сказано просто, что они «пребывают под градом Дубовцом», а жители града называются пургарями⁷⁰. Данные этих двух урбариев в своей совокупности показывают, что инквилины имели свое жилище (лат. *cellaria*, хор. *hisa*)⁷¹; кроме того, у части инквилинов, именуемых в урбариях *promontariales* (лат.) или *gogschaki* (хорв.) были небольшие виноградники⁷², но ни один из них не имел пахотной земли. Относительно многих инквилинов в урбариях имеются указания, что они занимаются тем или иным ремеслом; о двух инквилинах сказано, что они «стражи»⁷³, об одном, что он — «учитель»⁷⁴; наконец, упоминается инквилин, по-видимому подмастерье, проживающий у инквилина-ремесленника⁷⁵. Но, независимо от их производственной деятельности, все дубовацкие инквилины были обязаны барщинными работами на господском домене, о характере и размерах которых в урбариях, к сожалению, не сказано⁷⁶. Инквилины, имевшие виноградники, кроме того должны были отдавать феодалу десятую часть вина, полученного из собранного ими урожая винограда⁷⁷. От всех же других повинностей

⁶⁵ См. J. Hartinger, *Hrvatsko-slovenska seljačka buna godine 1573*. Osijek, 1911, str. 61—70.

⁶⁶ A. Fiamengo. *Seljačka buna godine 1573*. Dijelo, god. 2, br. 1, Zagreb, 1948, str. 96.

⁶⁷ См. J. Hartinger. *Op. cit.*, str. 65—70.

⁶⁸ См. E. Laszowski. *Popis i procena...*, str. 196.

⁶⁹ *MHJSM*, vol. V, str. 108—119.

⁷⁰ *Ibid.*, str. 100—102.

⁷¹ *Ibid.*, str. 100, 120.

⁷² *Ibid.*, str. 104—105, 120.

⁷³ *Ibid.*, str. 102—104.

⁷⁴ *Ibid.*, str. 104.

⁷⁵ *Ibid.*, str. 119.

⁷⁶ *Ibid.*, str. 104, 105, 119.

⁷⁷ *Ibid.*, str. 105, 120.

(денежных и натуральных), которые несли дубовацкие пургари и кметы, инквилины были освобождены.

Раковацкий урбарий 1630 г. упоминает лишь двух инквилинов. Оба они жили в подградье Раковца или вблизи от него (точно установить не удастся), каждый из этих инквилинов владел участком пахотной земли размером в 3 югера. Идентичны были и их повинности: в урбарии сказано, что они освобождены от всех платежей и обязаны лишь три дня в неделю отбывать барщину, а также, когда понадобится, доставлять господину почту в ближайшие населенные пункты⁷⁸.

Итак хорватские источники второй половины XVI—первой половины XVII в. свидетельствуют, что инквилины в это время составляли сравнительно немногочисленную, но довольно пеструю по своей производственной деятельности прослойку феодально зависимого населения, занимавшуюся ремеслом, виноградарством, хлебопашеством, несением сторожевой службы и т. д. Все они жили вблизи господского замка и использовались в качестве рабочей силы в домениальном хозяйстве феодала. В отличие от кметов инквилины совсем не имели обрабатываемой земли или имели лишь небольшой участок. Этим, видимо, в первую очередь и объясняется разнообразный характер их производственной деятельности. Не имея достаточно земли, которая могла бы его прокормить, инквилин неизбежно должен был искать иных, неземледельческих источников дохода. Относительная экономическая маломощность инквилинов, о которой особенно наглядно свидетельствует освобождение их от всех денежных и натуральных платежей, заставляет думать, что основная масса этой категории феодально зависимых людей ведет свое происхождение от разорившихся крестьян-кметов. Как видим, вопрос о социально-экономической природе инквилинов гораздо сложнее, чем он представлялся И. Хартингеру. Что же касается субинквилинов, которых И. Хартингер выделил в особую группу подданных, то, судя по нашим материалам, в Хорватии изучаемого периода их было весьма немного.

Значительно чаще чем инквилины в наших источниках упоминаются влахи, хорошо известные в средние века во всех южнославянских странах. В современной научной литературе признано, что влахи — остатки романизированного древнего населения Иллирии и Фракии, что их основным занятием было скотоводство⁷⁹. Надо полагать, что данная характеристика этнического происхождения влахов полностью относится и к тем из них, которые фигурируют в хорватских источниках.

Несомненно и то, что в изучаемый период значительная часть влахов на территории Хорватии продолжала, по-прежнему, заниматься преимущественно скотоводством. В этом нас, в частности, убеждают соответствующие показания Полицкого статута. Они свидетельствуют о том, что в Полице XV—XVI вв. влахи — «зависимые от господ люди, занимавшиеся не столько земледелием, сколько разведением и пастьбой скота»⁸⁰. Свою обычную производственную деятельность в XV—XVI вв. многие хорватские влахи сочетали с несением военной службы⁸¹. Особенно интересны в этом отношении сведения, содержащиеся в грамоте кн. Анжа Франкопана от 1436 г. Из этой грамоты следует, что в середине XV в. вблизи Сеня находилось несколько «катуней», населенных влахами. Эти влахи имели своего князя, воеводу и судей; каждый «катун» возглавлялся

⁷⁸ *MHJSM*, vol. V, str. 174.

⁷⁹ См. История Болгарии, т. I. М., 1954, стр. 48, 120; Б. Д. Греков. Полица, стр. 60.

⁸⁰ Б. Д. Греков. Полица, стр. 61.

⁸¹ *MHJSM*, vol. V, str. 8—12, 381—382.

выборным катунаром. Основная обязанность сеньских владов заключалась в службе «на коне со щитом и мечем или стрелами и мечем»⁸². Вместе с тем они должны были вносить кн. Франкопанам ряд платежей. Состав этих платежей (овцы, коровы, сыр)⁸³, а также обозначение в грамоте местожительства владов термином «катунь», употребляемого в южнославянских памятниках обычно для наименования скотоводческих поселений⁸⁴, не оставляют сомнений относительно характера их производственной деятельности. Грамота 1436 г. одновременно свидетельствует, что некоторые владов использовались в качестве пастухов в хозяйстве хорватов⁸⁵. Известно также, что немало хорватских владов в XV—XVI вв. было занято в перевозке товаров⁸⁶. Наконец, есть основание полагать, что в изучаемый период часть владов в Хорватии уже превратилась в земельцев. Именно такими предстают перед нами владов в грамоте кн. Мартина Франкопана от 1470 г.⁸⁷ Становясь земледельцами, владов, несомненно, сливались с основной массой непосредственных производителей хорватской деревни — кметами. В этой связи обращает на себя внимание тот факт, что в конце XV—XVI вв. прозвища многих хорватских кметов были производными от слова «владов» (Vlach, Vlašić и т. п.)⁸⁸.

Процесс превращения владов в земельцев в изучаемый период, видимо, был ускорен тем, что в условиях турецкого нашествия на Балканы многие владов были вынуждены переселиться с основной территории своего расселения — районов горного пастбищного скотоводства — в ту часть Хорватии, где главным занятием сельского населения могло быть лишь земледелие.

Наряду с кметами, инквиллинами и владовами, хорватские источники XVI—первой половины XVII в. изредка называют также «слободняков» («slobodnjaki»). Эта сравнительно немногочисленная прослойка сельского населения имела свое хозяйство, ничем не отличавшееся от хозяйства большинства кметов. Судя по отрывочным свидетельствам источников, основная особенность положения слободняков по сравнению с кметами состояла в том, что они несли сторожевую или военную службу в отрядах хорватских феодалов⁸⁹. В то же время, слободняки были освобождены от большинства повинностей, исполнявшихся кметами⁹⁰. В связи с этим, они очевидно и получили свое наименование. Весьма возможно, что и по своему правовому положению слободняки несколько отличались от кметов. Но, так или иначе, слободняки оставались обязанными феодалу рентой обычно в форме натуральных или денежных платежей. И, хотя величина этих платежей была сравнительно невелика, все же наличие их дает нам полное право отнести слободняков к числу непосредственных производителей, прибавочный продукт которых в изучаемый период присваивался хорватскими феодалами.

Наиболее скучно в доступных нам источниках освещен вопрос о дворах хорватских феодалов. В этой связи можно указать лишь на упоми-

⁸² MHJSM, vol. V, str. 9.

⁸³ Ibid., str. 9—10.

⁸⁴ См. С. Новаковић. Законик Стефана Душана, цара српског, 1349 и 1354. Београд, 1892, стр. 165.

⁸⁵ MHJSM, vol. V, str. 11.

⁸⁶ См. V. Klaić. Povjest Hrvata, sv. III, dio I, Zagreb, 1911, str. 41.

⁸⁷ MHJSM, vol. VI, str. 258.

⁸⁸ Ibid., vol. V, str. 35, 37, 105, 226, 229, 231, 322 и сл.

⁸⁹ Ibid., str. 108, 133, 234, 237; Starine, kn. XXV, str. 236, 314.

⁹⁰ Так, например, по данным Новиградского и Озальского урбариев слободняки были обязаны платить девятую или десятую часть вина, полученного ими со своих виноградников. Новиградские слободняки, кроме того, платили чинш размером в 1 дукат (MHJSM, vol. V, str. 143—144, 234, 237).

вание в Модрушском урбарии «подворцев», под которыми, по мнению Р. Лопашича, следует понимать дворовых людей⁹¹; впрочем, как свидетельствует Модрушский урбарий 1486 г., часть «подворцев» в конце XV в. во владениях кн. Франкопанов в Приморской Хорватии была посажена на землю⁹².

Не исключено также, что в хозяйстве хорватских феодалов использовался труд пленнх, обозначаемых в наших источниках обычно термином «сужань». Термин этот не раз встречается как в Полицком статуте, так и в хорватских грамотах конца XV—XVI вв. Судя по данным этих грамот, у отдельных хорватских феодалов имелось весьма значительное число пленнх. Например, в одной из грамот от 1543 г. указывается, что у кн. Михаила Слунского в это время было свыше тысячи пленнх⁹³. К сожалению, прямых свидетельств об использовании хорватскими феодалами труда пленнх у нас нет. Есть лишь данные о том, что пленные рассматривались хорватскими землевладельцами как значительная ценность. В этом нас, в частности, убеждают показания грамоты кн. Николая Зринского и Степана Франкопана от 1544 г., из которой следует, что поселившиеся в их владении владов были обязаны отдавать половину всех пленнх своим господам⁹⁴. Весьма вероятно, что эта заинтересованность хорватских феодалов в пленнх прежде всего объясняется возможностью получить за них выкуп. Однако, как справедливо замечает Б. Д. Греков, комментируя показания Полицкого статута о «сужнях», до момента выкупа или бегства пленный, живя у хозяина, конечно, на него работал⁹⁵.

Наконец, следует отметить, что в наших источниках имеются показания о применении хорватскими землевладельцами в своем хозяйстве наемного труда. Косвенный намек на это делает грамота кн. Анжа Франкопана от 1436 г., упоминая «нафамников»⁹⁶; но особенно интересны в этом отношении данные о «наймитах» Полицкого статута. Им в Статуте посвящена статья 93. Кроме того, в статье 78с говорится о человеке, находящемся в «найму». Она предписывает повесить вора («меусобца»), а имущество его конфисковать, и в заключение добавляет: «Ако ли е кметий покрео свога господара, дужань е и главом и благом: ки ли би крео господара, у кога би стао у найму, дужань дупло»⁹⁷. Не совсем понятно, что означает «дупло» (вдвое) наймита по сравнению с наказанием кмета, который платится головой и имуществом. Однако для нас существенно уже то, что статья 78с отличает наймита от кмета.

Статья 93 (193—194), озаглавленная «Законь од нафамников», в первой своей части (статья 193) упоминает старый закон, из которого мы узнаем, что «нафамник» заключал с хозяином договор на определенный срок (обычно на год), по истечении которого оплачивалась его работа. Если же «нафамник», не отработав срока, без всякого уважительного повода уходил от господина, то старый закон разрешал ему «неплатити ништарь». В то же время и хозяин нес материальный ущерб: в случае досрочного расторжения договора с наймитом он при этом должен «платити за пунь нафам»⁹⁸. Во второй части статьи 93 (194) говорится, что «теперь Полица установила закон милостивый: если бы «нафамник» оставался у хозяина некоторое время, не учинив никакого зла или ущерба;

⁹¹ MHJSM, vol. V, str. 36, op. I.

⁹² Ibid., str. 52, 57.

⁹³ I. Kukuljević. Acta Croatia, № 240, p. 242.

⁹⁴ MHJSM, vol. V, str. 381—382.

⁹⁵ См. Б. Д. Греков. Полица, стр. 54, 62.

⁹⁶ MHJSM, vol. V, str. 10.

⁹⁷ Ibid., vol. IV, str. 86.

⁹⁸ Ibid., str. 96—97.

он может просить у хозяина часть «найма» соответственно со временем, проработанным на хозяина»⁹⁹.

Следовательно, положение полицкого наймита эволюционировало в сторону превращения его в свободного работника. Однако естественно возникает вопрос, чем объясняется сей «милостивый» по отношению к наймитам закон. Ответ на него отчасти дает следующее указание статьи 93: «Если бы хозяину захотелось рассчитать наемника, он волен заплатить ему за проработанное время и отпустить его». Заинтересованность хозяина в досрочном расторжении договора с наймитом выясняется из заключительной части статьи 93. Оказывается, дело в том, что «зимой с харчем («хран») труднее, чем летом, а лето для работы важнее чем зима»¹⁰⁰. Отсюда же следует, что труд наймита применялся, главным образом, в земледелии.

Говоря о наймитах, необходимо помнить, что наемный труд — основа новой общественно-экономической формации. В эпоху феодализма, как указывает Ф. Энгельс, «...наемный труд существовал лишь в виде исключения...»¹⁰¹. Несомненно, исключением было и применение труда «наймитов» хорватскими феодалами: в изучаемый период земельная собственность реализовалась ими прежде всего в форме феодальной ренты. Об этом убедительно свидетельствуют показания урбариев о структуре и движении докапиталистической земельной ренты в Хорватии второй половины XV—XVI вв.

Эти показания, как отмечалось выше, уже были предметом нашего изучения. Поэтому мы здесь ограничимся лишь напоминанием основных выводов относительно эволюции феодальной ренты в Хорватии второй половины XV—XVI вв., к которым мы пришли в статье, представляющей опыт исследования хорватских урбариев¹⁰².

Эти выводы сводятся к следующему. Во второй половине XV в. присвоение хорватскими феодалами прибавочного труда непосредственных производителей осуществлялось преимущественно в форме натуральной и денежной ренты. Размеры отработочной ренты были сравнительно невелики, что соответствовало небольшому масштабу собственной запашки хорватских землевладельцев. Более того, в конце XV в. в отдельных районах Хорватии барская запашка сокращалась, отработочная рента заменялась денежной.

Иную картину раскрывают урбарии XVI в. Уже для 40-х годов этого столетия они позволяют констатировать повышение заинтересованности хорватских феодалов к собственной запашке и увеличению барщины кметов. В последующие десятилетия наблюдается дальнейший рост отработочной ренты. В последней четверти XVI в. барская запашка, обрабатываемая зависимыми кметами, доставляла хорватским землевладельцам подавляющую часть доходов. Господствующей формой феодальной эксплуатации в это время становится отработочная рента: барщина кметов достигает 6 дней в неделю. Денежным и натуральным платежам принадлежит второстепенная роль, а их номинальная величина остается почти неизменной.

Таким образом, в Хорватии XVI в. наблюдается тот же процесс усиления феодальной эксплуатации за счет увеличения барщинных повинностей крестьян, что и во всех европейских странах к Востоку от Эльбы. Как

⁹⁹ MHJSM, vol. IV, str. 97.

¹⁰⁰ Ibidem.

¹⁰¹ Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. Госполитиздат, 1953, стр. 255.

¹⁰² См. Ю. В. Бромлей. Эволюция докапиталистической земельной ренты в Хорватии второй половины XV и XVI веков. Ученые записки Института славяноведения, т. IV, 1951, стр. 284—306.

и в этих странах, в Хорватии данный процесс был связан со значительным ростом потребностей феодалов, что в свою очередь было обусловлено как дальнейшим развитием товаро-денежных отношений внутри страны, так и теми крупными переменами, которые происходили в XV—XVI вв. в экономической жизни всей Европы. Как указывает Ф. Энгельс, «капиталистический период возвестил в деревне о своем пришествии как период крупного сельскохозяйственного производства на основе барщинного труда крепостных крестьян»¹⁰³.

Важнейшее условие роста барщин в позднее средневековье — наличие сравнительно устойчивого рынка сбыта для сельскохозяйственных продуктов, полученных феодалом с домениальной запашки. В этой связи следует отметить, что помимо обычных возможностей для сбыта продукции сельскохозяйственного производства на внутреннем и внешнем рынках¹⁰⁴, в Хорватии XVI в. имелся дополнительный спрос на эту продукцию, создаваемый потребностями пограничных войск.

В Хорватии, как и повсюду, превращение барщины в основную форму эксплуатации сопровождалось усилением внеэкономического принуждения. Так, из решений Крижевацкого сабора 1538 г. следует, что в это время кметы-колоны Славонии, хотя формально и сохраняли право перехода, однако он был обставлен такими условиями, при которых практически реализовать это право им было весьма трудно¹⁰⁵.

Помимо урбаральных платежей и повинностей, среди которых основное место занимала барщина, хорватское крестьянство в XVI в. было обременено другими поборами и тяготами. В их числе следует отметить церковные десятины (лат. decime, хорв. dizme)¹⁰⁶, таможенные пошлины (лат. tricesima, хорв. harmica) и «дымницу» (лат. pecuniae fumales). Последняя собиралась ежегодно от каждого кметского хозяйства в пользу местных хорватских и славонских властей¹⁰⁷.

В XVI в. весьма тяжелым грузом на плечи хорватского крестьянства, особенно в Славонии, легли из года в год возрастающие платежи и повинности для военных нужд. Первое место среди них принадлежало «дикее» (лат. dica, хорв. riz), которая собиралась в Славонии¹⁰⁸ для содержания императорских пограничных войск. Хотя налог этот считался нерегулярным, однако, судя по сохранившимся данным, славонские крестьяне во второй половине XVI в. должны были вносить его весьма часто. Известно, что за 56 лет (с 1543 по 1598 г.) сбор «дики» производился 20 раз¹⁰⁹. Размер «дики» определялся сабором хорватско-славонских «сословий и чинов» и обычно составлял 1/2 флорина, а иногда даже 2 флорина с «дыма». Кроме того славонские и хорватские кметы должны были исполнять работы по восстановлению разрушенных крепостей, а также подвозить продовольствие на границу, а в 1538 г. решением Крижевацкого сабора было установлено, что от 36 крестьянских хозяйств каждый феодал выставляет одного

¹⁰³ Ф. Энгельс. Марка, стр. 126.

¹⁰⁴ Вопрос о том, какой рынок — внутренний или внешний — имел большее значение для реализации хорватскими феодалами сельскохозяйственной продукции, заслуживает специального исследования.

¹⁰⁵ I. Kukuljević. Jura regni Croatiae, Dalmatiae et Slavoniae, pars III, Zagrabiae, 1862, p. 26.

¹⁰⁶ Размер десятины определялся величиной крестьянского надела и количеством скота. С «полного» крестьянского надела (8—12 югеров) в счет десятины обычно выплачивалось 6 динар; за одну голову мелкого скота — 1 динар (J. Hartinger, Hrvatsko-slovenska seljačka buna godine 1573, str. 56—57).

¹⁰⁷ Величина «дымницы» ежегодно определялась сабором и колебалась от 10 до 40 динар (J. Hartinger. Op. cit., str. 59—60).

¹⁰⁸ «Собственно Хорватия» была освобождена от уплаты дики.

¹⁰⁹ Fraknoi. Monumenta comitalia regni Hungariae: vol. II, str. 256—257.

конного солдата для несения службы в пограничных войсках; тот же сабор предоставил хорватскому бану право мобилизовать в случае особо опасного положения на границе всех кметов, способных носить оружие¹¹⁰.

Тяжелое положение сельского населения усугублялось грабежами и насилиями наемных войск и внутрифеодальными войнами, принимавшими, по мере роста потребностей феодалов, все более ожесточенный характер.

Усиление в XVI в. нажима хорватских феодалов, связанного с активизацией их хозяйственной деятельности, не могло не вызвать сопротивления со стороны крестьян, отдельные проявления которого можно наблюдать уже в 40-х годах XVI в. Так, в жалобе грижанских кметов князю Франкопану от 1544 г. прямо сказано, что, если не будут отменены вновь введенные повинности, то они откажутся от выполнения всех «служб»¹¹¹.

Но особого обострения классовые противоречия в хорватской деревне достигают к 60-м годам XVI в. Это было обусловлено прежде всего дальнейшим ростом феодального гнета, а также опустошениями страны, последовавшими за падением Сигета в 1566 г. и связанными с борьбой против турок новыми военными тяготами.

Дошедшие до нас источники сохранили известия о том, что крестьянские волнения в конце 60-х годов принимают массовый характер. Так, в протоколах сентябрьского сабора 1567 г. прямо говорится, что «бунтующие колонны господ и знати, имеющих владения в королевстве Славония, не вносят платежей и (не исполняют) положенных служб своим господам»¹¹². К вопросу о «бунтующих и восстающих колонах» хорватские «сословия» вновь возвращаются на Загребском саборе 25 июня 1568 г., который предписал применение к «бунтовщикам» закона короля Владислава от 1514 г.¹¹³, угрожавшего смертной казнью всем, кто осмелится выступить против господ.

Таким образом, уже в конце 60-х годов в хорватской деревне налицо явные симптомы предстоящего взрыва крестьянского возмущения. Дополнительным фактором, ускорившим этот взрыв, явился голод 1570 г., во время которого погибло немало крестьян.

29 февраля 1573 г. началось массовое крестьянское восстание, возглавленное хорватским кметом Матией Губцем. Восстание быстро охватило почти всю Славонию, часть Штирии и Крайны; с самого начала движение хорватских и словенских крестьян было направлено на ликвидацию феодального гнета; в ходе восстания у отдельных его участников возникла идея создания самостоятельного государства — «крестьянского царства» во главе с Матией Губцем; повстанцы намеревались организовать действительную защиту страны от турецких набегов. Только с помощью пограничных войск хорватским феодалам удалось подавить восстание¹¹⁴.

Несмотря на то, что антифеодальная война хорватских и словенских крестьян закончилась в сравнительно короткий срок, она произвела столь сильное впечатление на господствующие классы Хорватии, Штирии и Крайны, что им долгое время казалось, будто пронесшаяся над этими землями гроза крестьянского восстания все еще не миновала. Об этом особенно наглядно свидетельствуют рассчитанные на борьбу с восставшими крестьянами меры, которые штирийские и краинские феодалы

¹¹⁰ Fraknoi. Op. cit., p. 254.

¹¹¹ MHJSM, vol. V, str. 88—89.

¹¹² MSHSM, vol. XXXIX, p. 175.

¹¹³ Ibid., p. 218.

¹¹⁴ См. нашу статью: Восстание хорватских и словенских крестьян 1573 г. Ученые записки института славяноведения, т. XI, 1955, стр. 154—216.

продолжают принимать уже после получения вестей о поражении основных сил повстанцев¹¹⁵.

Под непосредственным впечатлением от восстания некоторые феодалы высказывали даже опасение, что крайние жестокости и чрезмерный нажим на крестьян могут толкнуть их на новые выступления против господ¹¹⁶. Опасение нового взрыва крестьянского возмущения, несомненно, несколько сдерживало отдельных феодалов в их наступлении на крестьян. Однако восстание 1573 г. потерпело поражение и не смогло изменить то направление развития аграрных отношений в хорватской деревне, которое намечалось еще в первой половине XVI в. в связи с активизацией хозяйственной деятельности феодалов. Более того, сломив в ходе подавления восстания сопротивление крестьян, хорватские феодалы заметно увеличили размеры отработочной и отчасти денежной ренты.

Как показывает анализ хорватских урбариев XVI в., именно те из них, которые приходится на последующий за восстанием отрезок этого столетия, фиксируют наибольшие размеры крестьянских повинностей и, прежде всего, барщинных работ на господской запашке¹¹⁷. Об усилении феодальной эксплуатации после подавления восстания сохранились и прямые свидетельства. Так, например, в источниках отмечается, что уже в конце 1573 г. в двух наиболее крупных феодальных владениях на территории Славонии между Савой и Купой — Желине и Окиче — эксплуатация крестьян была доведена до таких размеров, что на это вынуждены были обратить внимание даже хорватские и краинские власти. Из донесений посланных ими в эти имения чиновников выясняется, что желинские крестьяне «должны были непрерывно в течение пяти недель пахать, так что они не могли ходить домой; на протяжении всей пахоты у них совсем нечего было есть, кроме того, что они принесли с собою»¹¹⁸. В имении Окич, по словам одного из чиновников, крестьяне «должны были каждый месяц вносить платежи и (выполнять) столь большую барщину, что они не имели совсем возможности работать для себя и себя содержать; госпожа... силой отнимает принадлежащие им вино и скот»¹¹⁹. Так, растущие потребности феодалов побуждали их, пренебрегая опасностью нового крестьянского выступления, использовать подавление восстания для того, чтобы довести размеры феодальной ренты до максимальной величины.

Поглощение отработочными повинностями большей части рабочего времени крестьян, однако, вскоре привело к упадку крестьянского хозяйства в хорватской деревне. Об этом, по нашим предварительным наблюдениям, убедительно свидетельствуют показания хорватских урбариев о дроблении крестьянских наделов в первой половине XVII в.¹²⁰ Как конкретно протекал этот процесс, можно выяснить лишь в результате специального исследования, но это уже выходит за рамки задач, стоящих перед автором данной статьи.

¹¹⁵ F. Rački. Grada za povjest hrvatsko-slovenske seljačke bune god. 1573, Starine, kn. VII, № 96, str. 225, № 99 (2), str. 226.

¹¹⁶ Ibid., № 147, str. 275; № 178, str. 316; № 180, str. 317.

¹¹⁷ Ю. В. Бромлей. Эволюция докапиталистической земельной ренты... стр. 300—301.

¹¹⁸ F. Rački. Op. cit., str. 316.

¹¹⁹ Ibid., str. 317.

¹²⁰ См. MHJSM, vol. V, str. 171—351.

А. В. СОЛОВЬЕВ

ВИЗАНТИЙСКОЕ ИМЯ РОССИИ

1. ЛИТЕРАТУРА ВОПРОСА

В русском языке XIX и XX вв. наблюдается несогласованность между именем страны «Россия» и именем народа «русский». Это несоответствие часто удивляет иностранцев, поскольку в их языках его не замечается: они пользуются и для нашей страны и для народа именами образованными от одного корня — по большей части с гласной *y* (от основы *рус-*) или, в венгерском и польском, от основы на *o* (*рос-*). Лишь в новогреческом языке мы наблюдаем такое же колебание между обеими формами, как и в русском языке¹.

В 1868 г. украинский ученый М. А. Максимович в одной из своих статей остановился на этом вопросе, но рассмотрел лишь часть его².

В 1925 г. французский славист Антуан Мартел посвятил этой аномалии русского языка интересную статью, к сожалению слишком краткую и не свободную от ошибок³. Он проследил это явление лишь с XVI в. и не коснулся его византийских основ.

В 1940 г. византист М. Я. Сюзюмов указал в очень краткой заметке на византийское происхождение формы «Рос»⁴. Однако его объяснение, что появление этой формы связано с упоминанием в пророчестве Иезе-

¹ В новогреческом языке существуют разнообразные варианты нашего имени. Литературными являются унаследованные от Византии формы Ῥωσία, ὁ Ῥώσιος, ἡ Ῥωσία, — Ῥωσις, Ῥωσιός, μεγαλοῤωσιός, μικροῤωσιός, λευκοῤωσιός. Но наряду с ними в демоти-ческом, народном языке употребительны и формы на «y», например ἡ Ρουσία, ὁ Ρωσιος, ἡ Ρωσα, Ῥωσιος (и Ῥωσιός) особенно в выражениях как Ῥωσιό το βόττορα, Ῥωσιό στάρι, ὀμίλει Ῥωσιха (см. «Большую Греческую Энциклопедию», т. XXI, Афины, 1933 и Энциклопедический Словарь Элевтеродакиса, т. XI, Афины, 1931). Можно полагать, что и эти формы унаследованы от средневековья, где для X в. мы отметили их у Лиутпранда и Константина Багрянородного, а в XII в. в афонских актах. Но и развитие торговых связей с черноморскими портами в XIX в. могло усилить влияние живого русского языка на новогреческий.

² М. А. Максимович. Об употреблении названия Россия и Малороссия в Западной Руси. Собрание сочинений, т. II, Киев, 1877, стр. 307—311.

³ Antoine Martel. Un point d'histoire du vocabulaire russe: Россия, русский. Mélanges Paul Boyer. Paris, 1925, p. 270—279. Например, странно для слависта утверждение, что в XVI в. появилось будто бы прилагательное «росийский»: известно, что *-ск* изменяется в *-ст* перед гласными *и* и *ѣ*, а формы «рустии» в «рустей» (которые можно найти в начальной летописи) восходят к именительному падежу «русский» так же как «росийский» к «росийский». Еще более странно утверждение, что небывалая форма «росийский» образована под влиянием греческого Ῥωσιή, которое является наречием, так же как ἑλληνιστί, а прилагательных Ῥωσιότος и ἑλληνιστός никогда не было.

⁴ М. Сюзюмов. К вопросу о происхождении слов Ῥώσις, Ῥωσία, Россия, ВДИ, кн. 2(11), 1940, стр. 121—123.

киля князя Рос, не кажется нам убедительной: автор не отметил различия ударений в словах Ῥώσις и Ῥώσις.

В 1953 г. проф. М. Н. Тихомиров сообщил ценные данные из рукописей о появлении имени «Россия» в конце XV в., но и эта статья на четырех страницах не могла исчерпать вопроса⁵.

В одной из статей 1947 г. и мы уже касались византийских и славянских форм русского имени⁶, но только попутно, сейчас же ставим себе задачей проследить их параллельное существование за все время нашей истории.

2. РАЗЛИЧНЫЕ ВИДЫ РУССКОГО ИМЕНИ В ВИЗАНТИЙСКИХ ИСТОЧНИКАХ

Впервые имя «Рос» (в форме *Hros* или *Hrus*) появляется в сирийском источнике конца VI века, в хронике Захарии Ритора⁷. Н. В. Пигулевская выяснила, что это известие о северных народах было почерпнуто из устного сообщения армян из Амиды, проживших в плену у гуннов; в армянском языке густое придыхание предшествует согласной —*p*— (Ῥώπιη передается как *Hroma*); поэтому имя «Рос» в этом источнике сохранено как *Hros*, что не отвечает правилам сирийского правописания⁸.

Конечно, могут еще быть сомнения, относится ли свидетельство Захарии Ритора к нашим предкам, но уже несомненно, что именно их имя — и в совершенно сходной форме *Rhos* — засвидетельствовало в Византии в 838 г. Мы имеем в виду известное сообщение Бертинской хроники о прибытии из Византии людей, называвших свое племя *Rhos*, ко двору императора Людовика в Ингельсгейм.

Итак, византийцы (и германский двор) слышали в имени Руси гласную *o*. Между тем все арабские источники с IX по XI в. (и позже) называют нашу страну *Rūsiya*, а народ — *Rūs*, всегда с долгим *y*⁹, а венгерцы, узнавшие Русь в конце IX в., называют ее и до сих пор *Orosz*, прибавив, по законам своего языка, гармоническую гласную к началу корня *рос*. Колебание между сродными долгими гласными *o* и *y* русского имени¹⁰ характерно для письменных памятников древнейшего периода.

Точная греческая транскрипция имени Руси появляется в проповедях патриарха Фотия в 860 г. и в его окружном послании 867 г. Следует обратить внимание, что оно всегда написано у него с омегой и облеченным, т. е. долгим ударением (циркумфлексом). Так будут писать его и позже в официальных актах.

⁵ М. Н. Тихомиров. О происхождении названия «Россия». ВИ, 1953, № 11, стр. 93—96.

⁶ А. В. Соловьев. Великая, Малая и Белая Русь. ВИ, 1947, № 7, стр. 24—38.

⁷ См. последнюю статью по этому вопросу Н. В. Пигулевской, Имя «Русь» в сирийском источнике VI века н. э. (в сб. «Академику Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия», М., 1952).

⁸ В армянском языке византийцы — *Hromk*, замок Рум-Кале на Евфрате назывался: *Hrom-Gla*. Recueil des histoires des Croisades. Documents Armeniens, I. P. 1869, p. 282. Уже Marquart. Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. Leipzig, 1903, S. 382 ff. поставил *Hros* Захарии Ритора в связь с греческой формой *o* Ῥώσις.

⁹ V. Minor sky, in: «Encyclopedia of Islam», t. III. Leiden, 1936, p. 1181.

¹⁰ Эта долгая гласная *o* или *y* в византийских и арабских источниках IX и X вв. доказывает, что имя речки Рось, которое со времен Густынской летописи и Ломоносова постоянно связывают с именем Руси, не имеет с ним ничего общего. Оно постоянно склоняется в Ипатьевской летописи: «Рьси, на Рси, по Рси» (Ипат., стр. 51, 105, 344, 356 и т. д.), как и в «Слове о полку Игореве»; жители ее берегов называются «Поршане» (Ипат., стр. 230, 265 и 267). Ясно, что в X в. здесь еще была краткая глухая гласная «Рьсь», проявившаяся под ударением лишь в XII в.; ср. Рьша=Орша (Ипат. стр. 117 и 203).

Первые византийские источники, упоминающие о Руси, называют ее просто Ῥῶς: это имя собирательное обозначает племя, народ и остается несклоняемым, сочетаясь со множественным числом (так же как «Русь идоша, Русь реша»). Такие формы: οἱ Ῥῶς, ἔθνη τῶν Ῥῶς мы встретим у патриарха Фотия, у патриарха Николая Мистика, у Симеона Логофета и у продолжателя Феофана.

Однако у Константина Багрянородного, писавшего в середине X в., уже больше различных форм русского имени. Он тоже пишет οἱ Ῥῶς иногда даже без члена — Ῥῶς, но чаще с членом. Он знает вероятно и прилагательное ῥωσικός, ибо образовал от него наречие ῥωσιστί. Нам неизвестно, как он называл отдельного русина, но Ольгу он называет Ῥωσένη. Наконец, у него впервые появляется имя Ῥωσία¹¹, на котором следует остановиться.

Как известно, греческий и латинский языки имели активный суффикс -ia, для обозначения различных стран. Уже в древнегреческом языке встречаются Ἀσία, Λυκία, Πελαγονία, всегда с ударением на и. Тем же окончанием пользовались римляне, но с ударением на предыдущем слоге: Italia, Gallia, Graecia. В Византии количество таких названий увеличилось, благодаря внесению в язык администрации большого числа латинских имен: Ἰταλία, Δαλματία и др. Кроме того, легко создавались новые от имени данного народа. Так у Константина мы найдем имена стран Χαζαρία, Πατζιναχία и Βουλγαρία.

На первых страницах Повести временных лет находится около 50 таких имен с окончанием -ия: Сирия, Мидия, Аравия и др. Этот список заимствован из «Хронографа по великому изложению», составленного по Георгию Амартолу и Иоанну Малале. Несмотря на наличие таких многочисленных образцов, в древних наших летописях ни разу не встречаются имена «Россия» или «Русия», которые было бы легко образовать. Дело в том, что славянские языки пользуются, для обозначения самостоятельной страны, словом «земля», с соответственным прилагательным: Българска земля, Сръбска земля, Polska (ziemia), Hrvatska. Летопись Нестора знает уже под 862 и 911 годом название «Роусьская земля» и в тексте до изложения событий 1110 г. оно использовано для обозначения всей великой страны от Ладоги до Киева. В договорах 911 и 944 гг. «Русская земля» противопоставлена «Греческой земле», что вероятно передавалось по гречески Ῥωσία и Ῥωμανία¹².

Можно полагать, что слово Ῥωσία появилось уже в эпоху мирных переговоров 907 и 911 гг., но впервые оно засвидетельствовано у Константина Багрянородного. Последний знает и выражение ἔξω Ῥωσία, что по тогдашнему словоупотреблению обозначает «дальнюю», а не «внешнюю» Россию. Так как эта «дальняя Россия» обнимает все пространство от Новгорода до Киева, то надо полагать, что «ближней Россией» (ἡ ἔσω Ῥωσία) считались русские поселения в Тавриде, на Босфоре Киммерийском¹³.

Константин называет Игоря ἄρχων Ῥωσίας, Ольгу — ἀρχοντίσσα Ῥωσίας, а в формуляре писем к иностранным государям приводит и образец письма

¹¹ De Cerim., II, cap. 15 (Bonnae, 1829, p. 594 sq); De admin. imperio, cap. 9 (Bonnae, 1840, p. 74 sq.).

¹² В греческом языке выражение «Русская земля» встречается только в виде исключения. Так, например, Феодор Продром называет своего дядю Христопродрома, русского митрополита до 1089 г., — ἡγὺς Ῥωσικῆς πρέβερος», PG, t. 133, col. 1412.

¹³ См. А. Соловьев. ИСТОРИЯ ВУЗ. XIII, 1938, p. 227—232. Полагаем, что и наименование болгарских бояр ἔσω βουλγαδες надо переводить «ближние бояре», а не «внутренние».

εἰς τὸν ἄρχοντα Ῥωσίας. Он не хочет называть его великим князем (μέγας ἄρχων), хотя этот титул принят в тексте договоров 911, 944 и 971 гг. Наряду с княгиней всей России он знает и многочисленных ἀρχοντίσσαι Ῥωσίας, т. е. русских княгинь, и ἄρχοντες Ῥωσίας, русских князей¹⁴.

Знаменательно однако, что наряду с этими многочисленными формами на -ο-, у Константина Багрянородного проскальзывают и форма с гласной -υ-, более близкая к народному произношению. Именно, он пишет: τῶν ῥῶσικῶν χαραβίων (De cerim., 673). Очевидно в языке X в. слышалась и форма «οἱ Ῥῶσιοι», которая встречается и у Лиутпранда, в описании его посольства в 968 г. в Царьград: он упоминает «Rusios quos alio nomine Nortmannos appellamus» и объясняет, что греки называли этот народ «руссами» по физическим их свойствам (quos a qualitate corporis Graeci vocant Ρωσσιος); он пишет и «Rusorum naves»¹⁵.

Ясно, что в народном византийском произношении наряду с формой «рос» слышалось и «рус» и что греки отождествляли это имя с прилагательным ῥόσιος (красный, рыжий), столь известным как название цирковой думы: δῆμος τοῦ Ῥωσίου, τῶν Ῥωσίων.

Несмотря на то, что этот народный вариант давал удобную склоняемую форму, он остался весьма редким. Мы найдем его затем лишь в афонских актах. Например, в описи имущества Русского монастыря в 1142 г.¹⁶ разные предметы: книги, шубы, шапки, полотенца, названы «русскими» (ῥωσικα). В подтвердительных актах передачи этого монастыря снова русским монахам в 1169 г. он назван μονή τῶν Ῥωσίων, а в 1182 г. — τῶν Ῥωσίων: следовательно, в простонародном языке употреблялась форма Ῥῶσος и Ῥῶσος. Однако в следующих подтверждениях 1188 и 1194 гг. афонские проты вернулись к литературной форме τῶν Ῥῶς¹⁷. В просторечии монастырь и по сей час называется Ῥωσικό.

Следует особенно отметить, что написание с циркумфлексом последовательно проведено через хрисовулы императоров Константина X Дуки, Михаила VII Дуки, Никифора III Вотаниата и Алексея I Комнина, освобождавшие феодальные имения от постоя войск: Βαράγγων Ῥῶς, Ῥῶσοβαράγγων или Ῥῶς Βαράγγων¹⁸. Возможно, что на это написание повлияло сопоставление его со средне-греческим словом ῥῶσις (здоровье, сила)¹⁹, образованным от того же глагола ἔρωσα (аорист), от которого произведено классическое слово ῥῶμη (сила, крепость), связавшееся потом с именем Рима. Таким образом, византийские названия Рима и Руси могли в народной этимологии возводиться к одному корню, обозначающему «силу, крепость (душевную и телесную)»²⁰.

¹⁴ De admin. imperio, cap. 9, (p. 74); De cerim., II, 15, 48, (p. 594—597, 690).

¹⁵ MGH, Scriptores, t. III, p. 227 и 331.

¹⁶ О дате описи см. мою статью: Histoire du monastère Russe au Mont Athos. Byz., VIII, 1933, p. 218—219.

¹⁷ Акты Русского на св. Афоне монастыря. Киев, 1873, стр. 56, 70, 80; см. А. Соловьев. Histoire du monastère Russe au Mont Athos, p. 213—238.

¹⁸ Четыре хрисовулы: 1073, 1075, 1079 и 1088 гг. были изданы Миклошичем и Мюллером в Acta et diplomata Graeca medii aevi, VI, 2; V, 137, 143 и VI, 47; четыре других: 1060, 1079, 1081 и 1086 гг. (из архива Лавры) — К. Э. Цахариев-Лингенталем в Memoires de l'Acad. Imp. des Sciences de Saint-Petersbourg, VIIe série, t. XLI, N 4, 1893, p. 74 sq.; переиздание см. G. Rouillard et P. Collomp. Actes de Lavra (897—1178). Paris, 1937, № 28, 31, 37 и 41. В хрисовуле 1088 г. склоняемая форма: Ῥῶσων, Βαράγγων, Κουλίγγων.

¹⁹ Это слово мы встречаем в словаре Зонары (XII в.). Zonarae Lexicon, ed. H. Tittmann, v. I. Lipsiae, 1808, p. 1625.

²⁰ Такая связь заметна в тексте Симеона Магистра, говорящем о происхождении народа Руси от «некоего сильного Роса» (ἀπὸ Ῥῶς τινος σφοδροῦ) — Theophanes Continuatus, Bonnae, 1838, p. 707.

Действительно, у большинства византийских историков и в официальных текстах мы видим написание Ῥῶς, с протяжным ударением (циркумфлексом). Именно таково правописание патриарха Фотия (860 и 867), в письмах патриарха Николая Мистика (около 910—925 г.)²¹, у Константина Багрянородного, у Льва Диакона, у Симеона Магистра, у продолжателя Феофана, в «трактате о лагерях» конца X в.²²

Однако наряду с этой правильной формой, появляется и написание Ῥῶς с острым или тупым ударением (в зависимости от места в предложении). Такое начертание явилось в связи с тем, что византийские книжники стали связывать северный народ с именем мифического «Гога, князя Роса и Магога» в 39 главе пророчества Иезекииля в греческом тексте Ветхого Завета. Следует напомнить, что в еврейском подлиннике такого имени нет; там сказано: «вот я на тебя, Гог, верховный глава (неси рош) Мешеха и Фувала»²³. Семьдесят александрийских толковников, переводчиков Библии на греческий язык, поняли «неси рош» как «князь Роша» и перевели «Γῶγ, ἡγεμὼν τῆς Ῥῶς, Μεσεχ καὶ Θουβάλ». Между тем латинская Вульгата правильно перевела: «principem capitis Mesech et Thubal».

Этого, никогда не существовавшего князя Роса естественно было сопоставить с новым народом «Рос». Первым это сделал Лев Диакон, по поводу похода Святослава; он пишет: «говорят, . . . что сей народ отважен до безумия, храбр, силен, что нападает на все соседние народы, что многие свидетельствуют и даже божественный Иезекииль о сем упоминает в следующих словах: «се аз навожу на тя Гога и Магога, князя Рос (ἄρχοντα Ῥῶς)». Следует подчеркнуть, что псевдо-библейское имя Лев Диакон пишет с острым ударением, а имя нашего народа всюду с циркумфлексом, но предпочитает называть его тавроскифами.

Именно под влиянием пророчества Иезекииля некоторые писатели начинают вносить острое ударение в русское имя. Это написание преобладает у Георгия Кедрина (II, 316, 372, 383 и сл.) и у Никиты Хониата (стр. 122, 168, 691). Однако у них можно найти и написание с долгим ударением (Кедрин, II, 363). Такие же перебои можно заметить в издании продолжателя Феофана — три раза Ῥῶς, два раза Ῥῶς (стр. 196, 423, 481 и 342) и Зонары (Ῥῶς — II, 173, 210, но и Ῥῶς — III, 435, 476, 484 и сл.). Так как изданы обычно не подлинные рукописи, а поздние списки, то трудно сказать, какие формы были первоначальными: мы полагаем однако, что правильной была форма с циркумфлексом, засвидетельствованная в большинстве текстов. Она встречается позднее у Михаила Атталюта (стр. 254), у Цецеса (Hist. 881) и у Никифора Григоры (III, 113, 511 и др.).

Прилагательное обычно звучит Ῥωσικός: у Льва Диакона (7 раз), у Атталиота, Михаила Пселла, Кедрина и Никифора Григоры. Впрочем, у Льва Диакона встречается три раза и написание Ῥωσικός, с двумя с (стр. 103 и 106). Исключением является Ῥωσικός у Георгия Амартола (стр. 914).

Несклоняемое имя Ῥῶς постепенно заменяется склоняемой формой Ῥῶσι или Ῥῶσι: мы видели ее в афонских актах XII в.: ее можно найти у Евстафия Солунского (около 1170 г.)²⁴, у Михаила Глики (стр. 553 и 595) и у Иоанна Кантакузина (III, 92).

²¹ Nicolai Mystici epistola 22 ad Simeonem Bulgariae. PG, t. CXI, col. 151.

²² Tractatus de castrametatione, ed. R. Vari. Incerti scriptoris byzantini saeculi X Liber de re militari. Lipsiae, 1901; см. рец. Ю. Кулаковского в ВЗ, Bd. XI, 1902, S. 555.

²³ E. König. Zur Vorgeschichte des Namens «Russen». Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. Bd. 70. Leipzig, 1916, S. 92—96.

²⁴ В. Латышев. Известия древних греческих и латинских писателей о Скифии и Кавказе, т. 1, вып. 1, СПб., 1893, стр. 194.

Страна называется Ῥωσία: после Константина это имя встречается у Кедрина (II, 372, 478), у Зонары (II, 210, 214) и Григоры (I, 114, 516, 518) и в официальных актах. Русский митрополит всегда называется Ῥωσίας: такова уже подпись митрополита Феофемпта на синодском акте 1039 г.²⁵ В списках епархий мы найдем это имя на 60-м месте. Интересно, что появляются эпитеты Νέα Ῥωσία для Поднестровья (около 1060 г.) и Μεγάλη Ῥωσία для обозначения всей великой России, в XII в.²⁶

Наконец, у историка XIV в. Никифора Григоры (III, 199 и 511) и в XV в. у Сфрандзи (стр. 254—5) является написание Ῥωσσία с двумя с, вероятно под латинским влиянием.

3. ИМЯ «РОССИЯ» В СРЕДНЕВЕКОВЫХ ЗАПАДНЫХ ИСТОЧНИКАХ

Известно, что западноевропейские источники уже с XI в. называют нашу страну Russia, Ruscia, Ruzzia, реже Ruthenia. Не отмечено, однако, что они иногда пользуются и византийской формой «Россия», на чем следует остановиться.

Германский хронист середины XII в. Оттон Фрейзингенский приводит под 1142 г. письмо императора Иоанна Комнина германскому императору Конраду, в котором между прочим сказано, что Иоанн принял во внимание жалобу Конрада «de causa quae facta sunt (sic) in Rossia». Вот точно датированное появление имени «Россия» в латинском тексте, очевидно переведенном с греческого языка²⁷.

Тогда же во французской «Истории Иерусалима» XII в. сообщается, что под Никеей среди крестоносцев были витязи «de Polaine, de Rossie, de Norwegre» т. е. из Польши, России и Норвегии. Французский эпос XII—XIII вв. часто пользуется формой Rosie наряду с другими: Rousie, Roisie²⁸. В начале XIII в. император Фридрих II, венгерский король Бела IV и король чешский в своих письмах пишут Rossia²⁹. Можно полагать, что эта огласовка стала известна на Западе в результате развития венецианско-византийских торговых и дипломатических связей. Это особенно заметно в сочинении венецианца Марко Поло. Как известно, он не был лично в России, но его отец и дядя долго проживали в Согдае (Сурож) в Крыму, и вероятно по их рассказам он посвятил России одну из последних глав своего сочинения. Знаменательно, что в рукописи на

²⁵ E. Honigmann. Studies in Slavic Church History. Byzantion, t. XVII, 1947, p. 161.

²⁶ У Нила Доксопатра в 1143 г. и в списке епархий около 1170 г. PG, t. 132, col. 1105; H. Gelzer. Abhandlungen der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, t. XXI, S. 585.

²⁷ Ottonis Frisingensis Chronicon, I. VII (MGH. SS, t. XX, p. 364); перед тем Конрад жаловался Иоанну на Rutenos, задержавших его купцов. Вероятно, Rossia и Ruteni обозначают здесь не Киев, а Галицию, князь которой Владимирко в это время был вассалом (υπόσπονδος) Византии. Cinnamus, Bonnæ, 1836, p. 115; F. Chalandon. Jean II Comnène (1118—1143) et Manuel I Comnène (1143—1180). Paris, 1912, p. 145; G. Vernadsky. Relations russo-byzantines au XII s. Byzantion, t. IV, p. 275.

²⁸ G. Lozinsky. La Russie dans la poésie française du Moyen Age. Rev. Et. Slaves, vol. IX, 1929, p. 254 sq.; ср. А. И. Дробинский. Русь и Восточная Европа во французском средневековом эпосе. Исторические записки, № 26, 1948, стр. 95 сл.

²⁹ Император жалуется на австрийского герцога, задержавшего подарки от русского князя (xenia quoque, per ducem Rossiae nobis transmissa). C. Erben. Regesta Bohemiae et Moraviae. P. I. Praga, 1855, p. 360; Бела IV пишет в 1241 г. герцогу брауншвейгскому, что татары опустошили Cumania, Rossia nec non Polonia. C. Erben. Op. cit., p. I, p. 493; то же пишет чешский король: A. Wozek. Codex diplomaticus et epistolaris Moraviae, Olomucii, 1841, III, p. 5.

французском языке, считающейся оригиналом, восемь раз сказано *Rosie*, а в первый раз даже — *Rosée*. В лучшей итальянской рукописи во всех девяти местах стоит: *Rosia*³⁰. Очевидно, это были формы, привычные в Суроже или Царьграде. Рубруквис, рассказывая о своем путешествии 1253 г., пишет, что в Сурож прибывают купцы «*de Rossia et terris aquilonaribus*».

Ценным источником для средневековой истории являются мореходные карты (портоланы), составленные итальянскими и каталонскими моряками, побывавшими в Византии и на Черном море. Древнейшая каталонская карта Анжелино Дулсерта 1339 г. рисует великую страну *Rossia* с городами Ростовом, Москвой и Рязанью; другая каталонская карта 1375 г. опять дает название *Rossia*, а на карте 1400 г. изображен над Москвой государь в палатке, с надписью: *rex Rossiae*.

На венецианской карте Андрея Бианки 1436 г. указаны: *Rosie*, *Rosie imperio* и *Rosie Magno*³¹. Вспомним, что еще Е. Голубинский обратил внимание на то, что целый ряд географических названий Черноморского побережья, образованных от этого корня, приведен в изданных Тафелем итальянских периплах XIV—XV вв.: остров *Rossa* к югу от устья Днестра, *Rossofar* к северу от Евпатории, *Rosso* или *fiume Rosso* вблизи устья Дона и *casale dei Rossi* к югу от Азова³². Итальянцы хорошо знали русское имя в его греческом произношении.

Отметим любопытный факт. В 1385 г. в один и тот же день великому князю Ягайлу было послано два письма одинакового содержания из Кенигсберга: в первом великий магистр ордена называет Ягайла *dominus Rusye* и говорит о его подданных *Litwinis et Rutenis*; между тем во втором маршал ордена, известный Конрад Валленрод пишет: *domino Rosie* и *subditos Litwanos et Rotenos*³³. Трудно объяснить, почему Валленрод пользуется такими своеобразными формами.

Произношение *Рос* проникает через Византию и Каталонию и в испанский язык. Путешественник Перо Тафур, побывавший в Константинополе в 1429 г., упоминает народ *Roxos* и страну *Roxia*³⁴.

На некоторых средневековых картах — например, на карте 1459 г. фра Мауро Камальдула — вместо одного общего названия нашей страны — указаны: на Днестре — *Rossia Rossa*, к северо-западу, под Литвой — *Rossia Negra*, на северо-востоке, у Москвы — *Rossia Biancha*, а над Новгородом — просто *Rossia*³⁵.

4. ИМЯ «РОССИЯ» НА РУСИ С XI ПО XIV в.

За все время до татарского нашествия и после него византийская огласовка русского имени «Рос/Росия» неизвестна русскому языку. Все памятники (за редчайшими исключениями) пользуются лишь формами «Русин».

³⁰ Le livre de Marco Polo rédigé en français en 1298, édité par M. G. Pauthen, t. II, Paris, 1865, p. 752—754, Marco Polo. Il Milione secondo il testo della „Crusca“ a cura di Dante Olivieri. Bari, 1912, p. 266—267.

³¹ N. A. E. Nordenskjöld, Periplus, Stockholm, 1897, tabl. IX et XII; J. Lelewel. Géographie du Moyen Âge, t. II, Bruxelles, 1852, p. 27 et 68. Тот же государь в монаховой шапке изображен с надписью: *Rossia* на карте Фредуччи 1460-х годов; см. Arg. Cortezao. The Nautical Chart of 1424. Coimbra, 1954, tabl. VIII.

³² Е. Голубинский. История русской церкви, т. 1, М., 1901, стр. 42; ср. Constantini Porphyrogeneti De provinciis regni byzantini, ed. L. Tafel, Tubingae, 1847, p. 39, 40.

³³ A. Prochaska. Codex epistolaris Vitoldi. Cracoviae, 1882, p. 6, 7.

³⁴ Еще в 1622 г. испанец Отавио Саниенда пишет: «*los Roxos vassalos de Polonia*»; см. В. Антонович и М. Драгоманов. Исторические песни Малорусского народа, т. 1. Киев, 1874, стр. 203.

³⁵ J. Lelewel. Géographie... Atlas. Bruxelles, 1850, pl. 33.

Русь, Русская земля». Это тем более удивительно, что греческая огласовка была известна в церковных и придворных кругах, поскольку они пользовались греческим языком, о чем свидетельствуют печати митрополитов и князей. Митрополиты, по большей части греки, имели печати с греческими надписями. Нам известны восемь печатей митрополитов XI—XIII вв.: Георгия (1060—1073), Ефрема (1055), Иоанна (1077—1089 или 1164—1166), две Никифора (1104—1121 или 1182—1198), Константина I или II (1156—1159 или 1167—1177), Кирилла (1225—1233) и безыменная золотая печать, которую Н. П. Лихачев склонен приписать Константину, а по нашему мнению она может принадлежать и митрополиту Алексею³⁶. На всех стоит в разных сочетаниях слово ΡΩΣΙΑ, а на четырех из них: Никифора, Константина, Кирилла и безыменной, титул гласит: ΠΑΝΗΣ ΡΩΣΙΑΣ. Однако в русских источниках митрополиты называются «русскими, Русской земли, всея Руси» — греческая огласовка не имела еще влияния. Единственным примером ее в XII в. является Вопросание Кириково архиепископу Нифонту (до 1152 г.), где сказано, что «чернец, а не игумен воздвизает крест в монастыре въ Росьстѣмь, а въ Гречьстѣмь — игоумень»³⁷. Это противопоставление дает право предполагать, что говорится о монастырях на Афоне, и этим объясняется греческая огласовка прилагательного «росьский».

Известны и редкие княжеские печати с греческими легендами: жены Олега Тмутараканского Феофано Музалониссы ΑΡΧΟΝΤΙΗΝΗΣ ΡΩΣΙΑΣ³⁸, и недавно найденные в Белгородке печати великого князя Мстислава II (1167—1169) с титулом ΜΕΓΑΛΗΣ ΑΡΧΟΝΤΗΣ ΡΩΣΙΑΣ³⁹. Но и тут это пользование греческим именем в кругу князей не повлияло на их официальный титул, в составе которого вплоть до XIV в. оставалось «всея Русской земли» или «всея Руси». Совершенно то же мы видим в Болгарии и Сербии: хотя государям и иерархам этих стран были хорошо известны греческие формы *Boulgaria* и *Serbia*, они никогда не пользуются в славянских текстах этим именем: титул их всегда «всѣм Българомъ», «Българской земли» или «всѣм Сръблемъ», «всеи Сръбьской земли»⁴⁰.

Однако в XIII в. появляется на Балканах новая форма русского имени, сочетавшая греко-латинское окончание со славянским корнем «рус». Это имя «Русия», впервые засвидетельствованное в письме деспота болгарского Якова Святослава русскому митрополиту Кириллу II в 1270 г., при посылке ему списка сербской Кормчей. В цветистом южнославянском стиле Кирилл назван здесь «протофроном», «архиепископом всея Руския земля», но и «учителем всеи Русии»⁴¹. Это удобное новообразование вошло постепенно в сербский и болгарский языки и осталось в них и по сейчас. В Москве оно стало входить в XIV в. в титул великих князей и митрополитов (позже патриархов) и осталось в нем до 1654 г.

³⁶ Н. П. Лихачев. Материалы для истории русской и византийской сфрагистики, вып. 2. Л., 1928, стр. 1—12. (Труды Музея Палеографии, II).

³⁷ Текст в Синодальной Кормчей 1282 г. Русская Историческая Библиотека, ч. VI. СПб., 1880, стр. 29.

³⁸ Хр. Лопарев. Византийская печать с именем русской княгини. ВВ, т. 1, 1894, стр. 159—166.

³⁹ Статьи Д. И. Блительда и Б. А. Рыбакова в журнале «Археология», т. III, Киев, 1950, стр. 102—118.

⁴⁰ Например, царь Душан подписывается на грамотах по-гречески: βασιλεὺς Σερβίας и: Рoуανiас, но по-сербски: «царь Сръблемъ и Гръкомъ». Вообще, слово «Сербия» неизвестно сербским средневековым текстам, за исключением одного церковного памятника (XIV в.), о котором сообщил проф. Станоевич в 1929 г. в газете «Политика».

⁴¹ И. И. Срезневский. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках. СПб., 1879, стр. 12.

От XIV в. сохранилась довольно богатая переписка византийских патриархов и царей с русскими великими князьями, главным образом по вопросу о разделении и воссоединении митрополии всей Руси. В этой переписке постоянно упоминаются Ῥωσία, Μεγάλη Ῥωσία, Μικρά Ῥωσία, «христианский русский народ» (τῶν Ῥώσων χριστιανικὸν γένος)⁴². Самым интересным является то, что Иоанн Калита, Симеон Гордый, Иоанн II, Димитрий Донской и Василий последовательно называются в этих грамотах „Μέγας ῤήξ πάσης Ῥωσίας“ (великий король всей России). Так пишут не только патриархи, но даже царь Иоанн Кантакузин в 1347 г. Надо полагать, что это титулование не было односторонним, а что так писали сами великие князья в своих грамотах на греческом языке, адресованных в Византию и к сожалению не сохранившихся. Мы знаем, что не только грек Феогност, но и митрополит Алексей Плещеев подписывался по-гречески на своих русских грамотах и пользовался печатью с греческой легендой ΠΑΣΗΣ ΡΩΣΙΑΣ. Одиноким отзвуком этого влияния является золоченая печать Симеона Гордого на его завещании с русской надписью: «печать князя великого Симеона всея Росии»⁴³. Однако в тексте грамот этим титулом пользуются очень редко, и он гласит по-старому «всея Руси».

В патриарших грамотах с 1397 г. появляются и любопытные сложные названия Λιθωρωσία для обозначения Литовской Руси⁴⁴, и Ῥωσσοβλαχία для обозначения Бессарабии и Молдавии; говорится даже о народе «Росовлахов»⁴⁵. Опять таки, эти новые названия не отразились в русском языке.

5. РОКСОЛАНЫ И РОСАНЫ В ЭПОХУ ВОЗРОЖДЕНИЯ

Увлечение классицизмом характерно для литературы Ренессанса, особенно с середины XV в. Историки и географы цитируют Плиния, Птолема и Страбона. Как раньше в византийской литературе, так сейчас на Западе стараются называть народы именами их классических предшественников: Франция становится Галлией, Польша — Сарматией, Россия — Скифией или Роксоланией. Это последнее имя, найденное в истории Страбона и поставленное в связь с византийским именем «Росия», породило целый ряд вариантов.

Около 1450 г. ученый Эней Сильвий Пикколомини в своем «Описании Европы» говорит о «Рутенах, которых Страбон, по-видимому, называл Росанами»⁴⁶, и описывает Великий Новгород как главный город этих Рутенов. Любопытно, что у Страбона нет имени Росаны: он знает лишь Роксоланов на берегах Мэотиды и упоминает Роксану, жену Александра Македонского. Вероятно Эней Сильвий воспользовался этим последним именем, а филологическая и генеалогическая свобода гуманистов позволила поставить имя Роксоланы в связь с народом Роксоланов, и сочиненное таким образом название «Росаны» установило недостающее звено между именем Роксоланов и византийским именем «Россы».

⁴² ММ, I et II; Русская историческая библиотека, т. VI, прилож., стр. 14, 28, 30 и др.

⁴³ Собрание Государственных грамот и договоров, ч. 1, М., 1813, стр. 38; следовало бы проверить по оригиналу, точно ли передана надпись, ибо С. М. Соловьев (История России, т. 1, стр. 1156) утверждает, что написано «всея Руси».

⁴⁴ ММ, II, р. 280.

⁴⁵ Ibid., II, р. 241—244 (1393), р. 494 (1401).

⁴⁶ «Rutheni quos appellare Rosanos Strabo videtur, Lituani contermini sunt». Aeneae Sylvii Piccolomini Descriptio Europae, cap. XXVI. (Opera quae extant omnia... Basileae, 1551). Имя Rutheni становится тоже популярным, благодаря авторитету Цезаря, у которого оно встречается («De bello Gallico», I, 45).

В 1501 г. один римский кардинал приветствует усилия короля польского Александра обратить в католичество своих русских подданных и просит ему власть над всей Россией в следующих словах: «власть над всей страной Росоланией и над Сарматией даже по ту сторону Танаиса (Дона)»⁴⁷.

В 1506 г. Рафаил Вольтерра пишет, что «Роксоланы у Плиния и Птолема, Роксаны у Страбона ныне называются Рутенами: они делятся на Белых, со столицей Москвой» и Великим Новгородом, и на Червонных (Rubri), подвластных Польше⁴⁸.

Дубровчанин Цриевич (Церва Туберо) в своих Комментариях (1520-е годы) называет русский народ не только Rhoxolani, но еще новыми именами Roxani, Rhaxani, Rhaxini, чтобы поставить их имя в связь с именем реки Rha (Волги)⁴⁹.

В 1526 г. ученый Иоганн Фабер из Тюбингена пишет о москвитях: «Я нахожу, что тот народ, который мы называем Москвитами, по свидетельству Плиния назывался Роксаланами; их с изменением одной буквы Птолемей называет Росоланами на восьмой карте Европы, а отчасти и Страбон. Они же давно уже зовутся Рутенами»⁵⁰.

Почти каждый польский писатель XVI в. упоминает Роксоланов, и это имя приобретает у них два значения. Известно, что имя Russia употреблялось поляками с XIV в. в двух смыслах: с одной стороны — это вся страна населенная русским народом, а в узком смысле слова это лишь Галицкая Русь, этот palatinatus Russiae (Ruskie woiewództwo). Так и Роксолания может обозначать всю Россию, а часто только Галицию, хотя она весьма далека от Азовского моря. Например историк Дециуш (родом итальянец) пишет Russia и Rutheni, но когда он говорит Roxolani et Podolitaе, то ясно, что это галичане и подоляне⁵¹. Ваповский в 1535 г. называет Львов Leopoldis Roxiae metropolis, но говорит и о всей Руси: Roxani ritus graecanici homines, Roxanici generis. Писатель Станислав Оржеховский, мать которого была русинка из Перемышля, пишет в 1562 г.: «Est mihi genitrix Polonia, procreatrix Ecclesia, altria (кормилица) Roxolania, patria Peremislia», он называет русинов «gens Graecorum Ruthenorum in Roxolania».

Поэт Ян Красинский пишет в 1574 г. что «Роксолания достигает до Карпатских гор недалеко от города Кракова»: это опять Галиция⁵². Однако другие писатели придают этому имени более широкий смысл. Например, Мартин Бельский, подобно Длугошу, связывает его со всем русским народом, хотя и считает наиболее вероятным происхождением имени народа от «России—Рассеи», от рассеяния по большей части Европы и Азии. Поэт Ян Кохановский пользуется, наряду с именем Роксолан, и новой, полугреческой формой «Россаны» с двумя с⁵³.

⁴⁷ «Universae Rosolanae provinciae dominatus et Sarmatiae etiam trans Tanaim imperium... vobis eventurum est». A. Lewicki. Codex epistolaris saeculi XV, t. III. Cracovia, 1901, p. 494 (=Monumenta Medii Aevi historica res gestas Poloniae, t. XIV).

⁴⁸ Commentariorum Urbanorum Raphaelis Volaterrani 38 libri. Basileae, 1530 (л. 83 об.).

⁴⁹ Ludovici Tuberonis Commentarii, ed. Schwandtner (Scriptores rerum hungaricarum, t. II. Vindobonae, 1746, p. 119, 120).

⁵⁰ Johannes Faber. Moscovitarum religio. Basileae, 1526, p. 5.

⁵¹ J. L. Decii De Sigismundi Regis temporibus liber a. 1521, ed. W. Czermak. Kracow, 1901, p. 13, 115, 119, 125.

⁵² «Roxolania quae Carpathios montes non longe ab urbe attingit Cracovia» — Б. Барвинський. Польска персоніфікація «України» з 1644 р., Записки Наукового Товариства імени Шевченка, № 121, Львів, стр. 121.

⁵³ «To Rossani zkad Ruski naród mianowano» (см. И. Первольф. Славяне и их взаимные отношения и связи, т. II, Варшава, 1888, стр. 162).

И византийское имя «Россия» встречается у некоторых писателей этой эпохи.

Так, итальянец П. Биззаро пишет, что в 1573 г. скифы (то есть турки) опустошили Россию и Подолию, подвластные сарматскому королю⁵⁴. И здесь «Россия» обозначает именно Галицию.

Наконец Матвей Стрыйковский в 1582 г. повторяет, что «русаки» это древние Сарматы-Роксоланы-Роксаны, названные вероятно от библейского Роса: византийцы называли их «Россия», но москвичи производят это имя от понятия «рассеяние», и действительно «русские или росейские народы рассеялись по всей Европе и Азии». Мы видим, что Стрыйковский собрал вместе все предыдущие гипотезы. Популярность сочинений Бельского и Стрыйковского содействовала распространению этих гипотез и у русских книжников XVII в.

6. НОВЫЕ ФОРМЫ РУССКОГО ИМЕНИ В РУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ XV И XVI ВЕКОВ

Византийские формы русского имени появляются в славянской огласовке прежде всего на Балканском полуострове, а оттуда и в Литовской Руси. Так в 1387 г., когда митрополит Киприан Цамблак собирался ехать из Царьграда на Русь, для него была написана в Студийской обители книга «митрополиту Киевскому и всея Росіа»⁵⁵; влияние византийского титула *πάσης Ῥωσίας* здесь несомненно. В 1419 г. в Сербии была отмечена кончина Григория Цамблака «митрополита Росискаго»⁵⁶. Оба Цамблака, дядя и племянник, принадлежали к знатному болгарскому роду из Тырнова и были известны своей приверженностью византийской культуре. Греческий и болгарский языки были им одинаково близки и влияли на стиль сочинений Григория Цамблака, представителя школы Евфимия Тырнового.

Вероятно в Киеве, в 1410 или 1415 г., Григорий произносит «Слово надгробное Купріяну архіепископу Росіискому» и называет своего дядю «светило Росіиской земли», а себя «митрополит Киеву и всея дрѣжавы Литовскыа»⁵⁷, но он претендует и на титул «всея Росіи». Из многочисленных «Слов», написанных им до 1419 г., четыре названы «Григоріа архіепископа Росіискаго», а два «Григоріа епископа Росіискаго»⁵⁸; наконец, «Стих на целование» празднику Успения имеет надпись: «творение кир-Григоріа Росіискаго, Цамблака»⁵⁹. Итак, Григорий Цамблак в Литовской Руси (в Вильне и Киеве) последовательно пользуется прилагательным «росийский». После этого мы встречаем на литовской почве титул митрополита Исидора «всея Росей» в тексте его грамоты 1441 г. и на его печати⁶⁰. Греческая форма «Росия» уже стала произноситься «Росея» по известному

⁵⁴ «per Rossiam et Podoliam», «postremo palatinatum Rossiae in quodam oppido obsederunt». — Petrus Bizarus. De bello Pannonico, ed. J. G. Schwandtner. Scriptores regum Hungaricarum, t. I. Vindobonae, 1746, p. 715—716.

⁵⁵ Е. Голубинский. История русской церкви, т. II. М., 1900, стр. 320.

⁵⁶ Л. Стоянович. Записи и надписи, т. III. Београд, 1906, стр. 47.

⁵⁷ А. В. Горский и К. И. Невоструев. Описание славянских рукописей Моск. Синод. Библиотеки, отд. 2, (Прибавление). М., 1862, стр. 139; А. Яцимирский. Григорий Цамблак. СПб., 1904, стр. 164—167. Мы не разделяем гипотезы А. И. Яцимирского, что Григорий будто бы жил после 1419 г.

⁵⁸ А. В. Горский и К. И. Невоструев. Ук. соч., стр. 136, 137 (рукопись № 235, л. 163, 179, 197, 205 и 107, 173).

⁵⁹ А. Яцимирский. Ук. соч., стр. 210.

⁶⁰ Чтения в ОИДР, кн. 1, стр. 13.

правилу великорусской речи: общеславянское и перед иотой переходит в е⁶¹. Мы уже отметили единичный случай формы «Rosée» у Марко Поло в 1298 г.: она вероятно отражала живое произношение.

В Академическом списке 1440-х годов стоит заголовок «Правда Роськая», тогда как во всех остальных списках, начиная с Синодального 1282 г., сказано «Правда Роуськая», да и в самом Академическом дальше стоит «Правда оуоставлена Роуськой земли». Поэтому можно предполагать опisku — пропуск надстрочного у над о⁶². Если же это не описка, то это первый случай новой стилизации русского имени в Московской Руси.

Вообще же в XV в. Московская Русь крепко держит народных форм «Русь, Русин, Русская земля», но принимает и южнославянскую форму «Русия» (особенно в титуле «господарь всея Русии»).

Но вот в 1464 г. митрополит Феодосий пишет послание «по совету самодержца великого князя Ивана Васильевича всея Русии» и датирует его «в преименитом и богохранимом граде Москве, великаго Росийскаго самодержства скипетра и места духовнаго»⁶³. Здесь, несомненно, под южнославянским влиянием, слово «Росийский» появляется в сочетании с величавыми понятиями «скипетра и самодержства». Царьград и славянские царства пали, и эти понятия стали связываться с Москвой.

До падения Византии Русь не пользовалась византийской формой своего имени. Но приезд Софии Палеолог в 1472 г. с греками-дипломатами в своей свите, появление в Москве богатого собрания греческих рукописей, деятельность Максима Грека — все это расширяло знакомство с греческим языком и содействовало распространению греческой огласовки русского имени.

Уже в 1485 г. «Еллинский летописец» называет прежних государей «великий князь всея Росии», а указанная М. Н. Тихомировым Уваровская рукопись (около 1500 г.) называет «Росией» даже древнюю Русь и говорит о Рюрике, что он «прият Росийскую область (т. е. власть)»⁶⁴. Известны монеты Ивана III с легендой «господарь всея Росии»⁶⁵. В то же время, в 1509 г. на церковном соборе в Вильне митрополит Иосиф Солтан, продолжая традицию Исидора, называет себя «Киевским и всея Росии»⁶⁶. Бывший киевский митрополит Спиридон-Савва пишет при Василии III сказание о Мономаховом венце и утверждает, что Владимир Мономах принял этот венец из Византии как «царь Великия Росия», а что его потомок в 12-м колене Василий III есть «вольный самодержец, царь Великия Росия». Псковской старец Филофей говорит о «великой Русии», но в послании к Мисюрю Мунехину, около 1517 г. написал: «то есть Росейское царство»⁶⁷.

Что произношение «Росия» и «Росея» стало достаточно известным московским книжникам времен Василия III (сына Софии Палеолог), доказывает свидетельство Герберштейна, побывавшего в Москве в 1519 и 1529 гг. Приводя разные слышанные им мнения о происхождении русского имени: от Лехова брата Русса, от города Старой Руссы и от красного

⁶¹ Например, бий/бей, лий/лей, змий/змея, славий/соловей. Поэтому Индия/Индия дает индеец, индийский, армия/армия — армеец, армейский, а Россия/Росея — росейский.

⁶² О датировке Академического списка см. «Правда Русская», изд. АН СССР, т. 1, М., 1940, стр. 67.

⁶³ Русская историческая библиотека, т. VI, стр. 927.

⁶⁴ М. Н. Тихомиров. О происхождении названия «Россия», стр. 94.

⁶⁵ А. В. Орешников. Русские монеты до 1547 года, № 90; см. М. Н. Тихомиров. Ук. соч., стр. 95.

⁶⁶ Акты Исторические, относящиеся к России, собр. А. И. Тургеневым, т. 1. СПб., 1841, № 289.

⁶⁷ В. Малинин. Старец Филофей. Одесса, 1901, прилож., стр. 45 и 62.

10 Византийский временник, т. XII

цвета (а *fusco colore*, очевидно, от греческого *ροσσιος*), он продолжает: «Многие полагают, что Руссия прозвана от Роксалании. Но Москвичи отвергают эти предполагаемые мнения, как несогласные с истиной, подтверждая тем, что их народ издревле назван Россеея, то есть народом рассеянным или разбросанным, потому что Россеея, на языке Руссов, значит рассеяние»⁶⁸.

Начиная с венчания на царство Ивана IV, греческая форма русского имени встречается чаще. В самом чине венчания 1547 г. говорится о царстве «всая Роусии» и даже «всая Ржси», но один раз сказано «скипетр великаго царства Росийскаго»⁶⁹. Вероятно под влиянием митрополита Макария прилагательное «росийский» появляется и в Стоглаве 1550 г.⁷⁰ в Степенной книге 1552 г. (заголовок «Сказание о святом благочестии Росийских началодержецу», венчание Владимира Мономаха «Росийскаго царя», «в Росийском царствии») ⁷¹, появляется в Сказании о Муромской епископии Ермолая Прегрешного 1550-х годов⁷². Все это образцы «высокого стиля», насыщенного славянизмами. Сам Иван Грозный любит пользоваться торжественным прилагательным «росийский». Так, в стихирах сочиненных им в 1560-х годах, он называет себя: «царь Иоанн деспот Росийский»⁷³, в своем первом послании князю Курбскому 1564 г. говорит о «Росийской земле», о «России» и гордо помечает его «во вселенней Росийстей царствующаго православнаго града Москвы»⁷⁴. Любопытно, что князь Курбский говорит по-простонародному, по былинному о «Русской земле», о «Святорусской земле»⁷⁵, но царь Иван в своем величии датирует каждое послание «царств наших Росийскаго 26, Казанскаго 20, Астороханскаго 18 лета», посылает послание шведскому королю от «скиф-тродержателя Росийскаго царства», а в послании князю А. Полубенскому говорит о том, что «в Росийской земле воздвиге ее царствие сие еже Августа кесаря» и что сын Рюрика Игорь в Киеве «царские скифтры Росии положи»⁷⁶. Рядом с этим, царь Иван упоминает и «Рускую землю» и народ Русь, но когда он говорит о царстве и скипетре, эти понятия сочетаются с византийским именем: «Росия, росийский»; он находит в нем больше величия.

В предисловии и послесловии к первопечатному московскому Апостолу 1564 г. Иван Федоров упоминает, наряду с титулом «всая Русии», и «Великую Росию»⁷⁷. Позже, напечатав в 1581 г. на Волыни Острожскую

⁶⁸ С. Герберштейн. Записки о Московии, пер. И. Анонимова, СПб., 1866, стр. 7. «Plerique a Roxolanis Russos cognominatos esse putant. Mosci reputant, asserentes Rosseiam antiquitus appellare: Rosseia etenim, Rutenorum lingua, disseminatio vel dispersio interpretatur», S. Herberstein. Rerum Moscovitarum commentarii. Basileae, 1549, p. I.

⁶⁹ Издал Е. Барсов в Чтениях ОИДР. М., 1883, кн. 1, стр. 39—41 и 47. Любопытное, ложно-церковнославянское написание «всая Ржси» находим в подлинной подписи митрополита Макария уже в 1545 г.: фотоснимок см. А. Нечволодов. Сказания о Русской земле, ч. IV. СПб., 1913, стр. 43.

⁷⁰ «Всея Русии самодержец», но «Росийскаго царствия» (три раза). Наказные списки соборного уложения 1551 г. или Стоглава, изд. И. Беяева. М., 1863, стр. 19, 20, 30.

⁷¹ ПСРА, т. XXI, стр. 5 и сл.

⁷² Издал И. А. Шлякин в Сборнике статей в честь С. Ф. Платонова. СПб., 1911, стр. 563.

⁷³ Архим. Леонид. Стихирь положенные на крюковыя ноты. Творение царя Иоанна IV. Изд. О-ва любит. Др. Письм. СПб., 1886, стр. 3.

⁷⁴ Послания Ивана Грозного. М., 1951, стр. 144.

⁷⁵ Сказания князя Курбского, ч. I. СПб., 1833, стр. 14, 57.

⁷⁶ Послания Ивана Грозного. М., 1951, стр. 144, 147, 161, 201, 205, 208—211.

⁷⁷ Отметим перебои. В предисловии Иван Федоров пишет: «повелением... всея Великия Росия самодержца и благословением преосв. Макария митрополита всея Русии».

Библию, он подчеркивает, что он «з Москвы — ἐκ τῆς Μεγάλης Ῥωσίας». Тогда же, князь А. М. Курбский предпринял на Волыни перевод творений святых отцов, имея в виду «единоплеменную Россию, весь славянский язык»⁷⁸. Впервые здесь имя «Россия» отрывается от царства и должно обозначать все страны, населенные православным народом в Литовской и Московской Руси. Но для данного периода это еще не характерно.

По смерти Ивана Грозного, слово «Росия» появляется в чине венчания царя Федора в 1584 г. Рядом с титулом митрополита «всая Русии» царь назван «всая Росия». Указано, что Иван Васильевич был «государь и самодержец всея Великия Росия» и что прежние великие князья передавали своим сыновьям «царство и великое княжество Великия Росия». Термин «Росийское царство» употреблен в широком смысле: он обнимает великие княжения Владимирское, Московское, Новгородское, царства Казанское и Астраханское, все «государства»⁷⁹. Так его будут понимать и в Смутное время.

7. ВИЗАНТИЙСКИЕ ТЕРМИНЫ В МОСКОВСКОЙ РУСИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII ВЕКА

В первой половине XVII в. в Московской Руси нет еще школ, где преподавался бы греческий язык, но частое общение с представителями греческого и украинского духовенства содействует проникновению указанных византийских форм нашего имени, особенно в полуофициальных и книжных текстах.

Так надпись на колокольне Ивана Великого 1600 г. называет Бориса Годунова «царем всея России», а его сына «царевичем всея России», но в официальных грамотах и указах остается старый титул «всая Русии»⁸⁰.

Первый Лжедмитрий, вероятно благодаря своему западному воспитанию и окружению, любит пышные титулы. В письме к шведскому королю он называет себя: «Мы пресветлейший и непобедимейший монарх Димитрий Иванович, божию милостью цесарь и великий князь всея России и всех Татарских царств» и т. д.⁸¹ Другая его грамота гласит: «Се яз царь и вел. князь Димитрий Иванович всея Русии... самодержец и вседержитель Росийскаго государства... единый подсолнечный христианский царь»⁸². На пушке, вылитой в его краткое царствование, сказано: «Повелением великаго государя царя и вел. князя Дмитрия Ивановича всея великия Роси самодержца»⁸³, а на мортуре: «всая Великия Росии самодержец»⁸⁴.

И царь Василий Шуйский начинает пользоваться той же традицией, идущей еще от Ивана Грозного. В первой своей окружной грамоте 6 июня 1606 г. он объявляет, что «милосердый бог, призря своею милостью на Росийское государство... избрал на Росийское государство нас... всея Руси самодержца»⁸⁵, а патриарх Гермоген в грамоте того же года пишет,

а в послесловии, наоборот, «царя всея Русии... при арх. Афанасии митрополите всея Росия». Ф. Буслев, Историческая хрестоматия церковно-славянского и древнерусского языков. М., 1861, стр. 232—234.

⁷⁸ Чтения ОИДР. М., 1888, кн. 1, стр. 72.

⁷⁹ Собр. государственных грамот и договоров, ч. II. М., 1819, стр. 75; см. М. Н. Тихомиров. О происхождении названия «Россия», стр. 95.

⁸⁰ См. в издании «Временник Ивана Тимофеева». М., 1952, стр. 485.

⁸¹ Собр. государственных грамот и договоров, ч. II, стр. 227.

⁸² Акты Исторические... т. II, № 111.

⁸³ Н. Мурзакевич. О пушечном литейном искусстве в России. ЖМНП, ч. 19, 1838, стр. 540.

⁸⁴ Рисунки одежды и вооружения российских войск. М., 1849, стр. 146.

⁸⁵ Акты Археогр. эксп. II. СПб., 1837, № 48.

что «над Московским государством и на всей Великой Росийской земли учинилась неудобьсказуема напасть»⁸⁶. Впервые старый термин «Русская земля» заменен более торжественным «Росийская земля». Появляется и новое словообразование «всероссийский»: именно, в 1608 г. боярин Ф. Шереметев пишет царю Шуйскому: «дал бог на Всероссийское государство тебя... государя»⁸⁷.

Разные повести о Смутном времени охотно пользуются новым величавым термином. Так, сказание о перенесении мощей царевича Дмитрия, составленное после 1606 г., говорит о Борисе, что он «держал скипетр Росийского царствия»⁸⁸. Написанная в декабре 1610 или январе 1611 г. «Новая повесть о преславном Росийском царстве и великом государстве Московском» охотно повторяет: «вся великая Росия, Росийское великое государство, великое Росийское царство»⁸⁹. Уже в самом заглавии можно заметить, что «Росийское царство» шире чем «Московское государство», что было отмечено еще С. Ф. Платоновым⁹⁰. Это различие заметно на земской печати великого ополчения 1612 г., где легенда гласит: «Великие Россііскіе державы Московско[го] [осу]д[арства] печать»⁹¹.

Грамота об избрании Михаила на царство 19 февраля 1613 г. говорит то о «всенародном множестве всего Московского государства», то о «скипетре великого Росийского царствия». Более широкий (имперский) смысл последнего выражения особенно ясен в словах: «обрали на Владимирское и на Московское и на Ноугороцкое государства, и на царства Казанское и Астроханское и Сибирское, и на все великие и преславные государства Росийского царствия»⁹².

Еще при Федоре Иоанновиче новые формы появляются в единичных текстах. Так, надписи на кремлевских пушках⁹³, вылитых мастером Андреем Чоховым, сперва говорят о государе «всей Руси» (1577, 1581), но в 1586 г. сказано «всей Великия Росия», а в 1590 г. мы найдем на четырех пушках четыре разных начертания: «всей Росии, вся Росия, вся Росии, вся Руссии», — настолько еще не установлено правописание нового термина. Записи книжников отличаются той же непоследовательностью. Например, послесловие к Синодальному списку Мерила Праведного восхваляет «правлящаго скипетр великаго Росейскаго царьства... Федора Ивано-

⁸⁶ Акты Археогр. эксп. II, № 58.

⁸⁷ Чтения ОИДР. М., 1915, кн. 2, стр. 202; отмечено М. Н. Тихомировым, (Ук. соч., стр. 95).

⁸⁸ А. И. Яковлев. Безумное молчание. Сборник статей посв. В. О. Ключевскому. М., 1909, стр. 886.

⁸⁹ Н. К. Гудзий. Хрестоматия по древне-русской литературе, изд. 6. М., 1955, стр. 306—314.

⁹⁰ «В XVI и XVII вв. наши предки «государствами» называли те области, которые были когда-то самостоятельными политическими единицами и затем вошли в состав Московского государства. С этой точки зрения тогда существовало «Новгородское государство», «Казанское государство», а «Московское государство» часто обозначало собственно Москву с ее уездом. Если же хотели выразить понятие всего государства в нашем смысле, то говорили: «все великие государства Росийского царствия» или просто «Росийское царство». Любопытно, что Василий Шуйский совсем не употреблял этих последних выражений, говоря об избрании своем; выбирали его «всякие люди Московского государства», а не «все люди всех государств» «Росийского великого царствия», как бы следовало сказать и как писали и говорили при избрании Михаила Федоровича в 1613 г. В этом, пожалуй, можно видеть осторожность со стороны Шуйского». С. Ф. Платонов. Лекции по русской истории, изд. 7. СПб., 1910, стр. 245.

⁹¹ Чтения ОИДР. М., 1913, кн. 4, смесь, стр. 34.

⁹² Собр. государственных грамот и договоров, ч. 1, стр. 599 и 614; отмечено М. Н. Тихомировым (О происхождении названия «Россия», стр. 96).

⁹³ Описаны Н. Мурзакевичем («О пушечном литейном искусстве в России», стр. 535—540).

вича всяя Руси самодержца... и митр. Дионисия всяя Росна»⁹⁴, а запись в Годуновской Кормчей величает царя «правлящаго всяя Росийския державы скипетр», боярина Б. Ф. Годунова как «предстателя Росийскаго солицу круга», но патриарху дает старый титул «всая Руси»⁹⁵.

8. БРАТСКИЕ ШКОЛЫ И «ЭЛЛИНО-СЛАВЯНСКОЕ» ПРОСВЕЩЕНИЕ

В конце XVI в., в борьбе против колонизации и подчинения римскому папе, во Львове, Вильне, Луцке и других городах Речи Посполитой создаются с просветительными целями демократические церковные братства⁹⁶. Открытие школ и издание книг было их главной заботой.

Первым был утвержден устав Львовской братской школы (1 января 1586 г.). Его греческий текст был составлен архиепископом Элассонским Арсением, первым ректором этой школы. В переводе устава сказано, что училище открыто старанием «всего братства Львовскаго... и всего посполитаго народа Росийскаго»⁹⁷. Под греческим влиянием, впервые в Галиции, этом «Руском воеводстве» (*palatinatus Russiae*) прозвучало слово «Росийский». Но в отличие от Москвы, где слово «росийский» связано со скипетром и царством, во Львове и в других братствах оно приобретает демократическую окраску: оно обозначает простой («посполитый») народ, борющийся за свою культуру против ополячения. Этот оттенок чувствуется и в заглавии новой грамматики «Аделфотис. Грамматика доброглаголиваго еллинословенскаго языка... ко наказанию (т. е. поучению) многоименитому Росийскому роду», составленной в 1591 г. при участии того же ректора Арсения⁹⁸. В 1592 г. львовское братство обращается (при посредстве грека митрополита Дионисия) за помощью к царю Федору, ссылаясь на родство с «многоплеменитым родом Росийским»⁹⁹, а митрополит Михаил Рагоза в окружном послании того же 1592 г. говорит о недостатке учения «словенскаго росийскаго языка»¹⁰⁰. Итак, наряду с «росийским народом» появилось новое понятие — «росийский язык».

Получив щедрую помощь из Москвы, Львовское братство оставило в куполе ставропигиального храма надпись: «Пресветлый царь и великий князь Москвороссии Федор Иванович бысть благодетель церкви»¹⁰¹. На византийский лад создано удачное сложное слово «Москвороссия», оставшееся однако исключением.

В XVII в., в связи с развитием «еллинословенского» просвещения, ученое имя «Росия» в разных его вариантах приобретает все большее распространение, вытесняя имя «Русь» в пределах Речи Посполитой и имена «Русская земля» и «Русия» в Московской Руси.

В Вильне униатский митрополит Ипатий Потей в 1600—1608 гг. носит

⁹⁴ Правда Русская, изд. АН СССР, т. 1, М.—Л., 1940, стр. 101.

⁹⁵ Там же, стр. 146.

⁹⁶ См. прекрасную работу проф. Е. Н. Медынского «Братские школы Украины и Белоруссии в XVI—XVII вв. и их роль в воссоединении Украины с Россией». М., 1954.

⁹⁷ Е. Н. Медынский. Указ. соч., стр. 126. Греческий текст устава напечатан в сборнике: *Diplomata statutaria a Patriarchis Orientalibus Confraternitatu Stavropigianae Leopoliensi annis 1586—1592 data*. Leopoli, 1895.

⁹⁸ М. А. Максимович. Об употреблении названий Россия и Малороссия в Западной Руси. Собрание сочинений, т. II. Киев, 1877, стр. 308.

⁹⁹ «К православному царю Федору Иоанновичу самодержавному господарю Северския страны великоименитаго рода Росийска, от него же обретається в Львове род Росийский и Греческий». Акты Зап. России, IV, стр. 47.

¹⁰⁰ Акты Западной России, IV, 42.

¹⁰¹ Юбилейный сборник 350-летия Львовской Ставропигии, ч. II. Львов, 1937, стр. 51.

титул «митрополита всея России». Он же напечатал в 1605 г. в Вильне подложное послание «Российских Словян, великородного и многого Словенского языка», адресованное будто бы еще в 1476 г. римскому папе¹⁰².

В предисловии к учительному Евангелию, напечатанному в 1616 г. в Евве (к югу от Вильны) на средства кн. Богдана Огинского, сказано, что оно «на все широкии славнаго и старожитнаго народу российскаго краины разслано»¹⁰³. Понятие «российский народ», таким образом относится здесь прежде всего к белоруссам, но обнимает и украинцев и великоруссов. И на Волыни, принадлежавшей в это время польской короне, так же говорят о «российском народе». Так, в 1614 г. жители города Ратна пишут митрополиту Иосифу Рутскому: «отче архиепископе всего Российскаго языка», а в 1619 г. Кирилл Ставровецкий напечатал в местечке Рохманове учительное евангелие «ради спасения братии моей рода моего Российскаго».

Но больше всего говорят и пишут о России в Киеве, ставшем опять культурным центром. Основательница Богоявленского братства, Анна Гулевич, учреждает в 1615 г. братство «правовѣрным и благочестивым христианом народу Российскаго, в повѣтѣх воеводств Киевского, Волынского и Брацлавскаго», а в реестре братском в том же году сказано: «начинаем сие братство... в Киеве... на утѣшение... нашему Российскому роду». Первая книга, напечатанная в Киеве, часослов Захарии Копыстенского (1617) обращается к читателю «от нарочитых мест в России Кийовских»¹⁰⁴. В 1619 г. Памва Берында в предисловии к Анфологиону говорит о Печерской лавре: «мать твою в России Малой», а в 1627 г. издает свой «Лексикон славенороссийский». Итак, наряду с формой «российский» появляется еще более греческая форма «росский», которую Памва печатает с омегой, как Ῥῶσσοϛ¹⁰⁵. Появляется и чисто-греческое слово «Росс» и византийские понятия «Великой и Малой России» (уже у Ивана Вишенского около 1600 г.). Это новое имя «Росс» быстро входит в обиход. Его знает Захария Копыстенский, говоря «мы Россове». В виршах на смерть гетмана Сагайдачного в 1622 г. Кассиан Сакович прославляет предков казаков, храбрых Россов, которые

За Олега, Росскаго монарха, плавали
В чолнах по морю и на Царьград штурмовали,
Их то предки з Росским ся монархом крестили
Володимером и в вѣрѣ той статечне жили.

В той же эпитафии Кассиан Сакович говорит, что Рим славит Курция и Помпея, а «теды теж и Россия Петра Сагайдачного»¹⁰⁶. В имени России, вероятно под латинским влиянием, появляется уже двойное с.

Сам гетман Сагайдачный оставил по своему завещанию значительную сумму Львовскому братству «на науку, на выхованье майстра в греческом языке бѣлаго, церкви божией и дѣткам христианскому народу российскому потребнаго»¹⁰⁷.

Все чаще начинают возвращаться к византийским терминам «Великая и Малая Россия». В 1622 г. епископ перемышльский Исаия Ковинский, как «ексарх Малой Росии» пишет послание Филарету «патриарху Великой и

¹⁰² М. А. Максимович. Об употреблении названия Россия... стр. 309.

¹⁰³ И. Первольф. Словенский язык и его судьбы у народов славянских (в Мефодиевском Юбилейном сборнике. Варшава, 1885, стр. 109).

¹⁰⁴ М. А. Максимович. Об употреблении названия Россия... стр. 307.

¹⁰⁵ О. Огоновский. Хрестоматия, стр. 402.

¹⁰⁶ Slavia, VII, 855.

¹⁰⁷ И. Первольф. Славяне... т. III, вып. 2. Варшава, 1894, стр. 215.

Малой Росии и до послѣдних великого океяну»¹⁰⁸. Памва Берында в предисловии к своему «Лексикону словенороссийскому» пишет о трудностях славянского языка для тех, кто «ся тым языком в Великой и Малой России, в Сербии, Болгарии и по иным местам» пользуется. В 1627 г. издана в Киеве Триодь постная для всех «великороссов, болгар и сербов и прочих подобных нам в православии»¹⁰⁹. Слово «великоросс» предполагает и появление слова «малоросс» и соответствующих прилагательных. И вот, в 1647 г. гетман Богдан Хмельницкий пишет полковнику Барабашу о необходимости сделать что-нибудь «для погибающей Украины», но тут же говорит и о привилегиях, нужных «всему народу Малороссийскому»¹¹⁰.

Как порождение эллино-латинской учености является и имя Роксоланы и Роксолания. Это имя связывают с Россами не только в стенах Киевской академии, но и Богдан Хмельницкий требует от поляков «jus totius Ukrainae antique vel Roxolaniae»¹¹¹. Имя Роксолания по-прежнему популярно в Галиции: в 1654 г. поэт Зиморович издает сборник идиллий «Роксоланки», называя в них Львов «роксаланской столицей» и говоря о молодцах из «рошанских волостей». Вариант «рошанский» возник вероятно под влиянием мифического князя Роса-Роша из славянской библии¹¹².

Влияние киевской учености на Москву усиливается после воссоединения Украины с Россией: начиная с марта 1654 г. во всех указах старый титул «государь всея Руси» заменяется новым: «всея Великия и Малыя Росии», а с сентября 1654 г. еще более полным «всея Великия и Малыя и Белья Росии»¹¹³.

В связи с созданием школ с изучением греческого и латинского языков, во второй половине XVII в. всюду звучат византийские формы «Россия (Великая и Малая), россиянин/российский, росс/росский» и производные «великоросс/великороссийский» и «малоросс/малороссийский»¹¹⁴. Ими пользуются и Симеон Полоцкий в своих виршах, и Симеон Яворский и Феофан Прокопович в своих проповедях и сочинениях; они звучат одинаково в Москве и Киеве, позже в Петербурге.

Знаменитый «Синописис» Иннокентия Гизеля, киевпечерского архимандрита, выдержавший с 1674 г. двадцать изданий и бывший в течение всего XVIII в. единственным учебником русской истории, особенно популяризировал это направление. Он знает лишь единый «народ Российский», потомков Иафетова сына Мосоха (якобы давшего свое имя Москве), считает Владимира I «самодержцем всероссийским» так же как Ярослава Мудрого и Владимира Мономаха. Новгородцев времен Гостомысла он называет «россами», а Киев — главным градом «всего народа российскийского».

Гетман Мазепа называет себя в 1700 г. «гетман российский»¹¹⁵, а его друг Орлик печатает в честь его польские стихи под заглавием «Alcydes Rosyjski» (Алкид Росийский).

Появляются все новые варианты царского титула. Так, на знамени 1690 г. Иоани и Петр Алексеевичи названы не только «Словенороссийские

¹⁰⁸ Документы о воссоединении Украины с Россией, т. I. М., 1954, стр. 27.

¹⁰⁹ И. Первольф. Ук. соч., стр. 232.

¹¹⁰ С. М. Соловьев. История России, т. 10, стр. 1562.

¹¹¹ В. Липинский. Исторични студии, III, прим. 185.

¹¹² И. Первольф. Славяне... т. III, в. 2, стр. 145.

¹¹³ Полное Собрание Законов Российской империи, т. I. СПб., 1830, стр. 322, 358.

¹¹⁴ Прилагательные эти произносились на великорусский лад: «великоросейский и малоросейский». Известно, что московская улица Маросейка получила свое название от того, что на ней помещался «Малоросейский приказ».

¹¹⁵ На серебряном антиминсе, находящемся в церкви Гроба господня в Иерусалиме; снимок см. М. С. Грушевский. Ілюстрована історія України. Київ—Львів, 1911, стр. 411.

самодержцы», но и «всёя Великия и Малыя и Белья России» (с двумя с)¹¹⁶. На полтине, выпущенной в 1699 г., Петр I назван «самодержец всероссийский»¹¹⁷, но на первых золотых червонцах 1701 г. «самодержец всея Россіи», а на серебряных рублях 1704 г. «всёя Россіи повелитель».

9. КЛАССИЦИЗМ И ВЫСОКИЙ СТИЛЬ XVIII ВЕКА

При Петре I, особенно в его новой столице, и после него, в течение всего XVIII в., вырабатывается высокий стиль; классическая образованность охотно пользуется величавыми формами «Россия», «российский», «россиянин» и сродными, унаследованными от греко-латинской киевской учености.

В 1721 г. Сенат подносит Петру классический титул «Отца отечества и императора всероссийского». Новое краткое выражение «всероссийский» заменило слишком сложное «всёя Великия и Малыя и Белья России».

Следует отметить влияние ученого украинского духовенства, занимавшего в первой половине этого столетия почти все епископские кафедры. Так, когда в 1725 г. Феофан Прокопович оплакивал смерть великого преобразователя, он восклицал:

«Россияне, что делаем, что видим?
Петра Великого погребаем!»

Ложноклассические формы не сразу вытесняют народнорусские. Возьмем, например, В. Н. Татищева: тесно связанный с московским прошлым, он писал свою Историю в 1730-х годах и внес в нее лишь старые выражения «Русь, Русская земля, Русские»; он любит старинное имя «Русия»; он только раз мимоходом отмечает, что «имя Россия весьма древне у Греков», и отвергает производство этого имени от библейского князя Роса, ибо знает, что этот князь появился в результате ошибки переводчиков (он ссылается на Вульгату и перевод Лютера). Он назвал свой труд «Русская История», но ее издали лишь после кончины автора, и издатель, академик Ф. Миллер, озаглавил ее «История Российская».

Ложноклассицизм сильно отразился на Ломоносове. В своих одах он говорит лишь «Россы», «Российская земля». Он пишет «Краткий Российский Летописец», где, говоря о варягах, называет их «Россами» и связывает их с классическими Роксаланами. Даже в грамматике родного языка он пишет лишь «российская азбука», «российская грамматика» и восхваляет в предисловии «язык Российский, повелителя многих народов». Тот же словарь у поэтов этой эпохи. Михаил Херасков, потомок молдавских бояр, становится певцом имперского классицизма. В одной из первых своих од, в 1763 г., он восклицает:

«Взносись, Российская держава!
Тебя гремящая ждет слава!»

и в течение сорока лет пишет в этом стиле. В оде на Чесменскую победу у него лишь «Россия, Российская держава, Россияне, Россы, росский флот»¹¹⁸, в других одах он восхваляет «Минерву Росскую». В 1785 г. он издает эпопею с вполне греческим названием «Россиада». Описывая в ней

¹¹⁶ Рисунки одежды и вооружения российских войск. М., 1849, стр. 127.

¹¹⁷ Сборник статей в честь П. С. Уваровой. М., 1916, стр. 37.

¹¹⁸ Только один раз в этой оде промелькнуло выражение «русский флот».

взятие Казани, он говорит лишь «Россияне» и «Россы»¹¹⁹. Следует отметить два параллельных сочетания форм: одно, более приспособленное к нашему языку «Россиянин/российский» и другое, более византийское — «Россы/росский». Наряду с ними появляются еще более прихотливые, например «российцы» (как «австрийцы») ¹²⁰ и «российщики», вероятно под влиянием польского языка у киевлянина Григоровича-Барского ¹²¹.

В Петербурге князь М. М. Щербатов пишет «Историю Российскую»: в отличие от Татищева он, полвека спустя, совершенно игнорирует народные формы. Для него Рюрик покорил «славеноросские страны», Киев был «столицею Россиян» и т. п. Даже в особом экскурсе об «имени России», приведя варианты «Рутения, Острогард, Холмогард», он не упоминает ни Русь, ни Русскую землю, как будто эти имена никогда не существовали ¹²².

Народные формы вытеснены из высокого стиля, но конечно продолжали бытовать в разговоре и в «низком штиле», например, в записках Болотова или «Душеньке» Богдановича.

В этом отношении интересна манера Державина. В торжественных одах у него лишь высокий стиль: например в оде на взятие Измаила (1790 г.) он 16 раз повторяет имя «Росс» и рифмует его с «колосс». Для Потемкинского праздника он пишет известный полонез, служивший некоторое время национальным гимном:

«Гром победы раздавайся,
Веселися, храбрый Росс!»¹²³

Но он любил и «средний штиль», которым написана например «Фелица». И в своем «Памятнике» он ставит себе в заслугу, что прославил добродетели ее «в забавном русском слоге».

ВИЗАНТИЙСКИЕ ФОРМЫ РУССКОГО ИМЕНИ В ЯЗЫКЕ XIX и XX вв.

В последние годы XVIII в. начинается переход к сентиментализму и романтизму, означающий приближение к народным темам и к более простому языку. В своих «Письмах русского путешественника» Н. М. Карамзин пользуется лишь формой «Руской»¹²⁴, а не «Российский». В его повестях преобладают народные формы, но все еще проскальзывают «Российский», «Россия».

Любопытно колебание между народными и классическими формами в первом издании «Слова о полку Игореве» в 1800 г.: в предисловии сказано еще «Россияне» и «Российские полки», но в переводе текста сохра-

¹¹⁹ Под конец своей жизни, под влиянием находки «Слова о полку Игореве» и былин, Херасков пишет в 1796 г. «Гориславу» и «Владимира» и вводит Добрыню Никитича и вешего Бояна. И все же Владимир для него «Росский царь», он повторяет «Россы и Россияне», не воспользовавшись ни разу народными формами.

¹²⁰ Так пишет переводчик Академии Наук в 1742 г. см. П. Пекарский. История Имп. Академии наук, т. 1. СПб., 1873, стр. 38.

¹²¹ В. Барский. Три древних сказания о святой горе Афонской. М., 1895, стр. 37. «Российщики» образовано от прилагательного «российский», подобно тому как в польском языке слова: *chińczyk, duńczyk* от прилагательных *chiński, duński*; встречается и *Rosyjczyk*, например, у Т. Чацкого (*O litewskich i polskich prawach. Warszawa, 1800*, стр. 39 и 194).

¹²² М. Щербатов. История Российская от древнейших времен, т. 1. СПб., 1771, стр. 3 сл.

¹²³ У Державина мы найдем часто и второй вариант «Россияне», всегда с ударением на и (как Финикияне, Ассирияне).

¹²⁴ Карамзин пишет «Руской» с большой буквы и с одним с; он представляется философу Канту, как «Руской дворянин» (Письма русского путешественника, ч. 1, Кенигсберг, Июня 19, 1789).

нены древние выражения «Русская земля, Русския жены»; однако слово «Русичи» передано три раза как «Россияне», а четвертый раз — как «Руссы».

Сам Державин захвачен новыми веяниями и в 1804 г., в год появления «Древних российских стихотворений» Кириши Данилова, увлекаясь былинным эпосом, он пишет трагедию «Добрыня». В ней мы наблюдаем полное смешение стилей. Вестник кличет: «Услышьте, Россы и Славяне», Владимир говорит: «Россия» и «Россияне» и назван «владыка Всероссийский»: однако встречается уже «Русский» (как прилагательное и как существительное) и слово «Русь» как название страны. Но в том же году, в классическом «Лебеде», навеянном Горацием, Державин говорит:

«Народы, света с полукруга
Составившие Россов род:
Славяне, Гунны, Скифы, Чудь...»

Здесь слово «Россы» приобретает как бы сверхнациональный, имперский оттенок.

Смешение стилей наблюдается и в эпоху войн с Наполеоном, начиная с 1805 г. С одной стороны, торжественные манифесты (писанные в 1812 г. консерватором Шишковым), напыщенные трагедии Озерова и Державина поддерживали традицию классицизма. С другой стороны, дает себя знать народная стихия. Так, в трагедии «Грозный», написанной в год взятия Парижа, у Державина татары говорят по-простонародному «русский царь, русские», но сам Грозный декламирует в высоком стиле: «Россы, Россияне» и заканчивает возгласом:

«Да чтит вселенна
Мольне-российскаго орла!»

Отзвуки классицизма чувствуются еще у Жуковского в произведениях, созданных в годы борьбы с Наполеоном. Так, в 1812 г. он пишет «Певца во стане русских воинов», но в тексте пользуется классическими именами «Россы, Галлы, Сарматы» вместо того, чтобы просто сказать «русские, французы, поляки».

Юный Пушкин находится в эти же годы под влиянием Державина. Он пишет в 1814 г.: «слава Россов», «Росс, питомец славы»; Батюшков для него «Парни российский». «Воспоминания в Царском Селе» полны классических отзвуков. Екатерина там названа «Минерва русская» (как у Хераскова), наши войска — «Россы, Россияне, росски исполины», и им противопоставлены Галлы и Галлия. Все же в этой элегии можно найти «русские поля» и даже один раз «Русской» как существительное. Любопытно, что в оде на возвращение Александра I из Парижа (1815) Пушкин, упоминая по-прежнему «Россов» и «Россию», говорит уже по-народному «русской царь» и даже «земля Русская»: последняя форма навеяна наверное чтением Слова о полку Игореве.

В годы после окончания наполеоновских войн ставший консерватором Карамзин издает «Историю Государства Российскаго» (1816—1826) и, возвращаясь к традиции XVIII в., чаще говорит в ней о «Россиянах», чем о «Русских». Но молодой Н. Полевой отвечает ему «Историей русского народа». Эта антитеза: «Российское государство» и «русский народ» станет характерной для всего XIX в.

Уже в «Руслане и Людмиле» и «Кавказском пленнике» Пушкин говорит лишь «русские». Посвящая своего «Бориса Годунова» памяти Карам-

зина, Пушкин пишет еще в его духе — «драгоценной для Россиян», но в тексте трагедии этого слова больше нет. В 5-й главе «Евгения Онегина» Пушкин говорит еще, с некоторой иронией: «лихая мода, наш тиран, недуг новейших россиян»; но Татьяна для него «русская душой», и весь роман овеян дыханием деревенской, «подлинной» Руси, что нашло выражение в прекрасном эпитафическом «O rus! O Русь!»¹²⁵. Наконец, в оде «Клеветникам России» в 1831 г. Пушкин возвращается к стилю Державина и восклицает: «кичливый Лях иль верный Росс?» И в написанной немного позже «Бородинской годовщине» Пушкин пользуется державинской рифмой, говоря:

«Что взяли вы?.. Еще ли Росс
Больной, расслабленный колосс?»

Вот, насколько нам известно, последний пример употребления этой чисто византийской формы, появившейся в Византии тысячу лет назад. С именем «росс» исчезло и прилагательное «росский». Имя «россиянин» встречается еще, например, у Некрасова, но с оттенком иронии.

Однако имя «Россия», созданное в эпоху Константина Багрянородного, продолжает жить и не могло быть вытеснено более логичной формой «Руссия», поскольку это южнославянское новообразование XIII в. было всегда менее распространено. Остались и прилагательные «российский» и «всероссийский», имеющие более широкий смысл, чем чисто национальное обозначение «русский». И сейчас имя «российский» сохраняется в официальном названии РСФСР, включающей, наряду с основным ядром русского народа, и целый ряд автономных социалистических республик национальных меньшинств.

Мы уже указали, что византийская форма неизвестна большей части европейских языков, пользующихся лишь формами на *y* (типа Russia).

Однако венгерцы и сейчас называют нас *Orosz* (читай «орос»). а в польском языке с XVIII в. стали проводить различие между именами *Rosya* (*rosyanin*), *rosyjski*, обозначающими великороссов, и *Ruś* (*rusin*), *ruski*, для обозначения подвластных Речи Посполитой украинцев и белорусов (впоследствии — только украинцев). Впрочем, это различие привилось не сразу: например, поэт Трембецкий пишет в начале XIX в., что «Киев был столицей российского государства», а поэт Мицкевич еще после 1830 г. говорит «русский царь», и называет Пушкина (или Рылеева) «*wieszczem ruskiego narodu*». То же выражение найдем у Словацкого в думе о Ржевуском¹²⁶.

Итак, вызванная долгим византийским влиянием двойственность форм «Русь/русский» и «Россия/российский» и до сих пор не исчезла из нашего языка, как и из новогреческого и польского.

¹²⁵ Это хорошо отмечено А. Мартелем (A. Martel. Un point d'histoire du vocabulaire russe. . . , p. 278).

¹²⁶ Ciezrył się car ruski, iż emir Rzewuski.
W stepowym śpi cicho Kurhanie.

В. К. ЧАЛОЯН

ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫЕ ВОЗЗРЕНИЯ АНАНИИ ШИРАКАЦИ

К началу IV в.¹ в Армении утверждается новый, феодальный строй.

В первый период становления этого общества, в период формирования раннего феодализма в Армении, несмотря на частые войны и нашествия чужеземцев, на тяжелые разрушения, производительные силы страны постепенно развиваются, богатеют господствующие классы, в руках которых образуются определенные накопления материальных средств, о чем свидетельствуют проводившиеся тогда большие строительные работы, монументальные архитектурные сооружения. Подъем этот во многих отношениях продолжался до конца VII в., после чего, в силу неблагоприятных политических условий, в Армении начался упадок, прежде всего упадок экономической жизни страны.

В соответствии с этим и в развитии армянской культуры в период раннего феодализма отчетливо намечаются два периода — период IV—VII вв., когда армянская культура переживает значительный подъем, и период VIII—IX вв., когда она вступила в полосу упадка.

Первый период раннего феодализма в Армении, период подъема и расцвета армянской культуры, был ознаменован значительным ростом естественнонаучной мысли. Это было обусловлено рядом социально-экономических и идейных предпосылок. В первую очередь здесь следует отметить, что развитие производительных сил, расширение ирригационной сети страны и строительство множества монументальных сооружений не могли не породить потребности в математических, астрономических и географических знаниях. С другой стороны, огромное значение имело и то обстоятельство, что в новом феодальном обществе в период его становления очень сильно еще сказывались культурные традиции эллинизма.

Философская мысль не сосредоточивалась поэтому исключительно в области обоснования и защиты христианства, в области патристики. Наряду с этим шла интенсивная деятельность по приспособлению наследия эллинизма к условиям нового феодального строя. Это направление в культуре Армении периода раннего феодализма, по нашему мнению, лучше всего определить термином поздний армянский эллинизм.

Представители позднего эллинизма являлись страстными почитателями греческой культуры и считали Грецию «матерью или кормилицей науки»². Они охотно учились слову мудрости у «язычников», для них были исключительно велики авторитеты Аристотеля — «мудрейшего из мудрых» — и Платона — «божественного».

¹ Редакция считает эту датировку дискуссионной. — Ред.

² Моисей Хоренский. История Армении. М., 1893, стр. 3, 424.

Вместе с тем, однако, они оставались национальными деятелями. Они добились того, что стало возможно передавать на родном армянском языке абстрактные, отвлеченные мысли и понятия античных классиков, как и их собственные интерпретации. Этими представителями армянской науки были созданы оригинальные произведения в области историографии и литературы, лингвистики и грамматики, риторики и философии, географии и космографии, математики и естествознания. При этом в каждой отрасли знания они открывали новые пути исследования.

Именно под влиянием философии позднего эллинизма интерес к познанию явлений природы, порожденный экономическими условиями периода, привел к стремлению охватить природу в целом, во всей ее реальности и многообразии, т. е. к развитию философии естествознания.

Самым видным представителем естественнонаучной мысли Армении периода раннего феодализма по праву принято считать Ананию Ширакаци.

Анания Ширакаци — математик, астроном, географ; во всех этих областях он в равной мере стремится к широким теоретическим обобщениям. Но среди перечисленных наук больше всего его привлекает «искусство числительное» как основа всего человеческого познания и мудрости. Анания пишет: «И, сильно возлюбив искусство числительное, всей мудрости матерью его почитая, помыслил я, что без числа никакое суждение не слагается»³.

Сохранилась автобиография Анании Ширакаци, из которой явствует, что молодой Анания в первой половине VII в. в целях изучения естественных и математических наук путешествовал по разным городам Малой Азии, но в конце концов обосновался в Трапезунте, в школе знатного ученого мужа Тихика. По утверждению Анании Ширакаци, этот его учитель обладал большими познаниями — вот почему современники удостаивали его высокой оценки, вот почему к нему стекались слушатели из многих стран. «Учитель Тихик, — рассказывает Анания, — полюбил меня как сына и поверял мне все мысли свои. Ниспослал и мне бог благодать свою: я усвоил вполне числительную науку и с таким успехом, что соученики мои стали мне завидовать. Я пробыл у него восемь лет и изучил много книг, которые не были еще переведены на наш язык. Ибо у моего учителя было несметное количество книг: известных и неизвестных, христианских и языческих, книг об искусствах, исторических, медицинских и хронологических. К чему перечислять их поименно? Одним словом, нет такой книги, которой бы у него не было»⁴.

После такой долгой и солидной подготовки Анания возвращается на родину: «... и я, ничтожнейший из армян, изучив у него (Тихика) эту могучую науку, желанную царями, перенес ее в нашу страну, не будучи никем поддержан, обязанный только своему трудолюбию и молитвам святого Григора «Просветителя»»⁵. В Армении Анания Ширакаци целиком посвящает себя науке и обучению молодых людей. Однако он в этом деле не получает поддержки. Больше того, окружающая его среда, сильные мира сего, начали его преследовать, так что он был вынужден покинуть Армению. В его автобиографии есть слова, исполненные горечи: «И никто не поблагодарил и не оценил меня за труды мои... унижали и оскорбляли меня»⁶. Иначе и не могло быть. Представители реакционных

³ Анания Ширакаци. Сочинения, под ред. Ашота Абрамяна (на арм. яз.). Ереван, 1944, стр. 206. Мы пользовались переводом акад. И. А. Орбели (Вопросы и решения вардапета Анании Ширакаци... Изд. и пер. И. А. Орбели. Пг., 1918, стр. 7).

⁴ Анания Ширакаци. Сочинения, стр. 207.

⁵ Там же, стр. 208.

⁶ Там же, стр. 208—209.

кругов общества, «святые отцы» армянской церкви, не могли терпеть учения Анания Ширакаци о мироздании и о природе, учения, во многих случаях противоречившего священному писанию.

В нашем распоряжении имеется много трудов Анания Ширакаци; они относятся преимущественно к математическим и космографическим наукам. Эти труды Анания Ширакаци имеют большое культурно-историческое значение потому, что они свидетельствуют о высоком уровне естествознания, математики, астрономии и географии, достигнутом в Армении к середине VII в. Правда, научные труды Анания Ширакаци носят на себе печать христианского образа мышления, но все же в основных своих положительных выводах они относятся к эллинистическому миру, миру его идей.

Остановимся сначала на общефилософских воззрениях этого выдающегося ученого Армении.

Вопрос об отношении бога к природе Анания Ширакаци решает в пользу первичности бога и вторичности природы. Однако у него получается так, что внешняя природа, сотворенная или произведенная, так же реальна, как реальна природа производящего бога. Анания Ширакаци излагает свое понимание вопроса следующим образом. Исходным началом для постижения всего сущего — небесного и земного — является разум, самое мышление, которое порождает слово или понятие чего-то. Анания утверждает, что это порожденное разумом слово или понятие чего-то есть нематериальное или бестелесное сущее. Следовательно, разум порождает понятие о бестелесном или, иначе говоря, нематериальном сущем. Именно это нематериальное или бестелесное сущее есть то самое понятие, с чего следует начать познавать. Отсюда следует, что начало познания есть познание нематериального сущего. Таким образом, по утверждению Анания Ширакаци, нематериальное сущее есть начало всего реально-материально сущего.

Дальше Анания Ширакаци выставляет новое положение, а именно: быть началом всего материального сущего значит быть безначальным сущим, иначе говоря, не иметь начала; ибо если нематериальное сущее обуславливает существование других, то оно само не может быть обусловлено ничем другим. Это значит, что оно причину своего существования имеет в самом себе, оно самобытно, а самобытное сущее не может иметь начала, оно безначальное сущее⁷.

Постижение реально-материального бытия, утверждает Анания Ширакаци, еще не приводит к постижению безначального и нематериального сущего, это последнее «остается невысказанным и невыраженным»⁸. Но это не означает, что оно остается вообще непознаваемым. И Анания Ширакаци ставит вопрос о том, как разум мог бы постичь это нематериальное сущее. Для этого, говорит Ширакаци, требуется необходимое разумное основание, требуются такие исходные логические предположения, которые могли бы привести к определенному суждению, в конечном счете, к познанию нематериального сущего. Вот почему Анания утверждает, что познающие при наличии достаточного разумного основания познают «невыразимое», раскрывают его суть.

Итак, нематериальное и безначальное сущее познаваемо. А познать нематериальное сущее — значит утверждать его существование. На этой основе Анания Ширакаци считает, что если нематериальное сущее существует и существует самобытно, то оно есть произведенное сущее, произведенное же не имеет протяженности, оно не обладает местом, ибо

⁷ См. Анания Ширакаци. Космография и теория календаря, стр. 2—3.

⁸ Там же.

оно само есть вместилище для всего сущего. Произведенное сущее есть творец всего существующего. Если было сказано, продолжает Анания, что творец есть произведенное сущее, то понятно, что все то, что возникло, имеет начало в произведенном сущем, которое стоит выше, чем произведенные, чем те, которые имеют возникновение. Это высшее и есть наисовершенный бог, «причина всего произведенного, видимого и познаваемого»⁹.

Таким образом, хотя, повторяем, вопрос об отношении бога и природы Анания Ширакаци решает в пользу первичности бога и вторичности природы, однако он решает вопрос не догматически, он не просто констатирует то, что провозглашает священное писание, а пытается рационалистически объяснить свое понимание отношения бога и природы, пытается найти в решении этого вопроса необходимую логическую последовательность. Следовательно, для Анания Ширакаци важна не догма, а разумность решения поставленной задачи.

Из решения Ананией Ширакаци вопроса об отношении бога к природе вполне определенно, ясно и отчетливо вытекает его тезис о том, что природа существует реально, имеет конкретно-определенное бытие. Но это еще не все. Из учения Анания Ширакаци вытекает еще то положение, что реально существующий чувственный мир поддается познанию человека, что этот последний обладает способностью постигнуть реальность объективного мира, воспринять сущность вещей, их связи и взаимоотношения. Дальнейшее изложение естественнонаучных воззрений Анания Ширакаци покажет, что он на самом деле разделяет принцип реальности мира и возможности его познания.

В основу понимания природы Анания Ширакаци кладет учение о четырех элементах мира, с давних пор широко известное как в классической Греции, в частности у Эмпедокла, так и в Армении — у Езника и у Егише. Это — огонь, воздух, вода и земля. В понятие природы огня Анания включает сухость и теплоту; воздуха — теплоту и влажность; воды — влажность и холод; земли — холод и сухость. По мнению Анания, элементы общаются, переходят друг в друга при помощи того общего, что есть между ними. Для огня и воздуха соединяющим общим началом является теплота; для воздуха и воды — влажность, для воды и земли — холод и, наконец, для земли и огня — сухость¹⁰. При наличии этих посредствующих звеньев имеет место взаимодействие, взаимосвязь элементов, соединение и переход одного в другой. Мир представляет собой не что иное, как определенное соединение этих элементов или, как Анания говорит, «определенный состав смешанных друг с другом элементов». И не только мир в целом представляет такое смешение элементов, но также и каждая конкретно-конечная вещь, предмет, животные и растения, — словом, все в мире состоит из этих элементов.

Анания Ширакаци как приверженец направления философии позднего эллинизма рассматривает природу в ее целостности. И при всей недостаточности, а часто и ошибочности научных представлений, характерных для той эпохи, такое рассмотрение природы не могло не привести в какой-то мере к диалектическому образу мышления, к восприятию элементов диалектики природы.

Так, Анания Ширакаци, исходя из взаимосвязи четырех элементов мира, из взаимодействия отдельных его частей, утверждает мысль о постоянном и непрерывном возникновении и уничтожении вещей, отдельно

⁹ Анания Ширакаци. Космография и теория календаря, стр. 2—3.

¹⁰ Там же, стр. 4.

сущих, как основного закона бытия; он дошел до понимания противоречий в природе, как начала ее существования. Анания пишет: «от солнца через планеты передаются в нижние сферы воздух и свет, которые распространяются на землю. Воздух имеет прохладу, а свет — частица огня солнца. Благодаря этим двум тонким и легким элементам при помощи морской воды земля становится животворящей «причиной» растений и плодов, одушевленных животных различного вида, всяких пресмыкающихся и четвероногих, птиц и им подобных, зверей и скота; «становится причиной» уменьшения и увеличения, «возникновения» и уничтожения тел, достатка и недостатка «пищи» для животных и людей, «становится» также причиной возникновения и уничтожения крови и души. Ибо возникновение есть начало уничтожения и уничтожение есть в свою очередь начало возникновения. Из этого неумирающего противоречия мир приобретает вечность своего существования»¹¹. Здесь следует подчеркнуть два положения: первое — природа со всеми своими частями рассматривается как нечто целостное, но внутренне противоречивое; второе — из взаимосвязи и взаимодействия четырех элементов мира происходит процесс развития природы, процесс возникновения и уничтожения мира вещей, всего того, что существует. Эти идеи в мировоззрении Анании Ширакаци говорят о его диалектическом образе мышления, о диалектическом восприятии явлений природы.

Познание внешней природы, мира чувственных вещей совершается, по утверждению Анании Ширакаци, через ощущения и через разум: «есть такие «вещи», которые «постигаются» зрением, есть и такие, постижение которых совершается через разум»¹².

Анания не раз указывает, что самым достоверным является то, что поддается ощущению человека. Но это далеко не означает, что ощущение — единственное средство познания. Больше того, само ощущение, будучи самым надежным родом познания, не всегда дает точное представление вещей, не всегда точно и до конца отражает ощущаемое. «Если кто-либо, — говорит Анания, — видел начерченный круг, но не увидел, откуда началось описание этого круга, то ему кажется, будто в действительности круг и не имел никакого начала»¹³. Из этих слов явствует, что там, где чувственное созерцание не в состоянии удовлетворить стремления человека к постижению явления реального бытия, выступает рассудочное восприятие, более высокая форма познания¹⁴. Достоверным и точным познание согласно учению Анании Ширакаци может быть только тогда, когда одновременно действуют и чувственная и рассудочная формы восприятия, когда они обе в состоянии дополнять друг друга.

Анания Ширакаци отмечает еще и то обстоятельство, что процесс восприятия непосредственно зависит от состояния предмета восприятия. Так, он приводит следующий пример: из тучи блещет молния, грохочет гром, и, несмотря на то, что гром и молния возникают одновременно, до ощущения человека это доходит не одновременно, сперва воздействует на органы чувств молния, и только потом гром¹⁵. Следует отметить — и это интересно для характеристики уровня развития естественнонаучной мысли в Армении — Анания Ширакаци, вероятно, знал, что свет имеет большую

¹¹ Анания Ширакаци. Космография и теория календаря, стр. 31.

¹² Анания Ширакаци. Сочинения, стр. 318.

¹³ Анания Ширакаци. Космография и теория календаря, стр. 5.

¹⁴ В этой связи интересна и попытка Анании Ширакаци объяснить, почему на дальних расстояниях большие по объему тела кажутся нам маленькими, почему свет, чем дальше от нас, тем кажется нам менее ярким. См. там же, стр. 56—57.

¹⁵ См. Анания Ширакаци. Космография и теория календаря, стр. 36—37.

скорость, чем звук. Для нас, однако, сейчас важнее то обстоятельство, что Анания Ширакаци подчеркивает зависимость органов чувств от внешних предметов, объективных вещей, подчеркивает первичность ощущаемого, вторичность ощущения. Сперва предмет, внешняя объективная реальность, после чего только ее отражение в органах чувств человека.

Если в вопросе об отношении природы и мышления Анания Ширакаци придерживается мнения о первичности природы и вторичности мышления, если он считает источником познания внешнюю природу, мир вещей, то понятно, что, по его мнению, для достижения познания нужно было начать с рассмотрения внешней природы, с предмета познания. Вот почему Анания придает огромное значение опыту и наблюдению явлений природы. Даже говоря о движении небесных светил, Анания показывает, как можно на основе опыта и наблюдения приобрести множество нужных и полезных познаний для практической жизни¹⁶. И подобных примеров, касающихся исследования явлений природы и их естественных свойств, можно найти в трудах Анании Ширакаци сколько угодно. А потому мы вправе утверждать, что он в своих естественно-научных воззрениях опирается прежде всего на опыт и наблюдение, на выяснение свойств объективно существующих вещей.

Однако здесь же следует оговориться, что для теории познания Анания Ширакаци важное значение имеет как учение «языческих» (античных) мыслителей, так и утверждения религии, учение церкви и святых ее отцов. Поэтому в некоторых случаях, объясняя опыт, он ссылается на те или иные положения религии. Так например, доказывая, что Земля находится посредине атмосферы, а эта последняя окружена со всех сторон небом, он пишет: «Если кто-либо «для примера» берет глиняный сосуд и наполняет его водой, маслом и песком, то получится так, что песок займет нижнюю часть сосуда, масло — верхнюю часть, вода же останется в середине; притом понятно, что стены сосуда со всех сторон окружают все то, что содержится в сосуде — воду, песок и масло. И если эти вещества так подобны тем небесным предметам, о которых мы рассказывали, то создатель всего сущего как много хотел бы, чтоб все сотворенное было образовано согласно своим естественным свойствам»¹⁷.

Но несмотря на то, что взгляды Анании Ширакаци формировались под сильным влиянием христианской теологии и как священное писание, так и литература апологетов христианской церкви представляют для него известный авторитет, его беспристрастное и трезвое отношение к изучаемым предметам и явлениям, как и сама область его научных интересов, обуславливали в целом его выход за рамки христианской догматики и его обращение к естественно-научной мысли античных авторов.

Только человек, обладающий в большой мере смелостью и мужеством, мог в VII в. при безраздельном господстве христианской идеологии выставить следующее положение: «Не найдя в священном писании ничего обстоятельного о землеописании, кроме редких, разбросанных и в то же время трудно постигаемых и темных сведений, мы были вынуждены обратиться к языческим (античным) писателям, которые установили географическую науку, опираясь на путешествия и мореплавание, и подтвердили ее геометрией, которая обязана своим происхождением астрономии»¹⁸.

¹⁶ См. Анания Ширакаци. Космография и теория календаря, стр. 42. Анания аналогично рассуждает и на странице 50.

¹⁷ Там же, стр. 10—11.

¹⁸ Анания Ширакаци. География, см. Сочинения, стр. 336. Здесь отметим, что знаменитую армянскую «Географию» мы рассматриваем, как сочинение Анании Ширакаци и считаем, что долгий спор о том, принадлежит ли «География»

Из этих слов явствует, что Анания Ширакаци не довольствовался библейским представлением мироздания; для него, безусловно, истина была важнее, чем догматика церкви, и истину эту он видел скорее в географии и геометрии, чем в священном писании.

Приведем еще одно высказывание Анании Ширакаци: «Говорят, что океан окружает не только жаркий пояс, но и всю землю. На этом основании Константин Антиохийский в своей «Христианской Топографии» говорит, что Ковчег пришел к нам из восточной земли. Но Птолемей, люди которого при многолетних странствованиях измерили всю землю, говорит, что океан не окружает земли, а находится в северо-западном углу ее... и это справедливо»¹⁹. Тут же по этому же поводу Анания продолжает: «Так как были случаи, что наши люди обходили кругом моря Греческое (Средиземное) и Каспийское, то я полагаю, что и Индийское море, находится в таком же положении, а не так, как говорят иные, будто океан окружает всё. Но я верю тому, что говорит Птолемей, люди которого, начиная с жаркого пояса, прошли на Юг, с точностью описали народы, там живущие, измерили пространства их пределов, начиная от Агисимба до Лунных гор и далее до неизвестной страны»²⁰. Совершенно ясно, что здесь Анания Ширакаци отрицает учение христианской церкви, отстаивает и противопоставляет ему точку зрения «язычника» Птолемея. Также ясно, что Анания Ширакаци отрицает приведенное утверждение церкви только потому, что оно имеет догматический характер и, наоборот, отстаивает утверждение Птолемея только потому, что оно обусловлено «многолетним измерением всей земли», «точным описанием живущих там народов». Таким образом, можно утверждать, что для Анании Ширакаци — истина, которая устанавливается опытным путем, выше, чем догматика церкви.

Однако Анания не всегда последователен в этом вопросе. У него есть и противоречия и попытки совместить несовместимое. Это сказывается, в частности, в его отношении к античным мыслителям или точнее — в его попытке разделить всех античных мыслителей по «истинности» их взглядов на два лагеря — на «добрых» и «злых», как он говорит, философов. В качестве критерия для такого деления Анания Ширакаци выдвигает признание или отрицание тем или иным мыслителем «единого бога, несотворенного и самого совершенного». «Добрые» философы не только признают такого бога, но еще считают его причиной «всего существующего, видимого и познаваемого»²¹. «Злые же философы» — это те «сумасбродные

перу Моисея Хоренского или же Анании Ширакаци разрешился в пользу последнего. Противоположная точка зрения академика Манандяна Я. А. [см. его «Когда и кем была составлена армянская «География». ВВ., т. I, 1947; «Решение проблемы М. Хоренского». Ереван, 1934 (на армянском языке)], неубедительная и не обоснованная с самого начала, окончательно была опровергнута теми новыми данными и материалами, которыми пользовались последние годы его оппоненты (А. Абрамян и др.). Достоин сожаления, что Н. В. Пигулевская, совершенно верно указывая на наличие в это время на Ближнем Востоке двух взглядов на Вселенную, когда «одно течение представляло ученую традицию, идущую от античного знания, другое было связано с автором «Христианской топографии» (Н. В. Пигулевская. Византия на путях в Индию, М.—Л., 1951, стр. 157), придерживается ошибочного мнения в вопросах армянской географии и космографии. Эта точка зрения была высказана Я. Манандяном и заключается в том, что якобы имеется принципиальная разница между «Космографией» Анании Ширакаци и «Географией», приписываемой самим Я. Манандяном Моисею Хоренскому. Из нашего изложения естественно-научных взглядов Анании Ширакаци видно, что и концепцию Н. В. Пигулевской о двух направлениях в теории вселенной, которую она строит в отношении армянской науки при оценке учения Анания Ширакаци на основе указания Я. Манандяна, следует пересмотреть.

¹⁹ Анания Ширакаци. География, см. Сочинения, стр. 338.

²⁰ Там же, стр. 339.

²¹ Его же. Космография и теория календаря, стр. 1—2.

язычники-мудрецы», которые не признают бога и «причиной становления «всего сущего» считают материю». Это означает, что в этом вопросе для Анании Ширакаци высшая истина заключается в признании бога творцом всего сущего. Противоречивость воззрений Анании Ширакаци очень ярко выявляется в следующем его рассуждении: «Серединною обитаемой людьми земли, — пишет он, — Птолемей называет Счастливую Аравию, но я не верю ему, ибо Счастливую Аравию, откуда пришла царица Юга, Евангелие называет краем света. Серединною же называется такое место, которое находится на одинаковом расстоянии от всех концов. Таково именно положение Иерусалима, чему свидетельствует св. писание, хотя по градусам Птолемея выходит, что к востоку «от Иерусалима» гораздо более обитателей земли, «чем к западу», мы же будем описывать, соединяя два градуса в одном»²². Получается так, что Анания Ширакаци возражает против системы Птолемея только потому, что хочет отстоять учение церкви о том, что Иерусалим является центром земли.

Таким образом, Анания Ширакаци высказывает не только положения, в которых он отрицает истину церкви, чтобы утверждать истину античной мудрости, но также и положения, в которых он отрицает истину античной мудрости, чтоб утверждать истину церкви. Анания Ширакаци отвергает те или иные положения античных мыслителей, но вместе с тем он воспринимает то ценное, что, на его взгляд, имеется у них. Анания Ширакаци отвергает те или иные положения из учения христианской церкви, но вместе с тем он воспринимает то, на его взгляд, ценное, что имеется в этом учении; стало быть, Анания воспринимает не потому, что воспринятое принадлежит учению церкви, выражает ее систему взглядов, а потому, что, на его взгляд, оно верно, истинно. Следовательно, несмотря на всю противоречивость своих взглядов, Анания Ширакаци в пределах своих научных интересов пытается не догматически, а критически подойти к познанию действительности.

Анания Ширакаци борется против ложного учения халдеев о предсказании событий и судьбы людей по движению небесных светил, против астрологии вообще, борется против суеверия, фатализма, борется, чтобы утверждать истинное понятие о мироздании, о строении земли и вселенной.

Анания Ширакаци отмечает, что философия и науки, особенно астрономия, зародились у халдеев, затем развились дальше у египтян и у греков; однако все они, по утверждению Анании Ширакаци, не смогли постигнуть тайны небесных светил, в силу чего приписывали им природу производящую, почитали их, как богов. Вот это самое обожествление небесных светил есть исходное начало астрологии халдеев. Именно эти боги в представлении халдеев обуславливают все то, что происходит на земле, вплоть до рождения и смерти людей, их счастье и несчастье, обуславливают все их поступки. Против такого фатализма и выступает Анания Ширакаци.

Опровергая это учение он, во-первых, вскрывает непоследовательность и противоречивость в суждениях его сторонников и, во-вторых, опровергает их положения как неразумное и несоответствующее действительности сумасбродство. Так, халдейские астрологи утверждали, что рождение человека под определенной звездой определяет его судьбу и что поэтому судьбу человека можно заранее предсказать по звездам. Анания Ширакаци, возражая против этого, указывает, что рождение человека — не мгновенный акт, а процесс, и следовательно, невозможно определить, под какой звездой рождается

²² Анания Ширакаци. Сочинения, стр. 340.

человек. Халдейские астрологи утверждали, что добро или зло в действиях человека predeterminedены свойствами тех или иных звезд. На это Анания Ширакаци возражает; он находит, что «если звезды на самом деле являются причиной зла, то они сами по своей природе злые существа; злые потому, что творят зло»²³. Следовательно, по учению халдеев получается, что звезды будто бы обладают волей и разумом, являются какими-то живыми существами, в силу чего они могут творить добро или зло. А между тем, рассуждает Анания Ширакаци, небесные светила — неодушевленные существа, они не имеют ни воли, ни разума — качеств, которые присущи только человеку. И если бы этих качеств не было у человека, он не обладал бы свободой воли и тогда «были бы излишни законы, которые определяют нормы поведения и обязанности человека», определяют, что следует делать и от чего следует ему воздержаться»²⁴. Продолжая свое рассуждение Анания Ширакаци утверждает, что если бы действия человека были predeterminedены и не было бы свободы выбора между добром и злом, то к чему судьи, которые отмечают тех, кто совершает добро, и наказывают тех, кто совершает зло; ведь согласно астрологии, злодейство воров прирожденно, оно заранее обусловлено свыше, со стороны небесных светил. И с другой стороны — к чему усилия мастеров искусства, труд рабочих, стремления к прибыли у купцов, когда согласно астрологам, совершается только то, чему суждено быть, и никто из людей не может изменить predeterminedенное свыше.

Борьба против халдейской астрологии, против фатализма и на этой основе борьбы против суеверия, чародейства и колдовства являлась, разумеется, прогрессивным началом в учении Анании Ширакаци. Это свидетельствует о его стремлении к правильному восприятию явлений природы. У Анания, безусловно, имеется множество положений, воспринятых из христианской теологии, у него имеются двойственность и противоречия, но, несмотря на это, в его учении здоровое, объективно-реальное понимание мира вещей обычно берет верх над его религиозными предрассудками.

Очень показательна в этом отношении космография Анании Ширакаци, его теория мироздания, основные черты которой, связанные с его мировоззрением, мы пытаемся ниже изложить.

Но прежде напомним то положение, в котором находилась эта отрасль знания во времена Анания Ширакаци.

Теории мироздания, созданные Аристотелем, Гиппархом, Птолемеем были отвергнуты господствующей христианской церковью, ибо они противоречили ее учению, подрывали «достоверность» священного писания. Церковь отвергла самое важное открытие античной космографии — учение о шарообразности земли — и в связи с этим она отвергла и утверждение об антиподах — обитателях взаимно противоположных пунктов земного шара. Взамен учения древних о вселенной церковь попыталась создать новое представление о мироздании, адекватное христианской догматике. Это было сделано в «Христианской топографии» Козьмы Индикоплова²⁵, — этого ревностного апологета церкви первой половины VI в. Именно потому, что «Христианская топография» выражала учение церкви о вселенной, усилиями самой церкви она широко распространилась из Александрии по всему христианскому миру — как в греческом оригинале, так и в многочисленных переводах.

²³ Анания Ширакаци. Космография и теория календаря, стр. 27.

²⁴ Там же, стр. 28.

²⁵ Χριστιανική Τопоγραφία παντός κόσμου.

Христианское учение о мироздании, утверждает Козьма, не нуждается в доказательствах, а для подтверждения его истинности достаточно одного только «свидетельства священного писания». Это последнее вместе с тем является основанием отрицать «языческую» науку Птолемея, его учение о шарообразности земли со всеми вытекающими отсюда положениями. Козьма Индикоплов, опровергая мнение о сферичности земли, возражает против существования антиподов в полном согласии с христианским вероучением.

Апологет христианской церкви Козьма утверждал, что земля имеет прямоугольную форму и находится посреди морских вод; он утверждал, что дальше этих вод имеется снова земля, но уже безлюдная, сплошь необитаемая. Над плоской землей, которая держится на подпорках, возвышается небесный свод, который также держится на столбах; солнце, луна и звезды, бесконечно малые по сравнению с землей, движутся вокруг земли, земля же неподвижна, она образует собою центр вселенной. И так как целью всего божественного творчества является человек, земля и небесные светила созданы для служения человеку. Если на самой нижней части вселенной обитает человек, то на самой ее верхней части — над небесным сводом — обитает бог, воля которого управляет движением небесных светил.

Но в ранний период становления феодализма на Востоке существовало и другое представление о мироздании — эллинистическое в своей основе. Базой этого позднего эллинизма являлась та высокообразованная среда общества, которая была очень далека от фанатизма новой религии и не чуждалась эллинской и эллинистической философии и науки. И христианская ортодоксия и поздний эллинизм признавали принцип геоцентризма. Но по вопросу о форме земли между этими двумя направлениями было глубокое расхождение. Представители позднего эллинизма признавали шарообразность земли, представители же христианской ортодоксии считали землю четырехугольной плоскостью. Отсюда и различное отношение к системе мира Птолемея — отрицательное у христианских ортодоксов типа Козьмы Индикоплова и положительное у представителей позднего эллинизма, типа Иоанна Филопона из александрийского круга деятелей (а несколько позже и константинопольского патриарха Фотия)²⁶.

Автор работы «О сотворении мира» Иоанн Филопон, современник Козьмы, исходил из учения Птолемея; одновременно он старался не противоречить книге Бытия. Аналогичную позицию занимал Фотий, который выступил против «Христианской топографии» Козьмы, утверждая сферичность неба и земли, и в этом вопросе являлся приверженцем традиции античной науки и философии²⁷.

В Армении это же направление позднего эллинизма представляет в своей космографии Анания Ширакаци. В Космографии и топографии Анании Ширакаци, отражающих основные положения Аристотеля — Птолемея, отрицается точка зрения Козьмы Индикоплова и вместе с тем отдается дань учению церкви.

Анания Ширакаци отвергает положение о том, что «земля со всех сторон окружена морем, что она расположена как остров посреди моря,

²⁶ Эти два направления космографической теории того времени хорошо представлены в книге: Н. В. Пигулевская. Византия на путях в Индию, стр. 115 и дальше.

²⁷ Следует отметить, что и на Западе в период расцвета феодализма учение христианства о мироздании подвергается некоторому изменению. Возрастающие потребности практики приводили к тому, что стало необходимо заимствовать кое-что у античных мыслителей. Церковь брала то, что не противоречило ее учению, и что можно было приспособить к религиозной догматике, в частности, геоцентризм Аристотеля и Птолемея был приспособлен к учению церкви.

окружена водой сверху над воздухом и со всех сторон»²⁸. Такого безбрежного и безжизненного окружающего землю моря, утверждает Анания Ширакаци, не может быть, ибо как же тогда совершалось бы свой восход и заход солнца? На самом деле моря, говорит Анания Ширакаци, — это те гигантские водные бассейны, которые находятся на земле, ограниченные и замкнутые, по которым люди могут путешествовать, в которых разводятся рыбы и множество других живых существ²⁹. Опровергаемые им представления о том, что земля будто бы со всех сторон окружена морем Анания Ширакаци приписывает «злым философам», «сумасбродным язычникам», а на самом деле — это те воззрения, которые были изложены, как известно, Козьмой Индикопловом, иначе говоря, были учением самой церкви. Получается, что Анания Ширакаци отвергает здесь основное положение учения церкви о мироздании.

В космографии Анании Ширакаци имеется зародыш нового, идущего вразрез с учением церкви, представления о происхождении земли. Анания пишет: «Могучие вихри, проникая во внутрь земли, поднимают ее вверх; разряженные и рассеянные частицы земли впитывают в себя сырость воды, ветры сильно дуют вверх, земля же со своей густой земельной массой, падая вниз, уплотняется и этим самым образуется на земле твердая почва; вместе с тем выделяется вода, которая на поверхности земли образует то, что мы называем морем»³⁰. Отсюда явствует, что благодаря взаимодействию естественных стихий — воды, ветра и земли, которые как простые элементы мира, имеют самобытное существование, образовался мир и нет никакого сверхъестественного воздействия извне. Такое представление о происхождении Земли, конечно, очень далеко от подлинно научного разрешения вопроса, однако, эта идея резко противоречила мифу о сотворении земли.

Признавая учение о шарообразности земли, Анания прямо ссылается на «добрых» философов, иначе говоря, на истинную науку о мироздании, которая утверждает положение о шарообразности земли, об антиподах и т. д. «Если кто-либо, — пишет Анания Ширакаци, — хочет понимать теорию языческих мыслителей, в качестве примера для выражения структуры земли, я предложил бы яйцо: в середине яйца шарообразно устроен желток, а вокруг него белок; наконец, скорлупа окружает все со всех сторон. Точно так, Земля находится в середине, вокруг Земли имеется воздух и, наконец, небо окружает все со всех сторон»³¹. О том, что Анания Ширакаци полностью разделяет эти мысли о шарообразности Земли свидетельствует не только то, что он подчеркивает, что эту мысль высказали «добрые философы» (учение которых, как мы уже знаем, он признавал истинным), но и то, что сферическую форму Земли он объявляет результатом «естественного развития» самой природы³². Таким образом, согласно взглядам Анании Ширакаци, вселенная представляется в следующем виде: небо круглое и шарообразное тело, оно окружает воздух и этим самым определяет его сферическую форму, а воздух определяет таким же образом сферическую форму Земли. И на самом деле, если небо не опирается на Землю, а окружает ее со всех сторон — и сверху, и снизу, и с боков, — то Земля, ограниченная в объеме, должна быть шарообразна. Свою мысль о сферичности Земли Анания Ширакаци выражает более чем определенно.

²⁸ Анания Ширакаци. Космография и теория календаря, стр. 15.

²⁹ См. там же.

³⁰ Там же, стр. 9.

³¹ Там же, стр. 10.

³² Там же, стр. 11.

«Все то, — пишет он, что окружено небом, шарообразно, это есть достигнутая в совершенстве форма; такова «в своей форме» и Земля»³³.

Анания Ширакаци прямо указывает источники своего представления о мироздании: «Чтоб изобразить вселенную, — пишет он в своей «Географии», — следует устроить ее подобие в виде шара; потом вычертить инструментом по тому же размеру другой круг, разделить им на половину большой круг, что составит 180 градусов, т. е. все пространство для обитаемой земли. . . В таком виде, т. е. в виде сферы, описал Птолемей вселенную. У него заимствовал и сократил Папп Александрийский, у которого мы сделали свои извлечения, сохранив только крупное и значительное, как то: измерения расстояний, произведения не по лицу Земли, а по наблюдениям посредством инструментов на вершинах высоких гор, через воздух, над лучами солнца, луны и звезд и над изменениями положения их в пределах семи климатов»³⁴.

Таким образом в вопросе о форме Земли Анания Ширакаци оказывается на уровне величайших достижений античной космогонии.

С проблемой шарообразности Земли тесно связан вопрос об антиподах. Имеется ли жизнь, люди или животные на противоположной стороне земного шара, имеются ли антиподы «подобно мухам, облепившим яблоко»? Анания Ширакаци разбирает этот острый в ту пору вопрос и решает его по-своему. По словам Анании Ширакаци, этот вопрос одно время мучил его днем и ночью, не давал ему покоя и иногда приводил его в состояние такого возбуждения, что даже во сне ему казалось, что он спрашивает самое солнце — светлого юношу, лучезарного и золотистого, кому оно после захода дает свет, что оно тогда освещает, есть ли жизнь на другой стороне Земли. Некоторое время Анания Ширакаци, вопреки, как он пишет, священному писанию, пророкам и наставникам церкви, верил, что существуют антиподы — люди и животные в противоположной стороне земли, а «божественное слово считал ложью»³⁵. Но у него не было доказательств правильности этого предположения и он, в конечном итоге, высказал мнение, что солнце после своего захода дает свет горам и ущельям, необитаемым пещерам³⁶.

Следовательно, у Анании Ширакаци отрицание жизни на противоположной стороне земли не является результатом его преклонения перед догмами христианской космографии, а просто отражает низкий уровень конкретных знаний того времени. Подчеркивая мысль о необитаемости противоположной стороны Земли, Анания ссылается на то, что и на обитаемой нами стороне Земли имеются «большие необитаемые и ненаселенные места, где также светит солнце, даже больше, чем в обитаемых живыми существами местах. Также необитаемы и ненаселены северные, покрытые ледниками страны, а также южные страны, которые от чрезмерной жары называются жарким поясом или же пустыни на Востоке, где совершенно нет жизни»³⁷.

Идея о шарообразности Земли совершенно отчетливо проводится в «Географии» Анании Ширакаци. «Говорят также, — читаем мы там, — что жаркий пояс образовался от течения тонких и пламенных лучей солнца. Этот пояс отделяет океаном обитаемую Землю от южного

³³ Анания Ширакаци. Сочинения, стр. 332—333. Отметим, что в другом месте Анания Ширакаци говорит о молнии, которая «пробивает плотность Земли, доходя до нижнего полушария». (Там же, стр. 35—36).

³⁴ Анания Ширакаци. География, перевод К. Патканова, стр. 6—7.

³⁵ Анания Ширакаци. Космография и теория календаря, стр. 13.

³⁶ См. там же, стр. 13—14.

³⁷ Там же, стр. 13.

полушария, которое называют противоположной землей. Она величиною равняется пространству обитаемой Земли, находящейся в северном полушарии и называется сухою»³⁸.

Мы можем, следовательно, отметить, что Анания Ширакаци в разбираемом вопросе идет по стопам античных мыслителей, в частности Птолемея: Анания разделяет их воззрения о шарообразности земли, хотя и не признает живых существ на противоположной стороне Земли.

Мысль о шарообразности Земли приводила Ананию Ширакаци к идее о шарообразности неба. «Небо кругообразно окружает шарообразную Землю, — писал он, — оно состоит из двух полушарий — верхнего и нижнего, которые сообразно форме Земли охватывают ее с двух сторон»³⁹.

Дальше, Анания Ширакаци старается ответить на вопрос: из чего состоит это самое небо, что оно такое. Он не согласен с мнением тех «злых философов», которые утверждали, что существует «множество небес и бесконечность миров» и не возражает против мнения тех мыслителей, которые говорили, что небо есть некая особая сущность, отличная от четырех элементов природы, светлое и плотное прозрачно-хрустальное тело. Анания ссылается «на греков, которые назвали его эфиром, а эллины (в другом месте он говорит халдеи. — В. Ч.) — уплотненным огнем»⁴⁰. «Верхнее небо, — пишет Анания, — есть тело неизменное, чистое пламя, оно никем «не обусловлено» и не имеет себе равного, само представляется через себя; оно отдельное и неделимое, твердое и негибкое, не дырявое и гладкое, без углубления и впадин, оно собою окружает стеной все «сущее»⁴¹.

Таким образом, по мнению Анания Ширакаци, небо есть никем и ничем не обусловленное материальное сущее, оно в понимании Анания Ширакаци есть эфир, своеобразное пламя чуждое природы элемента огня.

Согласно космогонии Анания Ширакаци между небом — эфиром — и землей имеются промежуточные сферы огня, воды и воздуха. Здесь важно подчеркнуть действие вихревой стихии, на что обращает внимание сам Анания Ширакаци. Вихревое движение воздуха внутри небесного свода окружает сферическую землю, сами вихри принимают сферическую форму, в силу чего они оказывают свое действие на землю со всех ее сторон — сверху, снизу и по бокам. Это положение космографии Анания Ширакаци имеет очень важное принципиальное значение, ибо оно дает возможность Ширакаци дать свой ответ на один из труднейших вопросов теории мироздания, а именно на вопрос — на чем держится земля в безбрежном пространстве вселенной. Вот точный ответ самого Анания Ширакаци: «Земля в силу своей тяжести падает вниз, но вихрь со своей силой поднимает ее вверх; тяжесть земли не допускает «вихрю» поднять землю вверх и силы вихря не позволяют ей упасть книзу. Вот так образуется точка равновесия и Земля остается на своем месте»⁴².

Оценивая эти мысли Анания Ширакаци мы не должны, понятно, забывать об условиях той эпохи, в которую они были высказаны, о том уровне знаний, который тогда был достигнут. Самым существенным и прогрессивным в этих взглядах Анания Ширакаци является то, что он отказался от мысли, что небо и земля держатся на подпорках, т. е. отказался от воззрений, развиваемых св. отцами церкви и священным писанием. Он прямо говорит, что слова псалма о том, что «имеются под морем столпы,

³⁸ Анания Ширакаци. География, стр. 10.

³⁹ Анания Ширакаци. Сочинения, стр. 313.

⁴⁰ Там же, стр. 318; его же. Космография, стр. 4—5.

⁴¹ Анания Ширакаци. Космография, стр. 5—6.

⁴² Там же, стр. 9—10.

которые держат тяжесть земли», вызывают у него «недоумение»: «Как может держаться на воде такая тяжесть земли и не погружаться?»⁴³

Мы видим, таким образом, что в решении этой проблемы Анания Ширакаци проводит принцип взаимодействия естественных сил реальной природы, это и есть отход от учения христианских отцов церкви и их представлений о мироздании.

Следует еще коротко остановиться на разборе воззрений Анания Ширакаци о природе небесных светил — солнца и луны.

Анания Ширакаци отчетливо понимает сложность этих вопросов. Он даже утверждает, что знание природы вещества солнца является божественной способностью, доступной лишь «почитаемым людям» из «добрых философов». И так как Анания Ширакаци разделяет мнение этих людей, то излагает их как истинное знание природы солнца. Это знание сводится к следующему: солнце, пишет Анания, «есть сжатое, плотное, чистое, шарообразное, и круглое «тело»; оно совершенно без пятен и без царапин. Солнце по своей природе есть холодное «тело»; оно берет от огненной сферы («Арпи») теплоту и свет, направляя их в воздух, через который согревает и освещает землю. В этом может тебя убедить следующий наш пример: когда направляешь на солнце шарик из кристалла, сам по себе весьма холодный, то он пропускает через себя лучи более яркие, чем свет самого солнца и куда они не попадут, обжигают, ибо от лучей кристалла возникает огонь, хотя сам кристалл по своей природе есть холодное «тело». Именно так нужно понимать и «природу» солнца»⁴⁴.

Во всем этом рассуждении для нас сейчас особенно важно то обстоятельство, что Анания Ширакаци для доказательства своей правоты приводит пример из объективно-реальной действительности, ссылается на объективные свойства предметов. Это еще подтверждает правильность данной нами выше характеристики общеполитических и в частности гносеологических взглядов Анания Ширакаци. Весьма примечательно, что разбирая вопрос о природе солнца, Анания Ширакаци упоминает о взгляде церкви по данному вопросу только для того, чтобы выразить свое несогласие с ним, чтобы от него отмежеваться.

Очень интересны рассуждения Анания Ширакаци о величине солнца. Когда мы говорим больше или меньше, рассуждает Анания, то под этим подразумеваем выявление различия между однородными телами через сопоставления и сравнения. Идя таким путем, Анания Ширакаци выясняет, что солнце среди небесных тел самое большое, оно больше, чем Земля. Кроме того, солнце как светило больше, чем луна, чем звезды, ибо оно освещает дальше и сильнее, чем другие светила неба. Эту свою мысль Анания Ширакаци формулирует следующим образом: солнце больше «по своей безмерной величине «по объему», по недостигаемой высоте «по отдаленности» и по бесконечному излучению «по свету»⁴⁵. При этом Анания Ширакаци пытается объяснить, почему чувственное ощущение величины

⁴³ Анания Ширакаци. Космография, стр. 12. Следует отметить, что тут же вслед за этим вопросом Анания Ширакаци в вопиющем противоречии со всем ходом предшествующего рассуждения вдруг говорит: «Я верю слову другого псалма, в котором сказано, что я (бог) утвердил столпы «Земли». Анания нигде не объясняет как именно он понимает слова этого псалма и никогда больше не возвращается к этому утверждению. По-видимому ссылкой на этот псалом Анания Ширакаци просто маскирует свое действительное понимание вопроса, за которое он мог подвергнуться преследованию со стороны церкви. Это предположение подтверждается тем, что Анания и не пытается привести какие-либо доказательства истинности второго псалма, в то время как противоположное этому воззрение он подробно излагает, аргументирует и доказывает.

⁴⁴ Там же, стр. 47.

⁴⁵ Там же, стр. 58.

небесных тел недостоверно, почему оно обманчиво. Анания знает, что «всякая большая по объему вещь издали кажется нам маленькой, что только тогда, когда мы ближе подходим к вещи, оказывается, что она не маленькая, а большая»⁴⁶. Это явление Анания объясняет тем, что «зоркость глаза теряется от слабого воздействия света, ибо недостает света для доведения воспринимаемого к зрению из-за отдаленности мест. В результате светлое нам кажется темным, большое — маленьким»⁴⁷. Как же далеко солнце и как оно велико, восклицает Анания Ширакаци, если оно воспринимается нами везде и всюду, во всех отношениях одинаково — «оно нам кажется в Индии таким же, каким кажется и в Британии»⁴⁸.

Это, конечно, не означает, что солнце не движется, нет, оно движется, и именно в результате его движения происходит смена дня и ночи и времен года. В плане нашего исследования наибольший интерес представляет понимание Анания Ширакаци соотношения таких противоположностей, как день и ночь, как свет и тьма. По мнению Анании, одно исключает другое: свет — тьму, тьма — свет; день исключает ночь, ночь — день; «день бывает от света солнца, ночь же — ни от кого; там, где нет света есть тьма; ночь — это есть тень земли, ибо все то, что противопоставляется свету, является причиной проявления тьмы. . . Во всех местах, где нет света, там тьма, такова «природа» ночи; когда солнце спускается к нижнему полушарию «Земли» и в воздухе уменьшается свет, тогда замечается тень земли, которая есть ночная тьма»⁴⁹. Из этих слов видно что Анания Ширакаци, теоретически обобщая вопрос, дошел до мысли о взаимообусловленности противоположностей в явлениях природы.

«Второе светило» — луна — имеет, по мысли Анании Ширакаци, аналогичную с солнцем природу. Он приводит «мнение тех первых исследователей», которые, постигнув природу луны, определили ее как сжатое, плотное, чистое и шарообразное «тело»⁵⁰. Для понимания природы луны было очень важно знать, обладает ли луна собственным светом или ее свет от солнца. И в этом вопросе Анания Ширакаци, хотя и обещает объединить воззрения античной науки и церкви, но все же в основном придерживается взглядов именно античной науки. Он, например, прямо выступает против тех «представителей учения церкви», которые утверждают, что луна имеет свой собственный свет и что лунный свет отличается от света солнца, просто потому, что: «для бога было нетрудно разделить свет на множество видов»⁵¹. Этому воззрению Анания Ширакаци противопоставляет свое понимание вопроса: «Луна» по своей природе не имеет света, луна благодаря своему общению с солнцем берет от него свой свет; как зеркало, поставленное напротив солнца, дает излучения, так и луна, которая, как утверждают древние мыслители, делает то же самое»⁵². Утверждение же церкви, что различие света солнца и луны — от бога, совершенно не убеждает Ананию Ширакаци. И здесь он хочет найти реальное объяснение вопросу. Поэтому он, ссылаясь на утверждения древних философов, говорит, что свет луны отличается от света солнца потому, что поверхность луны, отражающая солнечный свет, неровная. «Точно также, — поясняет он свою мысль, — как шар кристалла, который имеет птню или царапину, не в состоянии пропускать яркость световых лучей»⁵³.

⁴⁶ Анания Ширакаци. Космография, стр. 55—56.

⁴⁷ Там же, стр. 56.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же, стр. 54.

⁵⁰ Там же, стр. 39.

⁵¹ Там же, стр. 40.

⁵² Там же, стр. 39.

⁵³ Там же, стр. 40.

Для понимания космографии Анании Ширакаци важно также его понимание соотношения движения солнца и луны, приводящее к затмению. Анания Ширакаци пишет: «Уменьшение света солнца, которое называется его затмением, бывает тогда, когда закрывается тенью серединная часть солнечного диска, а свет солнца, как узкая лента, обозначается вокруг тени. Это «явление» объясняется тем, что луна, становясь напротив солнца, закрывает его свет. . . луна и есть причина затмения солнца»⁵⁴. Далее Анания Ширакаци напоминает, что движение солнца и луны приводит их еще к такой встрече, «когда солнце подходит близко к луне и освещение луны сильно уменьшается, ибо верхняя сторона лунного шара, которая направлена в сторону солнца, имеет полный свет, а нижняя ее сторона, которая обращена в сторону земли, скрывается в тени»⁵⁵.

Анания Ширакаци разбирает еще много других общих и частных вопросов из области космографии, географии, теории календаря, уж не говоря о вопросах математики, которой, как мы уже упоминали выше, он придавал особое значение⁵⁶. Но на этих вопросах мы останавливаться не будем, так как они не имеют прямого отношения к теме нашей работы.

Уже сказанного достаточно для общей характеристики естественнонаучных воззрений Анании Ширакаци, самого прогрессивного представителя армянской науки периода раннего феодализма. Наш анализ его важнейших произведений свидетельствует, что по своему мировоззрению Анания Ширакаци принадлежал к тому направлению в армянской философии, которое нами было определено как поздний армянский эллинизм. Именно это направление в конечном счете отражало интересы прогрессивной части феодальной прослойки армянского общества. Во взглядах Анании Ширакаци, имелись противоречия, он не всегда был достаточно последовательным, во многих случаях он не смог преодолеть мифических положений христианской религии, но тем не менее, он остался поборником научной истины, борцом за расцвет науки в стране, за ее культуру и просвещение. Его труды намного пережили их автора и оказали большое влияние на многих деятелей средневековой науки и в том числе на таких как Григор Магистр и Иоани Ерзынкаци в Армении и Николай Артавазд в Византии.

⁵⁴ Анания Ширакаци. Космография, стр. 58.

⁵⁵ Там же, стр. 44—45.

⁵⁶ Нельзя не отметить вслед за К. Патканяном большую многолетнюю работу над текстами Анании Ширакаци проф. А. Абрамяна, подготовившего и издавшего важнейшие труды Анании, особенно не известные научному миру его математические рукописи.

З. В. УДАЛЬЦОВА

К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДАХ
ВИЗАНТИЙСКОГО ИСТОРИКА XV в. КРИТОВУЛА

Византийский историк XV в. Михаил Гермодор Кривовул был не только писателем, но и видным политическим деятелем своего времени, активно участвовавшим в сложной политической и социальной борьбе, раз-
вернувшейся на островах Эгейского моря в период турецкого завоевания. Он был тесно связан с приверженцами туркофильского течения в Византии, и его политические симпатии наложили сильный отпечаток на все его мировоззрение и определили политическую направленность написанного им исторического сочинения. Поэтому анализ этого сочинения Кривовула позволяет не только выяснить мировоззрение самого автора «Истории Мехмеда II», но и составить представление о социально-политической сущности того общественного течения, к которому он принадлежал. В этом плане нам кажется целесообразным выяснить отношение Кривовула к важнейшим политическим вопросам того времени, волновавшим умы его современников.

В данной работе остановимся лишь на трех наиболее важных вопросах: 1) об отношении к туркам и турецкому завоеванию Византии; 2) об отношении к Западу и в частности к итальянцам и 3) об отношении к византийскому государству и греческому народу¹.

1. ОТНОШЕНИЕ КРИТОВУЛА К ТУРКАМ И ТУРЕЦКОМУ
ЗАВОЕВАНИЮ ВИЗАНТИИ

Основной целью, которую ставил себе Кривовул при написании «Истории Мехмеда II», было прославление подвигов этого султана. Об этом он сам говорит в своем посвященном письме, обращенном к султану². В отличие от других современных ему византийских историков, которые называют Мехмеда II — «безбожным тираном» (τύραννον δυσσεβῆ), «погибелью нашего рода» (ὀλετήρα τοῦ γένους ἡμῶν), «Антихристом» (Ἀντίχριστον), «врагом креста» (ἐχθρὸν τοῦ σταυροῦ), «учеником сатаны» (μαθητὴν τοῦ σατανᾶ), «терзающим демоном» (δαίμονα σαρκιόβόρον) и другими столь же нелестными эпитетами, в труде Кривовула Мехмед II выступает как «великий самодержец», «царь царей», «счастливый», «побеж-

¹ Краткий обзор научной литературы о Кривовуле содержится в другой работе автора данной статьи: Предательская политика феодальной знати Византии в период турецкого завоевания. ВВ, т. VII, М., 1953, стр. 102—107. Из новейшей литературы можно указать новый перевод труда Кривовула: Kritoboulos. History of Mehmed the Conqueror; transl. from the Greek by Charles T. Riggs. Princeton, 1954, 222 p.

² Critobulus. De rebus gestis Mechemtis II, ed. C. Müller, Fragmenta Historicorum Graecorum (в дальнейшем — FHG), vol. V. Paris, 1883. Epistola, § 1—4.

дающий», «захватывающий трофеи», «триумфатор», «непобедимый», «господин земли и моря». Чтобы польстить султану, Кривовул всюду называет его βασιλεύς, а не ἀμπεράς, как именуют его другие современные авторы. Себя же Кривовул называет не иначе, как «ничтожным рабом» (δοῦλος εὐτελής) султана.

Кривовул всячески прославляет величие души и благородство характера Мехмеда II. В своем посвящении он пишет, что Мехмед II «один из немногих царей, который соединил с подвигами красноречие, мудрость и опытность в управлении государством», тот самый «царь — добрый правитель и воин», о котором говорит Гомер³. Восхвалениями «ума и доброго характера» султана⁴ пестрит весь труд Кривовула.

Однако следует все же отметить, что Кривовул не унижает себя столь низкой и недстойной лестью, как другой известный туркофил — трапезунтский ученый и философ Георгий Амируци. Амируци, близко стоявший к султану и бывший его учителем «эллинской мудрости», буквально не находит достаточно хвалебных эпитетов для прославления Мехмеда II⁵.

И хотя Кривовул нигде не дает нам живого и яркого образа Мехмеда II, как, например, Донадо да Леце в своей «Турецкой истории» или некоторые турецкие писатели, а рисует его несколько отвлеченно, схематично, следуя установившемуся канону в описании «великих» царей, — в его труде мы найдем все же немало ценных сведений для характеристики султана. При этом, конечно, никогда не следует забывать о крайней тенденциозности автора.

Воспевая подвиги своего героя, Кривовул стремится скрыть его преступления и пороки. Так, например, он совершенно умалчивает об убийстве Мехмедом II своего малолетнего брата Ахмета, преступлении, о котором подробно сообщают не только византийские писатели, например Халкокондил⁶, но и турецкие историки, в частности Сеад-эд-дин⁷.

Следуя литературной традиции и в угоду султану Кривовул прежде всего восхваляет военные подвиги Мехмеда II, прославляет его победы и подчеркивает личное мужество и доблесть султана. Мехмед II всюду рисуется как талантливый и умелый полководец, одерживающий блестящие победы, покоряющий страны и народы. Поражения же султана автор всячески старается скрыть или преуменьшить. Особенно разительным примером в этом отношении является описание Кривовулом осады Белграда Мехмедом II летом 1456 г.⁸ И это далеко не единственный пример сознательного извращения Кривовулом исторических фактов. Так, он замалчивает победы вождя албанцев Скандербеге, одного из самых храбрых и упорных противников Мехмеда II⁹, старается всячески преуменьшить неудачи, которые потерпел Мехмед II при осаде Круи¹⁰, во время второго похода в Боснию и борьбы с венгерским королем Матфеем Корвином при осаде города и крепости Яйце и многие другие¹¹.

³ Critobulus. De rebus gestis... Epistola, § 1.

⁴ Ibid., lib. II, cap. VII, § 6.

⁵ См. Δελτίον τῆς ἱστορικῆς καὶ ἐθνολογικῆς ἐταιρείας τῆς Ἑλλάδος, т. II. Ἀθήναι, 1885, σελ. 275.

⁶ Laonici Chalcocondilae Historiarum Libri decem. Bonnae, 1843, p. 375.

⁷ Saad-Eddin-Effendi. Relation de la prise de Constantinople, traduite du turc par M. Garin de Tassy. Paris, 1878.

⁸ Critobulus. De rebus gestis... lib. II, cap. XVII—XIX. См. З. В. Удальцова. Византийский историк Кривовул о южных славянах и других народах Балканского полуострова в XV веке. ВВ, т. IV, 1951, стр. 102—107.

⁹ Critobulus. De rebus gestis... lib. V, cap. XI; XVI.

¹⁰ Ibid., lib. V, cap. XIX, § 1—2.

¹¹ Ibid., cap. VI, § 1—9.

Автор всегда старается подчеркнуть личную храбрость Мехмеда II (например, при осаде Белграда¹², осаде Коринфа¹³), его стойкость и выносливость (например, при переходе через Тавр¹⁴, во время похода в Албанию и путешествия по Албанским горам¹⁵ и др.).

Мехмед II, согласно Критовулу, никогда не бывает виновником войн и начинает войны лишь в силу веских причин. Виноваты в войне всегда его противники (Сербия, Босния, Валахия, Албания, деспоты Пелопоннеса, Трапезунт и др.), вызвавшие гнев царя своим неблагоприятным поведением, или нарушением договора с султаном, или невзномом в срок установленной дани, или же тем, что стремятся к перевороту и отпадению от Турции, заключают тайные союзы с ее врагами¹⁶. Иногда, утверждает Критовул, причиной вторжения турок в ту или иную страну являются внутренние междоусобицы, которые ослабляют эту страну и могут облегчить захват ее врагами султана¹⁷. Против правителей островов Эгейского моря (Лесбоса, Хиоса, Родоса, Наксоса и др.) обычно выставляется обвинение в том, что они принимают пиратские корабли, предоставляют им стоянки и необходимое продовольствие, а также сами снаряжают суда и наносят большой вред торговым кораблям турок и побережью областей, подчиненных султану¹⁸. В отношении албанцев, боснийцев, валахов и некоторых других сообщается, что они совершают набеги на области турок и опустошают их, а также не поставляют военные контингенты в войско султана¹⁹. В угоду своему могущественному покровителю Критовул всячески подчеркивает коварство и неблагодарность врагов султана, вызывающих этим «справедливый» гнев Мехмеда II²⁰.

Порою турецкий султан предстает в труде Критовула как защитник невинных жертв и мститель за злодеяния, им причиненные²¹.

Таким образом, вопреки исторической действительности Мехмед II в труде Критовула выступает в качестве не нападающей, а обороняющейся стороны, якобы защищающей свои законные права или помогающей своим союзникам. Агрессивный характер походов Мехмеда II тщательно вуалируется его историографом.

Однако Критовул не может иногда скрыть и других, вполне реальных причин, толкавших Мехмеда II на его завоевательные войны. Так, например, он указывает, что султана привлекало плодородие Сербии, изобилующей к тому же ценными металлами²²; что его соблазняли и богатства

¹² Critobulus. De rebus gestis... lib. II, cap. XVIII, § 6; cap. XIX, § 4.

¹³ Ibid., lib. III, cap. III, § 8—14.

¹⁴ Ibid., lib. IV, cap. IV—VI.

¹⁵ Ibid., lib. V, cap. XI—XII.

¹⁶ Сербия и другие народы Балканского полуострова заключают союз с венгерским королем (ibid., lib. II, cap. VI, § 1). Жители островов Эгейского моря и пелопоннесский деспот Фома — с итальянцами (ibid., lib. III, cap. X, § 1), царь Трапезунта — с правителями Азии, в частности с царем белых гуннов Хасаном (ibid., lib. IV, cap. I, § 7).

¹⁷ Смуты на Пелопоннесе могли, по словам Критовула, способствовать передаче полуострова в руки итальянцев (ibid., lib. III, cap. I, § 4—5); междоусобные войны в Трапезунте могут открыть туда дорогу Хасану (ibid., lib. IV, cap. I, § 7); смуты в сербском государстве могли облегчить захват Сербии венгерским королем (ibid., lib. II, cap. XX, § 8—12).

¹⁸ Ibid., lib. II, cap. III, § 5; lib. III, cap. X, § 2; lib. IV, cap. XI, § 1.

¹⁹ Ibid., lib. III, cap. XVI, § 4, 7.

²⁰ Ibid., cap. I, § 1—2; lib. IV, cap. X, § 1—6.

²¹ Так, например, он мстит Дорию, правителю Эноса и островов Имброса, Лемноса и др. за преступления по отношению к жене и детям его старшего брата (ibid., lib. II, cap. XI—XII), стремится наказать деспота Фому за злодеяния по отношению к его брату Деметрию (ibid., lib. III, cap. XIX, § 1—2) и т. п.

²² Ibid., lib. II, cap. VII, § 2—4.

таких крупных торговых центров, как города Энос²³, Синоп и Трапезунт²⁴, или таких областей, как Пелопоннес²⁵. Кроме того, Критовул принужден признать, что Мехмед II при завоевании той или иной области большое значение придавал военно-стратегическому положению страны как возможного плацдарма для нападения турецких войск на наиболее опасных соперников султана²⁶.

Подчеркивая оборонительный характер войн султана, Критовул в то же время признает, что Мехмед II заранее и весьма тщательно готовится к своим походам²⁷. Более того, он вынужден согласиться также и с тем, что турецкий султан после захвата той или иной страны или области прежде всего заботится о прочном закреплении за собой своих завоеваний, для чего оставляет в захваченных им крепостях сильные гарнизоны²⁸. Из этих и подобных им сообщений Критовула становится вполне ясным, сколь несостоятельны его попытки скрыть истинный характер завоевательных походов Мехмеда II.

Критовул всегда прославляет щедрость Мехмеда II по отношению к своим воинам и его заботу о войске²⁹. При этом он даже заявляет, что когда Мехмед II отступал из какой-либо страны или снимал осаду какой-либо крепости, упорно ему сопротивлявшейся, то им якобы руководила в первую очередь гуманная забота о спасении жизни его воинов³⁰.

Восхваляя военные подвиги султана, Критовул одновременно несколько преувеличивает силы турок³¹.

Однако для того, чтобы еще более прославить победы турок, Критовул отнюдь не преуменьшает, а зачастую даже преувеличивает и силы их противников. Он необычайно настойчиво подчеркивает неприступность крепостей и городов, которые осаждают и берет султан, непроходимость дорог, по которым лежит его путь, рисует яркими красками, с массой эпитетов, трудности, которые преодолевает султан и его войско во время походов³².

²³ Critobulus. De rebus gestis... lib. II, cap. XII, § 2—8.

²⁴ Ibid., lib. IV, cap. I, § 3; cap. III, § 3.

²⁵ Ibid., lib. III, cap. I, § 1—2.

²⁶ Так, например, Критовул подчеркивает, что Сербия являлась плацдармом для нападения турок на Венгрию (ibid., lib. II, cap. VI, § 3); Пелопоннес — важный плацдарм в борьбе против итальянцев, дающий возможность переправлять войска в Италию (ibid., lib. III, cap. I, § 4); Синоп — был удобен для переброски войск султана против Трапезунта (ibid., lib. IV, cap. III, § 8).

²⁷ Автор указывает, что Мехмед II начинает свои походы обычно с наступлением весны, а в течение зимы тщательно готовится к ним, собирает и снаряжает войско, ввозит оружие и продовольствие. Особое внимание уделяет Мехмед II артиллерии и сбору всех необходимых материалов для отливки пушек в ходе самого похода. С особенной тщательностью готовился Мехмед II к взятию Константинополя (ibid., lib. I, cap. XX—XXII; XXVI—XXVII, XXIX), к осаде Белграда (ibid., lib. II, cap. XVII, § 1), а также к покорению Синопа и Трапезунта (ibid., lib. IV, cap. I, § 1). Заботливая и тщательная подготовка к войне сопутствует всем походам Мехмеда II.

²⁸ Ibid., lib. III, cap. IX, § 1.

²⁹ Ibid., lib. II, cap. XIX, § 7; lib. III, cap. IX, § 3; cap. XVII, § 8.

³⁰ Так поступает султан, по словам Критовула, при осаде Белграда (ibid., lib. II, cap. XVII, § 1—2), осаде Коринфа (ibid., lib. III, cap. VI, § 8), при крайне неудачной для султана осаде крепости Круи (ibid., lib. V, cap. XIX, § 1—2).

³¹ Critobulus. De rebus gestis... lib. IV, cap. II, § 1. Сравните — Laonici Chalcocondylae Historiarum... p. 485; Ducas. Historia Byzantina. Bonnae, 1835, p. 340; Saad-Eddin-Effendi. Op. cit., lib. II, p. 196.

³² Так, например, не говоря уже о Константинополе, Белграде, Коринфе и Круе, все крепости, осаждаемые царем — «укрепленные и недоступные» (φρούρα εφ' ἑσπέρῃ καὶ δυσάλωτα); дороги — непроходимые скалистые, изобилующие глубокими пропастями (φάραγγες βαθύς), густыми лесами и т. д. (τόπος ἀβάτοις καὶ ἀποκρημίσις). Особенно это бросается в глаза при описании похода в Пелопоннес (Critobulus. De rebus gestis... lib. III, cap. V, § 1), похода в Албанию (ibid., lib. III, cap. XVI, § 1), перехода через Тавр (ibid., lib. IV, cap. IV, § 1—11).

Значительное место в труде Критовула отводится описанию роста морского могущества турок и завоевания ими владычества на море. Для Критовула-островитянина, вся жизнь которого теснейшим образом была связана с морем, вопрос о талассократии — это вопрос первостепенной важности³³. Для Критовула в современном ему мире существуют две морские державы — итальянцы (прежде всего венецианцы) и турки, и между ними идет постоянная ожесточенная борьба за господство на море, с ходом и исходом которой тесно связана судьба мелких государств и прежде всего островов Эгейского моря, судьба его родного острова.

Победа склоняется в пользу турок, и Критовул приветствует это, радуясь тому, что наконец-то почти уже сломлено ненавистное ему господство на море итальянцев — старинных врагов и конкурентов греческих купцов. Критовул в своей «Истории Мехмеда II» все время подчеркивает силу и многочисленность турецкого флота. По словам этого автора, одно лишь известие о приближении турецкого флота вызвало панику на островах Эгейского моря³⁴. Турецкий флот сыграл, по мнению Критовула, решающую роль и при взятии турками Константинополя, Эноса, Лесбоса, Синопа и Трапезунта.

Хотя морское могущество итальянцев слабеет и все более отходит в прошлое, но все же они еще сильны, и первой заботой султана Мехмеда II, по словам Критовула, является постройка сильного флота и окончательное завоевание господства на море.

Критовул подчеркивает, что особое внимание султан уделял созданию морского флота. Он пишет, что «царь приказывает повсюду строить корабли, видя, что власть на море необходима как для него, так и для его государства, особенно во время заморских походов»³⁵. И поэтому султан считал, что первым среди его дел является забота о морском флоте³⁶.

«И тщательно рассмотрев и изучив дела самых могущественных царей древности, он нашел, что их подвиги были велики и прославлены и что они приобрели большую силу благодаря могуществу на море. Вследствие этого он решил создать и у себя такую же силу. Ведь земля и море, соединенные в одной державе, делают эту державу могущественной»³⁷. Поэтому Мехмед II приказывает соорудить «большое количество прекрасных гаваней для принятия кораблей и их снаряжения»³⁸.

Критовул сообщает, что, вернувшись из похода на остров Лесбос, султан «приказывает как можно скорее сверх уже существующих кораблей построить немалое число других и набрать для них как можно больше моряков и снабдить все корабли экипажами»³⁹. И немного дальше автор объясняет причину, вызвавшую этот приказ Мехмеда II. «Ведь царь, — говорит он, — видел, что итальянцы, и особенно венецианцы, имеют большой флот, захватили господство на море и, владея островом Эгиной, наносят немалый вред близлежащему азиатскому и европейскому побережью». Вследствие этого он решил создать большой флот и захватить господство на море или по крайней мере «мешать господству» итальянцев⁴⁰. В V книге своей «Истории Мехмеда II» автор вновь возвращается к этому вопросу и гово-

³³ Cristobulus. De rebus gestis. . . , lib. II, cap. IV, § 3; lib. IV — cap. II, § 1—3.

³⁴ Ibid., lib. I, cap. XXV, § 1—2.

³⁵ Ibid., lib. III, cap. XIII, § 1.

³⁶ Ibidem.

³⁷ Ibidem.

³⁸ Ibid., lib. III, cap. XI, § 5.

³⁹ Ibid., lib. IV, cap. XIV, § 1.

⁴⁰ Ibid., lib. IV, cap. XIV, § 2.

рит, что султан, проводя зиму (1456 г.) в Константинополе, предался заботам о постройке большого числа кораблей, спеша употребить их в дело и не жалея никаких средств на это⁴¹.

Но для достижения господства на море было еще далеко не достаточно иметь сильный флот. Для этого необходимо было держать в своих руках проливы Босфор и Дарданеллы. Этому вопросу Критовул также придает чрезвычайно большое значение. Он весьма подробно описывает строительство турками крепости на Босфоре, подчеркивая всю важность этого дела и не скрывая того, что целью постройки крепости было стремление турок закрыть доступ кораблям итальянцев в Черное море⁴².

Захват Константинополя, помимо огромного военно-стратегического и политического значения, был также одним из важных этапов установления власти турок над проливами.

Окончательно обеспечивало господство турок над проливами строительство двух крепостей на берегах Геллеспонта. Критовул пишет, что Мехмед II, стремясь захватить господство на море, решил построить крепости на Геллеспонте и соединить под своей властью оба материка — Азию и Европу, «и все верхнее море, я имею в виду Эвксинский Понт и Геллеспонт, сделать внутренним морем и хорошо его обезопасить, закрыв пролив, чтобы к его побережью не могли бы проникнуть враги для грабительских набегов, как это недавно он сделал на Босфоре»⁴³.

В V книге своего труда Критовул рассказывает о завершении строительства этих крепостей и подробно останавливается на значении их сооружения. «И было окончено большое дело, самое выдающееся из всех, достойное славы и удивления, такое дело, которое никому из древних эллинов и великих царей и полководцев древности, как ромеев, так и персов, не приходило на ум, а прийдя, не могло быть выполнено»⁴⁴. «Ведь он (султан) отделил верхнее море (τὴν ἄνω θάλασσαν — Черное) от нижнего (κάτω θάλασσης — Эгейского) и сделал проливы недоступными для плавания кораблей врагов султана». «Он воздвиг крепости с двух сторон и снабдил их камнеметами, посредством которых издали отгонялись триеры и даже большие олкады и все другие малые и большие корабли и тотчас, как только они приближались, они разбивались и уничтожались пушечными из пушек огромными камнями, как будто сжимаемые Сциллой и Харибдой»⁴⁵.

Большой знаток и любитель древности, наш автор вспоминает о том, что некогда Ксеркс, царь персов, соединил берега Геллеспонта мостом, но этот мост оказался непрочным и скоро был разрушен, в то время как воздвигнутым султаном укреплениям не страшны ни удары ветра и моря, ни набеги врагов, «до такой степени неразрывной и крепкой оказалась эта связь и этот мост»⁴⁶.

Критовул ясно отдает себе отчет в том, какое значение имело обладание проливами для расширения власти турок и для судеб других государств. Описывая богатство и могущество Трапезунта, который, по словам автора, «захватил в свои руки всю торговлю верхней Азии»⁴⁷ (т. е. Армении и других окрестных стран), Критовул подчеркивает, что процветание Трапезунта и его независимое существование были тесно связаны

⁴¹ Critobulus. De rebus gestis. . . , lib. V, cap. XV, § 1.

⁴² Ibid., lib. I, cap. VI, § 2.

⁴³ Ibid., lib. IV, cap. XIV, § 3.

⁴⁴ Ibid., lib. V, cap. III, § 2.

⁴⁵ Ibidem.

⁴⁶ Ibid., cap. III, § 3.

⁴⁷ Ibid., lib. IV, cap. I, § 2.

с судьбой проливов. «Пока в Константинополе все шло хорошо, а ромен, владея им, были господами пролива и Босфор был закрыт для прохода (судов), а Эвксинский Понт был недоступен для плавания великого флота царя, сопротивлялся и он (Трапезунт. — З. У.), сохраняя свою свободу». «После того, как обстоятельства изменились, а Константинополь был осажден большим войском и взят великим царем и пролив попал к нему в руки, а дорога в Эвксинский Понт и к находящимся там городам была широко открыта по суше и по морю, тогда и он (Трапезунт. — З. У.) смирился вместе с другими и стал данником султана»⁴⁸.

Не меньшую роль играли проливы в экономической жизни и других областей, в частности островов Эгейского моря; отсюда, видимо, столь большой интерес Критовула к проблеме проливов.

Выражая интересы патрицианской знати островов Эгейского моря, Критовул постоянно восхваляет новых властителей — турок — за покровительство греческой торговле в бассейне Эгейского моря и за устранение их торговых конкурентов — итальянцев⁴⁹.

Таким образом, для характеристики политических взглядов Критовула весьма важным является то обстоятельство, что он всячески оправдывает притязания турок на морское господство и антилатинскую политику Мехмеда II⁵⁰.

О флоте греков, особенно после падения Константинополя, в труде Критовула речи уже нет. Морское могущество ромеев исчезло безвозвратно, и острова Эгейского моря теперь находятся между двух огней — флотом турок и итальянцев. Отдавая предпочтение туркам, как в силу своих политических симпатий, так и потому, что он считает их более могущественными, особенно после завоевания ими господства на море, Критовул открыто переходит в стан победителей.

Туркофильские симпатии нашего автора весьма ярко проявляются в его крайне тенденциозной, явно предвзятой трактовке столь животрепещущего вопроса того времени, как вопрос об отношении турок к покоренным народам. На протяжении всего труда Критовул стремится показать милостивое отношение Мехмеда II к побежденным народам и их правителям. При этом он явно отступает от истины, ибо его рассказ противоречит сообщениям других современников. Особенно резко контрастирует с данными других авторов рассказ об отношении турок к пленным ромеям после взятия Константинополя.

Картина, рисуемая им, красочна, но не внушает никакого доверия. Критовул, в отличие от других авторов, сообщающих о страшных жестокостях турок в захваченной столице Византии, пишет, что «... султан проявлял большое человеколюбие и благотворительность, и царственное великодушие в отношении пленных ромеев, захваченных после падения Константинополя, и оказывал им ежедневно благодеяния... Ведь он часто выезжал из дворцов и, объезжая город, если только встречал кого-нибудь из них, тотчас придерживал коня и раздавал всем щедро, собственной рукой серебряные и золотые номисмы»⁵¹. Кроме того, при строительстве крепости *Χρυσέαν*, которое производилось пленными ромеями, он платил пленникам по 6 номисм в день и больше. «Это мероприятие было проявлением заботы царя о пленниках и проводилось для того, чтобы они могли

⁴⁸ Critobulus. De rebus gestis... lib. IV, cap. I, § 6.

⁴⁹ Ibid., lib. III, cap. X, § 2; lib. IV, cap. XI, § 1.

⁵⁰ Так, например, он указывает, что укрепление Босфора и Дарданелл проводилось Мехмедом II в первую очередь против итальянцев, главным образом венецианцев (ibid., lib. IV, cap. XIV, § 2—3).

⁵¹ Ibid., lib. II, cap. I, § 3.

себя пропитать и имели свои личные средства, из которых могли бы внести выкуп своим хозяевам и, сделавшись свободными, заселить город»⁵².

Милость турок к побежденным — вот лейтмотив повествования Критовула о взятии турецкими войсками столицы византийского государства.

Рассказ Критовула полностью противоречит картине ужасного разгрома Константинополя и зверского обращения с пленными, которую рисуют другие византийские писатели XV в. — Сфрандзи⁵³, Дука⁵⁴ и Халкокондил⁵⁵.

В противоречии с идиллической картиной поведения турок в Константинополе находится утверждение самого Критовула о том, что султан Мехмед II вынужден был прилагать много усилий для заселения опустевшей после разгрома столицы Византийской империи⁵⁶.

В своем труде Критовул стремится показать милостивое отношение султана к деспоту Деметрию⁵⁷, к правителю Сербии Георгию⁵⁸, к жителям Митилены⁵⁹, к Исмаилу, правителю Синопа⁶⁰, и др.

Однако Критовул все же не может полностью скрыть жестокости турок и, наряду с вымышленными им картинами милостивого обращения султана с покоренным населением, он порою рисует сцены беспощадной расправы Мехмеда II с жителями завоеванных областей. При этом, конечно, он всегда старается найти достаточно веское оправдание подобного поведения своего героя. Однако факты сами говорят за себя. Так, например, по сообщению самого Критовула, во время второго похода султана в Пелопоннес Мехмед II, после того как крепость Кастрион оказала ему упорное сопротивление, приказал всех оставшихся в живых после взятия крепости мужчин (а их было 300 человек) убить, женщин и детей обратить в рабство, а городок стереть с лица земли⁶¹.

Так же беспощадно поступил он с населением другой крепости в Пелопоннесе, которую автор называет Гардикион. Это была сильно укрепленная крепость, в которую сбежалось «огромное множество» окрестных жителей «на их явную гибель». Все они были беспощадно уничтожены, а женщины и дети проданы в рабство⁶².

Стараясь найти оправдание жестокости султана, Критовул говорит, что подобным образом Мехмед II поступал только с теми крепостями, которые не сдались ему, пренебрегли его мирными предложениями и, оказав сопротивление, погубили много «прекрасных мужей» из его войска, за что он воспыал против них «гневом и справедливым негодованием». «Они же в большинстве своем были иллирийцы (албанцы), и он решил их устранить и навести на них всех ужас, чтобы они не оказывали никакого сопротивления и на будущее время не дерзали бы вести себя столь самоуверенно»⁶³.

Историограф султана восхваляет своего героя за постоянную заботу о заселении крупных городов Византии, в первую очередь Константинополя,

⁵² Critobulus. De rebus gestis... lib. II, cap. 1, § 2.

⁵³ Georgius Phrantzes. Chronicon. Bonnae, 1838, lib. III, cap. IX, p. 290 sqq.

⁵⁴ Ducas. Historia Byzantina, p. 298—306, p. 306—312, p. 312—314.

⁵⁵ Laonici Chalcocondylae Historiarum... p. 401 sqq.

⁵⁶ Critobulus. De rebus gestis... lib. II, cap. I, § 1; cap. X, § 3; cap. XXII, § 2—3; lib. III, cap. VII, § 2, cap. XVII, § 3—4.

⁵⁷ Ibid., lib. III, cap. XX, § 7; cap. XXIV, § 2—7.

⁵⁸ Ibid., lib. II, cap. XX, § 8.

⁵⁹ Ibid., lib. III, cap. X, § 7.

⁶⁰ Ibid., lib. IV, cap. III, § 6.

⁶¹ Ibid., lib. III, cap. XXI, § 6.

⁶² Ibid., lib. III, cap. XXII, § 4.

⁶³ Ibidem.

опустевших во время турецкого завоевания. Однако вряд ли можно считать благодеянием для жителей покоренных областей их массовое переселение со старых мест жительства⁶⁴. По этому поводу сам Критовул сообщает ряд интересных фактов.

По словам Критовула, султан, вскоре после взятия Константинополя, издал приказ и разослал глашатаев по всей стране с предложением переселить в город «большое количество не только христиан, но и людей его собственного племени и много евреев»⁶⁵. Возвратившись из похода против сербов, Мехмед II вновь принимает энергичные меры, стремясь, чтобы город был заселен так же, как и раньше, и для этого собирает и переселяет в Константинополь население из Европы и Азии⁶⁶.

Мехмед II, по данным Критовула, переселил в Константинополь много захваченных в плен турецкими войсками сербов, венгров и болгар⁶⁷. При захвате в плен жителей Пелопоннеса происходило также массовое переселение пленных в столицу и ее окрестности. При этом Критовул рассказывает, что некоторые крепости на Пелопоннесе полностью разрушались, а их жители насильственно переселялись в Константинополь⁶⁸. Такая же судьба постигла всех жителей обеих Фокей в Ионии, а также население островов Фасоса и Самофракии⁶⁹. При этом необходимо особо отметить, что турецкое правительство сохраняло в живых из покоренного населения в первую очередь полезных для Османского государства людей, главным образом ремесленников и других ценных для турок работников. Именно эта часть покоренного населения переселялась в столицу.

Так, Критовул пишет, что султан, возвратившись из похода на Пелопоннес, «сначала, отобрав из пелопоннесцев, привезенных им, тех, которых он считал выдающимися среди других и которые знали ремесла, разместил их внутри города, остальных же послал в деревни вне города, дав им зерна, упряжку волов и все необходимое в данный момент для того, чтобы они могли заняться пахотой и обработкой полей»⁷⁰. «После этого, — продолжает автор, — послал в Амастриду, город в Пафлагонии на побережье Эвксинского Понта, выселить оттуда большое количество самых богатых людей, а также из подвластных ему армян самых влиятельных и богатых и выдающихся знанием ремесел и других профессий, а также торговое сословие, всех выселив оттуда, переселяет в (Константинополь), и не только их, но и таких же из других подвластных ему народов»⁷¹.

Вернувшись из своего первого похода в Албанию, Мехмед II «рассылает приказ и через глашатая предписывает повсюду, как в Азии, так и в Европе, всех, кто жил в Константинополе, а затем или вследствие плена, или переселения, или каким-либо другим образом, еще до взятия города или после его падения, жил в других городах, перевести и переселить обратно». Особое внимание опять-таки обращалось на людей, «знающих какое-либо ремесло и весьма полезных», которые, рассеявшись по другим городам, «пользуясь своими знаниями, в короткое время снова приобрели

⁶⁴ Историк Дука прямо говорит о том, что переселение жителей проводилось насильственным путем под страхом смертной казни. Так, он пишет: «Сам же (султан) составил списки на пять тысяч семей из областей востока и запада, повелел им, под угрозой смерти, до сентября месяца со всем домом быть в городе, поставив над ними начальником раба своего по имени Солимана» (Ducas. Historia Byzantina, p. 313).

⁶⁵ Critobulus. De rebus gestis... lib. II, cap. I, § 1.

⁶⁶ Ibid., lib. II, cap. X, § 3.

⁶⁷ Ibid., cap. XXII, § 2—3.

⁶⁸ Ibid., lib. III, cap. VII, § 2.

⁶⁹ Ibid., cap. XVII, § 3—4.

⁷⁰ Ibid., lib. III, cap. XI, § 1.

⁷¹ Ibid., § 2.

большой достаток и богатство». «И всех этих людей, — продолжает автор, — он переселил туда (в Константинополь. — З. У.), раздав им дома и все необходимое имущество для самостоятельного ведения хозяйства»⁷².

Возвратившись из похода в Трапезунт, султан вновь заботится о заселении столицы и, желая, чтобы город процветал всеми ремеслами и науками, «повсюду собирает и переселяет туда людей, опытных в науках и ремеслах...»⁷³. Подобные примеры можно было бы еще продолжить.

Бесспорно, что Мехмед II, переселяя торгово-ремесленное население завоеванных областей в Константинополь и оказывая ему помощь в обустройстве хозяйством, руководствовался отнюдь не гуманными соображениями, а государственными интересами и политическими мотивами. Он стремился поднять благосостояние покоренных им областей и в первую очередь восстановить экономику столицы государства, в то же время сделать ее вновь крупнейшим политическим и культурным центром. Но нас интересует в данном случае прежде всего отношение к подобной политике султана со стороны туркофилов в лице их видного идеолога, Критовула. Особенно восторженные похвалы, которые он расточает султану за его заботу о торгово-ремесленном населении, являются, на наш взгляд, еще одним свидетельством тесных связей Критовула с торгово-ремесленными кругами византийского общества.

Большой интерес для определения социальных корней мировоззрения Критовула представляют те места из его труда, где он с особой горячностью и пылом восхваляет Мехмеда II за его строительную деятельность, способствующую процветанию торговли и восстановлению Константинополя как крупнейшего экономического центра. Так, во II книге своей «Истории Мехмеда II» Критовул пишет, что султан, вернувшись из похода в Сербию, по своему обыкновению занялся восстановлением Константинополя и прежде всего «приказывает восстановить как можно быстрее мосты через заливы 'Αδύρα и Ρητίον, пострадавшие от времени и обвалившиеся, а также другие дороги, ведущие к городу. И везде, где они были заболочены и непроходимы, приказывает выровнять их и покрыть плитами и камнями, так, чтобы легко и безопасно стало по ним переправляться. И не только это, но и построить гостиницы и постоялые дворы, в которых останавливались бы и отдыхали путешественники, прибывающие в город по суше. И рынок, самый большой и прекрасный, расположенный в центре города близ царских дворцов, приказал обнести стеной, чтобы вполне обезопасить то, что было внутри ее...». А также, продолжает автор, было дано приказание украсить этот рынок роскошными портками, построить богатые бани и подвести в город в изобилии воду и сделать еще многое другое для «восстановления и украшения города, пользы и удобства жителей...»⁷⁴.

С большим восхищением, много раз на протяжении своего труда, Критовул говорит о «необычайной любви, запавшей в душу Мехмеда II к царственному городу», и о его постоянных заботах о строительстве в Константинополе роскошных дворцов, храмов, бань, рынков, гостиниц, странноприимных домов, о строительстве мостов и проведении дорог, о насаждении садов, о снабжении города водой и всем необходимым⁷⁵.

⁷² Critobulus. De rebus gestis... lib. III, cap. XVII, § 3.

⁷³ Ibid., lib. IV, cap. IX, § 4.

⁷⁴ Ibid., lib. II, cap. X, § 1—2.

⁷⁵ Ibid., lib. II, cap. I, § 2; cap. III, § 3; cap. X, § 1—3; cap. XXII, § 1; lib. III, cap. XI, § 1—7; cap. XVII, § 5—6; lib. V, cap. IX, § 1—3.

Султан лично руководил строительными работами и не жалел никаких средств, не считаясь с большими издержками, для того, чтобы воздвигнутые им постройки могли затмить постройки древних⁷⁶. По его приказанию, со всех концов турецкой державы собирались «различные прекрасные материалы, мрамор и другие прозрачные и драгоценные камни, и множество больших и красивых колонн, а также железо, медь, большое количество свинца и всяких других необходимых материалов»⁷⁷. Кроме того, султан приказывает созвать в столицу отовсюду «самых искусных ремесленников — строителей, каменщиков, плотников и всех других, знающих какую-либо подобную специальность и ремесло»⁷⁸.

В «Истории Мехмеда II» содержится подробное описание дворца, построенного султаном в Константинополе. Этот дворец, по словам панегириста султана, был столь прекрасен, что ни в чем не уступал самым знаменитым и роскошным постройкам древности. Султан построил прекрасные и величественные башни, поднимающиеся ввысь, красивые здания, дворы, портики, роскошные бани и обнес все это высокой стеной. Внутри и снаружи все было отделано с большой роскошью, расцвечено множеством золота и серебра, украшено сверкающими камнями, мрамором и художественными орнаментами, повсюду были видны прекраснейшие произведения искусства, резьба, скульптура и живопись⁷⁹.

«И не только это, — продолжает Критовул, — но и разбил вокруг них большие и красивые сады, в которых росли редкие и разнообразные растения, отягченные спелыми плодами, где повсюду в изобилии протекали прохладные и пресные воды и били фонтаны, сады, которые изобиловали прекрасными рощами и лужайками, где стаи домашних и певчих птиц оглашали воздух пением и чириканьем, где паслись домашние и дикие животные, сады, гордившиеся многими другими красотоми...». «Так щедро и роскошно отделал их царь», — заканчивает свое описание автор⁸⁰.

В своей строительной деятельности Мехмед II уделял большое внимание постройке различных военных сооружений⁸¹. В самом Константинополе, по желанию Мехмеда II, были построены крепкие и большие склады для хранения оружия, артиллерии и всякого другого военного снаряжения. И султан «постановил построить все необходимое для его войн и сражений»⁸².

Панегирик Критовула, прославляющий строительную деятельность султана, резко контрастирует с весьма сухими, а порою даже явно недоброжелательными упоминаниями о строительной деятельности Мехмеда II, встречающимися в произведениях других византийских историков XV в., в частности в труде Дуки⁸³.

Таким образом, на основании анализа «Истории Мехмеда II» мы можем не только констатировать туркофильскую ориентацию нашего автора

⁷⁶ Critobulus. De rebus gestis..., lib. III, cap. XVII, § 6.

⁷⁷ Ibid., § 5—6.

⁷⁸ Ibid., § 5.

⁷⁹ Ibid., lib. V, cap. IX, § 2. Постройка дворца, называвшегося Jeni Serai, на месте старого г. Византия была закончена в 872 г. хиджры (1467), о чем свидетельствуют надписи над его воротами.

⁸⁰ Ibid., § 3.

⁸¹ Ibid., lib. I, cap. VI, § 2; lib. IV, cap. XIV, § 3.

⁸² Ibid., lib. III, cap. XI, § 6.

⁸³ Дука в своем труде не только не восхваляет строительную деятельность Мехмеда II, а, наоборот, стремится показать, как дорого стоили эти постройки ромеям. Рассказывая о строительстве Мехмедом II дворца в Константинополе, он подчеркивает, что свинцовая крыша для дворца была снята с монастырей, и говорит об этом с явным осуждением (Ducas. Historia Byzantina, p. 317—318).

и крайнюю тенденциозность его труда, но и сделать некоторые выводы о социальных корнях туркофильского течения в Византии. Конечно, не следует забывать, что страх перед могущественным султаном, желание ему угодить и всячески польстить весьма сильно тяготели над Критовулом, но несомненно вместе с тем, что с особой горячностью он прославляет и хвалит в своей книге именно то, что ему самому и его партии особенно импонирует в политике знаменитого султана-завоевателя. Поэтому он прежде всего высоко ценит военные силы турок и особенно их растущее могущество на море, хвалит султана за непримиримую борьбу с итальянцами, ненавистными конкурентами греческого патрициата, прославляет политику покровительства торговле и мореплаванию, милостивое отношение султана к завоеванному населению, особенно к торгово-ремесленным кругам, восхваляет строительную деятельность Мехмеда II, способствующую восстановлению торговых связей и возрождению Константинополя. Все это подтверждает, что Критовул был представителем и идеологом туркофильски настроенной части патрицианской знати бывшей Византийской империи, благополучие которой во многом зависело от состояния торговли в бассейне Эгейского моря.

2. ОТНОШЕНИЕ КРИТОВУЛА К ИТАЛЬЯНЦАМ

Явное недоброжелательство, а порою открытая враждебность к итальянцам проходят красной нитью через весь труд Критовула.

Конечно, вполне естественно, что в историческом сочинении, посвященном прославлению подвигов турецкого султана, автор должен был открыто выражать свои антипатии к врагам Мехмеда II. Однако если мы сравним отношение Критовула к различным народам, с которыми вел войны Мехмед II, с его отношением к итальянцам, то разница будет совершенно очевидной.

При описании войн турецкого султана Мехмеда II с ромеями, сербами, венграми, боснийцами и другими народами⁸⁴ Критовул проявляет известную лояльность, признает заслуги этих народов и их полководцев, отнюдь не преуменьшает их сил. Но как только в «Истории Мехмеда II» речь заходит об итальянцах, наш автор не жалеет красок для изображения их трусости, вероломства и слабости. Правда, следует отметить, что чувствуется некоторое различие в отношении Критовула к генуэзцам и венецианцам. В своих нападках на венецианцев Критовул не знает предела ненависти и вражде, в то время как в отношении генуэзцев он более сдержан⁸⁵.

Самым тяжким преступлением, по мнению Критовула, является союз с итальянцами. В наказание за союз с Западом Мехмед II начинает войны со многими народами. Так, например, в речи султана, якобы произнесенной перед началом похода на Константинополь, Мехмед II одним из самых важных мотивов, заставивших его начать войну с ромеями, выставлял опасность возможного союза греков с итальянцами, в частности с венецианцами⁸⁶.

Основной причиной похода турецких войск на Пелопоннес, по словам Критовула, явился гнев султана против деспота Фомы Палеолога за то,

⁸⁴ За исключением только албанцев и влахов, по отношению к которым Критовул тоже весьма враждебен.

⁸⁵ Это особенно заметно, когда он говорит о знатном роде генуэзских феодалов Гаттелузи. Критовул даже признает прошлые заслуги этого рода, мужество и благородство его основателя, хоть и подчеркивает, что в его время род Гаттелузи уже переживал глубокий упадок (см. Critobulus. De rebus gestis..., lib. II, cap. XIII, § 1—2).

⁸⁶ Ibid., lib. I, cap. XVI, § 13.

что он заключил соглашение с итальянцами и призывал их к себе на помощь⁸⁷.

Правителям города Эноса, островов Имброса, Лесбоса и других также вменялся в тягчайшую вину союз с итальянцами, чем оправдывались карательные походы султана против населения этих мест⁸⁸.

Критовул всячески стремится показать, что союз с итальянцами не может принести реальной помощи народам, выступавшим против султана. Так, например, он подробно рассказывает о том, как жестоко просчитались митиленцы, понадеявшись на помощь итальянцев против турок⁸⁹. При этом Критовул выставляет в весьма неприглядном свете командира итальянской эскадры Сергия, пришедшего на помощь жителям острова Лесбоса, восставшим против султана. По словам Критовула, Сергий, узнав о приближении турецкого флота, готовившегося к нападению на Лесбос, тотчас обратился в позорное бегство и скрылся на острове Хиос. В результате измены итальянцев и трусости их командира митиленцы потерпели полное поражение, а большая часть Лесбоса была опустошена турецкими войсками. И когда, после отплытия от острова турецкого флота, Сергий вновь вернулся в Митилену, то «он был осыпан бранью и упреками со стороны тамошних правителей за то, что, прибыв к ним в качестве союзника и обещав им помочь и поддерживая в них пустые надежды, бросил их в минуту опасности и обратился в бегство»⁹⁰. Сергий со стыдом удалился с острова, а митиленцы, пораженные его трусливым поведением и его глупостью (τοῦς ἄπλοῦς), отправили послов к султану и изъявили ему свою покорность⁹¹.

Критовул приводит этот рассказ явно в назидание всем, кто, питая «пустые надежды» на помощь итальянцев, неосмотрительно начинает борьбу против могущественного султана.

С большой охотой и не без злорадства историк подробно рассказывает в своем труде о поражениях венецианцев. При этом он зачастую преувеличивает размеры этих неудач ненавистных ему венецианских купцов и феодалов. Примером может служить описание Критовулом войны венецианцев с турками на Пелопоннесе в 1463 г.

Война началась из-за разногласий между турецким наместником Пелопоннеса Амаром и жителями венецианских городов на полуострове (Навпакта, Корона и Мефона), но итальянцы якобы начали войну вероломно, без обмена посольствами и не попытавшись разрешить разногласия путем переговоров⁹². Снарядив большой флот (из 70 триер), венецианцы прибыли к Пелопоннесу и приступили к строительству укреплений на Истме. На самом Пелопоннесе началось брожение, и некоторая часть крепостей и городов в центральной части полуострова и на его побережье присоединилась к венецианцам. Турецкий наместник Пелопоннеса Амар был вынужден запретить в Коринфе и ожидать прибытия подкреплений от султана. И действительно, Мехмед II послал на помощь Амару большое войско под командованием паши Махмута⁹³. Далее Критовул рассказывает о страшном поражении, которое понесли венецианцы. Махмут и Амар напали на них одновременно с двух сторон (Махмут со стороны Истма, Амар — из Коринфа). «И завязалась там страшная битва и свалка и руко-

⁸⁷ Critobulus. De rebus gestis... lib. III, cap. XX, § 1.

⁸⁸ Ibid., cap. X, § 2; lib. IV, cap. XI, § 3.

⁸⁹ Ibid., lib. III, cap. X, § 2—5.

⁹⁰ Ibid., cap. X, § 6.

⁹¹ Ibid., § 7.

⁹² Ibid., lib. IV, cap. XVI, § 1—3.

⁹³ Ibid., § 3—8.

пашная схватка и убийство многих. Недолгое время венецианцы сопротивлялись, отражая воинов (султана), затем обратились в бегство изо всех сил и в полном беспорядке, а воины нападали, беспощадно убивая и захватывая их живыми, пока те не достигли моря и кораблей»⁹⁴. «С большим трудом сев на триеры, венецианцы вышли в открытое море и там немного задержались для того, чтобы подобрать тех, кто плавал в волнах. Ведь многие венецианцы под натиском врага бросились в море, кто с оружием, а кто побросав его. Некоторые из них доплыли до кораблей и спаслись, другие, обремененные оружием, потонули. В битве погибло множество врагов, как самих граждан (венецианцев), так и иностранцев, а также и сам командир, муж знатного происхождения; кроме того, было захвачено живыми в плен немного менее 300 (человек)»⁹⁵. Турецкие воины разграбили весь лагерь врагов, захватив там много всякого имущества, снаряжения, оружия, снятого с убитых, ценных кубков, различных дорогих вещей и т. п.⁹⁶

Весьма характерным для общей антилатинской направленности труда Критовула является то, что его рассказ о поражении венецианцев на Пелопоннесе отнюдь не совпадает с описанием тех же событий в сочинениях других византийских, турецких и итальянских историков того времени⁹⁷. Факт поражения венецианцев на Пелопоннесе неоспорим, однако в трудах других авторов это поражение не рисуется столь сокрушительным. По сведениям, содержащимся у современников, венецианцы осадили в 1463 г. Коринф и потерпели поражение в сражении у его стен 20 октября 1463 г. Одновременно, страдая от суровой зимы и жестоких морозов, они добровольно сняли осаду Коринфа и удалились частично под защиту Истмийской стены, частично в город Навпакт. Затем, когда 4 ноября внезапно пришла весть о приближении турецкой армии паши Махмута, они поспешно покинули Истм и, сев на корабли, отплыли из Пелопоннеса. Паша Махмут нашел Истмийскую стену покинутой ее защитниками и мог без боя вторгнуться на Пелопоннес.

Критовул намеренно искажил ход событий, желая показать полный разгром венецианцев и подчеркнуть решительность и отвагу турецких войск. Таким образом, политические взгляды приводили этого историка и здесь к прямому искажению исторической действительности.

Не менее яркими красками рисует Критовул поражение, которое потерпели венецианцы во время экспедиции на Лесбос в 1465 г.⁹⁸

Летом 1465 г. венецианский флот из 70 триер напал на Лесбос, и венецианские войска осадили Митилену. Турецкий гарнизон и жители города, по словам Критовула, оказали им упорное сопротивление. Мехмед II, узнав о нападении венецианцев на Лесбос, «быстрее молнии» послал туда флот из 116 триер под командованием паши Махмута.

По дороге Махмут застиг в гавани Тенедоса четыре венецианских триеры, две из них он захватил, а двум другим удалось ускользнуть и, добравшись до Лесбоса, известить венецианские войска о приближении турецкого флота. И тогда среди венецианцев началась паника. «Они были

⁹⁴ Critobulus. De rebus gestis... lib. V, cap. I, § 2.

⁹⁵ Ibid., lib. V, cap. I, § 3.

⁹⁶ Ibid., § 4.

⁹⁷ Laonici Chalcocondylae Historiarum... lib. X, p. 545—564; Georgius Phrantzes. Chronicon, lib. IV, cap. XX, p. 415; Saad-Eddin-Effendi. Op. cit., p. 229—234; „Lettera d'un segretario del signor Sigismondo Malatesta, delle cose fatte nella Morea per Maometh II“, „Sansovini Collectione“; Venetiae, 1582, p. 220 et sqq.

⁹⁸ Critobulus. De rebus gestis... lib. V, cap. VII, § 10.

поражены этим известием, как ударом грома, и, все оставив там и машины и оружие и другое снаряжение, бросились в полном беспорядке на триеры... и, снявшись с якоря, бежали всего, как говорят, за 8 часов до прибытия флота султана в Митилену»⁹⁹.

И в данном случае наш автор с торжеством говорит о паническом бегстве ненавистных ему венецианцев, всячески подчеркивая их неспособность оказать реальное сопротивление туркам.

Настойчиво указывая на милостивое отношение турок к завоеванному населению, Критовул никогда не забывает упомянуть о самой жесточайшей расправе турок с захваченными ими венецианцами. Так, например, паша Махмут после взятия Митилены разделил захваченное в плен население города на три части: одним он разрешил остаться в городе, внося ежегодную дань, других увел в Константинополь и поселил там, третьих, обратив в рабство, роздал войнам и только оказавшихся в городе итальянских наемников приказал всех убить¹⁰⁰.

Точно так же поступает по отношению к пленным итальянцам и сам султан. Так, когда в Константинополь, после взятия Аргоса, были приведены захваченные в плен итальянцы и примкнувшие к итальянцам пелопоннесцы и аргейцы, султан пощадил аргейцев и поселил их в монастыре Периблептос, дав им жилища, виноградники и поля, а венецианцев и восставших против него пелопоннесцев казнил¹⁰¹.

Однако в отличие от других византийских писателей, как современных нашему историку (Георгий Сфрандзи, Марк Евгеник, Георгий Схоларий), так и более ранних (Георгий Пахимер, Никифор Григора и др.), неприязнь Критовула к итальянцам не носит характера вероисповедной вражды.

В произведении Критовула нет ни слова о религиозных разногласиях того времени (о борьбе между православной и католической церковью, о горячих спорах греческого ортодоксального духовенства с латинянами по вопросам веры), чему такое большое место отводится в трудах других византийских писателей XV в., например в сочинениях Георгия Сфрандзи¹⁰² и Дуки¹⁰³. Вопросы религии и церковной борьбы не находятся в поле зрения автора, и его произведение носит сугубо светский характер.

Показательной в этом отношении является сдержанность, с которой Критовул рассказывает о назначении Геннадия (Георгия Схолария) первым греческим патриархом при турках. Это событие, весьма подробно описанное другими историками, у Критовула излагается в весьма скупых и лаконичных выражениях: «И таким образом, — пишет он, — по воле бога, после долгого перерыва церковь была возвращена царем христианам»¹⁰⁴. Правда, Критовул воздает должное Геннадия и называет его человеком, отличавшимся мудростью, образованностью и добродетелью, но особо акцентирует свое внимание на описании милостей султана Мехмеда II в отношении Геннадия¹⁰⁵.

⁹⁹ Critobulus. De rebus gestis... lib. V, cap. VII, § 10.

¹⁰⁰ Ibid., lib. IV, cap. XII, § 9.

¹⁰¹ Ibid., lib. V, cap. II, § 4.

¹⁰² Георгий Сфрандзи в своем труде уделяет большое внимание как догматическим спорам с латинянами (Georgius Phrantzes. Chronicon, lib. IV, cap. I—II, p. 310—323), так и полемике с мусульманами (ibid., lib. IV, cap. III—VIII, p. 328—378), причем он трактует эти вопросы с ортодоксальных позиций.

¹⁰³ Дука также отводит в своем произведении большое место догматическим спорам, особенно вопросу об унии между православной и католической церквями (Ducas. Historia Byzantina, p. 212—217). Однако он трактует эти вопросы с латинофильских позиций.

¹⁰⁴ Critobulus. De rebus gestis... lib. II, cap. II, § 3.

¹⁰⁵ Ibid., § 1—2.

Индифферентизм Критовула в вопросах веры проявляется также и в том, что он, многословно воспевая заботы Мехмеда II о завоеванном населении, его строительную деятельность, его покровительство торговле и мореплаванию, лишь один раз вскользь упоминает о веротерпимости Мехмеда II по отношению к христианам¹⁰⁶.

Конечно, вполне естественно, что в труде, посвященном турецкому султану, Критовул был принужден из осторожности обходить молчанием наиболее острые вопросы, связанные с религией и положением церкви. Однако полный индифферентизм Критовула в вопросах веры, по-видимому, не случаен и находится в прямой связи с его общей политической позицией.

Борьба за политическую власть, экономическое соперничество в области торговли и мореплавания между ромеями и итальянцами — вот что лежало в основе антилатинской ориентации патрицианской знати Имброса, Лемноса и других островов Эгейского моря, идеологом которой являлся Критовул. В проведении этой политики патрицианская знать — динаты — получала поддержку верхушки торгово-ремесленных кругов, также ненавидевших своих соперников — итальянцев. Кроме того, динаты островов Эгейского моря умело использовали ненависть народных масс к итальянским феодалам и купцам и стремились направить социальное недовольство народа в русло борьбы со своими политическими противниками.

Антилатинские настроения патрицианской знати островов Эгейского моря наложили отпечаток на мировоззрение Критовула и нашли отражение в его труде¹⁰⁷.

3. ОТНОШЕНИЕ КРИТОВУЛА К ВИЗАНТИЙСКОМУ ГОСУДАРСТВУ И ГРЕЧЕСКОМУ НАРОДУ

Критовул, грек по рождению, человек широко образованный, знаток и любитель эллинской культуры, прекрасно понимал ложность своего положения перед лицом соотечественников. Он боялся справедливого осуждения со стороны сограждан и стремился оправдать свое ренегатство в глазах современников и потомков.

Стремление оправдать себя перед греками отчетливо видно во вступлении Критовула к его «Истории Мехмеда II»¹⁰⁸. Это вступление представляет значительный интерес для определения мировоззрения автора. Чувствуя двусмысленность своего положения как историографа султана, завоевателя ромейского государства, Критовул стремится объяснить причины, толкнувшие его на написание панегирика завоевателю. «Я прошу современников и потомков, — пишет он, — которые некогда будут читать это произведение, не обвинять меня ни в глупости, ни в злобе за то, что я, не сочувствуя нашим несчастьям и не огорчаясь страданиями нашего народа¹⁰⁹, предпочел описать, открыто обнародовать и обсуждать несчастья родины, хотя скорее следовало по возможности скрывать их и никоим образом не выставлять всем напоказ»¹¹⁰.

Излагая причины создания труда, прославляющего подвиги завоевателя ромейской державы, Критовул подчеркивает, что его побудило к этому отнюдь не желание осудить свой народ перед лицом истории. Его

¹⁰⁶ Critobulus. De rebus gestis... lib. II, cap. II, § 1—3.

¹⁰⁷ См. Э. В. Удадьцова. Предательская политика феодальной знати Византии в период турецкого завоевания. ВВ, т. VII, 1953, стр. 115—121.

¹⁰⁸ Critobulus. De rebus gestis... lib. I, cap. I—III.

¹⁰⁹ Буквально — „нашего рода“.

¹¹⁰ Ibid., cap. III, § 1.

убеждениям чуждо подобное стремление и он не столь бесчувственен и жесток, чтобы к бедствиям своего народа прибавлять еще и порицание¹¹¹. Он не столь глуп и нерассудителен и не настолько чужд мирским делам, чтобы не знать о превратностях судьбы, о непостоянстве и изменчивости всего существующего. А при непостоянстве судьбы и пороках человеческой природы он не может ожидать и для своего народа постоянного и непреходящего счастья. Ведь кто не знает, что с тех пор, как существуют люди, мировое господство никогда прочно не закреплялось за одним народом и племенем, но постоянно переходило от одного народа к другому; сегодня оно было у ассирийцев, мидян и персов, завтра у эллинов и римлян, никогда не возвращаясь обратно¹¹². И нет ничего удивительного в том, что ныне настало время ромеев испытать превратности судьбы и что их державу покинуло счастье, перейдя к другим, как некогда оно от других перешло к ним, следуя установленному порядку вещей¹¹³.

Таким образом, во введении к «Истории Мехмеда II» Критовул стремится исторически обосновать, а тем самым и оправдать свою политическую позицию, позицию историографа и панегириста завоевателя ромейского государства и поработителя греческого народа — султана Мехмеда II. Излагая свои взгляды на ход мировой истории — свою философию истории, Критовул кладет в основу понимания исторического процесса распространенный в античной и средневековой историографии тезис о непостоянстве и изменчивости всего существующего, тщете всего земного и всеисилии рока, судьбы. Исходя из этого фаталистического объяснения хода исторических событий, Критовул рассматривает предшествующую историю как последовательную и неизбежную смену мировых держав — ассирийской, мидийской, персидской, эллинской, римской и, наконец, оттоманской.

Эта идея имела широкое распространение в тяжелую годину турецкого завоевания Византии, и мы ее встречаем в трудах и других византийских историков, современников Критовула — Георгия Сфрандзи¹¹⁴ и Лаоника Халкокондила¹¹⁵. Однако у каждого из этих историков идея последовательной смены мировых держав получает свою особую окраску, в зависимости от политических взглядов того или иного автора.

У Критовула эта идея используется для оправдания неизбежности турецкого завоевания Византии. В гибели византийского государства нельзя винить греческий народ, в этом повинна лишь судьба. Вместе с тем, фаталистически утверждая неизбежность падения римской державы, Критовул стремится использовать это заключение и для своего личного оправдания — оправдания своих туркофильских симпатий, — ибо турецкое завоевание изображается им как нечто абсолютно неотвратимое и predeterminedное всем ходом исторического развития. При этом турецкое завоевание рисуется Критовулом не как неизбежное зло, а наоборот, как благо для византийского государства.

У Георгия Сфрандзи, — представителя греко-православного направления в византийской историографии того времени, — фаталистическая идея неизбежной смены мировых держав приобретает поистине трагическое звучание. Роковая гибель государства ромеев для Сфрандзи — величайшее несчастье, страшная катастрофа не только для него лично, но и для всего народа¹¹⁶.

¹¹¹ Critobulus. De rebus gestis. . . , lib. I, cap. III, § 2.

¹¹² Ibid., § 4.

¹¹³ Ibid., § 5.

¹¹⁴ Georgius Phrantzes. Chronicon, lib. IV, cap. I, p. 314.

¹¹⁵ Laonici Chalcocondylae Historiarum. . . lib. I, p. 5—6.

¹¹⁶ Georgius Phrantzes. Chronicon, lib. IV, стр. II, p. 323.

У афинянина Лаоника Халкокондила идея смены мировых держав окрашена в иные тона. Ему чужд фаталистический и пессимистический взгляд на ход мировых событий. Его философия истории проникнута оптимизмом и патриотизмом. В противоположность Критовулу, который приветствовал турецкое завоевание и считал гибель византийского государства окончательной, Халкокондил верит в возможность возрождения греческой державы и греческой культуры. Он надеется, что капризное счастье когда-либо изменит туркам и вновь возвратится к грекам¹¹⁷. Глубокая вера в будущее торжество греческой свободы, культуры и образованности пронизывает мировоззрение одного из последних патриотов среди византийских писателей.

Туркофил Критовул, особо подчеркивая, что мировое господство, утраченное ромеями, никогда не может к ним возвратиться, тем самым стремится провозгласить неизбежность турецкого владычества, показать тщетность борьбы против турок, оправдать свое сотрудничество с ними¹¹⁸. Патриот Халкокондил призывает греков объединиться, восстановить свою свободу, что даст им возможность вновь встать во главе других народов и управлять теми племенами, которые теперь наступили ногой им на горло¹¹⁹.

Таким образом, Критовул в своей концепции хода мировой истории как неизбежной смены мировых держав отнюдь не оригинален, однако широко распространенные в византийской историографии идеи он использует в целях реабилитации политической направленности своего труда и общей историко-философской концепцией дает идейную мотивировку своего ренегатства.

Той же цели подчинено и настойчивое стремление Критовула доказать свою полную объективность, свою «любовь к истине»¹²⁰.

В этом отношении Критовул также не оригинален. Многие византийские и античные авторы начинали свои произведения с декларирования полной объективности и стремления к истине, что, конечно, не мешало им оставаться на определенных классовых позициях и давать тенденциозное освещение исторических событий.

У Критовула это расхождение между внешней, показной объективностью и явной тенденциозностью выражено особенно наглядно¹²¹. Декларация о полной объективности и беспристрастности отнюдь не вяжется с общим панегирическим тоном труда Критовула и с туркофильской окраской всего его произведения.

Критовул, по-видимому, опасался недоверия и упреков со стороны соотечественников и поэтому с таким упорством подчеркивал свое беспристрастие. Стремясь оправдать себя перед современниками и потомками, Критовул обращается к фактам прошлого и находит союзника в лице такого же, как он, ренегата — Иосифа Флавия. Критовул восхваляет Флавия за его правдивость и объективность, за то, что он не побоялся во имя истины изобразить поражение своего народа и торжество победителей.

«И таким же образом, — пишет он, — Иосиф Еврей, любитель истины (φιλαλήθης), будучи хорошо осведомленным в делах, восхваляет, стремясь к правде, в книге об осаде¹²² счастье и доблесть римлян и порицает

¹¹⁷ Laonici Chalcocondylae Historiarum. . . , lib. I, p. 4—5.

¹¹⁸ Critobulus. De rebus gestis. . . , lib. I, cap. III, § 4.

¹¹⁹ Laonici Chalcocondylae Historiarum. . . , lib. I, p. 5.

¹²⁰ Critobulus. De rebus gestis. . . , lib. I, cap. III, § 7—8.

¹²¹ Ibid., § 4—8.

¹²² В книге об осаде Иерусалима.

тех из его народа, кто оказался дурным, тех же, кто ни в чем не виновен, он избавляет от порицаний»¹²³.

Критовул открыто признает, что будет следовать примеру Иосифа Флавия в описании бедствий своего народа и побед турецкого султана. «То же и я буду делать всеми способами, — заявляет он, — ничего не пропуская и сохраняя истину»¹²⁴.

Таким образом, историк-рenegат XV в., описавший торжество завоевателей над своим народом, протягивает через века руку другому историку-рenegату и ищет у него поддержки и подтверждения своей объективности, в чем, по-видимому, он весьма нуждался.

Для определения политических взглядов Критовула большое значение имеет еще один важный тезис, выставляемый автором в его введении к «Истории Мехмеда II».

Анализируя причины гибели византийского государства, наш историк указывает, что в падении империи повинен не народ, а «дурные правители»¹²⁵.

«И если некоторые правители, — пишет Критовул, — при таком положении дел, вследствие испорченности своей природы, оказались дурными по отношению государства и вели дела не так, как следовало, это нельзя считать ошибкой народа, но дурных (правителей), ведших дела неподобающим образом. И этих одних справедливо порицать, а не обвинять народ. так же, как следует хвалить хороших и всеми способами прославлять и превозносить их подвиги; ведь несправедливо, вследствие легкомыслия и злобы некоторых, стремиться лишить их похвал, одобрения и наград за добродетель»¹²⁶.

И как возможно, — спрашивает автор, — обвинять народ за то, что он не мог удержать господство, сохранить державу и избежать превратностей судьбы?¹²⁷

На наш взгляд, тезис автора о том, что в гибели Византии повинен не народ, а дурные правители, являлся довольно искусным демагогическим приемом, пущенным в ход для привлечения на свою сторону общественного мнения¹²⁸. Нам думается, что это место из введения к «Истории Мехмеда II» отнюдь не является апелляцией Критовула к широкому народным массам византийского государства, ибо подобная ориентация на народ совершенно не вязалась бы с политической позицией историка.

Красной нитью через весь труд Критовула проходит высокомерное, пренебрежительное отношение автора к народным массам, — все произведение Критовула проникнуто презрением аристократа и образованного человека к «грубой» и «невежественной» «черни». Кроме того, для Критовула понятие народ имеет скорее этническое, чем социальное значение, ибо он употребляет в данном случае термин «τὸ γένος» («род»), а не «ὁ ἄσμος» («народ»)¹²⁹.

¹²³ Critobulus. De rebus gestis... lib. I, cap. III, § 8.

¹²⁴ Ibidem.

¹²⁵ Ibid., § 6.

¹²⁶ Ibid., lib. I, cap. III, § 7.

¹²⁷ Ibid., § 6.

¹²⁸ Некоторые исследователи, как, например, И. Радониц и Е. Дарко, обращали внимание на это место в труде Критовула, однако не давали его детального анализа. J. Радониц. Критовул — византийски историк 15 в. Глас Српске Краљевске Академије, т. СХХХVIII, други разред, 73, Београд, 1930, стр. 67; Е. Дарко. Die letzten Geschichtsschreiber von Byzanz. Ungarische Rundschau für historische und soziale Wissenschaften, 2 Jahrgang, II Heft, April, 1913. S. 390.

¹²⁹ Critobulus. De rebus gestis... lib. I, cap. III, § 4—8.

Таким образом, на наш взгляд, приведенный выше отрывок труда Критовула вряд ли может явиться свидетельством наличия демократических идей у этого автора. Порицание же Критовулом «дурных правителей», без указания конкретных лиц, носит слишком обобщенный, риторический характер и также не может служить доказательством демократизма и оппозиционности автора. Более того, оправдание византийского народа и обвинение в гибели государства «дурных правителей» до некоторой степени звучало в унисон с политикой самого турецкого султана Мехмеда II, который решительно расправлялся с «правителями» Византийской империи, оказывавшими ему сопротивление, и одновременно стремился привлечь на свою сторону различными уступками и привилегиями ренегатов из покоренного населения. Следовательно, этот тезис был вполне приемлем для Мехмеда II и без опасения мог быть включен в произведение его историографа. В этой части введения к труду Критовула отчетливо чувствуется, кроме того, и стремление автора найти оправдание не только для себя, но и для своих сторонников и единомышленников из числа туркофилов и одновременно опорочить своих политических противников, выступавших против сотрудничества с турками.

Ученые, изучавшие сочинение Критовула, интересовались вопросом о том, насколько искренен был автор «Истории Мехмеда II» во введении к своему труду, излагающем его политическое credo. На их взгляд, с психологической точки зрения трудно было понять, как мог грек по рождению воспевать подвиги завоевателя своей родины.

Подавляющее большинство ученых (П. Погодин, М. Убичини, Е. Дарко и др.), за исключением И. Радоница, пришли к выводу о том, что Критовул был здесь неискренен и пытался громкими фразами о своей объективности замаскировать свои истинные цели и намерения. При этом основным двигателем его поступков обычно выставлялся личный расчет. Так, например, венгерский ученый Е. Дарко по этому поводу писал о Критовуле: «Когда он для прикрытия своего эгоизма впадает в фукидидовский тон, то его голос звучит фальшиво и вызывает отвращение читателя»¹³⁰.

Для нас также является бесспорным, что когда Критовул говорит о своей любви к истине и полной объективности, стремясь тем самым оправдать свою политическую позицию, не может быть и речи о его искренности и правдивости. Все попытки Критовула оправдать свое ренегатство, все его демагогические заигрывания с соотечественниками, конечно, не внушают доверия. Да и какое может быть оправдание ренегату, открыто перешедшему в стан врагов его родины? Можно вполне согласиться с П. Погодиным в том, что к автору «Истории Мехмеда II» весьма уместно применить французскую поговорку «qui s'accuse s'accuse»¹³¹.

Но нельзя отрицать и другого. Внимательное изучение труда Критовула показывает, что Критовул сохраняет уважение к грекам и отдает должное своим соотечественникам, нигде не унижаясь до клеветы, нападок или оскорбительных насмешек в отношении своих сограждан, чего можно было бы ожидать в труде, посвященном турецкому султану Мехмеду II и написанном пером ренегата.

Так, например, при описании осады Константинополя турецкими войсками Критовул подчеркивает стойкость и мужественное сопротивление греков¹³². Весьма показательным в этом смысле является его отношение

¹³⁰ E. Darkó. Die letzten Geschichtsschreiber von Byzanz, S. 391.

¹³¹ П. Погодин. Обзор источников по истории осады и взятия Византии турками в 1453. ЖМНП, 1889, ч. 264, стр. 214.

¹³² Critobulus. De rebus gestis... lib. I, cap. XXIV, XXV, XXXIV, XXXVI, XLIII, XLIV.

к последнему византийскому императору Константину XI Палеологу. Критовул говорит о Константине XI всегда в сдержанном, но все же хвалебном тоне: он отнюдь не стремится очернить его в угоду новому властелину. Особенно это бросается в глаза при описании гибели Константина¹³³. Так, касаясь последних часов осады Константинополя, Критовул рассказывает, что император, видя страшную опасность, которая грозила его государству, и имея возможность спастись, предпочел, несмотря на уговоры своих приближенных, претерпеть все несчастья вместе со своими подданными¹³⁴. Долг и благо родины, по словам Критовула, были для него важнее жизни. «И после того, как он увидел, что враги одержали победу и ворвались в город, Константин с криком — «Город взят, а я еще жив!» — бросился самому середине сражающихся и тотчас был изрублен врагами»¹³⁵. «Так, — заключает автор, — муж прекрасный и всеобщий защитник, несчастный в течение всей своей жизни, принял несчастнейший конец»¹³⁶.

Критовул восхваляет скромность и ум Константина XI¹³⁷, его добродетель и опытность в государственных делах и сравнивает его с Периклом¹³⁸. В словах Критовула слышится уважение и сострадание к императору, что несомненно требовало известной смелости от писателя, посвятившего свой труд Мехмеду II и пославшего его на одобрение султану. Быть может, описание смерти императора и было одним из тех мест, которые не понравились султану и роковым образом отразились на судьбе произведения Критовула.

Однако такую «смелость» мы встречаем у автора не слишком часто. Значительно чаще он предпочитает скрывать свое отношение к грекам, считая лучшим о многом говорить без всяких комментариев или просто умалчивать. В то время как льстивая похвала султану выступает на первый план, сочувствие к грекам вуалируется, остается в тени. Показательным в этом отношении является описание Критовулом казни Мехмедом II великого дуки Луки Нотары и его сыновей.

Касаясь этого эпизода, Критовул прежде всего стремится показать, что султан сначала отнесся к Луке Нотаре и другим византийским вельможам, захваченным после падения Константинополя, милостиво и благожелательно¹³⁹. Однако затем какие-то завистники из приближенных Мехмеда II якобы оклеветали Нотару и других греческих вельмож и вызвали гнев султана. Об этом автор, видимо, умышленно говорит крайне туманно и осторожно. Разгневанный султан приказал казнить Луку Нотару, его двух сыновей и еще десять вельмож¹⁴⁰.

Конечно, невозможно представить себе, чтобы в таком труде, как «История Мехмеда II» Критовула, могла быть помещена та версия казни Нотары, которая приведена в произведениях Сфрандзи, Дуки, Халкокондила и по которой причиной гнева султана на Нотару был отказ великого дуки отдать своего юного и прекрасного сына на поругание султану¹⁴¹. Ясно, что автор был заинтересован в том, чтобы скрыть все порочащее султана. Однако описание Критовулом самой казни Луки Нотары не вы-

¹³³ Critobulus. De rebus gestis... cap. LXXII, § 1—2.

¹³⁴ Ibid., § 1.

¹³⁵ Ibid., cap. LXXII, § 2.

¹³⁶ Ibidem.

¹³⁷ Ibid., § 1.

¹³⁸ Ibidem.

¹³⁹ Ibid., lib. I, cap. LXXIII, § 2.

¹⁴⁰ Ibid., § 13.

¹⁴¹ Georgius Phrantzes. Chronicon, lib. III, cap. IX, p. 291; Laonici Chalcondylae Historiarum... lib. VIII, p. 401; Ducas. Historia Byzantina, p. 303—306.

зывает сомнения в симпатии автора к этому своему соотечественнику. Критовул с явным сочувствием описывает необычайную твердость духа и мужество престарелого вельможи, который, по словам автора, спокойно, не сводя глаз, смотрел, как перед ним казнили двух его сыновей, а затем сам склонил свою голову под меч палача. При этом Критовул даже решился сказать о том, что Нотара предпочел собственную смерть и гибель своих сыновей переходу в мусульманство¹⁴².

О Нотаре автор говорит в хвалебном тоне, он называет его человеком благочестивым, имеющим острый ум и возвышенную душу, человеком, опытным в политических делах, весьма богатым и влиятельным, пользовавшимся славой не только у ромеев, но и у других народов¹⁴³. Он подчеркивал, что мужественная смерть Нотары послужила примером для других вельмож, казненных после него, которые проявили во время казни такую же стойкость, как и великий дука¹⁴⁴.

Французский исследователь М. Убичини правильно отметил, что хотя Критовул при описании казни Нотары и не сказал ни одного слова в порицание Мехмеда II, однако само восхваление его жертв, мужества и доблести старого Нотары, невинности его сыновей уже были молчаливым осуждением палачу¹⁴⁵.

Итак, следует признать, что Критовул, несмотря на свои туркофильские симпатии, сохранил все же уважение к своим соотечественникам и сочувствие к ним в столь тяжкую для них минуту.

В «Истории Мехмеда II» весьма сильно чувствуется, что автор ее грек, знаток и любитель греческой культуры, изучавший древнеэллиническую историю по Геродоту и Фукидиду, географию по Птолемию и Помпонию Меле, хорошо знакомый с греческой философией и литературой.

Критовул хорошо осведомлен в греческой и римской истории. Он знает Гомера и троянских героев Ахилла и Аякса¹⁴⁶, походы Дария и Ксеркса¹⁴⁷. Он рассказывает о борьбе Рима с Карфагеном¹⁴⁸, о вторжении кельтов в Рим¹⁴⁹. Султана Мехмеда II он сравнивает с Александром Македонским, Помпеем и Цезарем¹⁵⁰. В своем труде Критовул нередко использует образы античной мифологии. Так, например, говоря о постройке Мехмедом II крепости на Босфоре, автор не преминул упомянуть о Геракле, Язоне и Аргонавтах, Симплегидах¹⁵¹, а в другом месте он вспоминает о Сцилле и Харибде¹⁵².

Любовь Критовула к античности сказывается и в том, что он, желая польстить султану, изображает и его знатоком и любителем не только арабской и персидской, но и греческой литературы¹⁵³.

Особенно интересовался султан, по словам Критовула, греческой философией, в частности философией перипатетиков и стоиков¹⁵⁴. Он будто бы беседовал по этим вопросам с византийским ученым Георгием Амируци¹⁵⁵.

¹⁴² Critobulus. De rebus gestis... lib. I, cap. LXXIII, § 11.

¹⁴³ Ibid., § 12.

¹⁴⁴ Ibidem.

¹⁴⁵ M. Ubicini. Chronique du règne de Mahomet II par Critobule d'Imbros. Paris, 1871, p. 67.

¹⁴⁶ Critobulus. De rebus gestis... lib. IV, cap. XI, § 5—6.

¹⁴⁷ Ibid., lib. V, cap. III, § 3.

¹⁴⁸ Ibid., lib. I, cap. LXVIII, § 6.

¹⁴⁹ Ibid., § 7.

¹⁵⁰ Ibid., cap. V, § 1.

¹⁵¹ Ibid., cap. X, § 2—3.

¹⁵² Ibid., lib. V, cap. III, § 2.

¹⁵³ Ibid., lib. I, cap. V, § 2.

¹⁵⁴ Ibidem.

¹⁵⁵ Ibid., lib. V, cap. X, § 4—6.

Под руководством того же Амируци султан познакомился с трудами александрийского географа Клавдия Птолея и с большим интересом изучал их, как и многие другие географические сочинения¹⁵⁶.

Критовул много говорит об уважении султана к славному прошлому греческого народа. Так, рисуя красочную картину посещения Мехмедом II Афин, Критовул пишет, что султан «питал сильную любовь к этому городу», так как «он слышал много прекрасного о мудрости живших в нем мужей, о их храбрости и доблести и о многих удивительных подвигах, которые они совершили, сражаясь и против эллинов, и против варваров»¹⁵⁷. Особенно большое впечатление, по словам Критовула, произвел на султана Акрополь, красоте которого он удивлялся и судил о его развалинах как «мудрец, филэллин и великий царь»¹⁵⁸. С жителями Афин Мехмед II обошелся будто бы весьма милостиво, щедро одарил и исполнил все просьбы афинян, — «уважая их предков»¹⁵⁹. Затем султан проехал через Беотию и Платею, посетил все «эллинические места», любовался приливами и отливами Эврипы, побывал на Эвбее и опять-таки милостиво обошелся с населением острова.

По словам Критовула, султан посетил и развалины Трои и побывал на могилах Ахиллеса и Аякса, подвиги которых воспел Гомер¹⁶⁰. Подражая Фукидиду, Критовул вкладывает в уста турецкого султана торжественную речь, якобы произнесенную им на могилах троянских героев. В этой речи Мехмед II выступает как «азиат, мститель за азиатов», отомстивший завоевателям Трои за их злодеяния¹⁶¹.

Кроме Критовула, насколько нам известно, другие современные ему источники, и в частности турецкие, хранят полное молчание об этом эпизоде. Это наводит на мысль, что в действительности турецкий султан вовсе и не был на могилах троянских героев, а тем более не произносил там речей в стиле Фукидида, и вся эта сцена навеяна легендой о посещении развалин Трои Александром Македонским, которую Критовул мог найти у Арриана или у Лукана. Но если это и так, то все же очевидно, что эта сцена введена Критовулом в его «Историю Мехмеда II» отнюдь не случайно, не как простое риторическое украшение. Цель рассказа Критовула, видимо, была двойной — во-первых, польстить султану и выставить его в качестве мстителя грекам за троянцев; во-вторых же — показать интерес и уважение султана к эллинскому прошлому.

Критовул был поклонником не только греческой культуры, но и греческого языка. В своем посвятельном письме, адресованном султану Мехмеду II, Критовул с большой горячностью говорит о славе и значении греческого языка. Он пишет султану, что подвиги его будут описаны многими знаменитыми восточными авторами, однако необходимо рассказать о его деяниях на греческом языке, ибо в первом случае эти дела станут известными только персам и арабам и тем, кто понимает их язык, в другом же случае «они станут общим предметом удивления не только у одних греков, но и у всех западных народов, и у тех, кто живет за Столбами (Геракла), на Британских островах, и у многих других»¹⁶². Из вышеприведенного отрывка письма Критовула султану мы видим, что Критовул стремится показать значение греческого языка как языка, распространен-

¹⁵⁶ Critobulus. De rebus gestis... lib. V, cap. X, § 5.

¹⁵⁷ Ibid., lib. III, cap. IX, § 5.

¹⁵⁸ Ibid., § 6.

¹⁵⁹ Ibidem.

¹⁶⁰ Ibid., lib. IV, cap. XI, § 5.

¹⁶¹ Ibid., § 6.

¹⁶² Ibid., Epistola, § 3.

ного у многих народов и чрезвычайно популярного. При этом он хочет поднять в глазах султана ценность своего труда, написанного на греческом языке, показав, что этот язык имеет всеобщее распространение и подвиги Мехмеда II, воспеты на греческом языке, тем самым получают мировую славу¹⁶³.

В своем стремлении возвысить эллинскую культуру и эллинское прошлое и вместе с тем польстить могущественному завоевателю Критовул заходит так далеко, что создает совершенно фантастическую генеалогию рода Османов, доказывая, что Османы были эллинского происхождения. По словам Критовула, Османы происходили от древнего рода персидских царей — Ахеменидов и Персидов, потомков Ахемена и Персея¹⁶⁴. Ахемениды же и Персей были эллины, ведущие свой род от Данаи и Линкея, живших первоначально в Египте, а впоследствии переселившихся в Элладу. В последние времена их потомки Ахемениды и Персиды случайно переправились в Азию и основали там свою державу¹⁶⁵.

Подчеркивая эллинское происхождение Османов, Критовул хочет не только польстить могущественному султану, создав ему столь пышную генеалогию, но и сделать турецкую династию более приемлемой для греков. Одновременно он как бы стремится оправдать и себя, показывая, что он прославляет государя не варварского, а эллинского происхождения.

Тенденциозность нашего автора в этом вопросе особенно бросается в глаза при сравнении его труда с произведением Лаоника Халкокондила¹⁶⁶, в котором также отводится большое место рассмотрению вопроса о происхождении турок, вопроса, по-видимому, волновавшего умы его современников. В отличие от Критовула, который высказывает свое мнение о генеалогии рода Османов в весьма категорической форме, Халкокондил приводит несколько версий о происхождении турок. Согласно первой из них, турки происходят от скифов или татар, кочевого варварского племени, что подтверждается сходством их быта, нравов и языка¹⁶⁷. По второй версии, турки ведут свой род от парфян, а согласно третьей — из города Гигса в Персии¹⁶⁸. Халкокондил осторожно заявляет, что нельзя полностью доверять всем этим мнениям и среди них нет ни одного вполне достоверного. Однако сам он склоняется в пользу скифского (т. е. варварского) происхождения турок, так как это подтверждается общностью быта, нравов, языка¹⁶⁹.

Приверженность Критовула к греческой культуре и образованности подтверждается также наличием в его труде большого числа античных

¹⁶³ Другой византийский историк XV в., Лаоник Халкокондил, тоже с глубоким уважением относился к греческому языку. «Этот язык, — писал он, — во всем мире почти общим (языком) для всех» (Laonici Chalcocondylae Historiarum... lib. I, p. 4). Однако прославление греческого языка у Халкокондила имеет совсем иную цель, чем у Критовула. Халкокондил восхваляет греческий язык с тем, чтобы «какая-либо богатая и могущественная держава приняла его из рук греческого государя» и чтобы греческий народ возродил свою свободу и свое государство, где вновь господствовала бы эллинская речь. Таким образом, если у Критовула восхваление греческого языка используется для прославления подвигов турецкого султана, то у Халкокондила это делается для подкрепления идеи возрождения греческого государства. Различие политических тенденций этих двух авторов сказывается здесь достаточно наглядно.

¹⁶⁴ Critobulus. De rebus gestis... lib. I, cap. IV, § 2.

¹⁶⁵ Ibidem.

¹⁶⁶ Laonici Chalcocondylae Historiarum... lib. I, p. 13.

¹⁶⁷ Ibidem.

¹⁶⁸ Ibidem.

¹⁶⁹ Ibidem.

реминисценций. Так, например, все современные ему народы Критовул называет античными именами; так, сербы у него — трибаллы, боснийцы — далматы, валахи — даки и геты, венгры — паннонцы, болгары — мизы, татары — скифы, албанцы — иллирийцы¹⁷⁰. Географические описания, встречающиеся в труде Критовула, зачастую целиком взяты им у античных авторов. Так, например, описание г. Эноса и реки Эврон целиком взято у Геродота¹⁷¹, так же как и описание реки Истра¹⁷², а рассказ об Эпидамне заимствован у Фукидида¹⁷³. Критовул применяет античные названия мер, например, *στάδια*, *ὄβολός* и др. (Впрочем, то же самое мы встречаем у Халкокондила). Военная терминология Критовула целиком античная: *ὀπλίτης*, *τοξότης*, *πέλασστής* и т. п.

В стиле и языке Критовула также чувствуется влияние античных авторов, в частности Фукидида. Так, например, Критовул, подражая Фукидиду, вкладывает в уста турецкого султана речи совершенно в античном духе. По меткому выражению П. Погодина, подобные речи могли произноситься лишь деятелями Пелопоннеской войны, да и то в воображении их историков. Такова, например, длинная речь, будто бы обращенная Мехмедом II к его «сатрапам, военачальникам и воинам» перед началом похода на Константинополь¹⁷⁴. Общий стиль и язык этой речи чрезвычайно похожи на стиль и язык речей, встречающихся в труде Фукидида. Подобна первой и вторая речь Мехмеда II, якобы произнесенная им накануне генерального штурма столицы византийского государства¹⁷⁵. Султан, конечно, обращался с речами к своим войскам, однако они были, несомненно, совсем иного содержания и иной формы. Недостоверность этих речей подтверждается еще и наличием в них ошибок и анахронизмов. Например, в первой речи, произнесенной перед походом на Константинополь, султан говорит о завоевании турками Боснии, которое произошло лишь спустя 10 лет после падения Константинополя¹⁷⁶.

Подводя итоги нашему исследованию, мы можем прийти к заключению, что в мировоззрении Критовула нашел свое отражение сложный переплет политической и социальной борьбы его времени. При явном преобладании туркофильских настроений, переплетающихся с нескрываемой ненавистью к венецианцам, в его труде хотя и приглушенно, но все же звучат нотки сочувствия к бедствиям византийского государства, носителя древней и блестящей культуры. Быть может, именно это сочувствие к гибнущей Византии, хотя и вуалируемое Критовулом, но все же довольно ясно проявляющееся в его труде, и определило судьбы «Истории Мехмеда II», да и самого автора этого произведения, так и не достигшего в Османском государстве тех высот, о которых он, по-видимому, мечтал.

Это, конечно, отнюдь не исключает самой суровой оценки позиции Критовула как ренегата, воспевавшего подвиги завоевателя его родины. Эта характеристика вытекает из оценки туркофильского течения в целом, которое бесспорно являлось течением, опасным для судеб византийского государства, ускорившим его гибель. Бесспорно также и то, что среди причин

¹⁷⁰ У современника Критовула историка Дуки приводятся уже современные названия народов — сербы, турки, валахи и т. п.

¹⁷¹ Critobulus. De rebus gestis..., lib. II, cap. XII, § 2; Herodotus. Historia, IV, 90.

¹⁷² Critobulus. De rebus gestis..., lib. II, cap. VII, § 1; Herodotus. Historia, IV, 48.

¹⁷³ Critobulus. De rebus gestis..., lib. III, cap. XVI, § 1; Thukidides. I, 24, 1.

¹⁷⁴ Critobulus. De rebus gestis..., lib. I, cap. XIV—XVI.

¹⁷⁵ Ibid., cap. XLVIII—LI.

¹⁷⁶ Ibid., cap. XIV, § 7.

толкнувших Критовула на ренегатство, немалую роль играли мотивы личного, своекорыстного характера. Недаром же Критовул за свое ренегатство получает от турецкого султана пост наместника острова Имброса. Личные мотивы оказали влияние на политическую позицию и других туркофилов, например Георгия Амируци¹⁷⁷.

Но говоря о появлении туркофильского течения в Византии, не следует все же слишком упрощать вопрос. Византийскую патрицианскую знать, идеологом которой являлся наш автор, толкала на сближение с турками борьба за власть, за политическое и экономическое преобладание в бассейне Эгейского моря, которую они вели с итальянскими городами-республиками, особенно с Венецией. В этой борьбе особенно активно выступали те круги патрицианской знати, которые были тесно связаны с торговлей и видели в итальянцах своих основных торговых соперников. Политика туркофилов встречала поддержку у части купечества, в частности у греческих торговцев таких крупных торговых центров, как город Энос, острова Эгейского моря, некоторые города Пелопоннесского полуострова. Решающую роль в распространении туркофильских настроений среди части купечества сыграла и торговая конкуренция с итальянцами и сознание слабости византийского государства, беспомощности византийского правительства, неспособного охранять греческую торговлю от конкуренции иностранных купцов. Все эти мотивы, отчетливо проступающие в «Истории Мехмеда II», отнюдь не оправдывают, конечно, но во всяком случае объясняют появление туркофильского течения в Византии, видным деятелем которого и был наш автор.

¹⁷⁷ Критовул, говоря об этом видном ренегате, перешедшем на сторону турок, указывает, что султан щедро вознаграждал услуги трапезунтского ученого, и, в частности, за перевод на арабский язык труда александрийского географа Клавдия Птолемея султан осыпал Георгия Амируци щедрыми наградами (Critobulus. De rebus gestis..., lib. V, cap. X, § 8—9).

ИВАН ДУЙЧЕВ

О ДРЕВНЕРУССКОМ ПЕРЕВОДЕ „РЫДАНИЯ“
ИОАННА ЕВГЕНИКА

Когда дают оценку древнеславянской литературе, очень часто при этом высказывают мнение, что она носила преимущественно переводный характер. Обвинение это, безусловно, несправедливо. Не следует забывать, что в течение всего средневековья Византия была страной наиболее высокой культуры, особенно по сравнению со странами Запада. И южные и восточные славяне могут гордиться тем, что они наиболее полно, сравнительно с другими народами, приобщились к этой высокой культуре и даже стали ее распространителями. Если говорить о византийском «культурном наследии», то очевидно, что его следует искать у южных и восточных славян в не меньшей мере, чем в среде самих греков и других народов, которые входили в сферу византийского экономического, политического и культурного влияния. Древняя литература южных и восточных славян имеет особое значение для изучения византийской литературы. Как известно, в этой славянской литературе сохранились многочисленные переводы сочинений византийского происхождения. Некоторые из этих переводов восходят к оригиналам, являющимся в отношении их текста значительно более исправными и полными, чем известные на сей день их греческие редакции. Существует, с другой стороны, ряд произведений византийской литературы, с которыми мы можем теперь познакомиться только благодаря сохранившимся древнеславянским переводам. Наконец, некоторые из древнеславянских переводов по своему возрасту и исправности не отличаются от самих греческих оригиналов. Особенно интересен в этом отношении случай с произведением поздневизантийского писателя XV в. Иоанна Евгеника¹.

Среди сочинений этого, не очень, правда, известного и недостаточно изученного, писателя находится монодия, составленная в связи со взятием Царьграда турками в мае 1453 г. Еще Карл Крumbacher указывал на один из списков этого произведения в *cod. Paris. Suppl. Gr. 688. ff. 115—119*².

¹ Сведения об этом византийском писателе см. в кн.: K. Krumbacher. *Geschichte der byzantinischen Litteratur*. München, 1897, S. 116, § 3, 117, § 4, 495—496, 503; Gy. Moravcsik. *Byzantinoturcica. I. Die byzantinischen Quellen der Geschichte der Türkvolker*. Budapest, 1942, S. 175; G. Mercati. *Opere minori*, IV, 1937, p. 25—28 („Un lamento di Giovanni Eugenio per la disfatta di Corinto nel 1446“); p. 61—64 („Sopra alcuni autografi di Giovanni Eugenio“). Ср. также BZ, Bd. 48, 1955, p. 433; S. Pétridès. *Les œuvres de Jean Eugénicos*. Echos d'Orient, XIII, 1910, p. 111—114, 276—281.

² K. Krumbacher. *Op. cit.*, S. 496. Другие указания об этом см. Н. А. Мещерский. „Рыдание“ Иоанна Евгеника и его древнерусский перевод. ВВ, т. 7, 1953, стр. 75, прим. 2.

Причем покойный ученый заметил, что этот текст может быть тождествен с прозаическим сочинением точно такого же характера (*Prosathrenos*), сохранившимся в *cod. Paris. Suppl. Gr. 681, ff. 74—80*³. Другой список монодии Иоанна Евгеника находился в рукописи Иверского монастыря на Афонском полуострове, а именно *cod. Athon. 4508 (388), f. 777*⁴. Этот список обнаружил еще в прошлом веке известный русский дореволюционный исследователь Порфирий Успенский (1804—1885), который подготовил к изданию греческий текст вместе с переводом его на современный русский язык. Можно лишь сожалеть о том, что заслуженный исследователь не успел осуществить свое намерение. Но около пятидесяти лет назад греческий ученый Спиридон Ламброс (1851—1919) издал в обширном и ценном исследовании о текстах, повествующих о падении византийской столицы под ударами турок, также и монодию Иоанна Евгеника, основываясь на *cod. Paris. Suppl. Gr. 678*⁵.

В связи с пятистолетием завоевания Царьграда турками советский ученый Н. А. Мещерский изучил сохранившиеся материалы архива покойного Порфирия Успенского и снова привлек внимание византинистов и славистов к почти забытому произведению поздневизантийского писателя⁶.

Автор достаточно подробно анализирует монодию Иоанна Евгеника и дает нам сведения о существующем древнерусском переводе этого византийского литературного произведения; тем самым краткое исследование Н. А. Мещерского вносит новый вклад в изучение византийской и древнерусской литературы. К сожалению, автор не имел возможности использовать издание Сп. Ламброса, оставшееся ему неизвестным, и может быть только поэтому допустил некоторые не совсем оправданные предположения, например по вопросу о дате и месте написания монодии Иоанна Евгеника⁷. Но сведения о древнерусском переводе монодии, которые

³ K. Krumbacher. *Op. cit.*, S. 496, 498, § 4. Этот греческий текст издан Sp. P. Lambros. *Néos 'Ellhnonómhmon*, V, 2—3, 1908, p. 242—247.

⁴ Sp. P. Lambros. *Catalogue of the Greek manuscripts on Mount Athos, II, Cambridge, 1900*, p. 133 с заголовком на тексте: *Toû νομοφύλακος 'Ιωάννου τοῦ Εὐγενικοῦ μονοδία ἐπὶ τῇ ἀλώσει τῆς μεγάλης πόλεως*.

⁵ Sp. P. Lambros. *Μονοδίαι καὶ θρήνοι ἐπὶ τῇ ἀλώσει τῆς Κωνσταντινουπόλεως*. *Néos 'Ellhnonómhmon*, V, 2—3, 1908, p. 219—226.

В связи с работой Спиридона Ламброса греческий византиновед Никос А. Веис опубликовал чрезвычайно интересную краткую заметку под заглавием: *Γραφαὶ καὶ νέον τέμαχος τῆς ἐπὶ τῇ ἀλώσει τῆς Κωνσταντινουπόλεως μονοδίας τοῦ νομοφύλακος 'Ιωάννου διακόνου τοῦ Εὐγενικοῦ κατὰ κώδικα τῶν Μεταφῶρων* (ВВ, т. XX, 1913, стр. 319—327). Существенным в статье Веиса является то обстоятельство, что он обратил внимание на новый список монодии Иоанна Евгеника, сохранившийся в рукописи Метеоров XVII в., № 402, лл. 118—124. Список Метеоров содержит, помимо прочего, отрывок, который полностью отсутствует в известном издании текста у Ламброса. Приведа этот отрывок (стр. 321—323), Веис добавляет (стр. 323—325) и некоторые разночтения нового списка сравнительно с изданным Ламбросом. По оценке греческого византиноведа, метеорский список является значительно более исправным, чем список парижской рукописи, и должен быть использован особенно внимательно для восстановления текста оригинала монодии. Как это видно из приведенных автором примечаний, метеорский список может помочь нам в исправлении некоторых непонятных мест в издании Ламброса.

⁶ Н. А. Мещерский. „Рыдание“ Иоанна Евгеника. . . , стр. 72—86.

⁷ Так, согласно Н. А. Мещерскому (ук. соч., стр. 74), „из текста „Рыдания“ можно заключить, что Иоанн Евгеник в момент захвата Константинополя турками находился, вероятно, в Трапезунте; он не был очевидцем последнего штурма Константинополя и, по-видимому, ненадолго пережил падение оплакиваемой им столицы. Надо думать, что это произведение было последним трудом автора. Во всяком случае, оно написано не позднее 1461 г. . . .“ Приведа один из отрывков из „Рыдания“ („Я, когда услышал в первый раз, долго не верил, считал говорящих мне безумствующими. . .“), Мещерский (ук. соч., стр. 76) снова повторяет свою мысль о том, что „сам автор не был свидетелем гибели оплакиваемого им города и лишь слышал о событиях от очевидцев“. См. греческий текст этого места в издании Sp. P. Lambros. *Μονοδίαι*

находятся в статье советского ученого, являются очень важными и ценными.

Согласно указаниям Н. А. Мещерского⁸, древнерусский перевод «Рыдания» Иоанна Евгеника сохранился в девяти списках рукописей XV—XVII вв., причем три из сохранившихся списков полностью тождественны по содержанию и представляют, очевидно, список с общего оригинала.

В одном из этих списков содержится приписка, на основании которой можно заключить, что перевод «Рыдания» и самый список его были сделаны уже в 6976 г. «от сотворения мира», т. е. в 1468 г. н. э.⁹ Так как самый древнерусский перевод все еще остается неизданным, нам приходится в данный момент удовлетвориться теми сведениями о нем, которые нам даст Н. А. Мещерский. Так, согласно с его оценкой, переводчик был, несомненно, «уроженцем Руси, а не принадлежал к южным славянам», а поскольку в переводе находятся «искусственно болгаризирующие формы», то они, взятые в целом, могут считаться «свойственными русскому официальному литературному языку XV в.». По мнению советского ученого, древнерусский перевод «Рыдания» Иоанна Евгеника был сделан «в одном из афонских монастырей», сам переводчик «был прекрасным мастером дела», а перевод может считаться «одним из лучших образцов высокого уровня переводческого искусства в Московской Руси»¹⁰.

При этом Н. А. Мещерский делает сопоставления между списком мотики в ее греческом оригинале и древнерусским переводом и высказывает много интересных языковых наблюдений. Так как автор привел в своей статье несколько выдержек из списка Иверского монастыря, напрашиваются некоторые выводы относительно качества этого списка. Ясно, что этот список «Рыдания» Иоанна Евгеника не может быть оценен как полностью исправный. Если исключить возможность известных неточностей, происшедших из-за небрежного переписывания оригинала Порфирием Успенским, необходимо все же заметить, что по меньшей мере в отношении правописания этот список крайне не выдержан¹¹. В нем дается, кроме того, в нескольких местах совершенно ошибочное чтение. Особенно характерен случай с фразой: τὰ κοινὰ ἢ τὰ οἰκειακά, которую Н. А. Мещерский¹² весьма удачно исправляет: ... τὰ οἰκεία κακά, — именно так, кстати, как она читается в списке, изданном Сп. Ламбросом¹³.

Эти несправности иверского текста весьма ясно показывают, что «Рыдание» Иоанна Евгеника не может быть восстановлено в своем греческом оригинале при опоре единственно на этот список, который, как нам представляется, отстоит достаточно далеко от оригинала.

Однако все это еще не говорит о том, что иверский список текста не имеет значения, особенно при наличии других списков. Изданный

καὶ θρηνοί...», р. 225, 7 sqq. Однако в другом месте Иоанн Евгеник заявляет прямо и ясно, что он лично наблюдал случившееся, претерпел страдания, но все-таки остался жив. См. греческий текст этого места Sp. P. Lambros. Op. cit., p. 220, 13—16: ὅτι πάντα ἰδὼν καὶ παθὼν καὶ ἀκούσας ἐγὼ, ὁ δούσμορος, ἐφυλαττόμην ἐς τότε χαρῆς ὀφθόμενος, θρηνησῶν, πενθήσων τὴν κοινὴν συμφορὰν. Πῶς οὐ καταράσσομαι τὴν ἡμέραν ἐν ἣ ἐγεννήθητι πολλὴ τοῦ ἰσθ' δικαιοτέρων. В тексте «Рыдания», по моему мнению, не могут быть найдены указания, что оно было составлено намного после 1453 г. Напротив, живость чувства и наличие известных подробностей скорее указывают на то, что оно было составлено непосредственно во время события или вскоре после него.

⁸ Н. А. Мещерский. «Рыдание» Иоанна Евгеника... стр. 78.

⁹ Там же, стр. 80.

¹⁰ Там же, стр. 81, 84.

¹¹ На неправильности в правописании списка Иверского монастыря обращает внимание и Н. А. Мещерский (ук. соч., стр. 78).

¹² Там же, стр. 82.

¹³ Sp. P. Lambros. Op. cit., p. 223, 22.

Сп. Ламбросом текст на основе cod. Paris. Suppl. Gr. 678, к сожалению, — как это отмечает сам издатель этого текста¹⁴, — поврежден в конце, и в нем недостает, очевидно, значительной части. Несомненно, что текст этот должен быть восстановлен в оригинале по списку Иверского монастыря.

Заслуживает внимания справедливый вывод Н. А. Мещерского о том, что «древнерусский перевод «Рыдания» сделан был, очевидно, не с того греческого списка, который был найден в Иверском монастыре» (открыт П. Успенским), «а с какого-то другого, более совершенного и, несомненно, более древнего»¹⁵. Различия в чтении отдельных мест парижского списка и списка Метеоров позволяют исправить во многих местах список Иверского монастыря и, таким образом, приблизиться к искомому более исправному и более древнему тексту «Рыдания».

Что касается непосредственно древнерусского перевода сочинения Иоанна Евгеника, то несомненно то, что достаточно много мест его могут быть исправлены с помощью трех известных греческих текстов. Это можно увидеть на нескольких примерах, приведенных Н. А. Мещерским в выдержках из древнерусского перевода. Так, например, выражение «како и еще не зазрѣло бы присно бѣдству своему и всего вѣка во тьмѣ остави...»¹⁶ согласно соответствующему греческому тексту¹⁷, где говорится об ἀειφυρίαν, необходимо исправить на: «како и еще не зазрѣло бы присно бѣгству своему...». Непосредственно ниже в тексте «Рыдания»¹⁸ хорошо читаемое «при спасеніи страсти в полудне» плохо передано в «Плаче о пленении и о конечном разорении Московского государства»¹⁹: «якоже при спасеніи и страсти в полудне», так как это выражение соответствует греческому тексту: οἷον ἐπὶ τῷ σωτηρίῳ πάθει μεσοῦσης ἡμέρας²⁰, в котором делается намек на полное солнечное затмение 24 ноября 29 г. н. э.²¹, упоминаемое евангелистами²² в связи с распятием Иисуса Христа. Наконец, сопоставление с греческим текстом дает возможность сделать более точный современный перевод «Рыдания»²³.

В конце своего исследования Н. А. Мещерский вполне основательно утверждает, что необходимо «признать «Рыдание» Иоанна Евгеника и его

¹⁴ Sp. P. Lambros. Op. cit., p. 226, nota.

¹⁵ Н. А. Мещерский. «Рыдание» Иоанна Евгеника... стр. 81.

¹⁶ Там же, стр. 85.

¹⁷ Sp. P. Lambros. Op. cit., p. 219, 20 sqq.

¹⁸ Н. А. Мещерский. Ук. соч., стр. 85.

¹⁹ Цит. по статье: Н. А. Мещерский. Ук. соч., стр. 85.

²⁰ Sp. P. Lambros. Op. cit., p. 219, 22.

²¹ См. подробные указания об этом в статье N. Bonev. L'Eclipse totale du soleil du 24 novembre 29 de l'ère moderne. Годишник на Софийския университет, физ.-матем. фак., XLV, 1, 1948—1949, стр. 93—110. Необходимо добавить в связи со статьей Н. А. Мещерского (ук. соч., стр. 77), что рассматриваемые им греческие выражения даны в парижском списке в другой редакции, а именно: ὁ γριστόνισμος φῶλον ὡς φῶλλον ἦδη καὶ ἀνθος καταρρέειν... Sp. P. Lambros. Op. cit., p. 222, 25.

²² См. Матфей, XXVII, 45; Марк, XV, 33; Лука, XXIII, 44.

²³ Так, например, выражение Н. А. Мещерского («Рыдание» Иоанна Евгеника... стр. 75) «оком вселенной» вольно передает соответствующий греческий текст у Ламброса (Sp. P. Lambros. Op. cit., p. 219, 3—4): ὁ τῆς γῆς ὀφθαλμός. Выражение (Н. А. Мещерский. Ук. соч., стр. 75) «твердыней нашего рода, зеркалом всего мира» передает не совсем точно соответствующий текст у Ламброса (Sp. P. Lambros. Op. cit., p. 219, 4: τὸ τοῦ γένους ἔρεισμα, τῆς οἰκουμένης τὸ ἀγαλμα...). Невозможно понять, представляет ли перевод Н. А. Мещерского (ук. соч., стр. 75): «Как устояло ты, видя такие несчастья, как не познало свой запад навеки... простерло ты свои лучи» — другую греческую редакцию или он является вольным переводом текста, изданного у Ламброса (Op. cit., p. 219, 20—220, 8). Слова: «За подражание делам язычников... обречены мы на погиль» (Н. А. Мещерский. Ук. соч., стр. 76) представляют собой до известной степени вольный перевод греческого текста (см. Sp. P. Lambros. Op. cit., p. 223, 1—3) и т. д.

древнерусский перевод памятником, представляющим немалый интерес для изучения русско-византийских связей в эпоху потери Византией государственной независимости»²⁴. Этот древнерусский перевод «Рыдания» действительно является самым непосредственным отражением в древнерусской литературе события, связанного с завоеванием балканских земель и взятием Царьграда Мехмедом II в конце мая 1453 г.²⁵ Принимая во внимание все это, можно только всячески поддержать высказанное советским ученым пожелание, «чтобы как греческий, так и русский текст «Рыдания» был опубликован и вошел в оборот» в исследованиях византинистов и историков древнеславянской, и в частности древнерусской, литературы. В подобном издании, которое должно быть осуществлено на основе всех сохранившихся текстов, древнерусский перевод окажет весьма существенную помощь для восстановления первоначальной редакции этого памятника поздневизантийской литературы.

²⁴ Н. А. Мещерский. Ук. соч., стр. 86.

²⁵ Подробно об этом см. мою статью: Iv. Dujčev. La conquête turque et le prise de Constantinople dans la littérature slave contemporaine. Byzantinoslavica, XIV, 1953, p. 14—54; XVI, 1955, p. 318—329; XVII, 1956, p. 276—340.

Перевод с болгарского Г. Г. Литаврина

Е. Б. ВЕСЕЛАГО

ИСТОРИЧЕСКОЕ СОЧИНЕНИЕ ЛАОНИКА ХАЛКОКОНДИЛА

(Опыт литературной характеристики)

«История» Лаоника Халкокондила в подлиннике не сохранилась. Дошедшие до нас списки с нее были изучены Евгением Дарко. Результаты этих исследований были опубликованы им во вступительной части к его изданию сочинения Халкокондила¹.

Все изученные им рукописи Дарко разделяет на четыре семьи²:

Рукописи первой семьи

A Vaticanus Palatinus 266	15/16 в.
F Vaticanus Gr. 158	1551 г.
S Parisinus reg. Gr. 1729	1540 г.
P Parisinus reg. Gr. 1726	1544 г.
B Bodleianus Canonic. Gr. 80	16 в.
L Laurentinianus Gr. Pl. LVII, Cod. 8	конец 15-го в.
Q Parisinus reg. 1727	15 в.
H Vaticanus Palatinus Gr. 396	1575 г.
U Tubiginsis Mb 11	16 в.
C Coislanus Gr. 314	конец 15-го в.
R Parisinus reg. Gr. 1728	16 в.
I Vaticanus Palatinus in folio	15/16 в.
G Vaticanus Gr. 159	1544 г.
N Vaticanus reg. Christ. (ol. Petav.) Gr. 103	16 в.
X Neapolitanus III, B. 25	начало 16-го в.
E Escorialensis F 1—12	1543 г.

Рукописи второй семьи

M ₁ Monacensis Gr. 307a	начало 16-го в.
Z Parisinus reg. Gr. 1781	16 в.
V Parisinus reg. Gr. 1780	16 в.
M ₂ Monacensis Gr. 150	1567 г.
T Parisinus reg. Gr. 1799	1579 г.

Рукописи третьей семьи

M Monacensis Gr. 127	1548 г.
O Bodleianus Gr. Roe XII	конец 15-го в.
D Vaticanus Gr. 1732	16 в.

Рукописи четвертой семьи

Y Ashburnham 998	конец 15-го в.
K Ottobonianus 309	16 в.

¹ Laonici Chalcocondylae Historiarum Demonstrationes emend. E. Darkó. Budapestini, 1922, p. V—XXVI.

² Ibid., p. XIII.

В основу этого деления он кладет два признака: во-первых, наличие или отсутствие у рукописей общего заглавия, во-вторых — характерные особенности чтения.

К первой семье рукописей Дарко относит прежде всего самые старые и наиболее полные из дошедших списков, а именно: Vaticanus Palatinus 266(A), Laurentianus Gr. Pl. LVII, Cod. 8 (L) и Coislianus Gr. 314(C). Их взаимная связь определяется как отсутствием в тексте общего заглавия при наличии заглавия отдельных книг, так и особенностями чтения.

Общее заглавие, написанное более поздней рукой, впервые встречается на полях списков А и Н. С течением времени в списках, происшедших от А, это заглавие переходит уже в самый текст, что имеет место в Vaticanus Gr. 158 (F) и Parisinus reg. Gr. 1729 (S), происшедших от А, а также в Parisinus reg. Gr. 1726 (P) и в Bodleianus Canonic. reg. Gr. 80 (B), ближе всего примыкающих к S.

К первой семье надо причислить и рукописи Parisinus reg. Gr. 1728 (R) и Vaticanus Palatinus (I), происшедшие от С. Кроме них — Parisinus reg. 1727 (Q) и Vaticanus Gr. 396 (H), происшедшие от L, а также Tubiginsis Mb. 11 (U), являющийся копией Н. К этой же семье относятся Vaticanus Gr. 159 (G), Neapolitanus III B. 25 (X) и Vaticanus Reg. Christ. (ol Petav.) Gr. 103 (N), которые хотя прямого отношения к спискам этой семьи и не имеют, однако «ведут свое происхождение от общего с ними источника через промежуточные неизвестные или утерянные списки»³.

Вторую семью рукописей составляют те, у которых, кроме заглавий отдельных книг, имеется и общее заглавие, причем не перешедшее с полей, а входящее в текст как его составная часть. От общего заглавия рукописей второй семьи отличается заглавие входящего в нее списка M₂ и несомненно близкого к нему списка T. Относящиеся к этой же семье M₁ и Z имеют одинаковые варианты чтения, обозначают лакуны пустым интервалом и имеют указания на окончание глав. Очень вероятно, что от рукописи Z произошел список V, но по вине переписчика в нем появились расхождения с Z. Вообще же, несмотря на близость списков второй семьи, они связаны между собой не столь тесно, как рукописи первой. Промежуточное положение между двумя первыми семьями занимает Escorialensis F 1—12 (E). По разночтениям он примыкает к первой семье, по наличию общего заглавия, стоящего перед текстом, — ко второй. Может быть, E происходит от первой семьи, но общее заглавие получил таким же образом, как списки, происшедшие от А.

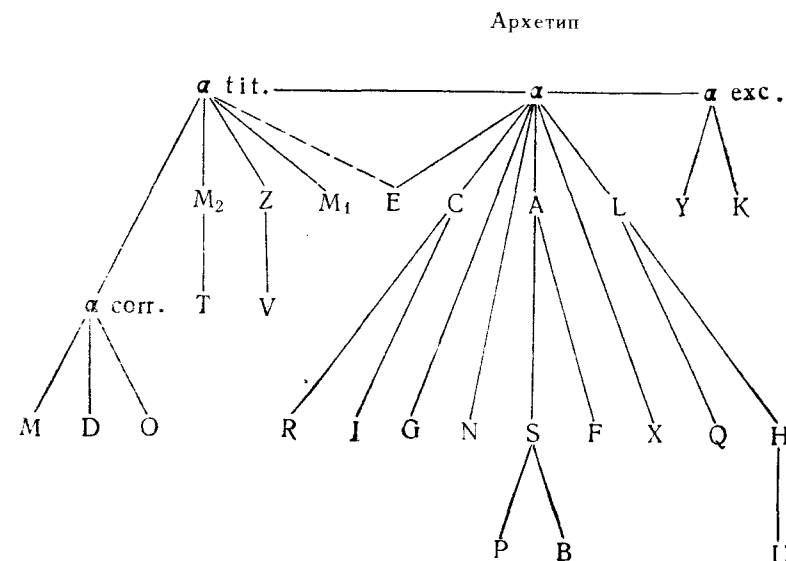
К третьей семье рукописей Дарко относит те, в которых некоторые места текста уже сильно отличаются от обычного изложения. К этим рукописям относятся Bodleianus Gr. Roe XII (O), Vaticanus Gr. 1732 (D) и Monacensis Gr. 127 (M). Особенно много искажений в D и M. Они или допущены переписчиками, или, вернее, почерпнуты из другого какого-либо неизвестного нам списка, находившегося в родословной между первой после архетипа исправленной книгой и кодексами D и M. У всех кодексов третьей семьи имеется общее, входящее в основной текст, заглавие, одинаковое с M₁, Z, V.

К четвертой семье относятся рукописи Ashburnham 988 (Y) и Ottobonianus 309 (K). Они содержат не весь труд Лаоника, но только избранные части, а именно относящиеся к истории Афин. Как в выборе, так и в размере частей Y и K полностью совпадают. Самый древний экземпляр этих списков потерян. Эти кодексы чтением собственных имен и замет-

³ Laon. Chalc. Historiarum Demonstr., emend. E. Darcó, p. IX.

ками на полях настолько отличаются от остальных, что не могут происходить ни от них, ни от их источников.

Соотношение всех этих списков Е. Дарко графически представляет в виде следующей схемы:

«История» Лаоника Халкокондила была издана впервые приблизительно через 60 лет после смерти автора, но не в подлиннике, а в латинском переводе Конрада Клаузера⁴. Этот латинский перевод, в котором встречается много ошибок, неизменно повторялся при каждом новом издании «Истории» Халкокондила.

Греческий текст был издан впервые в 1615 г.⁵ В основу этого издания положены три рукописи Палатинской, в настоящее время Ватиканской библиотеки⁶, однако с критической точки зрения они были использованы недостаточно удовлетворительно. Неудовлетворителен был и аппарат: в нем мало разночтений и они прибавлены к тексту, а не вынесены за его пределы.

За Editio princeps 1615 г. следовало издание, входящее в Парижский корпус⁷. В нем использованы новые рукописи Парижской библиотеки, одной из которых был Parisinus reg. 1727 (Q), что доказывается тем, что в аппарате парижского издания дается заглавие, присущее только этой рукописи. Второй рукописью, использованной в парижском издании, был или Parisinus reg. Gr. 1780 (V), или почти одинаковый с ним Parisinus reg. (Z). Следующее издание, сделанное в 1729 г. в Венеции⁸, повторило парижское. Позднее Беккер, несколько подправив текст, поместил его в Боннском корпусе⁹. В 1866 г. это издание было повторено в Патрологии Миня¹⁰.

⁴ Laonici Chalcocondylae De origine et rebus gestis turcorum. Conrado Clausero Tigurino interprete. Basiliae, 1556. Повторено в 1562 г.

⁵ Laonici Chalcocondylae Editio princeps Graecae et Latine curante J. B. Baumbachio. Genevae, 1615.

⁶ Vaticanus Palatinus 266 (A), Vaticanus Palatinus Gr. 396 (H), Vaticanus Palatinus (I).

⁷ Laon. Chalc. Historiarum Demonstr. Curavit. C. Fabrotus. Parisiis, 1650.

⁸ Laon. Chalc. Historiarum... Ed. C. Fabrotus. Venetiis, 1729.

⁹ Laon. Chalc. Historiarum... Ex recogn. I. Bekkeri. Bonnae, 1843.

¹⁰ Laon. Chalc. Historiarum... PG, t. 159, col. 13—556.

Последнее, современное, издание «Истории» Халкокондила, на которое мы уже ссылались, осуществлено Евгением Дарко, много лет работавшим над исследованием этого труда.

Из большого количества кодексов (26) Дарко выбрал для своего издания лучшие рукописи первых трех семей, причем те, которые содержат труд Лаоника полностью. Кодексы четвертой семьи издатель не привлекал вообще. Из первой семьи в издании использованы три наиболее старые рукописи: Coislavianus Gr. 314 (C), Parisinus Vaticanus 266 (A) и Laurentianus (L), причем A и L использованы полностью, а C — частично.

Из второй семьи использована самая лучшая рукопись — M₁. Из рукописей третьей семьи полностью использован M, частично — O. В ходе работы выяснилось, что коренной текст во всех кодексах не всегда был передан правильно. Кое-где эти неточности были исправлены в свое время предшествующей критической работой других издателей, но оставалось немало еще сделать в этом отношении. При установлении текста Дарко больше учитывал манеру письма Лаоника, чем авторитетность того или другого списка. Учел он и оставшиеся неопубликованными работы Тафеля и Нуссера, сделанные ими в 1855—1856 гг. Общая ценность издания Дарко неизмеримо выше всех предыдущих. Она заключается, прежде всего, в том, что его издание является критическим изданием в современном смысле. Аппарат богат, исправлены ошибки предшествующих издателей, особенно в личных именах и географических названиях. Особую ценность имеют обстоятельные данные о рукописях, сообщаемые в предисловии. С внешней стороны издание выглядит хорошо. Оно разделено на два тома, каждый из которых содержит по пяти книг «Истории».

Первые переводы «Истории» Халкокондила были сделаны на латинский¹¹ и французский¹² языки. Отдельные отрывки были переведены на венгерский¹³ и немецкий¹⁴. Что касается полных переводов, то французские, во-первых, написаны на совершенно устаревшем французском языке, а во-вторых, не удовлетворяют минимальным требованиям, предъявляемым к научному переводу. Переводчик делает по своему усмотрению добавления, поясняющие, по его мнению, текст автора, говорит о своем отношении к описываемым событиям и т. п. В латинском переводе Конрада Клаузера при всех его недостатках таких «вольностей» мы не найдем. Но и в нем есть много искажений, много неправильно понятых мест, много пропусков. Поэтому пользоваться им при работе над текстом Халкокондила не следует.

Когда именно была написана «История», пока не установлено. Некоторое указание на этот счет имеется у самого Халкокондила. Во вступительной части своего труда¹⁵ Халкокондил высказывает надежду, что опять наступит такое время, когда в «Элладе» будет править царь, «эллин» по происхождению, и вся страна будет управляться по законам предков.

¹¹ См. прим. 4. Повторено: Corpus historiae universae praesertim Byzantinae. Lutetiae, 1567. Historiae Byzantinae scriptores tres. Genevae, 1615; Coloniae Allobrogum, 1615. Parisiis, 1650; Venetiis, 1729; Bonnae, 1843. PG, vol. 159, p. 13—556.

¹² Blaise de Viginère. Paris, 1577 и позже. Arthus Thomas. Paris, 1620. E. de Mezeray. Rouen, 1660.

¹³ Gy. Sziget-Mikás, in: Magyar történelmi olvasó Könyv., I, 1905, p. 155—163; p. 171—182.

¹⁴ K. Dieterich. Byzantinische Quellen zum Länder- und Völkerkunde. Leipzig, 1912, S. 2.

¹⁵ Laon. Chalc. Atheniensis Historiarum libri decem, ex recogn. I. Bekkeri. Bonnae, 1843, p. 4.3.

Эти слова прямо указывают на то, что в то время, когда Халкокондил начал писать «Историю», царя-грека у «эллинов» больше не было и страна управлялась не по своим, а уже по чужим законам. Это могло быть только после смерти Константина XI. Следовательно, 1453 год будет terminus post quem. Начал свою работу Халкокондил до 1466 г., так как он говорит о тевтонских рыцарях, как о еще занимающих Пруссию¹⁶. Труднее определить, даже приблизительно, дату окончания «Истории». Последнее (хронологически) упоминаемое в ней событие относится к 80 годам¹⁷. Наличие лакун, неотделанных мест и т. п. указывает на то, что «История» осталась неоконченной. Это скорее всего объясняется смертью автора в конце 90-х годов¹⁸.

Вопрос об источниках «Истории» еще не изучен. В отношении Геродота, Ксенофонта, Фукидида, знакомство с которыми Халкокондила несомненно, речь может идти только о лексических и стилистических заимствованиях, вполне закономерных у средневекового греческого автора, пишущего на «классическом» греческом языке.

Основную характеристику источников и метода своей работы над ними сам Халкокондил определяет следующими словами: «В этой истории записано то, что видел и слышал в своей жизни Лаоник Афинянин»¹⁹. И далее: «В интересах истины я сообщу, конечно, в этой истории достоверные сведения обо всем, что произошло тогда во вселенной, и не только в мое время и чему я сам был свидетель, но и все остальное, тщательно проверив его правдоподобность и узнав кроме того мнение о нем самых разумных людей»²⁰.

Следовательно, для событий, очевидцем которых он был, основным источником являются наблюдения самого Халкокондила. Для событий, которые он не видал, автор довольствуется своими предположениями и рассказами людей, которым доверяет. Приводя то или иное свидетельство, Халкокондил пользуется определенными словами и выражениями, как, например: я сам знаю, я не знаю, я узнал, услышал, рассудил; другие утверждают, говорят и т. п.

Наиболее часто употребляется формула «говорят» в ряде ее вариантов λέγεται и т. п., φασί и т. п.). Преобладание именно этой формулы на протяжении всего труда, хотя и реже встречающейся к концу, указывает на то, прежде всего, что устная традиция, тщательно проверенная²¹ и продуманная²² автором, была одним из важнейших источников Халкокондила.

Основная масса сведений (70 случаев), сообщаемая под этой рубрикой (λέγεται и т. п.), относится к туркам (58 случаев) и к тесно связанному с ними рассказу о Тимуре (12 случаев). Обращает на себя внимание и тот факт, что из 70 случаев употребления формулы «говорят» в применении к «турецкой» тематике 62 раза это выражение встречается в первых трех книгах, т. е. в рассказе о событиях до начала XV в. Только восемь раз употреблено оно в остальных семи книгах. Термин φασί встречается при рассказе о событиях, относящихся к туркам, — в 1, 2 и 3 книгах — 14 случаев употребления. В остальных семи — 3 случая. События, относящиеся к Тимуре: в 1, 2 и 3 книгах — 3 случая. В остальных семи — ни одного.

¹⁶ Laon. Chalc. Historiarum... ed. I. Bekker, p. 132.4.

¹⁷ Войны Матвея Корвина.

¹⁸ Bibliotheca Graeca, ed. J. A. Fabricius, vol. VI. Hamburg, 1790—1809, p. 474.

¹⁹ Laon. Chalc. Historiarum... p. 3.1.

²⁰ Ibid., p. 4.7.

²¹ Ibid., p. 27.8; 36.3 etc.

²² Ibid., p. 36.3; 76.19; 108.16.

О событиях, относящихся к разной тематике: в 1, 2 и 3 книгах — 10 случаев. В остальных семи — 4 случая. Все это дает основание утверждать, что устная традиция использована Халкокондилом достаточно широко, что она в основном связана со сведениями к туркам, и использована главным образом в рассказе о событиях, происшедших до XV в. Уменьшение после третьей книги ссылок на устную традицию, в частности относящихся к истории турок, нельзя объяснить отъездом Халкокондила из областей, занятых турками. Наоборот, обилие фактов, сообщаемых в «Истории», при уменьшении ссылок на устный источник указывает на то, что Халкокондил жил в гуще событий и не нуждался в сведениях из вторых рук.

Наряду с тем, что «говорят», Халкокондил упоминает и о том, что он «слышал». Сведений, сообщаемых под этой рубрикой, немного. Какой-либо яркой картины в смысле специфики содержания они не дают. Интересно, что свою самую категорическую формулу, а именно «я знаю» и «я не знаю», Лаоник Халкокондил употребляет, говоря 1) о происхождении и расселении албанцев (один раз)²³, 2) об имени древних турок (один раз)²⁴, 3) о происхождении, расселении и языке славян²⁵ и турок²⁶ (семь раз). В других случаях — три раза. Следовательно, самая категорическая формула употреблена Халкокондилем применительно к вопросам этногенеза, распространения и языка разных народов. Это дает основание считать, что такие вопросы занимали видное место в его научных интересах и что именно в них он считал себя особо компетентным.

Довольно часто встречается формула «я узнал», «мы узнали»²⁷, но тематика сведений, передаваемых после нее, весьма разнообразна и трудно поддается систематизации. Однако и здесь заметен интерес к вопросам расселения народов.

Большое значение придает Халкокондил обоснованному доказательству. Это особенно заметно там, где речь идет о происхождении славян²⁸ и албанцев²⁹, что опять подчеркивает интерес Халкокондила к такому роду вопросов.

Когда Халкокондил говорит о вещах, ему недостаточно известных, он употребляет целый ряд выражений, как, например: «не могу доказать», «не могу определенно сказать», «нельзя определенно утверждать», «как думают некоторые», «кажется» и т. п. В этих случаях Халкокондил, передавая то или другое сведение, колеблется признать его за правильное, но считает нужным все же довести до сведения своего читателя. Тематика таких сведений очень разнообразна. Но интересно, что среди них нет сведений о расселении народов или об особенностях их языков.

Таковы в основном выражения, указывающие на отношение автора «Истории» к некоторым из имеющихся там сведений.

Что касается связей Халкокондила с другими источниками, то этот вопрос еще подлежит изучению. Халкокондил мог пользоваться материалами как ранее писавших, так и современных ему историков. Однако он ни на кого не ссылается, хотя связь его, например, с Критовулом и Сфрандзи несомненна. В связи с этим интересно указание Моравчика³⁰ на аноним-

²³ Laon. Chalc. Historiarum... , p. 27.8.

²⁴ Ibid., p. 9.10.

²⁵ Ibid., p. 35.10; 36.10; 34.22 etc.

²⁶ Ibid., p. 15.15; 100.2; 11.11; 66.11 etc.

²⁷ Ibid., p. 534.13; 29.5; 26.8.

²⁸ Ibid., p. 35.11.

²⁹ Ibid., p. 27.8.

³⁰ Gy. Moravcsik. Byzantinoturcica, Bd. I. Budapest, 1942, p. 242.

ную хронику Ватиканского архива. Хроника относится к XVI в. и пока еще не издана. Она охватывает период с 1373 по 1512 год. Начало и конец ее потеряны. Рассказ хроники очень подробен до 1463 г. Это заставляет предположить, что для этого периода хронист использовал и более подробный источник. Текст хроники настолько близок к тексту Халкокондила, что ее можно было бы рассматривать как частичное переложение «Истории» Халкокондила или как извлечение из нее. Однако наличие в этой хронике многих подробностей, отсутствующих у Халкокондила, заставляет предположить, что Халкокондил и автор анонимной хроники скорее всего воспользовались одним и тем же источником.

Какое заглавие дал Халкокондил своей «Истории», нам неизвестно, так как подлинник ее не сохранился. Как мы уже говорили, ряд рукописей первой семьи, в число которой входят самые ранние, никакого общего заглавия не имеет. Такое заглавие впервые появляется в А, а затем в Н, где оно, сделанное более поздней рукой, стоит не в основном тексте, а на полях и имеет следующую форму: «Николая Халкокондила летопись о том, откуда произошли властители турок, об их делах и подвигах вплоть до подвигов великого властителя Мехмеда»³¹. В рукописях второй семьи это заглавие стоит уже в основном тексте даже самых старых из известных нам экземпляров этой семьи³². Особое заглавие стоит перед текстом в Q, а именно: «Лаоника Халкокондила история царей-агарян, т. е. отоманов»³³. В рукописях Y и K, содержащих материал только по истории Афин, общее заглавие имеет форму — «Об Элладе»³⁴. Таким образом, рукописная традиция хотя и сохранила нам заглавие, но позднейшее и не строго соблюдавшееся на протяжении столетия (с конца XV до конца XVI в.), в которое переписывалась «История».

Основная причина такой неустойчивости заглавий заключается в характере самого архетипа. На основании того, что самые ранние и наиболее полные рукописи первой семьи не имеют общего заглавия, а самые ранние списки второй его имеют, можно заключить, что в архетипе общего заглавия или не было вообще, или оно было написано безусловно не рукой автора. Однако поскольку в рукописях второй семьи общее заглавие имеется, необходимо признать, вместе с Дарко, что в общем источнике обеих семей оно все-таки было, но что оно не принадлежало самому автору. Переписчики ранних рукописей первой семьи не сочли возможным включить его в свои списки, как это сделали переписчики второй. Заглавия отдельных глав, очевидно, в общем источнике обеих семей были, поскольку в рукописях этих семей они сохранены.

Появление заглавия, попавшего в первое латинское издание Халкокондила³⁵, а оттуда перешедшего во всю научную литературу и характеризующего «Историю» Халкокондила именно как историю турок, можно поставить в связь со следующим фактом. На полях той же самой рукописи А, где впервые появляется общее заглавие, имеется указание на то, что в 1553 г. эта рукопись принадлежала Иоанну Баптисту Игнацию, автору исторического сочинения «О происхождении турок». Не сам ли Игнаций написал на полях принадлежащей ему рукописи А заглавие, сделавшее из исторического сочинения Халкокондила историю турок?

Появление установившегося заглавия объясняется еще и тем, что в XV—XVI вв. проявлялся повышенный интерес западного мира к народу,

³¹ Laon. Chalc. Historiarum... , ed. E. Darkó, p. IX.

³² Ibidem.

³³ Ibid., p. XXV.

³⁴ Ibid., p. XXV: περί τῆς Ἑλλάδος.

³⁵ То есть в издании К. Клаузера (см. прим. 4).

14 Византийский временник, т. XII

имевшему для него такое значение. Кроме того, «Описание дел и подвигов» современных «героев» отвечало потребности эпохи искать великое не только в событиях прошлого, но и в событиях современности.

Сам характер труда Халкокондила тоже дает некоторое основание для появления такого заглавия. Говоря о содержании своего труда, он упоминает о делах и могуществе турок. Однако не это, как увидим, он старался особенно подчеркнуть в своей «Истории».

Хорошо подметил несоответствие укоренившегося названия общему содержанию труда переписчик *Monacensis Gr. 150 (M₂)* Антоний Калосинас. Список, сделанный им, носит другое заглавие: «Николая Халкокондила Лаоника летопись о гибели всей Эллады и других делах, происшедших в Италии, Испании, Германии и Паннонии, и о подвигах турок до времен властителя их Мехмеда»³⁶. Это заглавие ставит на первое место уже не историю турок, а события в Греции и других странах.

«История» Халкокондила начинается словами — «В этой истории записано то, что видел и слышал в своей жизни Лаоник Афинянин».³⁷ Это вступление очень напоминает вступления античных авторов³⁸.

Называя себя по месту своего рождения «афинянином», Лаоник следует в этом отношении античной традиции, которая, однако, со временем стала нарушаться: авторы стали указывать во вступлении только свое личное имя³⁹, иногда указывая при этом, что они были «очевидцами» описываемых ими событий⁴⁰. У более поздних писателей появляется и стойко держится указание на принадлежность автора к той или другой социальной группе или на занимаемую им должность⁴¹. Называя место своего рождения, Халкокондил, таким образом, возвращается к традициям ранних «вступлений» и дает основание предполагать, что он не занимал никаких должностей.

Вместе с тем, называя себя «афинянином», Халкокондил как бы подчеркивает свою особую связь с афинянином Фукидидом.

Халкокондил отчетливо представлял себе цель своей работы.

В отличие от Критовула, который стремился воспеть не воспетые еще на греческом языке⁴² подвиги Мехмеда и получить за свое усердие награду⁴³, Халкокондил считал своей основной задачей сохранить для потомства события минувших времен. В этом он сходится со Сфрандзи, который тоже хотел, чтобы его «История» жила, чтобы «ее голос, как голос глассата, звучал через все века»⁴⁴.

³⁶ Antoine Calosynas. *Vie des Chalcocondyles d'Athen. Chroniques Graeco-Romanes inédites ou peu connues, publiées par Charles Hopf.* Berlin, 1873, p. 237.

³⁷ Laon. Chalc. *Historiarum...*, p. 3.1.

³⁸ Например, «Нижеследующее изыскание представляет Геродот Галикарнасский...» Геродот Клио, т. I, кн. I, гл. 1. Пер. Ф. Г. Мищенко, Москва, 1885.

«Фукидид-афинянин написал историю войн...» Фукидид. *История Пелопонесской войны*, кн. I, гл. 1. Пер. Ф. Г. Мищенко, Москва, 1887.

³⁹ «Дион говорит, что он старался написать все...» Dio Cassius. *Historia Romana*. Cur. Lud. Dindorf, vol. I. Leipzig, 1890, p. 1.

⁴⁰ «Но Георгий был большей частью очевидец событий...» Георгий Пахимер. *История о Михаиле и Андронике Палеологах*. Изд. СПб. Духовной Академии, т. I, гл. 1. СПб., 1862, стр. 2.

⁴¹ Например, «Я, Анна, порфирородная...» Анна Комнина. *О делах господина царя Алексея Комнина*. Изд. СПб. Духовной Академии, гл. 1. СПб., 1859.

«Георгий Сфрандзи, бывший протовестиарий, а потом монах Григорий...» Phrantzes. *Annales*. Bonnae, 1838, p. 5.

«Я, Критовул, глава имбриотов...» Critobulus. *De rebus gestis Mechemetis II*. *Fragmenta Historicorum Graecorum*, vol. V, pars prior. Parisiis, 1883, p. 54.

⁴² Critobulus. *De rebus gestis...*, p. 52.

⁴³ Ibid., p. 53.

⁴⁴ Phrantzes. *Annales*, p. 5.

Что касается самого содержания исторического произведения, то византийские писатели XV в. по-разному понимали задачу историка.

Например, Георгий Сфрандзи, ближе всех историков XV в. стоявший к политической жизни своего времени, подчеркивает, что в своем труде он будет писать о Палеологах, их царствованиях, их семейных делах, о войнах в Пелопоннесе, о деспотах и т. п.⁴⁵

Ренегат Критовул делает содержанием своего труда события первых семнадцати лет царствования Мехмеда, перечисляя, но не объединяя их по какому-либо принципу, кроме хронологического⁴⁶.

Совсем другое мы находим у Лаоника. Кратко формулируя свою тему, он пишет: «Я говорю о гибели, постигшей державу эллинов, и о достижениях турками силы, больше которой не бывало»⁴⁷. И дальше Халкокондил уточняет: «Мы расскажем как можно точнее, как все это произошло, как понемногу гибло дело греков, сокрушаемое турками, как турки достигли силы, которая до настоящего времени все увеличивается»⁴⁸. Осознанная так тема показывает, что Халкокондил глубже других подошел к своей задаче. Среди отдельных событий — войн, столкновений, среди всего того, что происходило на его глазах в течение его долгой жизни, он сумел увидеть самое главное: гибель своей страны и торжество ее победителя. Эту тему он дополняет темой гибели самостоятельности других народов⁴⁹, героически сопротивлявшихся туркам.

Таким образом, основным содержанием труда Халкокондила является борьба народов юго-востока Европы, а отчасти и Азии за свою независимость от турок.

Изложение этой темы дается в сплетении с целым рядом вставок⁵⁰, оправданных⁵¹ и неоправданных⁵² отклонений. Отсюда — многочисленные повторения⁵³ или, напротив, забегание вперед с последующим возвращением к прерванному рассказу⁵⁴. Поэтому композицию всего труда нельзя признать удачной.

Однако если учесть, что автор затронул в своей «Истории» огромное количество событий, стран, народов, что он отдал в ней дань и новелле, во вкусе эпохи⁵⁵, и приключенческому рассказу⁵⁶, то становится понятным, что обилие материала захлестнуло его и что ему очень трудно было установить в нем необходимую последовательность. «История» Халкокондила превратилась в громадное произведение, где множество разных событий дополняет основную тему борьбы, освещая ряд этнических, политических и географических вопросов.

Самым слабым местом в «Истории» Лаоника является полное отсутствие в ней хронологических данных. Считают⁵⁷, что причину этого следует

⁴⁵ Phrantzes. *Annales*, 5.1.

⁴⁶ Critobulus. *De rebus gestis...*, p. 53.

⁴⁷ Laon. Chalc. *Historiarum...*, ed. I. Bekker, p. 4.1.

⁴⁸ Ibid., p. 9.4.

⁴⁹ Ibid., p. 29.17.

⁵⁰ К ним относятся, например, описания отдельных стран (Франции — p. 85.8—92.7, Англии — p. 92.8—96.15, Венеции — p. 193.20—199.11 и др.), «новеллы» (Смерть Ладислава, p. 268.5—269.21; рассказ о Гуниади, p. 370.8—373.13 и др.), легенды и т. п.

⁵¹ Ibid., p. 18.18—20.18; 27.1—14; 77.17—21 etc.

⁵² Ibid., p. 17.8—20.9 etc.

⁵³ Ibid., p. 52.14—17.20—22 и 46.6—12, 20—47.20 etc.

⁵⁴ Ibid., p. 96.15 etc.

⁵⁵ Ibid., p. 268.5—269.21.

⁵⁶ Ibid., p. 370.8—373.13.

⁵⁷ E. Darkó. *Zum Leben des Laonikos Chalkokondyles*. BZ, 24, 1923—1924, S. 29—39.

видеть в неоконченности всего труда. Такое объяснение едва ли достаточно. Вставлять даты в написанное уже произведение не проще, чем делать это в какой-то мере сразу, тем более что лакун для последующего проставления дат крайне мало. Какие-то даты, хоть изредка, должны были все-таки включаться в текст в процессе его письма. И в том, что у Халкокондила нет ни одной даты, надо видеть определенное желание не ставить их вообще. Описывая такое громадное количество событий, происходящих на таком большом пространстве, Халкокондил, естественно, не всегда мог давать точные даты. Стремясь же, по его словам, к наибольшей точности, Халкокондил предпочел лучше совсем не давать дат, чем сообщать сомнительные или заведомо неверные. Поэтому, вероятно, он и ограничился самыми общими и почти ничего не дающими выражениями вроде «после этого», «это произошло позднее» и т. п.

Что касается изобразительных средств, которыми пользуется Халкокондил, то они не очень богаты. В первую очередь это относится к языку.

«История» Халкокондила написана, как он сам говорит, на «эллинском»⁵⁸ языке. Автор много трудился, чтобы проникнуть в особенности языка Фукидида и Геродота, но в полной мере сделать ему это не удалось: стиль его ниже классического. В нем нет ясности, много анаколфов, брахеологий и т. п., создающих большие трудности для понимания. Очевидно, выбор соответствующих выражений затруднял Халкокондила: часто попадаются излюбленные слова, повторяются однообразные обороты. Попытка Халкокондила воскресить «эллинский» язык коснулась, главным образом, внешней стороны и сказалась в употреблении старых слов и старых форм, но запас слов мал и построение предложения в целом однообразно.

Основная работа, посвященная языку Лаоника Халкокондила, принадлежит Ф. Ределю⁵⁹. Он установил наиболее часто встречающиеся у Халкокондила синтаксические конструкции, отметил неправильное употребление наклонений, неправильное употребление частицы *ἄν*. Но если Халкокондилу и не удалось в совершенстве овладеть «эллинским» языком в смысле использования синтаксических особенностей классического греческого языка, то он постарался восполнить этот пробел за счет лексики, что сказалось не в богатстве словарного материала, а в его подборе и в упорном сохранении старых названий. На всем протяжении «Истории» Халкокондил неизменно называет русских — сарматами, сербов — трибалами, болгар — мисянами, боснийцев — иллирийцами, французов — галатами, татар — скифами, Константинополь — Византием и т. д. Турецкий султан у него βασιλεύς, его паши ἡγεμόνες, янычары νεήλυδες. За счет архаизации надо отнести и употребление dualis'a.

Лексические заимствования достаточно глубоко проникли в язык Халкокондила. Редель отмечает заимствования турецкие⁶⁰, латинские⁶¹, славянские⁶².

Во всех полных списках «Истории» имеются две интерполяции. По поводу них было высказано мнение⁶³, что это или текст, данный самим автором, забывшим перевести его на литературный язык, или что это сырой

⁵⁸ Laon. Chalc. Historiarum... ed. I. Bekker, p. 4.13.

⁵⁹ F. Rödel. Zur Sprache des Laonikos Chalkokondyles und des Critobulus aus Imbros. München, 1905. Много ценных сведений о языке Халкокондила имеется в работе Е. Дарко.

⁶⁰ Laon. Chalc. Historiarum... ed. I. Bekker, p. 225.1, 514.14, 230.4 etc.

⁶¹ Ibid., p. 278.13, 293.6 etc.

⁶² Ibid., p. 53.11.

⁶³ K. Güterbock. Laonikos Chalcocondyles. Zeitschrift für Völkerrecht und Bundesstaatsrecht, Bd. IV, Berlin, 1910, S. 44.

материал для последующей обработки. Что интерполяции не принадлежат основному тексту — ясно, так как разъединенные ими части тесно связаны между собою по содержанию. Язык интерполяций совершенно чужд языку Халкокондила, на что обратил внимание уже переписчик, сделавший соответствующие пометки на полях⁶⁴.

Одним из основных изобразительных приемов Халкокондила являются «речи». Часто прибегая к этой форме изложения, он пользуется ею и для характеристики своих героев. В этом он следует скорее примеру Фукидида, чем Ливия или Плутарха, у которых «речи» в значительной мере использованы как украшающий все произведение элемент⁶⁵. Действительно, явной тенденции к украшению всего произведения в «речах» Халкокондила незаметно. В них отсутствуют громкие фразы, сравнительно мало риторичности, столь свойственной византийским авторам, особенно более ранних эпох. Встречающиеся в речах трудные для перевода места надо прежде всего отнести за счет подражания построению — весьма сложному — речей у Фукидида, затем за счет общей недостаточной свободы владения языком и лишь отчасти — за счет риторики.

В «речах» Халкокондила прежде всего обращает внимание их эпическое спокойствие, их невозмутимость. Изложение почти равнодушно. Почти нигде автор не высказывает своего отношения к содержанию «речи». Несомненно, что такая «объективность» не способствует силе впечатления, но мы постоянно сталкиваемся с ней у Халкокондила.

В большинстве случаев «речи» содержательны. Они не вклиниваются искусственно в текст, они связаны с ним и иногда даже значительно теснее, чем некоторые другие места изложения. «Речи» Халкокондила как бы вытекают из создавшейся обстановки и в свою очередь влияют на дальнейшее развитие событий⁶⁶. «Речи» произносят разные лица. В большинстве это речи султанов⁶⁷ и их пашей⁶⁸, речи греков, главным образом защитников того или другого города⁶⁹, значительно реже — греческих императоров⁷⁰. Встречаются речи послов⁷¹, военачальников разных народов⁷², речи родственников, вступающих в защиту своих близких⁷³, речи крестьян⁷⁴, речи женщин⁷⁵. Размеры речей не одинаковы. Иногда длинные⁷⁶, иногда короткие⁷⁷, иногда переходящие в форму диалога⁷⁸, они не теряют при этом своего «речевого» характера. Тематика их разнообразна. Одни речи имеют целью поднять дух воинов, призывая их к бою⁷⁹, другие — привлечь на свою сторону солдат⁸⁰ или переманить врагов⁸¹. В речах

⁶⁴ Laon. Chalc. Historiarum... ed. I. Bekker, p. 462, 497.

⁶⁵ G. Voigt. Das Wiederleben des klassischen Alterthums. Bd. II. Berlin, 1859, S. 442.

⁶⁶ Laon. Chalc. Historiarum... ed. I. Bekker, p. 309.11, 310.8, 311.20, 335.10 etc.

⁶⁷ Ibid., p. 40.1, 43.21, 308.20.

⁶⁸ Ibid., p. 310.8, 311.20, 454.20 etc.

⁶⁹ Ibid., p. 563.14 etc.

⁷⁰ Ibid., p. 395.13.

⁷¹ Ibid., p. 366.12, 333.1, 507.21, 552.5 etc.

⁷² Ibid., p. 525.2, 545.19, 553.20.

⁷³ Ibid., p. 402.7, 491.15.

⁷⁴ Ibid., p. 372.4.

⁷⁵ Ibid., p. 289.18, 106.13.

⁷⁶ Ibid., p. 409.19—411.10, 545.19—551.7.

⁷⁷ Ibid., p. 422.17, 372.3, 533.1.

⁷⁸ Ibid., p. 48.10.

⁷⁹ Ibid., p. 40.1, 392.7.

⁸⁰ Ibid., p. 43.22.

⁸¹ Ibid., p. 40.1.

выражается благосклонность⁸², угроза⁸³, обвинение⁸⁴, заносчивость⁸⁵, доблесть⁸⁶, трусость⁸⁷. Есть речи, произнесенные на военном совете⁸⁸, речи, носящие дипломатический характер⁸⁹. В речах часто излагаются условия сдачи, условия мира⁹⁰. В них говорится о личных выгодах⁹¹, о домашних делах⁹². Наконец, в форме речей передаются легенды⁹³.

К форме диалога Халкокондил прибегает чрезвычайно редко. Настоящим диалогом можно считать только одно место, а именно беседу Мурата с Хоратином⁹⁴. Другие отрывки, написанные в форме диалога, чрезвычайно кратки.

На протяжении всего труда Лаоника Халкокондила встречаются отдельные отрывки в виде самостоятельных, законченных по своему содержанию, рассказов. Их появление иногда органически вытекает из контекста, как, например, рассказ⁹⁵ «Бегство Гуниади»⁹⁶ или рассказ «О винных ягодах»⁹⁷. Иногда отдельные рассказы приводятся в качестве примеров, поясняющих ранее изложенную мысль⁹⁸, но чаще всего они служат простым продолжением предшествующего изложения⁹⁹. Некоторые из вставных рассказов иногда слабо связаны с общим содержанием. Какова бы ни была связь вставных рассказов с основным текстом, они всегда вносят свою долю, способствуя его украшению.

По своему характеру вставные эпизоды разделяются на отдельные группы. Их можно насчитать три.

К первой группе относятся те эпизоды, которые правильнее всего было бы назвать «новеллами». Содержание этих «новелл» разнообразно. Некоторые из них определенно приближаются к новеллам итальянского Возрождения, с которыми их прежде всего роднит «итальянская» тематика. Действие этих «новелл» происходит в Италии, действующие в них лица — итальянцы. И сюжет этих рассказов по своему характеру близок к сюжетам итальянских новелл. В них имеется и неверная жена, изменяющая мужу с его незаконным сыном, и выдавший их слуга, и просьбы жены за любимого, и суровая расправа мужа¹⁰⁰. В них говорится о бедствиях большого города, осажденного врагами и спасающегося выдачей врагам самой красивой в городе девушки¹⁰¹. В них рассказываются факты, позорящие духовенство¹⁰². Но трактовка этих сюжетов у Халкокондила своеобразна. В «итальянских» новеллах Халкокондила отсутствует беззабот-

⁸² Laon. Chalc. Historiarum... , ed. I. Bekker, p. 47.5.

⁸³ Ibid., p. 393.1.

⁸⁴ Ibid., p. 41.18.

⁸⁵ Ibid., p. 104.9.

⁸⁶ Ibid., p. 449.2.

⁸⁷ Ibid., p. 342.16.

⁸⁸ Ibid., p. 308.20 etc.

⁸⁹ Ibid., p. 408.19, 412.14.

⁹⁰ Ibid., p. 454.20, 486.20, 487.16 etc.

⁹¹ Ibid., p. 316.19.

⁹² Ibid., p. 289.14, 402.7.

⁹³ Ibid., p. 360.1.

⁹⁴ Ibid., p. 48.4.

⁹⁵ Названия отдельных рассказов даны автором статьи. У Халкокондила эти рассказы включены в общий текст.

⁹⁶ Ibid., p. 370.8—373.13.

⁹⁷ Ibid., p. 278.8—279.23.

⁹⁸ Ibid., p. 256.8—257.3 — «Волк»; p. 360.2—361.10 — «Заяц».

⁹⁹ Ibid., p. 267.22—269.21 — «Смерть Ладислава»; p. 358.23—359.21 — «Единоборство»; p. 304.6 — «Предсказатель Иероним»; p. 288.10—290.22 — «Новелла о жене герцога д'Эсте»; p. 562.3 — «Бык».

¹⁰⁰ Ibid., p. 288.9—290.18.

¹⁰¹ Ibid., p. 268.5.

¹⁰² Ibid., p. 302.16—304.5.

ное, радостное и легкое отношение к жизни, характерное для итальянской новеллы, даже имеющей печальный исход. Хотя Халкокондил и вводит иногда в свои «новеллы» элемент некоторой фривольности, характерный вообще для новелл Возрождения, он сопровождает это осуждением¹⁰³. Общий же тон «итальянских» новелл Халкокондила всегда серьезен, конфликт разрешается трагически: смертью наказывается за измену жена д'Эсте, смертью карается проступок Ладислава Неаполитанского¹⁰⁴.

Итальянской тематике посвящен и большой рассказ Халкокондила «Избрание пап»¹⁰⁵. Тематика этого рассказа — тематика Возрождения. Насмешка над духовенством и часто встречающимися в их среде неблагоприятными происшествиями нашла себе соответствующую параллель и в рассказе Халкокондила. Правда, мы не встретим у него ни веселого, ни недоброго смеха, так как ни то, ни другое не свойственно Халкокондилу, но он и не делает никаких попыток как-нибудь смягчить компрометирующие церковь рассказы.

Некоторые «новеллы» Халкокондил посвящает теме доблести. Так, например, в «новелле» «Волк» рисуется доблесть и ревностное усердие Гуниади, несмотря на все препятствия догнавшего и убившего волка и выполнившего этим данное ему приказание¹⁰⁶. Этой же теме посвящена и «новелла» «Единоборство»¹⁰⁷, в которой рассказывается о поединке между венгром и турком перед битвой на Косовом поле в 1448 г. Бой был жесток, и никто из противников не одержал верх. Халкокондил как будто не хочет гибели кого-либо из них, так как оба они проявили большое геройство.

Эпизод «Единоборство» дает Халкокондилу предлог рассказать еще одну «новеллу» о предопределении¹⁰⁸. Один турок однажды на охоте не смог убить спящего зайца, хотя и выпустил в него все свои стрелы. Пропушенный заяц бросился бежать, и собаки, пущенные за ним, не смогли его догнать. Этот случай научил турка не бояться смерти, так как без воли рока, по его словам, она его не постигнет.

Теме «мудрости» посвящен рассказ «Винные ягоды»¹⁰⁹. Когда испанцы осаждали Гренаду, арабы до предела нагроулили винными ягодами двенадцать мулов и привели их в испанский лагерь к Альвару. В каждую ягоду было положено по арабскому золотому, который, по словам Халкокондила, равнялся двум венецианским¹¹⁰. «Возьмет Гренаду Альвар или нет — большего количества золота он не найдет в Гренаде. Но если он, — говорили люди, приведшие мулов, — Гренады не тронет, то может еще рассчитывать на то золото, которое пришлет арабам Ливия». Испанцы согласились с предложением арабов.

Очень хороши у Халкокондила «новеллы», посвященные приключенческой тематике, весьма распространенной во времена Возрождения. Из них особенно удачна «новелла», относящаяся к Гуниади¹¹¹ и оформленная в виде очень живого рассказа.

Спасаясь от преследований турок после битвы на Косовом поле, Гуниади пробирается к Белграду. Пробирается он один. Бросив свою лошадь, Гуниади идет пешком, но, заметив вдали турецкого всадника, прячется от него в болото. Едва миновала эта опасность, как немедленно

¹⁰³ Laon. Chalc. Historiarum... , ed. I. Bekker, p. 269.20.

¹⁰⁴ Ibid., p. 269.14.

¹⁰⁵ Ibid., p. 302.16.

¹⁰⁶ Ibid., p. 256.8—257.3.

¹⁰⁷ Ibid., p. 358.23—359.21.

¹⁰⁸ Ibid., p. 360.2—361.13.

¹⁰⁹ Ibid., p. 278.8—279.23.

¹¹⁰ Ibid., p. 278.21.

¹¹¹ Ibid., p. 370.8—373.13.

угрожает другая, на этот раз — от встретившихся сербов, которые хотят убить Гуниади. Это им не удастся. Все новые опасности преследуют беглеца: объявлено, что власти ищут бежавшего Гуниади, что всех венгров приказано задерживать для опознавания. Положение становится критическим. Мучит голод. Гуниади просит хлеба у двух работающих в поле крестьян-сербов. Те, увидав венгра, хотят передать его властям. Гуниади открывает им свое имя, обещает за хлеб и за помощь деньги и земли. Крестьяне соглашаются ему помочь, спрятать его, а затем показать дорогу на Белград. Они прячут Гуниади в саду, в сарае с мякиной. Но, поссорившись ночью друг с другом, они утром выдают Гуниади властям. Ему удается все же спастись и благополучно вернуться на родину.

Вторую группу вставных эпизодов составляют рассказы о пророчествах и чудесах. Их немного, так как сам Халкокондил в чудеса как будто и не верит, хотя и проявляет некоторую склонность к суеверию. К этому разряду вводных эпизодов можно отнести рассказ о пророчестве Сивиллы, будто бы правильно определившей число византийских императоров и патриархов и тем самым будто бы предсказавшей время гибели Константинополя¹¹².

К этой группе рассказов относится и рассказ о драконе, который съедал в Милане мужчин и не трогал женщин, и о том, как его уничтожил родоначальник правящего в Милане дома¹¹³. В рассказе «Бык» говорится о чудесном быке, который соединял тела перерубленных турками пополам защитников Метоны.

Рассказы о чудесах настолько не вяжутся со всем содержанием и тоном «Истории» Халкокондила, что приходится удивляться, почему они помещены. В известной мере их наличие можно объяснить тем, что Халкокондил сделал уступку вкусу читателя, ищущего в чтении развлекательности. Но то, что оказывалось уместным в «Хронике» Малалы и т. п., оказалось совершенно не на месте в таком произведении, как «История» Лаоника.

Третью группу вставных эпизодов составляют рассказы Халкокондила о различных народах. Это — яркие, самостоятельные и ценные по своему содержанию отрывки. В них говорится о разных странах, о населяющих эти страны народах, о занимаемой ими территории, об особенностях их быта и языка. Вводя такие рассказы, Халкокондил учитывал интерес своих современников к знакомству с различными странами мира. Ведь время жизни Халкокондила предшествовало времени великих географических открытий, а время его смерти совпало со временем открытия Америки. Наличие у Халкокондила таких описаний вполне закономерное явление для автора, стоящего на высоте современных ему интересов. В «Истории» Халкокондила упомянуто очень много стран. Он говорит об Англии¹¹⁴, Богемии¹¹⁵, Боснии¹¹⁶, Венгрии¹¹⁷, Германии¹¹⁸, Дании¹¹⁹, Испании¹²⁰, Литве¹²¹, Польше¹²², Пруссии¹²³, Португалии¹²⁴, России¹²⁵,

¹¹² Laon. Chalc. Historiarum. . . , ed. I. Bekker, p. 396.19.

¹¹³ Халкокондил называет его *Μαριάγγελος* и считает по происхождению британцем. Ibid., p. 192.9.

¹¹⁴ Ibid., p. 92.8.

¹¹⁵ Ibid., p. 133.9.

¹¹⁶ Ibid., p. 248—10, 534.13.

¹¹⁷ Ibid., p. 72.8.

¹¹⁸ Ibid., p. 70.1.

¹¹⁹ Ibid., p. 77.7, 77.21.

¹²⁰ Ibid., p. 274.18, 467.10.

¹²¹ Ibid., p. 134.11.

¹²² Ibid., p. 134.1.

¹²³ Ibid., p. 132.11.

¹²⁴ Ibid., p. 275.5, 280.10.

¹²⁵ Ibid., p. 130.15.

Франции¹²⁶, говорит, хотя и значительно меньше, о Египте¹²⁷, Палестине¹²⁸, Сирии¹²⁹, Индии¹³⁰.

Рассказы о различных странах мира начинаются обычно с указания их границы. Очень часто называются те народы, которые соседствуют с данной страной. Большое внимание обращает Халкокондил на то, как управляется та или другая страна. Халкокондил считает нужным упомянуть и о языках разных народов, поставить их в связь с другими языками или, наоборот, указать на их различие между собой. Халкокондил, в частности, подчеркивает близкое родство различных славянских языков. Халкокондил хорошо разбирается в этих вопросах. Он считает одинаковыми языки Германии и Пруссии, видит сходство и различия между французским и итальянским, видит особенности английского. Близким к итальянскому, но очень испорченным, считает Халкокондил язык даков. Очень знаменательным является свидетельство Халкокондила о литовском языке: Халкокондил не может сблизить его с каким-либо другим, ему известным, что опять-таки указывает на его хорошие знания в области лингвистики.

В этих рассказах затрагиваются и особенности характера разных народов, говорится об их обычаях, оружии, быте. Особенно обращает на себя внимание интерес Халкокондила к городам. Он упоминает о больших и богатых городах Германии, Италии, Испании, Литвы, Пруссии, Франции. Отдельные самостоятельные рассказы посвящаются Венеции, Валенсии, Флоренции, Гренаде, Болонье. Халкокондил говорит и о городах Индии, Египта. Особенно подробны его сведения о Венеции, и в частности об организации в ней управления¹³¹. В связи с описанием Лондона Халкокондил останавливается на вопросе о причинах приливов и отливов¹³². И характерно: Халкокондил говорит об этом (о поднятии воды в Темзе) не просто как о каком-то удивительном явлении природы, а использует его как подходящий повод для философского размышления о проблеме движения вообще. Такой подход к явлению природы еще раз указывает на то, что при рассмотрении интересующих его вопросов Халкокондил стоял на уровне современной ему науки. Нельзя забывать, что он писал накануне открытия закона всемирного тяготения.

Таковы некоторые из особенностей исторического сочинения Лаоника Халкокондила, одного из самых выдающихся поздневизантийских историков.

¹²⁶ Laon. Chalc. Historiarum. . . , ed. I. Bekker, p. 85.5.

¹²⁷ Ibid., p. 142.19.

¹²⁸ Ibid., p. 142.23.

¹²⁹ Ibid., p. 125.2.

¹³⁰ Ibid., p. 163.6.

¹³¹ Ibid., p. 193.14.

¹³² Ibid., p. 94.9.

П. В. ЕРНШТЕДТ

СРЕДНЕПЕРСИДСКОЕ В ГРЕЧЕСКИХ И КОПТСКИХ
ПАПИРУСАХ

I

1. СРЕДНЕПЕРСИДСКИЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ
ДОЛЖНОСТИ САСАНИДСКОГО ВОЕНАЧАЛЬНИКА
В ГРЕЧЕСКИХ ПАМЯТНИКАХ

О. Ганзен в статье о среднеперсидских папирусах Берлинского собрания¹, появившейся в 1938 г., перечисляет известные ему греческие папирусы, упоминающие сасанидских персов. К этому перечню следует прибавить два папируса: (а) папирус, изданный мною в 1921 г.², но не содержащий очевидных образцов среднеперсидского языка, и (б) папирус, изданный Фр. Кребсом в 1898 г.³ В последнем встречается несколько персидских имен собственных, среди них имена Шапур (Šāpūr), Σαβοῦρ, и Хварре-Хусрō (Khvarreh-Khusrō), Хоро Хосро⁴, отождествление которых самоочевидно, но кроме них еще сочетание из имени собственного и предшествующего ему титула. Я имею в виду сочетание *σαραλακχοζαν*, читаемое в конце следующего заголовка:

† Γνωστis τῶν δοῦ(έντων) εἰς τὸ μαγεῖρ(εῖον) τοῦ δεσπότη(του) ἡμῶν τοῦ πανευφῆμου Σαραλακχοζαν.

Очевидно, что сочетание букв *σαραλακχοζαν* следует читать как два слова *σαραλα* *Κροζαν*, отождествляя их со среднеперсидскими словами *sālār* *Kāūsaghān*.

Приведенный заголовок следует переводить так: «Перечень (всего) того, что было сдано в кухню нашего господина, всеславного военачальника Кеоксан».

Речь идет о том самом родовом имени *Kāūsaghān*, на которое, как упоминаемое Фавстом Византийским, ссылается А. Кристенсен⁵, говоря, что феодальная знать состояла, вероятно, не исключительно из семи великих родов.

¹ Olof Hansen. Die mittelpersischen Papyri d. Papyrussammlung d. Staatlichen Museen zu Berlin. Abhandlungen d. Preussischen Akademie d. Wissenschaften, Jg. 1937. Philos.-hist. Klasse, № 9. Berlin, 1938.

² П. В. Ернштедт. Памятники греческой речи Египта. Известия Российской Академии наук. Пр., 1921, стр. 677—724.

³ Aegyptische Urkunden aus den k. Museen zu Berlin. Griechische Urkunden, Bd. 2, 1898, № 377.

⁴ Berichtigungsliste d. griechischen Papyrusurkunden aus Ägypten. Berlin u. Leipzig, 1922, S. 42.

⁵ A. Christensen. L'Iran sous les Sassanides³. Copenhagen, 1944, p. 106.

Но персидское слово *sālār* «военачальник» отражено по-гречески не только в виде *σαραλας*, или, первоначально, *σαλαρας. Другой путь его грецизации вел по линии словообразовательного типа *-άριος*: получалось *σελλάριος* с народноэтимологическим намеком на греческое, латинского происхождения, слово *σέλλα* «седло». Слово *σελλάριος* в смысле *sālār* читается повторно в Житии мученика Анастасия Перса⁶.

2. СРЕДНЕПЕРСИДСКОЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ СРЕДНЕГРЕЧЕСКОГО СЛОВА
ῥουζικόν «ДНЕВНОЕ ДОВОЛЬСТВИЕ» И НОВОГРЕЧЕСКОГО СЛОВА *ρίζα*
«ДОЛЯ-УДЕЛ, СУДЬБА»

Слово *ῥουζικόν* «дневное довольствие», в издании греческих папирусов арабского времени⁷, возведено историком Беккером к среднеперсидскому слову *rūzek* «дневное довольствие» (от *rūz*, «день»), попавшему в Египет во время кратковременного (619—629 гг.) господства там сасанидских персов. Помимо издания Беккера, это слово встречается также повторно в греческих папирусах арабского Египта (VIII в. н. э.)⁸.

Мне неизвестно, существует ли слово *ῥουζικό(ν)* «дневное довольствие» посейчас в новогреческих говорах именно в таком, не считая только *-ν*, звуковом составе. Но в другом облике его во всяком случае можно и следует считать существующим и посейчас, а именно допуская, что оно претворилось в слове *ρίζα* «доля=судьба». М. Р. Фасмер полагал⁹, что слово *ρίζα* «доля=судьба» производно от слова *ρίζα* «корень» и восходит к сочетанию *ρίζα *λιθάρι*, как образному обозначению того подводного камня, наталкиваясь на который моряк и его судно обретают свою судьбу.

Мнение М. Р. Фасмера окажется не заслуживающим предпочтения, если учесть, что в языке арабов, с которыми греки соприкасались в течение ряда веков не только на поле сражения, имеется существительное *rizk* (un) со значением «доля — то, чем наделяют при дележе» и «доля = участь, удел, судьба». Именно к арабскому слову *rizk* (un) следует возводить новогреческое слово *ρίζα* «доля, участь, судьба», как обнаруживающее словообразовательную грецизацию в смысле сближения его конца с суффиксом *-ικός*, а корневой его части — со словом *ρίζα* «корень».

Джон Шмитт, упоминая, в подстрочном примечании на стр. 390 своей вышеназванной статьи, о наличии в арабском языке слова *rizk*, привлекает сообщенное ему устно суждение Ганса Штумме о значениях арабского

⁶ Acta martyris Anastasii Persae, ed. H. Usener. Bonn, 1894, a, 22, 31; b, 4; 8, a, 12; 10, a, 12.

⁷ C. H. Becker. Arabische Papyri d. Aphroditofundes. Zeitschrift f. Assyriologie u. verwandte Gebiete, Bd. 20, 1906, S. 68—104; S. 93.

⁸ Greek Papyri in the British Museum. Catalogue, with Texts, vol. 4: The Aphrodito Papyri, ed. by H. I. Bell. London, 1910. Папирусы 1335, 5; 1404, 7; 1407, 2; 1434, 165; 1435, 122.

⁹ М. Р. Фасмер. Греческие заимствования в русском языке. Греко-славянские этюды. III. СПб., 1909, стр. 166.

М. Фасмер указывает, что путь от *ρίζα* к русскому слову «риск» ведет через латинское *risicum* и французское *risque*, а в конечном итоге слово «риск» восходит к новогреческому *ρίζα* (scil. *λιθάρι*): *ρίζα* „Fuss des Berges, Klippe“. Дальше М. Фасмер замечает: „к значению подробно: [John] Schmidt, [ῥίζα — *risico*], Misc. Ascoli 389 (=Miscellanea linguistica in onore di Graziadio Ascoli. Torino, 1901), ошибочно Mazzepauer 294, Körting³ 824“. — О восточном происхождении М. Р. Фасмер в указанном сочинении не говорит.

слова. Относительно последних Г. Штумме отмечает, что они подходят к значению греческого слова $\rho\acute{\iota}\zeta\iota\chi\acute{o}$, но «тем не менее он [=Штумме] не склонен уточнять взаимоотношение, — если таковое вообще существует, — между греческим и арабским словами». Полагаю, что осторожность Штумме обусловлена тем, что он, наивным образом, придерживался мнения о доподлинной генетической связи слова $\rho\acute{\iota}\zeta\iota\chi\acute{o}$ со словом $\rho\acute{\iota}\zeta\alpha$ «корень» в отличие от признания за данной связью характера народной этимологии.

В качестве фактора, способствовавшего подмене конца арабского слова греческим суффиксом $-\acute{\iota}\chi\acute{o}\varsigma$, следует учитывать то, что в арабском слове произносился звонкий согласный [z], несмотря на незвонкость следовавшего за ним согласного, в то время как у греков звонкость конца слога была допустима только перед звонкими же согласными или перед гласными.

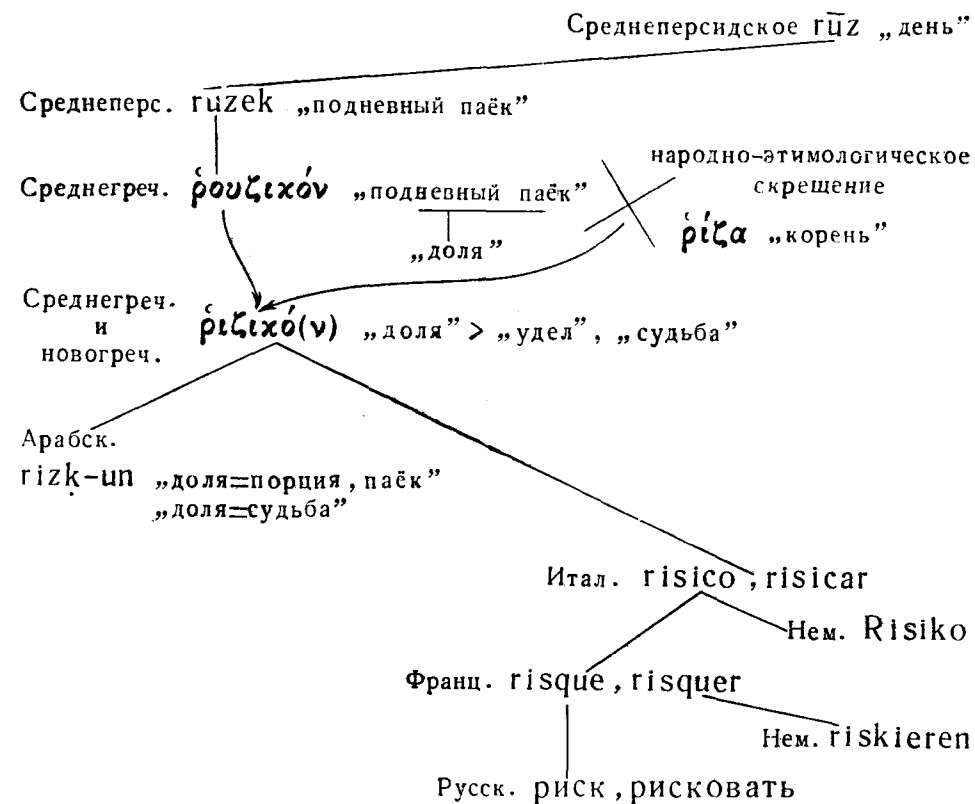

Таблица преемственности согласно первой из учтенных возможностей (к стр. 221).

Сочетание $*\rho\acute{\iota}\zeta\iota\chi\acute{o} \lambda\iota\theta\acute{\alpha}\rho\iota$ не только нигде не засвидетельствовано, но и нет убедительного основания предполагать его когда-либо существовавшим. Предположение о сочетании $*\rho\acute{\iota}\zeta\iota\chi\acute{o} \lambda\iota\theta\acute{\alpha}\rho\iota$ объясняется только тем, что об арабском источнике слова в свое время не думали.

Арабское слово $\text{g}\bar{\text{u}}\text{z}\text{k}-\text{un}$ со своей стороны представляется словообразовательным преломлением того среднеперсидского слова $\text{g}\bar{\text{u}}\text{z}\text{ek}$, к которому восходит папирусное, VIII в., слово $\rho\acute{o}\upsilon\zeta\iota\chi\acute{o}\nu$ «дневное довольствие».

В языках государств современной Европы арабское слово $\text{g}\bar{\text{u}}\text{z}\text{k}-\text{un}$ имеет, при посредстве средне- и новогреческого слова $\rho\acute{\iota}\zeta\iota\chi\acute{o}$, продолжателя в виде итальянского risico , французского risque , risquer , откуда немецкое riskieren и русское «риск, рисковать».

Таким образом, приходится считать последовательность появления слова $\rho\acute{\iota}\zeta\iota\chi\acute{o}$ в новогреческом языке обратной той последовательности, которая предположена Г. Мейером, возводящим¹⁰ слово $\rho\acute{\iota}\zeta\iota\chi\acute{o}$ к итальянскому слову risico .

Следует полагать, что в средние века произошло два процесса: (а) из среднеперсидского языка (ср. слово $\text{g}\bar{\text{u}}\text{z}\text{ek}$ «дневное довольствие») взято греками, во время их сношений с государством Сасанидов, среднегреческое слово $\rho\acute{o}\upsilon\zeta\iota\chi\acute{o}\nu$ «дневное довольствие»; (б) среднегреческое слово $\rho\acute{o}\upsilon\zeta\iota\chi\acute{o}\nu$ в дальнейшем дало в греческом языке, с народноэтимологической переделкой в направлении слова $\rho\acute{\iota}\zeta\alpha$ «корень», слово $\rho\acute{\iota}\zeta\iota\chi\acute{o}$ «доля = судьба», живущее у греков по сей час, а далее (в) у греков взято арабами слово $\text{g}\bar{\text{u}}\text{z}\text{k}-\text{un}$ (1) «доля = дневное довольствие»; (2) «доля = судьба».

Автору не вполне ясно, необходимо ли рассматривать, согласно с только что сказанным, арабское слово $\text{g}\bar{\text{u}}\text{z}\text{k}-\text{un}$ именно как заимствование из греческого языка ($\rho\acute{\iota}\zeta\iota\chi\acute{o}$) или же его следует считать персидским заимствованием ($\text{g}\bar{\text{u}}\text{z}\text{ek}$), подведенным арабами под их соответствующий словообразовательный тип. В таком случае гласный [i] появился у греков и у арабов вне зависимости одного языка от другого.

II

ДВА КОПТО-ФАЙЮМСКИХ ДОКУМЕНТА СОБРАНИЯ ГМИИ¹¹ НА ПАПИРУСЕ ВРЕМЕНИ САСАНИДСКОЙ ОККУПАЦИИ ЕГИПТА:

1. Запись календарных дат выдачи зерна,
2. Юридический документ о предметах вооружения.

Фрагмент папирусного листа (шифр I 16 609, инв. № 4906) примерно четырехугольный, исписанный с обеих сторон, на recto вдоль волокон, на verso против волокон, одним и тем же почерком, крупным уставом. Размеры: высота 250 мм, ширина 124 и 110 мм.

Последовательность строк verso обратна последовательности их на recto. Это значит, что тот край листа, который при прочтении recto являлся верхним, при чтении verso являлся нижним, иначе говоря: для перехода от recto к verso и обратно нужно перевернуть лист не справа налево, а вертикально от себя. Первоначальный край листа сохранился только над началом текста recto и под концом текста verso. Левый край recto почти прямолинеен и, может быть, происходит от вторичного обреза, которому лист был подвергнут, когда его приготавливали для использования verso. В согласии с этим находится факт наличия совсем узких полей влево от строк verso. Recto сплошь покрыто письмом, значительно побледневшим или стертным, вследствие чего текст первых двадцати строк читается с трудом.

¹⁰ G. Meyer. Neugriechische Studien, IV: Die romanischen Lehnworte im Neugriechischen. Sitzungsberichte d. Akademie d. Wissenschaften zu Wien. Philos.-hist. Classe, Bd. 132. Wien, 1895, S. 76 ff.

¹¹ Государственного музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина, в Москве.

а в строках 21—31 почти вовсе недоступен прочтению. В отличие от recto, письмо на verso сохранило первоначальный черный цвет чернил. Здесь чтение затруднено только дырками от червоточины в самом папирусе, которыми фрагмент испещрен. Дырки приходится преимущественно на складки, пролегающие в направлении строк, и по их расположению мы можем проследить, что по сохранившейся части листа проходило 13 складок.

Пошиб письма весьма близок к тому, которым отличается уже изданное фэйюмское письмо RyI. № 413, таблица 3¹². Между формами букв тут и там сходство поразительное. Это относится к буквам а, е, л, н, п, ф, ω; к другим — в меньшей степени; так, форма κ там довольно обычная, между тем как здесь она существенно приближается к той форме, которая характеризует письмо Коридетского кодекса¹³. Буква ρ в RyI. № 413 имеет нормальную форму, тогда как у нас ее отличает почти полное отсутствие извилины, обращенной влево. Тем не менее можно сказать, что датировка нашего папируса (о ней см. ниже) всецело подтверждает предположительную датировку Крамом RyI. № 413 VI—VII вв. н. э., уточняя ее в смысле отнесения RyI. № 413 к VII в.

Текст был с обеих сторон размещен столбцами. На recto они представлены в числе двух, неполных по ширине. Первоначально они были шире, чем на verso. В первом столбце recto обломаны начала всех строк. Дополнение возможно только частичное. От второго столбца recto осталось только по несколько начальных букв каждой строки. Сохранившаяся часть первого столбца все же позволяет определить в основном характер содержания текста. Промежуток между столбцами очень незначителен, 7—17 мм, и по нему пролегал клейка.

На verso хорошо сохранились головные части строк, но обломаны концы большинства их. Справа от нескольких строк явно сохранилось свободное место, свидетельствующее о сохранности всего состава строки или возможности измерить всю ее длину. В силу этого оказывается возможным установить размеры лагун, где концы обломаны, а в некоторых случаях удаются и их восстановление.

Влево от текста verso, как уже сказано, имеются узкие поля; они могли бы относиться к интерколумнию, поскольку пропажа на recto довольно значительной части начала строк свидетельствует о том, что влево от текстов обеих сторон лист когда-то был значительно шире. Но характер левого края при ближайшем его изучении указывает скорее на то, что папирус здесь не обломан, а обрезан. А если это верно, то обрез произошел при приготовлении листа для его вторичного использования на verso, уже в укороченном размере. В отличие от этого края внизу recto несомненно полом. Следствием полома было то, что на recto утрачены концы обоих столбцов, а на verso — начало единственного там столбца.

Последние три строки verso, отстоящие на 15 мм от последней, неполной, строки основного текста, содержат датировочную запись. В ее сохранившейся части мы читаем имя и звание писавшего, затем дату, а именно число и месяц написания. Дальше страница свободна от письма. Из всего этого вытекает, что перед нами конец документа. Следует думать, что вверху verso пропала значительная часть его текста, наверное даже много более значительная, чем сохранившаяся. А поскольку верхний край verso является

¹² W. E. Crum. Catalogue of the Coptic Manuscripts in the Collection of the John Rylands Library, Manchester. Manchester, London, 1909.

¹³ Г. Ф. Церетели. Коридетская рукопись и ее греческие приписки. Тбилиси, 1937, стр. 30 и таблицы.

нижним краем recto, нужно допустить, что значительности части текста, пропавшего на verso, могли отвечать столь же значительные размеры той части текста recto, которая следовала за плохо читаемой частью его текста, прерванной поломом.

Если о длине строк датировочной записи мы будем судить по длине строк текста самого документа, то для дополнения придется остановиться на минимальном числе букв, а именно в первой строке — 4, а во второй — 3. По всей вероятности, так оно и было, тем более что на случай использования поверхности verso, отвечавшей второму столбцу recto, было нежелательно заходить в пределы возможного дальнейшего, тогда еще не заполненного, столбца. Но даже если мы допустим на один момент, что за указанием месяца следовал еще индикт, то сразу получим лишнюю проверку правильности только что указанного краткого дополнения. Дело в том, что для индикта требовалось максимально 6—7 лишних букв ιτς(ε) π κ... т. е. слишком мало места для того, чтобы соответственно расширить дополнение 18-й строки verso (= первой строке датировочной записи).

Для распределения восстанавливаемого текста по строкам следует учесть, что пишущий обрывал слова в конце строк на любом месте, ни в какой мере не считаясь с делением на слоги. Ср. verso 1/2, 6/7; 8/9, 11/12, 16/17. Этот способ переноса, уже известный нам по фэйюмскому же тексту, изданному Л. Штерном¹⁴, коренится в соответствующем обыкновении литературного устава, как он представлен Коридетским кодексом (см. выше).

Диалект обоих наших текстов — также фэйюмский. Место написания (см. verso 19/20) — селение Пшанти, уже известное из папируса,¹⁵ написанного на том же диалекте.

О содержании документа на verso трудно судить с достаточной определенностью по оставшейся от него части. Пока недостающая часть листа, содержавшая головную часть документа verso, не обнаружена, значение и интерес, представляемые папирусом, лежат в некоторых частностях, не касающихся его юридической и экономической сущности. Но характер этих частностей ставит наш папирус в ряд с исторически важными памятниками. На verso 5 мы читаем слово *πέρσις* «персы», указывающее, наряду с палеографическими данными, на то, что речь идет о персах, оккупировавших Египет в 619—629 гг. н. э.¹⁶ В этой же связи ценен другой факт: в ряде дат на recto, состоящих из упоминания такого-то числа такого-то месяца, на месте ожидаемого названия одного из египетских месяцев читается слово *σαρδ*, взятое из языка оккупантов, где оно обозначало название одного из месяцев. Ведь ни в числе коптских, ни в числе арабских названий месяцев нет такого названия, звуковой состав которого хоть сколько-нибудь напоминал бы состав звуков, соединимый с написанием *σαρδ*. Последнее может быть отнесено только к обозначению новогоднего иранского месяца *pau'sard* (نو سرد). При этом приходится полагать, что отклонения коптской буквенной передачи от ожидаемой коптской передачи звук за звуком и слог за слогом подлинного зву-

¹⁴ L. Stern. Faijumsche Papyri im ägyptischen Museum zu Berlin. Zeitschrift f. ägyptische Sprache u. Altertumskunde, Bd. 23, 1885, S. 23—44, S. 34 (V).

¹⁵ W. E. Crum. Catalogue of the Coptic Manuscripts in the British Museum. London, 1905, № 624, 2.

¹⁶ См. M. Gelzer. Studien zur byzantinischen Verwaltung Ägyptens. Leipziger historische Abhandlungen, Hft. 13. Leipzig, 1909, S. 31.

кового состава иранского слова должны быть отнесены за счет воспроизведения последнего по слуху, как акустического целого¹⁷.

Многочисленное упоминание иранского обозначения месяца на recto, наряду с упоминанием персов на verso, не оставляет никакого сомнения в том, что оба содержащиеся в папирусе текста написаны в пределах упомянутого десятилетия, в продолжение которого персы были хозяевами страны. Сюда же нужно отнести и тот факт, что в 12-й строке первого столбца recto читается сочетание ⲛⲉⲥⲁⲟⲩⲩ , в котором мы должны признать персидское личное имя *Siāvuš*, из числа тех почерпнутых из мифологии имен, употребление которых было характерно для времени заката сасанидского государства. Упомянутое сочетание букв стоит, правда, рядом с лакуной слева, и ввиду этого наличие в нем имени собственного со стороны смысловой связи не безусловно обеспечено. Однако, в то время как следующая за словом ⲛⲉⲥⲁⲟⲩⲩ часть строки представляется состоящей из обычных коптских слов и форм, само это сочетание не поддается опознанию как слово или словосочетание файюмского диалекта.

На самый характер внедрения названия месяца наусард = даусати бросает свет то обстоятельство, что ⲛⲟⲩⲥⲣⲁ является обозначением того месяца, который в ономастике официального зороастризма назывался фравартин (22.III—24.IV). Из этого, видимо, следует, что подстановка иранского слова вместо египетского осуществилась не путем декретирования, а в порядке живого языкового общения. Об этом же свидетельствует уже выше отмеченный звуковой состав коптской передачи. Далее надо учесть, что начальные и конечные даты персидских месяцев с такими датами египетских месяцев не совпадают. В частности, в месяце фравартин-наусард первые 5 дней падали на конец египетского фаменот, а все остальные — на месяц фармути (27.III—25.IV). Тем самым факт доказанного внедрения хотя бы только одного иранского месяца чреват вопросом, как при этом было поступлено в отношении несовпадения конечных и начальных дат: были ли переняты только новые названия, причем оставались неизменными местные сроки подразделения года на месяцы, или же новый календарь был перенят со всеми своими подробностями. Вторая сторона альтернативы обозначала бы сосуществование двух календарей, каждого со своими сроками и со своими названиями. Ведь египетский календарь, как известно, не сошел со сцены и после арабского завоевания. Наш документ показывает, что пользование иранским календарем не означало отказа от египетского даже для той среды, которою был усвоен (частично?) новый календарь: в заключительной датировочной записи документа на verso писцом-коптом указан день и месяц по-коптски — 28-е паапи (=фаофи) = 24-е октября. Но применение различных календарей, иранского — в первом по времени из читаемых текстов, египетского — во втором, можно было бы предположительно поставить в связь с различием в назначении или в степени официальности каждого из текстов. По этому поводу см. ниже сказанное о их содержании. Сюда же, по всей вероятности, следует отнести и то обстоятельство, что, как мы выяснили выше, упоминание индикта в дате на verso не содержалось. Ввиду этого нет возможности приурочить написание помещенного на verso документа к определенному году. Но упоминание 15-го индикта в заглавной строке recto дает нам

¹⁷ Сюда относится не проявление, в коптской передаче, иранского [r] перед смычным, а также подмена начального носового омоорганым смычным. Именно по поводу последнего я и говорю об акустической целостности, так как данная подмена не может не стоять в связи с наличием имплозии в заключительном слоге иранского *pau'sard*, который, как ударяемый, акустически довлел над первым для иноязычного слуха. Кстати, ударение, конечно, и у коптов покоилось на втором от конца слоге: *tau'sati*.

terminus post quem. Ведь в нашем случае ничто не противоречит предположению о том, что правило об использовании сначала recto, а затем verso было соблюдено и на этот раз. Это предположение подтверждается плохой степенью сохранности recto, объясняющейся нахождением его текста на внешней стороне свитка, свернутого от головной части verso к его концу так, что текст verso с тех пор находился внутри. Дело в том, что край над первой строкой recto на всем протяжении ширины фрагмента остался неповрежденным и, несомненно, является первоначальным краем листа, как он вышел из мастерской или же как он был приготовлен писавшим в целях первичного использования листа.

Первая строка recto не заполняет всей ширины столбца, будучи букв на шесть короче, чем остальные строки начиная со второй, и вдобавок оканчивается тем же значком, что и заключительная дата на verso, т. е. двумя наискосок поставленными черточками. Из сказанного необходимо заключить, что эта первая строка служила заголовком ко всему тексту, следовавшему за ней на recto. Этот текст состоит из длинной серии предложений, сказуемыми которых являются формы 1-го лица перфекта глагола ⲛⲉⲥⲁ «давать, платить». Вся серия этих записей относится к выдаче лицам, тут же поименованным, сельскохозяйственных продуктов. В сохранившейся части текста представлена только пшеница (ⲥⲟⲩⲁ), в количестве, сообщаемом в виде указаний мер сыпучих тел ⲁⲛⲓ = ойпе и ⲁⲗⲁϩ = артаба. Выдачи производятся в обмен (предлог ⲑⲁ «за») на вино, в качестве указания меры которого употреблено слово ⲩⲓ «мера». Мера ⲁⲛⲓ «ойпе» представлена в виде двух разновидностей: ⲁⲛⲓ ⲛⲁⲗ «большой ойпе» и ⲛⲁ ⲛⲁⲛⲓ «малой ойпе». Сопоставив эти записи с тем, что в первой строке между словами ⲛⲉⲥⲁ ⲛⲉⲥⲁ «15-го индикта» и лакуной слева читаются буквы ⲓⲟⲩⲁ (из которых буква ⲁ дополнена писцом над строкой), нам естественно будет предположить, что ближайшей пропавшей в лакуне буквой была ⲥ , дающая вместе с ⲓⲟⲩⲁ слово ⲥⲓⲟⲩⲁ «пшеница» и что пшеница действительно была единственным продуктом, о выдаче которого гласили следующие за заглавием календарные записи. После сказанного ясно, что должно было предшествовать в заглавии слову ⲥⲓⲟⲩⲁ : это было либо слово со значением «счет», либо — «перечень», т. е. ⲧⲉϭⲓⲟⲩⲉⲥ или ⲛⲓⲟϭⲟⲥ . Таким образом, заглавие гласило примерно следующее:

[ⲛⲓⲟϭⲟⲥ ⲛⲉⲥⲁ] ⲓⲟⲩⲁ ⲛⲉⲥⲁ ⲛⲉⲥⲁ //
«Счет пшенице 15-го индикта».

Такой «счет» (или «отчет») не мог быть написан много времени спустя после сроков, к которым записи относились. Наверное, они велись еще в течение самого 15-го индикта, падающего на 625/626 г. н. э. Если месяц наусард = даусати и в то время имел те же сроки, как и теперь, т. е. 22 марта—21 апреля, то упоминаемые в записях даты лежат в пределах второй декады апреля 627 г. н. э. Мы не знаем, были ли записи доведены до конца 15-го индикта, т. е. до июня или июля 627 г., или они переходили в новый цикл. Следовательно, мы также не знаем, через сколько времени оборот папируса мог служить нанесению другого текста, того, который частично читается нами на verso теперь. Но мы можем сказать, что recto, содержащее более древний текст, было заполнено не раньше конца апреля

627 г., а verso, содержащее более поздний текст, датированный 24 октября без указания года, было заполнено в один из трех годов — 627, 628 или 629. Из этих трех годов 629-й, будучи годом освобождения Египта от персов¹⁸, наименее вероятен. Таким образом, можно считать, что первый текст написан в 627 г., а второй либо в том же году, либо в следующем, 24 октября.

Recto,
первый столбец

5
10
15
20

σ]ου^α ντστ νῑε //
]φαναϊαϊβαλ νπαων
]ν// αιτ̄ ῑη ναῑπι νατ
]νδαουσατ̄ πεβατ
σ]ουα ρα ῡδ νωι νηлт а
]νсоу κ̄η νδαουσατ̄
].αμ πωη νса ... ω
]ανεω νάλκη νδαου
πω]η νсrноу πιαται νсаτ
αι]τ̄ λακ β̄ νсoncinou
].τ̄ αιτ̄ ουлтау соυα .λα^{ρον}
πω]η νсiαουω νка ναῑπι ν
]ῡδ νлтау νсоуα ν
ν]соу κ̄ς νδαουσατ̄
ρ]α ῡδ νωι νηлт απεс
]ε νδαουσατ̄ ага ке
αι]τ̄ ουлтау νсоуα ν
]г νδαουс[α]τ̄ .....
π]ωη νсаη ..... ου
]т сρληи πнас νηи
ν]αῑπι .....
]. .... νδαουσατ̄
]α .....

Следуют следы еще 9 строк.

Recto,
второй столбец

5
10
15
20

μ.[
αου[
α.[
μ.[
πα[
α.[
ρε[
αα.[
νπ[
αρ[
σα[
αρ[
ν.[
α.[
αι.[
αο[
αριου
αιν.[
ντατο[ν
ναι[π]ι να[τ
νсоу .[
[.]κ[

Следуют следы 7 строк.

Verso,
(начало обломано).

5
10
15

.π[.]ε . . . . нт хе ψ[αλεπ]
ετρε ага мина ψαουπωτ [̄
как апа аноуп μπ̄β ν.[
ταλκαу петερεοлк елау .
хе аτειу ниперснс εтβε ху
саτп ερωκ νβανонуп ψαλεп
ετρε чи фок аоуω чт пет
εχετ̄ λωκος елау хе [..т]
ειу ερουν φω[κ] εσω[π] ε[λε]
10 аноуп̄ оу«поу»εω ωлк εν
ωαуτ̄ олокохи β̄ μπетре ν
чпωт neу натаνεω
ага εσωп̄ елеанонуп̄ оуε
ω чи фок [н]εу ψαουил.[
15 мпа^{оу} а.πεταуτ̄ λω[ко]
с елау аоуω нчт̄ πλιμα [нτ]
чтμнн μπетре

(следует свободное место высотой в 15 мм)

20

ανακ мина плеуω[ω аic]
ρεи νсоу κη мпаапи ρ[μ π]
ψанτ̄ //

Далее до нижнего края свободная от письма поверхность папируса высотой в 85 мм.

ПРИМЕЧАНИЯ

Recto. Столбец первый

1. О вероятном дополнении см. выше.
2. Эта строка мне непонятна.
3. Сочетание **απι νατ** «большая ойпе» читалось, по-видимому, также во II столбце recto 20. Прилагательное **νατ** «большой», характерное в этом звуковом составе для Файюма, в отличие от форм **νοβ** и **ναβ** других диалектов, впервые засвидетельствовано здесь в коптском тексте

¹⁸ Ср. также А. J. Butler. The Arab Conquest of Egypt. Oxford, 1902, p. 69—92: The Persian Conquest.

с ожидаемым для диалекта гласным [ä]. Крам отмечает в своем словаре¹⁹ для Файюма форму **нот**. Ее гласный не может отражать диалектную норму произношения и должен объясняться той или иной степенью влияния (фонетическое скрещение с формой **ноб** или только орфографическое приближение к ней) со стороны внефайюмской формы. В качестве составной части местного имени собственного файюмского урочища данная форма прилагательного **нат** читается в греческом документе P. Ross. Georg.²⁰ 584 г. н. э.: ἐν τόπῳ καλοῦμένῳ Πισάουατρὰς κλήρου λεγομένου Πνατῖώει. Имя Πνατῖώει, очевидно, значит «Великое Поле». Названный только что советский папирус P. Ross. Georg., III, № 39, 584 г. н. э. переиздан в расширенном составе, т. е. воссоединенный с луврским фрагментом *Sammelbuch griechischer Urkunden aus Ägypten*, I, 1915, № 4489, в моей статье «Два греческих папируса византийского периода из советских собраний», ВДИ, 1952, вып. 2, стр. 201—215.

4. Если чтение **пѣнат** можно признать правильным, то строка означала «месяц даусати». Как бы то ни было, характер слова даусати как обозначения месяца и без того не подлежит сомнению благодаря тому, что в строках 6-й и 14-й этого же столбца ему предшествует сочетание **нсот** «числа» + двузначное сочетание числовых букв, а в строке 8-й перед ним стоит существительное **ални** «последний день (месяца)».

5/6. Дополнить перенос следует **а** [пес, см. строка 15.

7. Имя собственное личное прочтению не поддается.

8. **анещ**. Если **анещ** = **анащ** «клятва», то непонятно, какое отношение имеет такое значение к данному контексту. Контекст verso 12 едва ли близок.

9. **српнот** имя собственное? = **серне** = Σέρηνος.

нсаг — также имя собственное, часть которого, вероятно, перенесена на следующую строку.

10. **лаз**, вероятно, мера **лок**.

сонснот имя собственное?

11. **лтаг** = **ртов** «артаба». — Конец строки лексически неясен.

12. **саотш**, см. описание папируса.

на палп «малая ойпе». Сравни строку 3: **алпн нат**.

13. **отлтаг нсота**, сравни строку 17.

15. **анес** = сайдское и бохайрское **анас**.

19. Имя собственное, может быть, то же, что в строке 10.

Recto. Столбец второй

17. Сочетание букв **арпнот** [, вероятно, подлежит отождествлению с файюмским именем местности **Арпнот**, читаемым в копто-арабском папирусе ГМИИ, P. Ross. Georg. V, 1935, № 73, стр. 224 и хорошо известным из других файюмских же папирусов. См. К. Вессели в его работе о топографии Файюма²¹ под этим словом.

¹⁹ W. E. Crum. A Coptic Dictionary. Oxford, 1939.

²⁰ Papyri russischer und georgischer Sammlungen, hrsg. von G. Zereteli, III. Tiflis, 1930, № 39, S. 167.

²¹ C. Wessely. Topographie des Fayûm. Denkschriften d. Wiener Akademie, philos.-hist. Klasse, Bd. 50. Wien, 1904.

Видимо, **арпнот** — слово неегипетское, судя по тому, что звук [r] представлен здесь в остальном только в неегипетских словах **перскс** и **петре**, а в египетских господствует [l], характерный для фонологии файюмского диалекта.

Verso

16. **лма** [. От буквы после **л** имеется незначительный остаток, форма которого исключает принадлежность его к **л**, ожидаемому на основании греческого прототипа. Последний я усматриваю в слове **лѣрма**, для которого Прейзигке в своем словаре²² под словом **лѣрма** дает один пример из греческих папирусов, а именно файюмский папирус из Тебтуниса II в. до н. э.²³ В коптских источниках это слово засвидетельствовано также для Файюма, а именно дважды в письме, изданном в вышеупомянутой статье Штерна № V, притом в написании с однократным **л**, подтверждающим наше чтение: 11 **ани пѣлма нег** «принеси мне ее остаток» (т. е. остаток суммы, которую она должна внести), 13 **ани плма нлмни** «доставь остаток цены». Я. Крааль²⁴ в своем переводе первого предложения отождествляет **лма** с греческим **λῆμμα** и добавляет «doch wohl λῆμμα ein Verzeichnis». Но такое значение слова неизвестно, а другое, известное вполне, «получка», дало бы здесь излишне сложный оборот «получку цены», но было бы равносильно «цене». Объясняя слово из **лѣрма**, мы получаем вполне естественный состав букв, при значении, соответствующем смысловой связи.

17. **лмни**. Форма греческого аккузатива для этого слова в файюмской письменности стереотипна. См., например, тексты, изданные Краалем и Штерном.

18. **мне**, очевидно, имя, тождественное с **мина** (recto, 1-й столбец). 19/20. **п**]шант. См. выше описание папируса.

ПЕРЕВОД

Recto, первый столбец

	[? Счет пше]	нициы 15-го индикта
		. . . . .
		. . Я дал 18 больших (мер) ойпе
	такого-то числа	месяца даусати
5	пше	нициы за 304 меры старого вина
		28-го числа (месяца) даусати
	имя рек	сыну имя рек
	?	клятвы в последний день месяца дау-

²² F. Preisigke. Wörterbuch d. griechischen Papyrusurkunden. . . , Bd. 2. Berlin, 1927.

²³ The Tebtunis Papyri, I. London, New York, 1902, № 115, 23.

²⁴ J. Kraal. Koptische Briefe. Mitteilungen aus d. Sammlung d. Papyrus Erzherzog Rainer, Bd. 5. Wien, 1892, S. 21—58, S. 58.

10 [сати имя рек,] сыну Срну, воину Сат-
 ? я дал 2 лак Сонсину (?)
 . . . я дал 1 артабу пшеницы . . . . .
 ? сыну] Снауш малую (меру) ойпе
 94 артабы пшеницы
 15 ? 2] 6-го числа (месяца) даусати
 за 94 меры старого вина
 ? 2] 5-го числа (месяца) даусати и . . .
 я дал 1 артабу пшеницы
 ? 2] 3-го числа (месяца) даусати
 20 имя рек, сыну имя рек
 ?
 ] ойпе . . . . .
 ] . . . . . (месяца) даусати

Verso

. . . . .
 Петр и Мина отправятся [. . . . .
 . . . апа-Ануп вдвоем . . . [. . .
 5 привести его к присяге. То, о чем он поклянется:
 «Я дал это персам, так как он
 (?) лучше всякого (?) панцыря . . . . .»,
 Петр возьмет панцырь и уплатит то,
 о чем он даст заверение, говоря: «Я
 это упла[чу] за панцырь». Если
 10 Ануп не пожелает поклясться, то
 он уплатит 2 золотых Петру
 и уйдет, не поклявшись.
 А если Ануп пожелает
 15 взять панцырь себе, то . . . . .
 . . . . . то, о чем он даст заверение,
 и уплатит остаток его
 цены Петру.
 Я, чтец Мина, написал (это)
 20 28-го числа (месяца) паапи
 в [(селении) П]шанти.

В связи с нахождением среди папирусов, некогда приобретенных В. С. Голенищевым, коптского документа, написанного при персах, приходится вспомнить о том, что в том же б. Голенищевском собрании ГМИИ хранится целый ряд папирусов, написанных на языке и письмом самих оккупантов и до сих пор ждущих дешифровки²⁵, далее, — что изданный мною (Известия Российской Академии наук, 1921, стр. 677 сл.) греческий папирус²⁶, в котором также выступают персы, наклеен на папку подобно ряду папирусов, принадлежавших В. С. Голенищеву, которым часть папи-

²⁵ См. А. А. Фрейман. Пехлевийские папирусы и другие вещественные памятники иранской культуры в Музее изящных искусств в Москве. Известия Российской Академии наук, 1918. Пг., 1919, стр. 1925—1928.

²⁶ Я ошибался, называя его прошением. Доктор Бэлл правильно называет этот папирус письмом. Ср. Journal of Egyptian Archaeology, vol. 13, 1927, p. 271.

русов, до их приобретения Государственной Думой для Москвы, была подарена в частные руки. Напомню, что лицо, писавшее изданное мною в указанном месте в 1921 г. (и переизданное в P. Ross. Geogr.²⁷ IV, 1927, Anhang, стр. 101) письмо, упоминает о своем прибытии в (город) Арсе-ноитис, отождествленный мной с Арсиной = Medinet el Faouÿm. Можно ожидать, что после того, как в коллекции, приобретенной В. С. Голенищевым, оказались трактующие о персах папирусы греческий и коптский файюмского происхождения, пехлевийские папирусы ГМИИ в свою очередь окажутся имеющими ближайшее отношение к Файюму.

²⁷ = Papyri russischer und georgischer Sammlungen. IV. Die Kome-Aphrodito-Papyri der Sammlung Lichačov, bearb. von Peter Jernstedt. Tiflis, 1927.

М. М. КОПЫЛЕНКО

ГИПОТАКТИЧЕСКИЕ КОНСТРУКЦИИ СЛАВЯНО-РУССКОГО ПЕРЕВОДА «ХРОНИКИ» ГЕОРГИЯ АМАРТОЛА

В Киевской Руси наряду с произведениями, написанными на древнерусском языке, существовала оригинальная и переводная славяно-русская литература¹. Памятники этой литературы, написанные на старославянском языке русского извода, являются одним из важнейших источников изучения русского языка древнейшей поры. Особую ценность представляют эти памятники для изучения синтаксиса древнерусского языка, так как конструкции и специфические обороты народной русской речи относительно свободно вплетались в южнославянскую языковую ткань житий, хроник и других произведений неканонического характера. С другой стороны, несомненно влияние старославянского синтаксиса на формирование синтаксических норм древнерусского языка.

Общеизвестно, что древнейшие памятники славяно-русской переводной литературы испытали сильное воздействие «высокопоэтического ориентализма своих источников»². Но и в оригинальных произведениях русских проповедников и церковных писателей XI—XII вв. обнаруживается влияние византийско-болгарской стилистической манеры. Этому влиянию в большей степени подвержена лексика и фразеология, в меньшей степени — синтаксис. Перед исследователем возникает задача с наибольшей точностью разграничить оригинальные славянские синтаксические явления от заимствованных. Задача эта не легка, потому что синтаксический облик славянских языков древнейшей поры во многом совпадает с синтаксическим обликом греческого языка.

В ряде случаев трудно отличить грецизмы от конструкций, развившихся параллельно в славянских языках и в греческом как в языках родственных³. При таких условиях анализ переводов с греческого языка в ряде случаев более продуктивен, чем анализ памятников оригинальной литературы.

Стремясь к наиболее точному воспроизведению оригинала, переводчики нередко калькировали греческие конструкции. Но в памятниках древнейшей переводной славяно-русской литературы очень часто встречаются и отступления от греческого текста. Эти отступления с наибольшей вероятностью объясняются стремлением выразить содержание оригинала само-

¹ Этот старинный термин шире по объему, чем термин «церковнославянская литература», вызывающий представление об исключительно богослужебном или богословском содержании памятников письменности.

² А. С. Орлов. Русский язык в литературном отношении. Родной язык в школе, 1926, № 9, стр. 30.

³ См. П. С. Кузнецов. Ошибки Н. Я. Марра в его взглядах на родство и историческое развитие языков. Сб. «Против вульгаризации и извращения марксизма в языковедении», ч. II. М., 1952, стр. 214—215.

бытными средствами того языка, на который переводились греческие тексты. Таким образом, возникает возможность выявить многие своеобразные черты старославянского синтаксиса. Эта возможность различна для разных жанров переводной литературы. В произведениях светского характера отступлений от оригинала больше, чем в богослужебных книгах. Между тем внимание исследователей древнейших переводов с греческого языка было обращено, главным образом, на Евангелие, Псалтырь и Апостол⁴.

В оригинальных произведениях церковно-учительного характера труднее отличить грецизмы от славянских синтаксических конструкций. Иларион, Климент Смолятич, Кирилл Туровский и другие авторы XI—XII вв. писали на языке, который не был для них живым, разговорным, на темы, далекие от привычного бытового круга предметов и явлений. Они не испытывали такой ответственности перед читателем, какую чувствовали переводчики исторических сочинений, ставившие перед собой задачу адекватно передать на старославянский язык повествование о завоевательном походе или рассказ бытового содержания.

Привычная для авторов болгаро-византийская декламационная, ораторская манера в «Словах» XI—XII вв. получила широкое распространение, но в переводных «Хрониках» того же времени нередко уступала место иной речевой струе, более близкой к обиходному языку максимально обширной при тогдашних исторических условиях массы читателей.

Сложноподчиненное предложение занимает особое место среди синтаксических конструкций переводных сочинений. Гипотактические конструкции, подобно другим грамматическим категориям, развиваются в общенародном языке еще до возникновения письменности, но наибольшее распространение приобретают в книжной речи. В той специфической окраске, которая отличает письменный язык от языка разговорного, они играют не последнюю роль. Этим, вероятно, объясняется тот факт, что союзы и другие средства подчинительной связи сравнительно легко калькируются с других языков⁵.

Но пределы такого калькирования ограничены внутренними законами развития языка перевода. Это положение справедливо, конечно, и для старославянского языка, который, наряду с кальками, обладал своеобразными самостоятельно развивавшимися гипотактическими конструкциями.

Одним из наиболее действенных средств для определения их состава является, как нам кажется, выяснение тех случаев, когда различные именные конструкции греческого текста переводятся развитыми придаточными предложениями.

С этой целью нами уже произведен анализ переводного памятника болгарского происхождения — «Хроники» Иоанна Малалы⁶. В настоящей

⁴ См. В. И. Срезневский. Древний славянский перевод Псалтыри. СПб., 1875; St. Słowski. Die Übertragung der griechischen Nebensatzkonstruktionen in den altbulgarischen Sprachdenkmälern. Leipzig, 1908; O. Grunenthal. Die Übersetzungstechnik der altkirchenslavischen Evangelienübersetzung. Archiv für slavische Philologie, Bd. 31, 1910; Bd. 32, 1911; Е. Т. Черкасова. Причинные союзы и их значение в старославянском языке. Ученые записки Института славяноведения АН СССР, т. IX, 1954.

⁵ Калькирование и заимствование вообще наиболее характерны для тех сфер языка, которые в большей или меньшей степени удалены от общеупотребительной речи. Таковы классовые диалекты, жаргоны деклассированных элементов, а в составе общенародного языка — терминологическая лексика и фразеология.

⁶ М. М. Копыленко. Из спостережень над історією гіпотаксису. Гіпотактичні конструкції «Хроніки» Іоанна Малали, пам'ятки перекладної літератури X ст. Праці Одеського державного університету ім. І. І. Мечникова. Збірник філологічного факультету, т. III, 1953.

статье мы пытаемся продолжить эту работу, используя, с одной стороны, более обширный материал, с другой стороны — памятник, переведенный на Русь.

В качестве такого памятника избрана «Хроника» Георгия Амартола. Русское происхождение перевода этой «Хроники» неопровержимо доказано академиком В. М. Истриным. Им же установлена точная дата перевода — 40-е годы XI в.⁷ Таким образом, рассматриваемый памятник принадлежит к древнейшим произведениям русской переводной литературы светского характера.

Среди списков перевода «Хроники» Георгия Амартола нет таких, которые были бы старше XIII—XIV вв., но это обстоятельство не может, как нам кажется, служить препятствием для исследования гипотактических конструкций данного памятника.

Мы используем в своей работе только факты, совпадающие во всех списках. Сомнение в принадлежности таких фактов протографу почти исключается⁸. При анализе соответствий гипотактических конструкций греческому оригиналу «Хроники» Георгия Амартола делаются сопоставления с «Хроникой» Иоанна Малалы и с богослужебными текстами (по данным, представленным Слоньским, Грюненталем, В. И. Срезневским и др.).

Наибольшее своеобразие представляет перевод инфинитивных конструкций оригинала. В славянской передаче вместо греческих инфинитивов употребляются придаточные предложения, которые по своей синтаксической функции аналогичны синтаксическим функциям инфинитивов оригинала.

Инфинитив в функции дополнения — придаточное дополнительное с союзами „да бы“ и „да“:

ἤθελον εὐρεῖν ἄνθρωπον, ἐπιτήδειον εἰς τὸ τῶν ἵππων μου ἐπιμελεῖσθαι... — хотѣ^x, да бы^x ми ѡбрѣлъ члка посивна на преложение конемь [своимь]. В. 6 (506)⁹.

... τοῦ ὑπερφάνου Συμεὼν καρδίαν μαλάξει καὶ πείσει τὰ πρὸς εἰρήνην συνθέσθαι. — немтивѡ грѣдаго Семена срѣце оумакчити и сѣтворити его, да бы са на мирѣ сложилѣ. В. 52 (558).

ἤτησαντο οὖν οἱ Τούρκοι τὸν βασιλέα τοὺς αἰχμαλώτους Βουλγάρους ὠνήσασθαι. — оупросиша оубо Оугри оу црѣ, да бы искоупилѣ плѣнники Българскыа. В. 27 (530).

... ἐπέζητησεν ἀποσταλῆναι αὐτῷ τὸν πατριάρχην Νικόλαον καὶ τινὰς τῶν μεγίστων... — ...проси же, да послеть емоу Николау патриарха и нѣкои^x велможь... В. 52 (557).

⁷ См. В. М. Истрин. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе, т. I, Пг., 1920; т. II, 1922; т. III, Л., 1930. Наблюдения над языком перевода „Хроники“ Георгия Амартола изложены в следующих трудах: Н. А. Добролюбов. О древнеславянском переводе „Хроники“ Георгия Амартола. Полное собр. соч., т. I, 1934, стр. 585—591; И. И. Срезневский. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках. СПб., 1867, и В. М. Истрин. Ук. соч. т. II, III.

⁸ Иногда, впрочем, делаются отступления от Троицкого списка перевода, послужившего основой для издания Истрина. Тогда возникают разночтения допускаются лишь в тех случаях, когда Троицкий список представляет явно испорченный текст, при том условии, что они не касаются гипотаксиса и при согласном чтении всех списков, кроме Троицкого. Такие отступления заключены в тексте работы в скобки и обозначены буквой S (сумма всех списков, кроме Троицкого).

⁹ В индексах В. обозначает греческий оригинал „Продолжения „Хроники“ Георгия Амартола по Ватиканскому списку № 153“, изданный В. М. Истриным во II томе его труда (Пг., 1922), Б. — греческий оригинал „Хроники“ по изданию de Boor'a (Georgii Monachi Chronicon, Lipsiae, 1904). Рядом с этими буквами указываются страницы соответствующих изданий. В круглых скобках указываются страницы перевода „Хроники“ Георгия Амартола, помещенного в I-м томе труда В. М. Истрина.

ἐκτοτε δὲ ὑπεβλέποντο ἀλλήλους ὁ τε Καῖσαρ καὶ ὁ Βασιλεῖος, ἐνεδρεόντες ἀλλήλους ἀνελεῖν. — ѡлѣ взираста на са црѣ и Василии, искоуща да друогѣ друога оубиеть. В. 11 (512).

παρήγγειλε Κωνσταντῖνον μὴ τοῦτο εἰπεῖν ἐνώπιον τῆς συγκλήτου... — запрѣти Костантинуоу, да не ретѣ сего пре^x чиномѣ болларскимѣ... В. 33 (536).

Наряду с придаточным дополнительным с союзом «да» употребляется и инфинитив. Иногда оба способа выражения встречаются в одном и том же предложении:

ἐνθεν μὲν οὖν ὁ Βασιλεῖος τῷ βασιλεῖ ὑπετίθει φυλάττεσθαι Καίσαρα, ἐνθεν δὲ Καῖσαρ ὑπέβαλλε φυλάττεσθαι τὸν Βασιλεῖον. — семоу оубо Василии црви глше, да стрегоу^t Кесара, семѡ^m Кесарь нагла стрещи Василиа. В. 12 (513).

Значительно реже употребляется придаточное дополнительное с союзом „ѣко“:

... καὶ γὰρ αἰχμαλώτους λαβὼν τὰς θυγατέρας Δαρείου μαρτυρουμένης ἔχειν κάλλος ἀξιοθαύμαστον... — ...плѣнивѣ же дѣщери Дари[евы]¹⁰ свѣдѣтельствовуемы, ѣко имахоу красотоу досточюдноу... В. 35 (48). Замена инфинитива в функции дополнения придаточным дополнительным в «Хронике» Иоанна Малалы и в богослужебных книгах вообще не имеет места¹¹.

Инфинитив в функции обстоятельства цели — придаточное цели с союзом «да»:

... ἰδοὺ δέδωκα πᾶσαν τὴν γῆν τῷ Ναβουχοδονόσωρ βασιλεῖ Βαβυλῶνος δουλεύειν αὐτῷ καὶ τὰ θηρία τοῦ ἀγροῦ ἐργάζεσθαι αὐτῷ... — ...се дахѣ всю землю Навходоносороу, црю Вавилоньскомоу, да работаютъ кмоу и звѣрикъ селнии дѣлають кмоу... В. 266 (186).

ἀπεστάλη οὖν ἐν Συρίᾳ ἐπὶ τῷ ποιῆσαι ἀλλάγιον Ἰωάννης πατρικίος ὁ Ῥαθηνὸς καὶ Μιχαὴλ ὁ Τοζαράς. — посла оубо в Сѣрию, да створить измѣноу и мирѣ, ѡа^t патрикии иже и Радинѣ, Михайлѣ Лоучникѣ. В. 43 (547).

... προσεκολλήθη τῷ στρατηγῷ Μακεδονίας, ᾧ Τζάντζης ἐπώνυμον, τοῦ δουλεύειν αὐτῷ. — прилѣписа къ стратигоу Македонскому, емоуже има Цакцѣ, да слоужи^t емоу. В. 5 (505).

τοῦτο οὖν πεποίηκε Ῥῶμος, ὡς εἴρηται, πρὸς τὸ ἀπαλλαγῆναι τῆς ὕβρεως ἑαυτοῦ... — се оубо створи Ромѣ того ради, да поношениа своѣго избѣгнеть. В. 23 (41).

Этот пример интересен тем, что придаточное цели имеет развернутую (двучленную) форму с относительными словами «того ради» в главном предложении.

παρευτίκα γοῦν ἀπέστειλεν ὁ βασιλεὺς Γρηγορᾶν τὸν Ἰβηρίτζην... καταπολεμῆσαι αὐτόν. — вборзѣ бо посла црѣ Григориа Ивырыцѣ... да воюеть нанѣ. В. 35 (538).

В ряде случаев, особенно в последнем примере с глаголом „послати“, вместо придаточного цели следовало ожидать употребления супина. Но супин в переводах «Хроники» Георгия Амартола и «Хроники» Иоанна Малалы почти не встречается, да и в богослужебных книгах употребляется крайне редко¹².

Греческий инфинитив с союзом ὥστε переводится придаточным цели с союзами «ѣко» или «ѣко да»¹³.

¹⁰ В квадратные скобки В. М. Истрин помещает места, недостающие в основном Троицком списке и введенные в текст на основании наличия их во всех остальных списках перевода „Хроники“.

¹¹ См. St. Słoiński. Die Übertragung der griechischen Nebensatzkonstruktionen... S. 59—64; O. Grunenthal. Die Übersetzungstechnik... Bd. 32, S. 4—5.

¹² См. В. И. Срезневский. Древний славянский перевод Псалтыри, стр. 103; O. Grunenthal. Die Übersetzungstechnik... Bd. 31, S. 350; Bd. 32, S. 5—6.

¹³ Ср. St. Słoiński. Die Übertragung der griechischen Nebensatzkonstruktionen... 44; O. Grunenthal. Op. cit., Bd. 32, S. 5.

... κελευθέντος δὲ τοῦ δρουγγαρίου Ῥωμανοῦ διαπερᾶσαι τοὺτους κατὰ Βουλγάρων ὥστε συμμαχεῖσθαι Λέοντι τῷ Φωκᾷ. — ... повелѣно же друунгарьєви Роману привести сна на Болгары, ꙗко помогоуть Леѡнѡу и Фоцѣ. В. 44 (547—548).

τοῦτο γνοὺς ὁ βασιλεὺς Κωνσταντῖνον τὸν τῆς τραπέζης σὺν πᾶσι τοῖς δυτικοῖς ἐξάπέστειλε θέμασιν, ὥστε καταπολεμῆσαι Ἀρίωνα. — и се оувѣдѣвъ, црѣ Костантина, сано^м трапезника соуща, съ всѣми западными вои посла, ꙗко да бранѣ створи^т на Агиѡна. В. 26 (528).

νόσφ δὲ περιπεσὼν ἐν Θεσσαλονίκῃ εἰσήλθεν, ὥστε λούσασθαι καὶ ἀπολαῦσαι ἀνέσεως. — разболѣвъ же сѧ в Селоунѣ вниде, ꙗко да измоетсѧ и почиет. В. 32 (535).

Инфинитив в функции обстоятельства причины переводится придаточными причинными с союзом «зانه» («зانهже»):

... τοῖς ἀφικνουμένοις ξένοις πόρρωθεν ὁ ναὸς ὁρώμενος ὁμοίος χιόνι ἐπ' ὄρους ὑψηλοῦ κείμενος ἐξεφαίνεται διὰ τὸ ἐκ λευκοτάτης μαρμάρου συνεστηκέναι καὶ ἐπὶ λόφου δεδομηθῆσθαι. — ... приходѧщимъ странньимъ издалеча цркы видима, ꙗко снѣгъ на горѣ высоцѣ лежащѣ видѣти баше, занѣ бѣлыми мраморы оуставлена и на холмѣ съставлена. В. 279—280 (195).

... φθονηθεὶς ὑπὸ τῶν μεγιστάνων διὰ τὸ μεγάλως τιμᾶσθαι ὑπὸ τοῦ βασιλέως ἐβλήθη ἐν τῷ λάκκῳ τῶν λέοντων. — ... завидѣнь бы ѿ вельможъ, зане повеликоу чтим бѣ црмь, и въверженъ бы въ ровъ львовъ. В. 273 (190).

Λέων δὲ ὁ βασιλεὺς στέφει Ἄνναν, θυγατέρα Ζωῆς τὴν ἀπὸ τοῦ Ζαοῦτζα, διὰ τὸ μὴ δύνασθαι ποιεῖν τὰ κατὰ τύπον κλητόρια, Αὐγούστης μὴ οὔσης. — Леѡнъ^м црѣ вѣнча Анноу, дщерь Зоиноу, ꙗже ѿ Зоучанъ, зانهже не възможно емоу бѣ по ѡбычаю створити Зои, црци не соущи. В. 30 (533).

Инфинитив в функции обстоятельства времени переводится придаточными временными:

... ἥσθιον πρὸ τοῦ ἀγιασθῆναι τὰ κρέατα καὶ τὴν θυσίαν ἀνενεχθῆναι. — ꙗдоху преже даже не сѣнна маса и жертвоу преже даже не възнесена. В. 160 (121).

καὶ εἶπε Δαυὶδ πρὸς τὸν θεὸν ἐν τῷ ἰδεῖν ἄγγελον τόπτοντα ἐν τῷ λαφ. — и рѣ Двѣдъ к гоу, ꙗгда видѣ англа, бьюща в людехъ... В. 179 (133).

Обычная для перевода Псалтыри передача греческого артикля при инфинитиве через «кже»¹⁴ в переводах исторических сочинений не встречается. Отметим лишь один случай, когда через «кже» передается артикль при инфинитиве, выступающем в функции подлежащего:

... ἐν τοῖς νόμοις ἔφη· τὸ μὲν νικᾶν αὐτὸν ἑαυτὸν πασῶν νικῶν πρώτη καὶ ἀρίστη, τὸ δὲ ἡττᾶσθαι αὐτὸν ὑφ' ἑαυτοῦ αἰσχιστόν τε καὶ κάκιστον. — ... въ Законѣ рѣ: кже побѣжати самъ себе и всѣхъ побѣжати первѣиши и добрѣиши, а кже побѣжати самъ ѡ собѣ скверно ксть и зло. В. 82 (74).

Независимость от греческого оригинала проявляется в полной мере также при переводе accusativus cum infinitivo. Вместо accusativus cum infinitivo или accusativus cum participio выступает придаточное причины:

... ἔφησε δὲ πρὸς αὐτὴν ὁ παιδαγωγὸς τοῦ βασιλέως Κωνσταντῖνου Θεοδώρος, ὅτι διὰ τὸ ἀπολέσαι Λέοντα τὸν Φωκᾶν τοὺς Ῥωμαίους καὶ Κωνσταντῖνον παρακωμώμενον τὸ παλάτιον ταῦτα γέγονασι. — гла же к ней приставникъ црѧ Костантина Феѡдоргъ: «зانه погуби Леѡнѣ и Фока Грекы, а Кѡстанѡину паракимоумену полатоу црвоу, се бы». В. 45 (549).

... νόμος ἐγένετο Πέρσαις λαμβάνειν τὰς ἑαυτῶν μητέρας καὶ ἀδελφὰς διὰ τὸ καὶ τὸν Δία λαβεῖν τὴν ἑαυτοῦ ἀδελφὴν Ἦραν. — ... законъ бы Персаном [S.]

¹⁴ В. И. Срезневский. Древний славянский перевод Псалтыри, стр. 104.

поймати своихъ мтрѣ и сестрѣ, зане Дни поятъ свою сестроу Ироу. В. 12 (34).

... καὶ δυνατὸς γενόμενος ὑπέταξε τὰς μερικὰς βασιλείας πάσας διὰ τὸν ἐν ταῖς ἡμέραις αὐτοῦ βασιλέα τοῦ παντός καὶ κύριον τεχθέντα κατὰ τὴν Ἠσαίου προφητεῖαν. — ... и силенъ бывъ, ѡблада раздѣлеными цртвиѣ всѣми, зانهже

въ днѣ кго црѣ всѣхъ гѣ родисѧ по Исѧиноу пррчѣствоу. В. 294—295 (206); придаточное следствия:

... ἐνδοθεν γὰρ εἶχε πόλας ἀνὰ πηγῶν μ' τὸ μέγεθος, ἐπὶ πάχος πολὺ τοῦ χρυσοῦ καὶ τοῦ ἀργύρου κεκοσμημένας, ὥστε καταστράπτεσθαι τὰ πάντα... — вноутрѣ бо имаше дверь м· локоть въ велицѣ, зане толщею [S.] многоу златомъ и сребромъ оукрашена блехоу, ꙗко бльщахоу сѧ всѧ... В. 279 (194);

или придаточное дополнительное:

ἠρώτησε δὲ τὸν Κωνσταντῖνον, εἰ ἀληθῶς ἐν Συρίᾳ φεύγων ἐτόγγανε, καὶ μαθὼν τοῦτο ἀληθῆς εἶναι, παρήγγειλε Κωνσταντῖνον μὴ τοῦτο εἰπεῖν ἐνώπιον τῆς συγκλήτου ἐρωτωμένῳ... — въпроси^м црѣ Костантина, аще истинно бѣжати хоташе въ Сврию, и оувѣдѣвъ, ꙗко истинно е^с, запрѣти Костантиноу, да не реть сего пред чиномъ боларскимъ въпрашаема... В. 33 (536).

πρὸς δὲ τὸν βασιλέα εἶπεν, ὡς, εἰς τὸ δεῦτερον πρόσωπον ἢ κάκωσις ἀποσκήψει. ὁ δὲ βασιλεὺς ὑπώπτευσεν εἰς Ἀλέξανδρον, τὸν αὐτοῦ ἀδελφόν, ἀποβήσεσθαι. — кѣ црви же рѣ, ꙗко на второе лице зло се входить. црѣ же не домысласѧ, ꙗко на ѡлександра, брата своего, сбоудетсѧ злое се. В. 36 (539).

В последнем примере винительный падеж (подлежащее при инфинитиве) отсутствует. Переводчик, творчески подходя к интерпретации греческого текста, вводит в придаточное предложение подлежащее («злое се»), заимствуя его из предыдущего сложноподчиненного предложения.

Наибольшее число случаев приходится на перевод accusativus cum infinitivo придаточными цели с союзами «да», «ꙗко» и «ꙗко да»:

... οἱ στρατιῶται εἰς τοὺς οἴκους ἀπιόντες τῶν καλεσάντων αὐτοὺς ἐπ' ἀρίστω ἀφ' ἑσπέρας ἦλθον καὶ ἐχόρευον πρὸς τὸ γνῶναι πάντα ὅτι παρ' αὐτῷ αὐρίον τραφήσονται. — и воины, в дома ходяще кѣ звавѣшимъ ихъ на ѡбѣдѣ, с вечера спяхоу и ликѣствовахоу, да разоумѣвають вси, ꙗко на оутриѧ оу того ѡбѣдати. В. 23 (41).

... καὶ εἰς τὰ Λαύσου τοῦτον ἐκάθισαν, σκεδὸς ἐν τῷ κόλπῳ αὐτοῦ δεδωκότες, ὥστε τοὺς παριόντας ἐν αὐτῷ τι προσεπιρίπτειν. — ... и в Ламлѣ его посадишѧ, съсоудиноу в лоно его давше, ꙗко мимоходѧщии вѣтають вѣне что имъ любо. В. 15 (516).

ἀνέφραξέ τε θυρίσι καὶ σανιδώμασι τὰς τῶν ἐμβόλων στοὰς, ὡς μὴ τὴν χίονα καὶ τὸ στήθος ἐκείθεν ἐπεισιέναι τοῖς πένησι. — загради^м дверми и дѣсками покровены^м сътретии притворѣ, ꙗко да снѣгъ на нищаѧ и оубогыѧ не вниде^т. В. 57 (563).

Часто, переводя accusativus cum infinitivo придаточным цели, переводчик слегка видоизменяет конструкцию, чтобы сделать славянский текст более организованным и выразительным:

... ἐκολόβωσε τὰς ἡμέρας τοῦ μηνός... ἀποχαράξας τὸ ὄνομα αὐτοῦ μηκέτι λέγεσθαι οὕτως. — ... украти дни мѧ... Ѱвергъ има кмоу да не именують кго тако. В. 24 (41). Здесь переводчик употребляет выражение «да не именують кго тако» вместо «да не именуєтъ сѧ тако», которое точно соответствовало бы греческому тексту.

ἑάσατε εἶναι μετ' ἐμοῦ τὴν μητέρα μου. — Уставите ю, да боудѣ съ мною мти моѧ. В. 45 (549). Здесь добавлено дополнение «ю», которому нет прямого соответствия в греческом оригинале.

προσελάβετο δὲ ὁ βασιλεὺς Νικόλαον πατριάρχην καὶ Στέφανον μάγιστρον συνεῖναι αὐτῷ ἐν τῷ παλατίῳ, τὴν ἐξουσίαν εἰς ἑαυτὸν ἀπὸ τῆς μητρὸς ἐπισπώμενος. — приат⁹ же црѣ Николоу патриарха и Стефанъ паракимоумень да боудѣ с нимъ в полатѣ, власть собѣ приати ѿ мтре вземъ. В. 45 (549). «Приат же црѣ Николоу патриарха и Стефанъ паракимоумень да боудѣ с нимъ в полатѣ» употреблено вместо ожидаемого «приат же црѣ да боудѣ Никола патриархъ и Стефанъ паракимоумень с нимъ в полатѣ».

Иногда *accusativus cum infinitivo* переводится прямой речью:

τοῦ οὖν ἐνὸς εἰπόντος νικᾶν τὸν οἶνον, καὶ τοῦ ἐτέρου φήσαντος νικᾶν τὸν βασιλέα, ὁ Ζοροβάβελ ἔφη νικᾶν τὰς γυναῖκας καὶ ὑπὲρ πάντα τὴν ἀλήθειαν. — а· мой же рекшию «Удолѣють вино», в· мой же рекшию «Удолѣють црѣ», Зорова-вель же рѣ: «Удолѣють жены и паче всея истины». Б. 277 (193);

или дательным с инфинитивом:

... ὁ προφήτης προγγόρευσεν, ὡς δεῖν τινα τῶν Μακεδόνων τὴν βασιλείαν Περσῶν χειρώσασθαι. — ... прркъ преже изгла [S.], ꙗко подобатъ нѣкомуу Македоняноу цртвиѣ Персьское приати. Б. 32 (46).

στρατιώται τρεῖς τὸν βασιλέα φυλάσσοντες... ἤρισαν ἐν προβλήμασιν, τεθείσης ἐπαγγελίας αἰτῆσαι τὸν νικῶντα ὅπερ ἂν θελήσῃ παρὰ τοῦ βασιλέως. — Воин[и] ·г· црл· строгоуще... рѣша закладъ, положивъше ѡбѣтованию, да испросить ѡдолѣвшемоу, ꙗкоже хоцеть у црл. Б. 277 (193).

Случаи сохранения *accusativus cum infinitivo* встречаются крайне редко¹⁵.

Согласованные причастия оригинала также часто переводятся придаточными предложениями. Греческий текст «Хроники» Георгия Амартола не представляет такого разнообразия функций согласованных причастий, какое наблюдается в «Хронике» Иоанна Малалы¹⁶. В большинстве случаев эти причастия имеют атрибутивный характер и переводятся на старославянский язык определительными предложениями:

καὶ τὸ Αἰγαῖον πέλαγος, ὃ τὴν κλῆσιν ἀπέλιπεν ἀπὸ τῆς τῶν ὕδατων φορᾶς, αἰσσομένης κατὰ τρόπον αἰγός... — ... а Козиа Поучина то имл приати ѿ водны^х течени, ꙗже соу^т по ѡбразоу козы... В. 32 (535).

Μετὰ δὲ ταῦτα ἐβασίλευσε Ῥώμος ὁ κτίσας τὴν Ῥώμην καὶ Ῥήμος ὁ ἀδελφός αὐτοῦ. — потомъ же цртвова Ромъ, иже созда Римъ градъ, и Римъ, братъ ꙗго. Б. 21 (39).

Μετὰ δὲ Κύρον ἐβασίλευσε Καμβύσης υἱὸς αὐτοῦ ὁ καὶ Ναβουχοδονόσωρ κληθεὶς ἐτὴ ιη'. — По Коурѣ цртвова Камбесии, снѣ ꙗго, иже и Навходоносоръ нарѣнъ бы лѣ^т ·иі·. Б. 274 (191).

ὑπερεκπληττόμενος τὴν ἄκραν σύνεσιν αὐτοῦ καὶ σοφίαν καὶ θεοσέβειαν εἰς πάντα τὰ ὑπ' αὐτοῦ ἐρμηνευθέντα. — дивлса ѿ премнога разоума ꙗго и премдрти блгчтыя ѡ всѣхъ иже ѿ него истолкована. Б. 100 (85).

При этом переводчик легко переделывает пассивную конструкцию в активную:

... καὶ ἀπετέθη τὸ σῶμα αὐτοῦ ἐν τῇ ὑπ' αὐτοῦ κτισθείσῃ μονῇ τῶν Γαλακρη-νῶν. — ... и положено бы тѣло его в монастыри, ꙗго^т самъ създадь в Галакринѣ^х. В. 54 (559—560).

¹⁵ Ср. O. Grunenthal. Die Übersetzungstechnik, Bd. 32, S. 2—3; М. М. Копыленко. Из наблюдений..., стр. 68—69.

¹⁶ См. М. М. Копыленко. Ук. соч., стр. 67.

Причастие, имеющее условное значение, переводится придаточным условием:

... μέλας μὲν γὰρ γινόμενος θάνατον, ἐρυθρός δὲ σφαγᾶς, λευκός δὲ διαλλαγὴν τοῦ θεοῦ προσήμαινεν. — ... аще чернѣ боудаше, то смртъ, аще ли червлень боудаше, то крѣви пролитиѣ. аще ли бѣлъ, премѣноу ꙗвляющю боу. Б. 28 (44).

Причастие с причинным значением переводится придаточным причинным: Βάρδαν τὸν Βοήλαν ἀπέχειραν μοναχόν, τοῦ βασιλέως οἰκτιήραντος φίλον τυγχάνοντα. — Варду же, Воила глемага, постригоша мнихо^т, црю же помиловашоу его другъ бо бѣ емоу. В. 51 (556).

ἐνόσθεν γὰρ εἶχε πόλας ἀνὰ πηχῶν μ' τὸ μέγεθος, ἐπὶ πάχος πολὺ τοῦ χρυσοῦ καὶ τοῦ ἀργύρου κεκοσμημένας. — вноутрь бо имаше дверь ·м· локоть въ велицѣ, зане толщею [S.] мноюю златомъ и сребромъ оукрашена бохоу... Б. 279 (194).

... καὶ τὸ μεγαλόφυχον αὐτοῦ καὶ φιλόφρονον ὁ βασιλεὺς Ῥωμανὸς ἐπεδείξατο, μηδενὸς φεισάμενος χρήματος πρὸς τὴν τῶν αἰχμαλώτων ἀνάρρυσιν. — ... и вельтрѣпливое его чклолюбие црѣ Романъ показа, ꙗко ниединогю златника приати на избавление плѣнникъ. В. 60 (566).

Причастие будущего времени переводится придаточным цели: ἀπέστειλε Μιχαήλ, τὸν τοῦ Μωρολέωντος υἱόν, τοποτηρητὴν ὄντα, τοὺς Βουλγάρους κατασκοπήσοντα. — посла Михаила, Моролѣотова сна, соуца свѣ^тла земли тѣ, да Българы посмотрит. В. 49 (554).

В переводах богослужебных текстов нет такого разнообразия способов передачи согласованного причастия, как в переводах хроник¹⁷.

Абсолютное причастие (*genitivus absolutus*) в большинстве случаев переводится дательным самостоятельным. Но встречается также перевод *genitivus absolutus* придаточным причинным:

... ἀφ' ἧς περὶ μέχρι Γαλακρηῶν μόλις ἀπέχει, χιόνος ἐπιχειμένης πολλῆς. — ѿтоудѣ же пѣшь до Галокринѣ едва доиде, занеже бѣ снѣгъ многъ. В. 34 (537).

οὐδεὶς οὖν ὁ ὑπερασπίζων τὴν ἢ κατοικεῖσιν τὸν ἄνθρωπον, πάντων τῶν συνόντων αὐτῷ χρησαμένων φυγῆ. — ниединъ оубо бы защищаа или помилуа его. вси бо соуци с ни^т разбѣгоши. В. 45 (549).

Нередко переводятся придаточными предложениями существительные или субстантивированные причастия с относящимися к ним словами. Наибольшее число случаев приходится на перевод обстоятельства придаточным причинным:

... καὶ φθονηθεὶς διὰ τὴν ἀνδρείαν αὐτοῦ ὑπὸ τινος συγλητικοῦ... — и възвидѣнъ бы, ꙗко храборъ бѣ, ѿ кдиногю боларина... Б. 24 (41).

οὐκ ἦν γὰρ τινα τὸ σύνολον οὔτε τὴν γῆν οὔτε τὴν θάλασσαν ἀοπλον διαβῆναι διὰ τὴν πρὸς ἀλλήλους ἀκατάλακτον μάχην... — не баше бо никому же весма ни [S.] по земли ни по морю [S.] безъ [S.] ѡроужита проити, зане имлоу другъ на друга безмирноую крамолоу... Б. 73 (69).

... τὴν κατὰ Περσῶν διανοούμενην στρατείαν καὶ οὐκ ἐτόλμων διὰ τὸ μέγεθος τῆς δυναστείας αὐτῶν... — ... на Персланы оумыслихъ воиноу и не дерзовахъ, зане многа сила ихъ. Б. 31 (45).

... ἐκεῖνό σε ἐρήσομαι· τί ποτέ ἐστίν ὁ Ζεὺς; ἢ Ζέουσα, φησίν, οὐσία καὶ τὸ ὑπὲρ τὸν ἀέρα μέρος, ὃ καὶ αἰθῆρ λέγεται παρὰ τὸ ζέον καὶ καίον. — ... ано ти изре-

¹⁷ St. Słowski. Die Übertragung der griechischen Nebensatzkonstruktionen..., S. 18—26; O. Grunenthal. Die Übersetzungstechnik..., Bd. 32, S. 10—11.

коу: что когда ксть Зевесь? сгрѣвающи [S.] рещи, соушьство и выше акра часть, иже и въздохъ глѣса, зане сгрѣваѣтъ и жьжеть. Б. 72 (68).

При помощи придаточного причинного умело раскрывается значение наименования диковинного зверя «одонтотирана»¹⁸:

τὸν δὲ ποταμόν φασι δυσπεραιότατον εἶναι διὰ τὸν λεγόμενον ὀδοντοτύραννον. — рѣкоу же глуть неудоь пребрести, зане звѣрь ксть в неи, глемыи зууботомитель. Б. 37 (49). Слов «зане звѣрь ксть в неи» в оригинале нет. Они добавлены переводчиком, так как без них смысл предложения был бы совершенно непонятен.

Точно так же поступает переводчик, переводя обстоятельство места, выраженное сложным существительным περί τὸ Βουλγαρόφυγον, придаточным предложением места с соотносительными словами в главном предложении:

... πολέμου μετὰ Βουλγαρίων συγκροτηθέντος περί τὸ Βουλγαρόφυγον, τρέπονται Ῥωμαῖοι καθῶς καὶ πάντες ἀπόλοντο... — ...бранми съ Блѣгары бившемса на то^м мѣстѣ, идеже блхоу бѣжали Болгаре, побѣжени быша Болгарми Греци злѣ и вси погыбоша... В. 28 (530—531).

Обстоятельство времени переводится придаточным временным: οὗς ἀμφοτέρους εἶχε μεθ' ἑαυτοῦ ἐν τῇ κατὰ τῶν Ἀγαρηνῶν ἐκστρατεία. — сия же ѡба оу собе имѣше, егда на Срацины иде воевати. В. 20 (522).

... καὶ τοῦ λάρνακος αὐτὸν καταβίβαξεν, ἀποκουφίζων μετ' ὀλίγον τῆς συμφορᾶς μέχρι τῆς ἐκείνων ἐλευσεως. — И из рака его извокаше, легко емоу твора любу и мало ѡ напасти, дондеже ѡни паки прихождахоу. В. 10 (511).

Дополнение, выраженное существительным и атрибутивно употребленным наречием, переводится придаточным дополнительным:

καὶ συνέταξε τὸν ἀρματηλάτην ἀνευδότης ἐλαύνοντα κατανεύειν τὴν πορείαν ἐπαισθόμενος ἐναργῶς τῆς ἀνωθεν κρίσεως τὴν τιμωρίαν. — и повелѣ ѡружникоу своѣмоу беспрестани поганати мановениѣмъ шествованиѣ, разоумѣватъ глѣвѣ, ꙗко с вышнаго соуда моука ксть. Б. 290 (203).

Особенно интересен случай, когда дополнение переводится придаточным условным с точным сохранением смысла высказывания:

τῷ δὲ καιρῷ τῆς ἀποκλήσεως τὸν μὲν ἀρρενα φθείρουσιν, τὸ δὲ θῆλυ ζωογονοῦσι καὶ τιθηνοῦσιν ἐπιμελῶς καὶ ἐκτρέφουσιν. — вѣ время же хотащемъ родити, аще родитьса ѡтрача, погоубать к. аще^а двѣськъ полѣ, то (въздоать прѣлѣжно и) питають к¹⁹. Б. 39 (50).

В передаче определений переводчик «Хроники» Георгия Амартола, в отличие от переводчика «Хроники» Иоанна Малалы²⁰, почти всегда сохраняет близость к оригиналу. Но в тех случаях, когда старославянское соответствие тому или иному греческому слову необычно в роли определения, он смело прибегает к конструированию придаточного предложения, описательно выражающего значение определения. Так, при помощи придаточных предложений переведены существительное τὸ ἵππικόν — «конское состязание, ристалище» и наречие ὁσημέραι — «каждодневно»:

... ἐν ἡμέρᾳ ἵππικῷ. ... вѣ днь, в ѡнѣ^а подроумие твора^а. В. 15 (516).

... τὸ στήναι τὰς γινόμενας τῶν αἱμάτων χύσεις ὁσημέραι. — ... да бы са оуоставило кровопролитие еже по вса дни бываемо^а. В. 52 (557).

Своеобразной особенностью перевода «Хроники» Георгия Амартола является передача постпозитивного определения с союзом ὡς, приближаю-

¹⁸ Судя по контексту, имеется в виду крокодил.

¹⁹ В переводе опущено слово ζωογονοῦσι — «сохраняют в живых».

²⁰ См. М. М. Копыленко. Из спостережень..., стр. 66.

²¹ Другие примеры см. В. М. Истрин. Хроника Георгия Амартола..., т. II, стр. 196—197.

щегося по значению к обстоятельству причины, через придаточное причинное с союзами «зане» и «ꙗко»:

ἦν γὰρ αὐτῇ τοῦ βασιλέως παλλακὴ, καὶ πάνυ ἡγάπα αὐτὴν ὡς εὐπρεπῆ. — бѣ бо та прѣва женима, и зѣло люблаше ю, зане красна бѣ. В. 11 (512). ... τοῦ δὲ κυρίου ἡμῶν ἐληλυθότος ἀπὸ πλέγχθησαν ταῦτα πάντα ὡς θεοστύγῃ. —

... гоу^а же нашему пришедшоу, ѡбличи вса си, ꙗко бостоудна блхоу... Б. 299 (209).

... οὗς ἡμεῖς ἐκ διαμέτρου βδελυττόμεθα δικαίως ἄγαν ὡς θεομισοῖς καὶ τῆς αἰωνίου κολάσεως προξένους. — и хѣ мы весьма различно скверньны нарицаемъ и праведно [S.] весьма, ꙗко бостоудны соу^а и вѣчнѣя моудѣ достойны. Б. 78 (71)²².

В составе подчинительных союзов перевода «Хроники» Георгия Амартола наблюдаются некоторые отклонения от «Хроники» Иоанна Малалы. Эти отклонения указывают на характерные особенности старославянского текста русской формации.

При переводе причинного союза ἐπεὶ (ἐπειδὴ, ἐπειπερ) переводчик «Хроники» Георгия Амартола употребляет «зане» и «ибо», а переводчик «Хроники» Иоанна Малалы — «зане», «занеже» и «елма».

Вместо временного союза ἡνίκα в переводе «Хроники» Георгия Амартола употребляется «ꙗгда» и «ꙗко», а в переводе «Хроники» Иоанна Малалы только «ꙗгда». Относительное наречие местного значения ἐνθα в «Хронике» Георгия Амартола передается только через «идеже», а в «Хронике» Иоанна Малалы — через «кдѣ» (гдѣ) и «на немъже».

Относительному наречию ὅπου вне зависимости от оттенка значения («где» или «куда») соответствует в «Хронике» Георгия Амартола «идеже» и «аможе», а в «Хронике» Иоанна Малалы — «идеже», «кдѣ», «вѣ немъ же» и «вѣ ней же».

Союз ὡς в сравнительном значении передается в «Хронике» Георгия Амартола только через «ꙗко» и «ꙗкоже», а в «Хронике» Иоанна Малалы — через «ꙗко», «ꙗкоже» и «акы».

Местоимению τίς, τί в косвенном вопросе соответствует в «Хронике» Георгия Амартола наряду с «къто» и «чьто» «кои» и «которъ», не встречающиеся в «Хронике» Иоанна Малалы.

Преждевременно было бы делать какие-либо выводы из этих наблюдений. Необходимо проанализировать и сравнить целый ряд памятников болгарского и русского происхождения для того, чтобы можно было утверждать, что русские переводчики не знали союзов «кдѣ», «елма» и «акы», а болгарские не употребляли местоимений «кои» и «которъ».

Еще больше усилий потребуются для определения структурных особенностей славяно-русского гипотаксиса во всем его многообразии, для выяснения его отличий от греческого гипотаксиса и от болгарского гипотаксиса X—XI вв.

Но и приведенных нами данных достаточно для того, чтобы убедиться в самостоятельном развитии старославянского гипотаксиса. Многочисленные факты дают возможность оценить высокую языковую культуру древнерусских переводчиков, которые творчески подходили к греческому оригиналу и максимально точно передавали содержание подлинника, используя своеобразные средства старославянского синтаксиса.

²² В Евангелии и Псалтыри такие конструкции не встречаются. См. St. Słowski. Die Übertragung der griechischen Nebensatzkonstruktionen..., S. 12—13.

Р. А. КАЦНЕЛЬСОН

К ВОПРОСУ О ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ АРХИТЕКТУРЫ ВОСТОЧНЫХ И ЮЖНЫХ СЛАВЯН И ВИЗАНТИИ

За последние десятилетия широко развернулось натурное исследование и изучение памятников русской архитектуры. Так же широко развешивается изучение архитектурных памятников в Болгарии и Югославии. Эти исследования часто открывают нам существенные особенности зодчества ранних периодов, скрытые под последующими наслоениями. Сопоставление между собою этих особенностей все больше убеждает в существовании самобытных черт и традиций в зодчестве восточных и южных славян, традиций, идущих от глубокой древности, которые, быть может, выработались еще в строительстве из дерева, широко распространенном как у тех, так и у других.

Но вопрос о связях русской архитектуры с зодчеством южных славян в целом изучен еще далеко не достаточно. В настоящее время назрела необходимость в постановке и разрешении этого вопроса, хотя бы на примере некоторых особенностей в отдельных памятниках славянского зодчества. Совокупность исследований, посвященных этим частным вопросам, поможет воссоздать общую картину развития и взаимоотношений архитектуры Византии, южных и восточных славян. Данная статья посвящена одному из таких частных вопросов в архитектуре — трехлопастному завершению фасадов в памятниках архитектуры восточных и южных славян XII—XV вв.

Исследования последних лет показали, что в древнерусском зодчестве XII—XV вв. широко применялся тип храма с трехлопастным завершением фасада. Откуда появилась эта оригинальная и чрезвычайно выразительная архитектурная форма? Каковы причины ее возникновения, каковы ее конструктивные особенности и преимущества, в какой зависимости и в каких взаимоотношениях находится она с архитектурой Византии, с одной стороны, и Болгарии и Югославии — с другой?

До настоящего времени еще не удалось проследить начало возникновения этой формы покрытия и завершения церкви. Время разрушило часть памятников, часть их существует в виде настолько перестроенном, что без детального исследования невозможно установить их первоначальное состояние. В то же время сейчас, когда реставрационные работы в Новгороде, Чернигове, Смоленске и других городах, входивших в состав Древнерусского государства XI—XII вв., дают представление о широком распространении этого типа в русской архитектуре, вопрос о его происхождении и принадлежности славянскому зодчеству заслуживает особого внимания. Одновременно было бы очень важно проследить существование этого типа в архитектуре южных славян, Византии, а также Запада, с которым Древнерусское государство имело экономические и политические связи.

Отсутствие достаточных данных для решения вопроса о взаимоотношениях русских церквей с трехлопастными завершениями фасадов с постройками южных славян и Византии объясняется, в первую очередь, неизученностью верхов ряда южнославянских и византийских памятников. Эти памятники, как правило, имеют верхи, искаженные позднейшими переделками, особенно переделками крыш, и без дальнейших исследований нельзя сказать, какими они были первоначально. По той же причине до последнего времени оставались неизвестными первоначальные завершения многих древнерусских сооружений. Реставрационные работы последних лет,

Рис. 1. Собор Софии в Киеве (1017—1037). Макет. Реконструкция.

выявившие их, указывают путь для дальнейшего изучения этого вопроса как в древнерусском зодчестве, так и в зодчестве южных славян и в сохранившихся византийских памятниках.

Принявшие в основу каменного культового зодчества византийский крестовокупольный тип храма, зодчие Древнерусского государства, в соответствии со своими функциональными и художественными потребностями, пошли по пути создания нового художественного облика храма, перерабатывая его план и видоизменяя его конструктивную систему. В соответствии с художественными вкусами, воспитанными на архитектуре деревянных зданий, древнерусские зодчие выработали конструктивно оправданную, динамически живописную архитектуру храма, постепенно изменяющуюся, совершенствовавшуюся и приведшую в период полного прекращения развития византийского зодчества к новым замечательным пространственным композициям.

Уже в храме Софии в Киеве (1037 г.) ярко выражено стремление к динамичности и живописности объема, которое стало одной из характерных черт древнерусского зодчества (рис. 1). Контраст высокого каменного храма

с низкой деревянной застройкой города, обозреваемость его верхних частей издали и то большое градообразующее значение, которое он приобрел в городе, заставило русского зодчего сосредоточить свои усилия на разработке верхних частей здания. Это выразилось в динамических построениях и многоглавых венчаниях первых каменных храмов древней Руси.

Распад Древнерусского государства на небольшие удельные княжества вызвал уменьшение масштабов строительства. В период феодальной раздробленности на Руси широко распространилось строительство небольших княжеских, монастырских или посадских храмов. Обширные, многоглавые соборы, торжественные и пышные, в силу исторически сложившихся причин уступили место скромным, одноглавым церквям, созданным местными мастерами. Эти церкви, строившиеся в XII—XV вв. в Юго-Западной, Центральной и Северной Руси, а затем в период монгольского нашествия почти исключительно в Новгороде и Пскове, отличались необыкновенным изяществом и гармоничностью своих форм и пропорций. Об исключительном внимании их строителей к художественному воздействию, которое они оказывали, свидетельствуют великолепные фресковые росписи, покрывавшие их интерьеры. В некоторых из этих небольших по абсолютным размерам, но прекрасных по архитектуре зданий открыты самые ранние трехлопастные завершения фасадов.

В основе русского храма, фасады которого имеют трехлопастное завершение, как и в большинстве древнерусских храмов, лежит крестовокупольная система, видоизмененная в соответствии с новыми историческими условиями и получившая здесь новое художественное выражение. Однако трехлопастному завершению здания соответствует другая система сводов, его покрывающих. Концы креста, как во всяком крестовокупольном храме, покрываются цилиндрическими сводами, а угловые части понижаются и покрываются сводами в виде четверти цилиндра. Получающееся на фасаде с восточной и западной сторон трехлопастное завершение полностью соответствует сводам здания. С южной и северной сторон его боковые части декоративны.

Такое сочетание сводов имеет несомненное преимущество перед обычно применявшимся позакомарным покрытием, т. е. покрытием всех основных деталей храма цилиндрическими сводами, расположенными на равной высоте. Это сочетание значительно облегчает сток воды с кровли здания и этим предохраняет его от повреждений, происходящих от осадков. Такое сочетание сводов значительно видоизменяет внешний облик сооружения и придает его пропорциям стройный и динамичный характер. Внутреннее пространство церкви также выигрывает от такой системы покрытия, так как здесь усиливается контраст между высокой открытой центральной частью и понижающимися к наружным стенам боковыми частями.

Трехлопастная кривая была известна русской архитектуре с давних времен. В церкви Спаса на Берестове в Киеве (начало XII в.) на западной стене имеются следы такой кривой, назначение которой не вполне ясно (рис. 2). Весьма вероятно, что она отвечала покрытию бывшего там ранее притвора. Трехлопастная кривая имеется в постаменте под барабаном в соборе Спасо-Евфросиниева монастыря близ Полоцка (1128—1156 гг.). Здесь эта кривая имеет декоративный характер (рис. 3). Именно это обстоятельство позволяет сделать заключение, что трехлопастным кривым середины XII в. уже предшествовали какие-то неизвестные нам конструктивные прообразы. Трехлопастной кривой завершается фасад собора Михаила Архангела (1191—1194 гг.) в Смоленске (рис. 4). Здесь эта форма вполне конструктивна. В усложненном виде трехлопастная кривая имела в Пятницкой церкви в Чернигове (конец XII—начало XIII в.),

где она была связана с ярусной композицией верха. В Пятницкой церкви угловые помещения были покрыты сводами в виде четверти цилиндра; восточные и западные фасады завершались трехлопастными кривыми. В Новгороде своды в виде четверти цилиндра, выявленные на фасаде, имелись уже в храме Софии (1045—1052 гг.), где они покрывают крайние боковые деления с восточной стороны (рис. 5).

Пришла ли такая форма из византийской архитектуры или возникла самостоятельно, без дополнительных исследований сказать трудно. В некоторых византийских церквях были трехлопастные декоративные кри-

Рис. 2. Церковь Спаса на Берестове в Киеве (начало XII в.).
Часть западного фасада.

вые над группами окон, которые могли быть подражанием конструктивным формам. Однако трудно допустить, чтобы такое завершение, если бы оно существовало, не сохранилось в каком-либо из известных нам византийских памятников. А сохранившиеся византийские церкви не имеют такого живописного силуэта, какой был свойствен славянским церквям. Концы креста у многих из них также имели позакомарное покрытие, как, например, в церкви монастыря Мирелейон в Константинополе (920—940 гг.) — одной из ранних крестовокупольных церквей, архитектура которой может быть реконструирована более или менее достоверно. Однако выделение повышенной центральной части еще не было достаточно для того, чтобы придать динамичность пирамидальной композиции здания, что было достигнуто в архитектуре восточных и южных славян. Ровной, плавной линией завершается эксонартекс церкви Феодоры, Килиссе-Джами (вторая половина XI в.) в Константинополе, в котором, судя по верхним аркам и глубоко сидящим барабанам, можно предполагать позакомарное покрытие (рис. 6). Расчленяя стены здания множеством неглубоких ниш, двойными и тройными аркадами окон и т. п., византийские архитекторы оставляли верхние части здания более тяжелыми и массивными. Облегчению верха

не способствовало даже венчание здания пятью куполами, как это было в церкви Паригоритиссы в Арте (XIII в.) (рис. 7).

Один из наиболее ранних храмов с трехлопастным завершением фасадов, соответствующим расположению его сводов, был обнаружен под позднейшими наслоениями в церкви Перынского скита Юрьева монастыря

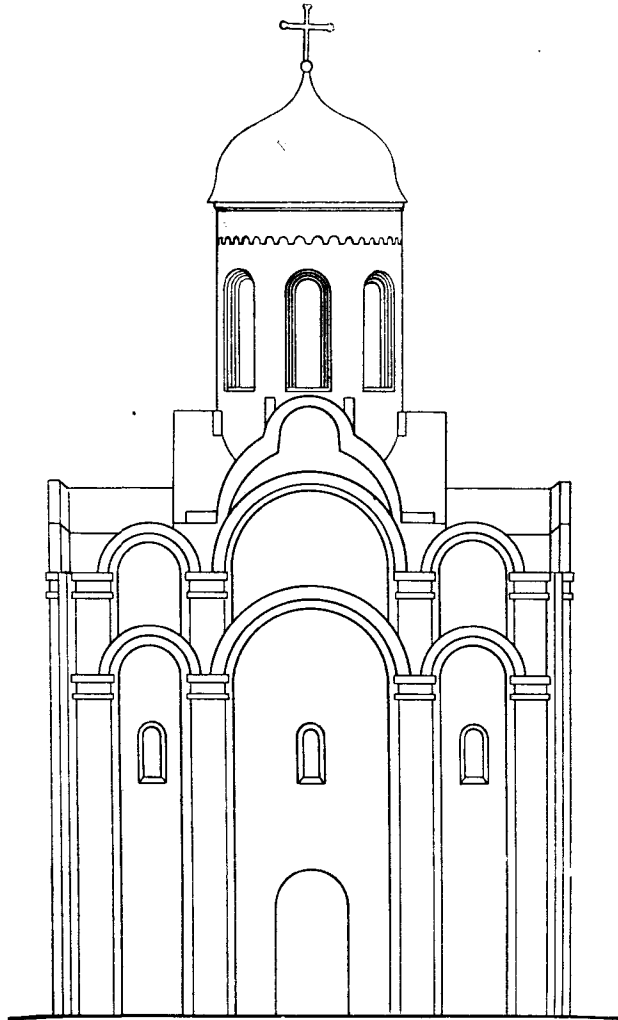

Рис. 3. Собор Спасо-Евфросиниева монастыря близ Полоцка (между 1128 и 1156 гг.). Зодчий Иван. Западный фасад. Реконструкция.

близ Новгорода¹. Произведенные нами в 1947—1948 гг. обмеры и зондажи этой церкви обнаружили под позднейшей четырехскатной кровлей, для устройства которой были надложены ее стены, первоначальное трехлопастное завершение. Изучение памятника показало, каким обманчивым может быть в ряде случаев внешний вид сооружения, совершенно изменившегося, благодаря позднейшим переделкам, свой первоначальный облик (рис. 8).

¹ См. Р. Кацнельсон. Древняя церковь в Перынском скиту близ Новгорода. Архитектурное наследство, № 2, 1952, стр. 69—85.

Церковь в Перынском скиту — маленький монастырский храм, поставленный возле разрушенного древнего языческого капища (рис. 9). Время постройки церкви не установлено. Судя по технике кладки, она могла быть

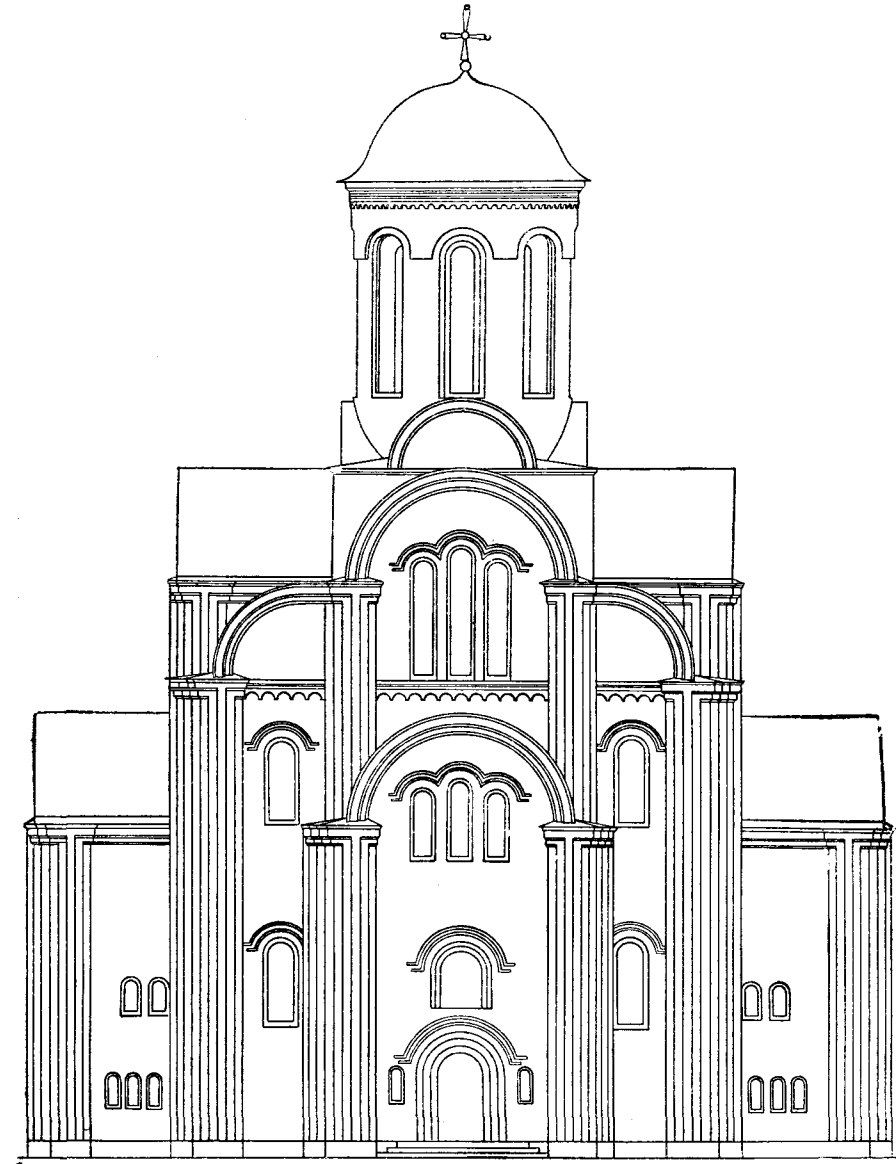

Рис. 4. Собор Михаила Архангела в Смоленске (1191—1194 гг.). Западный фасад. Реконструкция.

выстроена в XII—начале XIII в. Это почти квадратная в плане, крестово-купольная церковь, которая имеет предельно простую композицию. Четыре внутренних столба членят ее интерьер, образуя подкупольное пространство, которое, повторяя общую форму здания, приближается к квадрату. Пространство между столбами и наружными стенами представляло собой

Рис. 5. Собор Софии в Новгороде (1045—1052 гг.).

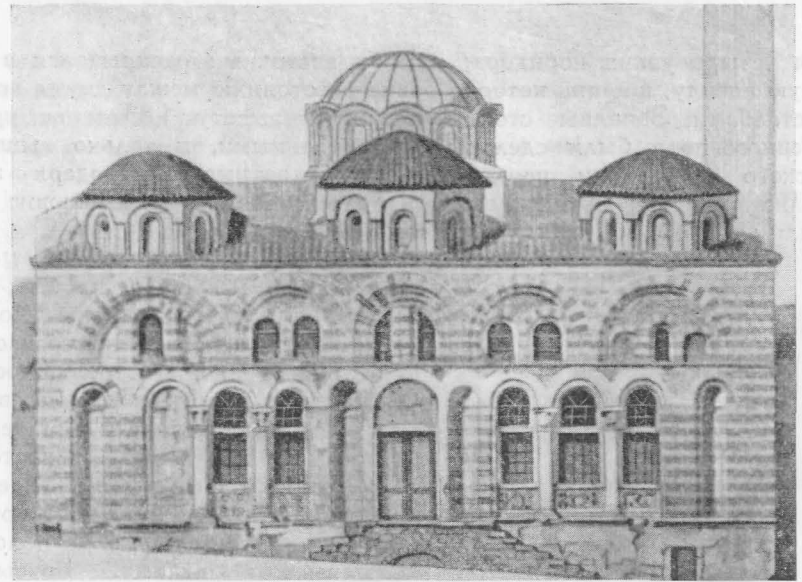

Рис. 6. Церковь Феодоры, Килиссе-Джами в Константинополе (вторая половина XI века).

Рис. 7. Паригоритисса в Арте (XIII век).

как бы четыре узких коридора; из них восточный раскрывался в центральную апсиду, ширина которой равна расстоянию между двумя восточными столбами. Западные столбы церкви на высоту 1,83 м от уровня современного пола были сделаны восьмигранными, и только выше человеческого роста они переходили в квадратные; благодаря этому пространство вокруг них становилось более свободным. Небольшие хоры занимали только одно западное деление церкви (рис. 10).

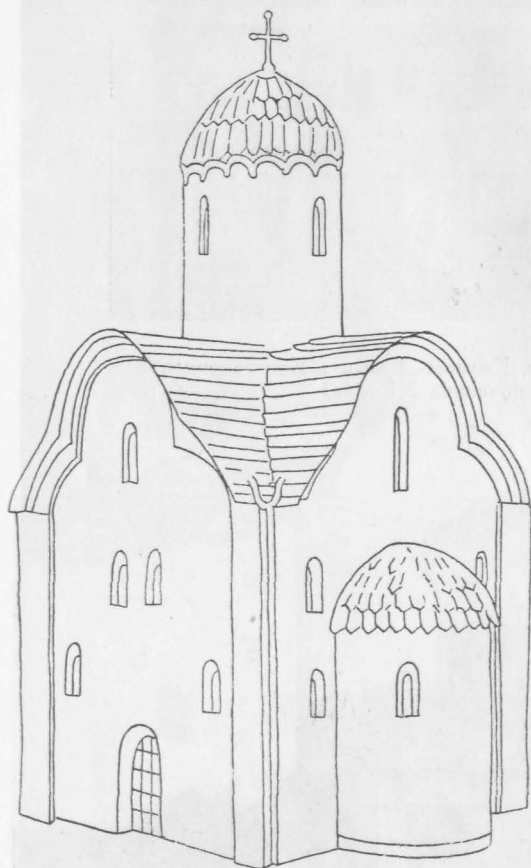

Рис. 8. Церковь в Перыном скиту близ Новгорода (XII—начало XIII в.). Макет. Реконструкция.

вающие подпружные арки под барабаном, и новая система боковых сводов. Цилиндрические своды, образующие центральные лопасти, примыкают к барабану по осям входов и апсиды. Они расположены выше подпружных арок между внутренними гранями столбов. Восточные и западные своды, образующие боковые лопасти, спускаются со столбов на стены плавной кривой, перекрывая незначительные отрезки оставшихся неперекрытыми боковых частей здания. Это лопастное покрытие церкви способствует созданию просторного внутреннего пространства, позволив свести к минимуму покрытие боковых сторон и расширить центральную часть; при малых размерах помещения устройство угловых закомар вызвало бы значительное уменьшение подкупольного пространства, так как потребова-

Наружные стены церкви также предельно просты; плоские лопатки фланкируют их углы и завершаются трехлопастной кривой, которая соответствует покрывающим ее сводам. С севера, запада и юга церковь имеет три входа, с восточной стороны сильно выступает ее единственная апсида, которая доходит примерно до половины высоты здания. Возвышающийся над церковью барабан, покрытый шлемовидным куполом, очень высок. Расположенные в шахматном порядке окна имеют глубокие откосы как внутри, так и снаружи.

Благодаря наличию трех раскрывающихся дверей, открытой широкой апсиды, которая была отделена от подкупольного пространства одной лишь низкой алтарной преградой, и высокому подкупольному пространству, которое было в 2,5 раза больше всей ширины церкви, церковь внутри, несмотря на свои незначительные размеры, равные примерно $6,10 \times 6,25$ м, производит впечатление просторного, высокого сооружения. Это впечатление усиливают широко расставленные стройные и высокие подкупольные столбы, поддержи-

лось бы либо сблизить подкупольные столбы, либо закомары были бы крайне малы.

Расположенная в небольшом скиту, вдали от города и на расстоянии одного километра от Юрьева монастыря, где имелся большой соборный

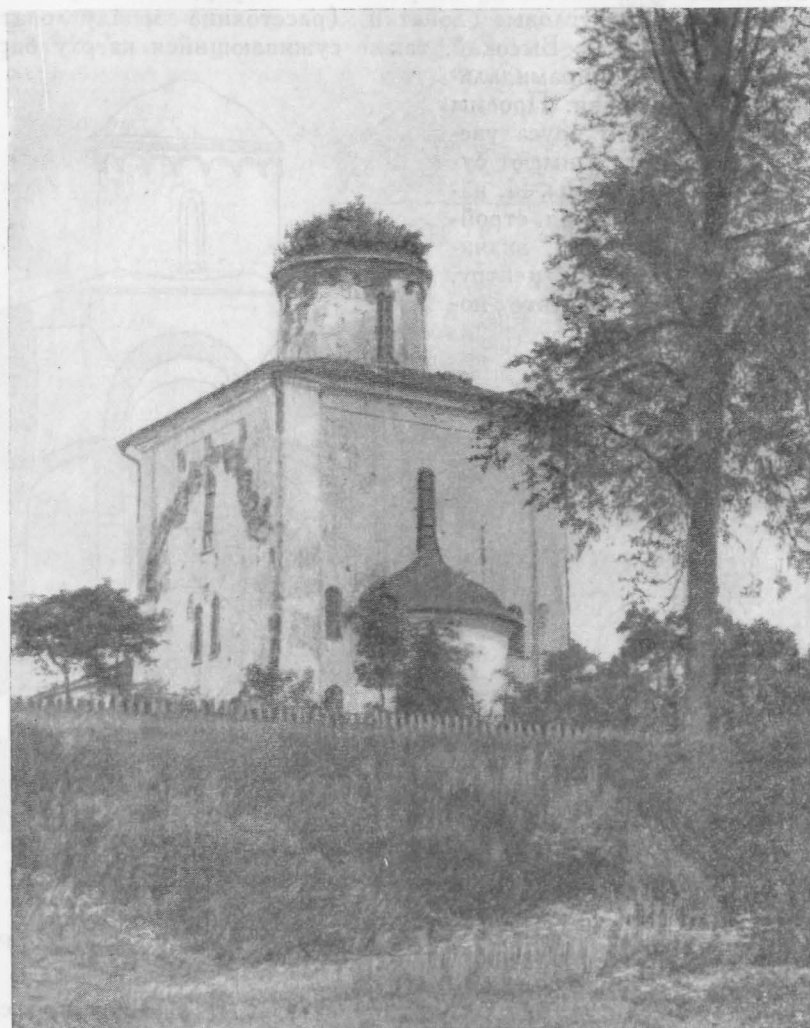

Рис. 9. Церковь в Перыном скиту близ Новгорода. Общий вид существующего здания.

храм, церковь была рассчитана на незначительное количество молящихся. Небольшие размеры участка, занимаемые скитом, заставили экономить площадь и кубатуру здания. В то же время церковь стоит на высоком холме на берегу Волхова в месте его истока из Ильмень-озера; она далеко видна со стороны реки и как бы оформляет собою подъезд к монастырю, а затем и к городу со стороны озера. Такое важное расположение заставило искать для нее и соответствующие художественные формы.

Это маленькое, лаконичное по своим формам сооружение, в котором почти полностью отсутствовали декоративные детали, отличалось

динамичностью построения, стройностью силуэта и казалось как бы органически сросшимся с окружающей его природой. Эти характерные для древнерусских сооружений черты достигаются пропорциями и соотношениями всех частей здания, всеми его деталями. Как показали обмеры здания, его стены несколько суживаются по направлению кверху, также суживаются широко расставленные угловые лопатки (расстояние между лопатками почти равно их высоте). Высокий, также суживающийся кверху барабан завершает стройную пирамидальную композицию церкви. Проемы каждого последующего яруса увеличиваются по высоте и имеют суживающиеся кверху формы. И, наконец, здание завершается стройной трехлопастной кривой, значительно повышающейся к центру, которая увенчивает все это построение.

Рис. 10. Церковь в Перинском скиту близ Новгорода. План (реконструкция) и разрез.

Подобная композиция здания свидетельствует о высоких профессиональных навыках и глубоком архитектурном ощущении строивших его мастеров. В этой маленькой церкви они сумели чрезвычайно тонко сочетать ее функциональные и утилитарные потребности с наиболее выгодной конструкцией верха и, максимально используя художественные средства, создать подлинное произведение искусства.

Исследование новгородских церквей с четырехскатным или пофронтонным покрытием показало, что во многих случаях под этими покрытиями, сооруженными над надложенными стенами, скрывалась трехлопастная система завершения, которая получила широкое распространение в новгородской архитектуре XIII—XIV вв. В зависимости от назначения здания она имеет большие или меньшие размеры, получает более или менее сложную обработку. Архитектура этих зданий чем позже, тем больше отличается от византийских крестовокупольных церквей.

Наиболее близка к Перынской церкви по своим архитектурным формам церковь Николая на Липне (1292 г.). Ее первоначальный облик был реконструирован в результате тщательного изучения памятника в 1945—1946 гг.²

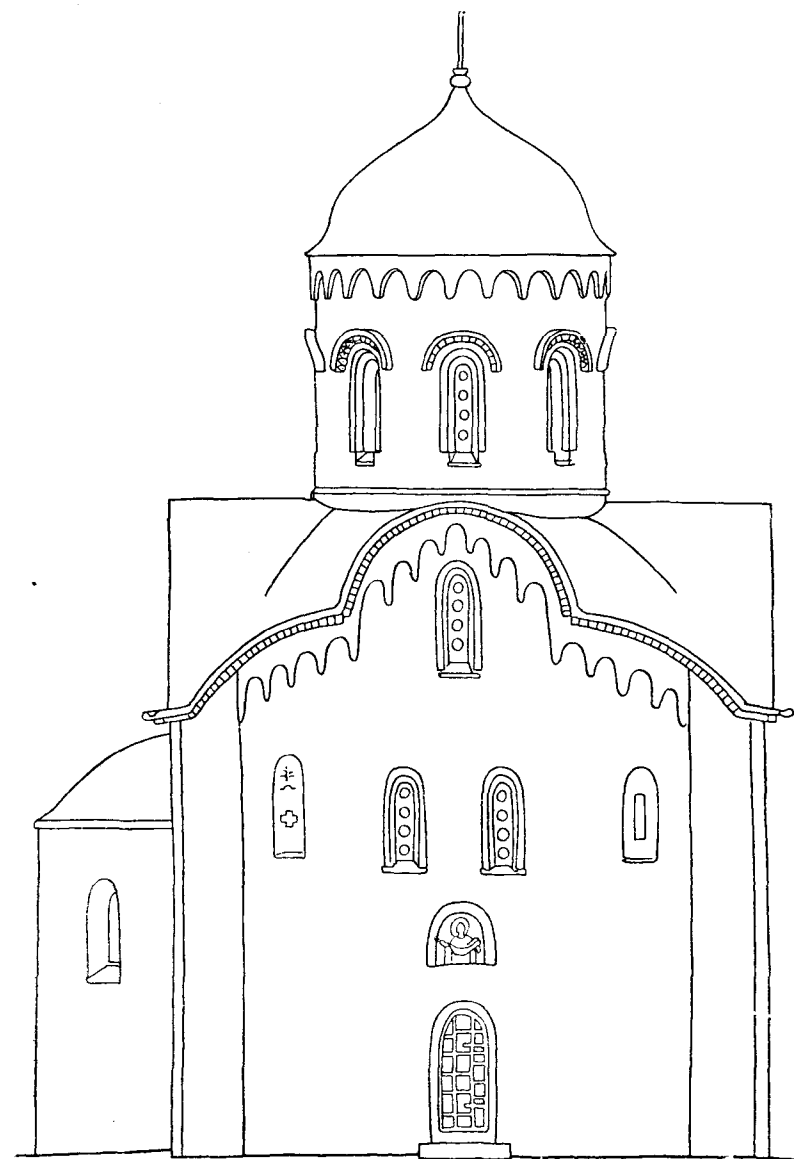

Рис. 11. Церковь Николая на Липне в Новгороде (1292 г.). Реконструкция северного фасада.

Исследование показало, что стены церкви также были надложены в позднейшее время и она получила пофронтонное покрытие на восемь скатов. В дальнейшем и это покрытие было перестроено и заменено четырехскатным. Первоначально церковь имела трехлопастное завершение, подобное

² См. П. Максимова. Церковь Николая на Липне близ Новгорода. Архитектурное наследство, № 2, 1952, стр. 86—104.

завершению церкви Перынского скита, но более развитое, с декоративными арочками под ним. Однако здесь трехлопастное завершение фасадов отвечало сводам здания только в восточной части. В западной части угловые помещения были покрыты четырехгранными кирпичными шатрами. Это говорит о том, что в конце XIII в. в Новгороде трехлопастное завершение фасадов уже стало формой, применявшейся не только там, где она с неизбежностью вытекала из формы сводов, но и в тех случаях, где этого не было и где ее применяли как привычную и ставшую излюбленной и традиционной (рис. 11).

За церковью Николы на Липне в Новгороде следует ряд церквей этого типа: разрушенная в 1941 г. немецкими фашистами церковь Успения на

Рис. 12. Церковь Успения на Волотовом поле в Новгороде (1352 г.). Реконструкция.

Волотовой поле (1352 г.), церковь Федора Стратилата на Ручье (1361 г.) и др. (рис. 12—13). Эти замечательные памятники древнерусского зодчества показывают, как русские мастера-зодчие, положившие после крещения Руси в основу каменного культового строительства уже разработанную в Византийской империи крестовокупольную систему, в дальнейшем переработали ее в соответствии со своими утилитарными потребностями и художественными традициями. В конечном счете выработался новый, своеобразный тип русского крестовокупольного храма.

Процесс переработки византийских архитектурных форм должен был происходить и происходил в архитектуре южных славян в Болгарии, Сербии, Далмации. Однако здесь этот процесс имел ряд существенных особенностей. Во-первых, на развитие каменной архитектуры у южных славян деревянные постройки оказывали меньшее влияние, чем на развитие русской каменной архи-

тектуры. Перед глазами южнославянских зодчих находились античные памятники, а также ранневизантийские каменные постройки, которые могли служить прообразами южнославянских архитектурных сооружений. Во-вторых, в противоположность восточным славянам, которые восприняли от Византии готовый тип храма, южные славяне сами непосредственно участвовали в формировании византийского зодчества, которое само по себе явилось созданием всех народов, входивших в состав империи, в равной мере западных и восточных. Как и византийская архитектура, архитектура Болгарии, а также и Сербии явилась наследницей античных и эллинистических традиций, существовавших на Балканском полуострове. Еще в большей степени это относится к архитектуре Далмации. Архитектура южных славян восприняла ряд художественных и конструктивных элементов позднеимперской и эллинистической архитектуры, как, например, систему кладки, ряд композиционных и декоративных элементов и т. д. Но все эти элементы были оплодотворены традициями народного искусства южных славян, и поэтому дальнейшее развитие архитектуры в южнославянских государствах пошло по пути, отличному от развития византийского зодчества.

Народные традиции искусства южных славян, во многом общие с традициями славян восточных, создали в их архитектуре ряд черт, характерных и для зодчества восточных славян. Это неоднократно отмечалось как русскими, так и южнославянскими учеными³. Одной из таких черт было динамическое, пирамидальное построение и сосредоточивание основных композиционных средств в верхних частях здания. Одним из новых конструктивных и художественных приемов, несвойственных византийской

Рис. 13. Церковь Федора Стратилата на Ручье в Новгороде (1361 г.). Общий вид после реставрации.

архитектуре, явилось применение ступенчатых подпружных арок, вызвавшее также появление высокого постамента под барабаном.

Существовало ли в архитектуре южных славян трехлопастное завершение фасадов и в какой мере оно характерно для славянского зодчества вообще?

Опубликованная в 1955 г. работа Н. Мавродинова⁴, подробно останавливающегося на связях между древнерусским и болгарским искусством, к сожалению, этот вопрос оставляет без внимания. Н. Мавродинов выделяет тип как русских, так и болгарских церквей с единым покрытием, повторяя высказанную им ранее мысль о том, что этот тип характерен для славянской архитектуры и не связан с византийскими художественными формами⁵. «Когда мы говорим о крестовидной церкви, под «вписанным»

³ См., например, Н. Мавродинов. Византизм и славянское искусство. София, 1935; Н. Брунов. О некоторых связях русской архитектуры с зодчеством южных славян. Архитектурное наследство, № 2, 1950, стр. 3—42.

⁴ Н. Мавродинов. Връзките между Българското и Руското изкуство. София, 1955.

⁵ Н. Мавродинов. Ук. соч., стр. 44; ср. е го же. Единокабната и крестовидната църква. София, 1931, стр. 61.

крестом мы понимаем обыкновенно тот тип, который встречается в средневековом византийском мире. Имеется, однако, один вид крестовидной купольной церкви, на который до сих пор не обращалось достаточного внимания и который распространился в России еще с начала XII в. Внутренние его конструкции — своды, арки, опоры — не отличаются от таковых в обычном типе и могут быть отнесены к той или иной разновидности. Способ покрытия, однако, совершенно отличен. Крест не отмечен в покрытии, помещения между концами креста не покрыты более низко. Церковь имеет единое покрытие. Она представляет собою кубическую постройку. Ясно, что, если внутренняя ее конструкция одинакова с таковой в свободном кресте и в сводчатой базилике византийского мира, внешний ее вид не имеет ничего общего с последними двумя типами церквей»⁶.

Н. Мавродинов справедливо выделяет тип русских церквей с высокими апсидами, характерный для новгородской архитектуры, как тип, отличный от византийских церквей. К этому типу относятся собор в Антониевом монастыре в Новгороде (1117 г.), Георгиевский собор в Юрьевом монастыре близ Новгорода (1119 г.), Николо-Дворищенский собор в Новгороде (1113 г.) и другие. Однако, как показали последние исследования, и в этих постройках крест обязательно выделялся во внешнем объеме здания. Концы креста, значительно более широкие, чем боковые деления, выделялись в верхних частях здания более широкой, а следовательно, и более высокой закомарой. Расположение высокого барабана с куполом над центром пересечения цилиндрических сводов креста еще более его подчеркивало.

В качестве примеров болгарских церквей с нерасчлененными покрытиями Н. Мавродинов приводит церковь Пантелеймона в Бояне и церковь Иоанна Богослова в Земенском монастыре (рис. 14—15). «Высокие, скрытые под общим покрытием с церковью апсиды и само покрытие, которое едино и не передает внутреннего распределения сводов, неизвестны вообще балканской архитектуре. Мы их видели в России и могли бы их считать за русское влияние, если бы не было малой Боянской церкви, которая на два века раньше имела такое же общее, нерасчлененное покрытие и свидетельствует о распространении этого типа церкви у нас»⁷.

Нам кажется несомненным наличие общих черт в архитектуре Боянской и Земенской церквей. Однако эти общие черты можно было бы искать не в том, что они имеют общее покрытие, а, наоборот, в характере расчлененности, в динамичности их завершения.

Произведенные Г. Стойковым⁸ детальные обмеры Боянской церкви ничего не говорят об ее первоначальном покрытии, так как в них не указаны конструкции. В то же время фреска с изображением Калояновой церкви прямо указывает на то, что средняя, Калоянова, церковь имела покрытие по фронтонам, а не под прямой карниз. На фреске церковь изображена не с простыми треугольными фронтонами, но с фронтонами, разделенными уступом на фронтоном над средней третью фасада и на односкатные продолжения его над боковыми третями. Такого рода фронтоны, напоминающие торцовые фасады трехнефных базилик, применялись и в русской архитектуре, например в некоторых памятниках Пскова. Так же трудно определить характер первоначального покрытия церкви в Земене. Хотя в настоящее время она покрыта простой четырехскатной черепичной кровлей, в центре которой возвышается барабан, ее фасады членятся на гри

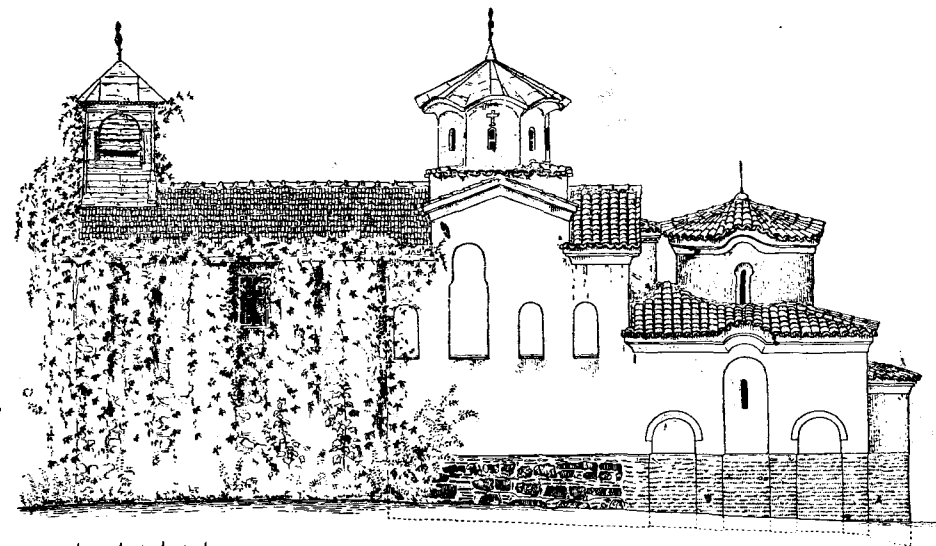

Рис. 14. Боянская церковь (XII—XIII вв.).

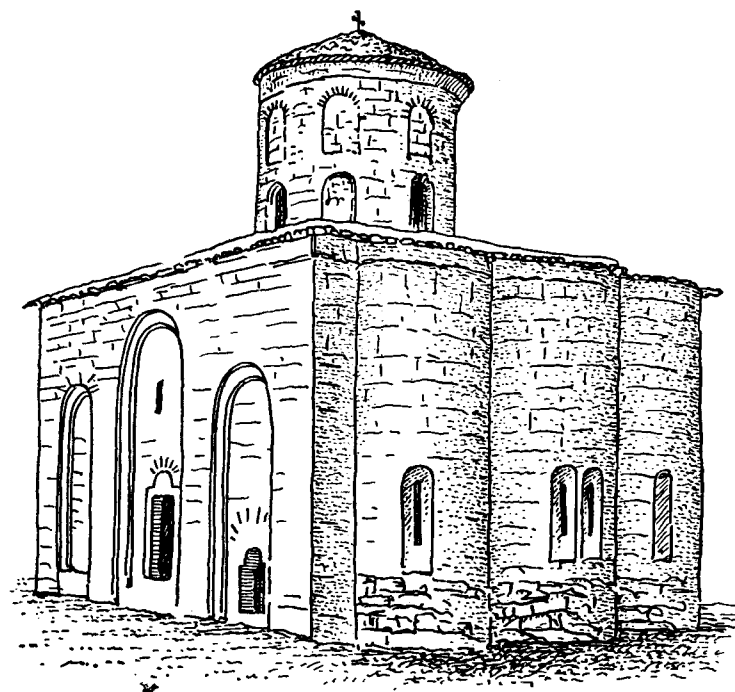

Рис. 15. Церковь в Земене (XII в.).

⁶ Н. Мавродинов. Единокарабната и крестовидната църква, стр. 61.

⁷ Н. Мавродинов. Връзките между Българското и Руското изкуство, стр. 45.

⁸ Г. Стойков. Боянская церковь. София, 1954.

Рис. 16. Церковь св. Стефана (Новая Митрополия) в Месември (XV в.).

Рис. 17. Церковь в Грачанице (XIV в.).

неравные части двухступчатыми лопатками, которые связываются вверху такими же двухступчатыми полуциркульными арками. Расположение арок на различной высоте позволяет предположить, что здание

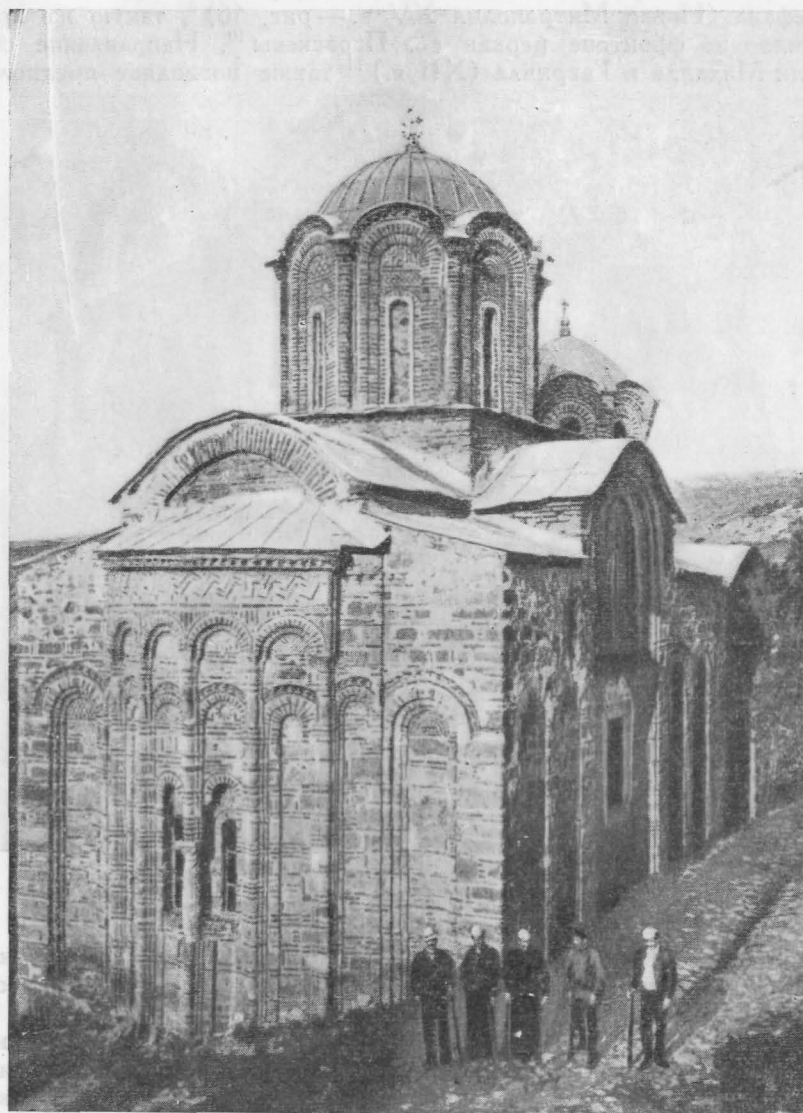

Рис. 18. Церковь в Лесново (XIV в.).

первоначально имело другое завершение. Это могло быть либо пофронтонное покрытие, как в других болгарских церквях, либо позакомарное, либо даже трехлопастное.

На мысль о том, что болгарской архитектуре также было известно трехлопастное завершение, наводят верхние части некоторых церквей Месемврии. Была ли в них трехлопастная форма завершения первоначальной и была ли она конструктивной или только декоративной, в настоящее

время, когда в большинстве случаев разрушены первоначальные своды, без дополнительного исследования установить трудно. Возможно, что на фронтонах месемврийских церквей остались следы, позволяющие определить форму сводов. Трехлопастной кривой завершается фронтон церкви св. Стефана (Новая Митрополия XV в. — рис. 16)⁹, такую же кривую ясно видно на фронтоне церкви св. Параскевы¹⁰. Направление сводов в церкви Михаила и Гавриила (XII в.)¹¹ также позволяет предполагать

Рис. 19. Собор в Шибенике (середина XV в.)

такое покрытие, как и своды в церкви в селении Колуша в Кюстендиле. Конечно, это предположение требует проверки на памятниках, натурное обследование которых может его и опровергнуть.

В архитектуре Сербии, по имеющимся у нас литературным данным, трехлопастное завершение не применялось. Здесь усложнение верхних частей здания шло по пути применения ступенчатых закомар и кокошников — церкви в Грачанице (XIV в. — рис. 17) и в Калениче (XV в.)¹². Можно было бы предположить трехлопастное завершение в церкви в Лесново (1341 г. — рис. 18)¹³, но пока натуральных данных для этого нет.

Церкви с трехлопастными верхами фасадов известны в несколько более поздних памятниках архитектуры Далмации, для которой этот тип имел

⁹ M. Zimmermann. Alte Bauten in Bulgarien. Berlin, s. a., S. 2.

¹⁰ А. Рашенов. Месемврийски църкви. София, 1932, таблица II.

¹¹ M. Zimmermann. Op. cit., tab. 8.

¹² Б. Бошковић. Кубе над припратом манастира Каленића. Старинар, т. V. Београд, 1930, стр. 156—173.

¹³ G. Millet. L'ancien art serbe. Paris, 1919, рис. 123.

большое значение. Такое завершение имеют фасады собора в Шибенике (середина XV в. — рис. 19), крупнейшего произведения далматинского ренессанса, выстроенного славянским мастером Юрием Далматинцем. Собор

Рис. 20. Церковь Спаса в Дубровнике.

в Шибенике представляет собой трехнефную базилику с развитой алтарной частью. Средний неф, значительно более высокий и широкий, чем боковые нефы, покрыт цилиндрическим сводом. Боковые нефы покрыты сводами в виде четверти цилиндра. Благодаря такому сочетанию сводов фасад получает трехлопастное завершение. Собор в Шибенике стал образ-

цом для многих ренессансных церквей Далмации. Таковы церкви Марии в Задаре и Спаса в Дубровнике (рис. 20), также имеющие трехлопастное завершение фасадов. Однако в то время, как в соборе в Шибенике это завершение, соответствуя принятой в нем системе покрытия здания сводами, является конструктивным, в последних двух церквях оно является чисто декоративной формой, так как обе они не имели сводов.

Трехлопастное завершение фасадов характерно также для церквей Венеции, которая имела тесные экономические и политические связи с Далмацией. Так, очень ярко оно воспроизведено в венецианской церкви Сан-Дзаккария, постройка которой началась в 1458 г. Однако и здесь эта форма носит чисто декоративный характер, так как боковые лопасти церкви Сан-Дзаккария превратились в свободно стоящие фальшивые стенки, за которыми ничего нет.

Такое сочетание сводов, которое дает возможность осуществления трехлопастного завершения фасадов, известно не только славянской архитектуре. Оно знакомо также Западу, в частности Франции, где его можно видеть в нескольких памятниках XI—XII вв. (церковь св. Стефана в Невере и др.). Однако там оно оставалось только внутренней формой, не выраженной на фасадах.

Ранние деревянные сооружения южных и восточных славян не сохранились. О них можно судить только по описаниям современников и по более поздним сооружениям, характерным для памятников народного деревянного зодчества. Для русского деревянного зодчества XVI—XVII вв. применение ломаных кривых в завершениях зданий было обычным явлением. Многообразие форм, богатство силуэта, высокая строительная техника деревянного зодчества XVI—XVII вв. убедительно доказывают, что к этому времени оно уже прошло большой путь своего развития. Русское каменное зодчество, возникшее значительно позднее деревянного, но затем развившееся параллельно с ним, несомненно должно было воспринять его художественные традиции там, где они не противоречили его конструктивным законам. Рассматриваемая нами форма сочетания сводов весьма удобна для выполнения ее в каменных конструкциях; это подтверждает также применение ее в разнообразных постройках Запада. Как художественная форма она является характерной особенностью славянской архитектуры, связанной с традициями славянского деревянного зодчества.

Надо надеяться, что дальнейшие работы в области изучения древнерусского зодчества, так же как необходимые исследования архитектуры южных славян, в этом частном вопросе помогут установить еще один связующий их элемент и выявить одну из многих характерных особенностей славянской архитектуры. Это тем более важно, что выявление характерных особенностей искусства каждой страны имеет большое значение для развития в ее современной архитектуре законов и принципов своего национального наследия.

Л. М. МЕЛИКСЕТ-БЕК

GRAECO-BYZANTINA В ДРЕВНЕАРМЯНСКОМ LIBER EPISTOLARUM

Древнеармянская литература, как и древнегрузинская, весьма богата всякого рода сборниками, которые напоминают аналогичные греко-византийские (и славянорусские) сборники: лекционари, катэны, апофегматы, минеи (четы-миней), синаксарии, гимнариумы, Libri de causis (Libri causarum) и пр.

Особую категорию составляют три сборника, являющиеся гордостью древнеармянской литературы: 1. «Книга посланий», или, что то же, «Книга писем», — Liber epistolarum; 2. «Печать веры» — Sigillum fidei и 3. «Книга канон» — Corpus juris canonici, которые сложились на протяжении ряда веков начиная с V—VII вв., в условиях острой религиозно-идеологической борьбы этого периода¹. Из них, в частности, особого внимания заслуживает весьма оригинальный по замыслу сборник эпистолярных документов, называемый по-армянски «Гирк' т'хт'оц», т. е. «Книга писем», или «Книга посланий», — Liber epistolarum.

Материалы, вошедшие в этот сборник, отражают переписку между армянскими и греческими, армянскими и сирийскими, армянскими и грузинскими первоиерархами, иерархами и другими деятелями по всем тем животрепещущим вопросам, которые стояли в центре внимания армянской общественной мысли в период средневековья².

Сборник состоит из трех по крайней мере групп документов, из коих первая (самая древняя) относится к периоду V—VII вв., вторая — к VIII—XI вв. и, наконец, третья — к XI—XIII вв. Сборник дошел до нас в уникальном рукописном экземпляре, который некогда хранился в библиотеке братства Антонян в Константинополе и по этому экземпляру издан в Тифлисе в 1901 г. (XVIII + 584 стр.). Всего в этом издании 98 документов.

По М. Орманяну, сборник этот один из тех, которые «начаты составлением при армянской патриархии»³. М. Орманян приписывает первоначальную редакцию сборника Иоанну Одзунскому (до 728 г.), Н. Акинян — Моисею Цуртавскому (начало VII в.), Н. Адонц и К. Тер-Мкртчян — католикосу Комитасу (618—628 гг.). С последним согласны и мы.

Касаясь издания 1901 г., Н. Г. Адонц в 1913 г. писал: «Сборник эпистолярных документов, ... называемый «Книга посланий», — один

¹ Л. Меликсет-Бек. Вардапеты армянские северных стран и выяснение их личности в связи с вопросами армяно-грузинских взаимоотношений. Тбилиси, 1928, стр. 69—75 (на груз. яз.); его же. История древнеармянской литературы. Тбилиси, 1941, стр. 63—66 (на груз. яз.).

² Частью этих материалов широко пользовался, между прочим, историк Х в. Ухтанес, автор трактата «История отделения грузин от армян», в котором сохранились весьма ценные данные по истории армяно-грузинских отношений на рубеже VI—VII вв.

³ М. Орманян. Азгпатум. I. Константинополь, 1913, стр. 608 (на арм. яз.).

из памятников древнеармянской письменности, значение которого было оценено в научном мире сейчас же по появлении его в печати. Правда, памятник этот по содержанию своему не представляет ничего нового, так как входящие в него статьи за редкими исключениями были известны из других рукописных сводов, но тем не менее он важен именно как сборный труд. Здесь мы видим, какие документы, какие произведения считались у армян наиболее авторитетными и решающими при толковании сложных вопросов церковной догматики»⁴.

Высокую оценку «Книги писем» как исторического источника дал и Джавахишвили (И. А. Джавахов)⁵ и ряд других исследователей.

К сожалению, уникальная рукопись оказалась несколько дефектной и не без лакун, поскольку из нее были вырваны некоторые страницы, а ряд листов дошел до нас разорванным по краям.

Пробелы, имевшиеся в издании 1901 г., удалось вскоре же частично восполнить по эчмиадзинским рукописям, что и было сделано в 1902 г. на страницах эчмиадзинского же журнала «Арагат» студентом духовной академии Гюлханданяном⁶. Частичные эксцерпты некоторых документов сборника были обнаружены в другом уникальном памятнике древнеармянской письменности «Кник' хавато» — «Печать веры» (Sigillum fidei), найденном в 1909 г. в Дарашамбском монастыре в Северной Персии и изданном К. Тер-Мкртчяном в Эчмиадзине в 1914 г.

В реставрации же особенно нуждались те страницы «Книги посланий», которые в константинопольской рукописи оказались дефектными вследствие повреждения отдельных листов по краям. К счастью, эту задачу удалось выполнить нам на основании рукописи Гос. Музея Грузии агт. № 21, описанию которой мы посвятили специальную статью⁷. На основе этой рукописи удалось установить и то, что «Книга посланий» должна была состоять не из 98, а из 100 документов.

Что касается вопроса о первоначальной редакции сборника, то таковой правильно разрешен Н. Г. Адонцем, который по этому поводу в 1913 г. писал: «Вопрос о первоначальном размере сборника разрешается без затруднения. Сохранившаяся в конце трактата о вере католикоса Комитаса запись о том, что «список Григория Вкайасера (Мучениколюбца) кончался здесь», должна быть понята не в том смысле, конечно, что знаменитый любитель родной письменности располагал дефектным списком «Книги посланий». Запись эта означает, что еще при Григории⁸ наш сборник был свободен от всех последующих за указанным сочинением Комитаса статей»⁹.

* * *

Из документов, включенных в «Книгу посланий», часть безусловно переведена с сирийского, как, например, переписка Петра Александрийского с Акакием Константинопольским (9 писем Петра и 6 писем Акакия), по-

⁴ Н. Адонц. Ампелий, епископ Херсонский (К критике армянской „Книги посланий“). Христианский Восток, т. II, 1913, стр. 175.

⁵ И. А. Джавахов. История церковного разрыва между Грузией и Арменией в начале VII века. Известия Имп. Академии Наук, 1908, стр. 440.

⁶ Гюлханданян. Лакуны в Книге писем и не вошедшие в нее письма. Арагат, 1902 г., май—июнь, стр. 560—569; июль—август, стр. 748—753.

⁷ А. Меликсет-Бек. Новый вариант армянской „Книги посланий“ и ученик Петра Ивера Иоанн Майумский. Вестник Гос. Музея Грузии, т. XI-B, 1941, стр. 41—80 (на груз. яз. с русск. резюме).

⁸ Во второй половине XI в.

⁹ Н. Адонц. Ампелий, епископ Херсонский, стр. 176.

скольку личные имена в этой переписке, как правильно заметил Н. Г. Адонц, даны в сирийской форме: «Пог'ок'ер» в м. Pulcheria, «Пег'ин» в м. Phlavianus, «Антег'ис» в м. Anatolius, «Гнадис» в м. Gennadius, «Шмавон» в м. Simeon и др.¹⁰ Большая же часть документов либо оригинальна, либо представляет перевод с греческого.

В частности, с греческого переведены такие документы, которые, будучи написаны первоначально на армянском и грузинском языках (переписка армянского католикоса Авраама с грузинским католикосом Кирионом), а затем переведены с армянского на греческий язык, впоследствии оказались утерянными в подлиннике, почему и пришлось их восстановить путем обратного перевода с греческого на армянский язык.

Следы обратного перевода с греческого на армянский, следствием чего явились искажения грузинских топонимических названий в списке грузинских епископов, участвовавших во главе с мцхетским католикосом Гавриилом на армяно-грузино-албано-сивнийском объединенном поместном соборе в Двине в 506 г., налицо в третьем послании Авраама к Кириону, где определенно указываются обстоятельства гибели подлинных актов названного собора.

«По ясному свидетельству католикоса Авраама, — читаем мы у Н. Г. Адонца. — армянский подлинник послания погиб во время армянского восстания 572 года, и армяне вынуждены были перевести его с греческой копии, находившейся в Урфе. В письме к Кириону названный католикос, предлагая перечень грузинских епископов, заседавших на соборе при Бабгене и отвергших вместе с армянами Халкедонский собор и том Льва, присовокупляет...»¹¹. Далее Н. Г. Адонц приводит в переводе соответствующее место из послания Авраама: «Договор[ное] письмо, бывшее на армянском языке, утеряно при восстании, и это (список епископов) переведено в городе Урфе с ромейского языка, так как и они (ромей) имели от нас, но правильно и чисто, как следовало бы, перевести не смогли. Некоторые из имен епископов и епископских резиденций хорошо известны, а некоторые совсем неведомы и искажены. Но если желаете, можете по именам епископов, по преемству местностей и по искаженным именам епископов так, как они написаны, отыскать подлинные названия епископских резиденций, а также и другие имена — ведь нам тоже таким путем удалось установить наши [имена] — в особенности, если удастся найти договор[ное] письмо на своем языке»¹².

В доказательство греческого влияния в передаче топонимических названий Грузии в дошедшем до нас армянском тексте «Книги посланий» И. А. Джавахишвили приводит пример с титулом черемского епископа «Тсермил», который, по его словам, «передает совершенно правильно греческую транскрипцию τσερμιλ грузинского названия «ч'ермели» тчермели, так как грузинский звук «ч» (тч) передавался греками в письме двумя греческими буквами «τς», в данном случае более точно «τς»¹³.

Об этом же писал, касаясь вопроса о достоверности актов Двинского собора 506 г., и С. Н. Какабадзе. В 1924 г. он указывал, что «некоторые имена в этом списке своей транскрипцией оставляют такое впечатление, что они должны быть переданы в армянском тексте как перевод не с грузинского, а с греческого, который не знает некоторых специфических звуков

¹⁰ Н. Адонц. Ампелий, епископ Херсонский, стр. 181—182.

¹¹ Там же, стр. 184.

¹² Книга посланий, стр. 183 (на арм. яз.); рус. пер. см. Н. Адонц. Ампелий, епископ Херсонский, стр. 184—185.

¹³ И. Джавахов. История церковного разрыва..., стр. 445.

грузинского и армянского языков»¹⁴. Какабадзе указал на следующие примеры: «Адсуел» — **Адкурел-и**, «Срдав» или «Сртав» — **Цуртав**, «Сарустиел» — **Цкароставел-и**, «Касдраци» — **Кац арел-и**, «Тсермил» — **Черемел-и**¹⁵.

В дополнение к наблюдениям Н. Г. Адонца, И. А. Джавахишвили и С. Н. Какабадзе, по нашему мнению, следует обратить внимание и на личные имена епископов, которые в том же списке даны именно в греческой форме: Елифас, Елагес, Енес, Евгенес, Езрас, Феодорос, Захариас, Фокас и Товмас¹⁶.

«Книга посланий» начинается с переписки между армянским патриархом Сааком I (387—436) и изобретателем, или, вернее, реформатором, армянского алфавита Маштоцом—Месропом, с одной стороны, и греческими епископами Проклом и Акакием — с другой¹⁷.

Переписка состоит из 5 документов: 1) «Послания епископа Прокла к святому патриарху армянскому Сааку и святому Маждоцу» (стр. 1—8); 2) «Ответа на послание блаженного Прокла от Саака и Машдоца, святых вардапетов армянских» (стр. 9—13); 3) «Послания Акакия, епископа мелитинского, к святому патриарху армянскому Сааку» (стр. 14—15); 4) «Ответа владыки Саака на послание Акакия» (стр. 16—18) и 5) «Послания епископа Акакия к армянам (в Армению)» (стр. 19—21). Документы касаются различных христологических вопросов, волновавших греческую и армянскую общественность в период трех первых вселенских соборов.

Следует отметить, что из перечисленных документов первый частично (в рамках второго абзаца, стр. 1 печатного текста) воспроизведен и в *Sigillum fidei* (по изд. 1914 г., стр. 130) и приписывается там Езнику Колбскому; второй документ также частично воспроизведен в том же *Sigillum fidei* (стр. 129) с той же автентичией, однако с обозначением соавтора, именуемого не «Машдоцом», а «Месробом».

Документы же с обозначением имени одного из адресатов или соавтора в форме «Маждоц» или «Машдоц», которое по-гречески должно было звучать не иначе, как «Мастоц» (как это под влиянием греческого воспринято и в грузинском¹⁸), лишней раз служат доказательством исторической достоверности лица — носителя этого имени¹⁹.

Признавая, что форма «Маждоц» || «Машдоц» || «Маштоц» имеет в основе «мажд» || «машд» || «машт», созвучное с «мазд», откуда происходит имя «Маздак», с той лишь разницей, что первый комплекс образован при помощи суффикса -оц (как, например, в именах Тир-оц, Баб-оц, мы бы прибавили еще: Ап-оц, Нст-оц), а второй -ак, Н. Г. Адонц усматривает искаженные от него филиации в греко-византийских источниках «Narratio de rebus Armeniae» (PG, t. 132) и «Bibliotheca» патриарха Фотия (PG, t. 103), в форме, с одной стороны, *Μαστι[ν]τζη* || *Μαστι[ν]τζη* и с другой — *Μαστοβ[ι]ος*²⁰.

¹⁴ С. Какабадзе. Вопросы генезиса грузинской государственности. Исторический вестник, 1924, № 1, стр. 52 (на груз. яз.).

¹⁵ Там же.

¹⁶ Книга посланий, стр. 182—183.

¹⁷ Мы не разделяем сомнений Н. Адонца, считавшего, что эта переписка „вряд ли относится к составу начальной редакции“ (Н. Адонц. Амелий, епископ Херсонский, стр. 176).

¹⁸ Л. Меликсет-Бек. Грузинские источники об Армении и армянах, т. I. Ереван, 1934, стр. 40, 60—61, 78, 81 (на арм. яз.).

¹⁹ Вопреки бездоказательному утверждению Ц. Дадиани о легендарности этого лица (см. газ. „Сахалхо ганатлеба“, Тбилиси, № 41, от 6 октября 1949 г.).

²⁰ Н. Адонц. Маштоц и его ученики по иноземным источникам. Вена, 1925 (на арм. яз.).

* *
*

Непосредственное отношение к византиноведению имеет включенная в сборник переписка между армянскими и византийскими духовными и светскими деятелями IX—X вв. по вопросу о воссоединении церквей, а именно: 1. «Послание патриарха Константинопольского Фотия к армянскому великому князю Ашоту» (стр. 279—282); 2. «Ответ на послание Фотия, написанный армянским вардапетом Сааком по повелению армянского великого князя Ашота» (стр. 283—294); 3. «Послание Гагика, Васпураканского армянского царя, к греческому императору Роману о вере» (стр. 295—301) и 4. «Владыки Хачика, армянского католикоса, Слово исповеди, в ответ на послание греков, адресованное ему митрополитом мелитинским», герс. «Сауила Камрджадзорского, армянского философа, в ответ на послание Феодора, митрополита мелитинского, написанное по повелению Хачика, армянского католикоса» (стр. 302—322).

Часть этой переписки — письма Фотия и Ашота — давно уже находится в центре внимания специалистов. Они, в частности, еще до издания «Книги посланий» (1901) были использованы Н. Я. Марром в публикации творений Фотия²¹. Затем переписку использовал Ерванд Тер-Минасян в главе VI своей диссертационной работы «Die armenische Kirche in ihren Beziehungen zu den syrischen Kirchen bis zum Ende des 13. Jahrhunderts. Nach den armenischen und syrischen Quellen» (Leipzig, 1904) (то же на армянском языке — Эчмиадзин, 1908), а на основе последней и Ф. М. Россейкин в IX главе своей магистерской диссертации «Первое правление Фотия, патриарха Константинопольского» (Сергиев Посад, 1915, стр. 237—262)²².

* *
*

Особый интерес представляют включенные в «Книгу посланий» под обезличенным заглавием «Слова поучения относительно веры, которые время от времени выявлял дух святой на помощь мужам-боголюбцам». Это произведение, как нам удалось установить, является одним из вариантов широко распространенного в древнехристианских (греческой, сирийской, армянской) литературах произведения Иоанна Руфуса «Плерофорий», содержащего в себе апологию и доказательство подлинности антихалкедонской христологии²³.

Это произведение, вышедшее из-под пера епископа Майумского Иоанна, ученика Петра Ивера, известно в армянской литературе в следующих вариантах: 1) в качестве самостоятельного трактата под заглавием «Иоанна Пустынника [все]видящего, ученика Петра Ивера — епископа, [о том], как незаконный и нечестивый собор Халкедонский состоялся вслед-

²¹ См. Фотия архиепископа Константинопольского о гробе Господа нашего Иисуса Христа... и другие малые его творения на греческом и армянском языках, с предисловием А. И. Пападопуло-Керамевса; перевод Г. С. Дестуниса и Н. Я. Марра. Православный Палестинский сборник, т. 31 [=XI, вып. I]. СПб., 1892, стр. 179—279; то же в немецком переводе: Der Brief des Photios an Aschot und dessen Antwort. Uebersetzt von Agnes Finck und Esnik Gjandschezian. Zeitschrift für armenische Philologie, Band II, Heft 1. Marburg, 1903, S. 1—17.

²² Имеется армянский перевод этой главы из работы Ф. М. Россейкина с примечаниями переводчика, архиеп. Иусика [Мовсисяна], в журнале „Арагат“ 1917 г.; апрель—май, стр. 355—360; июнь—июль, стр. 499—506; сентябрь—декабрь, стр. 806—812; 1918 г. январь—март, стр. 49—63.

²³ F. Neau. Les Plérophories de Jean, évêque de Maiouma. Revue de l'Orient Chrétien, t. III, 1898, и отдельно Paris, 1899.

ствие божьего гнева, но не от св. духа, подобно соборам никейскому, константинопольскому и ефесскому etc.», который находится в рукописях Государственного Музея Грузии arm. № 21, — ркп, переписана в 1316 г. (описана нами)²⁴, и Тюбингенского университета Ма XIII № 102, от XVI в. (описана Ф. Н. Финком и Л. Гянджецяном)²⁵, восходя к тому греческому подлиннику, который имеется в рукописи British Museum № 14650; 2) в виде гл. XI кн. VIII «Хронографии» Михаила Сирийца²⁶, под тем же заглавием переведенной на армянский язык в 1248 г. с сирийского подлинника той же «Хронографии»²⁷; и 3) в виде «Слова поучения», следовательно, с извращенным и обезличенным заглавием, стоящим в основной рукописи «Книги посланий»²⁸.

Обнаружение варианта «Книги посланий» и входящего в него армянского перевода «Плерофория» Иоанна Майумского, ученика Петра Ивера, дало повод пишущему настоящим строки вернуться к вопросу о Петре Ивере и на основании высказываний Петра Ивера, которые вкраплены в «Плерофорий», установить хронологическое *sedo* Петра как явного монофизита — антихалкедонита²⁹.

Следует напомнить, что вопрос о философско-догматических взглядах Петра Ивера должен быть подвергнут теперь внимательному и всестороннему изучению в связи с тем, что в последние годы некоторые советские и зарубежные ученые связывают с этим деятелем восточного христианства произведения, ранее приписывавшиеся Дионисию Ареопагиту. Такая точка зрения впервые была высказана проф. Ш. И. Нуцубидзе в его монографии «Тайна Псевдо-Дионисия Ареопагита»³⁰.

Такая же мысль о тождестве Псевдо-Дионисия с Петром Ивером несколько позднее, а именно в 1952 г., независимо от Ш. И. Нуцубидзе была высказана и членом бельгийской Академии наук Э. Хонигманом в специальной монографии «Петр Ивер и сочинения Пс.-Дионисия Ареопагита»³¹.

²⁴ А. Меликсет-Бек. Новый вариант армянской «Книги посланий»...

²⁵ Systematisch-Alphabetischer Hauptkatalog der Königlichen Universitätsbibliothek zu Tübingen. M. Handschriften. a) Orientalische XIII. Verzeichnis der Armenischen Handschriften der Königlichen Universitätsbibliothek, von Franz-Nikolaus Finck und Leon Gjandschezian. Tübingen, 1907, S. 167.

²⁶ Хронография кир-Михаила, сирийского патриарха. Иерусалим, 1870, 1871, стр. 176—206.

²⁷ Chronique de Michel de Syrien, patriarche d'Antioche (1166—1199). Editée pour la première fois et traduite en français par J.-B.-Chabot. Tome II (Fascicule I). Paris, 1901, p. 69—88.

²⁸ Книга посланий, стр. 510—525.

²⁹ А. Меликсет-Бек. Новый вариант армянской «Книги посланий», стр. 65—78.

³⁰ Отдельное издание — Тбилиси, 1942 г. (на русск. языке с резюме на англ.); то же в т. XIV Известий Института языка, истории и материальной культуры АН Груз. ССР (Тбилиси, 1944, стр. 1—55). См. нашу рецензию на эту работу в ВВ, т. II, 1949, стр. 373—375; французский перевод этой рецензии А. Грегуаром в Byzantinische Zeitschrift, t. 45, 1952, S. 453, а также: E. Honigmann. Pierre l'Ibérien et les écrits du Pseudo-Dénys l'Aréopagite. «Memoires de l'Académie Royale de Belgique», Cl. de Lettres, t. XLVII, fasc. 3, и отдельно Bruxelles, 1952, 57 стр. Ср. рецензию С. И. Данелиа на эту же монографию в ВВ, т. VIII, 1956, стр. 377 и 384.

³¹ E. Honigmann. Pierre l'Ibérien et les écrits du Pseudo-Dénys l'Aréopagite. Bruxelles, 1952; рецензия на эту работу: Franz D[ölger]'a, «Byzantinische Zeitschrift» 46 Band., 1953, S. 455—456. Русск. перевод с примечаниями проф. Ш. И. Нуцубидзе и проф. С. Г. Каухчишвили в «Трудах Тбилис. гос. универ.», т. 59, 1955 г. Там же вступительная статья Ш. И. Нуцубидзе «Еще раз о тайне Псевдо-Дионисия». Считаю нужным отметить, что в монографии Э. Хонигмана имеются суждения, основанные на нашей публикации купюр из варианта «Книги посланий» (по рукописи Государственного Музея Грузии arm. № 21, от 1316 г.), которую автор сравнивает с аналогичной рукописью Тюбингенского университета (Ma XIII № 102), однако, к сожалению, безо всякой ссылки на эту публикацию.

Но древнеармянская «Книга посланий» представляет интерес для византиноведения не только отмеченными моментами.

Тбилисский вариант «Книги посланий» включает в себе чрезвычайно интересный материал по армянской метрологии, примыкающий к циклу аналогичных трактатов греческой литературы. Это — трактат «Об аспаразах», опубликованный нами дважды: 1) в «Известиях АрмФАН» (1940, ской литературы, известный под названием «Книга посланий», или «Книга посланий» etc., «Вестн. Гос. Музея Грузии» (XI-В, 1941, стр. 49), который сразу же привлек внимание специалистов (акад. Я. Манандяна³², проф. А. Абрамяна³³ и др.).

* *

*

Все вышесказанное приводит нас к выводу, что памятник древнеармянской литературы, известный под названием «Книга посланий» или «Книга писем» — Liber epistolarum, является одним из важнейших источников по истории армяно-византийских отношений в V—VII и в IX—X вв.

³² См. наш некролог: Акад. Я. А. Манандян (1873—1952). Сб. «Мимомхилвели», III. Тбилиси, 1953, стр. 341, 343.

³³ А. Абрамян. Ананий Ширакаци. Ереван, 1944, стр. 89—91.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

М. В. ЛЕВЧЕНКО. ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ
РУССКО-ВИЗАНТИЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Изд-во АН СССР, М., 1956, 553 стр., 1 карта

История русско-византийских отношений принадлежит к числу наиболее сложных и далеко еще не разработанных проблем, неоднократно привлекавших внимание исследователей. За последние полтора-два десятилетия вышло большое количество работ по многим важным вопросам истории Руси и Византии, существенно дополнивших, а в ряде случаев и изменивших наши представления о взаимоотношениях этих двух стран. Поэтому давно уже назрела необходимость заново пересмотреть всю историю русско-византийских отношений, дать систематический их обзор.

Решению этой сложной задачи и посвящена рецензируемая монография недавно скончавшегося крупнейшего советского византиниста М. В. Левченко. Автор ставил своей целью «дать обобщающий труд по истории русско-византийских отношений — экономических, политических и культурных; рассмотреть имеющиеся в нашей научной литературе по этому вопросу точки зрения; восполнить пробелы по отдельным частным вопросам, насколько это возможно в условиях недостаточного количества источников» (стр. 31). Автор рассматривал свою работу лишь как «первую попытку марксистского освещения важной исторической проблемы» и подчеркивал, что при современном состоянии источников только небольшая часть вопросов «может быть освещена со значительной степенью ясности и полноты, другие могут быть выяснены менее четко и, наконец, третьи могут быть только поставлены» (стр. 4).

Работа состоит из введения, в котором дается краткий обзор историографии проблемы и определяются задачи исследования, и одиннадцати глав: гл. I. Раннефеодальный период русской истории. IX век; гл. II. Русско-византийские договоры 907 и 911 гг.; гл. III. Нападение Руси на Константинополь в 941 г.; гл. IV. Русско-византийские отношения в середине X в. и их отражение в сочинениях Константина Порфирородного; гл. V. Борьба за Болгарию во второй половине X в.; гл. VI. К вопросу о «Записке греческого топарха»; гл. VII. Крещение Руси при Владимире; гл. VIII. Русь и Византия в XI в. и гл. IX—XI, трактующих историю взаимоотношений Византии и Руси в XII—XIV вв. Как видно по названиям глав, большинство из них посвящено рассмотрению отдельных, наиболее важных, узловых проблем истории русско-византийских отношений в тот или иной период. «Каждый из этих очерков, — отмечает автор, — имеет более или менее самостоятельное значение». В связи с этим и рассматривать рецензируемую монографию представляется наиболее удобным по отдельным главам.

В первой главе исследования М. В. Левченко освещает русско-византийские отношения в IX в., в период становления феодализма и утвержде-

ния государственности в древней Руси. М. В. Левченко продолжает здесь полемику с Жермен да Коста Луйе, Анри Грегуаром и А. А. Васильевым, развернувшуюся десять лет назад в печати по вопросу о походах Руси на Византию в первой половине IX в. Эти ученые отрицали возможность походов в столь раннее время, так как, по их мнению, тогда еще не существовало какого-либо крупного славянского государства в Южной Руси. Поскольку этому их мнению противоречат свидетельство житий Стефана Сурожского и Георгия Амастридского, ими была предпринята попытка, с одной стороны, доказать полную непригодность жития Стефана Сурожского как исторического источника и, с другой, обосновать положение, что единственное свидетельство о древнейшем походе Руси на Византию, содержащееся в житии Георгия Амастридского, следует относить не к периоду 820—842 гг., как полагал еще В. Г. Васильевский, а к 941 г.

М. В. Левченко показывает, что приведенные этими исследователями доводы не смогли поколебать основных положений В. Г. Васильевского. Опираясь на исследование Е. Э. Липшиц «О походе Руси на Византию ранее 842 г.», в котором выводы В. Г. Васильевского были подтверждены данными стихотворений Игнатия и миниатюр лицевой Хлудовской псалтири, М. В. Левченко, подвергнув внимательному анализу жития Георгия Амастридского и Стефана Сурожского, подкрепляет аргументацию В. Г. Васильевского и показывает научную необоснованность попыток отрицать значение жития Стефана Сурожского как исторического источника и относить данные жития Георгия Амастридского к походу 941 г.

Автор приводит новую аргументацию в пользу того, что еще до середины IX в. Византия подвергалась вооруженным нападениям Руси и что между ними существовали довольно развитые отношения. «Иначе, — пишет в заключение автор, — нельзя объяснить то хорошее знание обстановки в Византии, которое проявили русские, напав на Константинополь в 860 г.» (стр. 56—57).

Много внимания уделяет М. В. Левченко походу русских на Константинополь в 860 г., о котором сохранились значительно более многочисленные византийские и, частично, русские известия. Автор дает характеристику тяжелой внутренней обстановки в Византии в момент нападения на нее русских, когда она не могла предотвратить их нападение. Он справедливо подвергает критике малоубедительную гипотезу А. А. Васильева о том, что осада Константинополя была длительной, а также предположение последнего, основанное на единственном свидетельстве Иоанна Диакона о том, что в 860 г. Константинополь подвергся нападению не руссов, а двигавшихся с Запада норманнов. Большинство свидетельств и, прежде всего, очевидец нападения Фотий показывают, что это был кратковременный набег, окончившийся неудачно. В то же время произведенный автором анализ данных источников не подтверждает мнения Дж. Бьюри о военном поражении русских, а скорее свидетельствует о том, что, узнав о приближении крупных византийских сил, они поспешно отступили. Из сообщений Фотия видно, что руссы ушли, не столкнувшись ни с морскими, ни с сухопутными византийскими силами. Вместе с тем автор не находит в источниках подтверждения принимаемого некоторыми советскими исследователями и высказанного в «Очерках истории СССР» мнения, что византийское правительство предпочло откупиться от русских, заключило с ними договор и русские удалились победителями, увозя с собой договор «мира и любви».

Автор приходит к выводу, что «поход на Константинополь был принят Киевской Русью, уже подчинившей себе значительное количество соседних племен и выбравшей очень удачный момент для нападения.

Русский поход на Константинополь не был длительной блокадой столицы Византии... Он был набегом. Русские не ставили перед собой задачи захвата Константинополя и, опустошив его окрестности, вернулись домой, не преследуемые византийским войском. Этот поход на Константинополь показал Византии, что восточнославянские племена частично уже осуществили свое объединение, чего так не хотели и так боялись византийские политики. Он заставил Византию считаться с Русью как самостоятельной политической силой. Византия вскоре вынуждена была дать согласие на регулирование взаимных отношений равноправными договорами... Византийская дипломатия должна была предпринять шаги, которые могли бы оградить империю от повторения опустошительных набегов со стороны Руси и обеспечить безопасность сообщений на Черном море» (стр. 76).

Для этого византийская дипломатия обычно прибегала к пропаганде христианства. Вскоре после похода 860 г. часть русских приняла крещение. М. В. Левченко убедительно обосновывает положение о том, что «Фотиево крещение — не легенда и что с 860 г. мы можем констатировать в Киеве существование какой-то христианской общины» (стр. 88). Однако в литературе вопрос о том, была ли крещена какая-то часть Киевской Руси или крестились руссы где-то в районе Тамани, остается спорным. Не решен он в полной мере и в монографии М. В. Левченко. Все-таки непоколебленным остается факт, что Скилица (а вслед за ним Кедрин) называет русских, предпринявших поход 860 г. на Константинополь, «тавроскифами» — «народом, обитавшим около северного Тавра» (Крыма).

«Тавроскифами» называет руссов и антиохийский патриарх Иоанн (XII в.) и внимательный наблюдатель — византийский историк X в. Лев Диакон. Чем объясняется такая настойчивая традиция византийской историографии, связывающая руссов с побережьем Азовского и Черного морей, — остается пока еще невыясненным.

Обратив основное внимание на рассмотрение походов Руси на Византию IX в., М. В. Левченко несколько менее полно осветил дипломатические, торговые и культурные русско-византийские связи того времени (известия Ибн-Хордадбе, Джейхани, Генесия и др.)¹.

Рассматривая русско-византийские отношения IX в., М. В. Левченко не останавливается, в частности, в этой связи на постройке византийцами в 837 г. крепости Саркел в хазарских владениях, сооружение которой было вызвано не только нуждами защиты владений союзников Византии хазар от нападений печенегов, но и растущей заинтересованностью Византии в ограждении своих причерноморских владений от возможных набегов Руси. О том, какое большое значение, именно с этой точки зрения, придавала Византия сооружению Саркела, свидетельствуют сочинения Константина Порфирородного.

Начало X в., как отмечает М. В. Левченко во второй главе своего исследования, знаменовалось дальнейшим развитием русско-византийских отношений, обуславливавшихся тем чрезвычайно сложным социально-экономическим положением, в котором оказалась тогда Византия, и фактом образования к концу IX в. Древнерусского государства с центром в Киеве.

«В конце IX и начале X в., — пишет М. В. Левченко, — Русь уже играла значительную политическую роль, нападала на византийские владения и самый Константинополь, проникала в Закавказье, вела оживлен-

¹ Некоторые соображения о торговом пути „из Варяг в Греки“ см. в статье С. В. Бернштейн-Коган. Путь из Варяг в Греки. Вопросы географии. Сб. 20. М., 1950, стр. 239 сл., а также И. П. Шаскольский. Маршрут торгового пути из Невы в Балтийское море в IX—XIII вв. Географический сборник, 1954, стр. 146—147 сл.

ную торговлю в Хазарии, византийских владениях и Константинополе. На Руси уже появилось христианство, а вместе с ним и письменность. Укреплялись связи Киева с Византией. Интерес к Византии в Киевской Руси, качественно меняясь, увеличивался по мере ее хозяйственных и политических успехов» (стр. 93).

Замечательным памятником русско-византийских торговых и дипломатических отношений первой половины X в. являются договоры Византии и Руси. В главе дается разбор обширной литературы, посвященной русско-византийским договорам², причем М. В. Левченко, опираясь, в частности, на работы Г. А. Острогорского, убедительно показывает бездоказательность гипотезы А. Грегуара о болгарском происхождении договора 911 г. и о мифичности самого существования Олега.

Значительное внимание в главе уделяется анализу внутренней и международной обстановки в Византии в период, непосредственно предшествовавший походу 907 г. Победа реакционных группировок в Византии привела к обострению классовых и социальных противоречий, ослаблению военно-политической мощи Византии, которая в этот период окончательно потеряла Сицилию, быстро утрачивала свое влияние в Южной Италии и, шаг за шагом, отступала перед арабами. После длительной и неудачной войны с Болгарией, по мирному договору 904 г., Византия уступила Болгарии значительную территорию и обязалась уплачивать ежегодную дань. Русь использовала затруднительное положение Византии, и последняя, будучи не в состоянии дать отпор русскому нападению, оказалась вынужденной пойти на невыгодный для себя мир.

Вместе с тем глава II не лишена ряда спорных положений. В частности, на основании анализа текста договоров и изучения обширной литературы вопроса М. В. Левченко приходит к выводу о правильности мнения ряда исследователей о существовании особого договора 907 г., являвшегося своего рода предварительным соглашением сторон перед заключением договора 911 г. Вопрос этот остается спорным и после исследования М. В. Левченко.

Уже А. А. Шахматов предположил, что текст так называемого договора, помещенного под 907 г., является отрывком из договора 911 г.³ Не исключена возможность и того, что «договор 907 г. составлен по образцу договора 944 г., откуда могла быть заимствована его основная часть»⁴.

Сложнее дело обстоит с характеристикой внешнеполитической обстановки, в которой был создан договор 911 г.

Если, согласно Повести временных лет, договору 911 г. предшествовал успешный поход князя Олега на Константинополь, то византийские источники, как известно, вовсе не упоминают о появлении русских отрядов под Константинополем. Дальнейшее изучение вопроса должно пролить свет на это странное несоответствие свидетельств русских и византийских источников.

К сожалению, в главе уделено значительно меньше внимания, чем этого хотелось бы, разбору текста договора 911 г. в плане выяснения положенных в его основу источников, что было бы весьма важно для изучения взаимоотношений норм византийского и древнерусского права. Трудность

² См. также недавно опубликованную статью М. И. Корнеевой-Петрукан. К изучению состава и языка договоров русских с греками. Ученые записки МГУ, вып. 150. М., 1952, стр. 255—281, а также книгу Silwiusz Mikucki. Études sur la diplomatie russe la plus ancienne. Krakov, 1953.

³ А. А. Шахматов. Несколько замечаний о договорах с греками Олега и Игоря. Записки нефилологического общества, т. 8, 19.5, стр. 385—400.

⁴ Памятники русского права, вып. 1. М., 1952, стр. 66.

изучения этой проблемы заключается в том, что до сих пор отсутствует критическое издание текста русско-византийских договоров X в., в котором были бы привлечены варианты из древнейших летописных сводов и сделана попытка реконструкции протографа уникальных памятников древней Руси.

Вызывает известные сомнения и приведенная автором характеристика ремесленного производства в Византии X в., из которой явно напрашивается вывод о преобладании рабского труда в византийском городском ремесленном производстве. «Широкое применение рабского труда, со всеми вытекающими отсюда последствиями, является характерной особенностью византийского ремесла в X в. Раб как работник и даже хозяин мастерской встречается в «Книге епарха» повсеместно. Наличие дешевой рабской силы, не исключающее, впрочем, применения и наемного труда свободных, накладывает особый отпечаток на византийское ремесло» (стр. 96).

Едва ли такая картина, когда применение наемного труда только «не исключалось», может быть признана правильной для X в. Автор говорит о византийском ремесле в целом, но ссылка дается только на «Книгу епарха», документ, относящийся лишь к самому Константинополю, где в силу целого ряда условий рабский труд мог находить и несомненно находил значительно более широкое применение в ремесленном производстве, чем в остальных городах Византии. К тому же справедливость требует отметить, что и в «Книге епарха» не только рабы, но и наемные работники упоминаются «повсеместно». Поэтому и в отношении константинопольского ремесла нам представляется более правильной характеристика М. Я. Сюзюмова, который говорит лишь о том, что собственники мастерских в Константинополе в X в. еще не хотели «полностью переходить на труд мистиев»⁵.

В третьей главе исследования М. В. Левченко обстоятельно рассматриваются события, связанные с нападением Руси на Константинополь в 941 г. Улучшение внутреннего и внешнего положения Византии в годы правления Романа Лакапина сказались и на русско-византийских отношениях этого периода. Византия добилась заключения прочного мира с Болгарией, где ее влияние возрастало, создала могучий флот, обеспечивший в 924 г. разгром одного из наиболее опасных врагов Византии — Льва Триполитского, смогла перейти в наступление против Багдадского халифата на востоке, в короткий срок захватив значительные территории в Месопотамии и Сирии. «Теперь, когда дела поправились, византийское правительство, очевидно, признало для себя излишним соблюдать ранее заключенные с Русью договоры» (стр. 137).

М. В. Левченко приходит к выводу, что поход 941 г. едва ли возможно рассматривать как агрессивный акт со стороны Руси, так как на лучшие условия для торговли, чем те, которые Русь получила от Византии по договору 907—911 гг., она не могла рассчитывать и нападение на Константинополь было бы бессмысленным актом в этот период относительного укрепления военно-политической мощи Византии, если бы последняя выполняла свои договорные обязательства.

Однако, признавая правильным положение М. В. Левченко о том, что основной причиной похода послужил отказ Византии от выполнения условий договора 907—911 гг., все же едва ли возможно рассматривать его только как вынужденный акт, предпринятый киевскими правителями исключительно для защиты их насущных экономических интересов

⁵ М. Я. Сюзюмов. Ремесло и торговля в Константинополе в начале X в. ВВ, т. IV, 1951, стр. 14.

(стр. 139—140). М. В. Левченко полностью отрицает возможность того, что этот поход мог одновременно носить и грабительский характер. Заинтересованность Руси в экономических связях с Византией еще не может служить обоснованием для оправдания хищнических устремлений русских князей. Особенности военно-политического строя раннефеодальных монархий, в том числе и Руси, показывают, что для них грабительские походы были скорее характерным, чем исключительным явлением.

Анализируя свидетельства, относящиеся к периоду, последовавшему непосредственно за неудачным походом 941 г., М. В. Левченко приходит к выводу, что заключению нового русско-византийского договора 944 г. предшествовали «серьезные русские вооружения» (стр. 151), подготовка нового похода на Византию, заставившая последнюю искать соглашения с Русью⁶. Возможно, что заключению мира предшествовали и военные действия Руси в Крыму, а собранные для этой войны войска были затем использованы Игорем для похода в Закавказье. К заключению мира, не доводя дела до серьезных военных столкновений, правившего в то время Романа Лакапина толкала вся внутренняя и внешняя обстановка в Византии, сложившаяся к 944 г., когда успехи на восточной границе сменились неудачами, резко обострились противоречия внутри правящих кругов, среди которых росла оппозиция к Роману, приведшая к свержению его вскоре же после заключения договора. Поэтому инициатива заключения договора «на этот раз исходила от Византии» (стр. 152).

Однако в этом разделе следовало более выпукло показать то исключительно тяжелое положение, в котором оказалось правительство Романа в последние годы своего правления, когда оно настолько утратило поддержку среди господствующей верхушки, что вынуждено было заигрывать с константинопольским плебсом, пытаясь заручиться его поддержкой.

Подробно разбирая текст договора 944 г., М. В. Левченко приходит к вполне обоснованному выводу, что он был менее выгоден для русских, чем договор 911 г.: «Русь была вынуждена отказаться от некоторых прежних преимуществ, должна была снова платить торговые пошлины в Константинополе и взять на себя ряд новых обязательств по отношению к Византии» (стр. 154).

К сожалению, рассматривая всю эту борьбу вокруг договора, автор ничего не говорит об интересах византийской торгово-ремесленной верхушки. Создается впечатление, что в торговых отношениях с Византией была заинтересована только Русь. Вероятно, и отказ Византии от выполнения условий договора 911 г., о котором говорит М. В. Левченко, стоял в связи не только с общим военным усилением Византии, но и с тем, что Роман Лакапин, опиравшийся на константинопольскую бюрократию и торгово-ремесленную верхушку, проводил более энергичную политику в интересах последней, чем его предшественники. Не исключена также возможность, что Роман Лакапин стремился к скорейшему заключению договора на новых, более выгодных для Византии условиях не только в связи с военными неудачами, но и в связи с заинтересованностью константинопольской торговой верхушки в восстановлении нормальных торговых отношений с Русью.

Следующая, четвертая глава исследования М. В. Левченко посвящена анализу сочинений Константина Порфирородного как источников для

⁶ Об этой подготовке, возможно, свидетельствует и находка в Добрудже в 1950 г. — камень с русской надписью «Гьердех... лето 6451... Димитро» (Г. Штефан. Достижения археологической науки в РНР. «Народно-демократическая Румыния», № 1, 1951, стр. 67). Запись, возможно, говорит о подготовке похода «в Греки» еще в 943 г.

изучения русско-византийских отношений в середине X в., когда в связи с усилившимися военными неудачами Византии последняя особенно большие надежды во внешней политике возлагала на дипломатию, нередко помогавшую ей в этот период выходить из весьма острых и затруднительных положений.

Произведения Константина VII являются важным источником по истории Византии, древней Руси и сопредельных стран. Наибольший интерес из них представляет детально разбираемый в главе трактат Константина «О народах», являющийся своеобразным сборником наставлений по основным вопросам внешней и, отчасти, и внутренней политики, предназначенным в качестве руководства для сына Константина Романа II. Особая ценность этого сочинения в том, что в нем широко привлечены официальные документы и нарративные материалы.

На основании анализа сочинений Константина Порфирородного М. В. Левченко дает убедительную характеристику политического мировоззрения византийской правящей верхушки. Несмотря на неудачи и испытания, постигшие «дела римлян», утративших свое господство «над миром», Константин не думал отказываться от представления об империи как всемирной монархии. «Византия — всемирная монархия, и она сохраняет право на все территории, которыми она некогда владела». Задача императоров — вернуть потерянные территории и отсюда — основное внимание должно быть направлено на активную внешнюю политику, целям которой должна быть подчинена вся внутренняя политика. Византия искусно использовала все средства вплоть до старых политико-юридических теорий для укрепления своего влияния в сопредельных и зависимых от нее районах. Особенно полно и отчетливо, по мнению М. В. Левченко, эти тенденции византийской дипломатии разработаны в главах, посвященных Армении и Грузии, где Константин перечисляет целый арсенал средств, могущих способствовать упрочению власти Византии над Грузией и Арменией.

Основное внимание в главе уделено разбору сведений Константина о Руси и печенегах. При всей путаности этих сведений, содержащих позднейшие интерполяции (например, о княжении в Новгороде Святослава и др.), труд Константина во многих отношениях является чрезвычайно интересным источником по истории Руси середины X в., единственным византийским источником, в котором делается попытка охарактеризовать быт Киевской Руси.

В связи с этим следует отметить, что крайне необходимо новое обстоятельно комментированное издание перевода сочинений Константина на русский язык с привлечением всей рукописной традиции, что позволит всесторонне разобраться в ряде важных источниковедческих и филологических вопросов, не нашедших окончательного решения и в рецензируемой работе (время написания отдельных частей трактата «О народах», источники отдельных сведений автора, правильное чтение и понимание так называемых русских и славянских названий порогов и др.).

Рассматривая вопрос о сведениях Константина о народах Северного Причерноморья, М. В. Левченко приходит к выводу о недостоверности ряда обычно полностью принимаемых исследователями данных Константина, в частности о территориальном расселении восточнославянских племен и печенегов, и впервые обращает внимание на противоречивость оценки Константином роли и значения печенегов и их взаимоотношений с Русью. Константин явно переоценивал роль печенегов как прочного барьера против возможных русских походов. «Известно, — пишет М. В. Левченко, — что последующие события очень скоро показали ошибочность суждений

византийского императора. Печенеги не могли воспрепятствовать Руси ни торговать с Византией, ни воевать с ней при Святославе» (стр. 200—201). Не могут быть признаны полностью достоверными и многие сведения Константина о Киевской Руси, о которой он имел весьма смутное представление, не говоря уже о том, что Константин относился к Руси резко враждебно и уже поэтому не мог быть достаточно объективен. «В X в. Русь была уже слишком заметной политической силой в Восточной Европе, чтобы Константин мог совершенно обойти ее молчанием. Но он уделил ей мало внимания, так как Русь, по своей отдаленности, не могла быть объектом захватнических вожделений Византии и византийские политики в то время еще сомневались в возможности завербовать Русь в качестве постоянного своего союзника. Византийского императора интересует только вопрос, как избежать нового нападения Руси на Константинополь. Поэтому, если он допускает грубые ошибки в сообщениях, касающихся самой Византии и близлежащих стран, то естественно предполагать наличие таких же ошибок в известиях, относящихся к Руси» (стр. 213).

Значительная часть главы посвящена рассмотрению византийско-русских отношений в период княжения Ольги, в частности ее поездке в Константинополь. Автор отвергает развиваемую в последнее время в трудах некоторых болгарских ученых теорию о болгарском происхождении княгини Ольги. На основании ряда сведений и анализа данных о составе свиты Ольги в Константинополе он приходит к выводу о том, что путешествие русской княгини было вызвано «потребностями государственными и политическими» и, возможно, сопровождалось крещением Ольги в Константинополе, поскольку, хотя и имеется ряд противоречащих этому аргументов, отвергать крещение Ольги в Константинополе нельзя, так как о ее крещении в Киеве не говорит ни один источник, а о крещении в Константинополе сообщают согласно все не зависящие один от другого источники: русские, византийские и западноевропейские (стр. 538—539, ср. 227 сл.).

Однако некоторые положения М. В. Левченко в оценке им деятельности княгини Ольги вызывают возражения. Едва ли есть, например, достаточно веские основания для столь резкого, как это сделано в монографии, несмотря на известные оговорки, разграничения военно-рабовладельческой тенденции развития, выразителями которой, по мнению автора, были Олег, Игорь и Святослав, и феодальной, представленной Ольгой (стр. 236—237).

К сожалению, М. В. Левченко, видимо, осталось неизвестным издание трактата «О народах» Константина венгерским ученым Моравчиком, который впервые издал его с привлечением всей рукописной традиции⁷. Эту публикацию следует использовать при подготовке нового перевода сочинений Константина Порфирородного на русский язык, необходимость в котором уже давно назрела.

Рассмотрению чрезвычайно сложных взаимоотношений Византии и Руси во второй половине X в. посвящена следующая, пятая глава исследования М. В. Левченко. Глава начинается с анализа новой расстановки сил, складывавшейся во второй половине этого столетия, когда распад арабского халифата существенно облегчил положение Византии и дал ей возможность, после разгрома арабов, отвоевания Крита, Кипра и ряда владений в Киликии, приведшего к полному устранению арабской угрозы,

⁷ Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio. Greek text edited by Gy. Moravcsik. English translation by R. J. H. Jenkins. Budapest, 1949, 347 p. Реф. лв. Дужеев. ВЗ, Bd. 46, 1953, S. 119—123; см. также новое издание соч. «О фемах»: Constantino Porfirogenito. De thematibus. Introduzione. Testo critico-commento a cura di A. Pertusi. Città del Vaticano, 1952.

обратить основное внимание на Балканский полуостров. В самой Византии к власти пришли агрессивные настроенные круги военной провинциальной аристократии, выдвинувшие в 963 г. на престол способного полководца Никифора Фоку, немало сделавшего для усиления военного могущества Византии. На основании анализа данных о состоянии империи и ее армии в это время автор выступает против выдвигавшегося некоторыми советскими исследователями неверного положения о полном военном бессилии империи во второй половине X в. (стр. 241).

Одной из наиболее ярких страниц русско-византийских отношений этого времени была борьба за Болгарию в годы правления Святослава, когда Византия начала открытую войну за покорение Болгарии⁸.

Временные неудачи после начала войны с Болгарией на восточной границе и неожиданный разгром византийской армии и флота в Сицилии, лишивший Никифора Фоку надежд на подкрепление, обусловили его решение «поручить ведение этой войны русским, потому, быть может, что Русь была далекой страной и через Болгарию, казалось, не могла угрожать Византии» (стр. 252). Истинные намерения Никифора Фоки, однако, остаются неизвестными и прежде всего неизвестно, рассчитывал ли он «только на то, чтобы ослабить и обезвредить болгар, или же на Святослава была возложена задача завоевать болгарские земли для империи» (стр. 255). С поручением был послан к Святославу Калокир⁹.

Поход Святослава состоялся, судя по летописям, в 967 г. (эту дату М. В. Левченко и принимает) или в августе 968 г., как о том свидетельствует Скилица. Датировка последнего отвергается автором, так как он считает, что греческий историк оказывается здесь в противоречии с Лиутпрандом, видевшим 19 июня 968 г. болгарских послов при дворе Никифора (стр. 258—259).

Однако этот довод можно отвести, если признать, что первый⁹ поход был предпринят Святославом в соответствии с просьбой византийского императора не против болгарского царя Петра, а против восставших болгар в Западной Болгарии. Восстание комита Македонии Николы, поддержанное богомилами, судя по неясному сообщению Скилицы, началось уже в 963 г. Болгарские послы, приходившие к императору в 966 г., могли быть представителями не царя Петра, а его политических противников, именно им и мог быть дан столь резкий ответ со стороны Никифора.

Смерть княгини Ольги (11 июля 969 г.), царя Петра (30 января 969 г.) и, наконец, гибель в результате дворцового переворота в конце 969 г. Никифора Фоки, смещенного Иоанном Цимисхием, несомненно сказались на изменении дальнейшего хода войны в Болгарии.

После возвращения Святослава из Киева в Болгарию он подчинил своей власти всю Восточную Болгарию, сделав своим вассалом сына Петра царя Бориса. М. В. Левченко, вслед за М. Н. Тихомировым, правильно

⁸ В последнее время появился ряд работ П. О. Карышковского, посвященных византийско-русским отношениям при Святославе. См. его статьи: „Русско-болгарские отношения во время балканских войн Святослава“. Вопросы истории, 1951, № 8; „О хронологии русско-византийских войн при Святославе“. ВВ, т. V, 1952; „Балканские войны Святослава в византийской исторической литературе“. Там же, т. VI, 1953; „К истории балканских войн Святослава“. Там же, т. VII, 1953; „К вопросу о первоисточниках по истории походов Святослава“. Краткие сообщения Института славяноведения, вып. 9, 1952; „К истории балканских походов Руси при Святославе“. Там же, вып. 14, 1954.

⁹ Однако у нас нет никаких данных для предположения, что Святослав собирался предпринимать нападение на Корсунь и что посольство Калокира, как это предполагает А. П. Каждан, было направлено с целью предотвратить его наступление на Херсонес (История Болгарии, т. 1. М., 1954, стр. 92).

отмечает, что Святослав в это время пользовался поддержкой части болгарского общества и в его войсках, наряду с русскими, находились болгарские отряды. Укрепление позиций Святослава в Болгарии заставило Иоанна Цимисхия выступить против него.

Длительная русско-византийская война, ход которой подробно изложен М. В. Левченко, окончилась крушением планов Святослава: русский князь оказался вынужденным оставить территорию Болгарии.

Хронология второй болгарской войны не менее запутана, чем хронология первой. М. В. Левченко предпочитает датировать последний поход Цимисхия против Святослава весной 971 г. (вслед за показаниями Скилицы, Яхьи и «Повести временных лет»), тогда как В. Г. Васильевский, Б. Д. Греков и ряд других исследователей датируют его 972 г.¹⁰ в соответствии с сообщением Льва Дьякона. Окончательно этот вопрос может быть решен только после глубокого источниковедческого анализа сохранившихся данных. Так, например, до сих пор считается, что Лев Дьякон и Скилица пользовались неким единым источником (об этом впервые писал М. Я. Сюзюмов, а за ним Ф. Дэльгер и П. О. Карышковский). На наш взгляд, сходство между этими источниками объясняется не общностью их источниковедческой базы, так как фактическая сторона описываемых событий у обоих авторов весьма различна и, что особенно важно, в деталях, а тем, что и Лев Дьякон и Пра-Скилица были современниками, т. е. обоим были доступны легенды, слухи и официальные версии, имевшие хождение в ту эпоху.

Пожалуй, ни один из источников по русско-византийским отношениям X в. не подвергался столь разнообразным толкованиям, как «Записка греческого топарха», анализу которой М. В. Левченко посвящает шестую главу монографии. Долгое время в литературе наиболее вероятной считалась гипотеза Ф. Вестберга, предполагавшего, что в «Записке» шла речь о столкновении крымских готов с хазарами около 863 г. Однако еще В. Г. Васильевский сопоставил упоминаемые в «Записке» «климаты» с одной из юстиниановских крепостей на Дунае — *Κλεριάδες* — и попытался связать этот документ с походом Святослава в Болгарию. Соглашаясь с В. Г. Васильевским в том, что события, рассматриваемые в «Записке», должны быть отнесены к Болгарии, а не к Крыму, М. В. Левченко в остальном отвергает гипотезу В. Г. Васильевского. Он считает, что «Записка» связана с междоусобной борьбой болгар во время византийско-болгарской войны при Василии II. Аргументация М. В. Левченко против гипотезы В. Г. Васильевского во многом может быть признана вполне убедительной. В частности, теперь едва ли можно сомневаться в том, что в «Записке» действительно нашли отражение междоусобицы среди болгар и что поэтому этот источник приобретает значительную ценность для изучения внутренних отношений в Болгарии. Но М. В. Левченко не удалось окончательно доказать, что действия топарха не относятся ко времени походов Святослава в Болгарию. В этой связи следует отметить, что М. В. Левченко почему-то совершенно обошел гипотезу М. Шангина, считавшего, что составитель «Записки» исходил из данных современного ему астрологического календаря, и на основании данных этого календаря отославшего описанные в «Записке» события ко времени походов Свято-

¹⁰ Так, Скилица сообщает лишь о том, что император зимой 971 г. „готовился к походу“ (а не выступил в поход); согласно Яхье, в 369 г. хиджры (с 23 октября 971 г.) ромейские войска 5 месяцев стояли под Антиохией, когда Цимисхий находился в Болгарии. Но если мы добавим 5 месяцев к октябрю 971 г., то получится март 972 г., что не противоречит дате — весна 972 г., устанавливаемой для начала похода Цимисхия против Святослава.

слава¹¹. Нельзя признать достаточно убедительной и аргументацию М. В. Левченко против отождествления «климат» «Записки» с крепостью Κλημάδες Прокопия. По его мнению, «невозможно допустить, чтобы небольшое юстиниановское укрепление, построенное в VI в., сохранилось на Дунае до конца X в.». Однако «Записка» и не говорит о сохранении крепости, использованной топархом. Судя по тексту «Записки», сохранились лишь развалины крепости и, возможно, ее название в названии местности. Используя материал развалин, топарх построил новую крепость на месте старой, бывшей, вероятно, весьма удобной для обороны, так как юстиниановские крепости обычно строились в выгодных в военно-стратегическом отношении пунктах. Кроме того, надо принять во внимание, что эта юстиниановская крепость находилась как раз в порубежном районе между Западной и Восточной Болгарией, т. е. именно там, где происходили столкновения между восставшими западноболгарскими феодалами и сторонниками царя Бориса. А ведь именно эти события сам Левченко связывает с «Запиской греческого топарха».

Таким образом, и у гипотезы М. В. Левченко есть уязвимые места, и хотя в целом она может быть в настоящее время признана наиболее убедительно аргументированной по сравнению со всеми остальными, очевидно, что бесспорное решение вопроса о «Записке греческого топарха» станет возможным лишь в случае нахождения новых источников.

Одним из центральных моментов в истории отношений Византии и Руси было крещение Руси при Владимире. Этому вопросу в исследовании М. В. Левченко уделяется значительное внимание (гл. VII). Автор справедливо подчеркивает прогрессивное значение христианизации Киевской Руси, ее приобщение к более высокой византийской культуре. Вместе с тем он указывает на то, что принятие христианства укрепило власть феодалов над крестьянством. Церковь освящала феодальную эксплуатацию непосредственных производителей. С другой стороны, пишет М. В. Левченко, «христианизация Руси... была в то же время выигрышем для византийской дипломатии. Поражение Византии в борьбе за христианизацию Руси означало бы ее полную изолированность и, вероятно, значительно ускорило бы ее крушение под напором, с одной стороны, западноевропейских государств, а с другой — восточно-мусульманского мира» (стр. 382).

В главе убедительно решен ряд спорных вопросов первоначальной организации русской церкви. Много места уделяет М. В. Левченко внешнеполитической обстановке, в которой происходило крещение Руси.

Однако не все выводы автора в этой части могут считаться окончательно доказанными. Так, например, он относит сведения русской летописи о походе 985 г. на болгар к Камской Болгарии (стр. 344). Но уже Ф. И. Успенский, а за ним и В. Г. Васильевский привели серьезную аргументацию (почему-то совершенно обойденную автором) в пользу того, что в битве при Сердице, окончившейся разгромом византийских войск 17 августа 986 г., рука об руку с болгарами сражались посланные туда русские войска. Известно, например, прямое утверждение византийского поэта X в. Иоанна Геометра, относящееся к битве при Сердице, в котором он говорит, что «на нас устремляется русское всеоружие». В таком случае, сведения летописи следует отнести не к Камской, а к Дунайской Болгарии.

Недостаточно убедительно звучит и вывод М. В. Левченко о том, что крещение Владимира произошло в Херсонесе в 989 г. (стр. 362). Пока что нет достаточных оснований для того, чтобы полностью отвергать указания «Памяти и похвалы Владимиру» Иакова Мниха на 987 год как год кре-

¹¹ Исторический журнал, 1942, № 9, стр. 122.

щения самого князя Владимира¹². Скорее всего, что крещение Владимира было все-таки одним из условий, которые выдвинул император Василий II, соглашаясь на брак русского князя со своей сестрой. Русские отряды, отправленные Владимиром в Византию после соглашения с Василием II, находившимся почти на краю гибели, содействовали разгрому Варды Фоки при Хрисополе и подавлению мятежа феодалов. Поход Владимира на Херсонес, предпринятый вследствие отказа императора выполнить несслыханные до тех пор условия договора, окончился успешно, и Владимир покинул Херсонес, по весьма убедительному предположению М. В. Левченко, весной 990 г. (стр. 370). Следовательно, принятие христианства киевлянами произошло не ранее 990 г.

В следующей главе автором рассматриваются русско-византийские отношения в XI в. Он подчеркивает, что в этот период преобладали мирные отношения, нарушенные только походом 1043 г. Основную причину похода автор видит в усилившихся притеснениях русских купцов со стороны византийской администрации в Константинополе и не разделяет мнения тех историков, которые считают возможным видеть в походе 1043 г. кульминационный пункт борьбы Руси за свою самостоятельность против угрозы со стороны Византии.

М. В. Левченко подробно останавливается на письмах Михаила VII Дуки, которые, по мнению В. Г. Васильевского, поддержанному П. Г. Безобразовым, были адресованы удельному князю Всеволоду Ярославичу с предложением союза. М. В. Левченко подверг весьма убедительной критике гипотезу Васильевского, далеко не во всем согласовавшуюся с содержанием писем. На основании нового изучения текста писем и анализа общей обстановки в Византии этого времени он пришел к выводам, совпадающим с мнением первого издателя этих писем Константина Сафы, полагавшего, что они предназначались норманскому герцогу Роберту Гюискару, с которым впоследствии и был заключен договор. «Находясь между двумя врагами, — пишет М. В. Левченко, — турками-сельджуками и южно-итальянскими норманнами, лишенная в то время возможности с оружием в руках бороться против этих противников, Византия должна была сделать попытку обезоружить одного из этих противников и противопоставить его другому». В этих условиях Византия и обратилась к Гюискару с предложением союза. Мало вероятно, чтобы в той обстановке Византия домогалась союза с одним из весьма отдаленных от Византии удельных князей Руси. Произведенный М. В. Левченко пересмотр проблемы писем Михаила VII Дуки заставляет признать маловероятной гипотезу В. Г. Васильевского, хотя и у автора рецензируемой монографии один из спорных вопросов о «единстве веры» не получил полного объяснения.

Следующие две главы исследования посвящены экономическим, политическим и культурным связям Византии и Руси в XI—XII вв., которые носили со второй половины XI в. дружественный характер. Это был период дальнейшего развития торговых отношений¹³. Об экономической заинтересованности русского купечества в торговле с Византией говорит, в частности, угроза киевлян «отступить» в греческую землю, высказанная ими во время восстания 1068 г.¹⁴ Наступление мирных отношений автор прежде всего объясняет, с одной стороны, тем, что в связи с развитием

¹² К концу 987 — началу 988 г. относит крещение Владимира Б. Д. Греков. См. Очерки истории СССР. Период феодализма IX—XV вв., ч. 1. М., 1953, стр. 95.

¹³ Некоторые данные об этом см. в кн. М. Н. Тихомиров. Древнерусские города. Изд. II. М., 1956, стр. 124—126, 150.

¹⁴ Подробнее об этом восстании см. М. Н. Тихомиров. Крестьянские и городские восстания на Руси XI—XIII вв. М., 1955, стр. 82 и сл.

феодалных отношений в Киевском княжестве князья прекращают завоевательные походы, с другой стороны, усиливавшейся феодальной раздробленностью и ослаблением Византии, препятствовавшим ей проводить агрессивную внешнюю политику.

М. В. Левченко обобщает наблюдения советских историков, литературоведов и искусствоведов над различными сторонами взаимодействия византийской культуры с русским народным искусством и фольклором. Автор подчеркивает в заключение, что «все успехи русской культуры того времени, порожденные русской исторической действительностью, были достигнуты не в изоляции от внешнего мира, а в активных и плодотворных связях с ним» (стр. 471). Однако для этих двух глав характерна известная композиционная рыхлость. Не совсем ясны принципы, которые были положены в основу разделения IX («Экономические и культурные связи Византии и Руси в XI—XII вв.» — 43 стр.) и X («Византия и Русь в XII в.» — 26 стр.) глав, поскольку и в той и в другой рассматривается один круг вопросов.

Наиболее сжатой является последняя, XI (34 стр.) и, видимо, не завершенная полностью автором глава, посвященная одному из весьма сложных периодов взаимоотношений Византии и Руси в XIII—XIV вв. В ней дается представление о различных сторонах политических и культурных связей. Крайне скупо изложены торговые связи Руси с Византией. Весьма сложные отношения Руси с Константинопольским патриархатом в период господства монголов на Руси, как и борьба за автокефалию русской церкви, оказались вне специального рассмотрения автора, и обильный для XIV—XV вв. летописный и актовый материал, касающийся, главным образом, церковных отношений, использован далеко не полностью. Многообразные и сложные связи Византии и Руси этого периода подлежат дальнейшему изучению.

Очевидно, известной незаконченностью монографии объясняется и то, что вопросы, связанные с историей XV в., в ней не затрагиваются вовсе.

Говоря о проблемах, рассматриваемых во всей книге в целом, следует прежде всего отметить некоторую нечеткость в характеристике этапов развития феодального строя в Византии. В различных главах для одного и того же периода иногда приводятся не всегда согласующиеся друг с другом определения степени развития византийского феодализма. Так, в гл. II говорится (стр. 94—95), что в Византии VII—VIII вв. только «намечались формы феодализации» и что в дальнейшем, в X в., все большее значение приобретает «феодализирующаяся знать». В главе же I (стр. 65) Византия X в. рассматривается как страна уже полностью сложившегося феодализма: «Это был период, когда византийский феодализм, после победы иконопочитания, окончательно принял черты феодализма реакционного, тормозящего развитие производительных сил». В качестве аргумента, подтверждающего последнее положение, приводится расправа с павликианами: «Достаточно вспомнить свирепую расправу с павликианами». Но в какой мере она может рассматриваться как доказательство того, что византийский феодализм уже не только полностью сложился, но и вступил в стадию своего разложения, превратился в тормоз развития производительных сил? На протяжении всей книги читатель встречается то с «феодалами» (например, X в. — стр. 349—350 и т. д.), то с «феодализирующейся знатью» (X в. — стр. 95, 173, 396 и др.; XI в. — стр. 396, 440; XII в. — стр. 494) в X—XII вв., и для него остается не совсем ясным — происходила ли в X—XII вв. только феодализация Византии или уже сложился феодализм. Конечно, и в настоящее время проблема периодизации визан-

тийского феодализма еще недостаточно разработана в советском византиноведении. Однако из монографии все же трудно выяснить собственную точку зрения автора по этому важному вопросу.

В связи с этим стоит, видимо, и известная расплывчатость в обрисовке некоторых социальных групп господствующего класса, в частности константинопольской, столичной бюрократии, социальная характеристика которой остается для читателя не совсем ясной.

Следует несколько остановиться и на оформлении книги. Она вышла из печати полтора года спустя после смерти ее автора, и вызывает удивление, что книге не предпослано никакого введения от редакции. А между тем оно было необходимо для правильной ориентировки читателя, тем более что монография М. В. Левченко представляет интерес для широкого круга читателей: византинистов, историков СССР и балканских стран, преподавателей средних школ. От книги, вышедшей в 1956 г., читатель вправе требовать освещения новейшей литературы вопроса, и поэтому редакции следовало отметить, что книга создавалась в 1949—1952 гг. и что М. В. Левченко остался неизвестным ряд новых исследований и переводов источников, вышедших в последние годы.

Известно также, что часть проблем, рассматриваемых в монографии, была поднята в статьях, опубликованных М. В. Левченко на страницах «Византийского временника». Эти статьи нашли определенную и положительную оценку на страницах как советских, так и зарубежных журналов¹⁵. Многие из положений, выдвинутых в них М. В. Левченко и развитых затем в настоящей монографии, получили признание среди исследователей¹⁶. Все это следовало сообщить в предисловии, рассмотреть эти отзывы, высказать отношение к ним, что безусловно помогло бы читателю как следует разобраться в сложном и разностороннем исследовании и по достоинству оценить монографию М. В. Левченко.

Следует отметить, что рукопись, к сожалению, не была достаточно тщательно подготовлена к печати. В ряде мест отсутствуют необходимые ссылки, чего не могло бы случиться, если бы готовил рукопись к печати сам автор. В книге много иной раз досадных опечаток, искажений названий, терминов, имен и инициалов (например, на стр. 40, 81, 352 и др.), не включенных в список опечаток, который следовало бы значительно расширить. В ряде случаев перепутаны имена исторических лиц. Так, например, на стр. 11 вместо В. Г. Васильевского упоминается П. Н. Безобразов, на стр. 430 вместо Андрея Боголюбского напечатано «Андрей Богословский». На стр. 64 известное произведение Масуди «Золотые луга» превратилось в «Золотые лучи». Допущен и ряд искажений принятых в нашей науке терминов. Так, на первой же странице первой главы мы узнаем, что у славян был не «патриархально-общинный» строй, как принято думать, а «общественно-патриархальный» (стр. 33). Не везде выверен текст с литературной и смысловой стороны (стр. 43, 233, 239, 243—245, 276, 533). Во введении, например, говорится, что недостатки исследования одного из ученых «установлены рядом лиц, рецензировавших его работу» (стр. 27). Между тем ссылка дается на рецензию только одного лица. К тому же в ней неверно указаны и страницы, на которых содержится рецензия.

¹⁵ Byzantinoslavica, XV, 2, 1954, стр. 271—272 и 276; Byzantinoslavica, XVI, 2, 1955, стр. 389; Б. Т. Горянов. ВВ, т. IV. Вестник АН СССР, 1952, № 2, стр. 118—119.

¹⁶ З. В. Удальцова. Основные проблемы византиноведения в советской исторической науке (Доклад на X Международном конгрессе по византиноведению). М., 1955, стр. 25—28.

Ссылочный аппарат не был выверен достаточно тщательно при подготовке рукописи к изданию. Отсутствует единая система ссылок, которой следовало придерживаться. Так, например, при ссылках на Журнал Министерства народного просвещения в одних случаях указывается только часть, в других — только год издания, а иногда — и то и другое вместе (стр. 81, 82, 85, 133, 134, 293, 338, 360).

Имеются искажения и в иностранных текстах. В списке опечаток читатель информируется о том, что имя Лиутпранда искажено только на стр. 147. Такое же искажение содержится и на стр. 221.

Вызывает неудовлетворение и другая сторона оформления книги. К монографии объемом в 553 стр., охватывающей длительный период русско-византийских отношений, многочисленных завоевательных походов и войн, продолжавшегося перемещения народов и возникновения и распада многих государств, приложена одна единственная и по существу мало связанная с текстом карта под названием — «Киевская Русь, Византия и соседние страны в XI в.».

Приходится выразить сожаление и о том, что при подготовке монографии к печати не была изыскана возможность включить в нее подобранные автором иллюстрации.

Разумеется, эти недостатки не могут быть поставлены в упрек автору работы, но они должны быть исправлены во втором издании книги.

В целом же, подводя итог настоящему обзору, следует сказать, что монография М. В. Левченко является серьезным вкладом в советскую историческую науку. Ряд положений автора являются спорными, но эта спорность объясняется прежде всего противоречивостью свидетельств самих источников, многие из которых не содержат достаточных данных для окончательного решения того или иного вопроса.

А. А. Зимин, Г. Л. Курбатов

**О ГЛАВАХ ПО ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЮ ИСТОРИИ ВИЗАНТИИ
В ТРУДЕ ПРОФ. А. Д. ЛЮБЛИНСКОЙ
„ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ ИСТОРИИ СРЕДНИХ ВЕКОВ“**

Л., Изд-во ЛГУ, 1955, 374 стр.

Работа профессора А. Д. Люблинской — первый труд в советской историографии, посвященный источниковедению истории всех стран Западной Европы в эпоху феодализма; эта работа не может не привлечь внимания всех медиевистов, так как ни в русской исторической науке, ни в зарубежном источниковедении нет работ подобного типа.

Известно, что буржуазные ученые изучили и опубликовали огромное количество средневековых источников, выработали критические приемы их исследования, создали ряд хороших источниковедческих пособий по истории отдельных стран, главным образом типа подробных комментированных библиографий¹. Однако даже в таких классических трудах, как Ваттенбах и Молинье, главное внимание уделено повествовательным источникам и лишь попутно освещены некоторые виды документального мате-

¹ W. Wattenbach. Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter bis zur Mitte des 13. Jahrhunderts. Berlin, 1858; A. Molinier. Les sources de l'histoire de France des origines aux guerres d'Italie. Part 1—6. Paris, 1901—1906; Ch. Gross. The sources and literature of English history from the earliest times to about 1485. London, 1900.

риала, касающиеся преимущественно политической истории. В отличие от буржуазных источниковедов проф. А. Д. Люблинская поставила своей задачей выявить «закономерности появления и развития тех или иных видов исторических источников в тесной связи с общим ходом развития стран Европы в эпоху феодализма...» (стр. 3) и рассматривает не только повествовательные, но и документальные источники. Именно эта новая постановка вопроса и делает труд А. Д. Люблинской особенно ценным и значительным явлением в советской исторической науке. Непосредственное назначение книги — служить учебным пособием для студентов-историков наших университетов.

Несомненно, что детальное рецензирование отдельных частей этого труда, охватывающего огромный источниковедческий материал по средневековой истории целого ряда стран, дело многих специалистов.

В данной рецензии мы остановимся только на главах, посвященных источникам по истории Византии.

Эти главы написаны Е. Э. Гранстрем и являются первым опытом систематического курса источниковедения истории Византии в русском и советском византиноведении. С самого начала следует сказать, что автор вполне справился с поставленной перед ним задачей, несмотря на то, что ему пришлось столкнуться с большими трудностями, связанными как с самим характером материала, так и с тем, что он был сильно лимитирован заранее установленным объемом византийских глав; естественно, что в учебном руководстве по всему средневековью, рассчитанном на историков широкого профиля, а не специалистов-византинистов, Византии могла быть уделена лишь сравнительно небольшая часть листажа. Е. Э. Гранстрем пришлось поэтому с особой тщательностью отбирать материал и очень широко пользоваться петитом².

Истории Византии посвящены: часть I главы [«Источники по истории древних германцев, славян, Поздней Римской империи и Византии» (до середины VII в.) (стр. 21—26; 29—34)]; VI глава [«Источники по истории Византии (с середины VII в.) (стр. 98—103)»]; XVIII глава [«Источники по истории Византии» (стр. 263—277)]. Кроме того, об источниках по истории Византии говорится в IX главе («Источники по истории крестовых походов»), VII и XIX главах («Источники по истории южных славян»), во введениях к разделам книги, в «Очерке по истории издания средневековых источников» (стр. 348, 350) и в очерке «Рукописные источники по истории средних веков в СССР» (стр. 357), а также, попутно, и в некоторых других главах. Всего Византии посвящено около 35 страниц, т. е. примерно около 1/10 всего объема книги.

Главное внимание уделяется письменным источникам. Данные археологии, нумизматики, сигиллографии, эпиграфики только лишь упоминаются. Что касается письменных источников, то разбираются подробно лишь византийские и, частично, славянские. Автор не имел возможности привлечь ценные данные, содержащиеся в сочинениях сирийских, персидских, арабских, армянских писателей, поскольку в рецензируемой книге нет разделов, посвященных Восточной Европе и арабскому Востоку (см.

² Материалов, набранных петитом, здесь гораздо больше, чем в других главах. Это и понятно, если учесть, что в отличие от стран Западной Европы, где имеются более или менее крупные лакуны в фонде источников, Византия обладает непрерывной историографической традицией и, следовательно, нельзя исключить полностью ряд источников, не нарушив целостности картины. Петитом, в частности, напечатаны сведения о «консульских фастах», Сократе, Созомене, Феодорите Киррском, Агафии Миринейском, Менаandre Протикторе, Георгии Псиде, «Пасхальной хронике», житийной литературе, о Фотии, «Тимарионе», «Энциклопедии» Константина Багрянородного, Михале Пселле и ряде других.

стр. 3). Зато византийские письменные источники рассматриваются в очень широком плане. Автор разбирает не только исторические произведения (начиная с Евсевия Кесарийского и Аммиана Марцеллина и кончая Лаоником Халкокондиллом и Михаилом Кривулом), но и документальный материал (папирусы, практики, договора), законодательство [Кодекс Феодосия, законодательство Юстиниана, иконоборцев, македонской династии (очень подробно разбирается аграрное законодательство X в.), земельный закон, «Книгу епарха» и т. д.], агрографическую литературу, хозяйственные («Геопоники»), военные («Стратегикон» Псевдо-Маврикия) и дидактические («Стратегикон» Кекавмена) трактаты, словари и справочники (словарь Свида, «Энциклопедию» Константина Багрянородного и т. д.), письма, речи, мемуары, художественную литературу («Тимарийон») и народный эпос (поэму о Василии Дигенисе Акрите).

В каждой главе анализу источников предшествует краткая социально-экономическая и политическая характеристика Византии соответствующего периода, а источники рассматриваются в неразрывной связи с развитием общественных отношений. Особенно ярко выступает эта установка автора в разделах, посвященных законодательству и документальному материалу.

Везде, где это возможно, автор проводит параллель с источниками по истории Запада, указывая на их сходство (например, сходство между византийскими практиками и английскими экстендами и западноевропейскими полиптиками — стр. 264) или отличие. Подобное же сопоставление в более широком плане проводится во вступительных главах к трем разделам пособия (гл. I, II, III), где дается общая характеристика источников соответствующих периодов.

Особенное внимание уделяет Е. Э. Гранстрем сведениям о славянах, о народах, ныне входящих в СССР, и о классовой борьбе. Так, из пособия легко узнать, где можно почерпнуть материал о восстаниях «Ника», Фомы Славянина, Василия Медной руки, зилотов, о павликианах, о димах и т. д. Автор подробно перечисляет переводы, сделанные в середине века с византийских подлинников, подчеркивает значение византийских источников для изучения истории южных и восточных славян, а также ценность славянских переводов византийских источников для установления подлинного текста их греческих оригиналов (например, значение древнеболгарского перевода хроники Иоанна Малалы).

Содержание источников излагается с достаточной полнотой. Иногда приводятся отдельные небольшие, но характерные отрывки из анализируемых источников, или показывающие их особенности, или передающие, так сказать, «колорит времени».

Все это свидетельствует о том, что рецензируемые главы пособия дают отчетливое и ясное представление об источниках по истории Византии.

Но при перензании работы, а это несомненно потребуются, следовало бы, на наш взгляд, сделать некоторые добавления и уточнения.

Так, в I главе полезно было бы упомянуть о творениях отцов церкви и о речах и письмах Либания и Синезия, сочинения которых представляют большой научный интерес. Кроме того, они переведены на русский язык. Что касается Синезия, то, как известно, над его произведениями много работали в последнее время советские историки, в частности М. В. Левченко. В XVIII главу следовало бы включить еще труд Михаила Атталиаты, а в части, посвященной Константину Багрянородному, упомянуть о «клисторологии Филофея», византийской табели о рангах, являющейся ценным источником для изучения византийского придворного и административного аппарата.

Автору следует остановиться более подробно и на характеристике источников по истории Византии до середины VII в.

В рецензируемом пособии эти источники включены в раздел, озаглавленный «Поздняя античность». Но, как известно, вопрос о переходе от рабовладельческого строя к феодализму и о времени этого перехода снова стал предметом обсуждения³. Нет единодушия в разрешении этого вопроса и среди византинистов. Не углубляясь в подробное его рассмотрение, мы ограничимся только несколькими замечаниями в связи с характером тех источников, которые попали в категорию античных вследствие принятой в пособии периодизации.

Античная традиция, безусловно, сильно чувствуется в произведениях Прокопия, Агафия и других византийских писателей; эта традиция была очень сильна вплоть до падения Византии, и большинство византийских историков и писателей всячески старалось ее сохранить. Но многие из источников, включенных в раздел «Поздняя античность», по нашему мнению, никак нельзя подвести под эту рубрику. Невозможно причислить к античным памятникам «Сказание о чудесах св. Дмитрия» или, скажем, хронике Иоанна Малалы, являющуюся, по словам самого автора, «первым образцом византийской хронографии» (стр. 34). Мы думаем также, что нельзя считать античным памятником и законодательство Юстиниана. Правильно отмечая, что «в нем (Кодексе Юстиниана. — И. Ф.) отражены все черты кризиса рабовладельческого общества», автор все же считает, что Кодекс Юстиниана «был предназначен для укрепления и даже восстановления рабовладельческих отношений в их прежней форме» (стр. 29). Нам кажется, что сопоставление законодательства Юстиниана с предшествующим ему говорит не об укреплении рабовладельческих отношений (хотя Юстиниан сохранил в силе *Senatus consultum Silianum* и частично *Lex Aelia Sentia*), а о несомненном облегчении положения рабов, расширении их прав и возможностей отпуска рабов на волю. Это свидетельствует о том, что рабы перестали играть ведущую роль в производстве. Эту роль играют колонны, находящиеся в центре внимания законодательства Юстиниана. Вытеснение рабского труда и рабовладельческих форм эксплуатации подтверждается папирусами и другими материалами. Новое содержание законодательства Юстиниана чувствует и сам автор, когда, говоря о новеллах Юстиниана, он замечает, что новеллы являются «первым памятником византийского права» (стр. 29), т. е. не римского, рабовладельческого права. Мы бы отнесли к византийскому праву многие конституции кодекса Юстиниана (в частности, XI книгу) и даже кодекса Феодосия. Во всяком случае то, что автор прилагает эпитет «византийский» к новеллам, к труду Малалы и др., свидетельствует, по видимому, о том, что он хочет подчеркнуть их отличие от произведений, характерных для античности.

Укажем на некоторые вкравшиеся в текст неточности и опечатки.

В отдельных случаях, например, в отношении некоторых писателей IV—V вв. — Евсевия Кесарийского, Феодорита Киррского и др. — лучше было бы не указывать годов жизни, поскольку они точно не установлены и почти каждый историк датирует их по-разному. Консульские фасты охватывают и начало VII в.⁴ Основная масса византийских папирусов относится, как справедливо указано на стр. 21, ко времени до завоевания

³ См. статью Е. М. Штаерман. Проблема падения рабовладельческого строя. ВДИ, 1953, № 2 и статьи в следующих номерах ВДИ.

⁴ A. Degrassi. I Fasti consolari dell'Impero Romano dal 30 a. C. al 613 d. C. Roma, 1952.

Египта арабами, но имеются также и папирусы начала арабского периода, дающие исследователю интересный дополнительный материал по истории византийского управления в Египте⁵. «Дигесты», «Институции» и «Новеллы» Юстиниана никогда не входили в состав «Кодекса Юстиниана» (стр. 29), а представляли собой самостоятельные, изданные в разное время, сборники. Кое-какие сведения о Иоанне Камениате имеются в его собственном труде (стр. 266). Константин Багрянородный был не сыном, а внуком Василия I Македонянина (стр. 270). Говоря о том, что текст хроники Скилицы остался неизданным (как самостоятельное произведение), следовало добавить, что та часть его хроники (охватывающая 1057—1079 гг.), которая не была списана Кедрином, издана в виде приложения к последнему (стр. 272). Лучше было бы сказать вместо Никиты Акомината из Хон — Никита Хониат (стр. 273). Под таким именем издана его хроника и на греческом языке, и в русском переводе; кроме того, в последнее время возникли сомнения в правильности чтения «Акоминат»⁶. Имя византийского историка Георгия Франдзи следует теперь читать, как это доказал В. Лоран⁷, Сфрандзи (стр. 275).

Отметим некоторые опечатки: Кодекс Феодосия датирован 435 г. вместо 438 г. (стр. 22). В разделах о Феофане указан 867 г. вместо 787 г. (стр. 10), о Льве Диаконе — 965—975 гг. вместо 959—975 гг. (стр. 271), о Скилице — 911—1079 гг. вместо 811—1079 гг. (стр. 272). Опиской является, по-видимому, утверждение автора на стр. 21, что число папирусов IV—V вв. доходит до многих «десятков тысяч» (вместо «тысяч»); что касается V в., то он представляет почти полную лауну в папирусных собраниях. Также опиской следует считать перевод слова эргастерии термином цех (стр. 266), так как из контекста видно, что автор имеет в виду мастерскую, а цех в византийских источниках обозначается термином *αἰσθηρία*, *κοινότης τοῦ αἰσθηριᾶτος*, *αἰσθηριῶν*⁸.

Несколько слов следует сказать о справочном аппарате рецензируемого труда, точнее — о той части этого аппарата, которая относится к византиноведению.

В конце пособия имеется библиография изданий источников, в которой указаны основные исторические сочинения и законодательные памятники. Учитывая, что пособие предназначено для студентов, автор старался дать ссылки на те издания, которые легче всего достать в большинстве наших библиотек. Поэтому в ряде случаев вместо новых, но недоступных изданий указаны старые. Как правило, автор приводит русские и советские переводы (за некоторыми исключениями). Издания документального материала, руководства по вспомогательным дисциплинам, справочники не включены.

Само собой разумеется, что библиография к учебному пособию не может быть полной. Но в новом издании пособия все же следует дать ссылки на легко доступные каждому студенту относительно полные библиографии такого типа, как помещенные в «Сборнике документов по социально-экономической истории Византии» и в «Византийском временнике», т. I (XXVII), и вместе с тем дать список наиболее важных изданий текстов.

⁵ R. Rémondon. Papyrus grecs d'Appolônios Anô. Documents des fouilles de l'Institut français d'Archéologie orientale du Caire. Le Caire, 1953 и др.

⁶ V. Grumel. De l'origine du nom 'Ακομινάτος, «Ἐπιστολὴς Ἐπιστολῆς τῶν Βυζαντινῶν Ἐποβῶν», XXIII, 1953. См. Byzantinoslavica, t. XVI (2), 1955, str. 378.

⁷ V. Laurent. Συραντζής et non Φραντζής. BZ, Bd. 44, 1951, S. 373—378.

⁸ А. П. К а ж д а н. Цехи и государственные мастерские в Константинополе в IX—X вв. ВВ, VI, 1953, стр. 137.

переводов, справочников, которые либо пропущены в этих библиографиях, либо появились позже⁹.

Подводя итоги, следует сказать, что Е. Э. Гранстрем проделала большую и сложную работу. Тщательно проанализировав огромную массу разнообразнейших источников по истории Византии, она сумела отобрать наиболее важные из них и дать научный обзор источникововедения истории Византии. Немногочисленные неточности и опечатки, приведенные нами выше, отнюдь не умаляют достоинств этого ценного пособия, которое без сомнения будет очень полезным для всех работающих в области византиноведения.

И. Ф. Фихман

ПАМЯТНЫЕ ЗАПИСИ АРМЯНСКИХ РУКОПИСЕЙ XV века. ЧАСТЬ ПЕРВАЯ (1401—1450 гг.). СОСТАВИЛ Л. С. ХАЧИКЯН

Институт истории АН Арм. ССР. Материалы по истории армянского народа.
Книга шестая. Ереван, Изд-во АН Арм. ССР, 1955, XVI + 820 стр.

Рецензируемая книга является вторым томом предпринятой Л. С. Хачикяном публикации памятных записей и пометок, сохранившихся на полях армянских средневековых рукописей.

Памятные записи эти являются, как мы уже говорили в рецензии на первый сборник¹, своеобразным и ценным источником по истории средневековой Армении и сопредельных с ней стран. Основная особенность записей — непосредственность, ибо их авторы, в подавляющем большинстве — люди из народа, отражали действительность без предвзятых мнений. Они записывали факты, касавшиеся жизни народа, отмечали все то, что наносило материальный и духовный ущерб крестьянам, ремесленникам и вообще трудовым элементам. Памятные записи восполняют пробелы хроник и иных исторических документов, писавшихся в соответствии с требованиями господствующих классов.

Памятных записей, сделанных в XV в., оказалось так много, что весь материал пришлось разделить (по хронологическому принципу) на две части. В рецензируемый сборник вошли записи только первой половины столетия, т. е. как раз того периода, который интересен и для историков Византии.

Том включает 744 памятных записи, из которых 384, т. е. больше половины, извлечены из рукописей, хранящихся в Государственном рукописном хранилище (Матенадаране) при Совете Министров Армянской ССР. Составителю пришлось изучить более 300 рукописей, написанных в течение первой половины XV в., а также просмотреть манускрипты всех предшествующих столетий, начиная с рукописи Евангелия 887 г., в количестве более 900. В последних Л. С. Хачикян искал записи, сделанные приобретаемыми или обновителями рукописей. Составитель обследовал, кроме того,

⁹ Например: G. Schlumberger. Sigillographie de l'empire byzantin. Paris, 1884; W. Wroth. Catalogue of the Imperial Byzantine Coins in the British Museum. London, 1908; J. et P. Zepos. Jus graeco-romanum. Athenae, 1931; M. Richard. Répertoire des bibliothèques et des catalogues des manuscrits grecs. Paris, 1948; F. Dölger. Aus den Schatzkammern des Heiligen Berges. München, 1948; A. Bataille. Traité d'études byzantines. II. Les Papyrus. Paris, 1955; F. Dölger und A. M. Schneider. Byzanz. Berlin., 1952; Новые английские переводы кодекса Феодосия, истории Критовула и т. д.

¹ См. ВВ, т. VI, 1953, стр. 284—288.

19 Византийский временник, т. XII

316 рукописей Института востоковедения АН СССР, хранящиеся в Ленинграде, 90 рукописей Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, 207 рукописей Государственного музея Грузинской ССР, 36 рукописей Государственного центрального исторического архива Грузинской ССР, 10 рукописей Рукописохранилища имени Низами Азербайджанской ССР и 40 рукописей Государственной публичной библиотеки СССР имени В. И. Ленина и Музея восточных культур в Москве.

Составитель почти исчерпывающе использовал материалы описаний армянских рукописей, напечатанных в прошлом и нынешнем столетиях отдельными книгами и в периодической прессе. Использованы также описания рукописей, хранящиеся в архивах Института истории Академии наук Арм. ССР и Исторического музея Армении. Ценные материалы извлечены из описания армянских рукописей, составленного покойным арменистом Месропом Тер-Мовсисяном.

Все сказанное дает основание считать, что Л. С. Хачикян привлек все доступные ему источники. Вне поля зрения составителя остались лишь неописанные армянские рукописи, находящиеся за рубежом, но таковых, надо думать, не так-то уж много, так как большая часть армянских рукописей находится в СССР.

Сборнику предпослано большое предисловие составителя, которое значительно облегчает использование памятных записей.

Первая часть предисловия посвящена изложению военных и политических событий в Армении от смерти Тамерлана и до 1450 г. Описываются тяжелые условия, созданные в Армении преемниками Тамерлана и разными завоевателями из племен Кара-Коюнлу и Ак-Коюнлу. Бесконечные войны, захваты, грабежи захватчиков — вот тот фон, на котором яснее и ярче выглядят факты, зафиксированные в памятных записях.

Следующие части предисловия посвящены характеристике отдельных сторон жизни армянского народа в течение первой половины XV в. Используя материал сборника, составитель характеризует экономику, состояние культуры, стихийные бедствия (эпидемии, голод от неурожая, налеты саранчи и т. п.), положение крестьян и ремесленников и т. д. Особо говорится о писцах рукописей, об их тяжелом положении.

В последней части предисловия даются сведения о материале и структуре сборника и об его источниках.

В конце книги даны: 1) указатели имен собственных, географических и предметный, 2) маленький словарь слов, заимствованных из восточных языков, 3) список номеров рукописей, использованных в Матенадаране, 4) список иллюстраций, взятых из рукописей, но, к сожалению, напечатанных только черной краской. Указатели составлены весьма тщательно. В указателе собственных имен даются сведения об отношении того или иного лица к рукописи, из которой взят материал, о месте его жительства и времени жизни. Сведения об исторических деятелях носят иногда характер примечаний. В целом весь этот научный аппарат является ценным подспорьем для изучающего памятные записи.

В текстах записей сохранена орфография оригиналов. Поэтому материалы сборника могут быть объектом исследования не только историков, но и филологов.

По своему содержанию памятные записи первой половины XV в. заметно отличаются от записей XIV в., изданных в предшествующем сборнике.

В них особенно сильно отражен тот гнет, который установился при господстве наследников Тамерлана и орд Кара-Коюнлу и Ак-Коюнлу,

при бесчисленных войнах между захватчиками за власть. Исследователь найдет в записях много ярких фактов, характеризующих тяжелое положение трудового люда Армении и его беспощадную эксплуатацию.

По данным записей, часть зажиточного населения Армении переселялась в Грузию, Крым и в другие места, на которые не распространялась власть тюркских завоевателей Армении.

Обращает на себя внимание тот факт, что оставшиеся в Армении мелкие феодалы, превратившиеся в вассалов крупных феодалов из среды завоевателей, очень часто называются уже тюркскими именами. Видимо, и в Армении, как и в Византии, процесс тюркизации в первую очередь захватил какую-то часть класса феодалов, стремившуюся такой ценой спасти свои привилегии.

Интересный материал содержится в записях относительно положения церкви в условиях феодальных войн между захватчиками. Он показывает, что материальное положение монастырей было относительно удовлетворительным. Завоеватели учитывали возможность укрепления своей власти и путем использования влияния церкви и потому предоставляли ей льготы и преимущества. Вместе с тем в записях встречаются факты, рисующие сильную эксплуатацию трудящихся в церковных организациях.

Очень интересны данные записей касательно научной и литературной деятельности в Армении даже при тяжелом гнете завоевателей. Значительное количество фактов говорит о том, что активно действовали ученые школы Григора Татеваци и Товма Мецобеци. Ученые обители стали создаваться и вне Армении. Так, например, в Кафе (Феодосия) был создан монастырь, в котором занимались изучением Аристотеля, Порфирия и других греческих мыслителей, переведенных на армянский язык. Таким образом, и в самой Армении, и в армянских колониях культурная деятельность продолжалась, причем поддерживались традиционные связи с греческой наукой.

Памятные записи — живые документы своего времени. Они отмечают все то, что особенно бросалось в глаза. Оценка событий в записях часто дается сквозь призму средневекового, религиозного мышления. Тяготы и несчастья рассматриваются иной раз как кара за грехи. Но немало оценок вполне реалистических, проникнутых ненавистью к эксплуататорам и захватчикам.

Учитывая обилие ценного материала, собранного в томе и интересного не только для историков Армении, приходится признать серьезным пробелом издания отсутствие более или менее подробного резюме на русском языке.

И. К. Кусикьян

ВИЗАНТИНОВЕДЕНИЕ В ЧЕХОСЛОВАЦКОЙ РЕСПУБЛИКЕ ЗА ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ

Интерес к византиноведению не случаен: он объясняется тем, что история Византии органически связана с национальной историей ряда народов, поскольку их сношения с соседней Византийской империей составляют существенную часть их средневековой истории. Если у некоторых европейских и азиатских народов взаимоотношения с Византией и взаимные влияния были сравнительно ограниченными, то чешский и словацкий народы занимают иное положение. В IX в. их сношения с Византийской

империей были настолько оживленными, что история чешских земель той эпохи тесно смыкается с византиноведением; да и в последующее время чешско-византийские отношения играли важную роль.

Зарождение византиноведения в нынешней ЧСР связано с именем Константина Иречека, который впервые стал читать в Пражском университете лекции по византийской истории. Однако К. Иречека нельзя считать основателем чешского византиноведения, так как он вскоре переехал в Вену, не оставив никаких традиций в Пражском университете. Систематическое изучение византийской истории началось только в 1902 г., когда Ярослав Бидло выступил с большой информационной статьей по историографии Византии¹, где он дал последовательный обзор возникновения и развития византиноведения на Западе и в России. Статья эта не утратила своего значения и до настоящего времени.

Позитивист по своим философским взглядам, Я. Бидло вышел из семинара Я. Голла, основателя критической школы в чешской историографии; вместе с тем он многое приобрел в Московском и Петербургском университетах, где слушал В. О. Ключевского и Н. И. Кареева. Немало дало ему и изучение трудов русских византиноведов, в частности В. Г. Васильевского и Ф. И. Успенского. Влиянием русских ученых можно объяснить его интерес к философии истории и стремление рассматривать Византию и средневековые государства Восточной Европы как страны, связанные определенной культурно-исторической общностью. Таким образом он приходил к пониманию византийской истории как истории европейских и азиатских народов, находившихся под влиянием византийской культуры. К сожалению, обобщенное изложение взглядов Я. Бидло осталось только в его лекциях в качестве своего рода завета ученикам². Ему удалось опубликовать (к тому же в очень сокращенном виде) лишь несколько глав, носящих обзорный характер и охватывающих период от конца античности до середины XI в.: они появились в третьем томе многотомной всеобщей истории³.

Изучение истории Византии в ЧСР было сосредоточено до сих пор главным образом в Карловом университете в Праге, хотя там и отсутствует специальная кафедра византиноведения. При этом проблемы византиноведения чаще всего изучались в связи с более широкой тематикой, например в связи с историей славянского мира или арабов⁴, а также в работах по церковнославянской литературе (труды Вайса, Вейнгарта, Вашицы, Курца).

¹ J. Bidlo. *Studia byzantologica a Karla Krumbachera. „Geschichte der byzantinischen Literatur“*, *Česky časopis historický*, 1902.

² Среди монографий и основных статей Я. Бидло надо особо отметить его работу *Cesta Metodějova do Saňhradu* (*Časopis Matice Moravské*, 1916) и прежде всего небольшое сочинение *Kultura byzantská. Její vznik a význam*, Praha, 1917, которое должно было послужить первой главой подготовлявшегося Я. Бидло синтетического труда. Он издал также сочинение Савы Хиландарского: *Sáva Chilandarec. Kniha o Svate Noře Athonské*, *Novočeská biblioteka*, № XL, Praha, 1911. Перечень трудов Я. Бидло, составленный М. Пауловой, см. в сборнике в честь шестидесятилетия Я. Бидло: „Z dějin východní Evropy a Slovanstva“. Praha, 1928.

³ *Dějiny lidstva od pravěku k dnešku*. Praha, 1936—1942 (части I—III, IV, вып. 1, V, VI). Главы, охватывающие историю Византии от середины XI в. до 1453 г., написаны М. Пауловой.

⁴ Например: E. Procházková—P. Suchá. *Poměr t. zv. pannonských legend k legendám byzantským*, *Časopis Matice Moravské*, 1939. — M. Paulová. *Styky českých husitů s Saňhradskou církví na základě církevních poměrů byzantských*, *Časopis Českého Musea*, 1918; *Účast Srbů při třetí výpravě křížové*, *Byzantinoslavica*, V, 1939; *L'islam et la civilisation méditerranéenne*, *Věstník Král. čes. společnosti nauk*, 1934. K. Váratová. *Igorova výprava na Saňhrad r. 941*, *Byzantinoslavica*, VIII, 1939—1946. В книге Й. Мацурека (*J. Mačurek. Dějepisectví evropského východu*, Praha, 1946) имеются соответствующие главы по истории Византии.

по искусству (особо следует выделить выдающиеся работы Н. А. Окунева)⁵, по вспомогательным дисциплинам и т. д.⁶ Большое значение имеет работа М. Вейнгарта, который дал обзор и филологический анализ церковнославянских переводов византийских хроник, в первую очередь обеих редакций хроники Георгия Амартола⁷. В 1929 г. Славянский институт (в настоящее время Институт славяноведения ЧСАН) начал издавать под редакцией М. Вейнгарта журнал *Byzantinoslavica*, посвященный изучению византино-славянских отношений; с этого времени вокруг него сосредоточились чешские византилисты. До 1946 г. вышло 8 выпусков (восьмой был подготовлен еще до начала войны), а после войны журнал был превращен в международный византиноведческий орган, выходящий в настоящее время на русском, французском, английском и немецком языках.

За последние годы чехословацкое византиноведение обогатилось большим количеством новых данных, полученных прежде всего в результате археологических изысканий, которые были успешно проведены благодаря большим финансовым средствам, ассигнуемым народно-демократическим правительством Археологическому институту ЧСАН для проведения раскопок. Во главе этого института в Праге стоит акад. Ярослав Бем, а во главе филиала в Брне — Йосиф Поулик.

Раскопки, которые этот институт смог развернуть в большом масштабе начиная с 1948 г., привели к поразительным открытиям (в частности, в Южной Моравии), составившим предмет ряда выдающихся научных работ. К области византиноведения относится материал, касающийся периода IV—X вв., т. е. времени, на которое приходится заселение нашей территории предками чешского и словацкого народов, аварское господство в Карпатской котловине и образование Великой Моравии.

Через территорию Чехии и Моравии, как свидетельствуют прежде всего находки так называемых варварских монет, уже в кельтскую эпоху проходил оживленный торговый путь, который связывал северные области Европы с Средиземноморьем. Находки римских и золотых византийских монет в бассейне Лабы и Одера, в Швеции и на Готланде свидетельствуют о торговых сношениях европейского севера с Италией и Византийской империей. Главной артерией был известный «янтарный путь» из Подунавья по реке Мораве к Одеру. Давно уже установлено, что эти торговые связи были прерваны в VI в., ибо находки более поздних византийских солидов почти совершенно отсутствуют. Обзор находок монет на чешской и словацкой территории, законченный и изданный в 1955 г. Нумизматическим отделом Национального Музея в Праге⁸, подтвердил, что на этой территории последние золотые монеты этого периода относятся ко времени правления императора Юстиниана. Принято считать, что причиной прекращения торговых сношений было утверждение авар на территории нынешней Венгрии.

Эпохе аварского господства посвящен обширный труд академика Яна Эйслера, в котором исследуется могильник в Девинской Новой Веси; этот труд, награжденный государственной премией⁹, явился плодом пятнадцатилетней исследовательской работы. Нова Весь расположена в Братиславе-

⁵ Перечень его работ см. в некрологе: *Byzantinoslavica*, X, 1949.

⁶ См. M. Paulová. *Byzantine Studies in Czechoslovakia during the occupation of 1939—1945*, *Byzantinoslavica*, IX, 1947.

⁷ M. Weingart. *Byzantské kroniky v literatuře církevněslovanské*, t. I—II. Bratislava, 1922—1923, p. 823. Перечень его работ см. в некрологе, написанном Й. Курцем: *Miloš Weingart*, *Byzantinoslavica*, VIII, 1939—1946.

⁸ *Nálezy mincí v Čechách, na Moravě a ve Slezsku*, t. I, 1955, Red. E. Nohejlová-Prátová.

⁹ J. Eisler. *Devínská Nová Ves. Slovanské pohřebiště*, Bratislava, 1952.

ских воротах, на восточном (левом) берегу реки Моравы, близ впадения ее в Дунай; она лежит к северу от замка Девин, который в средние века, по свидетельству Фульдской летописи, называли *Dowina* и где восточно-франкский король Людовик Немецкий в 864 г. осаждал моравского князя Ростислава.

Труд Я. Эйснера состоит из двух частей. В первой части содержится сообщение о раскопках 883 нововесских могил (а также об отдельных находках) и о результатах исследования. Во второй части автор рисует картину материальной культуры населения, хоронившего своих покойников в этом могильнике, который служил кладбищем для жителей целого края; вместе с тем здесь поставлен и разрешен ряд проблем, связанных с утверждением аварского господства на территории Венгрии. Анализ погребального ритуала нововесского могильника, а также керамики, украшений, железного инвентаря, изделий из рога, кости и т. п. приводит автора к заключению, что в этой области прослеживаются не только и не столько следы культуры авар-кочевников, сколько памятники доаварской культуры Подунавья. Носителями этой культуры были славяне, а аварскимномадам принадлежало оружие, конская упряжь и украшения из нововесского могильника. Последняя глава этой книги рассматривает важную историческую проблему, а именно вопрос об этнической принадлежности населения, оставившего могильник в Новой Веси. Этот могильник является самым большим кладбищем на западной окраине Карпатского бассейна, где господствовала в то время так называемая аварская культура. Однако анализ инвентаря бесспорно свидетельствует о сосуществовании и даже слиянии славянского и аварского населения, причем славяне численно превосходили авар. Следовательно, могильник в Новой Веси — это большой славянский могильник; мы можем датировать его приблизительно 625—800 гг. Окрестности Девинской Новой Веси были в то время не северным опорным пунктом авар, но славянским районом, находившимся на восточных границах области, некогда бывшей под властью Само.

Для византиниста представляет существенный интерес ряд выводов Я. Эйснера, основанных на археологическом материале. По его мнению, авары расселились прежде всего в котловине среднего Подунавья, где, кроме кельтов, готов, гепидов, сарматов, гуннов и, должно быть, лангобардов, они нашли еще и остатки римского населения и прежде всего многочисленное славянское население. Славяне и на этой территории, где они оказались под непосредственным господством авар, не утратили своей племенной принадлежности и сохранили свою самобытность и культуру. В этой связи Я. Эйснер, опираясь на специальные исследования и, в частности, на собранные словенским историком И. Малом данные, указывает, что многие юридические и административные термины были заимствованы у славян венграми и вошли в словарный фонд венгерского языка. Вместе с Г. Лабудой Я. Эйснер объясняет успехи Само согласованностью его политики с политикой византийской, отмечая, что борьба Само и Византийской империи против авар велась почти в один и тот же период (623 и 626 гг.). По мнению Я. Эйснера, ареной боев славян (под руководством Само) с аварами и была обширная область вдоль южного течения реки Моравы; он считает вероятным, что политический центр племенного союза Само находился в свое время в Девине. Северный берег среднего Дуная был, по данным чехословацкой археологии, населен славянами задолго до вторжения авар.

Юго-западная Словакия с Девинем и Новой Весью являлась важным стратегическим районом в обороне княжества Само против авар. Я. Эйснер, как и ряд других исследователей, полагает, что основные центры

княжества Само сложились вне границ Чехии. На вопрос о территории этого княжества он не дает ясного ответа, но, по-видимому, склоняется к мнению, что в его состав не входили земли каринтийских славян.

Для историка Византии представляет большой интерес проблема аварского вторжения и влияния аварской культуры на соседние области. Через Моравию авары прошли во время своего третьего похода на Тюрингию (595 г.) — к этому времени они уже осели в Карпатской котловине. Как свидетельствуют археологические данные, их влияние на Моравию и другие соседние области было минимальным: в Австрии, у каринтийских славян, у хорватов (между Савой и Дравой), а также к северу от Карпат и Судет памятники так называемой кестельской (аварской) культуры встречаются только спорадически. В Словакии памятники кочевой аварской культуры встречаются лишь в могильниках Поморавья и на южной и восточной окраинах. В Словакии преобладают могилы с трупосожжением: сначала в полях погребения, потом в курганах. Не принадлежат аварам и наиболее древние погребения с труположением: в них над скелетами насыпаны курганы, которых авары не знали. Таким образом, аварское влияние не проникало даже в коренную часть Словакии. В Чехии были найдены лишь отдельные аварские литые бронзовые предметы, датированные приблизительно 800 г., — последние образцы аварского литейного дела. Их не приходится считать следами этнической группы, проникшей на чешскую территорию; Я. Эйснер считает их продуктами ввоза, попадавшими в Чехию в небольшом количестве, вероятно, из какого-нибудь моравского центра.

Только в южноморавских долинах, куда вели от Дуная два пути (один от венских переходов к Мистельбаху и к Свратке, а другой — Братиславскими воротами к моравскому Поморавью) найдены — наряду с доаварскими — памятники аварской (кочевой) культуры, однако не очень многочисленные. К тому же все это памятники сравнительно поздние, относящиеся к началу IX или, самое раннее, ко второй половине VIII в. При этом ремесло местного населения развивалось под постоянным влиянием старой культуры, сложившейся в Карпатской котловине. Именно под влиянием доаварской культуры подунайского типа распространилось в Моравии в VIII в. ремесленное гончарное производство и ювелирное дело. Я. Эйснер предполагает, что к концу существования аварского государства часть ремесленного населения из Подунавья перешла в Моравию, которая переживала тогда период быстрого общественного и культурного развития. Среди этих ремесленников аварский элемент был совершенно незначителен или вовсе отсутствовал.

Рассматривая вопрос об аварском влиянии на Моравию, Я. Эйснер высказывает особую точку зрения на происхождение и область распространения украшений в виде металлических бляшек (золотых, серебряных, бронзовых) и тяжелых литых бронзовых предметов, встречающихся в инвентаре аварских могильников; вместе с тем он пересматривает вопрос об интенсивности непосредственного византийского влияния на аварскую культуру. В противоположность Н. Феттиху и Д. Чаллань, признававшим наличие ранней и поздней фазы в развитии аварской культуры, Я. Эйснер в принципе склоняется к мнению А. Альфельди о том, что эти две категории памятников относятся к одному и тому же времени. А. Альфельди усматривал в золотых, серебряных и бронзовых бляшках украшения болгар-кутригуров, т. е. считал их памятником припонтийского и византийского происхождения, тогда как в литых бронзовых предметах он видел продукцию аварских ремесленников, прибывших из Азии. Н. Феттих считал эти две категории памятников одновременными: в литых бронзовых

предметах он видел продукцию гепидских литейщиков, пришедших на смену более древним припонтийским мастерам. Таким образом, он пришел к выводу, что в Карпатскую котловину первоначально проникло сильное византийское влияние и, в частности, туда ввозились драгоценные украшения, изготовлявшиеся в Византии; вместе с тем там появились местные мастера, подражавшие продукции византийских мастерских. Д. Чаллань пытался выяснить причины, приведшие к изменению техники металлического производства и возникновению производства литых бронзовых предметов с орнаментом в виде грифов и мотива растительного усика. Он объясняет это уменьшением прилива золота и серебра из других стран, обнищанием господствующего класса аварского общества и увеличением спроса со стороны масс рядовых свободных.

Эта сложная проблема отнюдь еще не может считаться решенной; остаются неясными, в частности, многие детали периодизации. Я. Эйсер становится на сторону теории одновременного существования обеих категорий памятников. Он считает неправдоподобным, чтобы аварские или гепидские литейщики только после столетнего пребывания авар на территории Венгрии возобновили среднеазиатскую технику литья массивных бронзовых предметов и перенесли на них мотивы, которые будто бы существовали до того только в скульптуре из дерева и кости, как полагает Н. Феттих. Причиной прекращения византийского импорта и убывания золота и серебра в аварском государстве Я. Эйсер считает образование Болгарского государства на севере Балканского полуострова, которое отрезало Карпатскую котловину от Константинополя. Как и А. Альфельди, он полагает, что производство литых бронзовых предметов началось одновременно с изготовлением металлических бляшек, продолжалось в период оживленных торговых связей с Византией, достигло расцвета в VIII в. и просуществовало до установления контактов с каролингским ремеслом. Гипотеза о более позднем появлении бронзовых предметов возникла потому, что у авар на первом этапе не было больших могильников, которые возникли только после похода на Константинополь (626 г.), когда авары после понесенного ими поражения начали упорядочивать свои отношения с местным славянским населением.

Рассматривая блатницкую группу памятников, относящихся к тому периоду, когда аварское литейное дело оказывало влияние на каролингское ремесло, Я. Эйсер указывает, что возникновение литейного дела и производства женских украшений (прежде всего серег) в Моравии, а также гончарное и кузнечное производство восходят своими корнями к ремеслу Подунавья и что в конце VIII—начале IX в. ремесленная продукция Моравии изготовлялась руками местных мастеров. Литье украшений для воинского пояса и конской упряжи пришло в упадок, но гончарные и кузнечные мастерские продолжали работать, а также развивалось местное производство женских украшений, опирающееся не на аварские, а на античные и византийские традиции.

К работе Я. Эйснера примыкают монографии Б. Свободы и П. Радомержского¹⁰, посвященные серебряному кладу, найденному в 1937 г. в округе Крупина в Словакии, в селе Земянски Врбовок¹¹, и принадлежащему к многочисленной группе серебряных кладов, среди которых самым известным является клад из Мартыновки близ Канева.

¹⁰ B. S v o b o d a. Poklad byzantského kovotepce v Zemianském Vrbovku. „Památky Archeologické“, 44, 1953; P. R a d o m ě r s k ý. Byzantské mince z pokladu v Zemianském Vrbovku. Ioid.

¹¹ Все найденные предметы хранятся в коллекции памятников первобытного искусства Словацкого Национального музея в Турчанском Мартине.

Клад из Земянского Врбовка, по монетам датированный второй половиной VII в., содержит, кроме 18 византийских монет, сосуды (чаша и две полусферические миски — наиболее замечательные среди найденных предметов), украшения (две пары браслетов, ожерелье, серьги) и разные мелкие предметы, — все из сравнительно чистого серебра. Всесторонний анализ отдельных предметов, их форм, способа отделки и техники изготовления, а также сравнение их с европейским материалом подкрепляет выводы Я. Эйснера: этот клад не имеет связи с аварской культурой и, наоборот, подтверждает непрерывность традиций паннонских мастерских от римской эпохи до VII в. Найденные вещи несомненно принадлежали византийскому чеканщику и серебряных дел мастеру, который принес их в Паннонию в период мирного сосуществования Византии с аварами после 626 г.: быть может, они должны были служить ему материалом для изготовления серебряных изделий. Полагают, что клад был закопан при бегстве чеканщика из Карпатской котловины, когда после утверждения болгар на Балканском полуострове вновь создалось напряженное положение. Эта находка служит косвенным доказательством того, что Паннония еще в VII в. принадлежала к сфере влияния византийской культуры и имела сношения с Константинополем.

П. Радомержский дает в своей работе прежде всего обзор находок римских и византийских монет на чешской и словацкой территории, кончая золотой монетой императора Юстиниана, найденной в Олышовцах. Более поздние золотые монеты начинаются только с правления императора Василия I: золотые византийские монеты конца VI—начала IX в. до сих пор на чешской и словацкой территории неизвестны. Поэтому особое внимание привлекает клад из Земянского Врбовка, который содержит 17 монет Констанция II (641—668) и одну монету, чеканенную в начале правления Константина IV (668—685).

Следовательно, хотя авары и прервали старые связи Византии с севером, торговля не замерла окончательно. Это подтверждается и находкой четырех «бронзовых» монет карфагенской чеканки VII в., обнаруженных в 1950 г. в Силезии, в селе Грознова, близ Крнова. К аварам золотые византийские монеты попадали или в результате платежей, которыми империя покупала себе мир, или при торговых сношениях в более спокойные периоды. Однако начиная с правления Константина IV, после возникновения Болгарского государства, приток золотых солидов прекращается вовсе. Одновременно прекращается и византийский импорт. Нумизматические исследования позволяют датировать ранний аварский период, когда преобладали византийские влияния, 568—679 гг.

Автор дает затем описание и датировку монет с указанием их числа и метрологических данных, а также соответствующей литературы вопроса. Он указывает на исключительно важное значение этой находки: это первая массовая находка серебряных византийских монет вне границ византийской территории, находка, не имеющая себе равных в Европе. Она является нумизматическим подтверждением сообщения Chronikon Alexandrinens об изменениях в старой византийской монетной системе, когда в 615 г. Ираклий начал чеканить наряду с серебряными миллиарсиями тяжелые серебряные гексограммы. В кладе из Земянского Врбовка был найден гексограмм чеканки Констанция II и гексограмм времени Константина IV. Ограниченное число видов чеканки на лицевой и оборотной стороне свидетельствует, что этот клад был, по мнению автора, спрятан вскоре после 668 или в начале 70-х годов VII в. Для хозяина этих монет они, по-видимому, не имели значения платежного средства и должны были служить в качестве сокровища.

Вопросу о соотношении аварской и славянской культуры в Моравии посвящен большой труд брненского археолога Йосифа Поулика¹², где рассматривается культура древнейшего славянского населения Южной Моравии. Южноморавская низменность тянется от Павловских гор и бассейна рек Дыи и нижней Моравы на юг до Дуная. Исследование археологических памятников показывает, что в Моравию проникало творческое воздействие от славянского населения Карпатской котловины, а вместе с тем и значительное византийское влияние. Й. Поулик также пришел к заключению, что Словакия и Моравия не были сплошь заселены аварами. Большая часть предметов из поселений и могил была изготовлена руками местного населения, состоявшего из земледельцев и ремесленников. Находки кестельских (аварских) предметов, литых из бронзы, в Моравии встречаются только спорадически, кроме одного могильника Дольни Дунайовице над рекой Дыей, исследование которого еще не закончено. По мнению Й. Поулика, это поздние импортные предметы, изготовленные в аварских мастерских после падения аварского государства; среди них появляются украшения, отлитые по византийским образцам. Подражание византийским образцам он объясняет торговыми соображениями, так как предметы во вкусе кочевников не пользовались успехом у славян. Около 800 г. происходит важное изменение в славянском погребальном ритуале: трупосожжение уступает место погребению в глубоких ямах, — по мнению Й. Поулика, тоже под влиянием, идущим из Карпатской котловины. Одновременно в Моравии начинается интенсивный рост производительных сил и подъем культуры, а вследствие этого накопление индивидуального богатства и классовое расслоение.

Основной проблемой, встающей перед историками в связи с археологическими исследованиями на территории Южной Моравии, является вопрос о возникновении Великоморавского княжества и его сношениях с Византией. Решение этого вопроса должно пролить свет на возникновение моравской (а следовательно, и чешской) государственности. Дело в том, что для периода от заселения славянами Моравии до IX в. у нас нет никаких письменных источников — ни местных, ни иностранных, — и поэтому только археология способна установить, созрели ли в ту пору экономические и социальные предпосылки для возникновения государства.

В этой связи возникает ряд вопросов, среди которых немаловажным является вопрос о времени, которым мы можем датировать появление славянского населения в Моравии. Раскопки на южноморавской территории, с которыми нас в значительной мере знакомит труд Й. Поулика, были начаты в 1945 г. Самые важные открытия были сделаны в селе Пржитлуки и в Старом Месте в Моравии.

В Пржитлуках на Дые открыт один из самых больших и самых древних могильников западных славян: древнейшие погребения в нем относятся, по-видимому, уже ко второй половине IV в. Было обнаружено свыше 500 могил с трупосожжением. Вблизи могильника было найдено типичное славянское поселение с квадратными и несколько углубленными в землю жилищами с каменным очагом в углу. Памятники из Пржитлук вместе с находками из других южноморавских могильников доказывают, что славяне были новой этнической группой, переселившейся на эту территорию: с появлением славянских памятников исчезают могильники и поселения римской эпохи (I—IV вв. н. э.). Следовательно, славянское население Моравии не было автохтонным: оно проникло сюда с территории севернее

¹² J. P o u l í k. Jižní Morava, země dávných Slovanů. Brno, 1948—1950.

Карпат — между Одером и Днепром — в IV в., а по мнению Й. Поулика, — вероятно, уже в III в. н. э. Развитие культуры славянского населения Моравии вплоть до образования раннефеодального государства в IX в. яснее всего прослеживается благодаря находкам в Старом Месте.

Старе Место (Велиград¹³ — близ г. Угерске Градиште) было населено уже в позднем палеолите. Хотя археологи давно уже обратили внимание на этот район, его систематическое исследование началось только в 1948 г. Некрополь только на одном восточном участке «На валах» достигает таких размеров, что подобного ему вообще нет у западных славян. То, что было вскрыто охранными раскопками, составляет по предварительной оценке только $\frac{1}{20}$ всего могильника. Могилы с трупосожжением и трупоположением в западной части, на участке «Шпитальки», и объекты в поселении еще вообще не исследованы. До сих пор было обнаружено и исследовано 1479 могил, которые, за исключением шести, все относятся к IX—X вв., а также открыты остатки трех церквей. В 1948 г. при раскопках могильника были обнаружены остатки фундамента небольшого христианского храма «На валах», в 1949 г. — остатки фундамента большого храма «На Шпитальке» с ярко выраженными чертами византийской архитектуры, в 1953 г. — остатки фундамента храма в селе Модра. Эти находки заставляют поставить вопрос, не является ли Старе Место резиденцией и центром деятельности солунских братьев Кирилла и Мефодия.

Старому Месту посвящена большая монография брненского археолога В. Грубого¹⁴, содержащая подробный отчет о раскопках, анализ материала и выводы автора. Византийскому влиянию на материальную культуру населения Старого Места посвящены две связанные между собою главы: «Керамика византийского типа» и «Серьги византийско-восточного типа».

Могильник в Старом Месте служил кладбищем у славянского населения от конца аварского господства в Карпатской котловине приблизительно до середины X в. Всесторонний анализ материальной культуры показывает высокую степень развития местного ремесленного производства в IX в. О влиянии «подунайской» и «византийско-восточной» культуры свидетельствует необычайное количество драгоценных украшений, накопленных в Старом Месте. Что касается керамики, то В. Грубый относит к керамике византийского типа 6 сосудов из тонко отмученной глины¹⁵ (находка «На валах»), которые по материалу и по способу изготовления принадлежат к античному типу и в IX в. могли быть изготовлены только мастерами из области, где еще сохранялась техника старых римских мастерских, т. е. византийскими мастерами. Однако, по мнению В. Грубого, эти предметы были не импортированы, а изготовлены в самом Старом Месте ремесленниками из Византийской империи, которые сопровождали миссию Кирилла и Мефодия: дело в том, что эта керамика изготовлена из того же материала оранжевого цвета, что и плитки пола в храме «На валах» или черепица — предметы, которые не могли быть импортированы. Местные моравские гончары не усвоили этой техники: в других находках нет и следов ее, позднее она тоже не встречается.

Византийскими украшениями на чешско-моравской территории занимался уже Л. Нидерле, который констатировал, что здесь особенно большим успехом пользовались серьги. В могильнике «На валах» найдено

¹³ Название Veligrad упоминается в документе 1131 г.; после 1257 г. — это Старе Место.

¹⁴ V. H r u b ý. Staré Město. Velkomoravské pohřebiště „Na Valách“. Praha, 1955. „Monumenta Archaeologica“, vol. III.

¹⁵ Две амфоры с двумя ручками, два простых кувшина с узким горлышком, двойной сосуд из двух кувшинчиков и односторонне выпуклая фляга.

678 серег, которые В. Грубый (по Я. Эйсеру) подразделяет на серьги «подунайского» и «византийско-восточного» типа. Интересующие нас серьги последнего типа могут быть разделены на 6 групп, среди которых особенно часты гроздевидные серьги: их насчитывается 303 из общего числа 592. Самые простые гроздевидные формы встречаются в наиболее древних могилах с труположением; они исчезают в начале X в. Наиболее эффектные золотые серьги с бусинами относятся, по мнению В. Грубого, к последней четверти IX в. К последним годам существования Великой Моравии относится, без сомнения, и серебряная шейная гривна тонкого плетения, найденная вместе с золотыми пуговицами и золотыми серьгами в виде лунницы. Перстней было найдено только 24, и среди них лишь несколько экземпляров византийско-восточного типа. В. Грубый в заключение высказывает догадку, что в период наиболее тесных сношений Великой Моравии с Византийской империей в Моравии временно существовала «ювелирная школа», сложившаяся под руководством византийских мастеров и подражавшая византийским образцам.

Затем В. Грубый отмечает сильное влияние Моравии на Чехию, отразившееся, в частности, на характере украшений; он датирует тесные связи Чехии с Моравией временем после смерти Святополка в 894 г. Эта датировка, однако, встретила критическое отношение. Я. Эйсер, опираясь на материалы И. Поулика и В. Грубого, указывает, что сильное влияние Моравии на Чехию имело место уже и ранее¹⁶. Археологические исследования доказывают, что в Чехии уже в VIII в. существовали большие «грады» (кремли). Сношения чешских центров с моравскими начинаются в конце VIII или в начале IX в., что доказывается находками литых бронзовых украшений аварского стиля, которые в единичных случаях встречаются в наиболее важных пунктах, например в граде Либице (на Лабее) или в окрестностях древнего града Шарки, близ Праги. Сношения Чехии с Моравией продолжались и позже, что доказывается находками в Чехии некоторых керамических и железных предметов и особенно украшений, сходных с велиградскими. Первоначально их имели только вельможи и население, могильники которого находятся вблизи наиболее крупных чешских градов, но они встречаются и в других местах, всегда в могилах с труположением. На кладбищах вблизи Пражского замка, основанного в самом конце IX в., как показывают произведенные до сих пор исследования, уже нет драгоценных велиградских изделий византийского типа. У населения, которое обитало здесь около 900 г., встречаются лишь простые украшения, которые характерны для последнего этапа деятельности велиградских мастеров. В отличие от В. Грубого Я. Эйсер относит время влияния большого велиградского центра и его ремесленных мастерских на передовые чешские области к середине и ко второй половине IX в. и полагает, что тогда в Чехию из Моравии проникали не только изделия искусных моравских ювелиров, но и духовные течения, охватившие Моравию и особенно сильные в Старом Месте, — иными словами, христианство, насаждавшееся византийскими миссионерами Кириллом и Мефодием.

Самую большую сенсацию из всех находок в Старом Месте вызвали остатки храмов, которым, кроме соответствующих глав в трудах археологов И. Поулика и В. Грубого, посвящено несколько монографий¹⁷.

¹⁶ J. Eisner. Počátky českého šperku. „Památky Archeologické“, 46, 1955.

¹⁷ См. особенно: J. Cibulka. Velkomoravské kostely objevené r. 1949 ve Starém Městě, 1950 (машинопись); J. Böhm. Deux églises datant de l'Empire de Grande Moravie, découvertes en Tchécoslovaquie, Byzantinoslavica, XI, 1950; J. Pošmourný. Chrám cyrilometodějské na Velké Moravě, Umění, I/1, 1933; Spectator — J. Cibulka. K novému archeologickému průzkumu na historické půdě Starého Města — Velehradu.

Разрешенным теперь считается вопрос о характере постройки в селе Модра и храма «На Шпитальке», тогда как с храмом «На валах» все еще связан ряд не совсем разрешенных проблем. И. Цибулька в докладе, читанном в ноябре 1955 г., удалось убедительно показать, что храм в селе Модра является постройкой ирландско-шотландского происхождения¹⁸. Из этого можно сделать вывод, что христианство распространялось в Моравии (как и среди словенцев во время деятельности епископа Виргилия в Зальцбурге в VIII в.) при посредстве ирландско-шотландских миссионеров, приходивших (еще до Кирилла и Мефодия) из ближайшего монастыря в Кремсмюнстере. Так как во Франкском государстве в 803—816 гг. ордена франкских монастырей были повсеместно заменены орденом бенедиктинским, И. Цибулька относит деятельность ирландско-шотландских миссий к самому началу IX в. Как бы то ни было, храм в селе Модра свидетельствует о том, что начало христианства, а также появление каменной архитектуры в Моравии надо отодвинуть к первой половине или даже к началу IX в.

Храм «На Шпитальке» (а также и храм «На валах») имеет прямоугольный неф¹⁹, к которому примыкает с восточной стороны полукруглая вытянутая апсида; в храме «На Шпитальке» имеется к тому же и нартекс, характерный для византийских церковных построек. Этот храм датируют временем деятельности Кирилла и Мефодия. Решить вопрос о времени сооружения более простой постройки «На валах» впервые попытался И. Цибулька, который отнес ее к первой половине IX в. (около 825 г.); он считал, что ее архитектура восходит к древнехристианским традициям, опосредствованным болгарским влиянием. Этот вопрос стал предметом специального исследования в работе И. Пошмоурного, который отмечает, что оба храма — «На валах» и «На Шпитальке» — по своей конструкции принадлежат к группе византийских крестовокупольных храмов, развитие которых можно ясно проследить, начиная от храма св. Софии в Солуни V в. до IX в. Это тип миссионерского храма, все пропорции которого выводились из одного размера — ширины апсиды. В соответствии с этим И. Пошмоурный относит возникновение обоих храмов к периоду деятельности Кирилла и Мефодия (863—885 гг.). И В. Грубый датировал храм «На валах» второй половиной IX в. По мнению И. Пошмоурного, огромный могильник, расположенный вокруг этой небольшой церкви, более древен, нежели храм, поскольку западная стена последнего перерезает одно погребение. Он считает этот могильник местом захоронения простолудинов, в то время как погребения «На Шпитальке» (особенно могилы в нартексе) принадлежали господствующему классу; такое обособление могильника господствующего класса соответствовало характеру раннефеодалного моравского государства.

Старе Место является единственным известным в Моравии значительным церковным центром, который мы могли бы связывать с кирилло-мефодиевской традицией: поэтому вполне обосновано заключение Я. Эйснера и некоторых других чешских историков, которые пришли к выводу, что там находилась резиденция архиепископа Мефодия, а быть может, также и резиденция князей Великой Моравии.

Duchovní pastýř, IV, 1954; J. Kadlec. Kostel v Modré a začátky křesťanství na Moravě v letech 800—850. Časopis přátel starožitností, LXIV/1, 1956; V. Hrubý—V. Hochmannová.—J. Pavelčík. Kostel a pohřebiště z doby velkomoravské na Modré u Velehradu. Časopis Moravského Musea, XL, 1955.

¹⁸ Характерные черты: прямоугольная алтарная часть и вплотную перед ней в прямоугольном нефе выдвинутая поперечная стена в форме буквы Т с продушинами у боковых стен храмового нефа.

¹⁹ Размеры нефа 8,50 × 7,25, апсиды — 5 × 4,25.

Раскопками в Старом Месте не исчерпываются моравские находки последних лет. В 1954—1955 гг. близ села Микульчице, на правом берегу Моравы, были открыты остатки славянского каменного города, занимающие площадь свыше 100 га; их исследование потребует не менее 15—20 лет. Пока удалось вскрыть фундаменты трех храмов, расположенные один над другим. Самый нижний из них датируется, судя по находкам отдельных предметов, концом VIII в. Сейчас можно сказать, что городище близ села Микульчице относится к IX в., к эпохе Великой Моравии, но пока еще невозможно предвидеть те результаты, которые дадут раскопки²⁰.

Изучение византийского общества и его культуры было в последние годы сосредоточено в журнале «Byzantinoslavica» (редакторы Б. Гавранек и М. Паулова, а с 1953 г. Б. Гавранек и А. Достал). Содействуя международному сотрудничеству византиноведов, журнал сразу же после Второй мировой войны опубликовал обзоры работ по византиноведению в отдельных странах (кн. IX, 1947); с X книги журнал помещает аннотированную библиографию византиноведческих работ, составленную учеными самых различных стран; при этом журнал очень рано завязал сношения с советскими исследователями (акад. Е. А. Косминским, М. В. Левченко, Н. С. Лебедевым), а также опубликовал ряд рецензий на труды советских ученых, способствуя тем самым пропаганде достижений советского византиноведения. Редакция «Byzantinoslavica» привлекла к сотрудничеству в журнале многих видных исследователей из разных стран, в особенности из стран народной демократии, так что журнал этот все больше становится византиноведческим органом народно-демократической науки. Статьи, имеющие известное отношение к византиноведению, помещают также некоторые другие журналы ЧСАН, как-то «Archiv orientální», «Slavia», а в последнее время и «Listy filologické». Преподавание истории Византии сосредоточено главным образом на философско-историческом факультете Карлова университета в Праге (кафедра византийской и славянской истории, доктор М. Паулова). В учебный план включен краткий обзор византийской истории на II курсе, с возможностью ведения семинара и лекций на старших курсах. В Брне доцент Й. Кабрда разрабатывает историю феодальных отношений на Балканском полуострове в период турецкого владычества. Проблемами византиноведения занимаются младшие научные сотрудники некоторых институтов ЧСАН: Б. Застерова, М. Лоос, Г. Туркова, Р. Досталова-Еништова, а также П. Раткош в Словакии.

Влияние марксистской методологии на труды чехословацких византинистов проявляется уже в самом выборе тем и постановке проблем. Большое внимание уделяется кирилло-мефодиевской проблеме: с 1950 г. журнал «Byzantinoslavica» ввел в библиографическом отделе специальную рубрику для литературы по этому вопросу. Проблемам, связанным с историей Великой Моравии, была посвящена конференция чехословацких ученых, проведенная в апреле 1953 г. в Либлицах, где основные дискуссионные доклады делали Й. Бем и Ф. Граус²¹. В 1954 г. Ф. Граус вернулся к этой проблеме в рецензии на работу по истории Великой Моравии, написанную Я. Деканом²². Центральное место в дискуссии занимал вопрос о характере

²⁰ О находках сообщил Й. Поулик в нескольких лекциях и в статье *Tajemství Velké Moravy*. *Lidová Demokracie*, 23.X.1955.

²¹ Она была организована Историческим институтом ЧСАН. См. *Sovětská Věda. Historie*, III/4, 1953; P. Oliva. *Diskuse o charakteru Velkomoravské říše*. *Ceskoslovenský časopis Historický*, 1/3, 1953.

²² F. Graus. *Ján Dekan, Začiatky slovenských dejín a Vel'komoravska ríša*. *Slovenská Archeologia*, II, Bratislava, 1954.

общественных отношений в Великоморавском государстве, а также проблема возникновения и развития государственности в чешских областях²³.

Большой интерес для византиниста представляет статья Й. Вашицы о древнейшем славянском законодательном памятнике «Закон судный людем»²⁴. На основании лингвистических данных, анализа паннонских легенд и других источников того времени, а также исходя из рукописной традиции, автор доказывает кирилло-мефодиевское происхождение этого памятника и считает наиболее вероятным его автором Константина-Кирилла. Если принять эту гипотезу, открывается новое поле для суждений о влиянии византийского права на правовые отношения в Великой Моравии.

Интерес историков привлекает и более поздняя кирилло-мефодиевская традиция, в особенности проблематика, связанная с монастырем «На Слованех» времен Карла IV. В январе 1952 г. в Эмаусском монастыре в Праге был открыт новый отрывок хорватской глаголической псалтыри, описание и анализ которого дал Й. Курц²⁵; изучению деятельности хорватских монахов и славянской литургии того же монастыря посвящена и монография М. Пауловой, рассматривающая использование кирилло-мефодиевских традиций в политике Карла IV²⁶. Все эти данные свидетельствуют о том, что монастырь «На Слованех» был выдающимся очагом славянской культуры, который оживил местную кирилло-мефодиевскую традицию и должен был впоследствии по желанию Карла IV содействовать заключению церковной унии с Сербией (при Стефане Душане) и пропаганде на славянском языке католицизма среди сербов.

Чехословацкие византинисты изучают также проблему богомилства (болгарского и византийского) и историю павликианства. М. Лоос показал, что упоминание о манихеях в «Шестодневе» Иоанна Экзарха нельзя относить к болгарской действительности того времени и что этот памятник вообще не содержит указаний на существование богомилства или какой-либо иной дуалистической ереси на территории Болгарии в царствование Симеона²⁷. В другой работе М. Лоос критически рассматривает греческие источники, относящиеся к павликианству²⁸.

Большое внимание чехословацкие ученые уделили древнерусскому эпосу «Слово о полку Игореве». Вопрос о его подлинности вновь подняли во время второй мировой войны французские слависты и прежде всего А. Мазон. Советские ученые не сочли необходимым вновь вернуться к этой проблеме, считая достаточно твердо доказанной подлинность «Слова». Некоторые западноевропейские и американские ученые (Р. Якобсон, А. Грегуар) отвергли эту новую попытку возобновить старые сомнения. Все эти сочинения рассмотрел в обширном обзоре чешский славист А. Достал, который показал несостоятельность утверждений французской

²³ Изучением феодализма в Великой Моравии занимается П. Раткош [*P. Rátkoš. Počiatky feudalizmu na Slovensku (K problematike raného feudalizmu v našich krajinách)*. *Historický časopis*, II/2, 1954; этой же проблематике посвящено исследование, подготовляемое Б. Застеровой.

²⁴ J. Vašica. *Origine cyrillo-méthodienne du plus ancien Code Slave dit „Zakon sudnyj ljudem“*. *Byzantinoslavica*, XII, 1951.

²⁵ J. Kurz. *O nově nalezeném emauzkém charvátskohlaholském zlomku žaltáře*. *Slavia*, 22, 1953.

²⁶ M. Paulova. *L'idée cyrillo-méthodienne dans la politique de Charles IV et la fondation du monastère slave de Prague*. *Byzantinoslavica*, XI, 1950.

²⁷ M. Loos. *Le prétendu témoignage d'un traité de Jean l'Exarque, intitulé „Šestodnev“ et relatif aux bogomiles*. *Byzantinoslavica*, XII, 1952.

²⁸ M. Loos. *Deux contributions à l'histoire des pauliciens. I: A propos des sources grecques reflétant des pauliciens*. *Byzantinoslavica*, XVII/I, 1956. В книге XVIII выйдет вторая часть, посвященная вопросу о происхождении самого названия павликиан.

школы, противоречащих данным лингвистики, стилистики и литературоведения²⁹. А. Достал вернулся к этому вопросу еще раз, рассмотрев новые работы советских ученых о «Слове», написанные в связи со столетием первого издания этого памятника³⁰. Эту тему изучает также С. Вольман³¹.

Большое число выдающихся работ отечественных и иностранных авторов было опубликовано журналом «Byzantinoslavica» в связи с пятисотлетием падения Константинополя. Они были собраны в XIV книге³², а частично и в следующей³³. Эти статьи были посвящены событию, оказавшему большое влияние на судьбы балканских народов, всей Средней Европы и специально славян, для которых, как говорится в передовой статье XIV книги журнала, «пятисотлетие падения Константинополя тесно связано с самыми тяжелыми воспоминаниями о глубокой национальной трагедии». Чешский народ также принимал участие в борьбе против османов. Из работ советских авторов, посвященных этой теме, обратила на себя внимание статья Э. В. Удальцовой о внутренних причинах катастрофы, которые русский автор усматривает в несоответствии между производительными силами, приведшими к образованию элементов уже нарождающегося капитализма, и застывшими формами феодальных производственных отношений. Этой статье был посвящен специальный реферат Б. Застеровой, опубликованный в кн. XV.

В дальнейшем редакция журнала «Byzantinoslavica» будет стремиться к укреплению личных отношений со своими сотрудниками, особенно в форме подготовки небольших рабочих совещаний и т. д. Одна из основных тем, которой чехословацкие византисты посвящают сегодня свое внимание, это проблема взаимоотношений между народами теперешних стран народной демократии и Византией.

М. Паулова.

РАБОТЫ ПОЛЬСКИХ УЧЕНЫХ В ОБЛАСТИ ВИЗАНТИЙСКОЙ ПАПИРОЛОГИИ (1945—1955)

Папирология — это наука, содержание которой определяется: с одной стороны — специфическим материалом, на котором написаны памятники, а с другой — определенными географическими и историческими рамками этих памятников. Источники для папиролога — это десятки тысяч текстов на папирусах, в преобладающей части греческих и значительно реже латинских, демотических и коптских, систематические находки которых начались приблизительно полвека тому назад и с той поры становились все разнообразнее и богаче, открывая широкое поле для научных исследований

²⁹ A. Dostal. Dispute de l'authenticité du Slovo d'Igor dans la science occidentale. Byzantinoslavica, X, 1949.

³⁰ A. Dostal. Les derniers travaux soviétiques relatifs au „Slovo o polku Igoreve“. Byzantinoslavica, XIII, 1952—1953.

³¹ S. Volland. Slovo o polku Igoreve. Stav výzkumů 150 let po I. vydání. Slovesná věda, III, 1950; S. Volland. K otázce o řečnické povaze Slova o pluku Igoreve, Slavia, 25, 1956.

³² M. Turková. Le siège de Constantinople d'après le Seyahatnâme d'Evliya Çelebi (Продолжение в кн. XVII, стр. 125—127); J. V. Polišenský. Bohemia, the Turk and the Christian Commonwealth (1462—1620); J. Masárek. — Турецкая опасность и Средняя Европа накануне и во время падения Константинополя; M. Paulová. L'Empire byzantin et les Tchèques avant la chute de Constantinople.

³³ F. Tauer. Les versions persanes de la légende sur la construction d'Aya Sofya; J. Kabrda. Les problèmes de l'étude de l'histoire de la Bulgarie à l'époque de la domination turque. Byzantinoslavica, XV, 1954.

специалистам в различных областях: историкам, юристам, филологам. Таким образом возникла особая дисциплина, объектом изучения которой является Египет, хронологические же рамки ее охватывают тысячелетие — от завоевания страны фараоном Александром Великим в 332 г. до н. э. вплоть до арабского завоевания Амир ибн эль-Асом в 641 г. н. э.¹ Согласно с традиционным делением, каждый род папирологических исследований, посвященных изучению различных аспектов жизни египетского общества того периода, касается трех основных эпох: эпохи Птолемея, римской и византийской эпох. Вследствие этого папирология в хронологических пределах последней из трех эпох вступает непосредственно в область византистики.

Папирусы византийской эпохи², датируемой (для Египта) от правления Диоклетиана, а точнее от захвата Александрии в 297 г. и реформ Диоклетиана, в результате которых Египет утратил особый политический статус и был включен в единую организационную систему империи, для ученого-византиниста представляют необыкновенно ценный материал. Ценность его заключается в том, что в нескольких тысячах литературных и религиозных текстов, юридических документов (административных и судебных актов), хозяйственных записей и писем частных лиц, не испорченных интерполяциями и искажениями позднейшей традиции, исследователь византийской культуры увидит все стороны жизни одной из провинций Восточной империи. Кроме того, особой чертой этих документов является то, что они проливают много света на материальные условия жизни общества и его классовую структуру³.

Польская наука может гордиться достаточно серьезными достижениями в области византийской папирологии. Изучение папирусов, еще с довоенных времен имеющее у нас свои прогрессивные традиции, стало особенно развиваться в благоприятных условиях, созданных народно-демократическим государством⁴. Центром этих исследований является главным образом Институт папирологии при Варшавском университете, возглавляемый академиком Р. Таубеншлагом, а также редактируемый им «Ежегодник юридической папирологии» («The Journal of Juristic Papyrology»), десять обширных томов которого уже вышли в свет⁵. Ниже мы постараемся вкратце показать достижения польских ученых в области византийской папирологии в течение последних десяти лет⁶.

Этот обзор будет касаться главным образом историко-правовых исследований, посвященных проблемам государства и права Египта византийской эпохи, так как такого рода исследования, проводимые профессором Таубеншлагом и группой его учеников, представлены шире других. Среди

¹ Основные сведения о папирологии вместе с избранными, наиболее характерными текстами приводят М. David—В. А. van Groningen, Papyrological Primer. Leiden, 1952.

² Руководство по византийской папирологии, содержащее чрезвычайно богатую библиографию вопроса, дает А. Bataille. Traité d'études byzantines, II. Les Papyrus. Paris, 1955. Кроме того, по более ранней литературе см. Н. I. Bell. Papyrology and Byzantine Studies. Papyri und Altertumswissenschaft. Beiträge zur Papyrusforschung, 19, München, 1934, p. 314 ff.; G. Rouillard. Papyrus byzantins et documents d'archives. Atti del IV Congresso Internazionale. Firenze, 1936, p. 63 sq.; P. Collart. Papyrologie et byzantinisme. Revue des Etudes Anciennes, 43, 1941, p. 41 sq.

³ См. Н. I. Bell. Jews and Christians in Egypt. 1924, p. 72 ff.; См. также: А. С. Johnson—L. C. West. Byzantine Egypt: Economic Studies. Princeton, 1949.

⁴ См. J. Modrzejewski. Polish Papyrology in the Years 1945—1955. Warszawa, 1955.

⁵ См. И. Ф. Фихман. ВДИ, № 1, 1954, стр. 78 слл.

⁶ Из более ранних работ см. R. Taubenschlag. The Legislation of Justinian in the Light of the Papyri. Byz., v. 15, 1941, p. 280 ff.

этих исследований выделяется новое, второе, издание работы Р. Таубеншлага, дающей единственный в мировой литературе синтетический обзор греко-римского права на основе использования огромного количества папирусов⁷. Эта работа составляет — как отметила критика⁸ — эпоху в развитии науки папирологии. Некоторое представление о богатстве использованного в исследовании материала может дать тот факт, что одни только индексы занимают почти сто страниц (693—789 стр.). Для византиниста особую ценность представляют разделы, касающиеся взаимоотношений и взаимовлияний египетского, римского и греческого права в византийскую эпоху (стр. 27 сл.) и использования византийским законодательством в Египте институтов обычного права (стр. 54 сл.). Интересны также разделы, в которых рассмотрена судебная система Египта в византийскую эпоху (стр. 492 сл.) и установленный Диоклетианом политический и административный порядок (стр. 569 сл.). Кроме того, при рассмотрении отдельных институтов гражданского, уголовного, процессуального и административного права автор показал их историческое развитие на протяжении всего тысячелетия, захватывая, как правило, и византийскую эпоху. Краткое резюме выводов из этого исследования, являющегося плодом пятидесятилетнего труда автора, читатели найдут в небольшом вступлении к работе о греко-римском праве в Египте, вышедшей двумя годами раньше⁹.

Среди учебников необходимо отметить книгу, написанную тоже Р. Таубеншлагом, о римском частном праве в свете античного законодательства¹⁰. В этой работе дан краткий очерк греко-римского права Египта и Сирии, причем это последнее представлено на основе так называемого Сирийско-римского законника V в.

Переходя от общих работ к монографиям, посвященным анализу отдельных проблем, в первую очередь надо упомянуть о работах, касающихся источников права. Так, в статье относительно обычного права¹¹ Р. Таубеншлаг, рассматривая ряд византийских документов, выясняет роль обычая (ἔθος) в ту эпоху в семейном, наследственном, а также в уголовном и административном праве. Из другой его работы такого же характера, посвященной анализу отдельных значений термина νόμος¹², мы узнаем, что в ранних папирусах той эпохи этот термин означает римские законы, правовые основы, опирающиеся на позднейшую юриспруденцию и императорские конституции. В юстиниановское время значение этого термина изменилось, и он стал означать весь комплекс кодификации Юстиниана, все его эдикты и новеллы. Любопытное упоминание о так называемом ὁ ἐπιχώριος νόμος в завещании Абрагама из Гермонтиса, жившего в VI в. (P. Lond. 77, р. 231 = M. Chr. 319), является убедительным доказательством того, что древнее право местных жителей, относящееся еще к эпохе фараонов, в период византийского владычества не только не исчезло, но даже ожило в связи с нарастающей волной коптского национализма.

⁷ R. Taubenschlag. The Law of Greco-Roman Egypt in the Light of the Papyri. (332 B. C. — 640 A. D.), second edition, revised and enlarged. Warszawa, 1955, p. XV + 789; см. рецензии В. И. Надель. ВДИ, 2 (24), 1948, стр. 110 сл.; Л. М. Глушкина. И. Д. Амусин. ВДИ, 4, 1952, стр. 108 сл.

⁸ См., например, Н. Ф. Јоловџ. Journ. Rom. Stud., 36, 1946, p. 204: „The book... makes epoch in legal papyrology...“.

⁹ R. Taubenschlag. Introduction to the Law of Greco-Roman Egypt. Archives d'histoire du droit Oriental — Revue internationale des droits de l'antiquité (в дальнейшем АНДО), I, 1952, p. 279 sq.

¹⁰ R. Taubenschlag. Rzymskie prawo prywatne na tle praw antycznych. Warszawa, 1955, str. 364.

¹¹ См. Customary Law and Custom in the Papyri. The Journal of Juristic Papyrology (в дальнейшем JJP). I, 1946, p. 41 ff.

¹² См. Νόμος in the Papyri. JJP, II, 1948, p. 67.

Среди работ этой категории нужно упомянуть работу Ю. Моджеевского, рассматривающую вопросы как дипломатики, так и публичного права. Работа Ю. Моджеевского посвящена анализу термина πρόσταγμα¹³, служившего для обозначения императорских эдиктов (в особенности касающихся деклараций имущества), а также распоряжений praefecti praetorio и других чиновников, таких как praeses Thebaidis, καθολικός, exactor, proto-kometai и, наконец, судебных решений. К этой же категории относятся и две специальные работы, принадлежащие перу Р. Таубеншлага. Первая из них, опубликованная в 1949 г., содержит перечень всех изданных к тому времени греческих папирусов и пергаментов восточных провинций, исключая Египет¹⁴ (из них к византийской эпохе относятся папирусы из Палестины, такие как: BGU 316 от 359 г.; SB 7011—7012 от VI в.; P. Nessana, Inv. № 13306 от 687 г., № 14 от 689 г., entagion Nessana Colt. Exp. от 547—572 г.). Вторая работа — это свод всех императорских конституций, известных по папирусам¹⁵. Среди них мы найдем целый ряд эдиктов, рескриптов и декретов, упоминаемых в источниках, возникших после 297 г. (стр. 125 сл., стр. 132, 136 сл., 142). Подобный характер имеет работа того же автора об императорских привилегиях¹⁶ (см., например, P. Oxy. 136 от 583 г., θεία διάταξις — Nov. 4 и beneficium excusionis или P. Ant. 1, ок. 460 г., содержащий намек на императорские привилегии, относящиеся к форме завещания, ср. Nov. Theod. 16, § 2—5 = Cod. Just., VI, 23, 21 от 439 г.).

Из работ о коренных проблемах юридической папирологии следует упомянуть — наряду со статьей о Сирийско-римском законнике¹⁷ и о толковании права¹⁸ — работы Р. Таубеншлага об элементах вавилонского права в греческих папирусах в Египте¹⁹. Значение их состоит в том, что на основе кропотливого анализа источников автор убедительно доказал возможность интерпретации целого ряда явлений юридической жизни греко-римского Египта в смысле восприятия институтов вавилонского права. Элементы вавилонского права в греческих папирусах встречаются и в византийскую эпоху, как это, например, имеет место с институтом под названием ἔδνα (подарки по случаю обручения), наличие которого в Египте IV столетия автор объясняет воздействием вавилонского tirhātu; с институтом под названием егѳбу (т. е. такой формы брака, при котором супруг входит в дом тестя в качестве сына), замеченным автором в P. Ross.-Georg. III, 28 от IV в. н. э., а также с другими институтами как ius roenitendi, усыновление, наем свободных лиц, причем нанимающийся является одновременно субъектом и объектом договора. Смелые гипотезы

¹³ J. Modrzejewski. The πρόσταγμα in the Papyri. JJP, VI, 1951, p. 186 ff.

¹⁴ R. Taubenschlag. Papirusy i pergaminy ze wschodnich prowincji państwa rzymskiego poza Egiptem. Czasop. prawno-hist. 2, 1949, s. 419 ff; и по-английски: Papyri and Parchments from the Eastern Provinces of the Roman Empire outside Egypt. JJP, III, 1949, p. 49 ff.

¹⁵ R. Taubenschlag. The Imperial Constitutions in the Papyri. JJP. 6, 1952, p. 121 ff.

¹⁶ R. Taubenschlag. Die kaiserlichen Privilegien im Rechte der Papyri. Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Romanistische Abteilung (в дальнейшем: ZSS), 70, 1953, S. 277 ff.

¹⁷ R. Taubenschlag. Il diritto provinciale romano nel Libro Siro-Romano. Atti del V Congr. Intern. di Studi Romani, 5, 1946, p. 87 sq. и перепечатка: JJP, 6, 1952, p. 103.

¹⁸ R. Taubenschlag. Die Auslegung der Gesetze im Rechte der Papyri. JJP, 9—10, 1956, p. 137 ff.

¹⁹ R. Taubenschlag. Das babylonische Recht in den griechischen Papyri. JJP, 7—8, 1954, p. 169 ff. и доклад на 8 международном конгрессе папирологов в Вене (август—сентябрь 1955 г.) под названием: Keilschriftrecht im Rechte der Papyri der römischen und byzantinischen Zeit (Издание Академии наук в Вене, готовится к печати).

Р. Таубеншлага направляют взоры папирологов-византиноведов на Восток, открывая в древнем вавилонском праве источники многих важных нитей, которые вплелись в сложный конгломерат правовой культуры греко-римского Египта. Дальнейшие исследования принесут, надо надеяться, новые открытия, подтверждающие правильность этих гипотез.

В области политического права существенное значение имеет статья Р. Таубеншлага об отношении римских властей к обычному праву до и после конституции императора Каракаллы²⁰, даровавшей всем жителям империи (за некоторыми исключениями) римское гражданство. Эта статья является чрезвычайно ценным вкладом в дискуссию, которая длится в науке вот уже несколько лет, о юридической силе местного права, применявшегося в провинциях и в особенности в Египте после издания *Constitutio Antoniana*. По мнению автора, римские власти терпели местные институты в ряде случаев, установленных процедурной практикой (*usus forensis*) еще до принятия этого закона. Из обстоятельного анализа источников явствует, что эти институты обычного права, часто полностью противоречащие букве официального законодательства, сохраняют силу и в дальнейшем — вплоть до конца византийской эпохи. Это касается главным образом таких вопросов, как *status civitatis*, освобождение, отказ от права патроната, *ἀγραφοῦ γάμος* и его юридические последствия, взаимная ответственность членов семьи в имущественном отношении, наследование *ab intestato*, решения относительно наследства в брачных контрактах, *oreis novi nuntiatio*, *ὀπάλλαγμα* и ипотека и, некоторые другие. Наряду с этим важным исследованием, разрешившим трудную проблему обязательной силы местного права в римском и византийском Египте, здесь надлежит отметить также две небольшие статьи Р. Таубеншлага, первая из которых касается государственного экономического контроля в византийском Египте²¹, а вторая посвящена проблеме прав и обязанностей жителей и в кратких чертах затрагивает вопрос о византийской налоговой системе в провинциях²².

На данных византийских источников основано затем несколько работ о проблемах гражданского права. К числу их принадлежат статьи Р. Таубеншлага о сроках²³, Ю. Моджеевского о добавочных постановлениях относительно частноправовой деятельности²⁴, Ю. Фаленцяка о *P. Colt. Inv. № 13306* (687 г.), содержащем выдержки из *παράμωγῆς*²⁵, и Г. Купишевского об оставлении детей²⁶. К этому ряду относится и запланированная на длительное время работа Ю. Моджеевского, посвященная юридическим проблемам в частных письмах на греческом языке, посылаемых из Египта. В уже опубликованном первом разделе этой работы относительно семейного права в эпистографических источниках²⁷ рассмотрен целый ряд текстов

²⁰ R. Taubenschlag. The Roman Authorities and the Local Law in Egypt before and after the C. A., JJP, 5, 1951, p. 121 ff. и на немецком языке: Die römische Behörden und das Volksrecht vor und nach der C. A. ZSS, 69, 1952, S. 102 ff.

²¹ R. Taubenschlag. Kontrola jednostek i ich interesów w Egipcie grecko-rzymskim. Meander, III, № 1, 1958, str. 1 ff.

²² R. Taubenschlag. Prawa i obowiązki obywateli i nie-obywateli w grecko-rzymskim Egipcie. Państwo i Prawo, III, № 2, 1948, str. 50 ff.

²³ R. Taubenschlag. Periods and Terms in Greco-Roman Egypt. Atti del Congr. intern. di dir. rom. e di storia del dir., Verona, 3, 1953, p. 353 sq.

²⁴ J. Modrzejewski. Additional Provisions in Private Legal Acts in Greco-Roman Egypt. JJP, 7—8, 1954, p. 211 ff.

²⁵ J. Falenciak. Note: P. Colt. Inv. Nr. 13306 — Release from *παράμωγῆς*. JJP, 2, 1948, p. 75 ff.

²⁶ H. Kupiszewski. Porzucenie dziecka w prawach antycznych. Meander, XI, № 1, 1956, str. 57 ff.

²⁷ J. Modrzejewski. Le droit de famille dans les lettres privées grecques d'Égypte. JJP, 9—10, 1956, p. 399 sq.

византийской эпохи, связанных с такими вопросами, как обязанности супругов в византийском законодательстве и местной практике, атрибуты отцовской и материнской власти, а также юридическое положение женщины. Проблематике вещного права посвящена статья Р. Таубеншлага о юридических отношениях между владельцами общей стены (*paries communis*)²⁸, с исчерпывающей полнотой использовавшая византийские источники.

Ряд работ польских папирологов затрагивают самые разнообразные проблемы управления византийского Египта. К ним относятся, например, статья Р. Таубеншлага об объединениях²⁹, а также его работа о герольде³⁰, игравшем в ту эпоху определенную роль в связи с держанием земли (SB 4489 от VI—VII в.). Из другой работы того же автора, о переводчиках³¹, мы узнаем об их широкой деятельности в Египте V—VIII вв. по переводу официальных актов с коптского языка на греческий и обратно, превосходную иллюстрацию чего дает нам вышеупомянутое завещание епископа Абрагама из Гермоитиса. Вопросы уголовно-административной процедуры рассматриваются в работе Р. Таубеншлага о доносчиках и их ответственности³².

Проблемы судебной процедуры и процессуального права в Египте византийской эпохи затронуты в работах Р. Таубеншлага о материальном правомочии судебных решений³³, о самопомощи³⁴, о временных распоряжениях³⁵, о процессуальном соучастии (*litis consortium*)³⁶, о процессах между юридическими лицами³⁷, об установительных судебных исках³⁸, а также о секвестре³⁹. Ему же обязана своим появлением интересная статья о профессии юристов⁴⁰, из которой явствует, какой высокий уровень знаний был у судей и адвокатов в византийском Египте, получавших образование в специальных учебных заведениях, как, например, в знаменитой юридической школе в Бейруте, переживавшей в ту пору период расцвета.

В работе Ю. Моджеевского о частных третейских судах⁴¹ имеются данные о том, каким образом местная практика в Египте, с одной стороны, опережала официальное юстиниановское законодательство, а с другой — пренебрегала им (CJ 55, 4—5; Nov. 82, c. 11). Г. Купишевскому удалось определить отношение юрисдикции префекта Египта и александрийского судьи (*iuridicus*), игравшего выдающуюся роль в правосудии и администрации

²⁸ R. Taubenschlag. Rechtsverhältnisse an der Grenzmauer im Rechte der Papyri. Scritti in onore di U. E. Paoli, 1955, p. 683 sq.

²⁹ R. Taubenschlag. The Law of Associations in Greco-Roman Egypt. ADHO, 5, 1950, p. 509 sq.

³⁰ R. Taubenschlag. The Herald in the Law of the Papyri. AHDO, 5, 1951, p. 189 sq.

³¹ R. Taubenschlag. The Interpreters in the Papyri. Charisteria T. Sinko, 1951, p. 351 sq.

³² R. Taubenschlag. Il delatore e la sua responsabilità nel diritto dei papiri. Studi in onore V. Arangio-Ruiz, 1, 1952, p. 501 ff.

³³ R. Taubenschlag. L'autorité de la chose jugée dans le droit gréco-égyptien. AHDO, 2, 1948, p. 299 sq.

³⁴ R. Taubenschlag. Selfhelp in Greco-Roman Egypt. AHDO, 4, 1949, p. 79 ff.

³⁵ R. Taubenschlag. The Provisional Legal Protection in Greco-Roman Egypt. JJP, 5, 1951, p. 143 ff.

³⁶ R. Taubenschlag. Die Streitgenossenschaft im Rechte der Papyri. JJP, 6, 1952, p. 143 ff.

³⁷ R. Taubenschlag. Die Prozesse der juristischen Personen im Rechte der Papyri. Studia et Documenta Historiae et Iuris, 18, 1952, S. 115 ff.

³⁸ R. Taubenschlag. Die Feststellungsklagen im Rechte der Papyri. Jura, Rivista internazionale di diritto romano e antico (в дальнейшем IURA), 4, 1953, p. 158 sq.

³⁹ R. Taubenschlag. Il sequestro nel diritto dei papiri. IURA, 2, 1951, p. 76 sq.

⁴⁰ R. Taubenschlag. The Legal Profession in Greco-Roman Egypt. Festschrift F. Schulz, 2, 1951, S. 188.

⁴¹ J. Modrzejewski. Private Arbitration in the Law of Greco-Roman Egypt. JJP, 6, 1952, p. 239.

византийского Египта⁴². Три другие работы этого автора, разбирающие вопросы об экспертах⁴³, об условных судебных решениях⁴⁴ и о формулярах документов, относящихся к принудительному взысканию⁴⁵, тоже проливают свет на проблему процедуры и уровень юридической науки в византийском Египте. Целый ряд источников той эпохи, большая часть которых касается процессуального права, был приведен в издании папирусов на двух языках (bilingua), подготовленном Р. Таубеншлагом и Г. Купишевским⁴⁶.

Что касается уголовного права, то имеющиеся материалы византийской эпохи рассмотрены в работах Р. Таубеншлага о неприкосновенности жилища⁴⁷ и пытках⁴⁸.

В работе Ц. Кундеревича впервые в папирологической литературе представлена проблема ответственности чиновников в эту эпоху⁴⁹.

Наряду с упомянутыми выше работами по юридическим вопросам польская папирология послевоенного периода располагает изданиями оригинальных текстов из коллекции папирусов, хранящихся в Варшаве⁵⁰ и Вроцлаве, а также исследованиями по истории и филологии и, наконец, справочно-библиографическими и научно-популярными статьями⁵¹. Большинство из них относится к эпохе Птолемея и римской. Что же касается византийского Египта, то среди изданий текстов мы едва заметим фрагмент так называемой *προσφώνησις* эпохи Диоклетиана, опубликованный А. Свицеркувой⁵², затем изданный И. Шиманской⁵³ контракт 311 г. о продаже осла, а также остроконцы, содержащие налоговые квитанции второй половины V в. Эти последние были найдены польско-французской научной экспедицией 1939 г. в Телль-Эдфу, в Верхнем Египте (Apollonopolis Magna), и опубликованы Г. Мантейффелем⁵⁴.

Из справочно-библиографических работ достаточно упомянуть о помещаемых Р. Таубеншлагом в каждом номере «Journal of Juristic Papyrology» обзорах литературы и источников⁵⁵, в которых рассматриваются многие издания по византиноведению.

Редактируемый профессором Таубеншлагом «Journal of Juristic Papyrology» с момента возникновения любезно предоставляет страницы своего журнала иностранным ученым как из Советского Союза и стран народной демократии, так и из капиталистических стран, способствуя тем

⁴² H. Kupiszewski. The „Iuridicus Alexandreae“. JJP, 7—8, 1954, p. 187 ff.

⁴³ H. Kupiszewski. Surveyorship in the Law of Greco-Roman Egypt. JJP, 6, 1952, p. 257 ff.

⁴⁴ H. Kupiszewski. Bedingte Urteile in den griechischen Papyri. JJP, 9—10, 1956, S. 329 ff.

⁴⁵ H. Kupiszewski. Les formulaires dans la procédure exécutive. Eos, 48, fasc. 2=Symbolae R. Taubenschlag, готовится к печати.

⁴⁶ Готовится к печати.

⁴⁷ R. Taubenschlag. Mir domowy w grecko-rzymskim Egipcie. Czasop. prawno-hist., t. 3, 1951, str. 53 ff. и на английском языке: The Inviolability of Domicile in Greco-Roman Egypt. Archiv Orientalni, 18, № 4=Symbolae F. Hrozný, 5, 1950, p. 293 ff.

⁴⁸ R. Taubenschlag. Geißelung und Züchtigung im gräko-ägyptischen Recht. Etudes de Papyrologie, 8, в печати.

⁴⁹ Готовится к печати.

⁵⁰ Большая часть их перед Второй мировой войной была опубликована в книге: P. Varsov. = G. Manteuffel—L. Zawadowski—C. Rozenberg. Papyri Varsovienses. Warszawa, 1938. Кроме того, см. M. Humbert. La collection de papyrus et d'ostraca de Varsovie (Chronique d'Egypte, № 23, 1937, p. 124 sq.).

⁵¹ О них см. J. Modrzejewski. Polish Papyrology. . . , p. 27 ff.

⁵² A. Swiderek. Professionis q. d. *προσφώνησις* fragmentum. JJP, 2, 1948, p. 111 ff.

⁵³ I. Szumańska. Venditionis asini syngrapha. JJP, 2, 1948, p. 115 ff.

⁵⁴ J. Manteuffel. Les papyrus et les ostraca grecs. Fouilles Franco-Polonaises, 3, Tel Edfou 1939, опублик. в 1950, p. 361 sq.

⁵⁵ См. о них И. Фихман. ВДИ, 1954, № 1, стр. 85.

самым укреплению научного сотрудничества между различными государствами. Несколько десятков работ иностранных авторов помещено в юбилейном сборнике, изданном по случаю 50-летия научной деятельности профессора Таубеншлага⁵⁶. Ряд работ иностранных авторов, опубликованных в Польше, относится непосредственно к византиноведению. Назовем здесь только исследование А. Штейнвентера о понятии *ἀκολουθία*⁵⁷, исследование Б. Р. Риса на тему о *defensor et curator civitatis*⁵⁸, основанную почти исключительно на византийских материалах, и большую работу В. Тилля о коптских трудовых договорах⁵⁹. Напомним также о папирусах того времени, подготовленных к печати иностранными авторами, но опубликованных в польских издательствах, таких, например, как издание десяти документов и частных писем из венской коллекции, предпринятое Г. Герстингером в упоминаемом уже юбилейном сборнике⁶⁰.

Из вышеизложенного вытекает, что вклад польских ученых-папирологов в изучение проблем византиноведения достаточно односторонен: он выражается почти исключительно в исследованиях и статьях по правовым вопросам византийского Египта. Что же касается исследовательских планов и перспектив на будущее, то предусмотрены тоже только небольшие монографии юридического характера, как, например, подготовляемая работа Г. Купишевского о так называемом *topoteretai* или работа Ю. Моджеевского о правовых проблемах в эпистографических источниках той эпохи. Между тем нужно заметить, что варшавский Папирологический институт располагает полным собранием изданий папирусов и обширной коллекцией литературы — учебников, монографий, журналов, — т. е. всем тем, что может обеспечить гораздо более многочисленные исследования по узко специальным вопросам в области византийской папирологии. Целый ряд византийских проблем и не только правовых, но и связанных с общественно-экономической и политической историей, а также анализ памятников византийской литературы, содержащихся в папирусах, мог бы стать предметом систематического изучения. Но, к сожалению, почти полное отсутствие специалистов-византиноведов с необходимой научной подготовкой способствует тому, что эти исследовательские возможности, по крайней мере в ближайшее время, должны будут оставаться неиспользованными. Но мы не теряем надежду на то, что с ростом научных кадров византиноведение в Польше превратится в самостоятельную отрасль знания и заметнее, чем это было до сих пор, обогатит мировую науку.

Ю. Моджеевский
(перевод с польского К. И. Козыриной)

ВИЗАНТИНОВЕДЕНИЕ В ЮГОСЛАВИИ В 1948—1956 гг.

История Византии с давних времен привлекала внимание югославских историков. Византия и южные славяне были в постоянном весьма тесном соприкосновении, и этот факт оказал воздействие и на направление разви-

⁵⁶ Eos, 48=Symbolae Raphaeli Taubenschlag dedicatae. Vratislaviae—Varsaviae, 1956—1957.

⁵⁷ A. Steinwenter. *ἀκολουθία*. JJP, 4, 1950, p. 219 ff.

⁵⁸ B. R. Rees. The „defensor civitatis“ in Egypt. JJP, 6, 1952, p. 73 ff.; B. R. Rees. The „curator civitatis“ in Egypt. JJP, 7—8, 1954, p. 83 ff.

⁵⁹ W. Till. Die Koptischen Arbeitsverträge. Eos, 48, fasc. 1=Symbolae R. Taubenschlag, 1956, S. 273 ff.

⁶⁰ H. Gerstinger. Zehn byzantinische Urkunden und Briefe aus der Sammlung „Papyrus Erzherzog Rainer“ in Wien. Eos, 48, fasc. 1=Symbolae R. Taubenschlag, 1956, S. 197 ff.

тия работ по византиноведению в Югославии. Эти работы имеют свои традиции (кафедра византиноведения в Белградском университете была создана в 1905 г.), и югославские византилисты, изучая проблемы истории Византии, всегда обращали особое внимание на отношения между Византией и южными славянами. Точно так же большое развитие получило изучение памятников византийского искусства на территории Югославии и влияний, которые это искусство оказывало на культуру югославских народов.

РАБОТА В ОБЛАСТИ ИСТОРИИ

Когда в начале 1948 г. при Сербской академии наук в Белграде был создан Институт византиноведения как самостоятельное и единственное в Югославии учреждение, имеющее своей целью изучение прошлого Византии и в первую очередь отношений между Византией и южными славянами, работа в области византиноведения получила в Югославии новый сильный стимул в своем развитии. Этот год, таким образом, явился началом нового этапа в работе югославских византистов. Во главе института стоит академик Г. Острогорский. Институт собрал вокруг себя довольно большое число видных научных работников и, с другой стороны, он одновременно стремился подготовить и молодое поколение ученых. Таким образом, ныне впервые в истории югославского византиноведения существуют довольно многочисленные молодые кадры, что несомненно представляет собой крупное достижение Института византиноведения.

В работе по изучению прошлого Византии и связей между Византией и южными славянами первое место среди югославских византистов принадлежит академику Георгию Острогорскому. За период с 1948 г. и до настоящего времени он опубликовал ряд работ, имеющих большое значение для изучения истории Византии, из которых многие весьма важны и для освещения истории южных славян. Продолжая начатую ранее работу по разработке экономической истории Византии, Г. А. Острогорский опубликовал в 1948—1949 гг. несколько статей¹, из которых наиболее значительной является его известная работа о византийских писцовых книгах².

Г. А. Острогорский долгое время занимался историей византийской прони и опубликовал по этому вопросу несколько работ³. Без сомнения, самым крупным и самым ценным его трудом в этой области является книга о прони, которая появилась сначала на сербско-хорватском языке⁴, а затем вместе с работой о писцовых книгах была переведена и на французский язык⁵. В ней автор на основе систематического и скрупулезного анализа

¹ G. Ostrogorski. Le grand domaine dans l'Empire Byzantin. Recueils de la société Jean Bodin, v. 4. 1949, p. 35—50; Елевтери. Прилог историји селаштва у Византији. Зборник филоз. факул. унив. у Београду, № 1, 1949, стр. 45—62.

² Г. Острогорский. Византийские писцовые книги. Byzantinoslavica, IX, 2. 1948, p. 203—306; Византиске катастарске књиге. Историско-правни зборник, № 2. Сарајево. 1949. Франц. перевод в кн.: G. Ostrogorski. Pour l'histoire de la féodalité byzantine. Bruxelles, 1954, p. 259—369.

³ Le système de la pronoia à Byzance et en Serbie médiévale, Actes du VIe Congrès internationale des Etudes byzantines, I, Paris, 1950, p. 181—189; Les Koumanes pronoiaires (совместно с Д. Анастасевичем), Annuaire de l'Institut de philologie et d'histoire orientales et slaves, XI, 1951, p. 19—29; Прония. К истории феодализма в Византии и в южнославянских землях. Bull. de l'Acad. Serbe de sciences, 6, № 1, 1952, p. 1—5; Sur la pronoia. A propos de l'article de M. Lascaris. Byz., 22, 1952, p. 161—163.

⁴ Пронија. Прилог историји феудализма у Византији и јужнославеним земљама. Српска академија наука. Византолошки институт, Београд, 1951, 200 стр.

⁵ La pronoia. Contribution à l'étude de la féodalité à Byzance et chez les Slaves du Sud. Byz., 22, 1952, p. 437—518; Pour l'histoire de la féodalité byzantine. Bruxelles, 1954, 368 pp.

большого количества источников пришел к новым выводам, имеющим важное значение для истории Византии, особенно в деле изучения ее экономики и общественного развития. Г. Острогорский проследил византийскую пронию на всех этапах ее развития, начиная с первых упоминаний о ней в середине XI в. вплоть до гибели Византии четыре века спустя. Он внимательно проанализировал ее отношение к другим видам собственности на землю в Византии, а также влияния, которые оказывали политические изменения на эволюцию прони, особенно после 1204 г. Из поместья, представляемого лишь во временное управление определенным лицам с известными обязательствами по отношению к фиску, прони с течением времени превратилась в наследственное имение. Но тем не менее она всегда сохраняла известные специфические особенности. Автор также посвятил особое внимание изучению прони в Сербии и Зете. В отношении Сербии он приходит к выводу, что «природа прониарского владения на византийской и славянской почве была в основном тождественна», хотя феодальная рента византийских и сербских прониаров имела различный состав. В Зете же прониарская система возникла во время сербского правления, но в Скадарской области под властью венецианцев она приобрела известные характерные черты.

Помимо указанных выше, Г. А. Острогорский опубликовал и некоторые другие работы по экономической истории Византии⁶. Особенный интерес представляет его последняя работа в этой области, в которой опять исследуются проблемы истории крестьянства в Византии⁷. В ней автор совершенно по-новому рассматривает положение в византийской деревне в последние века византийской государственной жизни. Главный вывод Г. А. Острогорского заключается в том, что в то время в Византии вообще не существовало категории свободных крестьян. То, что до сих пор считали свободным крестьянством, на деле представляет собою прослойку государственных париков. Многие другие вопросы экономической истории Византии в этой книге поставлены и в большинстве своем решены по-новому.

Кроме большого числа работ в области византийско-южнославянских отношений⁸ и второго издания своей известной книги по истории Византийского государства⁹, Г. А. Острогорский опубликовал ряд работ по различным вопросам византийской истории и государственного и общественно-строения Византии¹⁰. В самой последней своей работе в этой области Острогорский доказал, что обычай помазания императоров и поднятия их

⁶ О византийском државним селацима и војницима — две повеље из доба Јована Цимиска. Глас САН, № 214, 1954, стр. 23—46; Размена поседа и селака у хрисовули цара Алексија Комнина Светогорској Лаври из 1104 г., Истор. часопис САН, № V, 1955, стр. 19—26.

⁷ Quelques problèmes de la paysannerie byzantine. Bruxelles, 1956, 80 pp.

⁸ Утицај Словена на друштвени преображај Византије. Историски гласник, № 1, 1948, стр. 12—21; Сербское посольство к императору Василию II. Глас САН, № 193, 1949, стр. 15—29; Порфирогенитова хроника српских владара и њени хронолошки подаци. Историски часопис САН № 1, 1949, стр. 24—29; Une ambassade serbe auprès de l'empereur Basile II, Byz., 19, 1949, p. 187—194; Душан и његова властела у борби са Византијом, Зборник у част шесте стогодишнице Душанова законика. Београд, 1951, стр. 79—86. Etienne Dušan et la noblesse serbe dans la lutte contre Byzance. Byz., 22, 1952, p. 151—159.

⁹ Geschichte des byzantinischen Staates, 2 Aufl. München, 1952, S. XXIII, 496. В 1956 г. вышли английское и французское издания этой книги.

¹⁰ Urum-Despotes. Die Anfänge der Despoteswürde in Byzanz. BZ, 44, 1951, S. 448—460; Постанак тема Хелада и Пелопонез. Зборник радова Византолошког института САН (ЗРВИ), № 1, 1952, стр. 64—67; Konstantin Porфирогенit o Konstantinu Pogonatu, Zgodov. časop., VI—VII, 1952—1953, str. 116—123; Тактикон Успенског и Тактикон Бенешевича. О времену њиховог постанка, ЗРВИ, № 2, 1953, стр. 39—59;

на щит сделался частью византийского коронационного церемониала лишь после 1204 г. под влиянием обряда коронации латинских императоров в Константинополе во времена Латинской империи¹¹.

Академик Никола Радойич в ряде новых работ, как и в прежних своих трудах, продолжал исследование отношений между Византией и южными славянами. Следует упомянуть его важные работы по изучению влияния византийского права на сербские законодательные памятники¹² и институты¹³. В своей работе о сербско-венгерских отношениях в конце XII в.¹⁴ Н. Радойич на основании новых, недавно опубликованных материалов показал, как сербско-венгерский антивизантийский союз сменился взаимной враждой в 1192—1193 гг.; он также выяснил роль, которую в этих событиях сыграла Византия. Наконец, Н. Радойич занимался изучением византийского влияния на возникновение некоторых сербских памятников и, в частности, на сербскую историографию¹⁵.

Интересные выводы относительно связей между Византией и южными славянами содержат и новые труды покойных академиков Й. Радоница¹⁶ и Р. Груича¹⁷. Особо следует отметить труды академика Михаила Динича¹⁸ и прежде всего его работу об отношении различных государств к принятию Душаном царского титула¹⁹. Если Священная римская империя, Венгрия и папская курия вообще не хотели признавать за Душаном царского титула, а Босния не смела признать его, то отношение венецианцев было равнодушным, а дубровчане занимали различные позиции в зависимости от обстановки. Болгария без колебаний признала Сербское царство, Византия же оказалась в тяжелом положении: рассматривая свое государство как олицетворение идеи всемирной империи, византийские политические деятели не могли признать за правителем Сербии право на императорский титул. Константинопольский патриарх даже проклял «незаконно» провозглашенного сербского патриарха и самого Душана. Но Византия, раздираемая внутренней борьбой, была слаба, и в этих столкновениях императору Иоанну V Палеологу нужна была сербская помощь против узурпатора Иоанна VI Кантакузина. Поэтому, по-видимому, Византия и признавала

Sur la date de la composition du Livre des Thèmes et sur l'époque de la constitution des premiers thèmes d'Asie Mineure. Byz. 23, 1954, p. 31—66; Лав Равдух и Лав Хирсофакт. ЗРВИ, № 3, 1955, стр. 29—36.

¹¹ Zur Kaisersalbung und Schilderhebung im späthbyzantinischen Krönungszeremoniell. Historia, 4, 1955, SS. 246—256.

¹² Н. Радойич Ђ. Властела у закону градском номоканона св. Саве. Глас САН, т. 193, 1949, стр. 1—14; Византиско право у Душановом законнику. Историски часопис САН, т. II, 1949—1950, стр. 10—16; Душанов законик и византиско право. Зб. у част шесте стогодишњице Душанова законика, стр. 45—77; Око Душанова законика, Историски часопис САН, т. V, 1954—1955, стр. 7—18.

¹³ Обред крунисања босанског краља Твртка I. Прилог историји крунисања српских владара у средњем веку, Београд, 1948, 82 стр.

¹⁴ Промена у српско-мађарским односима крајем XII века. Глас САН, № 241, 1954, стр. 1—22.

¹⁵ О најтамнијем одељку Барског родослова. Цетиње, 1951; Византиски извори грофа Ђорђа Бранковића и Јована Рајића за доба цара Душана. Истор. гласн., № 1—2, 1951, стр. 3—18; О четири рајске реке, Прилози за језик, ист. и фолклор, № 20, 1954, стр. 71—75.

¹⁶ Ј. Радонић. Међународни положај Србије у XIV веку. Зб. у част шесте стогодишњице Душанова законика, стр. 13—26.

¹⁷ Р. Груич Ђ. Руска властелинства по Србији у XIV и XV веку. Историски часопис САН, т. V, 1954—1955, стр. 53—77.

¹⁸ М. Динич Ђ. Крстати грошеви. ЗРВИ, № 1, 1952, стр. 86—112; Растислалићи. Прилог историји распадања Српског царства, ЗРВИ, № 2, 1953, стр. 139—144; Однос између краља Милутина и Драгутина. ЗРВИ, № 3, 1955, стр. 48—82.

¹⁹ М. Динич Ђ. Душанова царска титула у очима савременика. Зб. у част шесте стогодишњице Душанова законика, стр. 87—118.

в отдельных случаях за Душаном титул царя, но только как царя Сербии, а отнюдь не других стран.

Значительный вклад в изучение древнейшего периода жизни славян на Балканском полуострове представляет собою книга Франи Баришича о «Чудесах св. Дмитрия Солунского» как историческом источнике²⁰. В ней автор на основании весьма детального и глубокого анализа источников пришел к новым выводам об авторе «Чудес» и о времени их возникновения. Он считает, что первая часть «Чудес» возникла в начале VII в., вероятнее всего около 620 г., и что ее написал солунский архиепископ Иоани. Ф. Баришич уделил особое внимание определению хронологии событий, описанных в «Чудесах», в первую очередь славянских нападений на Солунь, и предложил новую их датировку. События, описанные в первой редакции «Чудес», он относит к периоду приблизительно между 580 и 620 гг. Относительно второй редакции «Чудес» важнейшими выводами Ф. Баришича являются следующие: что Первуд был казнен в 674 г., что Кувер и Куврат — не одно лицо и что Кувер прибыл в Македонию между 680 и 685 гг. Вторую часть «Чудес» Ф. Баришич относит ко времени до 685 г., а автора считает принадлежащим к низшему церковному клиру. В книге Ф. Баришича рассматриваются также многие другие проблемы, связанные с «Чудесами св. Дмитрия» и содержащимися в них данными о славянах; в частности, привлекает внимание обзор данных византийской агиографии о св. Дмитрии.

Новейшая публикация отрывков из произведений византийских авторов, предпринятая Институтом византиноведения Сербской академии наук в Белграде, вызвала особенно живой интерес широкого круга специалистов и в Югославии, и за границей. Это — сборник, в котором в хронологическом порядке опубликованы сообщения 31 византийского источника о южных славянах²¹. Отрывки из текстов византийских авторов, прямо относящиеся к южным славянам, переведены на сербско-хорватский язык, а сведения источников, связанные с этими текстами и облегчающие тем самым понимание переведенных мест, пересказаны. В комментариях составители стремились дать как можно более полный анализ и объяснения различных сведений, содержащихся в текстах, причем во многих случаях авторам удалось добиться новых научных результатов. Комментарии представляют собою, без сомнения, самую ценную часть книги, причем в них особое внимание уделено проблемам хронологии. Хотя параллельно с сербско-хорватскими переводами в публикации и не приведены в оригиналах греческие тексты, тем не менее этот сборник византийских источников, безусловно, принесет большую пользу, поскольку в нем впервые в одном месте и полностью собраны, систематизированы и подробно обработаны известия византийских авторов о прошлом народов Югославии.

Институт византиноведения Сербской академии наук начал издавать первое периодическое издание по византиноведению в Югославии — свой Сборник трудов. Наряду с большим числом уже известных научных работников²² в Сборнике трудов (а также и в других изданиях) публикуют свои

²⁰ Фрања Баришић. Чуда Димитрија Солунског као историски извори. САН, Визант. инст., Београд, 1953, 157 стр.

²¹ Византиски извори за историју народа Југославије, 1. САН, Визант. инст., Београд, 1955. Под редакцијом Г. Острогорског обрадили Ф. Баришић, М. Рајковић, Б. Крекић и Л. Томић, 328 стр.

²² Кроме уже упомянутых работ Г. Острогорского, М. Динича и других, здесь следует упомянуть: Н. Grégoire. Hellenica et Byzantina. ЗРВИ, 1, 1952, стр. 1—15; М. Будимир. ΕΛΛΑΣ—ΕΛΛΗΝ. ЗРВИ, 1, 1952, стр. 17—28; А. Соловьев. Фундајанти, Патерини и Кудугери у византиским изворима, ЗРВИ, № 1, 1952, стр. 121—147 (См. также ниже раздел по истории искусства и археологии).

статьи и более молодые специалисты. Так, Ф. Папазоглу написал статью о прошлом Амфиополя²³, Ф. Баришич, Л. Томич, М. Райкович и Б. Ферьянич занимаются ранним периодом жизни славян на Балканском полуострове²⁴. Их труды, основанные на весьма добросовестном анализе источников, содержат новые выводы, помогающие решению различных проблем истории отношений Византии и древних славян. Историю византийской администрации изучал Я. Ферлуга²⁵, недавно защитивший диссертацию, посвященную византийскому административному управлению фемы Далмация; эта работа будет опубликована. Структуру византийской администрации в Далмации Я. Ферлуга изучал в тесной связи со всей организацией византийского провинциального управления и в связи с этим в своем исследовании пришел к новым и очень интересным выводам²⁶. И. Попович изучал греческие влияния на сербско-хорватский язык²⁷, а Б. Крекич — связи Дубровника с Византией и Левантом в XIV и XV веках²⁸. Недавно вышла в свет и его книга «Дубровник и Левант в 1280—1460 гг.», в которой автор на основании материалов Государственного архива в Дубровнике детально изучил отношения между Дубровником и Левантом в этот период как в области политических, так и в области торгово-экономических отношений. Он особенно подробно останавливается на анализе экономических отношений как наиболее важной сферы дубровнико-левантийских связей, а также обращает внимание на появление греков и левантийцев в Дубровнике, на деятельность и пребывание дубровчан на Леванте и на пиратство на Леванте. Из собранных материалов Б. Крекич стремился сделать выводы, представляющие интерес как для политической и экономической истории Дубровника, так и для истории — особенно экономической — Леванта и всего Восточного Средиземноморья.

В Сборнике трудов Института византиноведения опубликовали некоторые источники и напечатали свои работы такие известные византинисты

²³ Ф. Папазоглу. Еион — Амфиополь — Хрисополь. ЗРВИ, № 2, 1953, стр. 7—24.

²⁴ Ф. Баришич. Када и где су написани Псеудо-Цезаријеви Диалози. ЗРВИ, № 1, 1952, стр. 29—51; Приск као извор за историју јужних Словена. ЗРВИ, № 1, 1952, стр. 52—63; О најстаријој Прокопијевој вестии о Словенима. ЗРВИ, № 2, 1953, стр. 25—31; Византиски Сингидунум. ЗРВИ, № 3, 1955, стр. 1—14; О писцу прве збирке Чуда Димитрија Солунског. Зборн. Филоз. фак. универ. у Београду, III, 1955, стр. 45—51. Л. Томич. Крум и његови словенски архонти, Историски часопис САН, II, 1949—1950, стр. 87—89; Фрагменти једног историског списка IX века. ЗРВИ, № 1, 1952, стр. 78—84. М. Райкович. О пореклу Томе, вође устанка 821—823. ЗРВИ, № 2, 1953, стр. 33—38. Б. Ферьянич. О упаду Склависијана на Пелопонез за време Романа Лакапина. ЗРВИ, № 3, 1955, стр. 36—48. Б. Ферьянич также дал обзор литературы в статье: Питање напада и насељавања Словена на Балканско полуострво у литератури од 1940 до 1953 г., Историски преглед, № 2, Београд, 1954, стр. 74—76. — Аналогичный обзор по проблеме славян в Греции сделал Б. Крекич (Новија историографија о проблему Словена у Грчкој. Историски преглед, № 1, 1954, стр. 58—59).

²⁵ Ј. Ферлуга. Време постанка теме Далмације. Зборн. фил. фак. унив. у Београду, III, 1955, стр. 53—67. См. также его статью „Архонтат Далмации“, публикуемую в этом томе ВВ.

²⁶ См. Ниже военно-административные единицы тематского уређења. ЗРВИ, № 2, 1953, стр. 61—98.

²⁷ Новогрчке и средьегрчке позајмице у савременом српско-хрватском језику. ЗРВИ, № 2, 1953, стр. 199—237; Грчко-српске лингвистичне студије, II. Грчке позајмице у савременом српско-хрватском језику. ЗРВИ, № 3, 1955, стр. 111—115; Грчко-српске лингвистичне студије, III. Проблем хронологије византиских и новогрчких позајмица у српско-хрватском језику. ЗРВИ, № 3, 1955, стр. 111—157.

²⁸ Неколико података о бављењу Грка у старом Дубровнику. Ист. гласник, № 3—4, 1950, стр. 139—143; Курирски саобраћај Дубровника са Цариградом и Солуном у првој половини XIV века. ЗРВИ, № 1, 1952, стр. 113—120; Учешће Дубровника у ратовима против Турака 1443 и 1444 г. ЗРВИ, № 2, 1953, стр. 145—158; Дубровник и Левант (1280—1460), Београд, 1956, стр. 176.

и слависты, как Дж. Сп. Радойичич, А. Соловьев и М. Маркович²⁹. Кроме трех томов Сборника трудов, содержание которых мы здесь вкратце изложили, только что из печати вышел четвертый том этого издания³⁰.

Разумеется, белградские ученые публиковали свои труды, представляющие интерес для византиноведения не только в рамках изданий Института византиноведения Сербской академии наук, но и в других публикациях³¹. Особенный интерес среди этих работ привлекает статья проф. Джорджа Сп. Радойичича о времени крещения сербов³², в которой он на основании анализа личных имен потомков первого сербского князя Властимира в том виде, в каком их дает Константин Багрянородный, и на основе некоторых других данных пришел к выводу, что сербы крестились в период между 867 и 874 годами.

Работа в области изучения прошлого Византии не ограничивалась, понятно, только Институтом византиноведения или только одним Белградом. Естественно, что и другие научные центры Югославии участвовали в ней, ибо все югославские народы питают большой интерес к изучению истории и культуры Византии.

Несколько загребских ученых внесло свой вклад в дело изучения прошлого наших земель и их связей с Византией. Так, проф. Михо Барада опубликовал работу о религиозной и политической обстановке в Хорватии и Далмации в X в.³³, а позднее — статью о проблеме расселения хорватов и их связях с аварами³⁴. Однако положения, которые он высказал в этой работе, а также аргументы, с помощью которых М. Барада их доказывал, встретили критику в научных кругах³⁵.

Вопросом о времени превращения Далмации из византийского архонтата в фему занимался И. Поседел, который относит это событие к периоду между 842 и 848 гг.³⁶; Владимир Мошин осветил некоторые вопросы греко-сербской дипломатики и палеографии и сербско-византийских дипломатических и церковных связей³⁷. В своей большой работе о мартовском

²⁹ Ђ. Сп. Радойичич. Српски рукопис Земљорадничког закона. ЗРВИ, № 3, 1955, стр. 15—23. А. Соловьев. Кончански практик. ЗРВИ, № 3, 1955, стр. 83—109. М. Маркович. Византиске повеље Дубровачког архива. ЗРВИ, № 1, 1952, стр. 205—262; Два натписа из Задра. ЗРВИ, № 2, 1953, стр. 99—138.

³⁰ Этот том содержит следующие материалы: М. Динич. За хронологију Душанових освајања византиских градова; И. Божић. Параспор у Скадарској области; С. Антољак. Да ли је Истра управо 539 године потпала под Визант? С. Антољак. Шта заправо у Прокопија значи *Νορρκόν τε πόλις*? И. Попович. Два проблема грчко-словенске гласовне супституције; Ј. Ферлуга. Прилог датирању платног списка стратега из „De saerimonis Aulae Byzantinae“; Ф. Баришич. Цар Фока (602—610) и полунавски Аваро-Словени; Б. Ферьянич. О деспотским повељама; Б. Крекич. Вук Бобаљевић; С. Ћирковић. Јеврејски данак у византиским земљама; Ф. Баришич. Међународни конгрес византолога у Цариграду 1955.

³¹ Кроме уже упомянутых, сюда относятся: М. Маркович. Шта значи надимак Теофилакта Симокате *ποικιλής*? Историски часопис САН, II, 1949—1950, стр. 29—37; Б. Гардашевић. Црквене казне над убицама у Византији. Зборник правосл. богосл. фак. у Београду, № 2, 1956, стр. 415—430; Ђ. Сп. Радойичич. Константин Философ и стари српски родослови. Зборник радова Института за срп. језик САН, № 1, 1951, стр. 57—61; В. Чубриловић. Око проучавања средњевековног феудализма. Историски часопис САН, III, 1951—1952, стр. 189—203.

³² La date de la conversion des Serbes. Byz., 22, 1952, p. 253—256.

³³ Dalmatia superior, Rad. Jugosl. Akad. Znanosti i Umetnosti, (JAZIU), t. 270, Zagreb, 1949, str. 5—25.

³⁴ Hrvatska di'aspora i Avari. Starohrv. prosvjeta, III, 2, Zagreb, 1952, str. 7—17.

³⁵ Ср. В. Grafenauer. Historiski zbornik, 1—4, Zagreb, 1953, str. 71—83.

³⁶ Pitanje dalmatinskog temata u prvoj polovini IX stoleća. Hist. zborn., 1—4, 1950, str. 127—220.

³⁷ Dodatki k grškim listinam Hilandarja (с А. Sovre). Ljubljana, 1948; Hilendarac Kalinik. Srpski diplomata XIV veka. Istor. prav. zborn., 1, 1949, str. 117—132; Русские

стиле В. А. Мошин собрал значительное число известий о различных хронологических системах, употреблявшихся в Византии и на Руси, и указал на возможность их влияния на хронологию сербских источников. Он пришел к выводу, что в средневековой Сербии несомненно применялся мартовский стиль, в то время как сентябрьский стиль появляется лишь после провозглашения сербского царства в 1346 г.³⁸ Кроме того, в трудах многих хорватских ученых, изучавших прошлое различных городов Далмации, имеются сведения, весьма интересные и для византистов³⁹.

Важные для византиста проблемы рассматриваются и в трудах некоторых словенских историков. Н. Жупанич, например, отстаивает свой старый тезис о кавказском происхождении антов⁴⁰, — не получивший, впрочем, признания в науке, — а М. Кос в ряде статей исследует проблему расселения и судеб славян в Словении, Каринтии и Истрии⁴¹. Некоторыми вопросами ранней византийской истории занимались Г. Чремошник⁴² и И. Клеменц⁴³, а Ф. Гривец уделил большое внимание изучению кирилло-мефодиевской проблемы⁴⁴.

Работы Бога Графенауэра содержат новые ценные наблюдения и выводы относительно первых веков жизни славян на Балканском полуострове, которые представляют большой интерес для византистов, поскольку проблематика, изучаемая проф. Б. Графенауэром, находится в тесной связи с историей Византии. Среди различных его трудов⁴⁵, крупных и мелких, особого внимания заслуживает работа о некоторых проблемах, касающихся эпохи поселения южных славян на Балканском полуострове⁴⁶. Б. Графе-

на Афоне и русско-византийские отношения XI—XII в. *Byzantinoslavica*, XI, I, 1950, p. 32—60; *Svetogorski protat. Starine JAZIU*, t. 43. Zagreb, 1951, str. 83—96; *Povelje cara Dušana i Jovana Paleologa Pantelejmonovom manastiru. Zgodov. časop.*, VI—VII, 1952—1953, str. 402—416.

³⁸ Мартовско датирање. *Истор. гласник*, № 1—2, 1951, стр. 19—57.

³⁹ S. S. Gunjača. *Historia Salonitana maior. Rad JAZIU*, t. 283, 1951, str. 175—243; G. Novak. *L'amministrazione e la divisione nelle città della Dalmazia. Atti del VIII Congresso intern. di Studi bizantini*, II. Roma, 1953, p. 382; P. Skok. *Postanak Splita. Anal. Hist. inst. JAZIU u Dubrovniku*, I. Dubrovnik, 1952, str. 19—62; A. R. Filipi. *Zašto Porfirogenit ne pominje otok Ugljan? Zadarska revija*, 1952, str. 29—37; S. Antoljak. *Miscellanea Jadertina. Radovi Instituta JAZIU u Zadru*, I, 1954, str. 109—151.

⁴⁰ *K antskemu problemu, Zgod. časop.*, II—III, 1948—1949, str. 145—152; *Старословенски војвода Дауритас и обарски каган Бајан. Историски часопис САН*, т. V, 1955, стр. 117—130.

⁴¹ *O starejši slovanski kolonizaciji v Istri. Razprave Slov. akad. znan. in umetn.* 1, 1950, str. 53—82; *Kolonizacija i germanizacija slovenske zemlje. Hist. zborn.*, IV, 1956; str. 9—19; *Starejša in mlajša naselja okoli Ljubljane. Geograf. vestnik*, № 23, 1956, str. 157—177; *Slovenska naselitev na Koroškem. Koroški zborn. Ljubljana*, 1954, str. 43—75.

⁴² *Podlaga tvrditev o slovanskem poreklu cesarja Justinijana. Zgod. časop.*, VI—VII, 1952—1953, str. 110—115. Об этом же ср. Н. Радочић. *Повампирено словенство цара Јустинијана. Истор. гласник*, № 3, 1949, стр. 58—62.

⁴³ *Teodosijev pohod proti Maximusu iz Siscije do Poetovija. Zgod. časop.*, VI—VII, 1952—1953, str. 78—88.

⁴⁴ *De ss. Cyrilli et Methodii amicitia dubia cum Photio. Orient. christ. period.*, № 17, 1951, p. 192—203; *Prepir o Metodovih ječah. Zgod. časop.*, VI—VII, 1952—1953, str. 159—170; *De exegesi S. Cyrilli Thessalonicensis. Orient. christ. period.*, № 20, 1954, p. 137—159; *Das Verhältnis Cyrills und Methods zu Bayern, Münch. Theol. Zeitschr.*, Bd. 6, 1955, S. 167—176.

⁴⁵ *Novejša literatura o Samu i njeni problemi. Zgod. časop.*, IV, 1950, str. 151—169. *Ustoličavanje koroških vojvod in država karantanskih Slovencev, Dela Slov. Ak. Znan. i Umetn. (SAZU)*, № 7. Ljubljana, 1952, 624 str.; *Vprašanje konca Koceljeve vlade v spodnji Panoniji. Zgod. časop.*, VI—VII, 1952—1953, str. 171—190; *Prilog kritici izvešta a Konstantina Porfirogenita o doseljenju Hrvata, Histor. zborn.*, V, 1952, str. 1—56.

⁴⁶ *Ne-laj vprašanj iz doba naseljevanja Južnih Slovanov. Zgod. časop.*, t. IV, 1950, str. 23—126. Ср. Ф. Баринић в *Истор. гласн.*, № 34, 1951.

науэр здесь в первую очередь анализирует взаимоотношения славян с другими народами, с которыми они были в контакте, и приходит к выводу, что приблизительно до 540 г. славяне предпринимали свои нападения вместе с протоболгарами, позднее самостоятельно, а с 583 до 626 г. — под водительством аваров или в союзе с ними. Он также выдвинул новую, вполне приемлемую хронологию войн на Дунае в 592—602 гг., о которых сообщает Феофилакт Симокатта. Вообще же предметом главных интересов Б. Графенауэра являются отношения между славянами и аварами в течение всего этого периода; обращая особое внимание на социально-экономическую сторону проблемы и используя при этом также и археологические материалы, проф. Б. Графенауэр пришел к выводу, что аварское «государство» было по преимуществу союзом племен, которые только во время войны более или менее полно подчинялись власти кагана, вообще же пользовались большей или меньшей независимостью, причем главным их занятием было скотоводство.

В Македонии журнал «Жива антика» («Живая античность»), выходящий в Скопле, опубликовал наряду с многочисленными статьями по античной истории и филологии также несколько работ, интересных для византиноведов⁴⁷.

В кратком обзоре, разумеется, трудно полностью осветить деятельность всех югославских византистов и ученых, занимающихся близкими к византиноведению проблемами. Поэтому мы стремились сообщить здесь только те данные и выводы, которые уже сами по себе могут показать широту и многосторонность их интересов. Следует упомянуть также и то, что на протяжении нескольких истекших лет югославские византисты установили тесные связи со своими коллегами в ряде стран и приняли участие в международных конгрессах по византиноведению (в Париже, Брюсселе, Палермо, Салониках и Константинополе). Некоторые иностранные византисты посетили Институт византиноведения в Белграде и прочитали там лекции (А. Грегуар, Д. Тальбот-Райс, М. Ласкари, Дж. Хасси, В. Н. Лазарев и др.). Со своей стороны директор Института академик Г. А. Острогорский посетил аналогичные научные учреждения во Франции, в Англии и других странах и также прочитал там ряд лекций. В последние годы восстановлены связи с научными учреждениями Советского Союза, а также Болгарии, Польши и Чехословакии. Одновременно существует широкое научное сотрудничество и обмен публикациями с большим числом научных учреждений по византиноведению и медиевистике в Австрии, Бельгии, Греции, Дании, Англии, Италии, Германии, Соединенных Штатах Америки, Франции и Швейцарии. Эти отношения к взаимному удовлетворению успешно развиваются и нет сомнения в том, что в будущем они будут развиваться на благо всех стран.

Б. Крекич

РАБОТА В ОБЛАСТИ АРХЕОЛОГИИ И ИСТОРИИ ИСКУССТВ

Какое место занимают и какой интерес привлекают к себе в нашей науке после войны вопросы византийской, а в связи с этим югославской археологической и историко-искусствоведческой проблематики, иллюстрируют,

⁴⁷ М. Д. Петрушевски. *Quid significet уатѣрофаѣоѣса? Жива антика*, т. II, 1952, стр. 97; М. Марковић. *О најстаријим деспотским печатима. Там же*, стр. 90—94; его же. *О потписима неких Палеолога. Там же*, стр. 95—97; его же. *О изворима Quaestiones physicae Теофилакта Симокате. Там же*, т. IV 1954, стр. 120—135.

помимо издания значительного числа книг, также многочисленные журналы, как возобновленные, так и вновь созданные, страницы которых открыты для трудов на эти темы. Так, с 1950 г. стала выходить новая серия старейшего сербского археологического журнала «Старинар», превращенного в орган Археологического института Сербской Академии наук. Этот институт объединяет большое число сотрудников, которые под руководством проф. Джурджа Бошковица занимаются изучением материальной культуры и художественного наследия земель, составляющих Югославию, начиная с доисторических и вплоть до новейших времен, включая сюда исследования и проведение археологических раскопок и в некоторых областях, входивших некогда в состав Византии. Длительную традицию, восходящую еще к восьмидесятым годам XIX в., продолжил «Гласник Земальского (республиканского) музея в Сараеве». В этом журнале публикации по общественным наукам выделены в особые тома, а труды в области изучения византийского искусства публикуются под рубрикой «Археология».

Возобновился выход в свет «Вестника далматинской археологии и истории» — органа археологического музея в Сплите, а также журнала «Старохорватское просвещение», третья серия которого начала издаваться в 1949 г.

Из новых журналов, публикующих статьи по истории искусств и археологии, первое место занимают «Сборник трудов Института византиноведения Сербской академии наук» и первые тома «Исторического журнала» — органа Института истории Сербской академии наук; затем следует назвать «Сборник Философского факультета в Белграде», «Ежегодник Философского факультета в Скопле», «Archaeologia Jugoslavica», издающуюся как ежегодник Археологического общества Югославии, «Сборник защиты памятников культуры», «Музеи» — журнал по вопросам музееведения и реставрации, «Вестник музееведческо-реставрационного общества Народной Республики Македонии» и др.

Из отдельных публикаций общего характера первое место принадлежит книге проф. Владимира Петковича «Обзор церковных памятников на протяжении истории сербского народа»¹. Охватывая большой хронологический период (с V до XIX в.), этот обширный труд содержит данные и выводы, к которым пришли прежние исследователи архитектуры и живописи церковных памятников, и несмотря на известные частные недостатки, представляет собою необходимую настольную книгу для дальнейшей работы в этой области. Очень жаль, что оформление этой книги стоит на очень низком уровне.

Книга проф. Александра Дероко «Монументальная и декоративная архитектура в средневековой Сербии»², прекрасно и богато иллюстрированная, дает в хронологическом порядке стилистический обзор памятников архитектуры и архитектурной скульптуры в XII—XV вв.

Этот период сербской архитектуры осветил также проф. Джурджа Бошковица в книге «Основы средневековой архитектуры»³, которая охватывает общее развитие средневекового зодчества и предназначена для студентов, изучающих архитектуру; в небольшой работе «Средневековое

¹ В. Петковић. Преглед црквених споменика кроз повесницу српског народа. Посебна издања САН, 157. Београд, 1950.

² А. Дероко. Монументална и декоративна архитектура у средњевековној Србији. Београд, 1953.

³ Ђ. Бошковић. Основи средњевековне архитектуре, Београд, 1947. См. также его статью «Археология Югославии перед новыми проблемами», публикуемую в этом томе ВВ.

искусство в Сербии и Македонии. Церковная архитектура и скульптура»⁴ тот же автор описывает некоторые наиболее значительные памятники.

Обзор средневековых крепостей А. Дероко осуществил в книге «Средневековые города в Сербии, Черногории и Македонии»⁵, а в отдельных работах тот же автор описал Смедеревский град⁶, град Голубац⁷. И. Здравкович опубликовал статью «Ужичкий град»⁸.

Из отдельных книг обращает на себя внимание книга И. Ковачевича «Средневековая одежда балканских славян»⁹. Это — работа по истории средневековой культуры Балкан, которая рассматривает одежду, украшения и связанные с изготовлением их ремесла.

Дж. Бошковица и Сл. Ненадович опубликовали монографическую работу «Градац»¹⁰. Этот очень интересный архитектурный памятник восстановила в XIII в. жена короля Уроша. В. Петкович и Дж. Бошковица монографически исследовали монастырь Велуче¹¹, который по архитектурным характеристикам и стилю живописи относится к XIV в. Еще одна церковь «дворцового» характера была предметом исследования Р. Любинковича в его работе «Церковь святого Вознесения в селе Лесковце близ Охрида»¹² и В. Кораца в работе «Архитектура церкви Вознесения в Лесковце»¹³. Дж. Мано-Зиси опубликовал статью «Старая церковь в Смедереве»¹⁴.

Среди отдельных публикаций по изучению сербского средневекового искусства важное место занимает недавно опубликованная прекрасно оформленная книга проф. Светозара Радойичича «Мастера старой сербской живописи»¹⁵, в которой автор выделяет из безымянной средневековой сербской живописи мастеров, ансамбли и отдельные творения которых могут быть установлены по подписям на фресках или иконах. Наряду с этим в ранее опубликованной синтетической работе «Старые сербские миниатюры»¹⁶ С. Радойичич дает обзор, характеристики и линию развития сербской миниатюры с XII по XVII в.

Миниатюрами Мирославлева евангелия — древнейшей сербской иллюстрированной рукописи — занимались Л. Миркович («Мирославлево евангелие»)¹⁷, И. Ковачевич («Заметки к изучению Мирославлева евангелия и материальной культуры XI—XII вв.») и «По поводу Мирославлева

⁴ Ђ. Бошковић. Средњевековна уметност у Србији и Македонији. Црквена архитектура и скулптура. Београд, 1951.

⁵ А. Дероко. Средњевековни градови у Србији, Црној Гори и Македонији. Београд, 1950.

⁶ А. Дероко. Смедеревски град. Старинар, № 2, 1951, стр. 59—98.

⁷ А. Дероко. Град Голубац. Старинар, № 2, 1951, стр. 139—149.

⁸ И. Здравковић. Ужички град. Старинар, № 3—4, 1952—1953, стр. 181—185.

⁹ Ј. Ковачевић. Средњевековна ношња балканских Словена. Посебна издања САН, № 215. Београд, 1953.

¹⁰ Ђ. Бошковић и Сл. Ненадовић. Градац. Београд, 1951.

¹¹ В. Петковић и Ђ. Бошковић. Манастир Велуче. Старинар, № 3—4, 1952—1953, стр. 45—76.

¹² Р. Љубинковић. Црква светог Вознесења у селу Лесковцу код Охрида. Старинар, № 2, 1951, стр. 193—216.

¹³ В. Корац. Архитектура цркве Вознесења у Лесковцу. Старинар, № 2, 1951, стр. 217—220.

¹⁴ Ђ. Мано-Зиси. Стара црква у Смедереву. Старинар, № 2, 1951, стр. 151—174.

¹⁵ Св. Радойичић. Мајстори старог српског сликарства. Посебна издања САН, № 236, Београд, 1955.

¹⁶ Св. Радойичић. Старе српске минијатуре. Београд, 1950.

¹⁷ Л. Мирковић. Мирослављево Јеванђеље. Посебна издања САН, № 156. Београд, 1950.

евангелия»¹⁸, и Дж. Стричевич («Мастера миниатюр Мирославлева евангелия»¹⁹).

Памятники ранневизантийской культуры, особенно находящиеся в области Царичина Града, изучение которых было начато еще перед первой мировой войной и которые больше всего известны по гипотетической идентификации с Justiniana Prima, по-прежнему привлекают внимание многих исследователей. Два подробных сообщения о раскопках дали руководители работ: А. Дероко и С. Радойчић («Раскопки Царичина Града в 1947 г.»²⁰) и Дж. Мано-Зиси («Раскопки в Царичине Граде в 1949—1952 гг.»²¹). О специальных проблемах этой области писали: Дж. Бошкович («Некоторые вопросы градостроительства Царичина Града»)²², Невенка Спремо-Петровић («Базилика со склепом в Царичине Граде»)²³, С. Ненадовић («О некоторых памятниках Царичина Града и его окрестностей»)²⁴.

Ранневизантийскому периоду принадлежат еще две церкви: одна в Конохе, которую исследовал Св. Радойчић²⁵, и другая близ Куршумлии, описанная Дж. Стричевичем²⁶, который сделал попытку установить дату восстановления этой церкви в статье «Средневековая реставрация ранневизантийской церкви близ Куршумлии»²⁷. Во время работ по консервации этого архитектурного объекта было найдено кадило, которое М. Чорович-Любинкович описала в статье «Старое кадило из окрестностей Куршумлии»²⁸, датируя его началом VII в. Эту же статью она опубликовала на французском языке в «Archaeologia Jugoslavica».

По своей тематике ранневизантийскому периоду посвящена и докторская диссертация Дж. Стричевича — «Раннехристианская архитектура в северных провинциях Иллирика».

Д. Рендич-Миочевич опубликовал статью «Neue Funde in der altchristlichen Nekropole Manastirine in Salona»²⁹, а Д. Сергеевский — статью «Древнехристианская базилика в Клобуке»³⁰.

Уже в течение длительного времени исследуются памятники Охрида — важного средневекового культурного и политического центра. Д. Коцо опубликовал статью «Церковь Св. Софии в Охриде»³¹, в которой он вы-

¹⁸ J. Ковачевић. Белешке за проучавање Мирославлева Јеванђеља и материјалне културе XI—XII века. Историски часопис САН, № I—II, стр. 218—233. Ето же. Око Мирославлевој Јеванђеља. Историски часопис САН, № II, 1949—1950, стр. 90—102.

¹⁹ Б. Стричевић. Мајстори минијатура Мирославлевој Јеванђеља. ЗРВИ, № 1, 1952, стр. 181—203.

²⁰ А. Дероко и Св. Радойчић. Откопавање Царичина Града 1947 године. Старинар, № 1, 1950, стр. 119—140.

²¹ Б. Мано-Зиси. Ископавања на Царичину Граду 1949—1952, Старинар, № 3—4, 1952—1953, стр. 127—168.

²² Б. Бошковић. Нешто из урбанизма Царичина Града. Старинар, № 2, 1951, стр. 273—276.

²³ Н. Спремо-Петровић. Базилика са криптом у Царичином Граду. Старинар, № 3—4, 1952—1953, стр. 169—181.

²⁴ С. Ненадовић. О неким споменицима Царичиног Града и околине. Музеји, № 5, 1950, стр. 140—166.

²⁵ Св. Радойчић. Црква у Коњуху. ЗРВИ, № 1, 1952, стр. 140—167.

²⁶ Б. Стричевић. Рановизантиска црква код Куршумлије. ЗРВИ, № 2, 1953, стр. 179—198.

²⁷ Б. Стричевић. Средњевековна рестаурација рановизантиске цркве код Куршумлије. ЗРВИ, № 4, 1956.

²⁸ М. Ћоровић-Любинковић. Стара кадионица из околине Куршумлије. Музеји, № 5, 1950, стр. 70—86.

²⁹ „Archaeologia Jugoslavica“, № 1 (1954) p. 51—68.

³⁰ Д. Сергеевски. Старохришћанска базилика у Клобуку. Гласник Земаљског музеја у Сарајеву, 1954, стр. 189—210.

³¹ Д. Коцо. Црквата Св. Софије во Охрид. Годишен зборник Фил. фак. Скопје, № 2, 1949, стр. 343—358.

сказывает предположение, что кафедральный собор XI в. в Охриде воздвигнут на основании раннехристианской базилики V или VI вв. и что в результате восстановления в XI в. церковь получила поперечный неф и купол, которые ныне не существуют, т. к. во время турецкого владычества церковь была превращена в мечеть. В статье «Климентов монастырь «Св. Пантелејмон» и раскопки при «Имарете» в Охриде»³² Д. Коцо сообщает об итогах раскопок, в результате которых были обнаружены остатки монастыря, воздвигнутого в X в. св. Климентом.

М. Чорович-Любинкович исследовала вопрос о времени постройки и о именах ктиторов церкви Константина и Елены в Охриде³³, датируя ее второй половиной XIV в., в то время как Д. Коцо в статье «К вопросу о датировке церкви Константина и Елены в Охриде»³⁴ опубликовал вновь открытую надпись из этой церкви, из которой видно, что она была построена в 1477 г.

От работ, посвященных памятникам Охрида (некоторые из них относятся к переходному периоду и в известном смысле связаны с сербским средневековым искусством), мы последовательно переходим к наиболее яркому периоду художественных достижений в области архитектуры и живописи в государстве Неманичей.

Влияние греческого зодчества на формирование македонских и сербских архитектурных форм изучал Дж. Бошкович в статье «Церковь св. Софии в Солуни и влияние ее архитектуры на два позднейших памятника в Македонии и Сербии»³⁵. Влияние Афона на формирование сербской архитектуры XIV в. изучал Дж. Стричевич («Роль старца Исая в перенесении афонских традиций в Моравскую архитектурную школу»)³⁶.

И. Здравкович опубликовал статью «Древняя церковь в Липляне»³⁷, которую раньше считали современной софийской Св. Софии, в то время как она восходит к XIII в., и статью «Монастырь Дренча-Душманица»³⁸. Этот монастырь принадлежит к творениям Моравской архитектурной школы конца XIV—начала XV в. и, к счастью, на основании одной грамоты³⁹ может быть датирован 1382 г. Архитектурный план строения этой школы изучал Дж. Стричевич («Два варианта плана церковей Моравской школы»)⁴⁰.

Обзору памятников средневекового зодчества посвящены две статьи Дж. Бошковича — «Состояние средневековых памятников в Юго-Западной Сербии, Косове и Метохии и северо-восточной части Черногории»⁴¹

³² Д. Коцо. Климентовиот манастир „Св. Пантелејмон“ и раскопката при „Имарет“ во Охрид. Годишен зборник Фил. фак. Скопје, № 1, 1948, стр. 129—182.

³³ М. Чоровић-Любинковић. Цркве Константина и Јелене у Охриду. Старинар, № 2, 1951, стр. 175—184.

³⁴ Д. Коцо. Околу датирањето на црквата Константин и Елена во Охрид. Годишен зборник Фил. фак. Скопје, № 7, 1954, стр. 187—203.

³⁵ Dj. Bošković. L'église de S-te Sophie à Salonique et son reflet dans deux monuments postérieurs en Macédoine et en Serbie. Archaeologia Jugoslavica, № 1, 1954, p. 109—115.

³⁶ Б. Стричевић. Улога старца Исаяје у преносењу Светогорских традиција у Моравску архитектонску школу. ЗРВИ, № 3, 1955, стр. 221—232.

³⁷ И. Здравковић. Стара црква у Липљану. Старинар, № 3—4, 1952—1953, стр. 186—190.

³⁸ И. Здравковић. Манастир Дренча-Душманица. Старинар, № 2, 1951, стр. 245—249.

³⁹ См. В. Петковић. Ко је био оснивач манастира Дренче. Старинар, № 2, 1951, стр. 57—58.

⁴⁰ Б. Стричевић. Два варијетета плана црквава Моравске школе. ЗРВИ, № 3, 1955, стр. 213—220.

⁴¹ Б. Бошковић. Стање средњевековних споменика у Југозападној Србији, Космету и североисточном делу Црне Горе. Музеји, № 1, 1948, стр. 96—105.

и «Средневековые памятники Восточной Сербии»⁴². В специальных публикациях Археологического института САН «Археологические памятники и открытия в Сербии» (I ч. — «Западная Сербия» и II ч. — «Центральная Сербия»)⁴³ содержится материал об отдельных средневековых памятниках указанных областей.

О некоторых проблемах македонской архитектуры писали Д. Коцо («Некоторые новые данные о средневековых памятниках в Македонии»)⁴⁴ и Р. Груич («Археологические и исторические заметки о Македонии»)⁴⁵.

Архитектурная скульптура была предметом исследования И. Николаевич-Стойкович в двух работах: «Ионический импост капителей из Македонии и Сербии»⁴⁶ и «К изучению византийской скульптуры X—XII вв. в Македонии и Сербии»⁴⁷, представляющих собою в некотором смысле введение и заключение из обширной работы — докторской диссертации того же автора — «Ранневизантийская архитектурная пластическая декорация в Македонии, Сербии и Черногории».

Проблемы средневековой сербской живописи привлекают к себе внимание значительного числа авторов. Св. Радойич в статье «Роль античных традиций в старой сербской живописи»⁴⁸ подчеркнул мотивы классицизма в живописи сербских мастеров, а в публикации «Фрески из Сопочан»⁴⁹ дал характеристику наиболее эффектного ансамбля сербской живописи XIII в. Св. Радойич также опубликовал весьма сжатый обзор сербской средневековой живописи во вступительной статье к книге, изданной в серии публикаций ЮНЕСКО по истории мирового искусства⁵⁰.

Выставка югославского средневекового искусства, на которой больше всего были представлены копии сербских средневековых фресок, была впервые открыта в Париже в 1950 г., а затем состоялась в ряде других европейских городов и вызвала обширные комментарии в югославской и иностранной печати. Прекрасно оформленные каталоги этой выставки с предисловиями Дж. Бошковича, Р. Любинковича, Св. Радойича и М. Кашанина представляют собою весьма удачные комментарии к этой выставке.

Из прочих работ в области живописи в первую очередь следует назвать статью Св. Радойича «О некоторых общих мотивах нашей народной песни и нашей древней живописи»⁵¹, затем его работы по проблемам иконографии: «Сцена из романа о Варлааме и Иоасафе в церкви Богородицы Левичской»⁵² и «Фрески Маркова монастыря и Житие св. Василия Нового»⁵³.

⁴² Б. Бошковић. Средњевековни споменици Источне Србије. Старинар, № 2, 1951, стр. 221—244.

⁴³ Археолошки споменици и налазишта у Србији: I — Западна Србија. Београд, 1953; II — Централна Србија. Београд, 1956.

⁴⁴ Д. Коцо. Неколику нови податоци за средњевековните споменици во Македонија. Гласник музејско-конзерв. друштва. Скопје, № 1, 1954, стр. 7—14.

⁴⁵ Р. Груич. Археолошке и историске белешке из Македоније. Старинар, № 3—4, 1952—1953, стр. 203—216.

⁴⁶ И. Николајевић-Стојковић. Јонски импост капители из Македоније и Србије. ЗРВИ, № 1, 1952, стр. 169—179.

⁴⁷ И. Николајевић-Стојковић. Прилог проучавању византиске скулптуре 10—12 века из Македоније и Србије. ЗРВИ, № 4, 1956.

⁴⁸ Св. Радойич. Улога антике у старом српском сликарству. Гласник Државног (Земаљског) музеја у Сарајеву, № 1, 1946, стр. 39—50.

⁴⁹ Св. Радойич. Фреске из Сопочана. Београд, 1953.

⁵⁰ Југославија, средњевековне фреске. Paris, 1955.

⁵¹ Св. Радойич. О неким заједничким мотивима наше народне песме и нашег старог сликарства. ЗРВИ, № 2, 1953, стр. 159—178.

⁵² Св. Радойич. Једна сцена из романа о Варлааму и Иоасафу у цркви Богородице Левичке. Старинар, № 4, 1952—1953, стр. 77—81.

⁵³ Св. Радойич. Фреске Марковог манастира и Живот св. Василија Новог. ЗРВИ, № 4, 1956.

Св. Радойич также опубликовал обзор «Художественные памятники Хиландарского монастыря»⁵⁴, в котором наряду с живописью рассматриваются также известные памятники из камня, принадлежащие этому сербскому монастырю на Афоне, а также работу «Средневековая живопись в Боке Которской»⁵⁵.

Проблемам византийской живописи XII в. М. Райкович посвятила две статьи, из которых в первой — «Из проблематики образов Нересской живописи»⁵⁶ — она характеризует художественную манеру их автора на основе анализа его техники, а во второй — «По следам византийского живописца»⁵⁷ — она отождествляет живописца из церкви в Курбинове, на озере Преспа, с мастером, работавшим в Кастории.

Ансамбль живописи церкви в Нижней Каменице опубликовали и проанализировали М. Чорович-Любинкович и Р. Любинкович⁵⁸; они датировали его концом XIV или началом XV в. М. Чорович-Любинкович опубликовала статью «Церковь святого Воскресения над ущельем Трески и проблема ее датировки»⁵⁹, а В. Петкович — работу «Живопись сербских церквей XIV в.»⁶⁰.

Св. Радойич изучал связи сербского и русского искусства в средние века⁶¹.

Особенный интерес историков искусства привлекают к себе иконы. М. Чорович-Любинкович подробно анализировала две дечанские иконы Богородицы Милостивой XIV в.⁶², считая, что тип дечанской Елеусы развился в рамках сербского средневекового искусства и оказал влияние на русскую живопись. Однако такая точка зрения противоречит хронологии икон этого типа из Толга. М. Чорович-Любинкович опубликовала также статью «Икона XIV века «Чудо в Хонех»⁶³, а Л. Миркович — об иконе Богородицы в церкви Богоматери Звоникской в Сплите⁶⁴, которая по своему типу напоминает Владимирскую Богородицу, но является произведением итальянских мастеров XIII в. А. Дероко опубликовал статью «Белградская икона Богородицы в Константинополе»⁶⁵, в которой он констатирует, что знаменитая в XIV в. белградская икона Богородицы не находится в Константинополе. Г. Томич-Тривунац опубликовала статью

⁵⁴ Св. Радойич. Уметнички споменици манастира Хиландара. ЗРВИ, № 3, 1955, стр. 163—194.

⁵⁵ Св. Радойич. Средњевековно сликарство у Боки Которској. Споменик САН, т. III, 1953, стр. 53—69.

⁵⁶ М. Рајковић. Из ликовне проблематике Нереског живописца. ЗРВИ, № 3, 1955, стр. 195—206.

⁵⁷ М. Рајковић. Трагом једног византиског сликара. Там же, стр. 207—212.

⁵⁸ М. Чоровић-Љубинковић и Р. Љубинковић. Црква у Доњој Каменици. Старинар, № 1, 1950, стр. 53—86.

⁵⁹ М. Чоровић-Љубинковић. Црква свете Недеље над клисуром Треске и проблем њеног датовања. Зборник заштите споменика културе, № 2, 1951, стр. 95—106.

⁶⁰ В. Петковић. Живопис српских црква 14 века. Гласник Српске православне цркве, № 9, 1946, стр. 135—137.

⁶¹ Св. Радойич. Везе између српске и руске уметности у Средњем веку. Зборник радова Филозоф. фак. у Београду, № 1, 1948, стр. 105—112.

⁶² М. Чоровић-Љубинковић. Две дечанске иконе Богородице Умиљенија. Старинар, № 3—4, 1952—1953, стр. 83—91.

⁶³ М. Чоровић-Љубинковић. Икона XIV века „Чудо у Хони“. Музеји, № 3—4, 1949, стр. 105—112.

⁶⁴ Л. Мирковић. Икона Богородице у цркви Госпе од Звоника у Сплиту. Старинар, № 1, 1950, стр. 47—51.

⁶⁵ А. Дероко. Београдска икона Богородице у Цариграду. Старинар, № 3—4, 1952—1953, стр. 217—222.

о двух иконах из церкви Святого Климента в Охриде⁶⁶, которые представляют весьма большой интерес, ибо они являются копиями живописных ликов XIII в. из той же церкви. Д. Медакович исследовал «Резанную по дереву икону Распятия в Хиландарском монастыре»⁶⁷.

О предметах прикладного искусства писала М. Чорович-Любинкович «Металлические украшения белобродского типа»⁶⁸. Она же опубликовала статью «Находки в Марковой Вароши близ Прилепа»⁶⁹, среди которых особенно интересными являются лучевые височные кольца XIV в. И. Ковачевич опубликовал статью «Серьги и височные кольца»⁷⁰, а вместе с М. Гарашанином в публикации «Обзор материальной культуры южных славян»⁷¹ написал главы, касающиеся прикладного искусства.

Образец вышивки опубликовала М. Чорович-Любинкович в статье «Образец старой средневековой вышивки — набедренник в собрании Народного музея в Белграде»⁷².

Ив. Николаевич-Стойкович

(перевод с сербско-хорватского В. В. Зеленина)

GYULA MORAVCSIK. DIE BYZANTINISCHE KULTUR UND DAS MITTELALTERLICHE UNGARN

Sitzungsberichte der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Klasse für Philosophie, Geschichte, Staats-, Rechts- und Wirtschaftswissenschaften.

Jahrgang 1955, № 4. Akademie-Verlag. Berlin, 1956

Эту небольшую работу, посвященную византино-венгерским культурным связям, академик Дьюла Моравчик начинает с изложения своей точки зрения на значение византийской культуры для развития культуры других стран средневековья. Он приводит большое количество примеров всеобъемлющего, по его мнению, влияния византийской культуры. Это влияние он усматривает и в находке в районе Алтайского горного хребта византийских монет, и в построенной греческими мастерами крепости на побережье Дона, на месте нынешнего Цимлянского моря, и в сирийских и эфиопских переводах произведений византийской литературы, и в капелле св. Варфоломея в Падерборне и во многом другом. Это влияние, пишет Д. Моравчик, сказывалось не только в непосредственно соприкасавшихся с Византией странах, таких как Россия, Болгария и Сербия, но и в отдаленных странах, особенно в Западной Азии и Северной Африке, а также во многих странах Европы, в том числе и в Великобритании. Автор приводит многочисленные

⁶⁶ Г. Томић-Тривунац. Две иконе из цркве Светог Климента у Охриду. Сборник заштите споменика културе, № 2, 1951, стр. 107—112.

⁶⁷ Д. Медаковић. Дрворезна икона Распећа у манастиру Хиландару. ЗРВИ, № 4, 1956.

⁶⁸ М. Ћоровић-Љубинковић. Метални накит белобродског типа. Старинар, № 2, 1951, стр. 21—58.

⁶⁹ М. Ћоровић-Љубинковић. Налази из Маркове Вароши код Прилепа. Музеји, № 2, 1949, стр. 102—113.

⁷⁰ Ј. Ковачевић. Минђуше и наушнице са јагодама. Музеји, № 2, 1949, стр. 114—125.

⁷¹ Ј. Ковачевић и М. Гарашанин. Преглед материјалне културе Јужних Словена. Београд, 1950.

⁷² М. Ћоровић-Љубинковић. Примерак старог средњовековног уметничког веза — набедренник у збирци Народног музеја у Београду. Музеји, № 6, 1951, стр. 46—63.

высказывания таких византистов, как Ш. Диль, С. Ренсимен, Н. Бейнз, Дж. Линдсей, Д. Ангелов, также придерживавшихся взглядов о сильном влиянии византийской культуры.

По мнению Д. Моравчика, византиноведческие исследования имеют непосредственную связь с современностью. «Познание исторического прошлого, — говорит он, — делает возможным не только глубокое понимание настоящего, оно помогает также при определении очертаний будущего».

Далее автор отмечает, что вопросы византино-венгерских отношений рассматривались уже во многих исследованиях. Их касались, например, А. Гейзенберг¹, Е. Дарко², Ф. Дэльгер³. Д. Моравчик упоминает и о своей недавно вышедшей на венгерском языке книге, в которой он пытался показать широкую картину византино-венгерских политических взаимоотношений⁴. К этой же области принадлежит капитальный труд Д. Моравчика⁵, в ближайшее время выходящий в новом издании, переработанном и дополненном.

Всю историю венгеро-византийских отношений Д. Моравчик разделяет на два больших периода. Рубеж между этими периодами приходится, по его мнению, на последнее десятилетие IX в., когда венгры завладели областью Карпат, которая в основном совпадает с территорией современной Венгрии.

Автор указывает, что формирование венгерской народности началось еще до переселения венгров на Карпаты, началось тогда, когда они населяли северное побережье Черного моря. А так как эта территория в то время находилась в сфере интересов Византийской империи, то естественно следует прийти к выводу о том, что венгры, или, точнее, племена, из которых формировалась венгерская народность, уже в те ранние времена попали в область действия византийской политики и византийской культуры. Судя по лингвистическим данным и в частности по тому, что наименование венгров восходит к названию *ονόγοιροι*⁶, среди этих племен находились и некоторые входившие в группу тюркских народностей.

Автор подчеркивает, что впервые племена оногуров упоминаются во фрагментах Приска, содержащих сообщение о том, что оногуры вместе с другими племенами около 463 г. направляли посольство к византийскому двору с просьбой о закреплении за ними захваченных ими территорий. Это первый исторически засвидетельствованный факт соприкосновения между Византией и племенем, в котором Д. Моравчик усматривает один из элементов складывавшейся венгерской народности. В работе приведены и другие сведения источников о первых столкновениях венгров с Византией.

Византия и здесь широко использовала деятельность своих миссионеров, о чем свидетельствует хотя бы список епископов VIII в., констатирующий, что митрополиту Дороса были подчинены епископы гуннов и оногуров, то

¹ A. Heisenberg. Ungarn und Byzanz. Debrecen, 1928.

² E. Darkó. 'Ελληνο-ουγγρικά σχέσεις κατά τους βυζαντινούς και κατά την αλωσιν χρόνους. Νέα Ἑστία, 5, 1931, σελ. 120—125, 195—198.

³ F. Dölger. Ungarn in der byzantinischen Reichspolitik. Archivum Europae Centro-Orientalis, 8, 1942, p. 315—342; Ostmitteleuropäische Bibliothek, 42. Budapest, 1942; ср. Forschungen und Fortschritte, 19, 1943, S. 151—153.

⁴ Gy. Moravcsik. Bizánc és a Magyarság. (= Byzanz und das Ungarnum). Budapest, 1953.

⁵ Gy. Moravcsik. Byzantinoturcica, I—II. Budapest, 1942—1943.

⁶ F. Darkó. Die auf die Ungarn bezüglichen Volksnamen bei den Byzantinern. BZ, Bd. 21, 1912, S. 472—487; Gy. Moravcsik. Die archaisierenden Namen der Ungarn in Byzanz. BZ, Bd. 30, 1929—1930, S. 247—253.

есть племен, игравших большую роль в формировании венгерской народности⁷. Вместе с тем Дьюла Моравчик отмечает и случаи соприкосновения славянских проповедников Константина (Кирилла) и Мефодия с венгерскими племенами в IX в.

В небольшой работе автору удалось собрать и обобщить значительный археологический, филологический и документальный материал, свидетельствующий о разносторонних венгеро-византийских связях этого периода. Иногда венгры вступали с Византией в союз (так было, например, в конце IX в. во время борьбы с Болгарией)⁸, но чаще в этот период венгры сами нападали на византийские владения. В результате этих столкновений в Византии оседало много военнопленных, память о которых сохранилась в географических названиях *Ουγγρία* в Беотии и озере *Ουγγρολίμνη*.

При Константине Багрянородном во взаимоотношениях Венгрии и Византии наступает перелом в сторону развития более мирных — политических и культурных — связей. Венгерские послы нередко посещают теперь Константинополь, и по их сообщениям Константин Багрянородный составил рассказ о стране и истории венгров для своего трактата «*De administrando imperio*». В самой Венгрии, точнее — в ее юго-восточной части, как показали исследования венгерских историков, в XI в. успешно действовали миссионеры восточной православной церкви⁹. На венгерской почве появляются византийские монастыри¹⁰. Один из них был основан при короле Андрее I (1046—1061) вблизи Вышеграда. Корона, обнаруженная при раскопках в Венгрии и хранящаяся теперь в Национальном Музее в Будапеште¹¹, по мнению Д. Моравчика, была получена Андреем I в качестве подарка из Византии. Известна и другая, происходящая из Византии венгерская королевская корона. На изображении этой короны на одной эмалевой пластине находятся портреты венгерского короля Гезы I (1074—1077) и византийского императора Михаила VII Дуки (1071—1078) с подписями на греческом языке. Эта корона, которую Геза I получил в дар от Византии, предназначалась для его супруги, племянницы будущего императора Никифора III Вотаниата¹².

Автор показывает, что венгеро-византийские отношения еще более оживились в эпоху крестовых походов, когда Византия была заинтересована в дружественных отношениях с Венгрией¹³.

Автор прослеживает характер венгеро-византийских отношений при Мануиле I Комнине (1143—1180), а также новую ситуацию, создавшуюся после восстановления независимости Болгарии и образования Второго Болгарского царства, усиления роли Сербии и особенно после латинского завоевания Византии в 1204 г. О политических связях между Венгрией и палео-

логовской Византией говорят факты брачных союзов, заключавшихся между представителями династии Палеологов и династии Арпадов.

Д. Моравчик отмечает значение венгеро-византийских торговых отношений. Он приводит сообщения русской летописи и Вениамина Тудельского о большом количестве вывозимых из Венгрии товаров. Ко времени Белы III (1173—1196) относятся не только венгерские монеты, отчеканенные по византийскому образцу, но и большие находки византийских монет, обнаруженные на территории Венгрии.

Д. Моравчик останавливается далее на мощном влиянии византийской, восточно-православной церкви, которое было ослаблено только после латинского завоевания Византии в 1204 г.

С особым вниманием Д. Моравчик прослеживает влияние, которое оказывали литература и искусство Византии на развитие венгерской литературы и искусства. Любопытно, что Эней Сильвий Пикколомини, будущий папа Пий II (1458—1464), советовал венгерскому королю Ладиславу V (1439—1457) изучить греческий язык, поскольку на нем говорят его многочисленные подданные. Автор приводит много других показаний источников, свидетельствующих о том, что знание греческого языка было сильно распространено в Венгрии.

Широкое и разнообразное влияние византийской культуры на культуру Венгрии при Арпадах в X—XIV вв. Д. Моравчик справедливо объясняет тем, что в это время культура Византии была значительно выше культуры Запада. Менее убедительным является утверждение автора о том, что западная культура не могла тогда иметь в Венгрии никакой почвы, так как страна будто бы находилась на какой-то переходной стадии общественно-политического развития, называемой Д. Моравчиком «варварским феодализмом». Нам кажется, что автор несколько преуменьшает уровень общественно-экономического развития Венгрии в X—XII вв. Несомненно, Венгрия достигла к этому периоду уже такого уровня, что была в состоянии воспринять культуру как Византии, так в равной степени и Запада. Поэтому, с нашей точки зрения, сила византийского влияния на культуру средневековой Венгрии объясняется не какими-то особенностями общественного строя Венгрии — «варварским феодализмом», — а именно тем, как это хорошо показал на предшествующих страницах сам автор, что византийская культура была тогда наиболее высокой.

В заключение автор подчеркивает, что византийское влияние в Венгрии было значительно сильнее, чем это пытались изобразить в прежней венгерской историографии. Историки искусства, например, говорит Моравчик, стремились ослабить значение византийского влияния на искусство Венгрии утверждениями о том, что Венгрия могла воспринять его исключительно через посредство Италии, а между тем исследования конкретных форм венгеро-византийских связей далеко еще не закончены. Перед исследователями в этой области стоят еще большие задачи, работа над которыми, несомненно, даст много нового. Некоторые из этих задач намечены автором рецензируемой книги.

Наша обзорная рецензия показывает, что Д. Моравчик поднял и со свойственной ему широтой осветил интересную проблему культурных взаимоотношений и связей между средневековой Венгрией и Византией. Мы уже отметили, что не все бесспорно в его высказываниях. Эти спорные взгляды не мешают, однако, ни в какой степени нашей высокой оценке интересной, содержащей много свежих мыслей работы академика Дьюлы Моравчика.

Б. Т. Горянов

⁷ Gy. Moravcsik. Zur Geschichte der Onoguren. Ungarische Jahrbücher, 10, 1930, S. 53—90.

⁸ Gy. Moravcsik. La Tactique de Léon le Sage comme source historique hongroise. Acta historica Academiae Scientiarum Hungaricae, 1, 1951—1952, p. 161—184.

⁹ M. Gyoni. L'église orientale dans la Hongrie du XI siècle. Revue d'histoire comparée, 25 année (t. 5), 1947, p. 42—49.

¹⁰ E. v. Ivanka. Griechische Kirche und griechisches Mönchtum im mittelalterlichen Ungarn. Orientalia Christiana Periodica, 8, 1942, p. 183—194; Gy. Moravcsik. The role of the Byzantine Church in Medieval Hungary. The American Slavic and East European Review, 6, 1947, p. 134—151.

¹¹ M. Barany-Oberschall. The Crown of the Emperor Constantine Monomachos. Archaeologia Hungarica, XXII. Budapest, 1937.

¹² Gy. Moravcsik. The Holy Crown of Hungary. The Hungarian Quarterly, 4, 1938—1939, p. 656—667.

¹³ Gy. Moravcsik. Les relations entre la Hongrie et Byzance a l'époque des Croisades. Revue des Etudes Hongroises, 8 (9), 1933, p. 301—308.

G. OSTROGORSKIJ. QUELQUES PROBLÈMES D'HISTOIRE DE LA PAYSANNERIE BYZANTINE.

Corpus bruxellense historiae buzantinae. Subsidia II. Bruxelles, 1956. 80 p.

Небольшая книга известного югославского византиниста Г. Острогорского «Некоторые проблемы истории византийского крестьянства» — это публикация четырех докладов, прочитанных им в марте 1955 г. в Коллеж де Франс. Она состоит из краткого введения, содержащего историографические заметки и постановку проблемы, и трех глав, в которых последовательно рассматриваются вопросы о государственных париках (преимущественно в X в.) (стр. 11—24), о контроле государства за количеством париков на землях крупных собственников в XI—XII вв. (стр. 25—40) и о поздневизантийской парикии (XIII—XIV вв.) (стр. 41—74). Книга снабжена индексами имен и терминов.

Прежде чем переходить к анализу концепции автора, мне хотелось бы обратить внимание на некоторые черты, присущие исследовательской технике Г. Острогорского и отчетливо проявившиеся в рецензируемой книге. Он сам говорит об этом во введении (стр. 9): «Я старался не отдаляться от источников», — но эта фраза, совершенно справедливая, еще не раскрывает его отношения к источникам.

Как всякому большому историку, Г. Острогорскому присуще стремление привлечь к исследованию такие материалы, которые оставались вне поля зрения ученых — или, по крайней мере, большинства ученых. Так, в статье о крестьянском праве предпочтения¹ Г. Острогорский ввел в научный оборот новые акты из архива Лавры св. Афанасия, содержащие свежий материал для истории борьбы династов и «убогих» X в., о которой так много было писано на протяжении последних 70 лет. И в рецензируемой книге Г. Острогорский привлекает новые источники для аграрной истории X в.: исходным моментом для изучения положения государственных париков служит ему сигиллий (грамота) протоспафария Феодора Кладона, изданный в малоизвестном солунском церковном журнале и до сих пор еще не привлекавший серьезного внимания². Г. Острогорский анализирует также завещание протоспафария Евстафия Воилы, составленное в 1059 г. (стр. 72—73), которое совершенно не изучалось зарубежными исследователями³, некоторые грамоты из Южной Италии (стр. 34, 73—74) и т. д.

Далее, исследованию содержания той или иной грамоты Г. Острогорский обычно предпосылает скрупулезный источниковедческий анализ, уделяя большое внимание ее датировке. В рецензируемой работе особенно интересен источниковедческий анализ двух сигиллиев конца X в.: уже упомянутой грамоты Феодора Кладона и грамоты протоспафария Симеона, датированной издателями 989 годом⁴. Сопоставляя эти грамоты, Г. Острогорский приходит к выводу, что обе они передают содержание одного не дошедшего до нас императорского питтакия. Однако имя императора, составившего питтакий, на который ссылаются и Феодор Кладон, и Симеон,

¹ G. Ostrogorsky. The Peasant's Pre-emption Right. Journal of Roman Studies, vol. XXXVII, 1947.

² Γ. Ὀστρογόρσκι. Σιγίλλιον περὶ τῶν μονῶν Κολοβῶδ, Πολυγύρου καὶ Λεοντίας. „Γρηγόριος ὁ Παλαμῆς“, т. 1, 1917, σελ. 787. Единственным, кто обратил внимание на эту грамоту, был Ф. Дэльгер. См. его заметку в ВЗ, 29, 1929—1930, S. 104f.

³ С работами советских исследователей о завещании Воилы Г. Острогорский познакомился, по-видимому, уже после сдачи книги в производство (см. стр. 73, прим. 2).

⁴ G. Rouillard et P. Collomp. Actes de Lavra. Paris, 1937 (далее — Lavra), № 9.

не сохранилось ни в той, ни в другой грамоте, — чтобы определить его, необходимо было установить время издания сигиллиев. Г. Острогорский рассуждает следующим образом: сигиллий Феодора Кладона упоминает императоров Константина и Романа как мертвых, следовательно (с учетом индикта) он мог быть издан не ранее 960 г., а если считать, что речь идет о Романе II, то не ранее 975 г.; сигиллий Симеона упоминает умершего Никифора (Фоку) и, следовательно, должен быть датирован (с учетом индикта) не ранее 974 г. Далее, сигиллий Феодора Кладона упоминает монастыри Леонтии в Солуни и Иоанна Колову в Иериссе, которые существовали лишь до 980 г., когда они были включены во владения Грузинского (Ивирского) монастыря, и в то же время сигиллий Симеона не знает о тех переменах, которые произошли во владениях Лавры в 80-е годы. Вот почему Г. Острогорский датирует эти сигиллии 974—975 гг., а автором питтакия считает императора Иоанна Цимисхия⁵.

Чрезвычайно интересен в работе Г. Острогорского анализ терминологии и особенно рассмотрение ее эволюции. Так, на стр. 17 он указывает, что новеллы императоров X в. для обозначения мелких землевладельцев пользуются терминами *πένητες* или *πτωχοί* и никогда не называют их *димосияриями* (*δημοσιάριοι*), как деловые документы⁶. На стр. 31 автор отмечает эволюцию терминологии в грамотах, разрешающих поселение крестьян-пришельцев на земле крупного собственника: вместо слов *μήτε γῆν δημοσιακήν κατεχόντων* появляется формула *μήτε γῆν ἰδίαν ἐχόντων*. Очень удачно показано на стр. 72, что аргировул деспота Феодора II Палеолога (1407—1433) не дает основания называть париков XV в. «несвободными» — *ἐλεύθεροι* этого документа не «свободные» люди, а элевтеры, т. е. определенная категория зависимого крестьянства⁷.

Умелый критический анализ источника позволяет Г. Острогорскому вскрывать мошенничество византийских чиновников: он показывает, что апографевс Иоанн Костомир освободил монастырь Лемвиотиссы от уплаты налога на том основании, что земля не приносит дохода, тогда как на самом деле этот участок отнюдь не был бесплодным (*ἀχρήστου τε καὶ ἀπρόσόδου*)⁸ (стр. 49).

Несомненным достоинством рецензируемой книги является ее историзм. В то время как очень многие византинисты пользуются источниками, относящимися к различным эпохам, вперемежку и поэтому приходят к выводу о застойности общественных отношений в Византии, Г. Острогорский всегда старается выяснить, когда и в связи с какими конкретно-историческими обстоятельствами появилось то или иное постановление (см. например, его замечание о характерных чертах политики Мануила I Комнина — стр. 31 и сл.) и византийские социальные институты исследует в их развитии.

Тщательность исследования, глубокое знание источников и литературы вопроса (в том числе и советской литературы — вплоть до ученых записок

⁵ Г. Острогорски. О византийском дравним селяцима и војницима — две поведе из доба Јована Цимискиа, Глас САН ССХIV. Одељење друштвених наука, књ. 3. Београд, 1954, стр. 31—35.

⁶ Следовало бы только отметить, что деловые документы середины X в. пользуются терминами «динаты» и *πένητες* — Lavra, N 2.22—23.

⁷ К сожалению, при изложении содержания этого аргировула я (Аграрные отношения в Византии XIII—XIV вв. М., 1952, стр. 101) тоже употребил слово «свободный», хотя в других случаях правильно толковал этот термин. Об элевтерах см. Г. Острогорский. Византийские писцовые книги. Byzantinoslavica, vol. IX, 1948, № 2, стр. 270 и сл. Ср. еще интересные замечания о термине *προσδιάριοι* — Г. Острогорски. О византийском дравним селяцима, стр. 27, прим. 11.

⁸ MM, IV, p. 86.1—2.

периферийных институтов) — все это позволило Г. Острогорскому написать интересную и ценную работу. И хотя он подчеркивает, что его книга — отнюдь не история византийского крестьянства (стр. 9), что в ней только ставятся некоторые новые проблемы (стр. 74), — на самом деле рецензируемая книга заключает в себе последовательно развитую концепцию истории аграрных отношений в Византии X—XV вв.

Центральным моментом концепции Г. Острогорского является признание наличия феодализма в Византии; при этом под феодализмом он понимает не систему политических отношений, характеризующуюся иерархической структурой власти, но совокупность определенных социально-экономических факторов: поместье, населенное крестьянами — плательщиками ренты, рассматривается как основная ячейка феодального общества (стр. 8). Но если бы вся работа Г. Острогорского сводилась только к признанию феодализма, вряд ли бы она заслуживала подробной рецензии: и сам Г. Острогорский в предшествующих работах⁹, и ряд советских византистов, и болгарский исследователь Д. Ангелов показали, что социально-экономическую историю Византии нельзя понять, если не рассматривать ее в категориях феодального общества. В рецензируемой работе существенно прежде всего, как рисует Г. Острогорский развитие византийского феодализма и как он понимает характер зависимости византийского крестьянина.

Г. Острогорский считает, что первоначально в Византии существовали свободные крестьяне, которые имели право распоряжаться своей землей и своей личностью; такими свободными рисуют византийских крестьян «Земледельческий закон» и «Трактат об обложении»; в таком же положении на первых порах находились крестьяне и стратиоты императорских новелл X в. (стр. 21). Но в X в. империя переживает кризис аграрных отношений, который проявляется в том, что крупные собственники присваивают земли крестьян и стратиотов. «Естественно, что императорское правительство сопротивлялось этому уничтожению класса солдат и крестьян-налогоплательщиков и стремилось его спасти». Однако эти защитные мероприятия (*mesures protectrices*) византийского правительства неминуемо вели к ограничению свободы тех, кого они были предназначены защищать: стратиоты и крестьяне были прикреплены к земле и лишены права свободно распоряжаться своей собственностью. В результате этих мер переход крестьянской земли в руки династов был затруднен, но зато сами крестьяне превратились в государственных париков-димосиариев (стр. 18—19). Эти государственные парики отличались от крестьян феодального сеньера лишь тем, что они выполняли свои повинности и вносили ренту не данному светскому или духовному феодалу, а государству: «Их отношения с государством не отличались по существу от тех связей, которые соединяли сеньериального парика с его господином» (стр. 18).

Широкое распространение государственной парикии Г. Острогорский увязывает с общей особенностью хозяйственной жизни Византийской империи — с наличием здесь развитого контроля императорского правительства над экономикой страны (стр. 37). Этот контроль, в частности, находит свое выражение в праве государства конфисковать земли не только проиарские, но и патримониальные (стр. 23).

В X в. византийское правительство, по мнению Г. Острогорского, вело упорную борьбу с феодальными сеньерами. Характер этой борьбы он оценивает в рецензируемой работе иначе, чем это делают современные зарубежные историки, и не так, как он сам освещал этот вопрос в прежних своих

⁹ См. особенно G. Ostrogorski. *Pour l'histoire de la féodalité byzantine*. Bruxelles, 1954.

работах. Так, в одной из старых работ Г. Острогорский писал: «Византийские императоры... решительно старались защитить мелких крестьян-собственников и упорно сопротивлялись феодальным силам»¹⁰. Теперь же, открыто и честно отказываясь от своего прежнего взгляда (стр. 18), Г. Острогорский говорит: «Византийское правительство ни в коей мере не боролось за права и независимость маленьких людей, как стремятся заверить императорские новеллы. В действительности оно защищало свои собственные права, права на ренту и повинности крестьян» (стр. 16).

В XI—XII вв. характер борьбы между византийским правительством и феодалами изменяется. Капитулировав перед ними по вопросу о земле, разрешив им приобретать надель мелким землевладельцев, оно, однако, сохраняет за собой право контроля за количеством париков во владениях феодалов. Императорские дипломы этого времени пользуются техническим термином «арифмос» (*ἀριθμός*), обозначающим максимальное количество париков, допускаемое для поместья того или иного сеньера (стр. 26—27). Феодалы не удовлетворялись таким положением дел и стремились получить от императора право поселять на своих землях столько париков, «сколько пошлет бог (*ὅσους ἐκ θεοῦ ὀδηγήσῃ*)» (стр. 31). Феодалы византийской Италии еще в XI в. пользовались подобным правом, но в самой Византии оно утвердилось только в XIII в. (стр. 34 и сл.).

Вместе с тем к XIII в. совершенно исчез класс свободных крестьян (стр. 71)¹¹, хотя по-прежнему сохранялись государственные парики, число которых, по-видимому, значительно сократилось¹².

Такова в основных чертах теория Г. Острогорского о развитии византийского феодализма. Признание византийских димосиариев государственными крестьянами является чрезвычайно важным выводом, поскольку оно, как мне кажется, дает ключ к пониманию особенностей эволюции византийского феодализма. Это наблюдение Г. Острогорского позволяет говорить о наличии двух этапов в процессе феодализации в Византии: на первом этапе наряду с образованием феодальных вотчин с зависимыми крестьянами совершался процесс превращения основной массы свободных крестьян (*γεωργοί*) в государственных париков (*δημοσιάρχοι πάροικοι*)¹³, в принципе не отличавшихся от феодально-зависимых крестьян; на втором этапе централизованная форма эксплуатации государственных париков постепенно уступает место вотчинной форме: государственные крестьяне мало-помалу переходят в руки светских и духовных сеньеров, контроль государства

¹⁰ G. Ostrogorsky. *Agrarian Conditions in the Byzantine Empire in the Middle Ages*. „Cambridge Economic History“, vol. 1, 1942, p. 205. Cp. G. Ostrogorsky. *Geschichte des byzantinischen Staates*. München, 1940, S. 192.

¹¹ Уже П. Харанис (P. Charanis. *On the Social Structure and Economic Organization of the Byzantine Empire in the XIIIth century and later*. *Byzantinoslavica*, vol. XII, 1951, p. 122) пришел к убеждению, что в актах эпохи Палеологов нет следов существования свободного крестьянства; тем не менее он все-таки допускал наличие свободной собственности крестьянского типа. В отличие от него решительно доказывает наличие свободного крестьянства в Византии XIII в. Д. Ангелов [Д. Ангелов. *Принос към народностните и поземелни отношения в Македония (Епирская деспотат) през първата четвърт на XIII в.* „Известия на Камарата на народната култура“. София, 1948; ср. его же. *Принос към поземелните отношения във Византия през XIII век.* „Годишник на философско-историческия факултет“, кн. II. София, 1952].

¹² Я с благодарностью принимаю критические замечания Г. Острогорского, показавшего (стр. 49), что Какава, упомянутый в грамоте Иоанна Костомира (MM, IV, p. 85—86), был государственным париком, а не париком монастыря Лемвиотиссы, как я считал прежде.

¹³ Иногда *πάροικοι δημοσιακοί* — L. Petit. *Actes de Chilandar*, N 58.7; MM, VI, p. 255.5 или *ὀποτελεῖς δημοσιακοὶ πάροικοι* — L. Petit. *La monastère de Notre-Dame de Pitié*, ИРАИК, т. VI, 1900, стр. 43, 24. Ср. любопытное противопоставление *ὀποτελεῖς* и *γεωργοί* в „Тактике“ Льва (IX.15).

за количеством частновладельческих крестьян слабеет и под конец сохраняется лишь в пережиточных формах.

Эта точка зрения, хотя и проскальзывала в некоторых работах советских византистов¹⁴, никогда еще не была развита так последовательно и четко, как в рецензируемой книге. Принимая теорию Г. Острогорского в общем виде, признавая вместе с ним димосиариев X в. государственными крестьянами, считая арифмос X—XII вв. средством контроля государства за отдельными феодальными вотчинами, я хотел бы, однако, указать на некоторые трудности, порождаемые теорией Г. Острогорского, и предложить сильное их решение.

Прежде всего, пожалуй, не следовало бы говорить о борьбе императорского правительства или государства против феодальных сеньеров. Сам Г. Острогорский отмечает, что некоторые византийские императоры (например, Никифор Фока) выражали интересы феодальной аристократии (стр. 14—15), следовательно, нельзя говорить об абсолютной противоположности интересов государства и феодалов как таковых. Детальное изучение политической борьбы в X в. приводит к убеждению, что борьба шла не между государством и сеньерами, а между двумя группами аристократии, стремившимися занять руководящее место в государстве: между столичной (чиновной) и провинциальной знатью¹⁵. Первая группа жила в значительной мере за счет централизованной ренты и потому была заинтересована в сохранении максимального количества государственных париков; вторая держалась вотчинной формы эксплуатации крестьянства.

В соответствии с этим мне представляется более резонным рассматривать превращение *γεωργοί* в димосиариев не как результат «защитных мероприятий», но как следствие централизованного натиска феодального государства на крестьян. Процесс этот приходится на IX и начало X в. и проявляется, в частности, в попытках ввести аллиленгий — ответственность соседей за уплату налога общинниками; источники засвидетельствовали, по меньшей мере, две такие попытки в IX в.: при Никифоре I и Василии I, — обе оказались неудачными, и только ко времени Романа Лакапина аллиленгий был введен.

При таком решении вопроса, как мне кажется, снимается одно противоречие, имеющееся в теории Г. Острогорского в настоящее время. Дело в том, что Г. Острогорский недостаточно четко определяет, каков статус *πένητες* новелл императоров X в.: если признать их свободными, мы вернемся к традиционной точке зрения, справедливо отвергнутой на стр. 18; если признать их государственными париками, то окажется, что они потеряли свободу до «защитных мероприятий». Это второе предположение как раз и соответствует действительности.

Если мы признаем вместе с Г. Острогорским (а мне это представляется бесспорным), что особенность развития византийского феодализма состоит

¹⁴ Э. В. Удалцова. Византийская империя в XI—XV вв. История средних веков, т. I. Госполитиздат, 1952, стр. 565; М. М. Фрейденберг. Аграрные отношения в Византии в XI—XII вв. Автореферат кандидатской диссертации. М., 1952, стр. 7; К. А. Осипова. Положение крестьянства в Византии в X в. Автореферат кандидатской диссертации. М., 1953, стр. 10, 14; ср. также А. П. Кадан. Аграрные отношения в Византии XIII—XIV вв. М., 1952, стр. 101—104; его же. Крестьянские движения в Византии в X в. и аграрная политика императоров Македонской династии. ВВ, т. V, 1952, стр. 77—78. Противоположную точку зрения защищает М. Я. Сюзюмов (О характере и сущности византийской общины по Земледельческому закону. ВВ, т. X, 1956, стр. 43 и сл.).

¹⁵ R. J. H. Jenkins. The „Flight“ of Samonas. Speculum, vol. XXIII, 1948, № 2, p. 219—221. Ср. также А. П. Кадан. К истории политической борьбы в Византии в начале X века. УЗ Тульского пединститута, вып. III, 1952, стр. 206.

в исключительной роли государственной парикии и — соответственно — централизованной ренты, то в свою очередь возникнет вопрос, чем же объясняется эта особенность. Позволю себе высказать следующее соображение, отлично сознавая всю его гипотетичность: «тайну» византийского феодализма следует искать в стойкости византийской (или точнее славяно-византийской) общины и в прочности традиций рабовладельческого строя. Оба эти вопроса затронуты и в рецензируемой книге, и по обоим вопросам Г. Острогорский высказывает весьма интересные соображения. Так, признавая сохранение пережитков рабовладельческих порядков, Г. Острогорский делает следующее остроумное наблюдение: он отмечает, что византийский раб мог быть отпущен на волю в отличие от парика, освобождение которого было невозможно; формально, с точки зрения римского права, парик — при всей его зависимости — оставался свободным (стр. 72). Чрезвычайно существенно также суждение Г. Острогорского о том, что община выплывает «как экономическое, административное и юридическое единство» (стр. 45), — это определение показывает, насколько далеко ушел Г. Острогорский от своих первых работ, где он называл византийскую общину податной общиной (Steurgemeinde) и признавал примат фискального фактора над экономическим. «Византийская община, — писал он в 1927 г., — это финансовое (податное) и административное единство, но не более. В этом вновь проявляется... «примат» податных воззрений над экономическими»¹⁶. Исследование новых источников и критическое отношение к традиционным взглядам привели Г. Острогорского к отказу от его прежних представлений в духе фискальной теории.

Итак, Г. Острогорский признает как сохранение пережитков рабовладельческих отношений, так и существование общины, причем общины, основанной на хозяйственной и административной, а не на фискальной общности; однако он не связывает эти особенности социально-экономического строя Византии с судьбами византийского феодализма. Тем не менее можно было бы высказать следующее соображение. Большая устойчивость византийской общины обусловила относительную медленность процесса выделения аллодиальной собственности, в результате чего община сохраняла контроль над индивидуальными наделами (в частности, право преимущественной покупки); в соответствии с этим процесс формирования феодальной собственности протекал сравнительно медленно, а класс феодальных собственников был малочисленным и экономически слабым. В этих условиях, когда далеко не всякий феодал был в состоянии осуществлять вотчинную эксплуатацию крестьянства в широких масштабах, чрезвычайно большое значение приобретает централизованная эксплуатация крестьянства государством, т. е. организованным коллективом господствующего класса. В соответствии с этим прежние свободные общинники — после упорного сопротивления (восстание Фомы Славянина, восстание павликиан) — были превращены в государственных париков, прикрепленных к своему тяглу, к своей общине.

Сохранение в Византии более значительных, нежели на Западе, рабовладельческих традиций¹⁷ также препятствовало быстрому росту феодальной

¹⁶ G. Ostrogorsky. Die ländliche Steurgemeinde des byzantinischen Reiches im X. Jahrhundert. Vierteljahrschrift für Social- und Wirtschaftsgeschichte, Bd. XX, 1927, S. 45.

¹⁷ Впрочем, вопрос о масштабах применения рабского труда на средневековом западе нуждается в пересмотре: по-видимому, и здесь рабство играло большую роль, чем это принято думать, — см. Ch. Verlinden. L'esclavage dans l'Europe Médiévale, t. I. Paris, 1955.

системы производства, коль скоро крупные земельные собственники имели возможность довольно широко применять на своих землях рабский труд.

Наконец, известную роль могли играть поздне римские правовые и политические традиции, создававшие идеологические предпосылки для прочного объединения страны.

В этих факторах, мне думается, скорее следует искать причины образования государственной парикии, нежели в «защитных мероприятиях», о которых говорит автор. Но независимо от того, как объяснять причины появления класса димосиариев, бесспорным остается установленный Г. Острогорским (и независимо от него рядом советских византинистов) факт существования в X в. широкого слоя государственных крестьян, которых до последнего времени ошибочно именовали «свободными».

В трактовку чрезвычайно важного вопроса об арифмосе мне хотелось бы внести одно добавление, несколько уточняющее наши представления об этом институте, на который до сих пор почти не обращали внимания¹⁸. Г. Острогорский (как и К. А. Осипова) характеризует арифмос лишь как ограничение количества переданных феодалу париков. Однако возникает вопрос, как мы должны рассматривать в таком случае самое право феодала на тех париков, которые ему переданы; иными словами, можем ли мы отождествлять это право, скажем, с правом феодалов Янины на их париков, как оно отражено в грамоте императора Андроника II от 1319 г. Думается, что между отношениями, вытекающими из арифмоса, и крепостным правом XIV в. существовало известное различие; теоретически, с точки зрения византийского права, переданные по арифмосу парики продолжали считаться государственными крестьянами, находящимися в частных руках, и следовательно, феодал был собственником не самого парика, а лишь той квоты государственных податей, которая с него поступала. В пользу такого соображения следует прежде всего привести хрисовул Алексея Комнина от 1084 г. Там идет речь о пожаловании брату императора протосевасту Адриану государственного налога (канона) с жителей полуострова Кассандра (τὸν παρὰ τῶν οἰκητόρων τῆς τοιαύτης νήσου ἐτήσιως τελούμενον τοῦ δημοσίου κανόνα)¹⁹; жители полуострова были напуганы, что их станут считать париками (παρικοί λογισθέντες), не имеющими своей земли (τὴν ἑἴην ἰδίαν μὴ ἔχοντες), обязанными платить подати другому лицу. Хотя император и убеждает их в хрисовуле, что они испугались того, что в действительности не страшно, все же можно видеть, что парикия выступает как явление, тождественное уплате канона.

С этим связан, далее, тот странный обычай, который был отмечен еще Б. А. Панченко: еще в XIII в. из двух братьев только один оказывался частновладельческим париком, а второй становился государственным крестьянином²⁰. Наконец, частновладельческие парики X—XI вв. пользовались свободой перехода, что засвидетельствовано магистром Косьмой и Михаилом Пселлом. Вот почему мне думается, что применительно к условиям X—XI вв. (а может быть, и XII в.) осторожнее было бы не говорить

¹⁸ Беглые замечания об арифмосе см. А. П. Каждан. Два поздне византийских акта из собрания П. И. Севастьянова. ВВ, т. II, 1949, стр. 321; К. А. Осипова. Положение крестьянства в Византии в X в. стр. 14.

¹⁹ Lavra, № 39. 12—13. Впрочем, может быть, в этом акте идет речь о передаче не арифмоса, а прони — P. Charanis. On the Social Structure and Economic Organisation of the Byzantine Empire. . . , p. 152.

²⁰ ММ, IV, р. 94. 1—3. Ср. Б. А. Панченко. Крестьянская собственность в Византии. ИРАИК, т. IX, 1904, стр. 100. Г. Острогорский (стр. 47), анализируя это известие, замечает: „Неясно, как он (второй брат. — А. К.) мог стать в конце концов независимым крестьянином“. Но это как раз логично: ведь феодал мог удерживать лишь определенное количество крестьянских хозяйств.

о собственности (в полном смысле этого слова) феодала на парика или, во всяком случае, говорить о собственности в процессе становления. Впрочем, этот вопрос заслуживает специального и более пристального исследования.

Наконец, теоретически чрезвычайно ценным представляется мне суждение Г. Острогорского об отсутствии класса свободных крестьян в Византии в период развитого феодализма; действительно, в это время основная масса крестьян была так или иначе вовлечена в сферу действия феодальных отношений независимо от того, платил ли крестьянин ренту сеньеру или ренту-налог государству. Лишь как исключение, в отдельных горных районах, могли сохраняться свободные крестьяне, не платившие ренту, — подобно фризским крестьянам на Западе; таково, например, было положение славян Дронга в Пелопоннесе, о которых идет речь в «Морейской хронике».

Таким образом, теория Г. Острогорского о димосиариях и путях их превращения в частновладельческих крестьян является плодотворной; она позволяет глубже, нежели мы могли это сделать до сих пор, понять пути становления византийского феодализма. Разумеется, понадобится еще не одно исследование, прежде чем удастся обрисовать многие стороны этого процесса, пока еще остающиеся в тени.

Не менее важной представляется мне и центральная мысль третьей главы рецензируемой книги; эту мысль Г. Острогорский формулирует следующим образом: в парикии проявляется «двойственность или, точнее говоря, антиномия, характерная для поземельных отношений феодального общества» (стр. 62, ср. также стр. 63). Для того, чтобы понять значение этой идеи, необходимо вернуться к историографии вопроса.

В исторической науке были высказаны две резко противоположные точки зрения по вопросу о характере владельческих прав византийского парика: с одной стороны, Ф. И. Успенский полагал, что парик является крестьянином, лишенным собственности на обрабатываемую им землю, с другой — Б. А. Панченко признавал парика полным частным собственником своего надела. Несмотря на накопление большого нового материала, несмотря на то, что в марксистской историографии западного средневековья вопрос давно уже был решен, исследователи византийского крестьянства вплоть до последнего времени не могли выйти за пределы той постановки вопроса, которая была дана в дискуссии Ф. И. Успенского и Б. А. Панченко²¹. Только в некоторых работах последних лет исследователи стали ошупью подходить к пониманию того, что обе крайние точки зрения не покрывают всей сложности действительности²². Иначе говоря, стало выясняться, что противоречие между Ф. И. Успенским и Б. А. Панченко было отражением противоречия самой действительности; сама природа отношений собственности в феодальном обществе противоречива и двойственна:

²¹ Так, именно в рамках этой дискуссии рассматривает вопрос о характере крестьянской собственности Б. Т. Горянов. Византийское крестьянство при Палеологах. ВВ, т. III, 1950, стр. 19—25. Он отвергает теорию Б. А. Панченко о личной наследственной собственности парика, не объясняя, однако, фактов, свидетельствующих о наличии у парика владельческих прав.

²² P. Charanis. (On the Social Structure and Economic Organisation of the Byzantine Empire. . . , p. 137 ff.) отмечает, что владельческие права парика сочетались с его полным бесправием, позволяющим сближать парикию с рабством. Точно так же и Д. Ангелов (Принос към поземелните отношения във Византия) подчеркивает, что византийские зависимые крестьяне хотя и не обладали правом полной собственности на землю (стр. 63), однако были наделены средствами производства и могли передавать по наследству свои поля и виноградники (стр. 71) и отчуждать их (стр. 79). Очень глухо о праве париков покупать и продавать землю говорит G. Rouillard. La vie rurale dans l'empire Byzantin. Paris, 1953, p. 169. Ср. А. П. Каждан. Аграрные отношения в Византии, стр. 93—101, 110—115.

²² Византийский временник, т. XII

собственность на землю (как юридическое выражение права на ренту) принадлежит здесь феодалу, однако феодальная собственность великолепно уживается с владельческими правами крестьянина, включая право наследования, купли-продажи и т. п. Этот-то вывод, имеющий первостепенное значение, и сформулирован в книге Г. Острогорского.

Автор детально раскрывает конкретное содержание этого представления о двойственности положения византийских париков. С одной стороны, парики могли отчуждать свою недвижимость (стр. 45, 60), являлись членами общины (стр. 45), передавали землю по наследству (стр. 62), могли приобретать аллодиальные земли (стр. 52), обладали юридической правоспособностью (стр. 43 и сл.), могли обитать вне поместья (стр. 67) и становиться монахами (стр. 63); с другой стороны, сеньер имел верховные права на владения своих париков (стр. 46), проявлявшиеся, в частности, в праве предпочтения, принадлежавшем прежде крестьянской общине и присвоенном теперь феодалами, в праве на выморочный крестьянский надел и, наконец, в праве ограничивать свободу отчуждения крестьянской земли — с помощью конфирмации (впрочем, очень редкой) (стр. 47) или же путем возложения на отчуждаемую землю дополнительной ренты — эпителии (стр. 57 и сл.). Верховные права феодала на землю проявлялись и в том, что он мог согнать парика с надела (стр. 65 и сл.).

Это суждение Г. Острогорского о характере византийской парикии в целом представляется мне бесспорным и, как мне кажется, является единственным способом разрешения затянувшегося спора между сторонниками Ф. И. Успенского и Б. А. Панченко. Мне хотелось бы только сделать по этому поводу одно принципиальное замечание и несколько частных.

Принципиальное возражение заключается в следующем: правильно выдвинув тезис о «феодальной антиномии» византийской парикии и показав конкретные проявления этой двойственности, Г. Острогорский оперирует с этой антиномией не как с исторической, а как с логической категорией. Иначе говоря, права париков и феодальных сеньеров рассматриваются как заранее данные, раз и навсегда установленные. Тем самым за пределами исследования остается развитие феодальных отношений, которое состояло не только и даже, пожалуй, не столько в увеличении размеров вотчин и числа частновладельческих крестьян (именно так решает вопрос вотчинная теория, начиная с Инама-Штернегга), сколько в расширении прав феодала на землю и личность крестьянина. Эта сторона дела — наступление феодала на крестьянина, постепенная потеря последним тех или иных конкретных прав — составляет существеннейший момент истории аграрных отношений XI—XV вв. От иммунитета к крепостному праву, от права на ренту к праву на личность, от *παροικοί τῆς προνοίας* к *παροικοί φυσικοί* — таковы в грубых чертах основные линии этой эволюции, пока еще недостаточно исследованной.

Несколько частных замечаний ни в коей мере не задевают общей концепции Г. Острогорского. Так, при анализе грамоты 1193 г. Г. Острогорский считает логариаста Михаила Хрисоверга не господином париков, а представителем византийского чиновничества (стр. 47)²³, однако нельзя забывать, что парики прямо называют его господином (*αὐθέντης*)²⁴;

²³ Так же трактует этот документ и Б. Т. Горянов. Византийское крестьянство при Палеологах, стр. 25.

²⁴ ММ, VI, р. 125.19. См. Д. Ангелов. Принос към поземлените отношения във Византия, стр. 81; Н. Glykatzki. L'épitéleia dans le cartulaire de Lemvotissa. Byz., vol. XXIV, 1954 (в действительности том вышел в 1956 г.), р. 81, анализируя акты Лемвийского монастыря, пришла к выводу, что термин *αὐθέντης* применялся при характеристике отношений прямой зависимости (*une dependance directe*). Впрочем, этот

упоминание дуки Крита в этой грамоте не противоречит признанию Хрисоверга господином этих крестьян, ибо у нас есть некоторые основания считать, что на Крите сравнительно рано начался процесс феодализации чиновной аристократии и дуки Крита стали практически феодальными сеньерами острова, — Хрисоверг в таком случае был вассалом дуки Крита.

Вряд ли правомерно термин *ἀνδροπος* переводить как парик (стр. 51), — по всему смыслу документа нотариус Керамари скорее вассал великого друнгария Гавалы, чем его зависимый крестьянин.

Нет необходимости предполагать, что земли, которые парики монастыря Лемвиотиссы продавали своему сеньеру, не входили в состав монастырских владений (стр. 57). Покупка земли у собственного держателя довольно часто практиковалась в средневековой Англии, причем покупались и те наделы, которые продавец держал от покупателя; то же самое могло иметь место и в Византии — грамота Михаила Архонтицы, продавшего в 1271 г. свою стась в деревне Дрианувена супругам Мелиссинам, которые были сеньерами Дрианувены (стр. 53 и сл.), является отличным примером сделки такого рода.

Заканчивая обзор книги Г. Острогорского, я хотел бы отметить несколько интересных мыслей, высказанных, правда, вскользь, вне непосредственной связи с основной концепцией автора. Так, Г. Острогорский рассматривает ренту как основу отношений парика и феодала (стр. 66), отмечает неравномерность цен на землю (стр. 62)²⁵, стремится выяснить отличие византийских париков от колонов Поздней Римской империи, заключающееся в том, что колон был прикреплен к земле, тогда как парик являлся зависимым человеком своего сеньера (стр. 67). Г. Острогорский отмечает наличие разнообразных категорий париков²⁶, оговаривая вместе с тем нечеткость византийской терминологии и отсутствие резких переходов между отдельными группами зависимого населения (стр. 69 и сл.); при этом он, в частности, убедительно показывает, что дулопариков нельзя отождествлять с рабами (стр. 71)²⁷.

Таким образом, мы можем видеть, что рецензируемая книга является чрезвычайно интересной, помогающей правильно понять основные черты византийского феодализма. Она подводит итоги тому, что сделано в последние годы, учитывая выводы исследований болгарских и советских историков-марксистов; вместе с тем она ставит новые проблемы и дает новые формулировки, открывая пути для дальнейшего изучения аграрной истории Византии. Конечно, в этом вопросе еще не все ясно, еще о многом можно и нужно спорить, однако три положения исследования Г. Острогорского представляются мне доказанными:

термин мог применяться и к высшим чиновникам; например, в хиландарской грамоте 1310 г. *ὁ ἐπὶ τοῦ καπικλείου* назван *αὐθέντης ἱμῶν* — V. Mošin in: A. Sovre. Dodatki h grškim listinam Hilandarja. Ljubljana, 1948, № 2.13.

²⁵ О неравномерности цен см. также Д. Ангелов. Принос у поземлените отношения във Византия, стр. 58. Иначе — Н. Glykatzki. L'épitéleia. . . , р. 92.

²⁶ См. об этом также Б. Т. Горянов. Византийское крестьянство при Палеологах, стр. 27—37; Д. Ангелов. Принос към поземлените отношения във Византия, стр. 71—93.

²⁷ Б. Т. Горянов (Византийское крестьянство при Палеологах, стр. 30) отождествляет дулопариков с рабами; Д. Ангелов (Принос към поземлените отношения във Византия, стр. 85—87) полагает, что дулопарики были близки к рабам, хотя и не являлись подлинными рабами. Наоборот, П. Харанис (P. Charanis. On the Social Structure and Economic Organisation of the Byzantine Empire. . . , р. 141) видит в дулопариках свободных бедняков.

При этом возможно, что в XV—XVI вв. термин „дулеут“ приобретает новое значение — „невольник“ (см. например, *Ἰάχωβος Τριζώλης. Ποιήματα*, hrsg. von J. Irmscher. Berlin, 1956, S. 76.148, а также S. 88.291 и 92.341).

1) византийское крестьянство X в. в своей массе было феодальным крестьянством, независимо от того, платило ли оно ренту государству или сеньерам;

2) в XI—XII вв. значительная масса государственных крестьян переходит в руки светских и духовных феодалов, хотя государство и сохраняет право известного контроля за париками на частновладельческих землях;

3) положение византийских париков характеризуется двойственностью, присущей феодальному строю.

Доказательство этих положений является большой заслугой Г. Острогорского.

А. П. Каждан

DIGENES AKRITAS, ED. WITH AN INTRODUCTION, TRANSLATION AND COMMENTARY BY J. MAVROGORDATO.

Oxford, Clarendon Press, 1956. LXXXIV, 273 p.

Обширная литература, существующая вокруг эпоса о Дигенисе Акрите, пополнилась еще одной книгой. Автор ее, Дж. Маврогордато — бывший профессор греческого языка и литературы в Оксфордском университете. Его работа представляет собой наиболее значительную публикацию по «Дигенису» со времени выхода в свет известной книги А. Грегуара¹, т. е. за последние 14 лет. Если принять во внимание, что, несмотря на многочисленные изыскания ряда ученых, «Дигенис Акрит» по сей день ставит перед исследователем немало спорных вопросов (взять хотя бы датировку памятника), то вполне понятен интерес, с которым подойдет к труду Дж. Маврогордато всякий, кто занимается историей византийской литературы. В какой же мере оправдывает рецензируемая работа этот интерес?

Книга состоит из перевода «Дигениса Акрита» (Гротта-Ферратская версия, в дальнейшем — G-F), изданного вместе с параллельным греческим текстом и снабженного критическим аппаратом и комментариями. Переводу предпослано введение². В конце книги — приложения: генеалогия Дигениса, сводная таблица содержания всех версий памятника, библиография и перечень некоторых литературных реминисценций.

Введение (р. XI—LXXXIV) охватывает (правда не полностью, как мы увидим) основной круг вопросов, связанных с «Дигенисом Акритом». В первой главе введения помещен краткий очерк истории открытия и опубликования известных версий эпоса — Трапезундской (Т), Андросской (А), G-F, Эскуриальской (Е), Оксфордской (О) и прозаической Андросской (А₂), называемой автором по имени обнаружившего ее ученого версией Пасхалиса. Маврогордато останавливается и на русской версии памятника — «Девгениевом деянии». Отметим в этой связи, что ему известен недавно обнаруженный и изданный в СССР так называемый Титовский список «Девгениева деяния»³, оригинал которого отличается большей полнотой сравнительно с Погодинским списком и, как убедительно показала В. Д. Кузьмина, точнее отражает первоначальный текст повести. Весьма ценно, что Маврогордато и в дальнейшем ссылается на этот список

¹ H. Grégoire. 'Ο Διγενής Ακρίτας. New York, 1942, λη, 236 p.

² Основные положения этого введения были вкратце изложены автором в его статье „Some Notes on the Escorial and Russian Versions of Digenis Akritas“. Προσφορά εις Στ. Κυριακίδη (= Ελληνικῶν Παράσημα, 4), Ἀθήναι, 1953, σελ. 463—468.

³ В. Д. Кузьмина. Новый список „Девгениева деяния“. ТОДРА, IX, М.—Л., 1953, стр. 339—360.

в своем введении. 1-я глава заканчивается краткой характеристикой эпоса в целом. Автор отказывается видеть в поэме произведение, написанное по официальному заказу с какой-либо преднамеренной направленностью (XIV). Это положение он удачно, на наш взгляд, развивает ниже в полемике с А. Грегуаром.

Вторая глава введения содержит характеристику отдельных версий поэмы. G-F автор склонен оценивать выше остальных по полноте и ясности изложения и как, «вероятно, наиболее раннюю» (XV). Интересно краткое сопоставление близко стоящих друг к другу А и Т, первая из которых определяется как более поздняя, написанная в романтическом стиле, тогда как в более ранней Т преобладает эпический стиль (XVI). Говоря об Е, Маврогордато выступает против гипотезы С. Кириакидиса о наибольшей древности этой версии⁴ — гипотезы, уже оспаривавшейся Д. Хесселингом⁵. В дополнение к аргументам последнего он показывает, что там, где, по мнению С. Кириакидиса, Е следует более полной традиции сравнительно с Т и G-F, имеет место лишь повторение с незначительными вариациями уже сказанного — прием, вообще характерный для этой версии, носящей явные следы устной передачи и отличающейся «свойствами баллады семнадцатого века, а не героической поэмы одиннадцатого» (XIX). Такое же сглаживание средневековых черт он видит и в О.

А₂, по мнению Маврогордато, очень близка к традиции, представленной А, но мнение это он, к сожалению, ничем не подкрепляет и противоположное суждение издателя А₂ Д. Пасхалиса, считавшего, что версия эта представляет независимую традицию⁶, представляется более аргументированным.

Маврогордато подчеркивает фольклорный характер русской версии, обилие в ней наслоений, явившихся результатом устной передачи, и показывает, что ее оригиналом не мог служить павликианский памфлет конца IX в. (гипотеза А. Грегуара). За это говорит то обстоятельство, что уже в версии, послужившей оригиналом «Девгениева деяния», существовало смещение двух границ — более ранней, современной Василию I, каппадокийской и более поздней границы по Евфрату. Весьма существенно в этой связи указание Маврогордато на то, что в недавно опубликованном Титовском списке «Девгениева деяния» вообще отсутствует эпизод единоборства Дигениса с императором — эпизод, известный лишь из Тихонравовской рукописи, представляющей более позднюю традицию повести⁷. Эпизод с поражением императора, пишет автор, «должно быть добавлен более поздним переписчиком и не является передачей какого-либо раннего греческого оригинала, распространявшегося восставшими павликианцами» (XXVI). С точки зрения гипотезы Грегуара, справедливо замечает Маврогордато, невозможно понять, «почему ни русская, ни греческие версии не обнаруживают ни следа сочувственного или враждебного отношения к павликианам» (там же). Таким образом подрывается основная аргументация

⁴ См. Σ. Κυριακίδη. 'Ο Διγενής Ακρίτας. Ἀθήναι, 1926, σελ. 20 sqq., 70 sqq.

⁵ D. C. Hesselting. La plus ancienne rédaction du poème épique de Digenis Akritas. Amsterdam, 1927 (Mededeelingen der K. Akademie voor Wetenschappen, Afd. Letterkunde, Deel 63. Serie A. № 1).

⁶ Δ. Πασχάλης. Οι Δέκα λόγοι του Διγενούς Ακρίτου, Λαογραφία, IX, 1928, σελ. 312; ср. D. Hesselting. Une nouvelle version du roman de Digenis Akritas. Byz., IV, 1927—1928, p. 171—178.

⁷ ТОДРА, IX, 1953, стр. 346. Следует отметить, что еще до появления в печати публикации В. Д. Кузьминой А. П. Каждан в своей рецензии на упомянутую книгу Грегуара показал на основании сопоставления Тихонравовской и Пыпинской рукописей «Девгениева деяния», что «эпизод столкновения Дигениса с императором вырós из сцены столкновения Дигениса с Филопапой и не является первоначальным» (Изв. АН СССР. Серия истории и философии, т. V, № 2, 1948, стр. 212).

гипотезы Грегуара, уже вызвавшей в свое время возражения Г. Вартемберга⁸.

Несколько страниц введения посвящены песням акритского цикла (*τραγῳδία*). В том виде, в каком они известны нам, т. е. после девяти столетий устной передачи, они, по мнению Маврогордато, не могут рассматриваться как источники эпоса (XXVIII). Действительно, первоначальное состояние песен нам неизвестно, в теперешнем же их виде они не дают ни одного сколько-нибудь сходного с «Дигенисом» эпизода. Все же позиция автора, отказывающегося рассматривать вопрос о связи «Дигениса Акрита» с народной поэзией, не может не вызвать возражений. Известные параллели между *τραγῳδία* и эпосом, как показали уже К. Сафа и Э. Легран⁹, вполне правомерны. Совершенно естественно, что в процессе многовековой устной традиции одни темы исчезли, другие изменились до неузнаваемости в сравнении с их первоначальными вариантами, а тем более с литературной обработкой этих тем. И тем не менее, при всей скудости материала, изучение вопроса о генетической связи византийского эпоса с народной поэзией может, как нам кажется, многое дать для лучшего понимания «Дигениса Акрита»¹⁰. Связь эту признает, по-видимому, и сам Маврогордато, когда он говорит ниже (LXIX) о промежутке времени, который «отделял солдатские песни от сделанной из них (*made out of them*) эпической поэмы». Он же приводит интересную параллель с английской поэмой *The Gest of Robyn Hode*, впервые изданной в середине XVI в. Известно, что автор ее использовал баллады, возникшие приблизительно за 100 лет до него, причем ни одна из этих баллад до нас не дошла (XXIX).

Третья глава введения содержит довольно подробный пересказ содержания поэмы с учетом всех известных нам версий. Там, где это содержание дает материал для исторических и литературных сопоставлений, пересказ прерывается краткими экскурсами. Большинство из них не вносит ничего нового, но некоторые представляют несомненный интерес. Таковы, например, соображения автора о «платке Неемана» (XXXIV, XXXV), весьма существенные для датировки первоначальной версии (на этом вопросе автор подробнее останавливается в конце введения). Приводятся замечания об апелатах (XXXVI, XXXVII), об имени царя в различных версиях поэмы (XLI, XLII). Маврогордато делает попытку охарактеризовать неизвестный нам оригинал «Девгениева деяния» (XLII—XLIV). Хотя доводы автора носят в значительной мере гипотетический характер, его точка зрения все же представляется более убедительной, чем соответствующие суждения А. Грегуара, и во всяком случае показывает, что вопрос об этом оригинале, в частности о его датировке, значительно сложнее, чем это кажется последнему. Любопытно сопоставление образа Дигениса греческих версий с героем «Девгениева деяния», в гораздо большей мере наделенным сказочными чертами (LII).

В 4-й главе автор пытается «подвести итог интерпретациям и оценкам поэмы о Дигенисе, выдвигавшимся рядом ученых, начиная с первых издателей Сафы и Леграна и кончая Анри Грегуаром» (LXI). Однако Маврогордато увлекся здесь оценкой или простым изложением отдельных тео-

⁸ H. Grégoire. Notes sur le Digénis Slave. Byz., X, 1935, p. 335 sqq.; G. Wartemberg. Geht der slavische Digenis auf ein alteres Original zurück als die erhaltenen griechischen Epen? Byz., XI, 1936, p. 320—324.

⁹ K. Sathas, E. Legrand. Les exploits de Digénis Akritas. Paris, 1875. Introduction.

¹⁰ Проблема этой, в частности, уделяет внимание С. ИмPELLIZЕРИ. Il Digenis Acritas. L'eropea di Bizanzio. Firenze, 1940, p. 23 sqq, 87 sqq.

рий, и связно и четко суммировать итоги изучения «Дигениса» (что было бы весьма существенно) ему, к сожалению, не удалось. Снова повторяет он свои доводы против павликианской направленности первоначальной версии памятника, хотя и признает справедливым отождествление отдельных героев поэмы с павликианскими деятелями (Хрисохерп — Хрисохир, Кароес — Карбеас). В поэме, говорит Маврогордато, невозможно найти ни малейшего следа павликианской доктрины, если только «не предположить, — иронически замечает он, — что имя Дигениса символизирует манихейский дуализм» (LXIV). Отметим кстати, что введение значительно выиграло бы в композиционном отношении, если бы объединенные общей темой доводы (как хотя бы «антипавликианские») были бы собраны воедино, а не разбросаны по разным местам.

Без достаточных оснований выступает Маврогордато против Н. Политиса, справедливо видевшего в «Дигенисе Акрите» национальную эпическую поэму¹¹. Маврогордато аргументирует при этом смешанным происхождением главного героя, христианским вероисповеданием почти всех его противников и малой степенью религиозного фанатизма в поэме (LXV—LXVI), будто бы размеры последнего определяют национальный характер эпического (да и не только эпического) творчества.

Весьма критически подходит автор к выводам А. Грегуара. Так, с сомнением относится он к произвольному отождествлению Дигениса с турмархом Диогеном, убитым в 788 г.¹² Вообще Маврогордато склонен скептически относиться к попыткам идентификации героев поэмы с историческими личностями. Как он замечает ниже (LXXIX, LXXXII, LXXXIII), автор поэмы, называя своих героев Дуками, Ириной, Евдокией и т. д., вовсе не обязательно имел в виду какие-либо исторические прототипы, а просто использовал широко известные в Византии имена. По мнению Маврогордато, «Дигенис» является поэмой, герой которой выражает «социальные и политические устремления и, должно быть, подобно королю Артуру, Робин Гуду или Петру Пахарю, не был отражением какого-либо определенного прототипа» (LXXXII).

Бесполезны, по мнению Маврогордато, и сопоставления отдельных эпизодов нашей поэмы со сценами из сказок тысячи и одной ночи или из латинской поэмы X в. «Вальтариус» с целью доказать факт заимствования. Очевидно, что сходство в описании подобных широко распространенных сюжетов (например, похищение невесты) само по себе еще ни о каком заимствовании не говорит.

Наибольшого внимания в заключительной главе заслуживает попытка Маврогордато пересмотреть датировку составления первоначальной версии поэмы, предложенную А. Грегуаром и до сих пор не встречавшую существенных возражений. Первоначальная редакция поэмы, по мнению последнего¹³, должна была быть составлена после 930 г., т. е. после взятия Мелитены Иоанном Куркуасом, и до 944 г., когда из Эдессы в Константинополь был перенесен «священный отпечаток (лица) Христа» (*τὸ τοῦ Χριστοῦ ἁγίου ἐκμαγεῖον*) — почитавшийся священной реликвией платок, сохранивший будто бы изображение Христа, который, по преданию, осушил этим платком свое лицо и послал его к царю Эдессы Абгару V. А. Грегуар основывается на отождествлении с этой реликвией «платка Неемана» (*τὸ Νεεμάν ... τὸ μανδύλιον*), на местонахождение которого в Эдессе наме-

¹¹ N. Πολιτίτης. Περὶ τοῦ ἐθνικοῦ ἐποικοῦ τῶν νεωτέρων Ἑλλήνων. Λαογραφικὰ Σύμμεττα, I. Ἀθήναι, 1920.

¹² H. Grégoire. 'Ο Διγενής Ἀκρίτας, p. 36 sqq.

¹³ H. Grégoire. Le tombeau et la date de Digénis Akritas. Byz., VI, 1931, p. 497; 'Ο Διγενής Ἀκρίτας, p. 108 sqq.

кает в поэме мать эмира (G-F, III, 150). Маврогордато (XXXIV, XXXV, LXXVIII) считает это отождествление произвольным. По его мнению, прежде всего трудно объяснить, почему Абгар спутан с Нееманом, сирийским военачальником, исцеленным от проказы пророком Елисеем (4-я Книга Царств, 5). В Эдессе, славившейся чудесными исцелениями, вполне могли находиться реликвии, о которых нам ничего не известно. Такой реликвией, в частности, мог быть и платок, которым вытерся Нееман после омовения в Иордане. В этом случае 944 г. как *terminus ante quem* отпадает. Но если и допустить, что упомянутая реликвия относится к Абгару, то остается еще более знаменитая эдесская святыня — письмо Христа к Абгару. Переписчик, по мнению Маврогордато, вполне мог спутать *ματῆλι* (платок) с *ματῆτο* (письмо). Между тем последнее оставалось в Эдессе не до 944, а до 1031 г., когда город был взят Георгием Маниаком. Таким образом и в этом случае датировка Грегуара оказывается неприемлемой. За XI в., по мнению автора, говорят и другие соображения. И здесь мы встречаем императора Василия — «великого завоевателя» Василия II Болгаробойцу, одного из немногих императоров, который «благодаря продолжительности своего царствования мог действительно дожить до чествования внука, после того как изгнал деда» (LXXXII) (см. G-F, IV, 56, 971 сл.). Здесь же — и Роман, но не Роман I Лакапин, продвижение которого к Евфрату положило начало «новому столетию непрерывных войн», а Роман III Аргир, начавший переговоры с арабами. Полагая, что «Дигенис Акрит» был написан в период сравнительно мирной обстановки на Евфрате, Маврогордато отвергает хронологию Грегуара, считая, что такая передышка была невозможна до побед Никифора II и Василия II. Вместе с тем, по его мнению, должно было пройти некоторое время после смерти Василия II, так как подвиги последнего успели уже обрасти легендой. Исходя из этого, Маврогордато предполагает, что поэма была написана при Константине IX Мономахе (1042—1054), при котором «почти полный мир царил на границе Сирии и Месопотамии» (LXXXIV).

Это предположение, на наш взгляд, недостаточно серьезно аргументировано, чтобы звучать убедительно. Если вообще правильно исходить, как из доказанного, из того, что поэма могла быть написана только в сравнительно мирный период, то все же это не дает достаточных оснований отрицать возможность написания поэмы в X в., на протяжении которого такие периоды, как известно, имели место. Если даже справедливо предположение автора о том, что в G-F, III, 150 речь идет о письме Христа к Абгару (что, кстати, представляется не убедительнее отождествления Грегуара), то поэма, очевидно, должна была быть написана до 1031 г., а это расходится с датировкой, предлагаемой самим Маврогордато. Аргументы же его в пользу Василия II представляются не более вескими, чем те, которые неоднократно и еще в большем количестве приводились в пользу Василия I. Таким образом, в результате попытки Маврогордато дать свою датировку «Дигениса» справедливо подвергнут сомнению *terminus ante quem* Грегуара, и это, пожалуй, наиболее существенный итог его попытки.

Ряд вопросов, встающих при изучении поэмы, не получил во введении достаточного освещения. Разумеется, от очерка подобного типа нельзя требовать подробного рассмотрения всех таких вопросов. Все же некоторым проблемам несомненно следовало уделить большее внимание. Сюда прежде всего относится вопрос о социальных (а не только чисто политических) условиях, породивших «Дигенис Акрита», об идеологической направленности памятника, о феодальных и народных его чертах. Как уже отмечалось, автор проходит мимо проблемы генезиса византийского эпоса,

не дает достаточно полной картины, литературного окружения «Дигениса», ограничиваясь по сути дела лишь приведением отдельных реминисценций. Нет во введении и цельной характеристики художественных особенностей и языка поэмы, хотя бы даже только G-F, положенной в основу издания. Это тем более досадно, что Дж. Маврогордато является крупным специалистом по греческому языку и литературе. Уже отмечались чисто композиционные недостатки введения, приведшие, в частности, к излишним повторениям (напр. XXXIV и LXXVIII). Встречаются и неточности; так, годы жизни Арефы Кесарийского Маврогордато определяет 850—932 (XXVI), между тем, по мнению М. А. Шангина, Арефа родился в 861 г. и умер не раньше 934 г.¹⁴

Вместе с тем в целом следует признать, что охваченный автором круг проблем получил интересное и, насколько это позволили размеры введения, полное освещение. Встречаются любопытные наблюдения и замечания по отдельным частным вопросам [взять хотя бы параллели к политическому стиху из древнегреческой литературы и английских баллад (XXII, прим. 2) или попытку отождествлять со святым Георгием изображение на византийской керамике XII—XIII вв. воина, поражающего дракона (XXIX, прим. 2), — изображение, в котором Грегуар видел Дигениса Акрита]. Благоприятное впечатление вызывает осторожность, с которой оперирует автор имеющимся в его распоряжении материалом, что проявилось, в частности, в его остро критическом подходе к подчас весьма шатким построениям А. Грегуара. Это относится прежде всего к освещению проблемы павликианской тенденции в эпосе и его датировке, хотя аргументацию Маврогордато следует признать более удачной в ее критической части, чем в позитивной.

Основную часть книги (1—251 стр.) занимает перевод G-F, снабженный *en regard* греческим текстом. Текст этот вместе с критическим аппаратом с самыми незначительными поправками воспроизводит публикацию Э. Леграна¹⁵, оба издания которой содержат мелкие погрешности. Отдельные пропуски в IV и VI книгах G-F Маврогордато восполняет с помощью T (1028—1092, 1100—1108, 2632—2672, 2674, 2675) и A (1617, 1619—1643).

Переводчик снабдил текст «Дигениса» историко-филологическим комментарием, явившимся, как и сам перевод, результатом многолетней работы. Комментарий Маврогордато, пожалуй, наиболее полный из всех, сделанных к «Дигенису», и в своей совокупности является важным подспорьем для всякого изучающего византийский эпос. Автор использует обширный научный аппарат, сугубо осторожен в выводах и наряду с этим стремится осветить (пусть не всегда с одинаковым успехом) все места, внушающие какие-либо затруднения. Интересны объяснения отдельных слов и выражений, допускающих различные толкования. Таковы, например, замечания к словам *ἐπιλάω* (р. 11), *ὑπαύχενον* (15, 16), *κίρκα* (32, 33), *εὐγε-νικόπουλα* (36, 37), *λευκοτρίβλαττον* (58, 59), *καμηλαυκίπτειν* (73), *μοχλόβι* (78—80), *στροινιάζων* (138, 139), *παρὰμοῦθαι* (183), *σύνθημα* (190, 191) и др.

Перевод «Дигенис Акрита», публикуемый в книге, был закончен еще в 1938 г. В своей работе переводчик пользовался советами видных английских византинистов Н. Бейнза, Ф. Маршалла и Р. Дженкинса. Перевод сделан по возможности дословно, в связи с чем автор отказался от передачи размера подлинника. Каждой строке английского перевода соответ-

¹⁴ М. А. Шангин. Письма Арефы — новый источник о политических событиях X в. ВВ. 1, 1947; стр. 246 сл.

¹⁵ E. Legrand. Les exploits de Digénis Akritas. Paris, 1892; 2-ème éd. 1902.

стует строка оригинала, что очень облегчает пользование изданием и выгодно отличает его от прозаического перевода С. Импеллицери. Как свидетельствует сам переводчик, он не пытался улучшить греческий оригинал и старался передать неуклюжие греческие выражения неуклюжими английскими. Язык перевода, как правило, свободен от инверсий и поэтических приемов. В то же время, встречаясь в оригинале с различными реминисценциями, переводчик, вполне правомерно, на наш взгляд, попытался соответственно отразить их с помощью Шекспира, Мильтона, английских баллад (VI). Таким образом, перевод отличается не только смысловой точностью, но и в известной степени стилистической.

Такой памятник, как «Дигенис Акрит», содержит ряд темных мест, перевод которых неизбежно гипотетичен. Все такие случаи оговариваются в комментариях со ссылкой на авторитет, которому следует переводчик, и с сильной аргументацией там, где он дает собственное толкование.

Если принять во внимание слова Маврогордато о том, что перевод его has been kept as literal as possible (V), то отдельные места перевода (их сравнительно немного) представляются в той или иной степени неудачными. Так, например, κλεισοβραν... ἢν Δύσκολον καλοῦσι, I, 90 (ущелье... которое зовут Непроходимым) Маврогордато переводит: pass which the y¹⁶ call Difficult. Это they по контексту ассоциируется с братьями похищенной эмиром девушки и сопровождающими их воинами, тогда как καλοῦσι употреблено здесь, по всей видимости, безлично. Ἡ τῶν γονεῶν μᾶς εὐχή, I, 145 переведено Our parent's prayer, т. е. «родителя» вместо «родителей». Ἐπειδὴ ὄρκους προῦβάλλοντο γαμβρὸν κα τὸν ἐπάροον, II, 1 переведено иносказательно: Since they had vowed that he should wed their sister. Βούλομαι σοι θαρρήσαι, II, 114 (Хочу тебе доверить) передано совсем неточно: I would dare to tell (ср. у С. Импеллицери, р. 132 — voglio confidarti). Неточен перевод ἐλυπέτο μὴ χωρισθὸν ὑποστῆ τῆς φιλάτης — pained at the thought of parting from his dear. «Не стыдись» (букв.: «не стыдящиеся» — μὴ αἰδοῦμενοι, II, 284) Маврогордато передает как «не обращая внимания» — not heeding (ср. у С. Импеллицери, р. 135 — senza vergognarsi). Πόθος ἀκραφνῆς, IV, 567 — «чистая (букв.: несмешанная) страсть» переводится: «sudden passion»; ἦν ἐλαβες ἐκ πόθου, IV, 695 — whom you desired to have; φαιδρότερος, IV, 936 (более радостный) — grander; смягчено в переводе καταρμεφθῶ ὡς ἀνάνδρος, VI, 495: I shall be called unmanly и т. д.

Одно и то же слово нередко передается разными синонимами (ср., например, ραβδὶν, I, 148; IV, 130 — mace, cudgel; μαλακίζω, I, 164; IV, 25 — wield, brandish и т. д.). Это вполне правомерно, хотя коль скоро переводчик ставил себе целью по возможности передать стиль оригинала и не «улучшать» его, ему следовало бы, на наш взгляд, отказаться от этого приема. Значительно досаднее, что выбор таких синонимов не всегда удачен. Так, например, φάρις (II, 94; 154; IV, 900; VI, 761; VIII, 108) Маврогордато наряду с mounts, palfreys и т. д. передает в одном месте (II, 154) как beasts, что грешит уже против смысла оригинала. Переводчик волен был передать δαμαλῖς (телка, heifer), употребляемое как ласкательное слово по отношению к женщине, более привычным для нашего слуха «овечка» (lamb), но во всяком случае следовало бы остановиться на чем-либо одном и не переводить то lamb (III, 290), то heifer (IV, 767).

В переводе встречаются пропуски отдельных слов оригинала. Такие случаи отчасти оговариваются в комментариях и Маврогордато сам пишет об этом в предисловии (V), хотя все же остается загадочным,

чем же были вызваны такие пропуски. При этом они отнюдь не всегда оговариваются переводчиком, например, пропуск τὸν ἔχθρον, I, 139; τῶν Σαρακηνῶν, I, 155; πολλά, IV, 318; προβάτων, IV, 876. Пропустив ὡς κυρίαν в стихе „αἰχμαλωτὸν σε ἤραξα, ἐτίμουν ὡς κυρίαν“, II, 188 (я пленницей тебя похитил, а почитал словно госпожу), Маврогордато перевел: I took you captive yet I honoured you, чем весьма «ухудшил» стиль оригинала, совершенно уничтожив его образность. Пропущен в переводе Σαμψών, II, 200, и хотя комментарий дает соответствующую оговорку, пропуск этой интересной библейской реминисценции никак нельзя оправдать.

Обширный аппарат, приведенный Маврогордато, а главное — параллельный греческий текст в известной мере компенсируют отмеченные недостатки, которые не могут поколебать высокой оценки большого труда переводчика. Рецензируемый перевод несколько не уступает, а по богатству сопровождающего его комментария даже превосходит известные нам переводы «Дигениса Акрита»¹⁷.

В конце книги помещены приложения. В начале — генеалогия Дигениса (254), составленная на материале всех версий памятника. «Ключ к генеалогической таблице» (255) дает все соответствующие места в текстах и разночтения собственных имен. Затем идет сводная таблица содержания памятника (258, 259), сопоставляющая содержание дошедших до нас версий (сюда же для сравнения привлечены 3 эпизода из песен акритского цикла). Таблица составлена так, что дает возможность проследить наличие всех существенных эпизодов поэмы в той или иной версии и найти их по приведенным номерам соответствующих стихов. В нескольких случаях указаны наиболее существенные варианты одного эпизода. Так же как и генеалогия Дигениса, таблица эта составлена весьма наглядно и несомненно явится хорошим подспорьем для занимающегося настоящим вопросом. Третье приложение — библиография (261—264), к сожалению, далеко не полная (автор, впрочем, и не задавался такой целью). Четвертое — перечень основных реминисценций (в G-F, T, A и O) из Ахилла Татия, Геллиодора и Мелитениота (265, 266). Параллели с Мелитениотом дают возможность сделать интересное наблюдение — почти каждая из них встречается одновременно в трех версиях памятника (G-F, T, A).

За приложениями следует индекс греческих слов (по изданию Э. Леграна) и индекс к введению.

В целом, несмотря на ряд недостатков, в известной мере неизбежных в книге, посвященной такому памятнику, как «Дигенис Акрит», большой труд Дж. Маврогордато интересен не только для специалиста, но и для каждого интересующегося византийской культурой.

А. Я. Сыркин

¹⁷ См. переводы T: C. Sathas, E. Legrand. Les exploits de Digénis Akritas. Paris, 1875 (на франц. яз.); Byzantské epos Basilios Digenis Akritas. Pfl. K. Muller, v Praze, 1938 (на чешск. яз.); G-F: Det bysantska eposet om basileios Digenis Akritas. Översättning jämte inledning av. S. Lindstam. Göteborg, 1940 (Göteborgs Kungl. vetenskaps-och vitterhets samhälles handlingar. Femte följden. Ser. A, Bd. 7, № 1) (на швед. яз.) и уже упоминавшийся итальянский перевод С. Импеллицери (Firenze, 1940).

¹⁶ Здесь и в дальнейшем разрядка наша — А. С.

ХРОНИКА

ВИЗАНТИНОВЕДЕНИЕ В ЛЕНИНГРАДЕ
В 1950—1956 гг.

В 1950—1956 гг., как и в предшествующие годы¹, научно-исследовательская работа византистов Ленинграда была сосредоточена преимущественно в византийской группе Ленинградского отделения Института истории АН СССР и на кафедре византиноведения (с 1950 г. — кафедре истории средних веков и Византии) истфака ЛГУ. До января 1955 г. как группу, так и кафедру возглавлял крупнейший советский византист проф. М. В. Левченко (1890—1955). В работе группы принимали непосредственное участие византисты Эрмитажа, Государственной публичной библиотеки и других научных учреждений Ленинграда. На многие заседания приглашались археологи, слависты, востоковеды, историки древнерусской литературы и другие специалисты смежных областей исторической науки.

Проф. М. В. Левченко продолжал работу над монографией о византийско-русских отношениях. В связи с этим в 1950—1951 гг. он сделал ряд сообщений на заседаниях византийской группы и кафедры византиноведения на темы: «Первое крещение Руси», «Поход Игоря на Константинополь и русско-византийский договор 944 г.», «Трактат Константина Порфирородного», «Византийско-русские отношения в XII в.», «Византия и Русь в XIV—XV вв.» и др.

В несколько расширенном виде исследование о трактате Константина Порфирородного было зачитано М. В. Левченко на V византиноведческой сессии Отделения истории и философии АН СССР (1950 г.), а затем опубликовано в VI томе «Византийского временника».

В 1951 г. М. В. Левченко был сделан ряд сообщений о византийско-русских отношениях X—XV вв. («Византийско-русские отношения в XII в.», «Византия и Русь в XIV—XV вв.» и др.) и в 1952 г. в основном завершена работа над монографией «Византия и Русь», в обсуждении которой приняли широкое участие не только византисты, но и историки СССР, литературоведы, историки искусства и др. Выступавшие, сделавшие ряд критических замечаний по отдельным вопросам, затрагивавшимся в монографии, отмечали высокую научную ценность исследования, которое представляет интерес как для специалистов, так и для широкого круга читателей.

В последующие годы наряду с подготовкой к печати перевода труда Арафия Миринейского и монографии «Византия и Русь» М. В. Левченко работал над новой темой «Византийский город в IV—VI вв.», в связи с которой им были сделаны переводы произведений Синезия и написано

¹ См. Е. Э. Липшиц. Византиноведение в Ленинграде в 1946 и 1947 гг. ВВ, т. II, 1949, стр. 387—389; Е. Э. Липшиц. Византиноведение в Ленинграде в 1948—1949 гг. ВВ, т. IV, 1951, стр. 274—277.

несколько исследований, в частности статья «Пентаполь по письмам Синезия».

На заседании византийской группы в апреле 1952 г. М. В. Левченко сделал доклад на тему «Византия и Крым», в котором автор выступил против не подтвержденной данными источников переоценки роли славянского населения Крыма. Доклад вызвал оживленный обмен мнениями по вопросу о роли славян в Крыму, в котором приняли участие Л. А. Мацулевич, А. Л. Якобсон, М. А. Тиханова и др.

Ряд сообщений М. В. Левченко был посвящен вопросам историографии Византии, среди которых следует особо отметить доклад на тему «Советское византиноведение» (глава для II тома «Истории исторической науки в СССР») и доклад «Русско-византийские отношения в освещении русской дореволюционной, зарубежной и советской историографии».

В то же время М. В. Левченко вел большую работу по редактированию VI и VII томов «Византийского временника».

Член-корреспондент АН СССР Н. В. Пигулевская продолжала вести исследовательскую работу по изучению проблем восточного и византийского города IV—VI вв., его строя, ремесла и торговли, народных движений и особенностей перехода от рабовладения к феодализму на Востоке — в Иране, Южной Аравии и в Византии. По первой проблеме Н. В. Пигулевской была завершена работа над вышедшей в 1951 г. в свет монографией «Византия на путях в Индию», отдельные разделы которой обсуждались в виде докладов на заседаниях византийской группы. На эту же тематику Н. В. Пигулевской был сделан ряд сообщений в 1952—1955 гг.

Проблеме перехода от рабовладения к феодализму в Византии был посвящен специальный доклад на византийской группе 20 мая 1953 г., вызвавший оживленный обмен мнениями по вопросу о специфике этого перехода на Востоке и в Византии. Н. В. Пигулевская сделала ряд сообщений на другие темы, в частности она выступила с оценкой рецензий на «Византийский временник», опубликованных в журнале «Byzantion».

Старший научный сотрудник ЛОИИ Е. Э. Липшиц работала над темой о византийской культуре иконоборческого периода, отдельные проблемы которой были доложены автором и обсуждены на заседаниях византийской группы и кафедры византиноведения ЛГУ, в частности сообщение о павликианском движении в Византии VIII—первой половины IX в., в котором был убедительно показан его плебейско-демократический характер по сравнению с более широким по представленным в нем социальным слоям иконоборческим движением.

Оживленный обмен мнениями вызвал доклад Е. Э. Липшиц «Из истории социально-экономических отношений в Византии VII—IX вв.», в котором автор на основании изучения малоисследованных источников, в частности «Морского закона», и последних данных археологии осветил ряд важных вопросов истории города этого «темного» периода византийской истории, в частности вопросов о состоянии городского ремесла, морской и сухопутной торговли, значении города в жизни общества этого времени.

К этой теме примыкает и сообщение Е. Э. Липшиц «Народные движения и византийская культура VIII—IX вв.».

С 1952 г. Е. Э. Липшиц работала над переводом «Геопоник» и изучением содержащихся в этой «Византийской сельскохозяйственной энциклопедии X в.» ценнейших данных о сельскохозяйственной технике и агротехнической культуре Византии этого времени. На материале «Геопоник» Е. Э. Липшиц подготовлен ряд статей по технике земледелия, виноградарству и виноделию в Византии X в. Наряду с этим Е. Э. Липшиц также

работала в 1955—1956 гг. над изучением проблемы перехода от рабовладения к феодализму в Византии. Этой теме, в частности, посвящена помещенная в 1955 г. на страницах журнала «Вестник древней истории» дискуссионная статья «Проблема падения рабовладельческого строя и вопрос о начале феодализма в Византии».

М. В. Левченко, Е. Э. Липшиц и Н. В. Пигулевская подготовили совместно с Б. Т. Горяновым и в 1951 г. опубликовали «Сборник документов по социально-экономической истории Византии», обсуждавшийся в 1950 г. на ряде заседаний византийской группы.

Заведующая отделением Государственного Эрмитажа старший научный сотрудник А. В. Банк продолжала изучение византийских материалов эрмитажной коллекции, проблемы культурных взаимоотношений Византии и Востока по данным вещественных памятников (см. статьи и рецензии в ВВ, тт. V, VI, VII, VIII, IX), а также искусства средневековой Болгарии и Сербии. В настоящее время А. В. Банк работает над разработкой архива Н. П. Лихачева по византийской сфрагистике и подготовкой его труда к изданию.

Кроме А. В. Банк, проблемами истории Византии занимаются научный сотрудник Эрмитажа В. С. Шандровская и И. В. Соколова. В. С. Шандровская специализируется в области изучения византийской литературы, в частности басенного эпоса, а также культуры поздней Византии. Ею завершена работа по переводу и изучению басен «Рассказ о четвероногих», «Рассказ о фруктах», «Синаксарь почтенного осла» и др. В настоящее время В. С. Шандровская занимается темой «Черты быта и ремесла в Византии XIII—XV вв. по данным греческих источников народной литературы».

Аспирантка Эрмитажа И. В. Соколова специализируется в области византийской нумизматики и работает над составлением научного каталога византийских монет VIII—X вв. Кроме того, ею был написан доклад «Древнеболгарские монеты в музеях СССР», зачитанный на заседании секции нумизматики сессии ИИМК в 1956 г. В июле этого же года на совместном заседании византийской группы и Отдела нумизматики Гос. Эрмитажа И. В. Соколова сделала доклад «Экономическое положение Византии в VIII—IX вв. по нумизматическим данным». На основании анализа нумизматического материала доклада пришла к выводу, что хотя в VIII в. в Византии и происходило некоторое сокращение товарного производства, торговли и денежного обращения, но говорить о почти полном их прекращении, глубоком упадке в течение VIII—IX вв. нельзя. Товарное производство в Византии этого времени было несомненно значительно более развито, чем на Западе. Доклад вызвал оживленный обмен мнениями, в ходе которого выступили И. Г. Спасский, А. В. Банк, Е. Э. Липшиц и др.

Большую работу в 1950—1956 гг. по византийской тематике вели Е. Ч. Скржинская, член-корреспондент АН Груз. ССР Л. А. Мацулевич, А. Ф. Вишнякова, Е. Э. Гранстрем, Н. С. Лебедев и А. Л. Якобсон.

Кандидат исторических наук Е. Ч. Скржинская осуществила первый русский перевод «Истории» Олимпиодора, сохранившейся в извлечениях Фотия, и составила к нему подробный комментарий, являющийся, по существу, самостоятельным исследованием.

Е. Э. Гранстрем (Государственная публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина) продолжала работать над изучением и систематизацией греческих рукописей, имеющих в хранилищах Советского Союза, выступив с рядом сообщений на эту тему на византийской группе («Неизданный палимпсест ГПБ им. Салтыкова-Щедрина медицинского содержания»;

«Обозрение греческих рукописей собрания АН СССР и др.) Большое внимание привлек доклад Е. Э. Гранстрем 22 мая 1953 г. «Предварительные соображения по подготовке каталога греческих рукописей ГПБ». В выступлениях подчеркивалась настоятельная необходимость сделать широко известными сокровища советских собраний, дать полное, строго научное описание греческих рукописей, прежде всего из ценнейшего собрания ГПБ, поскольку московские рукописи в большинстве своем уже известны, а ленинградские еще далеко не изучены. В 1956 г. Е. Э. Гранстрем выступила на группе с докладом «Византийский минускул», в котором ставила своей задачей проследить особенности и этапы развития минускульного письма в Византии, дать классификацию типов минускульных памятников, выяснить, какие особенности минускульного письма возникли в Византии раньше, а какие позже, чем на Западе.

Н. С. Лебедев (Библиотечный институт) продолжал работу над подготовкой к печати неизданных исследований крупнейшего русского византиниста В. Г. Васильевского.

С. В. Полякова и И. В. Феленковская подготовили в 1950—1955 гг. к печати переводы византийской сатиры «Тимарий», анонимного трактата «Полное описание вселенной и народов». Ими же написан ряд рецензий, опубликованных на страницах «Византийского временника». В настоящее время они совместно с Р. А. Наследовой готовят к печати перевод сочинения фессалоникского клирика Иоанна Камениаты и комментарии к нему.

На заседаниях византийской группы кроме перечисленных выше штатных сотрудников институтов АН СССР с докладами и сообщениями выступали А. В. Банк, Л. А. Мацулевич, А. Ф. Вишнякова и др. А. Ф. Вишняковой в 1950 г. были доложены результаты ее работы над темой «Византийская дипломатия в IX—X вв.», сделано сообщение «Византийские зоологии как материал по истории византийского быта» и доклад «Византийская философия в конце IX и X вв.». В 1952—1953 гг. А. Ф. Вишняковой подготовлена статья «Византийско-грузинские дипломатические отношения конца IX—X вв.», доложенная на заседании византийской группы. В настоящее время А. Ф. Вишнякова работает над подготовкой к печати работы покойного М. А. Шагина «Византийское книжное письмо».

На заседании византийской группы ЛОИИ совместно с кафедрой византиноведения 28 марта 1950 г. с докладом «К начальным русско-византийским отношениям. Антский воинский знак или византийское знамя бандон» выступил член-корреспондент АН Груз. ССР Л. А. Мацулевич. Доклад, построенный на материале найденного при раскопках в Поднепровье памятника, вызвал оживленный обмен мнениями, в ходе которого выступавшие отмечали большой интерес сообщения для изучения славяно-византийских отношений и исключительно толкий по методике анализ памятника.

Большое внимание привлек доклад А. В. Банк «Некоторые спорные вопросы в истории византийского искусства» (20 ноября 1952 г.), где, в частности, был вновь широко поставлен вопрос о роли античных традиций в византийском искусстве и об использовании античного наследия в интересах различных социальных групп византийского общества.

На заседаниях группы с докладами выступали и не-византинисты. Так, с интересным сообщением «Древнерусская повесть о взятии Константинополя в 1204 г.» выступил Н. А. Мещерский.

Ряд докладов по аграрным отношениям и монастырскому землевладению в Византии XIV—XV вв. в 1950—1951 гг. сделала аспирантка

Е. А. Соколова, приведшая убедительный материал о классовом расслоении в византийской деревне этого времени, организации монастырского землевладения и ряде других вопросов.

Р. А. Наследова выступала на византийской группе с критикой взглядов Ксаналотоса по вопросу о социально-экономических отношениях в Македонии XI в. Ею же был сделан доклад на тему «Македонские славяне» по материалам ее диссертации.

С сообщениями «Павликианское движение в Армении и Византии» (10 мая 1951 г.) и «Классовая борьба в Византии в 1186—1240 гг.» (по теме диссертации — 10 ноября 1954 г.) выступил аспирант ЛОИИ К. Н. Юзбашян.

Было заслушано также сообщение аспиранта ЛГУ Г. Л. Курбатова «Два восстания в Антиохии в IV в.» и обсуждены рецензии И. Ф. Фихмана на работы ряда зарубежных византистов.

В 1950—1956 гг. ленинградские византисты принимали участие в подготовке и обсуждении материалов для «Византийского временника» и в рецензировании ряда диссертаций.

На заседаниях византийской группы были также обсуждены главы по истории Византии, подготовленные для III тома «Всемирной истории». В ходе обсуждения были высказаны ряд критических замечаний и пожеланий по разделам социально-экономической истории и отмечена известная фрагментарность раздела о культуре Византии.

Специальное заседание византийской группы в феврале 1955 г. было посвящено вопросу об увековечении памяти М. В. Левченко. Для подготовки к печати его значительного рукописного наследства — исследований и переводов, была создана комиссия в составе Е. Э. Липшиц (председатель), И. Ф. Фихмана и Г. Л. Курбатова. Н. С. Лебедев взял на себя составление библиографии трудов М. В. Левченко (см. ВВ, т. VIII, стр. 388—390).

К настоящему времени из подготовленных М. В. Левченко к печати работ издана статья «Проблема русско-византийских отношений в русской дореволюционной, зарубежной и советской историографии» (ВВ, т. VIII, стр. 7—25), подготовлена и опубликована в IX т. «Византийского временника» работа «Пентаполь по письмам Синезия» (стр. 3—44). В мае 1956 г. вышла из печати монография М. В. Левченко «Очерки по истории византийско-русских отношений» — основной труд покойного ученого.

В декабре 1955 г. на заседании группы истории средних веков ЛОИИ, привлекая внимание многих историков Ленинграда, были заслушаны сообщения участников X Международного конгресса византистов в Стамбуле в сентябре 1955 г. члена-корреспондента АН СССР В. Н. Лазарева и Э. В. Удальцовой.

На том же заседании состоялась широкая авторская конференция «Византийского временника». Выступившая от редколлегии журнала Э. В. Удальцова информировала авторов о планах организации сектора византиноведения в Институте истории АН СССР и о необходимой в связи с этим перестройке работы редколлегии, сделала ряд критических замечаний в адрес авторов отдельных статей.

Выступавшие (Н. В. Пигулевская, О. Л. Вайнштейн, А. В. Банк, Е. Ч. Скржинская, М. К. Каргер и др.) критиковали «Византийский временник» за известную узость тематики, отмечали отсутствие статей по истории византийской литературы, истории византийского права, по вопросам идеологии и философии и ряду других важных разделов византиноведения, отмечая, что редколлегия не ориентировала специалистов на необходимость разработки этих проблем. Указывалось на необходимость расширить

раздел рецензий и обеспечить своевременное рецензирование и аннотирование наиболее важных работ как советских, так и зарубежных на страницах «Временника». Был также высказан ряд других пожеланий об улучшении качества издания.

22 февраля 1956 г. состоялось совместное заседание Ученых советов Ленинградского отдела Института истории АН СССР, Института истории материальной культуры АН СССР и Исторического факультета ЛГУ, посвященное памяти М. В. Левченко. После краткого вступительного слова члена-корреспондента АН Арм. ССР Б. Б. Пиотровского были заслушаны сообщения Е. Э. Липшиц доложила о судьбах научного наследства М. В. Левченко. С воспоминаниями об ученом выступили: проф. А. Д. Люблинская («М. В. Левченко в Ленинградском университете»), Н. С. Лебедев («М. В. Левченко как организатор»). А. В. Банк рассказала о подготовленной к открытию выставке византийской культуры и искусства в Эрмитаже. С сообщением о греческих рукописях советских собраний выступила Е. Э. Гранстрем.

Значительным событием в жизни ленинградских византистов в 1956 г. явилось открытие 23 марта выставки византийской культуры и искусства в Государственном Эрмитаже, подготовленной заведующей отделением А. В. Банк совместно со старшим научным сотрудником В. С. Шандровской и И. В. Соколовой. Выставка открылась впервые после войны. В занимаемых ею трех залах представлены лучшие памятники византийского искусства IV—XV вв. из коллекций Эрмитажа. Особенно удачно и достаточно полно представлены серебряные изделия, резьба по кости, иконы, особенно позднего периода, византийские ткани. Хорошо представлены монеты, и удачно показано размещение монетных дворов в Византии. Некоторые из экспонатов были приобретены в последние годы и на выставке экспонируются впервые. Выставка, представленные на ней произведения искусства, ее экспозиция обсуждались на заседании византийской группы.

В 1950—1956 гг. ленинградскими византистами был защищен ряд диссертаций.

Доцент Е. Э. Липшиц в 1951 г. защитила докторскую диссертацию на тему «Византийское общество и его культура в VIII—IX вв.». В январе 1955 г. кандидатскую диссертацию на тему «Византийский басенный эпос и его значение для истории культуры Византии XIV в.» защитила В. С. Шандровская, а в феврале 1955 г. Р. А. Наследова (на тему «Город Фессалоника и македонские славяне по данным Иоанна Каменнаты»). В мае 1956 г. на историческом факультете ЛГУ состоялась защита ассистентом Г. Л. Курбатовым кандидатской диссертации «Городские курии и сословие куриалов в ранней Византии IV—VI вв.». Подготовлена к защите диссертация К. Н. Юзбашяна «Византия накануне IV крестового похода». Над диссертациями по византийской тематике работают также аспиранты И. В. Соколова (Эрмитаж), Р. М. Бартикян (ИИМК), подготавливающий диссертацию на тему «Источники по истории павликианского движения».

Г. Л. Курбатов

ЮБИЛЕЙ Л. А. МАЦУЛЕВИЧА

7 ноября 1956 г. исполнилось 70 лет со дня рождения и 45 лет научной деятельности известного советского исследователя византийского искусства члена-корреспондента АН Грузинской ССР Леонида Антоновича Мацулевича. Ученик Н. П. Кондакова и Д. В. Айналова, Л. А. Мацулевич является блестящим мастером тонкого стилистического и техни-

ческого анализа памятников искусства. Им были изучены и оценены в совершенно новом свете многие памятники богатейшей коллекции Эрмитажа, в котором Л. А. Мацулевич работал почти 30 лет (с 1919 по 1948 г.), возглавляя более двух десятилетий Отделение Византии, созданное благодаря его усилиям.

Перу Л. А. Мацулевича принадлежит ряд ценных исследований в области ранневизантийского искусства. Мировую известность приобрела его работа «Byzantinische Antike» (1929 г.), в которой путем глубокого и тонкого анализа ранневизантийской торевтики прослеживается отражение в ранневизантийском искусстве процесса варваризации Византии. Термин «византийский антик», предложенный Л. А. Мацулевичем, прочно вошел в науку. Глубокий интерес к взаимоотношениям Византии с варварской периферией обусловил и известный поворот исследовательской работы ученого в сторону изучения памятников Северного Причерноморья и Кавказа. Продолжением и развитием работы, начатой в «Византийских антиках», является другое произведение Л. А. Мацулевича — «Византийские антики в Прикамье» (1941 г.).

В настоящее время ученый продолжает исследовательскую работу, завершая монографию о мозаиках Пицунды, в которой, в частности, прослеживаются ранние сиро-палестинские связи грузинского искусства.

Юбилея тепло приветствовали многочисленные научно-исследовательские учреждения и музеи страны, приславшие свыше 20 приветствий. Среди них: Институт истории материальной культуры АН СССР, Институт истории АН СССР, Государственный Исторический музей, Эрмитаж, Высшее художественное промышленное училище, Государственный Херсонесский музей, Одесский археологический музей, Институт истории и Академия истории грузинского искусства АН Грузинской ССР и Музей истории и искусства Грузии — учреждения, с которыми Л. А. Мацулевич был много лет связан по совместной плодотворной работе.

Многочисленные приветствия поступили и от зарубежных учреждений и отдельных ученых (Болгария, Румыния, Чехословакия, Польша, ГДР, ФРГ, Швеция, Италия). В приветствии Института греко-римских древностей АН ГДР говорится: «Мы ценим в Вас выдающегося исследователя в области византийского восточноевропейского искусства, чьи работы, получив широкое распространение за пределами Советского Союза, плодотворно воздействовали на науку».

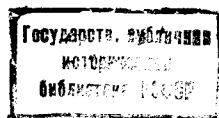
Советские ученые от души желают юбиляру дальнейшей плодотворной работы в области изучения византийского искусства.

Г. К.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

AASS	— Acta Sanctorum Bollandiana
AB	— Analecta Bollandiana
BB	— Византийский временник
ВДИ	— Вестник древней истории
ВИ	— Вопросы истории
BSH	— Bulletin de Correspondance Hellénique
BS	— Византийский сборник. М.—Л., 1945
BGA	— Bibliotheca Geographorum Arabicorum
Byz.	— Byzantion
BZ	— Byzantinische Zeitschrift
CIL	— Corpus Inscriptionum Latinarum
Dig.	— Digesta. Corpus Juris Civilis, recog. P. Krueger et Th. Mommsen
ETH	— Edictum Theodorici regis, ed. F. Bluhme. MGH. Legum sectio I, vol. V
FHG	— Fragmenta Historicorum Graecorum
ЖМНП	— Журнал Министерства народного просвещения
ЗАН	— Записки Академии наук
ЗИВ	— Записки Института востоковедения
ИВАН	— Институт востоковедения АН СССР
ИЖ	— Исторический журнал
ИИАК	— Известия Императорской Археологической комиссии
ИИБИ	— Известия на Института за българска история
ИМ	— Историк-марксист
ИП	— Исторически преглед
ИРАИК	— Известия Русского археологического института в Константинополе
ИРГО	— Известия Русского географического общества
JHS	— Journal of Hellenic Studies
Jus	— Jus Graeco-Romanum, ed. Zachariae a Lingenthal
КСИВ	— Краткие сообщения Института востоковедения
КСИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КСИС	— Краткие сообщения Института славяноведения
MGH	— Monumenta Germaniae Historica
ΜΚΝΣ	— Μεσαιωνικά καὶ Νέα Ἑλληνικά
MM	— Ed. F. Miklosich et J. Müller. Acta et diplomata Graeca medii aevi...
Nov. Just	— Novellae Justiniani
ОИДР	— Чтения Общества истории и древностей российских
ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей
PG	— J. P. Migne. Patrologiae cursus completus. Series Graeca
PL	— J. P. Migne. Patrologiae cursus completus. Series Latina
RE	— Pauly—Wissowa. Real Encyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft, hrsg. von W. Kroll

CA	— Советская археология
CB	— Советское востоковедение
CC	— Славянский сборник
CЭ	— Советская этнография
Cassiod. Variæ	— Cassiodori Senatoris Variæ, MGH. Auct. ant., vol. XII
Cod. Just.	— Codex Justinianus
Cod. Theod.	— Codex Theodosianus
SBAW	— Sitzungsberichte der Bayerischen Akademie der Wissenschaften
ТОДРА	— Труды отдела древнерусской литературы

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи и исследования

Е. Ч. Скржинская (Ленинград). О склавенах и антах, о Мурсианском озере и городе Новиетуне. (Из комментария к Иордану)	3
А. Р. Корсунский (Москва). К вопросу о византийских завоеваниях в Испании VI—VII вв.	31
Я. Ферлуга (Белград—Югославия). Архонтат Далмации	46
Дж. Бошковиц (Белград—Югославия). Византийская археология в Югославии перед новыми проблемами	53
М. Я. Сюзюмов (Свердловск). Внутренняя политика Андроника Комнина и разгром пригородов Константинополя в 1187 году	58
Н. П. Соколов (Горький). Венеция и Византия при первых Палеологах (1263—1328)	75
Б. Т. Горянов (Москва). Поздневизантийский иммунитет. (Окончание)	97
Ю. В. Бромлей (Москва). Из истории аграрных отношений в Хорватии второй половины XV—XVI в. (Окончание)	117
А. В. Соловьев (Женева—Швейцария). Византийское имя России	134
В. К. Чалоян (Ереван). Естественнонаучные воззрения Анании Ширакаци	156
З. В. Удадьцова (Москва). К вопросу о социально-политических взглядах византийского историка XV в. Критовула	172
Ив. Дуйчев (София—Болгария). О древнерусском переводе «Рыдания» Иоанна Евгеника	198
Е. Б. Веселаго (Москва). Историческое сочинение Лаоника Халкокондила. (Опыт литературной характеристики)	203
П. В. Ернштедт (Ленинград). Среднеперсидское в греческих и коптских папирусах	218
М. М. Копыленко (Одесса). Гипотактические конструкции славянорусского перевода «Хроники» Георгия Амартола	232
Р. А. Кацнельсон (Москва). К вопросу о взаимоотношениях архитектуры восточных и южных славян и Византии	242
Л. М. Меликсет-Бек (Ереван). Graeco-Byzantina в древнеармянском Liber epistolarum	263

Критика и библиография

А. А. Зимин (Москва), Г. Л. Курбатов (Ленинград). М. В. Левченко. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., Изд-во АН СССР, 1956, 553 стр. + 1 карта	270
И. Ф. Фихман (Ленинград). О главах по источниковедению истории Византии в труде проф. А. Д. Люблинской «Источниковедение истории средних веков». Л., Изд-во ЛГУ, 1955, 374 стр.	284
И. К. Кусикьян (Москва). Памятные записи армянских рукописей XV века. Часть первая (1401—1450 гг.). Составил Л. С. Хачикян. Институт истории АН Арм. ССР. Материалы по истории армянского народа. Книга шестая. Ереван, Изд-во АН Арм. ССР, 1955, XVI + 820 стр.	289
М. Паулова (Прага—Чехословакия). Византиноведение в Чехословацкой республике за последние годы	291

Ю. Моджеевский (Варшава — Польша). Работы польских ученых в области византийской папирологии (1945—1955)	304
Б. Крекич, И. Николаевич-Стойкович (Белград — Югославия). Византиноведение в Югославии в 1948—1956 гг.	311
Б. Т. Горянов (Москва). Gyula Moravcsik. Die byzantinische Kultur und das mittelalterliche Ungarn. Sitzungsberichte der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Klasse für Philosophie, Geschichte, Staats-, Rechts- und Wirtschaftswissenschaften. Jahrgang 1955, № 4, Akademie-Verlag, Berlin, 1956	327
А. П. Каждан (Москва). G. Ostrogorskij. Quelques problèmes d'histoire de la paysannerie byzantine. Corpus Bruxellense Historiae Byzantinae, Subsidia II. Bruxelles, 1956, 80 p.	330
А. Я. Сыркин (Москва). Digenes Akritas, ed. with an introduction, translation and commentary by J. Mavrogordato. Oxford, 1956, LXXXIV + 273 p.	340

Хроника

Г. Л. Курбатов (Ленинград). Византиноведение в Ленинграде в 1950—1956 гг. Юбилей Л. А. Мацулевича	348 353
Список сокращений	355

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
19	27 сн.	ἀ ἡρεστα	ἀνῆρεστα
21	13 св.	ἡριστα	ἡριστα
24	5 сн.	комитета	комита
47	5 сн.	l'Egipre	dans l'Egipre
60	10 сн.	покупал и	покупали
64	25 сн.	ἀρχὰς	ἀρχὰς
76	11 сн.	Понпелье	Монпелье
83	3 сн., 14 сн.	} L'empire latin	Versuche
87	7 сн.		
91	3 сн.		
97	11 сн.	κεφαλαιον	κεφάλαιον
97	16 сн.	απ π σης	ἀπὸ πάσης
97	16 сн.	εις ρα εως	εἰσπράξεως
97	19 сн.	λυσ ς	λύσις
109	19 сн.	ῆ	ῆ
135	15 св.	проживших	проживавших
220	1 сн.	ρουζικόν	ρουζικόν
288	25 св.	эргастерии	„эргастерий“
288	28 св.	αύστημα	σύστημα
288	28 св.	σωματεῖον	σωματεῖον
288	5 сн.	Ἐπετηοῖς Ἐταιροῖας	Ἐπετηοῖς Ἐταιροῖας
308	16 сн.	römischee	römischen
308	17 сн.	beforn	before
313	16 сн.	problèmes	problèmes d'histoire
339	16 сн.	in:	in
352	9 св.	1240	1204

Ю. Моджеевский (Варшава — Польша). Работы польских ученых в области
византийской папирологии (1945—1955) 304
Б. Крекич, И. Николаевич-Стойкович (Белград — Югославия). Ви-

Б.

А.

А.

Г.
Юс

Сп

Византийский временник, т. XII

Утверждено к печати Институтом истории
Академии наук СССР

*

Редактор издательства Н. Н. Леман
Технический редактор П. С. Кашина

*

РИСО АН СССР № 38—748. Сдано в набор
14/VI—1957 г. Подписано к печати 18/IX—1957 г.
Формат 70 × 108¹/₁₆. 22,5 печ. л. — 30,82 усл.
печ. л. 30,7 уч.-издат. л. Тираж 1600 экз.
Т-08905. Изд. № 1997. Тип. зак. № 201.

Цена 18 р. 40 коп.

*

Издательство Академии наук СССР
Москва, Б-64, Подсосенский пер., д. 21.
1-я типография АН СССР.
Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12.